

ЭЛИЗАБЕТА ЛЕВИН

СЕЛЕСТИАЛЬНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Москва
Амрита-Русь
2006

УДК
ББК
?

Элизабета Левин

? Селестиальные близнецы. – М.: Амрита-Русь, 2006. – 144 с.

ISBN

Элизабета Левин – израильский физик, доктор наук и одновременно практикующий астролог с двадцатилетним стажем. Такое необычное сочетание позволило автору произвести оригинальный синтез научных и метафизических подходов.

«Селестиальные близнецы» – это результат многолетних исследований автора. В основу книги положены истинные исторические совпадения, произошедшие с 18 парами (или даже тройками) выдающихся людей, родившихся одновременно в разных странах. Особенно невероятными и поразительными в этой книге стали те истории, в которых такие «звездные» близнецы повстречались в этой жизни, чтобы совместными усилиями добиться феноменальных успехов.

На многочисленных примерах автор убедительно показывает, что наблюдаемые параллели в жизни селестиальных близнецов невозможно объяснить в рамках существующих научных теорий, принимающих во внимание только фактор наследственности и фактор влияния окружающей среды. Вдобавок к этим общепринятым факторам, влияющим на формирование личности, автор вводит третий фактор – фактор времени (названный Θ -фактором).

Новый подход и зачастую провокационные идеи и методики, приведенные в этой книге, способны, по мнению автора, произвести переворот в общественном сознании, способствуя возрождению астрологических традиций Кеплера и подтверждению голографических теорий Бома.

Книга «Селестиальные близнецы» впервые была представлена автором в Италии в 2003г. на семинаре известного физика Дэвида Пита «Синхронность – мост между материей и мозгом», посвященном памяти Юнга.

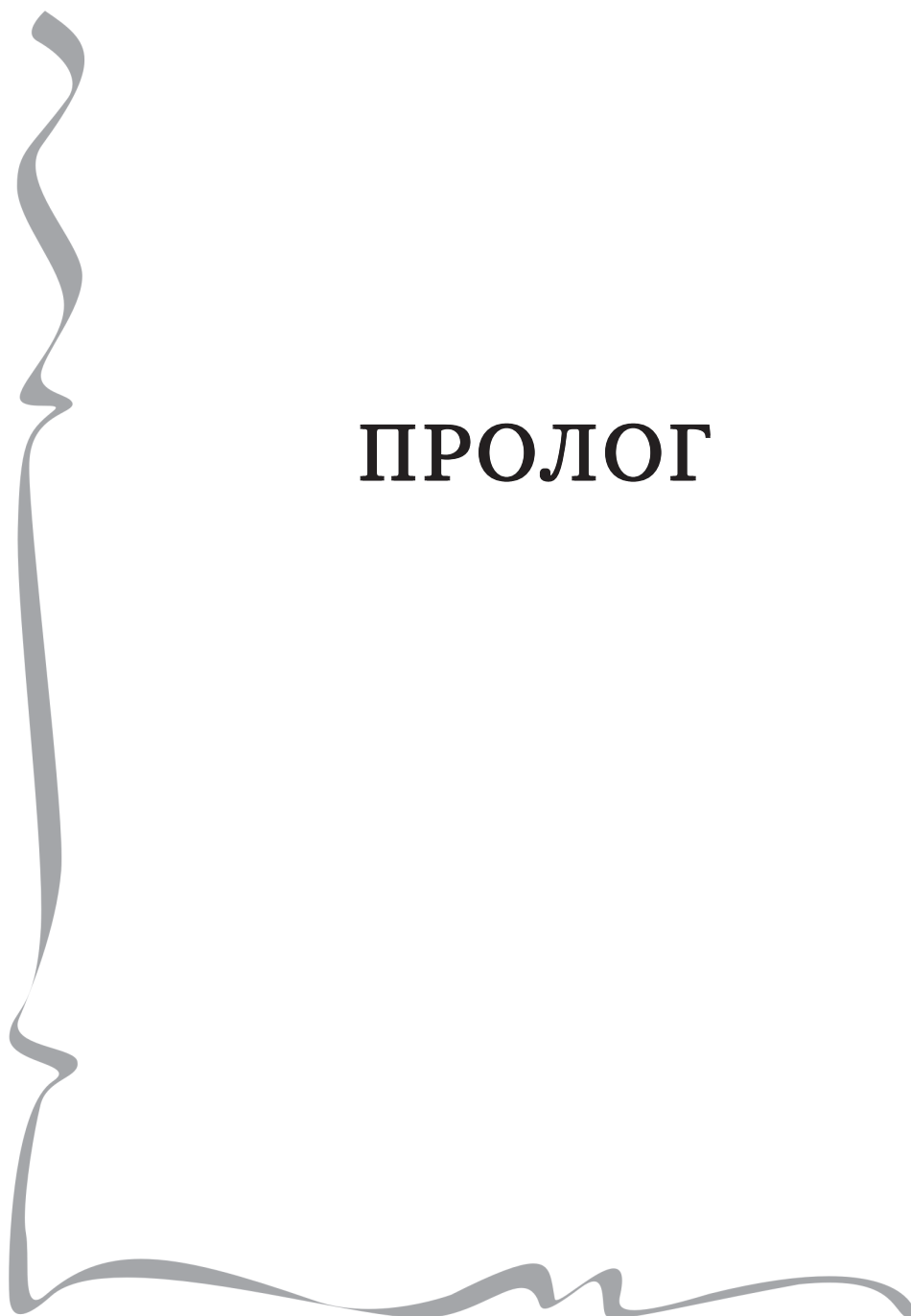
УДК
ББК

ISBN

© Elizabetha Levin, 1999–2006
© Амрита-Русь, 2006

Соломону

ПРОЛОГ

*Судьба нас делает братьями
Никто не одинок на своем пути...*
Э. Маркхем

Приглашение в мир неожиданностей

Эта книга приглашает заглянуть в удивительный мир неожиданностей, выявляя и анализируя поразительное сходство характеров и параллельность судеб у людей, родившихся и выросших в различных социально-экономических, этнических и культурных условиях.

Принято считать, что у каждого человека есть своя единственная личность и своя неповторимая судьба; что каждому человеку присущи его личные черты характера, его характерные мышление, чувства и действия. Так ли это на самом деле? Так ли мы в действительности единственны в своем роде? Или, точнее, насколько схожими могут быть наши особые черты характера и наши судьбы? Возможно ли, что где-то рядом за углом или же где-то в дальних странах живут наши «духовные близнецы», хотя и рожденные другими родителями?

Нам часто хотелось бы повстречать того, кто бы понимал нас без слов; чувствовал бы и мыслил, как мы; любил бы то же, что и мы – повстречать наше зеркальное отображение или копию. На протяжении веков двойники настолько волновали воображение драматургов и писателей, что во многих языках стало популярным немецкое слово *doppelgänger*, пущенное в обиход французским писателем Ж. П. Рихтером, специализировавшемся на описаниях всевозможных двойников (от близнецов до зеркальных отображений). Тем не менее, мы привыкли думать, что двойники существуют только в мире поэтических образов, в то время как в реальной жизни нет никаких шансов на встречу с себе подобным. Похоже, что лишь идентичным близнецам дано реализовать эту фантастическую мечту; большинство же людей смиряются с вынужденным одиночеством.

Настоящее исследование осмеливается подвергнуть сомнению это бытующее мнение. Более того, оно демонстрирует возможность найти не связанных кровными узами людей, степень сходства характеров и судеб которых не уступает степени сходства между идентичными близнецами. Первая часть книги – «Совпадения» – содержит сравнительные биографии трех пар таких «двойников». Каждый из героев этих историй был известной исторической личностью с беспрецедентной судьбой. И тем не менее... Оба героя первой главы вошли в мировую историю как наиболее одиозные фигуры в окружении Гитлера. Оба героя второй главы были героическими заговорщиками, планировавшими наиболее близкое к успеху покушение на Гитлера. Оба героя третьей главы избавили чело-

вечество от одного из наиболее смертельных заболеваний – дифтерии. Каждый из героев этих историй имел «двойника» с идентичной жизненной целью, использовавшего идентичные методы для ее достижения и достигшего идентичных результатов. Или короче: у «двойников» были похожие основные черты характера и похожие судьбы.

«Но где же обещанные неожиданности?» – может спросить разочарованный читатель. Ведь это достаточно банально, что многие люди могут стремиться к достижению общей цели, используя похожие методы и получая подобные результаты. Действительно, биографии всех этих героев тщательно изучались биографами и историками, но ничего поразительного, кроме самого факта уникальности их жизненного пути, отмечено не было. И все-таки, за видимой «банальностью» скрывается удивительная неожиданность. Поразительно то, что в каждой из пар этих «двойников» наши герои были рождены одновременно – в один день одного года!

И, если уже само по себе странно, что в трех парах известных людей судьбы симультанно рожденных героев стали похожими, то еще более поражают результаты систематического сравнения этих «двойников». Трудно себе даже представить такое количество значительных совпадений на различных уровнях человеческого существования: сходство в ранней окружающей среде и в полученном образовании; сходство в образе мышления и действий; сходство в чувствах и в стремлениях; физическое сходство и похожая смерть. Невозможно поверить, что вся эта длинная цепь совпадений является случайностью. Логичнее предположить, что за переплетением этих многочисленных совпадений скрывается неведомый нам закон.

Сегодня принято считать, что существуют только два фактора, ответственных за формирование нашей личности: наследственный (или генетический) фактор и фактор влияния окружающей среды. Так как герои «Совпадений» были рождены в разных семьях и воспитывались в разных странах, то ни один из вышеуказанных факторов не мог повлиять на сходство между этими «двойниками». Для объяснения сходства между ними приходится предположить существование дополнительного – нового фактора – названного нами Θ (Тета)-фактором, или фактором времени рождения (греческая буква Θ в этой книге обозначает время рождения). Если такой фактор существует, то люди, рожденные одновременно (то есть в течение определенного короткого интервала времени), должны обладать большим сходством, чем другие люди, не имеющие общей наследственности и выращенные в разных средах.

В целях первоначального исследования Θ -фактора было решено ограничиться анализом людей, рожденных в течение одного дня одного года и названных *селестиальными близнецами*. Может возникнуть вопрос, почему для определения селестиальных близнецов был выбран интервал времени рождения равный одному дню, а не, скажем, одному часу или одной минуте? Ведь даже астрологи считают, что уже четырех минут разницы в моменте рождения достаточно для формирования различных личностей и судеб! Тем не менее, предварительные исследования показали, что большинство современных людей (не говоря уже о

людях прошлого) не располагают настолько точными данными о моменте рождения. К примеру, даже время рождения будущего короля Англии Георга VI не было зафиксировано с такой точностью, и расхождение в разных записях превышает 40 минут («Король и поэт»). Большинство людей не придает особого значения точному времени рождения, и биографы обычно указывают лишь год или, в лучшем случае, дату рождения. Так как в наше время *день* рождения является наиболее точной доступной информацией о моменте рождения, то именно этот интервал времени был выбран в качестве единицы simultaneity (одновременности). Принимая во внимание возможность ошибки даты в случаях рождения ночью, мы решили допустить погрешность измерения в один день. Таким образом, когда говорится, что «двойники» были рождены одновременно, то подразумевается, что, либо биографы приводят идентичные даты рождения (как в двух первых главах), либо допускается разница в один день (как в третьей главе).¹ В дальнейшем, при использовании выражений «рождены одновременно», «в один день одного года», или «имеют одинаковый Θ -фактор», имеется в виду, что точная разница во времени рождения может меняться от нескольких минут до 48 часов.

Задачей книги стала систематическая проверка, имеют ли селестиальные близнецы схожие личности и судьбы. Хотя основные цели исследования были ясны, экспериментальная программа сразу же столкнулась с серьезными проблемами, требовавшими ответа на следующий ряд вопросов:

- Как определить, что такое «судьба»?
- Как отыскать селестиальных близнецов?
- Как сравнивать жизни селестиальных близнецов?

Для изучения человеческой жизни, обладающей сложной многоплановой природой, необходимо применять разносторонние междисциплинарные методы. Например, для того чтобы понять корни любой личности, необходимо познакомиться с историческим и культурным наследием вырастившего ее народа и конкретной семьи. Для изучения формирования характера необходимо знание принципов и методов детской психологии. Для оценки исторической значимости работ выдающихся людей необходимо познакомиться с историей соответствующих научных или культурных областей, связанных с их деятельностью. Для постижения природы судьбы необходимы познания в астрологии – единственной области, которая осмеливается анализировать это мистическое понятие.

Так как из всех вопросов понятие «судьбы» остается самым расплывчатым, а методы и принципы астрологии являются самыми спорными, то они заслуживают особого внимания перед детальным описанием задач и методологии настоящего исследования.

Судьбы идентичных и селестиальных близнецов в качестве природной базы для изучения Θ -фактора

Издавна излюбленными аргументами противников астрологии стали доводы св. Августина (354–430), утверждавшего, что, с одной стороны, люди, рожденные

под одинаковой звездной конфигурацией, не наделены одинаковыми характерами и конституцией; а с другой стороны, однайцовые близнецы, зачатые одновременно, редко разделяют одну и ту же судьбу. Но оказывается, что св. Августин никогда не пытался экспериментально проверить свои умозаключения. Более того, он не учитывал, что для сравнительной характеристики двух явлений необходимо четко определить, что и как нужно сравнивать. К сожалению, повседневная речь страдает расплывчатостью, и нам трудно понять, что именно подразумевал св. Августин под словами «характер», «конституция», «судьба». Какие именно параметры нашей жизни он сравнивал? Ведь человеческая жизнь являет собой многомерный мир с бесконечным числом переменных; в этом многоплановом мире одновременно сосуществуют сознательные и подсознательные порывы, действия, мысли, чувства, ощущения, мечты, сны. Св. Августин не сумел объяснить, что он подразумевал под «судьбой», и таким образом основной параметр в его рассуждениях не был определен даже качественно, не говоря уже об отсутствии методов его количественной оценки. Его аксиома о невозможности «одинаковой судьбы» лишь интуитивно утверждала, что «нечто предопределенное» всегда различно у разных людей. И хотя никто толком не знал, о каком таком таинственном «нечто» шла речь, это аксиоматическое положение стало общепринятой истиной.

Большинство астрологов, отстаивая правомерность своего учения, тем не менее, не видели необходимости опровергать св. Августина. Наоборот, они стремились объяснить неизбежность разницы между однайцовыми близнецами тем, что значительные перемены на звездном небе, происходящие каждые четыре минуты, вполне достаточны для различия в характерах и судьбах близнецов. С астрологической точки зрения можно было бы ожидать идентичности только от людей, имеющих идентичные гороскопы. Так как обычно интервал между временами рождения близнецов превышает десять минут, то их гороскопы, как правило, различны, и астрология не требует от них разделять одну судьбу. Люди считались бы бесспорными астрологическими близнецами, если бы они родились *точно* в тот же момент времени в *точно* том же месте, что, конечно же, невозможно. В других случаях проверка «одинаковости» звездной конфигурации требует сравнения карт, полученных путем математических выкладок. Так как методы вычислений различных школ зачастую дают разные результаты, то возможность найти бесспорных астрологических близнецов выглядит очень трудной (а может быть и невыполнимой) задачей. Таким образом, астрологи фактически не находили в доводах св. Августина серьезных противоречий с астрологией.

Первые серьезные доводы против св. Августина возникли в результате развития новой междисциплинарной области знания – науки о близнецах – основанной сэром Фрэнсисом Гальтоном (1822–1911). Интерес к близнецам был велик испокон веков, но обычно люди относились к ним со смешанными чувствами ужаса и восхищения. Гальтон взглянул на близнецов по-новому, увидев в них предмет своего научного исследования. Он писал: «в человеке феномен близнецов является как бы природным экспериментом, позволяющим различать влияния наследственности и среды».²

По мере развития генетики, психологии и науки о близнецах старинные слова «судьба», «доля» и «рок» постепенно отеснялись современными понятиями «ком-

плексов», «архетипов» и «наследственной предрасположенности». В то время как астрологи продолжали обсуждать философские вопросы о природе судьбы и о роли в ней свободного выбора, исследователи близнецов стали задаваться вопросом, как и какие параметры личности необходимо измерять для научного сравнения между людьми. Результаты, полученные при тестировании близнецов, однозначно показали, что их интеллект, способности и наклонности, проявляли поразительное сходство. Напротив, обследования детей-сирот, воспитывавшихся в детском доме в идентичных условиях, выявляли резкие различия в интеллекте и способностях. Так как со времен Гальтона считалось, что лишь наследственность и среда могут определять наши задатки, то из этих работ следовало, что наследственность играет более важную роль, чем среда.

По мере роста интереса к вопросам сходства между близнецами, возрастала потребность в новых техниках эксперимента. Одним из самых обещающих способов исследования стал метод сравнения идентичных близнецов, разлученных в младенчестве и воспитанных в разных семьях. Значимость этого метода уникальна тем, что он является единственным способом изучения человеческих особенностей, позволяющим оставлять генетический параметр постоянным при переменных параметрах окружающей среды. Самый серьезный недостаток этого метода состоит в сложности отыскания достаточного числа таких близнецов, так как случаи разлучения близнецов чрезвычайно редки и являются результатом войны или трагедий. Тем не менее, ученым удалось обнаружить и изучить более чем сто пар разлученных в детстве идентичных близнецов. Методы тестирования, использованные разными исследователями, не поддавались стандартизации. Каждый ученый отдавал предпочтение своим излюбленным способам, будь то тестирование интеллекта (IQ) или личное интервью; тесты Роршаха или сравнение историй болезни; изучение особых привычек (курения, алкоголизма, жестикуляции) или сравнение медицинских данных. Несмотря на объективные трудности количественной оценки таких статистически ограниченных тестов, было очевидно, что помимо внешнего сходства у близнецов наблюдалось необычайное сходство характеров, вкусов, привычек и пристрастий. К примеру, об одной из таких пар братьев, разлученных в младенчестве и встретившихся только в 39 лет, исследователи писали: «Совпадения были столь разительны, что, казалось, не обошлось без вмешательства сверхъестественных сил. Оба брата болели одними и теми же болезнями, одновременно резко поправились, имели одни и те же увлечения, были заядлыми курильщиками и предпочитали сигареты одной и той же марки, были дважды женаты, в течение нескольких лет проводили отпуск в одних и тех же местах, у обоих была привычка грызть ногти, перед домом у каждого из них была красивая зеленая лужайка, а под деревом стояла белая скамейка».³

Если согласиться с крылатой фразой писательницы Джордж Элиот, что «характер – это и есть судьба», то современные исследования, демонстрирующие сходство характеров близнецов, тем самым утверждают, что одновременно зачатые близнецы «обречены» иметь одинаковый характер, а, следовательно, и судьбу. В таком случае можно считать, что второй довод св. Августина против астрологии не выдержал научного испытания.

Исследования идентичных близнецов, являющихся частным случаем селестиальных близнецов, могут послужить моделью для изучения Θ -фактора и астрологии. Но для того чтобы проверить состоятельность первого довода св. Августина против астрологии («рожденные под одинаковой звездной конфигурацией не наделены одинаковыми характерами»), нужно сначала выяснить, с какой точностью следует определять момент «одинаковой звездной конфигурации», и какая корреляция между «характерами» достаточна для того, чтобы считать их одинаковыми. Сегодня астрологи придают точному моменту и месту рождения решающее значение в определении характера и судьбы; в результате им приходится оперировать с громоздкими «звездными конфигурациями», для определения которых требуется проверить более 40 параметров. Такие сложные системы практически не поддаются научным методам проверок. Тот факт, что разлученные в детстве идентичные близнецы, являясь, как правило, лишь приблизительными (а не точными) астрологическими близнецами, тем не менее, демонстрируют едва ли не мистическое сходство личностей, наводит на мысль о достаточности оперирования с *приблизительными* данными о моменте рождения. В этом случае можно было бы заменить десятки сложных астрологических параметров одним, легко измеряемым Θ -фактором. Подобно тому, как идентичные близнецы, выращенные порознь, рассматриваются в качестве природного эксперимента по разделению влияний наследственности и среды, селестиальные близнецы могут стать природным экспериментом по разделению влияний наследственности и Θ -фактора. Так как селестиальные близнецы, как правило, не воспитываются в идентичной среде и не являются астрологическими близнецами, то от них трудно ожидать идентичности. Если Θ -фактор, действительно, играет какую-либо роль в формировании личности и судьбы, то следует ожидать, что селестиальные близнецы будут более похожи, чем просто чужие друг другу люди. Если такое сходство будет обнаружено, то и первая часть довода св. Августина против астрологии будет опровергнута.

Для изучения Θ -фактора было бы желательно использовать методы, подобные тем, что применялись в исследованиях идентичных близнецов, выращенных порознь. Но выбор методов усложняется как разногласиями между учеными по поводу того, какие компоненты личности следует тестировать, так и спорами о способах тестирования. К примеру, как нужно сравнивать между «Я» двух разных людей, если каждый из них состоит из множества различных «Я», меняющихся в течение его жизни? Люди находятся в процессе постоянного становления и непрерывного изменения. Практикующие психологи и астрологи предпочитают сегодня оперировать с понятиями способностей, возможностей и потенциалов, подчеркивая роль свободной воли индивидуума в их реализации. Они считают, что любой измеряемый параметр личности (будь то $\text{I}\Theta$ или гороскоп) является лишь характеристикой наших возможностей, и только наш свободный выбор определяет, реализовать ли эти способности или нет. Так, например, американский астролог Изабель Хикки писала: «Характер – это и есть судьба. Ничто не бывает застывшим в нашем мире. Мы способны меняться, изменяя наши намерения и привычки... Звезды предопределяют, но не принуждают. Понимание планетарных влияний позволяет взять

жизнь в собственные руки, и при желании, разумное использование планетарных влияний может способствовать нашему развитию».⁴

Исследователи близнецов столкнулись с подобными проблемами свободы воли, когда они обнаружили, что даже гены только предопределяют, но не принуждают. Признавая вслед за Гальтоном наличие лишь двух факторов (наследственности и среды), влияющих на свойства личности, современная наука оказалось неспособной объяснить некоторые поразительные результаты исследований идентичных близнецов, разлученных в младенчестве. Так, С. Фарбер с удивлением отмечала, что: «Чем меньше контактов было между близнецами, тем ближе были результаты оценок их личностей.... Не выдавшие друг друга близнецы были чаще похожи, чем близнецы, имевшие достаточно возможностей идентифицировать себя друг с другом»⁵. Для объяснения этого парадокса Фарбер предположила, что общение между близнецами служит причиной возникновения психологических конфликтов, в результате которых у каждого из близнецов возникает стремление «искусственно» выработать свое независимое «Я». Легко заметить, что эта провокационная гипотеза сродни базисному мировоззрению Хикки. В то время, как астролог предполагает, что знакомство со своей картой (символическим зеркалом души) способствует проявлению собственной свободы воли и приобретению индивидуальности, ученый, со своей стороны, предполагает, что знакомство со своим близнецом (зеркальным отображением или копией) способствует стремлению обрести индивидуальность. Оба подхода полагают, что характер и судьба зависят от нашей свободной воли, и таким образом, они могут быть различными даже у однояйцевых близнецов, родившихся в одночасье и выращенных вместе.

Этот важный философский вывод вводит дополнительный, случайный фактор свободной воли, делая почти невозможной и без того сложную задачу сравнения между близнецами. К примеру, согласно такому подходу, ни наличие высокого ИЮ, ни прекрасное расположение Меркурия, ответственного за мышление, никому не гарантируют творческих успехов. Ни один из существующих методов тестирования интеллекта не способен предсказать достижение успеха конкретной личностью, так как каждый человек свободен выбирать, реализовать или нет свои таланты.

Для того чтобы найти подходящий метод сравнения судеб и характеров селестальных близнецов, нужно найти такой способ, который бы сводил к минимуму возможные «помехи» свободы воли. Для этого пришлось еще раз пересмотреть понятия характера и судьбы. Нам трудно принять, что «характер – это и есть судьба», и нам кажется, что речь идет о двух, хотя и взаимосвязанных, но, тем не менее, различных характеристиках нашей жизни. Характер, будучи характерным способом мыслить, чувствовать, мечтать и т.д., по своей природе принадлежит к нашему внутреннему (наиболее сокровенному) духовному миру. Напротив, судьба, являясь тем, что случилось или что еще случится с конкретным человеком, принадлежит к внешнему миру событий и находится у всех на виду. Иными словами можно сказать, что судьба – это наш след в материальном мире; она отражает наше взаимодействие с окружающей средой. В то время как характер – это лишь склонность к определенному типу поведения (а не само поведение), судьба – это результат на-

ших реальных действий. Характер относится к нашим субъективным переживаниям; судьба является видимым проявлением характера во внешнем мире, где другие люди могут ее объективно оценить. Характер живущих людей трудно тестировать в силу его изменчивости, так как, если свобода воли действительно существует, то она должна главным образом проявляться в характере, т.е. на том уровне, где мы принимаем решения о готовности к реализации способностей. Характер умерших людей еще труднее поддается какому-либо анализу из-за отсутствия необходимой объективной информации. Анализ судеб живущих людей тоже достаточно проблематичен, так как, меняя характер, мы можем, очевидно, повлиять и на судьбу. И лишь на судьбы умерших людей свобода воли не может оказать влияния, и они поддаются относительно объективному сравнению. Вследствие этого мы решили, что именно судьбы селестиальных близнецов из прошлого могли бы стать естественной базой для изучения астрологии и Θ -фактора.

В силу того, что многие люди по разным причинам не развивали или не проявляли свои врожденные способности, их след в окружающем мире и в истории остался менее заметным по сравнению с вкладом людей, добившихся мировой славы. «Совпадения» были настолько поразительны именно потому, что они сравнивали яркие судьбы уже ушедших известных людей, чьи биографии были детально описаны и оценены с точки зрения исторической перспективы. Сравнение выдающихся людей прошлого, с одной стороны, гарантирует наличие у таких индивидуумов максимального стремления к самовыражению, а с другой стороны, предотвращает опасности влияния исследователя на дальнейшую судьбу анализируемых людей и уменьшает шансы субъективных оценок их деятельности. Дополнительным, но не менее важным доводом в пользу сравнения судеб выдающихся личностей прошлого является наша убежденность в том, что человеческая жизнь слишком хрупка и дорога, чтобы ею заниматься без предварительного научного исследования и обсуждения.

«Совпадения», замеченные нами случайно, послужили пробным исследованием селестиальных близнецов и отправной точкой для поиска новых методологий. На основании полученных результатов мы пришли к выводу, что метод сравнительных биографий наиболее выдающихся селестиальных близнецов прошлого может ответить на вопрос, какой из факторов формирования личности оказывал на них наибольшее влияние: фактор наследственности, фактор влияния среды или Θ -фактор.

Метод сравнительных биографий наиболее выдающихся селестиальных близнецов.

*Мы переживаем больше, чем
мы способны проанализировать.
А.Н. Уайтхед*

В настоящее время самым доступным, надежным и объективным источником информации об индивидуальной жизни и судьбе являются биографии. С середины XVIII века биография, как независимая ветвь искусства, получила широ-

кую популярность в западном мире. Концентрируя внимание на вопросах личной жизни и характера, она со временем приобрела репутацию уважаемой отрасли исторических наук, цель которой изучение жизни отдельного человека.

К сожалению, биографии мало чем могут помочь ученым, занимающимся тестированием характера. Зачастую они являются пестрым набором случайных воспоминаний, сообщая непропорционально много данных по одним вопросам и обходя молчанием другие. Биографы вправе представлять героев в свете своих субъективных оценок, ограничиваясь, например, анализом их профессиональных достижений или, напротив, попытками проникнуть в сокровенные миры подсознательной и интимной жизни. Они вправе сообщать даты или игнорировать их; описывать личные качества или умалчивать об определенных поступках и чертах характера. Как при помощи такой разношерстной информации можно сравнивать характерный образ мышления, восприятия и поведения определенной пары людей, если, например, биографии одного из них концентрируются преимущественно на снах (К. Г. Юнг, «Исследователи человеческой души»), в то время как биографии второго относятся почти исключительно к административной и научной работе (У. Л. Брэгг, «Люди, волны и таблицы»)? В этом смысле биография отдельного человека всегда остается ограниченной, так как, не будучи в силах воссоздать образ героя во всей его полноте, она вынуждена оставлять в тени значительные части его личности.

Чтобы обойти эту проблему, мы обратились к *сравнительной биографии*. В отличие от обычной биографии, сравнительная биография не ставит своей целью поиск абсолютной правды, она не ищет сенсаций и не пытается приподнять завесу с ранее скрытых сторон жизни анализируемых героев. Сравнительная биография, как метод изучения судеб селестиальных близнецов, занимается лишь сопоставлением уже существующих биографических материалов, стараясь ничего не добавлять к опубликованным фактам. Основной посылкой такого подхода является предположение, что наличие у селестиальных близнецов похожих характеров и судеб неизбежно должно повлечь за собой сходство их отображений во внешнем мире. Иными словами, если селестиальные близнецы действительно похожи, то и их биографические материалы должны главным образом освещать одинаковые стороны их жизни. Таким образом, не ставя задачей оценивать или проверять достоверность тех или иных событий, мы рассматриваем весь имеющийся в нашем распоряжении биографический материал как базу экспериментальных данных для сравнения. Следовательно, если биографии таких людей, как Юнг и Брэгг, относятся к разным плоскостям человеческой жизнедеятельности, то из этого следует, что у них были разные судьбы. Юнг и Брэгг не были селестиальными близнецами, и нет ничего удивительного в их различиях. Поразительно то, что биографии поэта А. Мачадо (селестиального близнеца Юнга) действительно отражают его сны, в то время как биографии А. Т. Додсона (селестиального близнеца Брэгга) относятся почти исключительно к его административной и научной работе. Этот пример показывает, что очевидные недостатки использования биографий для анализа отдельных личностей могут превратиться в явные преимущества для сравнительного анализа судеб.

Таким образом, можно сказать, что настоящее исследование Θ -фактора сводится к составлению сравнительных биографий выдающихся селестиальных близнецов в целях анализа их сходства и различия.

В поисках выдающихся селестиальных близнецов

В последние годы стремительное развитие компьютерной техники способствовало появлению большого числа энциклопедий и значительно облегчило доступ к кратким биографическим данным об ученых, поэтах, писателях и прочих исторических личностях. И, тем не менее, процесс поиска выдающихся селестиальных близнецов оказался не простой задачей.

Даты рождения более чем 10000 знаменитых людей, достигших мировой славы в различных областях, были собраны из следующих основных источников:

- Лауреаты Нобелевской премии: «Nobel Prize Winners»⁶
- Литература: «Encyclopedia of World Literature in the 20th Century»⁷
- Наука: «Biographical Encyclopedia of Scientists»⁸
- Музыка: «Musicians since 1900»⁹
- Общие данные: «Britannica»

Из этих первичных данных было выделено несколько сотен групп потенциальных селестиальных близнецов. Однако это число значительно сократилось из-за необходимости подтверждения даты рождения: в силу исключительной важности этого параметра в нашем исследовании не могла быть включена ни одна пара героев (какими бы поразительно похожими не казались их судьбы), если хотя бы у одного из них точная дата рождения не приводилась несколькими независимыми источниками.

Подтверждение даты рождения стало едва ли не самой критической и трудоемкой стадией этого исследования. Просматривались многочисленные биографические и автобиографические книги, брошюры и статьи, написанные на различные темы на разных языках. Во многих из них были досадные опечатки в датах рождения; во многих описывались самые разные причины, по которым люди подделывали дату рождения. Нам встречались, например, случаи преднамеренного обмана в целях скрытия внебрачной связи или избежания воинской повинности. Однако самый забавный случай дезинформации, с которым нам пришлось столкнуться, произошел с писателем Стефаном Джеймсом. Мечтая познакомиться со знаменитым Джеймсом Джойсом, он подделал свою дату рождения так, будто бы они оба родились в один день одного года! Затея удалась, писатели подружились, и только через много лет после смерти обоих биографы обнаружили подлог. Этот пример особенно ярко продемонстрировал необходимость в очень осторожном подходе к первичным данным. При наличии наименьшей тени сомнения в дате рождения хотя бы в одном из источников, соответствующие имена немедленно вычеркивались из списка.

Несмотря на такие строгие требования, оставшийся список селестиальных близнецов был все еще слишком длинным. Так как составление сравнительных биографий требует изучения огромного количества информации, мы, не видя

никакой возможности проанализировать в одной книге все найденные пары, решили ограничиться только некоторыми из них. При отборе мы руководствовались стремлением охватить как можно больший круг различных групп людей, который бы включал мужчин и женщин, представителей разных наций, исповедывавших разные религии и принадлежавших к различным социальным классам. Кроме того, в силу возможности существования связи между Θ -фактором и астрологией, было желательно проверить влияние этого фактора во всех знаках зодиака. Окончательный список имен состоял из двенадцати пар (или даже троек) селестиальных близнецов. В этот список вошли поэты и ученые, политики и математики, музыканты и психологи, короли и «нищие». Национальные корни героев были (в алфавитном порядке) австралийского, австрийского, американского, английского, еврейского, ирландского, испанского, каталонского, литовского, немецкого, польского, русского, украинского, французского и швейцарского происхождения.

Поиск селестиальных близнецов был успешно завершен. Теперь требовалось сопоставить их жизненные пути и произвести сравнение их судеб с помощью специально разработанного Θ -факторного анализа. Сравнительные биографии и результаты проведенного анализа изложены во второй части книги, названной «Сходства и контрасты: селестиальные близнецы, рожденные в двенадцати знаках зодиака».

Θ -факторный анализ

Методика настоящего исследования не подразумевала никаких предварительных гипотез об ожидаемых результатах исследования селестиальных близнецов. Все замечания и выводы, изложенные в последующих главах, тем более интересны, что они полностью вытекают из соответствующего биографического материала.

Учитывая интердисциплинарный характер данного исследования, мы старались прибегать к максимальному числу различных методов анализа судьбы и личности, включая краткий исторический обзор и анализ семейной атмосферы раннего детства; психологические трактовки и астрологические комментарии. Тем не менее, книга рассчитана на широкий круг читателей и не требует предварительных специальных знаний. Необходимо также отметить, что использование автором некоторых бытующих методов анализа личности и судьбы никак не означало признание их справедливости. В частности, мы нигде не требовали от читателя ни симпатии к астрологии, ни ее опровержения, надеясь лишь, что новый экспериментальный подход к этому древнему искусству может породить новый взгляд на него.

Настоящее исследование отличается от предыдущих исследований теорий личности тем, что основным методом оценки личности стал специально разработанный Θ -факторный анализ. В отличие от привычных биографий отдельных людей, Θ -факторный анализ ставит своей целью не оценку отдельных единичных

фактов индивидуальной жизни, а рассмотрение их в сопряжении с подобными же фактами в жизни других людей, имеющих общий Θ -фактор. При этом кажущиеся единичные или «точечные явления» в жизни отдельного человека рассматриваются как часть целого «отрезка времени» жизнедеятельности нескольких людей.

Поясним подробнее. Хотя личные биографы каждого из героев нашего исследования старались наиболее полно осветить их жизнь, они, тем не менее, не имели возможности проверить истинность своих догадок о причинах формирования уникальных личностей своих героев или о мотивах их поведения в конкретных ситуациях. Концентрируясь на индивидуальной жизненной драме, биограф зачастую склонен забывать, что для объяснения одиночного факта могут быть приведены самые разные причины. Не имея научного метода проверки своих выводов, биограф вынужден полагаться на интуицию или на здравый смысл. С точки зрения науки, истинная причинность существует только в тех случаях, когда подобные «причины» порождают подобные же эффекты; если этого не происходит, то какими бы привлекательными не казались нам предложенные объяснения, они будут оставаться лишь призрачными, а не реальными. Пользуясь Θ -факторным анализом, мы сумели обнаружить, что в большинстве случаев попытки применить подобного рода «отдельные» объяснения биографов о причинах поведения их героя к параллельным проявлениям в жизни его селестиальных близнецов обернулись полнейшим провалом, превращая популярные доводы всего лишь в мало обоснованные гипотезы.

Например, рассмотрим популярный психологический вопрос, почему некоторые люди способны расцветать даже в наименее подходящих условиях, в то время как другие увядают, несмотря на самую благоприятную среду? Почему, например, Харт Крейн (один из наиболее выдающихся американских литераторов) умер рано, покончив жизнь самоубийством, в то время как Илья Эренбург (один из наиболее выдающихся российских литераторов) пережил репрессии и мирно умер в своей постели в возрасте 76 лет? Привычный ответ на подобный вопрос утверждает, что все люди разные. Но сейчас, в свете Θ -факторного анализа, мы зададим более каверзный вопрос: почему селестиальный близнец Крейна, Эрнест Хемингуэй (один из наиболее выдающихся американских литераторов), тоже покончил жизнь самоубийством, в то время, как селестиальный близнец Эренбурга, Павло Тычина (один из наиболее выдающихся украинских литераторов), подобно Эренбургу, был «мастером выживания», так же мирно скончавшимся в собственной постели в те же 76 лет? («Затерявшиеся в море» и «Мастера выживания»). В этом случае предыдущий парадоксальный вопрос становится еще более непонятным: почему оба советских селестиальных близнеца, рожденных одновременно, процветали при самых угнетающих обстоятельствах, в то время, как оба американских селестиальных близнеца, рожденных в другой день, не вынесла жизни даже в наиболее свободной стране? Общепринятый ответ, что все люди разные, теряет здесь всякий смысл.

Таким образом, Θ -факторный анализ, оперируя фактами не только из единичных жизней, но и событиями («со-бытиями») из определенных групп си-

мультиплексных жизней, сталкивает нас с проблемой контрастов между разительным сходством *внутри* групп сестер близнецов и столь же значительными различиями *между* разными их парами. К примеру, почему оба известных сестер близнеца – британские политические деятели лорд и леди Астор – утратили способность любить и ощутили себя стариками едва перейдя за 60, в то время, как каталонский музыкант, Пабло Казальс и его британский коллега и сестер близнец, Лайонел Террис, оба продолжали выступать, оба нашли свою большую любовь, и оба женились на талантливых молодых исполнительницах после того, как им перевалило за 80? («Сплетенье судеб» и «Мастера звука»). Почему в одной паре сестер близнецов (швейцарский психолог и литератор, Карл Юнг, и испанский поэт, Антонио Мачадо) оба героя были погружены в мир грез и оба отличались наличием множественных «Я», в то время, как в другой паре британские литераторы (Дэвид Гарнетт и Виктория Сэквилл-Уэст) оба изучали ботанику и зоологию, и оба состояли в гомосексуальной (или лесбийской) связи с членами одной и той же известной семьи? («Исследователи человеческой души» и «Писатели, фермеры и гедонисты»). Почему оба сестер близнеца, французский поэт литовского происхождения, Оскар Милош, и российский поэт, Максимилиан Волошин, будучи известными своими пророческими писаниями для посвященных, отвергали любые математические подходы, в то время, как другая тройка лингвистов и математиков (российский поэт Велемир Хлебников и немецкие ученые Германн Вейль и Теодор Калуца) старалась свести всю картину мира исключительно к математике? («Путешественники по вселенным» и «Короли времени»).

Список такого рода вопросов и возможных ответов может заполнить всю книгу; сейчас же нам важно отметить лишь то, что во многих случаях, где «конвенциональные» биографические методы не могли предположить никаких видимых причин для столь значительных совпадений, Θ -факторный анализ вносил порядок в кажущийся хаос нашего мира. В свете этого подхода создается впечатление, будто единый поток жизни одновременно отражается и преломляется в личных жизнях сестер близнецов, и, если воспринимать эти жизни, как составные части единого целого, то кажущиеся разрозненными события в таких отдельных жизнях неожиданно приобретают новое значение.

Как уже ранее упоминалось, одной из наиболее сложных проблем для Θ -факторного анализа являлось отсутствие стандартизации исследовательских подходов в вопросах теории личности. В психологии, истории или астрологии, к сожалению, пока не существует таких четких и общепринятых принципов, как, скажем, физические законы Ньютона или принцип неопределенности Гейзенберга. В отсутствии общепризнанных стандартов, мы старались применять на протяжении всей книги единые консистентные подходы, выбранные автором на базе личного предварительного опыта. Так, при наличии соответствующих биографических данных, мы старались представить себе картину раннего детства героев, как будто мы рассматриваем ее через призму любящих глаз швейцарского детского психолога Элис Миллер. Затем мы пробовали сопоставить эти данные с общими теориями личности, разработанными американским психологическим астроло-

гом Бетти Лундстед. Мы относились к судьбе в рамках нашего понимания эзотерических взглядов Изабель Хикки и прибегали по мере необходимости к идеям Юнга. Составление и интерпретация астрологических карт выполнялись исключительно самим автором с использованием следующих астрологических текстов:

- A. Candlish. «The Revised Waite's Compendium of Natal Astrology»¹⁰
- M. Hickey. «Astrology, a Cosmic Science»¹¹
- B. Lundsted. «Astrological Insights into Personality»¹²

Вдобавок, в конце каждой главы каждая сравнительная биография сопровождалась таблицей параллелей, в которой основные сравнительные характеристики упорядочены в хронологическом порядке, так что они легко доступны независимой проверке любого заинтересованного читателя.

Английский философ А. Н. Уайтхед как-то сказал, что любая попытка представить правду в одностороннем свете неизбежно делает ее полуправдой. А когда мы пытаемся относиться к полуправдам, как к абсолютным истинам, стараясь канонизировать односторонний тезис без должного внимания к антитезису, мы тем самым «играем на руку сатаны». Помня это предупреждение философа, мы старались избегать каких-либо преждевременных выводов, и мы просим того же от читателя, надеясь на непредубежденный подход к последующему тексту.

Все психологические и астрологические комментарии к тексту основывались на базе собранных в ходе исследования опубликованных биографических материалов. Учитывая сложность и многоплановость человеческой жизни, мы осознаем неизбежность ошибок, как в биографической информации, так и в ее интерпретации, и просим прощения за возможные неточности. Тем не менее, такие ошибочные данные вряд ли смогут повлиять на конечный результат, так как основные выводы исследования основывались только на наиболее достоверных источниках.

Введение к «Астрологическим и Θ-факторным комментариям»

*Жизнь на этой планете зависит от порядка,
наблюдаемого во всей пространственно-временной
звездной системе и проявляющегося
в нашем восприятии.*
А. Н. Уайтхед

Астрология занимается изучением вопросов соответствия между событиями на земле и положениями или смещениями Солнца, Луны, планет и звезд. Астрологи полагают, что позиции астрономических тел в момент рождения человека вместе с их последующими смещениями определяют как характер индивидуума, так и его судьбу.

С давних дней и до времен Коперника, Галилея, Ньютона и Кеплера астрология считалась уважаемой отраслью знания. Однако впоследствии отноше-

ние ученых к астрологии резко изменилось, и на протяжении столетий научный подход отвергал ее принципы. Положение стало опять меняться только лишь в последнее время, когда астрология приобрела значительное число поклонников. Но, несмотря на рост популярности, все попытки пересмотреть научные предпосылки астрологии так и не увенчались успехом. Даже такие серьезные исследования, как статистические работы французского психолога Мишеля Гоклена, не привели к однозначным выводам.

Одним из самых серьезных доводов, которым пользуются противники астрологии, является проблема отсутствия каких-либо небесных «сил» или «влияний». Отметая возможность влияния сил гравитационной или радиоактивной природы, такие оппоненты не находят никаких известных сил, которые могли бы оказать астрологическое воздействие на новорожденного. Настоящее исследование не находит причин оспаривать эти научные выводы. Действительно, на нынешней стадии развития науки нам не известны никакие механизмы возможных влияний планет на людей (за исключением разве что солнечных и лунных воздействий на приливы и отливы). Но наше исследование и не требует никаких «звездных влияний». Мы рассматриваем положение планет на небосклоне исключительно в качестве наиболее естественной координатной системы, которая, подобно декартовой системе координат, может быть использована для определения начальных данных новорожденного. При таком подходе новорожденный рассматривается, как микрокосмос, или «малый мир», отражающий состояние макрокосмоса, или всей вселенной. При этом подразумевается существование универсальных законов, которые бы были ответственны за взаимосвязанность всего происходящего в мире. Эти законы обсуждаются более подробно в главах о теории синхронности Юнга («Исследователи человеческой души») и о единой теории поля Вейля и Калуцы (ТОЕ, «Короли времени»).

Такая тенденция относиться к миру, как к единому целому, к организму или к системе, в которых все видится взаимосвязанным со всем, особенно присуща наиновейшим физическим теориям. Одним из наиболее последовательных поклонников этого холистского (целостного) подхода был известный физик-теоретик Дэвид Бом. Основные принципы его теорий можно найти, например, в материалах семинара по вопросам связи между физикой и значением времени (1986), где говорится, что «все в мире по своей природе является взаимосвязанным – так что истинное знание одной детали повлечет за собой познание истины обо всем сущем; действие во благо одного будет означать действие во благо всех»¹³. Бом считал, что все индивидуумы взаимосвязаны не в результате непосредственного влияния, которое они могут оказывать друг на друга, а в силу того факта, что все они подвержены влиянию общих фундаментальных законов. По Бому: «все, включая сознание и материю», активно влияет на целое, а посредством целого и на все составляющие¹⁴.

В своей теории «голодвижения» (*holomovement*) Бом предполагал, что каждый пространственно-временной участок мира содержит в себе весь порядок вселенной. Это включает в себя, как прошлое, так настоящее и будущее. Подобно голограмме, где каждый сегмент содержит информацию о целом запечатленном

объекте, каждый участок воспринимаемого нами мира содержит в себе полную информацию о структуре вселенной, или целого мира. В этой холистской концепции никто и ничто в нашей жизни не остров. Все, включая мысли и поступки, произрастает из единой основы, приводя к тому, что любое изменение в одной части мира, немедленно сопровождается или отражается в соответствующих изменениях во всех остальных частях.

Мы бы хотели продолжить эту линию рассуждений, предположив, что знание законов изменения в одной из частей целого может быть распространено на все остальные части. В конкретном частном случае астрологии эта идея может быть переведена на «звездный язык», так как развитие астрономии позволяет нам определять относительные позиции планет на небе и, вычисляя их относительное движение, предсказывать их местонахождение в прошлом или будущем. В силу возможности синхронности или всеобщей «взаимосвязанности» мы могли бы использовать положение планет на звездном небе в качестве координат или точки отсчета. В таком случае характеристики нашей жизни будут как бы отражаться в положении звезд.

Эти краткие соображения показывают, что отсутствие непосредственных влияний со стороны современные физические теории не отрицают право астрологии претендовать на научное обоснование. Однако не следует забывать, что, какими заманчивыми бы не казались гипотезы, без эксперимента они будут оставаться всего лишь домыслами.

На протяжении многих веков астрологии были присущи туманные термины, многочисленные противоречивые методы, отсутствие согласия между различными школами и направлениями. В результате, астрологию принято относить к искусству, а не к науке. Оставаясь искусством, астрология и не искала никаких доказательств. Ее основным методом стало предсказание, вытекающее из интуитивных размышлений в процессе попытки проникновения в тайный символический смысл *гороскопа*.

Человеческая жизнь включает в себя такие разные проявления, как жизнь физического тела, наши мысли, чувства, эмоции, мечты, сны, достижения, социальное положение, материальное состояние, счастье. Астрология пытается распознать все эти характерные атрибуты жизни в наших гороскопах. Гороскоп или карта – это иллюстрация положения небесных тел (обычно Солнца, Луны, Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна и Плутона), как они видны в определенном месте Земли в данный момент времени (обычно в момент рождения). Рисунок гороскопа ограничен кругом, представляющим собой эклиптику – видимый годичный путь Солнца. Эклиптика разделена на двенадцать равных секторов, именуемых знаками зодиака (Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и Рыбы). Астролог определяет положение планет в знаках зодиака в зависимости от того, в каком месте эклиптики данная планета наблюдалась с Земли в момент рождения ребенка. Каждой планете приписываются определенные мотивирующие силы, а каждый знак зодиака символизирует некоторые человеческие характеристики. Когда астролог относит человека к какому-либо знаку – например, к Овну – он подразумевает

под этим, что Солнце наблюдалось в этом знаке в момент его рождения. Но, однако, судьба человека ни в коем случае не определяется одним лишь положением Солнца, а зависит от положения всех планет, претерпевая также существенные дополнительные изменения в результате всевозможных геометрических углов (*аспектов*), образуемых между собой планетами. Аспекты бывают напряженные и гармоничные, мажорные и минорные. Напряженные аспекты характеризуют конфликтные ситуации в жизни человека; гармоничные аспекты свидетельствуют о возможной гармонии, талантах или взаимопомощи. Мажорными аспектами астрологи пользуются издавна, и их влияние хорошо изучено. К ним относятся *соединение* (0°), *секстиль* (60°), *квадратура* (90°), *трин* (120°) и *оппозиция* (180°). Минорными аспектами (такими как 30°, 45°, 135° и 150°) пользуются не всегда, и их значение изучено в меньшей степени. В дополнение к знакам зодиака гороскоп разделен еще и на двенадцать *домов*, цель которых отразить 24-часовой цикл Земного вращения вокруг своей оси. Каждому дому приписывается специфическая сфера жизни, как, например, супружеская жизнь, карьера, здоровье, странствования, смерть.

Таким образом, алфавит астрологии содержит, по меньшей мере, десять планет, двенадцать знаков зодиака, двенадцать домов, а также большое количество аспектов, образованных между собой планетами. Астролог делает предсказания, анализируя положения небесных тел в знаках зодиака и домах. Обычно интерпретация одной карты требует от астролога рассмотрения больше, чем ста параметров, каждый из которых несет ответственность за какую-либо сторону нашей жизни. Так как любой из этих факторов способен усилить, модифицировать или даже аннулировать действие других факторов, то перед астрологом раскрываются поистине неограниченные возможности различных трактовок. Если добавить к этому, что астрологи спорят между собой по поводу даже самых основных измерений (таких, как, где именно начало отсчета зодиака, как правильно делить дома, или с какой погрешностью измерять аспекты), то можно заподозрить, что астрология не многим более ясна, чем видимый хаос нашей жизни, который она намеревается развеять.

Еще большие затруднения вызывает у астрологов проблема отсутствия точных данных. Для большинства людей, рожденных до XIX века, в лучшем случае известен месяц их рождения, да и тот зачастую ошибочен. Даже в наши дни, несмотря на желание многих людей точно зафиксировать час рождения своего ребенка, досадные ошибки все-таки разрушают их лучшие намерения. Уже само по себе рождение нового человека настолько волнующее событие, что многие родители совершенно забывают о времени. В результате те астрологи, которые основывают свои вычисления на таком точном параметре, как *асцендент* (точное положение горизонта при рождении, проходящее градус за каждые четыре минуты), на самом деле вынуждены угадывать предполагаемый точный момент рождения. Если их начальные посылки ошибочны, то и большая часть дальнейшей работы по интерпретации карты будет тоже ошибочной. С другой стороны, астрологи всегда имеют повод оправдывать свои ошибки неточностью данных.

Следует также помнить, что не существует двух абсолютно одинаковых гороскопов, так как каждое сочетание места и времени имеет свои особые координаты. Не имея никакой возможности проверять свои выводы на контрольной группе, и оперируя несчетным количеством исходных параметров, астролог пытается трактовать данные, зачастую содержащие тысячи противоречивых или даже несовместимых элементов. На первый взгляд эта задача видится совершенно неисполнимой, и возникает вопрос, как вообще можно получить хоть какую-либо приемлемую картину личности из подобного рода мозаики. Многие скажут, что при существующем положении вещей нет никакой возможности провести серьезное научное исследование по вопросу астрологии, и что ей навеки суждено оставаться лишь искусством, а не наукой.

Когда идет речь о проблемах в личной жизни, большинство людей склонны принимать на веру советы опытных консультантов (как психотерапевтов, так и мистиков), не задаваясь вопросом о научности их рекомендаций. Когда же речь идет о науке, подход неизбежно меняется, ибо наука не терпит принятия на веру никаких предположений, теорий или выводов, какими бы логичными они не казались нам на первый взгляд. В науке все должно подвергаться экспериментальной проверке, и все усилия должны быть направлены на планирование корректного эксперимента с малым числом правильно выбранных переменных. В тех случаях, когда не удастся определить подходящие параметры или когда параметры выбраны ошибочно, никакая статистика не сможет исправить неправильный подход в планировании эксперимента. В астрологии до сих пор исследователи не сумели выбрать те параметры, которые бы позволили провести решающий опыт, подтверждающий или отрицающий ее как науку. Нам кажется, что, по крайней мере, одной из причин сложности в планировании астрологических экспериментов является междисциплинарный характер этого предмета, требующего от экспериментатора понимания не только в самой астрологии, но и в психологии, антропологии, мифологии, астрономии и статистике.

Сегодня, как и прежде, ситуация остается неопределенной: науке не удалось ни подтвердить, ни дискредитировать астрологию. Нынешнее исследование не претендует дать ответ на сложный вопрос, наука ли астрология или нет. Цель данного исследования ограничена введением Θ -факторного анализа, который сводит весь спектр различно определенных разными школами астрологических параметров к одному – к дате рождения.

С астрологической точки зрения у селестиальных близнецов почти все планеты, за исключением Луны, занимают одинаковое положение в зодиакальных знаках. (Луна движется очень быстро, проходя ежедневно приблизительно 13° .) И все же сходство карт селестиальных близнецов не так уж велико, потому что они, как правило, различаются не только положением Луны и ее аспектами с остальными планетами, но и расположением домов в знаках и положением планет в домах. Таким образом, ожидается, что селестиальные близнецы обычно будут разными, если только удельный вес идентичного положения девяти планет не будет значительно превышать роли всех остальных параметров.

В том случае, если эксперименты продемонстрируют наличие сходства между селестиальными близнецами, можно будет видеть в них серьезный аргумент в пользу холистских теорий, предполагающих взаимосвязанность всего во вселенной. Но для доказательства научности астрологии недостаточно просто показать сходство между селестиальными близнецами, так как помимо этого требуется еще обнаружить корреляцию между жизнью конкретных людей и традиционными трактовками их гороскопов. Если такая корреляция действительно будет установлена, то дальнейшие эксперименты внутри групп селестиальных близнецов смогут прояснить как истинное значение положения Луны в гороскопе, так и правомерность использования разных систем домов. С другой стороны, отсутствие сходства между селестиальными близнецами само по себе не будет являться серьезным аргументом против астрологии в силу того, что астрология фактически никогда такой схожести не требовала.

Мы надеемся, что последующие истории, демонстрирующие как поразительное сходство между казалось бы ничем не связанными выдающимися личностями, так и разительные контрасты между различными парами селестиальных близнецов, приведут к открытию новой страницы в гуманитарных науках в целом и в астрологии в частности. Новый экспериментальный Θ -факторный анализ может способствовать научному признанию по крайней мере некоторых интуитивных традиционных астрологических теорий в качестве полноправных законов человеческой природы.

Построенное на историко-биографических данных, наше предварительное исследование носит не столько количественный, сколько качественный характер. Однажды лауреат Нобелевской премии Октавио Пас сказал, что от историка требуется сочетание научного умения описывать исторические события с поэтическим даром их видения. Так как в итоге нынешнего исследования все еще невозможно представить четкие математические формулы для вычисления вероятности всех описанных совпадений, мы просим читателя последовать совету Паса, открыв свой разум для исторических фактов, а свое сердце для поэтических видений.

Структурное построение книги

Изложение материала в книге ведется на трех уровнях. На первом уровне приводятся в хронологическом порядке историко-биографические данные, касающиеся жизнедеятельности анализируемых селестиальных близнецов и их посмертной значимости. Этот уровень кратко суммируется в каждой главе посредством хронологической таблицы основных параллелей и совпадений в жизни соответствующих селестиальных близнецов.

На следующем символическом уровне эта цепь совпадений в жизни разных людей рассматривается в свете современных психологических и астрологических учений. В каждой главе этот уровень кратко суммируется в Θ -факторных комментариях, цель которых рассмотреть проблему селестиальных близнецов с самых разных (и зачастую неожиданных) углов зрения.

На третьем уровне мы пытаемся ответить на вопрос, возможно ли объединить все эти разрозненные наблюдения, замечания и комментарии в консистентную теорию селестиальных близнецов. Этот уровень суммируется в «Эпилоге».

Вооружившись всеми определениями и помня все предостережения, мы приглашаем вас начать путешествие в поразительные сдвоенные миры селестиальных близнецов.

Сноски:

- ¹ В этом случае рождение героев было зарегистрировано в том же часовом поясе 14 и 15 марта. Точная разница во времени их рождения может меняться от нескольких минут (если оба рождены около полуночи между 14 и 15 марта) до максимум 48 часов (если один был рожден около полуночи между 13 и 14, а второй около полуночи между 15 и 16 марта).
- ² P. Farmer, *Two, or the Book of Twins and Doubles, An Autobiographical Anthology*, London, A Virago Books, 1996, p. 320 (Далее – Farmer).
- ³ Т. Мейсер, Вундеркинды, Москва, Крон-Пресс, 1998, стр. 61.
- ⁴ I. M. Hickey, *Astrology, A Cosmic Science*, USA, CRC Publications, 1992, p.5 (Далее – Hickey).
- ⁵ S. L. Farber, *Identical Twins Reared Apart*, New York, Basic Books Inc., 1981, p. 271 (Далее – Farber).
- ⁶ Nobel Prize Winners, *An H.W. Wilson Biographical Dictionary*, New York, The H.W. Wilson Company, 1987. (Далее – NP).
- ⁷ *Encyclopedia of World Literature in the 20th Century*, ed. B. Fleischmann, New York, Frederick Ungar Publishing Co., 1967 (Далее – EWL).
- ⁸ *Biographical Encyclopedia of Scientists*, ed. J. Daintith, Second Edition, Philadelphia, Institute of Physics Publishing, 1994 (Далее – BES).
- ⁹ *Musicians since 1900*, ed. David Ewen, New York, The H.W. Wilson Company, 1978.
- ¹⁰ Candlish, Alan, *The Revised Waite's Compendium of Natal Astrology*, GB, Arkana, 1990.
- ¹¹ Hickey.
- ¹² B. Lundsted, *Astrological Insights into Personality*, San Diego, ACS Publications, 1980. (Далее – Lundsted).
- ¹³ *Physics and the Ultimate Significance of Time*, Bohm, Prigogine, and Process Philosophy, Ed. D. Griffin, Albany, N.Y., State University of New York Press, 1986, p. 128.
- ¹⁴ Например: K. J. Sharpe, *David Bohm's World, New Physics and New religion*, Lewisburg [Pa], Bucknell University Press, 1993.

ЧАСТЬ I
Совпадения

*Несмотря на то, что мы так много говорим
о совпадениях, на самом деле мы в них не верим.
В глубине души мы думаем о мире лучше; мы тайно
убеждены, что он не настолько уж небрежно
бессистемен, и что все в нем имеет значение.*
Джон Пристли

Преемники Гитлера. История жизни рейхсмаршала Германа Геринга и рейхслейтера Альфреда Розенберга

Герман Геринг

Альфред Розенберг

На круговом, на мирном судьбище
Зарею кровь оледенится.

...

И тем печальнее, тем горше нам,
Что люди-птицы хуже зверя,
И что стервятникам и коршунам
Мы поневоле больше верим.

О. Мандельштам

Не торопите побед, не ждите скорой хвалы,
Пусть станет острее меч, пусть станет перо мудрей –
Не дети, не боги вы, но люди в мире людей!

Р. Киплинг¹ «Ответ Англии»

Открытие первой пары селестиальных близнецов произошло случайно. Поразительным было то, что в этом случае одинаковые начала привели к одинаковым концам: людям, рожденным одновременно в разных странах (России и Германии), было суждено одновременно предстать перед первым в истории человечества Нюрнбергским Международным Военным Трибуналом и быть одновременно приговоренными к смерти. Пришедшим в этот мир симультанно, как будто было «предначертано» покинуть его тоже симультанно (с менее чем четырехчасовым интервалом времени). Тела этих селестиальных близнецов были кремированы вместе; их прах, смешанный в одном и том же контейнере, в тот же день был развеян по ветру над болотистым руслом немецкой реки Изар.

История как будто прошла мимо того невероятного совпадения, что два наиболее влиятельных лица в Третьем Рейхе, уступающие по своей значимости лишь Гитлеру, родились в один день того же года. Но было ли это всего лишь слепым случаем или иронией судьбы, что рейхслейтер Альфред Розенберг, исполнявший роль преемника Гитлера в 1923 г., и рейхсмаршал Герман Геринг, с 1933 г. исполнявший роль «человека № 2», официально провозглашенного преемником Гитлера, были селестиальными близнецами, как в рождении, так и в смерти?

В этой истории не только начала и концы были одинаковыми, но и историческая роль селестиальных близнецов была практически тождественна. Имена Геринга и Розенберга обычно ассоциируются с именем Гитлера. Фюрер был единоличным правителем Третьего Рейха, но как и любой лидер он нуждался в последователях. Геринг и Розенберг, будучи наиболее верными и рьяными последователями Гитлера, принадлежали к самому ядру «старой гвардии», начавшему путь в национал-социализм с первых дней организации НСДАП и продержавшемуся возле Гитлера на протяжении 20 лет, до самого его конца.

Рослые, статные, светловолосые, с расплывчатыми чертами лица, Розенберг и Геринг видели себя истинными представителями немецкой нации. Какая-то неведомая сила (будь то слепая случайность или *сила связи между селестиальными близнецами*) привела их одновременно в декабре 1918 г. в побежденный Берлин. Начиная с этого момента, жизни этих 25-летних молодых людей протекали как бы параллельно, постоянно сталкивая их на одних и тех же узловых станциях судьбы. Так, оба вскоре перебрались в Мюнхен и вступили в родственные по духу подпольные патриотические организации. После того, как в июле 1921 г. Гитлер приобрел диктаторские полномочия в партии, он рассмотрел в Геринге подходящего кандидата на пост организатора частной армии, а в Розенберге – способного создателя эффективных средств пропаганды, необходимых для распространения нацистского влияния по всей стране. Несмотря на то, что оба селестиальных близнеца резко отличались от других лидеров партии и считались среди них чужаками, в силу своей безудержной амбиции они быстро вошли в наиболее доверенный круг соратников Гитлера. Уже в конце 1921 г. молодой интеллектуал Розенберг, лишь недавно эмигрировавший в Германию по окончании архитектурного факультета Московского университета, стал редактором ведущей нацистской газеты «Фелькишер беобахтер», (ФБ). Уже в декабре 1922 г. молодой аристократ и отставной герой минувшей войны Геринг принял на себя командование нацист-

скими штурмовыми отрядами (SA). Почти одновременно, Розенберг и Геринг стали соответственно идеологической и военной, «правой и левой» рукой Гитлера.

Осенью 1923 г. они совместно строили планы будущего захвата власти. 8 ноября 1923 г., плечом к плечу с Гитлером, они стояли в первых шеренгах инициаторов Мюнхенского путча. На одной особенно поразительной фотографии можно видеть, как во время путча Геринг и Розенберг маршировали в одной колонне: Геринг шел возле Гитлера в первом ряду, Розенберг следовал сразу же за ними во втором ряду.

Вскоре после этих событий оба селестияльных близнеца заняли свои места в рейхстаге в числе первых избранных нацистских депутатов. Затем они перебрались в Берлин, приобрели власть, совместно пытались предотвратить нападение на Англию, совместно организовали широкомасштабный грабеж произведений искусства из захваченной Европы. В 1941 г. Розенберг, в качестве рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий, и Геринг, в должности генерального уполномоченного по четырехлетнему плану, были назначены Гитлером сотрудничать в вопросе «обеспечения восточных ворот» рейха. В этой роли они совместно действовали против человечества, безжалостно эксплуатируя и моря до смерти голодом миллионы мирных людей на захваченных восточных территориях. А еще позднее, в отличие от своего фюрера и таких нацистских лидеров, как Гиммлер, Геббельс или Борман, эти селестияльные близнецы отказались от попыток уйти от правосудия путем побега или самоубийства. Оставаясь верными избранному пути, они до конца защищали свои доктрины перед трибуналом.

Их суд начался 20 ноября 1945 г. История не знала ничего подобного этому событию. Подсудимым были предъявлены обвинения по четырем пунктам, в которых они обвинялись в заговоре против мира и человечества, в военных преступлениях и в геноциде. С самого начала процесса обвинение выделило Геринга и Розенберга как наиболее видных нацистских преступников. Утверждалось, что они принадлежали к тем нескольким лицам, которые на протяжении всей 12-летней истории Третьего Рейха служили советниками Гитлера и имели наибольшее влияние на его политику. В частности, доктор Келли, американский психиатр на Нюрнбергском процессе, изучавший личности всех подсудимых, писал: «Из всех, представших перед судом, только Геринг, Розенберг и Гесс были действительно влиятельными лицами. Они действительно несли ответственность за некоторые разделы в учениях Гитлера – Гесс и Розенберг в двадцатых и в начале тридцатых годов, а Геринг после прихода партии к власти».²

Интересно, что Гесс, одно время считавшийся настолько же влиятельным, как Розенберг и Геринг, тем не менее, не разделил их судьбы. В мае 1941 г. он вылетел с секретной миссией в Шотландию и попал в плен; в результате этого ему удалось избежать смертной казни. Геринг и Розенберг, в отличие от Гесса, не имевшие смягчающих обстоятельств, были признаны виновными по всем пунктам обвинения. Этот пример показывает, что даже внутри самого близкого к Гитлеру круга нацистов имели место различные типы поведения и разные судьбы. Этот факт делает историю селестияльных близнецов, разделивших похожие уникальные судьбы, еще более озадачивающей.

Приговор трибунала был вынесен 30 сентября – 1 октября 1946 г. Геринг и Розенберг вместе с еще девятью другими нацистскими лидерами (включая Бормана, осужденного заочно) были приговорены к смертной казни через повешение. Геринг отравился в своей камере 15 октября 1946 г. в 22:44. Тремя часами позже началась казнь остальных восьми приговоренных. В 3:15 ночи 16 октября все было кончено. Сразу после казни все тела (включая останки Геринга) были тайно вывезены в зловеющий крематорий Дахау. Пепел праха Геринга и Розенберга оказался перемешанным в каком-то мелком притоке реки Изар. После Нюрнбергского процесса имена Розенберга и Геринга стали именами нарицательными, символизирующими насилие, расовую ненависть и грубое злоупотребление властью.

Из этого краткого биографического обзора естественно вытекает вопрос: а было ли это всего лишь случайностью, что даты рождения этих людей совпали? По мере сбора информации о жизни этих селестиальных близнецов, список значительных совпадений и параллелей все рос и рос. Не ограничиваясь одной только карьерой, он затрагивал также и личные стороны жизни. Так, оба они были дважды женаты, причем в первом браке на женщинах, которые были старше их по возрасту. Обе первые жены (Карин и Хильда), отличаясь красотой, интеллектом и образованностью, оказали значительное влияние на формирование художественных вкусов своих мужей. Обе они преждевременно скончались от туберкулеза легких, не оставив селестиальным близнецам потомства. От вторых своих жен селестиальные близнецы имели по одной дочери, и обе жены с дочерьми уцелели после войны и казни глав семейств.

Параллели в судьбах этих селестиальных близнецов сопровождались значительным сходством их менталитета и характера. Так, они оба по доброй воле отказались от права быть «хозяевами» своих поступков, решив променять его на жизненную стратегию «последователей», в которой понятие совести заменялось беспрекословной верностью доктринам одного и того же человека – их фюрера. Розенберг неоднократно заявлял, что с того момента, как он впервые увидел Гитлера, он отдал судьбу в руки своего лидера. После смерти Гитлера Розенберг записал: «С глубоким волнением мы услышали о смерти фюрера – он был нашей судьбой».³ Даже в Нюрнберге, подытоживая свою жизнь, он не изменил своего почти симбиозного отношения к лидеру: «Знакомство с ним [с Гитлером] определило мою собственную судьбу, объединив ее с судьбой всей германской нации».⁴ Точно так же, Геринг уже с первой встречи с Гитлером решил, что ему не нужно никакой иной доли, кроме судьбы его фюрера. В один из дней 1922 г. Геринг взял Гитлера за руку и торжественно, как бы исполняя мистический ритуал священного брака, сказал, что он исполнен решимости «вручить» ему свою «судьбу...в беде и в радости...в счастье и в горе...даже, если потребуется для этого расстаться с жизнью».⁵ В тот день Геринг, ранее известный своей храбростью и своенравием, под действием непонятого порыва был готов вручить лидеру тот самый ценный дар свободы воли, которым наделен каждый человек. Подобно Розенбергу, Геринг до конца был верен данной клятве; его преданность стала настолько безграничной, что он патетически восклицал: « Это не я живу, а фюрер живет во мне» .⁶

За одинаковостью судеб этих сестимильных близнецов явно просматривается их страстное желание избавиться от собственной личности во имя того, чтобы стать последователями Гитлера. В тот самый момент, когда Геринг заявил: «У меня нет совести! Адольф Гитлер – это моя совесть!»,⁷ – его судьба стала судьбой последователя; а судьба слепого последователя подразумевает готовность к самопожертвованию или к убийству других. Розенберг, в свою очередь, заявил в «Мифах XX века» (второй по значимости – после «Майн Кампф» – книге Третьего Рейха): «Человек сам по себе есть ничто, он способен обладать личностью лишь постольку, поскольку он интегрирован душой и телом в органической преемственности многих тысяч представителей его расы....».⁸ В тот самый момент, когда Розенберг объявил, что «человек сам по себе есть ничто», из его мировоззрения исчезло понятие ценности человеческой жизни. Психология этих сестимильных близнецов превратилась в психологию слепых последователей, с ограниченной способностью к сочувствию или к здравому смыслу. В одной из своих речей Розенберг как бы довел до логического конца эту цепочку рассуждений: «Новый немецкий стиль... это стиль марширующей колонны, безразлично, в каком направлении или с какой целью эта колонна может быть направлена».⁹ Геринг как бы перекликался со своим сестимильным близнецом, утверждая, что: «Мы не существуем сами для себя, а являемся частью целого, и работаем для этого целого, которое мы называем людьми и для которого готовы поставить на ставку все».¹⁰ Для Геринга идеалом стала солдатская жизнь, цель которой: «товарищество и маршировка в одном направлении во имя единой цели».¹¹ Однажды присоединившись к движению, Геринг, и Розенберг, оказались как бы захваченными в центре колонны, не интересуясь направлением ее движения. Говоря словами Геринга, они оба отдали «душу и тело Адольфу Гитлеру»,¹² отказавшись от собственной судьбы для приобретения «общей» доли, диктуемой им фюрером. В результате, Геринг и Розенберг, которых никто никогда не считал чудовищными садистами, в конце концов, были признаны основными архитекторами геноцида.

«Мы всего лишь исполняли приказы», – раз за разом звучал основной довод защиты нацистских лидеров, офицеров и солдат. Так же, как и для Розенберга и Геринга, фюрер стал их единственной совестью. Перестав считать себя ответственными за свои поступки взрослыми людьми, они скорее стали похожими на маленьких потерянных детей, не несущих ни за что ответственности. Сам Розенберг зашел так далеко, что признал все свои решения предопределенными, говоря, что он лишь слепо подчинялся действовавшим на него влияниям внешней среды. «Таким образом, жизнь тянула меня, и я следовал за ней»,¹³ – вспоминал он в своих мемуарах, беспомощно добавляя, что он «видел себя посреди бушующих взаимодействующих стихий»¹⁴ со всеми их непонятными аспектами. Подобно ему, Геринг верил, что все в его жизни было предначертано заранее: «Вы не можете постичь свою судьбу»,¹⁵ – убеждал он американского психиатра на Нюрнбергском процессе, доктора Гильберта. Для успокоения совести Геринг разработал подход, названный доктором Гильбертом его «излюбленным эго-спасительным механизмом исторического фатализма»¹⁶: «Я полагаю, что если бы мне при-

шло все опять начать сначала», – говорил он [Геринг] доктору Гильберту, – «я бы избежал некоторых ошибок. Но какая в том разница? У нас нет власти над судьбой. Силы истории и мощь политики и экономики слишком велики для того, чтобы им помешать».¹⁷

В качестве последователей фюрера Розенберг и Геринг предпочли уйти от вопросов личной ответственности. Они никогда не утруждали себя такими (как выражался Геринг) «туманными понятиями, как человеческая душа, людские мнения, человеческие чувства».¹⁸ Они никогда не мучались сомнениями по поводу таких «туманных» вопросов, как и что человеку полагается делать и чего ему делать не следует.

Никто не знает, было ли Розенбергу и Герингу суждено уродиться криминальными преступниками, но с того момента, как они принесли клятву слепо следовать за Гитлером, они приняли догмы нацизма и поклонялись им вплоть до своей насильственной смерти. В своем стремлении обрести коллективную судьбу государства, в котором лишь вождь имел право решать и направлять, Геринг и Розенберг пытались избавиться от своей индивидуальной судьбы. Но в действительности не было никакой коллективной судьбы. В то время как одни нацистские лидеры (такие, как фон Нейрат, Шпеер или Дениц) провели несколько лет в заключении, а другие (Фриче, фон Папен или Шахт) были оправданы и освобождены, Розенберг и Геринг обнаружили, что их счет перед человечеством слишком велик для оплаты в нынешней жизни.

Прежде, чем перейти к детальному Θ -факторному анализу, нам хотелось бы высказать несколько предостережений. Подсудимые на Нюрнбергском процессе пытались отрицать свою вину, утверждая, что только государство, а не отдельные индивидуумы, может нести ответственность за военные преступления. Но трибунал постановил, что преступления совершаются личностями, и только наказание конкретных преступников может привести к соблюдению международных законов. Отрицая аргумент коллективной вины, Нюрнбергский процесс провозгласил личную ответственность каждого индивидуума за свои действия.

Как в мемуарах, так и в личных беседах, Розенберг и Геринг пытались снять с себя вину, говоря, что человек не может нести ответственность за свою судьбу. Современная астрология, подобно Нюрнбергскому приговору, считает, что нельзя перекладывать личную ответственность ни на страну, ни на судьбу. В соответствии с астрологией один из самых главных жизненных уроков Козерога (а именно в этом созвездии родились эти селестиальные близнецы) – это научиться нести личную ответственность за сделанный выбор. Многие астрологи считают, что перед Козерогами поставлен выбор, стать ли им безжалостными тиранами, которые в своем стремлении достичь вершины власти «готовы применять для удовлетворения своих желаний любые средства, включая использование людей»,¹⁹ или же стать истинными служителями человечества, беспрестанно задающими себя вопросом: «как их сила и таланты могут быть применены на пользу других?».²⁰ Геринг и Розенберг предпочли первый выбор. Они были наделены многими задатками, и в их власти было выбирать, как и с какой целью воспользоваться этими способностями. Но они не знали, что с астрологической перспективы, по

словам Лундстед, главный урок любого Козерога – это урок «ответственности власти». ²¹ Они также не знали, что по Хикки: «Козероги способны олицетворять как самые высокие, так и самые низменные свойства, на которые способна человеческая натура», и что «слишком часто их слабость прикрывается показной гордыней и убежденностью, что лишь они знают, что на самом деле хорошо для других». ²²

В рамках таких астрологических взглядов человеку предстоит пройти через определенные жизненные уроки, но, тем не менее, он не освобожден от личной ответственности за свои выводы и выборы. Только после того как каждый индивидуум научиться нести ответственность за свою судьбу, универсальные законы смогут быть применены для создания гармоничного общества на Земле. Ни астрологический и ни Θ -факторный анализы никоим образом не утверждают, что человек должен стать рабом судьбы. Данная история параллельных жизней Розенберга и Геринга никоим образом не пытается оправдать их преступления; напротив, она предлагает новый подход к вопросу, какие меры человечество может предпринять для предотвращения повторения в будущем подобного зла.

Нам думается, что наличие многочисленных параллелей в жизни селестальных близнецов является веским доводом в пользу того, что наша жизнь не хаотична, а направлена универсальными законами и связана с жизнями других людей, рожденных одновременно с нами. Однако из этого не следует, что мы лишены свободы воли. Напротив, как мы увидим в дальнейших главах, более вероятно предположить, что Θ -фактор снабжает нас «древом возможностей», оставляя за нашей свободной волей решение, по каким ветвям дерева двигаться. Используя эту терминологию, можно сказать, что Герингу и Розенбергу было суждено исследовать дерево познания личной ответственности руководителя.

Как мы увидим далее, Геринг и Розенберг всегда имели возможность выбора. Но в тот момент, когда они пожертвовали своей личной волей, их пути обречены были следовать образцу «человека №2». В соответствии с наиболее примитивной вульгарной версией социального дарвинизма, их жизнь превратилась в безжалостную борьбу за одно и то же место под солнцем. Их жизненным девизом стало: «Для того, чтобы не проиграть в борьбе за существование и не быть устранным или побежденным, я должен устранить, победить или убить моих противников». В такой атмосфере постоянной борьбы ненависть и зависть стали естественной жизненной средой Геринга и Розенберга, порождая между ними вечное соперничество за влияние и власть. Опасаясь недостатка «жизненного пространства», они не знали, что, в конце концов, найдется более чем достаточно грязи, чтобы вместить перемешанный пепел их обоих.

В то время ключевые слова Козерога – «Я использую» ²³ – подразумевают необходимость приносить пользу людям, девизом Розенберга и Геринга стало: «Я злоупотребляю», означая использование способностей во вред себе и другим. Последующий текст описывает параллельное злоупотребление властью и талантами, происходившее при похожих обстоятельствах и приведшее к тем же последствиям в жизни двух селестальных близнецов.

Они родились 12 января 1893 года

Одним зимним днем 1893 г. в двух немецких зажиточных семьях родились два мальчика – Герман Вильгельм Геринг и Альфред Розенберг. Первые роды произошли в австрийском санатории Мариенбад; вторые – в эстонском городе Ревеле (ныне Таллинне). Первое зловещее совпадение в жизни новорожденных произошло уже через пару недель после родов, когда они оба осиротели. Видимые обстоятельства развертывающейся жизненной драмы Германа и Альфреда были различны, но сценарий был поразительно похож: в то время как Эльфриде Розенберг внезапно скончалась, Фанни Геринг оставила младенца на воспитание своим друзьям в Баварии, не рискуя брать его с собой на Гаити. Несмотря на то, что причины преждевременной разлуки с матерью были различны, результат был одинаковым: младенцы с тоской всматривались в опустевший мир.

Трудно оценить боль, страх и ужас осиротевшего или покинутого младенца. Его скорбь скрыта от постороннего взора; в отличие от взрослых, новорожденный не может внятно выразить свои чувства. Постороннему не понять всю глубину страдания такого бессловесного существа. Но как бы он ни был мал и беспомощен, ребенок не является белым листом или порожним сосудом. Невыразимое горе царит в его душе; бессильная ярость против всемогущих сил природы, преждевременно разлучивших его с родителями, глохнет его сердце. Состояние это еще тем трагичнее, что в условиях страха существует серьезная опасность формирования такого эго, которое будет в течение всей дальнейшей жизни порождать и воспроизводить страх. Впоследствии Геринг охарактеризовал эту отчаянную ситуацию одной короткой фразой: «Самое жестокое, что может произойти с ребенком – это быть разлученным с матерью в младенчестве».²⁴

Для обоих мальчиков разлука с матерью произошла настолько рано, что ни один из них не успел испытать период симбиоза, крайне важного для формирования самостоятельной личности. Возможно, это и послужило им одной из причин замены поиска собственной индивидуальности поиском идентификации с некоей группой, как-то, например, с обобщенным расовым стереотипом. Не сумев сформировать свое собственное сильное эго, они либо обращались к другим людям в отчаянной попытке объединиться с ними в рамках мистической концепции некоего национального духа, либо атаковали их с не менее отчаянным желанием продемонстрировать свою силу.

Розенберг избегал описывать подробности своего детства и юношества, проведенного в России. В мемуарах он указал, что его предки покинули Германию в XVIII веке. Сначала они поселились в Риге, но затем семья обосновалась в Ревеле. Отец Розенберга, Вольдемар Вильгельм, занимался торговлей, достигнув статуса директора Ревельского филиала одной немецкой коммерческой фирмы. Он женился на Эльфриде Сирре, но его брак оборвался со смертью 24-летней жены, умершей до того, как Альфреду минуло два месяца. Эта трагедия сильно повлияла на всю семью, заполнив атмосферу отцовского дома трауром и болезненностью. Вольдемар, страдавший слабыми легкими, запомнился сыну своими утренними приступами кашля, мучившими его перед уходом на работу, и «замкнутос-

тью, сопровождавшейся почти полным отсутствием контактов с людьми».²⁵ Отец не был способен уделять должного внимания своим двум сыновьям (у Альфреда был старший брат, преждевременно ушедший из жизни в 1928 г.). Дети, в свою очередь, были слишком малы, чтобы облегчить отцу его тяжкую долю.

Вольдемар разочаровался в жизни, потерял веру, и по предположению многих историков привел к тому, что Альфред впоследствии стал ярким антиклерикалом. Будучи физически и морально разбитым человеком, Вольдемар символизировал в глазах своих детей неуверенность в завтрашнем дне и неспособность бороться за жизнь. Его дни были коротки: смерть забрала его в 44 года. Став сиротой, Альфред воспитывался сестрами его отца и Санкт-Петербургскими родственниками его матери. Но никто не мог заменить мальчику родительское тепло, и принято считать, что школьные дни Альфреда значили для него гораздо больше, чем жизнь в родительском доме.

Какова была жизнь сироты, и откуда черпал он силы выжить в атмосфере медленного угасания отца? Розенберг никогда не пытался ответить на эти вопросы. Несмотря на явные способности к рисованию и любовь к литературе, он никогда не осмелился воспользоваться пером или кистью для выражения в поэзии или в живописи своих ранних травматических переживаний. Его узко прорезанные губы никогда не поведали миру о боли и ярости одинокого младенца. Розенберг воспитывался в правилах хорошего тона, требовавшего от людей скрывать свои чувства и подавлять все неприятные эмоции. Наверно, лишь его посмертная фотография, сделанная после повешения, позволяет глубже заглянуть в скрытый мир его переживаний. Сесиль описывал ее так: «Его (Розенберга) глаза, глядевшие на мир с таким глубоким чувством неуверенности в себе и с таким неумением разбираться в действительности, теперь сомкнулись навеки, но его рот, с узко прорезанными губами, все еще свидетельствует об отсутствии наиболее привлекательных человеческих эмоций. Почти все, кто встречались с ним, отмечали холодность и жесткость его натуры, лишавших человеческие контакты всякого тепла».²⁶

Подавленные эмоции были описаны также в анализе тестов Роршаха, проведенных в Нюрнбергской тюрьме: «Его [Розенберга] записи тестов Роршаха выявляют некоторую способность к нежности, к человеческой заботе, к теплу и тому подобным качествам, хотя в слабой и неопределенной форме; в то же время они не свидетельствуют о нем, как о садисте или грубом, свирепом и жестоком человеке».²⁷ Из этих тестов следовало, что способности Розенберга к проявлению любви оставались недоразвитыми, и в его душе царил «внутренний, эмоциональный и интеллектуальный хаос».²⁸ Для того чтобы еще глубже заглянуть в обделенную любовью душу Розенберга, интересно упомянуть факт, расцененный Сесилем, как «иронический»²⁹: единственным архитектурным проектом Розенберга была его дипломная работа, представлявшая собой не что иное, как проект крематория! Если вспомнить невысказанное горе осиротевшего младенца, чьи первые впечатления в жизни ассоциировались со смертью, то этот факт покажется скорее печальным, чем ироническим. Возможно, сегодня общество более склонно проявлять внимание к ранним травматическим событиям в жизни детей, и

психологи уже научились различать призывы о помощи, таящиеся в рисунках или стихах. Но Розенбергу довелось выразить свой крик SOS во время первой мировой войны, когда вся Европа была охвачена пламенем ненависти, и никому не было дела до его личных проблем.

Было ли это лишь еще одним забавным совпадением, что, согласно Мозли,³⁰ Геринг посвятил проекту возведения мемориального комплекса памяти своей покойной жены Карин больше внимания и усилий, чем любому другому проекту в своей жизни? Монументальное здание Карин Холл было воздвигнуто в 1934 г. всего лишь за десять месяцев, и официальный биограф Геринга, Гритцбах, приписывал весь проект мавзолея от начала и до конца самому Герингу: «Он [Геринг] планировал все: здание, прилегающий сад, обстановку, обивку, ковры, освещение, даже дверные ручки и места для картин и произведений искусства. Короче, это был его дом в полном смысле слова».³¹

Так уж случилось, что каждому из этих селестиальных близнецов довелось стать архитектором своего идеального дома смерти. Было ли это как-то связано с тем, что Геринг, подобно Розенбергу, с раннего детства познал горечь утраты?

Отец Германа, Генрих Геринг, начал свой путь в армии, сражаясь в войнах Бисмарка. Владелец дипломов Боннского и Гейдельбергского университетов, отслуживший свой срок в качестве офицера прусской армии, он затем достиг положения высокопоставленного чиновника. В 1885 г. он занял пост генерал-губернатора немецкой Юго-Западной Африки. Рано овдовев в первом браке, он отдал детей на воспитание родственникам покойной жены и женился во второй раз. Вместе с молодой женой, Фанни, он отправился на Гаити, куда был назначен на свой второй колониальный пост. Когда подошло время родиться их четвертому ребенку (второму сыну этой семьи), Фанни посчитала, что Гаити не было подходящим местом для родов. Решено было, что для всех будет спокойнее, если ребенок родится на родине, в Баварии. Не прошло и трех месяцев после родов (по Мозли, три месяца,³² по другим источникам всего лишь шесть недель), как молодая мать отлучила ребенка от груди и возвратилась на Гаити. Хотя фактически и не сирота, Герман на три долгих года был передан на воспитание некоей фрау Граф. Никакие усилия, предпринимаемые приемной семьей, не могли заменить младенцу его родителей. Все в нем выдавало покинутого ребенка, склонного к истерическим припадкам и к слезам.³³ Когда, наконец, родители приехали забрать своего сына, малыш отреагировал плачем, нанося матери удары в лицо и в грудь. Важно отметить, что эта сцена запечатлелась в памяти Геринга, как самое раннее воспоминание в его жизни.³⁴ Незнакомца, бывшего его отцом, мальчик и вовсе проигнорировал. Один из биографов Геринга так прокомментировал эти события раннего детства: «Если бы Геринг обратился к психоаналитику, то ему бы объяснили, что он перенес тяжелый шок, когда был насильно разлучен со своей матерью по прошествии шести недель после родов».³⁵

Сегодня общеизвестно, что травматические переживания или отсутствие материнской заботы в младенчестве могут привести человека к неспособности дарить и принимать тепло. Однако такие идеи не были характерны для конца прошлого века. Родителям Геринга не приходило в голову, что у сына могут возник-

нуть особые проблемы. Они желали, чтобы все было как лучше, а условия жизни на Гаити диктовали, что «ради блага ребенка» ему лучше было оставаться в Баварии. Не так свидетельствуют результаты Нюрнбергских тестов Роршаха, выявляющие долгосрочные разрушающие влияния детских переживаний Геринга: «Одним из наиболее поразительных аспектов его тестов Роршаха было свидетельство о крайней неспособности реагировать на нюансы чувств в человеческих отношениях – дарить или принимать тепло, проявлять чуткость, заботиться о других или принимать от них знаки внимания. В лучшем случае, он мог чутко реагировать в плане сексуального наслаждения, но даже эти его способности сводились на нет его ослабленной мужской сексуальностью». ³⁶

По всей видимости, в результате ранней материнской утраты, оба сестистальных близнеца были признаны ограниченными людьми, не умеющими давать и принимать тепло, и не способными сочувствовать другим людям. На первый взгляд могло показаться, что Герман оказался счастливее, чем Альфред, потому что он вновь сумел обрести семью. Можно было подумать, что все горечи уже позади. Но действительность была другой, и для Герингов возвращение на родину не стало благоприятным событием. Отец Германа, долгие годы верой и правдой служивший отечеству, был преждевременно отправлен в отставку в возрасте 56 лет. Генрих Геринг верил в то, что он всей своей жизнью заслужил благодарность и признание Отечества, но он был либеральным человеком, а в 1896 г. либеральность в Германии не была более в почете. Единственной его наградой стала скромная пенсия, на которую было очень трудно прожить в Берлине.

Уделом отца Германа стало разочарование, а его жизнь приобрела саморазрушительный характер. Генрих преждевременно состарился, почувствовал себя неудачником и начал искать утешение в алкоголе. Он постепенно спивался, по вечерам теряя дар речи и способность общения. ³⁷ Такой отец мало что мог дать малышу, разве что заинтересовать его духом пруссачества, наблюдая вместе с сыном военные парады в Потсдаме. Ситуация еще больше осложнилась после того, как Геринги приняли предложение старого друга семьи, доктора фон Эппенштейна, поселиться в его чудесных замках Фельденштейн и Маутендорф. Эппенштейн – крестный отец Германа – был врачом, который в свое время помог Фанни благополучно разрешиться одним из ее старших детей. Впоследствии молодая женщина влюбилась в него, предположительно став его любовницей и даже матерью его сына Альберта Геринга, младшего брата Германа. В Фельденштейне Генриху пришлось смириться с многочисленными унижениями: ему не позволялось входить в комнаты, где размещались его жена со своим любовником, и он должен был довольствоваться скромной комнатухой на нижнем этаже. ³⁸

Для мальчика тяжело было свыкнуться с мыслью, что его отец «оказался всего лишь беспомощным и униженным рогоносцем». ³⁹ Тем не менее, жизнь с крестным отцом, которого мальчик боготворил, частично компенсировала досаду. Но тут мать «предала» сына во второй раз. После рождения Альберта Герману больше не было места в ее доме, и шестилетний ребенок был отправлен на обучение в город Фюрт, где должен был жить в интернате вдали от семьи. Он всем сердцем возненавидел интернат, страстно желая вернуться домой. Однажды, не в силах пре-

одолеть тоску по дому, он отказался вставать с кровати: «Когда чаша его страданий переполнилась, как он сам вспоминал, он просто улегся в постель и потребовал, чтобы его немедленно отправили домой в Фельденштейн. В течение четырех недель, пока учителя посылали письма протеста родителям, а доктора напрасно осматривали его, Герман продолжал сидячую забастовку». ⁴⁰

Ребенок был болен; он оставался в постели и игрался с оловянными солдатиками. Забрали ли родители малыша домой? Никак нет; им даже в голову не пришло, что их обращение с сыном могло быть расценено как жестокое. «В его же собственных интересах» он должен был расти в «мужской» суровой атмосфере и нести строгие наказания за любые нарушения дисциплины; «ради его же блага» он должен был расти сиротой при живых родителях. Никто не пришел мальчику на помощь. «Если бы только Фюрт сгорел дотла», ⁴¹ – плакал Герман во время летних каникул, умоляя оставить его дома. Но его безжалостно отсылали назад.

Герман был способным ребенком. Его IQ было 138, ⁴² так что по сегодняшним понятиям он, очевидно, был бы признан одаренным, требующим к себе особого подхода ребенком. Но в его времена никто не относился с пониманием к сигналам SOS, постоянно посылаемым подавленным мальчиком: тщетны были его попытки привлечь к себе внимание плохими успехами или протестом против учителей. Вместо серьезного отношения к его проблемам, он лишь получал все более суровые наказания за «плохое поведение», пока, в конце концов, родители не решили перевести «ослушника» в учебное заведение Аншбаха, славившееся особо жесткой дисциплиной. Порядки там были суровыми, а еда – несъедобной. Герман возненавидел этот интернат еще сильнее, чем прежний. Долго он там не выдержал, и в один прекрасный день сбежал, после того, как был унижен и высмеян директором за то, что его посаженный отец имел еврейские корни. ⁴³

В 12 лет родители решили, что у их сына есть военные наклонности, и определили его в кадетскую академию в Карлсруэ. В этой академии Герман сразу нашел свое место. С этого времени он начал отождествлять себя с другими кадетами, полюбив маршировку в строю. В солдатской жизни он обрел такую уверенность в себе и такую базу для товарищества, какую не могло ему предоставить никакое другое занятие в мире. В душе покинутого ребенка понятия долга и верности заменили отсутствующие тепло и сочувствие. Позднее он восславил солдатскую лояльность в одной из своих речей: «Только при помощи слепой верности друг другу мы сможем преодолеть все наши трудности». ⁴⁴

Геринг стал примерным кадетом. На протяжении последующих четырех лет он жил вдали от семьи, изучая военную муштру и историю Германии. В 16 лет он продолжил свои занятия в Берлинской военной школе. Эту школу Герман закончил одним из первых по успеваемости учеников, и в марте 1912 г. он был определен на службу в пехотный полк принца Вильгельма в чине младшего лейтенанта.

Тем временем отец Геринга не смог больше выносить унижения в Фельденштейне и решил перевезти всю семью в Мюнхен. Но волнения переезда совсем сломили этого разбитого человека, и в 1913 г. он скончался вскоре после переезда. Герману не довелось видеть отца в его лучшие дни, и он привык относиться к нему с подчеркнутым презрением. За день до похорон, разбирая бумаги покойно-

го, Герман впервые осознал, какое высокое положение занимал отец в зените его колониальной славы. Впоследствии Геринг рассказывал о том сильном чувстве вины, захлестнувшим его, когда он каялся в неумении общаться с отцом; и эта боль раскаяния достигла своего апогея на следующий день, когда сын рыдал над открытой могилой отца на Мюнхенском кладбище.⁴⁵

Это было очень значительным совпадением, что у обоих сестеиальных близнецов детство знаменовалось ранней потерей матери, сопровождавшейся потерей контакта с уважаемыми, но разбитыми жизнью отцами, не способными воспитывать своих сыновей. Еще более озадачивает вопрос, почему описанные образы отцов напоминают классические портреты отцов Козерогов, описанные Лундстед: «У большинства Козерогов отец, являясь уважаемым членом семьи, остается недостижимым и не вовлеченным в семейную жизнь».⁴⁶ Продолжая тему образа отца в свете астрологических описаний, хотелось бы обратить внимание на возможные последствия того, что в картах Геринга и Розенберга была квадратура Солнце-Юпитер (между этими планетами был угол в 90°). По словам Лундстед, при таком аспекте: «Ребенок рожден в атмосфере, где отец плохо относится к себе. Он либо не любит свою работу, либо не удовлетворен своим положением в момент рождения ребенка. Есть много шансов, что отец не умеет по-взрослому справляться со своими проблемами.... Ребенок может потерять интерес к такому отцу или не установить контакты с ним. В некоторых случаях такой отец исчезает в детстве».⁴⁷ Не является ли такой стереотипный образ прекрасным описанием двух отцов, спившегося Генриха и замкнувшегося Вольдемара, так и не сумевших наладить связь со своими сыновьями? Как, и при помощи каких механизмов, относительное положение планет в момент рождения этих сестеиальных близнецов отражало действительные образы их отцов? В любом случае, астрологи считают, что квадратура Солнце-Юпитер – это тяжелый аспект. Хикки предупреждала, что проявлением этого аспекта может быть желание выставить себя напоказ, ведущее к «избыточной гордыне и к стремлению взобраться на вершину, не заслужив того».⁴⁸ Важный жизненный урок для таких людей – это «научиться понимать, что по мере того, как они начнут нести ответственность за свои действия, мир начнет откликаться, действуя вместе с ними, а не против них».⁴⁹

Ни Розенберг, ни Геринг не слышали таких предупреждений. Их жизни разворачивались без всяких попыток к само-осознанию с их стороны. Как типичные Козероги, они взбирались все выше, и выше, и выше. Они бились за то, чтобы завоевать славу. Их не заботило ничего, кроме признания и почета, потому что в глубине души они, подобно Питеру Пэну и его потерянным мальчишкам, оставались вечными пленниками несчастного детства, принадлежащими несуществующему острову Нетинебудет. Семена подавленной ярости были посеяны в их детстве. Сочувствие и любовь отзывчивого окружения были необходимы для того, чтобы залечить их эмоциональные раны. Но общество, окружавшее Розенберга и Геринга, не владело методами исцеления ранних душевных травм. Люди не знали еще, что подавленные в детстве эмоции смогут позднее проявиться в актах ненависти и разрушения. У обоих сестеиальных близнецов семена агрессивности попали на благоприятную почву. Для них обоих стало ясно, что ценность (как

говорил Розенберг) «героической чести с рыцарскими манерами» должна пре-
вышать ценность «женственной» сострадательной любви.⁵⁰

Оглядываясь назад, можно понять, что не было никакой иронии в том, что оба селестиальных близнеца решили спроектировать свои идеальные дома смерти. Рожденные в домах, где царила смерть и разлука, и где отсутствовала «женственная» сострадательная любовь, они были готовы превратить весь мир в гигантский крематорий, в мемориал их печального детства.

Психологические тесты нацистских лидеров не смогли выявить ничего особенного в этих на первый взгляд обыкновенных людях, что бы выдало в них ответственных за целенаправленное уничтожение целых народов. Вследствие этого Ханна Арендт ввела для этих людей, неспособных ужасаться проявлениям зла, ставший впоследствии ходким термин «банальности зла». По аналогии, можно охарактеризовать жизни Розенберга и Геринга понятием «банальности смерти». В их глазах жизнь никогда не была свята, в то время как смерть была привычна и обыденна. Для Розенберга и Геринга реакция на смерть людей была настолько же банальна, как и реакция на «смерть» их оловянных солдатиков. Этот взгляд на «банальность смерти» Геринг неоднократно высказывал в своих беседах с доктором Гильбертом в Нюрнбергской камере. В одной из таких бесед он пытался пояснить, почему фильмы о военных преступлениях не волнуют его: «Я не какой-нибудь бездушный монстр, который не находит применения человеческой жизни. И дело не в том, что преступления не производят впечатления на меня – но я уже так много посмотрелся – тысячи расчлененных и полуобгоревших тел в первой мировой войне...».⁵¹ При другой okazji Геринг пытался успокоить доктора Гильберта: «Ах, да Вы не должны ценить жизнь так высоко, мой дорогой профессор. Ведь все умирает, раньше или позже».⁵² Когда фильм о военных преступлениях демонстрировался перед заключенными, Розенберг и Геринг, оба отвернувшись от экрана, не могли усидеть спокойно на своих местах. Отказывая себе в праве выражать «женственные» чувства сострадания, они оба привыкли отводить свой взгляд от всего, что им не хотелось видеть. Может быть, причиной тому была их незажившая травма детства? На протяжении стольких лет их заставляли видеть банальность своей жизни и не оплакивать свое трагическое детство; так почему они должны оплакивать судьбы других людей?

Швейцарская психолог Элис Миллер в своей книге «Ради твоего собственного блага» писала, что за каждым преступлением скрывается трагедия.⁵³ Она полагала, что когда в наиболее трагических ситуациях ребенку не была протянута рука поддержки, потому что никто не видел, что он живет в аду, возникает опасность, что жестокость этого ада превратится в повседневную норму всей его дальнейшей жизни. Похоже, что никто не расценивал детские годы Геринга как ад, и никто не помог Розенбергу выразить свое горе; никто не помог этим селестиальным близнецам выбраться из своего ада, и ад смерти превратился в банальность их жизни.

Сегодня исследование возможного влияния трагического детства на дальнейшее развитие личности все еще находится в начальной стадии. Одной из первых попыток проанализировать имеющиеся на эту тему стала недавно опубли-

ликованная книга «Parental Loss and Achievement», которая подтверждает, что ранняя потеря родителей признается наиболее серьезной травмой, влияющей на последующее развитие личности. Эта работа предполагает, что чувства гнева вследствие ранней утраты или накопленные страдания несчастного детства могут «позднее трансформироваться либо в выдающиеся достижения, либо в крайнюю форму антиобщественного поведения».⁵⁴ Этот психологический «прогноз» в случае Геринга и Розенберга поразительно перекликался с астрологическим убеждением, что Козероги «способны обладать большой силой и иметь развитое чувство предназначения», но в то же время «могут проявлять как наивысшие, так и самые низменные качества, на которые способна человеческая натура».⁵⁵ Эти психологические и астрологические замечания удивительно совпадали с выводами матери Геринга, которая еще в его детстве полагала, что: «Герман станет либо великим человеком, либо злейшим преступником».⁵⁶ Такие же тенденции к крайностям будут впоследствии характерны в оценках работ Розенберга. В то время как в нацистской Германии он будет награжден первой Немецкой Национальной Премией (эрзац Нобелевской премии), современные ученые, такие как Айзенк, заявят, что: «Книги Розенберга являются, наверное, самыми скучными и самыми непонятными из всего когда-либо написанного».⁵⁷ Никто не будет видеть в них посредственность: их всегда будут рассматривать как наивысших или самых низменных.

Исследование сирот также выявило, что эти дети более склонны, чем другие, проявлять интерес к политической карьере: «Общим знаменателем у значительного большинства известных исторических лидеров, как политических, так и религиозных, является то..., что большинство из них были сиротами, внебрачными детьми, подкидышами, или каким-то другим способом отвергнутыми своими родителями детьми».⁵⁸ Процент сирот среди политиков настолько велик, что пораженные авторы задаются вопросом: «Можем ли мы спросить со всей серьезностью – неужели миром правят сироты?»⁵⁹ Несмотря на то, что такое психологическое наблюдение совместимо со стремлением Розенберга и Геринга стать политиками, само по себе оно не может объяснить, почему именно эти два сестистальных близнеца реагировали на проблемы детства настолько одинаковым образом, в корне отличным от подходов других рано осиротевших политиков. Почему именно эти осиротевшие сестистальные близнецы должны были стать злейшими преступниками? Психология не дает ответа на этот вопрос. Астрология, хотя и предвидит возможность возникновения проблем, тем не менее, не может знать, как человек справится с этими проблемами. Многие аспекты раннего окружения и положения звезд Розенберга и Геринга могли вызвать опасения за их судьбу, но ни один из них, взятый сам по себе, не был достаточным для того, чтобы объявить их потенциальными преступниками. Не каждый сирота несет в себе ростки зла; не каждый Козерог безжалостно амбициозен; не каждая квадратура Солнце-Юпитер проявляется в тщеславии и неумной гордыне. Однако, когда много таких единичных факторов сплелось в клубок сложных обстоятельств в жизни двух конкретных людей, оба они вполне могли ощутить себя пленниками судьбы. По неизвестным причинам факт одновременного рождения сопровождался и

похожими обстоятельствами ранней среды, и похожими личностями, и одинаковыми исходом их жизни.

Вернемся к биографиям, а вернее к школьным годам Розенберга. Как и для Германа, отрочество Альфреда, по всей видимости, было самым счастливым временем в его жизни. Когда Геринг был примерным кадетом, Розенберг был преуспевающим школьником в немецкой реальной гимназии в Ревеле. К тому времени Альфред уже развил свою страсть к чтению, и помимо того он увлекался плаванием и катанием на коньках. Вдобавок подросток проявлял серьезный интерес к искусству и к истории древнего мира. Розенберг был наделен неплохими способностями, и преподаватель рисования, эстонский художник Вильгельм Пурвитт, поощрял его бродить по старинным кварталам города, делая зарисовки в блокнот. Альфред любил рисовать, и до конца своих дней он глубоко сожалел о том, что не стал художником.

Обладая достаточно высоким IQ (по Нюрнбергским данным оно равнялось 127),⁶⁰ Розенберг нашел удовлетворение своих интеллектуальных запросов в изучении философии и истории. Уже в 15 лет он пришел в восторг от «Основ девятнадцатого века», написанных Чемберленом.⁶¹ В то время это сочинение, являвшееся наиболее ярким проявлением чувств антисемитизма и превосходства нордической расы, с одной стороны, заразило юношу мифом принадлежности к сверх-людям, а с другой стороны, отравило его ненавистью к тем группам, которые были якобы ответственны за все его беды. Не будучи в состоянии найти никаких явных причин своих несчастий, одинокий подросток был склонен идентифицировать себя с мифологическими представителями высшей расы, несправедливо обделенными географическими условиями и ограбленными хитрыми «низшими» расами. С этого времени он вместо того, чтобы решать свои личные проблемы, посвятил себя вопросам «национального духа».

Приблизительно в том же возрасте, когда Геринг обрел свое место в рядах колонны своих военных сокурсников, Розенберг обрел свой мир в отождествлении себя с мифологическими тевтонскими героями.

В 17 лет Розенберг окончил гимназию и поступил в Рижский технический университет на факультет архитектуры. Позднее он продолжил свои занятия архитектурой в Москве, но его истинные интересы, как и прежде, относились к области расовых исследований. Юноша мечтал углубить свои познания в этих вопросах и с этой целью продолжал самообразование в философии. Уже в тот период он начал сочинять «Мифы двадцатого века», ставшие впоследствии его главной работой.

Университетские годы Розенберга начинались, как самый стабильный и многообещающий период в его жизни. Он был способным студентом, только что женившимся на любимой девушке. Но в окружающей жизни не было никакого постоянства, и все вокруг него быстро распадалось. Первая мировая война, революция и последующая гражданская война несли с собой ненависть и разруху. И как будто мало было быть свидетелем всего этого хаоса, смерть опять отобрала у него самое дорогое, когда его жена смертельно заболела туберкулезом. Несмотря на все, Розенберг демонстрировал способности к учебе и волю к достижению

поставленной цели. В январе 1918 г. он успешно сдал дипломные экзамены, и за хороший проект получил предложение занять пост ассистента при профессоре Московского университета.⁶² Достигнув этой жизненной развилки, Розенберг по непонятной причине отклонил заманчивое предложение и возвратился в Ревель.

Через две недели после получения диплома Розенберг с восторгом приветствовал немецких солдат, расквартировавшихся в его городе. Наконец-то его мечта присоединиться к колоннам марширующих солдат стала реальной. Он немедленно предложил себя в добровольцы, но его отвергли на основании того, что местный житель не мог считаться немцем.⁶³ Счастливые дни Розенберга под немецким контролем были коротки. В ноябре пришло разоружение, нанеся тяжелый удар по всем его дальнейшим планам. Рейх агонизировал; немецкие части покидали Прибалтику. Молодой человек открыто рыдал, услышав эти новости. Он решил покинуть родину «для того, чтобы приобрести отечество».⁶⁴ В последний день ноября 1918 г., перед тем как окончательно покинуть Ревель, Розенберг обратился к толпе с одной из своих первых речей, в которой он представлял иудаизм и большевизм как основную опасность для Германии.⁶⁵ Эта речь, проникнутая злобой, откровенной ненавистью и жаждой мести, позволяла в большой степени предсказать основные линии его последующей жизни.

Сперва Розенберг направился в Берлин. Туда он послал письмо с просьбой работать у известного архитектора Беренса, от которого вскоре получил приветливое приглашение на встречу. Однако по прибытии в Берлин Розенберг по необъяснимым причинам отменил визит к архитектору. Что-то в атмосфере Берлина заставило его изменить свои планы. Для российского эмигранта, стремившегося ощутить себя немцем, эти дни в повергнутом Берлине стали решающим моментом на перепутье дорог. Глядя на колонны побежденных солдат, марширующих по «Унтер ден Линден» на пути к демобилизации, он чувствовал, как будто у него отбирают все мечты. «Это была картина, которую я не мог никогда забыть»,⁶⁶ — писал он в своих мемуарах.

Несмотря на то, что эти считанные дни в Берлине были всего лишь коротким эпизодом в жизни Розенберга, они оказали значительное влияние на всю его дальнейшую жизнь, потому что именно тогда он окончательно отказался от идеи стать архитектором. По какому-то непонятному совпадению те же несколько дней в Берлине в декабре 1918 г. сыграли решающую роль в жизни Геринга. После войны он должен был вернуться домой в Мюнхен, но из-за царившего тогда хаоса ему пришлось проехать через Берлин. Подобно Розенбергу, он несколько дней бесцельно слонялся по городу.⁶⁷ В результате этой случайной задержки Геринг (подобно Розенбергу) произнес одну из своих первых знаменитых речей. Эта речь состоялась в берлинском зале филармонии, куда слепой случай привел Геринга на собрание, организованное генералом Рейнхардтом.

К тому времени Геринг был уже выдавшим виды офицером, служившим с 1914 г. Начав войну пехотным младшим лейтенантом, он неудержимо рвался в бой. Но вопреки всей храбрости, он скоро пришел к выводу, что война — это грязное и холодное занятие. Уже через пару недель острая ревматическая атака

привела его в госпиталь. В результате болезни Герингу не пришлось участвовать в битве на Марне и, более того, ему удалось избежать дальнейшей службы в пехоте. После выздоровления он добился перевода в военную авиацию. Последующие четыре года были, по всей вероятности, настолько же прямолинейны и естественны для карьеры Геринга, как и соответствующие университетские годы Розенберга. В октябре 1914 г. он начал летать в качестве наблюдателя, а затем – пилотом разведывательной и бомбардировочной авиации. Осенью 1915 г. он стал летчиком-истребителем. В 1918 г., когда Розенберг получил диплом, Геринг добился наивысшего для летчика признания: он возглавил знаменитую эскадрилью №1, более известную под названием «Эскадрилья Рихтгофена» – по фамилии ее первого прославленного командира. Небо манило к себе молодого человека так, что однажды он даже сказал с присущей ему мегаломанией: «Мне кажется, что я начинаю жить, когда я высоко в небе, и, глядя вниз на землю, чувствую себя маленьким богом».⁶⁸

К концу войны Геринг был овеянным славой героя капитаном, на груди которого красовались «Железный крест» I степени, орден Льва со шпагами, орден Карла Фридриха и наивысшая награда «За заслуги». Но тут пришел ноябрь, а вместе с ним и поражение, принудившее «маленького бога» спуститься на землю. В берлинском зале филармонии он стал свидетелем того, как военный министр генерал Рейнгардт зачитывал указ правительства, требующий от офицеров снять с форм все знаки отличия, включая ордена и эполеты. От молодого героя требовали расстаться не только со своими мечтами о победе, но и со всеми заслуженными наградами. Стоило министру закончить свое обращение, как Геринг уже поднимался на сцену. Одет он был в парадную форму, украшенную всеми орденами и регалиями. Многое в его дальнейшей жизни можно было бы предугадать из его пламенной речи, ставшей спонтанным криком души: «Четыре долгих года мы, офицеры, исполняли наш долг, рискуя жизнью во имя Отечества. Теперь мы пришли домой, и как с нами обращаются? Плюют на нас и лишают славы... Я призываю всех собравшихся здесь разделить ненависть, глубокую всепоглощающую ненависть к этим свиньям, возмущившим немецкий народ и наши традиции. Настанет день, и мы вышвырнем их из Германии. Готовьтесь к этому дню. Вооружайтесь к этому дню. Приближайте этот день».⁶⁹

Эта речь имела колоссальный успех, но некоторые биографы предполагают, что нанесение оскорбления министру закрыло для Геринга возможности продолжения его военной карьеры. Другие биографы считают, что Геринг все же получил приглашение занять должность в немецкой армии,⁷⁰ но (подобно Розенбергу) после посещения Берлина он по непонятным причинам отказался от продолжения прежней карьеры. В те критические дни «Геринг избрал своим жребием присоединиться к тем, кто посвятили себя делу разрушения Немецкой республики».⁷¹ В конце месяца он уже продолжал свой путь домой, в Мюнхен. В то время, как Розенберг никогда не мог позабыть картины пораженного Берлина, Геринг навсегда запомнил, что: «Эта дорога домой была самым несчастным моментом в моей жизни. Никогда больше я не был в таком подавленном настроении».⁷²

Создается впечатление, что какая-то сила, большая, чем слепая случайность,

привела обоих сестеиальных близнецов одновременно в Берлин, чтобы испытать чувства поражения и потерянности. Сила этих чувств была сравнима по интенсивности, наверное, с их детскими переживаниями покинутых младенцев. Придя в этот мир в ожидании попасть в объятия восхищенных родителей, они столкнулись с одиночеством. И вот теперь, когда они наконец-то сумели обрести замену «малой семье» «большой семьей» своей Родины, им было суждено снова оказаться покинутыми. Та заботливая Родина, о которой мечтал Розенберг, находилась в агонии; она умерла с подписанием договора о разоружении. Прибытие ее нового гражданина, Альфреда Розенберга, не представляло для нее никакого интереса. Точно так же не суждено было сбыться мечтам Геринга об отзывчивой Родине, оценившей по достоинству своего героического сына. Подобно тому, как ранее его мать оставалась глухой к рыданиям и призывам малыша, теперь его Родина не смогла оценить и использовать по назначению его таланты. У нее хватало других проблем и забот, и она отвернулась от него, оставляя один на один с пугающим миром. И как ранее трехлетний Герман бил свою мать в приступе беспомощной ярости, так молодые люди Розенберг и Геринг призвали к ненависти к тем, кто, по их мнению, был повинен в их страданиях.

Мало того, что эти сестеиальные близнецы симультанно очутились в Берлине в 1918 г. и одинаково запомнили эти дни как самые тяжелые дни в своей жизни, но, что кажется уже совсем немыслимым, оба они решили ехать в Мюнхен. Ясно, что у Геринга там жила мать, и что с самого начала он направлялся в этот город. Но Розенберг? Что он искал в Мюнхене? Никто не ждал его там, и никто не приглашал северного чужака в южный Баварский город. Розенберг никогда не дал ответ на вопрос, почему он тогда «последовал за жизнью» в этот город, но сердце подсказывало ему, что именно там его поджидает судьба.

В Мюнхене Розенберг перебивался разными временными работами. Все свободное время он проводил в музеях, галереях и библиотеках, продолжая самостоятельно изучать искусство и философию. Его по-прежнему интересовали расовые теории, и он надеялся, что литература по древнему индуизму и иудаизму поможет ему углубить понимание этого вопроса. Жизнь текла своим чередом, и судьба уже поджидала его за углом в образе маленькой таблички на двери одного из мюнхенских домов. Имя, написанное на ней, привлекло к себе внимание Розенберга, вспомнившего, что так звали одну из подруг его жены. И действительно, там жила его старая знакомая, которую он незамедлительно решил навестить. Когда при встрече Розенберг упомянул, что ему хотелось бы опубликовать описания мытарств российского эмигранта, девушка посоветовала ему обратиться к начинающему поэту Эккарту, издававшему антибольшевистскую и антисемитскую газету «ФБ». Розенберг вспоминал впоследствии, что его первыми словами, обращенными к Эккарту были: «Найдете ли вы применение борцу с Иерусалимом?» Эккерт с улыбкой ответил: «Конечно».⁷³

До сих пор в жизни Розенберга не было ничего, что могло бы свидетельствовать о его склонности к выбору журналистской карьеры. Он не имел опыта в журнализме и был убежден, что к деятельности в качестве публициста на службе политического экстремизма его привела «чистая случайность». В конце концов,

он ведь привык рассматривать свою жизнь как случайную цепь неожиданностей. Из-за того, что Розенберг часто менял свое призвание, приспособиваясь к различным «обстоятельствам», Геббельс в последствии называл его «почти Розенбергом», который «почти сумел стать и ученым, и журналистом, и политиком, но только почти».⁷⁴

Позднее историки нацизма с удивлением спрашивали, какие же обстоятельства заставили педантичного студента архитектуры и искусства обрести свое призвание в политике вообще, не говоря уже о НСДАП в частности. Фест пришел к выводу, что «это было всего лишь делом случая», так как «даже его [Розенберга] письменные показания в Нюрнберге не внесли ясность в эту спорную фазу его становления». В качестве наиболее распространенного объяснения такой «случайности» говорилось, что «в его характере была слабость, позволявшая ему быть ведомым почти исключительно внешними влияниями».⁷⁵

Геринг был тоже ведом случайностями. Его безразличие к идеологии и его военное образование на первый взгляд были несовместимы с будущей политической карьерой. Кубе писал: «Нам кажется, что это было всего лишь случайностью, что безработный офицер начал искать новое поле деятельности в партии Гитлера».⁷⁶ Когда Геринг отвечал в Нюрнбергской камере на вопрос доктора Гильберта, что привело его к политике, его рассказ поразительно напоминал историю Розенберга:

— Др. Гильберт: «Может быть, Вам бы следовало стать ученым, а не политиком?»

— Геринг: «Возможно. Я уверен в том, что чем бы я ни занимался, я делал бы это лучше среднего человека. Но нам не дано понять свою судьбу. Она зависит от таких мелочей. Возьмите, например, такой случай, который не дал мне стать масоном. В один из дней 1919 г. я должен был встретиться с несколькими друзьями для того, чтобы присоединиться к масонам. Пока я ожидал их, мимо меня проходила хорошенькая блондинка, которую я и подцепил. Таким образом, я так никогда и не добрался до масонов. Если бы я не подцепил ту блондинку в этот день, мне бы никогда не вступить в партию, и я бы не был здесь сегодня».⁷⁷

Если верить рассказам этих селестиальных близнецов, то в то время как случайная встреча со старой знакомой привела Розенберга к Эккарту, а с его помощью и к Гитлеру, такая же случайная встреча с хорошенькой блондинкой привела Геринга в партию Гитлера. Если о сумбурной жизни Розенберга его биографы писали, что «она направлялась лишь случаем», то биограф Геринга Фришгауэр признавал, что: «Геринг редко следовал по выбранному пути. Его судьбой управляли внешние влияния и случайные встречи, которые были сильнее, чем его привлекательная, но бездейственная личность. Он часто пытался мужественно бороться за право быть самим собой, но даже перед ближайшими друзьями он предстával во многих облициях, за которыми не трудно было разглядеть очередное доминантное влияние».⁷⁸

Случайные внешние факторы и беспорядочные эмоциональные реакции на них продолжали формировать жизни обоих селестиальных близнецов, и «очередному доминантному влиянию» нового оратора, Гитлера, суждено было пере-

расти в наиболее сильную привязанность всей их жизни. Розенберг вспоминал, что его потянуло к Гитлеру уже в 1919 г., в тот самый момент, когда он впервые услышал его со сцены: «Тут я увидел немецкого солдата с передовой, провозглашавшего войну настолько же убедительно, насколько и открыто, с мужеством свободного человека, полагавшегося только на самого себя. Именно это привлекло меня к Адольфу Гитлеру уже через пятнадцать минут его речи».⁷⁹

Это была политическая любовь с первого взгляда. Розенберг стал одним из первых членов НСДАП, и его порядковый номер был 623 (номера начинались с 500, Гитлер был № 555). На этой стадии Гитлеровское движение состояло преимущественно из бывших солдат, и Розенберг выделялся на их фоне в качестве одного из первых гражданских лидеров. Вскоре он стал плодовитым публицистом, чьи интеллектуальные запросы и разносторонняя начитанность составляли резкий контраст с необразованностью большинства других нацистских вождей. Из-под его пера нескончаемым потоком текли желчные статьи, брошюры и памфлеты, переполненные фанатической ненавистью ко всему, начиная с евреев и кончая финансовой биржей. Подогреваемый идеализмом и распаляемый чувством неограниченной личной власти, Розенберг стал наиболее подходящим кандидатом на пост организатора мощной нацистской пропаганды. Э. Ханфштенгль описывал силу влияния Розенберга в этот период: «Я скоро обнаружил, что он [Гитлер] находился под сильным влиянием Розенберга..., антисемитского, антикоммунистического, антирелигиозного смутьяна, о способностях которого к философствованию и к сочинительству Гитлер имел очень высокое мнение.... Я же предупреждал Гитлера об опасностях писаний Розенберга на темы расы и религии».⁸⁰

В январе 1921 г. Розенберг успешно организовал один из первых значительных партийных митингов и вскоре пошел на повышение, заменив Эккарта на посту главного редактора «ФБ». В качестве ответственного за единственную партийную газету, Розенберг добился резкого повышения ее тиража. В нацистском движении он получил возможность найти выход своим агрессивным эмоциям и приобщиться к военному стилю жизни, манившему его к себе еще с ранних дней юности. Как и Геринг, он обожал военные мундиры и знаки отличия. Теперь уже оба сестимильных близнеца были очарованы мишурой одежд, зачастую путая театральные эффекты с настоящей властью. Геринг особенно славился своим экстравагантным стилем: он расхаживал в зеленых кожаных жакетах и средневековых головных уборах, меняя мундиры по пять раз в день и выставляя напоказ пистолеты и ордена. Розенберг старался не отставать от него, так что Ханфштенгль запомнит его сидящим в своем кабинете в редакции «одетым в фиолетовую рубашку с алым галстуком, в коричневой жилетке и в синем костюме», перед ним на письменном столе всегда «красовался эффектно выставленный напоказ пистолет....».⁸¹ Робертс, в свою очередь, описал Розенберга как постоянно хмурого человека, который оживлялся и «каждый раз радовался новым портретам на обложках своих книг».⁸²

Гитлер нашел в Розенберге подходящего претендента на должность главного идеолога «высшей расы», готового разработать нацистскую доктрину ненависти. Но ни Гитлер, ни Розенберг не были готовы довольствоваться распространением

своих человеконенавистнических идей. Для Розенберга было не менее важно увидеть на практике их претворение в жизнь, так что его девизом стало: «Миф должен быть не только понят, но и воплощен в жизнь».⁸³ Существенной частью в его философии стал поиск героя, и, по его убеждению, истинный «героизм был присущ только представителям нордической расы».⁸⁴ Для создания империи движению не было достаточным иметь лидера и главного идеолога. Необходим был еще и Солдат. И символичным стало то, что из всех немецких солдат, воплощением идеального героя Розенберга стал никто иной, как его селестиальный близнец, Геринг.

И, что не менее озадачивает, из воспоминаний Геринга следует, что хотя его встреча с Гитлером была тоже «чистой случайностью»,⁸⁵ весь сюжет и декорации этой сцены напоминали соответствующие страницы биографии Розенберга. Геринг вспыхнул к Гитлеру политической любовью с первого же взгляда, услышав его впервые на митинге в Мюнхене. Ему немедленно захотелось сотрудничать с Гитлером, и ни секунды не откладывая, он тут же добился ним встречи. Геринг записал: «Он [Гитлер] принял меня сразу, и после того как я представился, он сказал, что замечательный поворот судьбы свел нас вместе».⁸⁶ С точки зрения Геринга, его встреча с Гитлером была результатом необычайной цепочки удивительных «поворотов судьбы». После первой мировой войны Геринг, подобно Розенбергу, не мог обрести себя в новой для него гражданской жизни. Долго оставаться в Мюнхене он не смог, так как из-за участия в работе одной из националистических групп ему грозила опасность ареста. К весне 1919 г. он покинул Германию и стал зарабатывать себе на жизнь показательными полетами в Дании, а затем в Швеции. Для гражданской авиации, находившейся еще в пеленках, ас его уровня был настоящей находкой. Казалось бы, что Геринга ожидала успешная карьера. Но тут в его жизнь снова ворвался «случай», повлекший за собой целую цепь других событий. Этим «случаем» послужила встреча с баронессой Карин фон Фок, которую он увел у мужа и сына и вывез в Мюнхен, где состоялась их свадьба.

Возвратясь в Баварию, Геринг поступил на первый курс Мюнхенского университета, намереваясь изучать политические науки и историю. Жил он в симпатичном домике на окраине города, и молодой паре хватало на жизнь той пенсии, которую Карин выделила ее семье. В университете Геринг опять получил от судьбы новый шанс приобрести профессию и найти свое место в гражданской жизни. Однако университетская жизнь отталкивала Геринга своей «скукой»; после Швеции, где его восхваляли как прославленного аса, ему было не по себе расстаться с образом героя. В университете ему было трудно свыкнуться с мыслью, что в глазах сокурсников он превратился в олицетворение воина, потерпевшего постыдное поражение.

Геринг всегда спешил как можно скорее занять место лидера. Было бы неверным считать, что его приход в нацистскую партию был всего лишь нелепой случайностью. В тот период, когда состоялась его встреча с Гитлером, он имел все шансы на продолжение учебы и на дальнейшую академическую карьеру. Но у него не хватало терпения для систематических занятий, и милитаристский пыл наци-

стов манил его сильнее, чем скрупулезные исследования. Он жаждал незамедлительно ощущать себя «маленьким богом». Гитлер дал ему такую возможность, рассмотрев в нем потенциального организатора своей будущей армии. Его престиж в качестве героя войны, и его энтузиазм, питаемый жаждой мести и стремлением к власти, делали Геринга именно таким руководителем, в котором нуждалась ударная сила партии – ее штурмовые отряды (SA). За считанные месяцы из многочисленного, но плохо организованного воинства Геринг вымуштровал настоящую армию, превратив ее в «надежную единицу, способную успешно выполнять приказы Гитлера».⁸⁷

До 1923 г. Розенберг уже перепробовал себя на многих поприщах, оставаясь по-прежнему «недоучкой» во всем. Ему, как и Герингу, довелось всю жизнь прожить «широко полубразованным человеком».⁸⁸ Но уже с самой первой встречи с Гитлером оба сестистальных близнеца заразились манией величия, мечтая стать «королями» великой Германской империи, управляемой «расовой элитой». Гитлер осыпал Розенберга почестями, провозгласив его главным идеологом движения. Гитлер также обласкал Геринга, вскружив ему голову похвалами за быструю муштру штурмовиков. Это признание Гитлером «почти философа» Розенберга и «отставного героя» Геринга послужило для обоих сильнейшим фактором роста их неимоверной гордыни и тщеславия. В гитлеровском движении Розенберг и Геринг наконец-то нашли то, что считали идеальным для себя типом отношений: они были «душой и телом» преданы своему героическому лидеру (и никому другому), в ответ на это им выделялась роль «маленьких божков», распоряжающихся жизнями и судьбами других людей.

Вполне возможно, что немалую роль в создании такого рода отношений имел тот факт, что Гитлер, сам рано осиротевший, как никто другой сумел «по-матерински» пригреть этих сестистальных близнецов. Он позволил им пережить стадию симбиоза с «материнской фигурой», поощряя их познать нарцисстические чувства, столь необходимые для нормального развития ребенка в младенчестве. Но Гитлер в конце концов обернулся ревнивой властной «матерью», поглощающей своих собственных детей. С одной стороны, он лелеял в них тщеславие, покупая их тотальную верность обещаниями сделать их наследными «принцами». С другой стороны, он фактически кастрировал их, требуя от своих «детей» беспрекословного повиновения. В один из редких моментов прозрения Геринг так описывал свои отношения с Гитлером: «Эти отношения обернулись для меня полнейшей духовной проституцией».⁸⁹ По Герингу, цена такой «проституции» стоила того: «Попробуйте-ка на протяжении двенадцати лет оставаться наследным принцем – всегда лояльным по отношению к королю, не одобряя значительную часть его политики, но не в состоянии изменить ничего, зная, что в любой момент ты можешь стать королем, и от тебя потребуются справиться с любой ситуацией».⁹⁰

Однако первым, кому судьба улыбнулась стать «избранником» короля и после провала путча 1923 г. принять на себя титул правящего «принца-регента», был не Геринг, а его сестистальный близнец Розенберг, который наравне с ним был причастен к планированию мятежа. Атмосфера первых встреч этих сестисталь-

ных близнецов предстает перед нами из описаний двух мест, где заговорщики собирались в Мюнхене. Первым местом была популярная маленькая пивнушка, где каждый вечер один большой стол был зарезервирован для группы постоянных посетителей. За этим столом, как правило, встречались Рем, Эккарт, Розенберг, Ханфштенгль, Дрекслер и чета Герингов.⁹¹ Поглощая огромное количество пива, они шумели и горланили, с запалом споря о будущем партии и Германии. Другим местом была маленькая аристократическая вилла Геринга, где по ночам собирались Гитлер, Гесс, Розенберг, Эккарт, Эссер, Ханфштенгль, Рем и генерал Людендорф. Впоследствии Карин Геринг с тоской вспоминала те дни, когда в ее уютном домике со старинными деревянными стульями, возле пылающего камина собирались все, «кто посвятил себя Гитлеру и его делу».⁹²

В этом узком, почти интимном, кругу конспираторов Геринг и Розенберг играли ведущую роль в планировании Мюнхенского путча, совместно разрабатывая детали вооруженного переворота. Уже тогда они действовали секретно, не брезгуя прибегать к наиболее подлым и жестоким средствам для захвата неограниченной власти. Позднее считалось, что Розенберг был инициатором центральной идеи захвата в заложники всех тех, в чьем сотрудничестве нуждались заговорщики, а Геринг принял на себя непосредственную роль осуществления этой идеи во время путча.⁹³

Первый Мюнхенский период в жизни Геринга и Розенберга закончился 8 ноября 1923 г., после попытки Гитлера поднять восстание против Веймарской республики. В этот день Гитлер решили свергнуть баварское правительство, надеясь, что успех вызовет цепную реакцию аналогичных событий по всей стране. С этой целью мятежники захватили заложников из числа представителей правых политических группировок, собравшихся на свой съезд. Из описаний Сесилия можно ярко представить себе, как согласованно действовали оба селестиальных близнеца в начале того рокового дня: «Около 8:30 Геринг ворвался внутрь со своими вооруженными до зубов штурмовиками, а Гитлер, Розенберг и Граф в это время пробившись к сцене, спустив предохранители своих револьверов».⁹⁴

На следующий день около 3000 нацистов приняли участие в марше на улице Фельдернале. Правительство действовало решительно, и полицейские силы разогнали демонстрантов беспощадным огнем. Недостаточно подготовленный путч был подавлен в тот же день, навсегда отбив охоту у путчистов действовать революционными методами. Лидерам путча пришлось скрываться от полицейских преследований.

Во время этого марша Геринг получил серьезное ранение в область бедра. В первые часы после перестрелки ему удалось скрыться в близлежащем домике сестер Баллен, которые по счастливой случайности имели опыт военных медсестер. По иронии судьбы это была еврейская семья, и сестры знали о политических взглядах Геринга и о том, что он скрывался от полиции. Тем не менее, это не помешало им посочувствовать его беде и оказать ему первую помощь. Геринг, в свою очередь, пообещал когда-нибудь вознаградить их за доброту. Впоследствии Геринг, действительно, «щедро» вознаградил их: когда через много лет он одной рукой подписывал приказ об «окончательном решении» еврейского вопроса, дру-

гой рукой он подписал разрешение сестрам Баллен покинуть Германию.⁹⁵

Полиция выдала ордер на арест Геринга, но верные люди помогли ему нелегально пересечь австрийскую границу. На протяжении последующих четырех лет он не мог вернуться в Германию, а вынужден был жить в Австрии, Италии, а затем в Швеции. Это были наиболее мучительные годы в жизни Геринга. Его раны плохо заживали. Для ослабления постоянных болей врачи в течение двух лет ежедневно вводили ему морфий. В результате у него развилась наркотическая интоксикация, проявившаяся в психическом расстройстве. Геринг был сочтен опасным в общении, и так как в те времена еще не умели лечить от наркомании, то в 1925–26 гг. его пришлось изолировать сначала в шведской психиатрической клинике в Лангбро, а затем в аналогичной клинике более сурового режима в Конрадсберге.

Из своего изгнания Геринг горько жаловался на вынужденную политическую изоляцию. Более того, кто-то из партийных деятелей позаботился вычеркнуть его имя из списков членов партии, таким образом лишив его финансовой поддержки. Согласно Ханфштенглю, этим заботливым человеком был никто иной, как сестиниальный близнец Геринга, Розенберг.⁹⁶

Жизнь Розенберга в период, следовавший за путчем, тоже была сумбурной. Подобно Герингу, ему удалось скрыться от немедленного ареста. Это совпадение выглядит почти анекдотом, но обоих сестиниальных близнецов случайно укрыли от преследований «сердобольные» пожилые дамы. Розенберг, прикрытый от пуль шагавшим перед ним Герингом, по счастливой случайности «не направился домой, а нашел пожилую даму, согласившуюся приютить его».⁹⁷ Хотя Розенбергу и не пришлось бежать за границу, он скрывался в подполье, часто меняя адреса и по мере необходимости временами нелегально пересекая австрийскую границу.

В отличие от Розенберга и Геринга, Гитлер пытался скрыться на загородной вилле Ханфштенгля, где полиция незамедлительно его арестовала. В результате этого ареста он назначил Розенберга своим временным преемником на посту руководителя партии. Гитлер был настолько уверен в нем, что написал на клочке бумаги лишь одну строчку: «Дорогой Розенберг! С этого момента руководите движением».⁹⁸ Розенберг был поражен, но, тем не менее, взялся возглавлять нелегальную партию до конца июля 1924 г.

Почему Розенбергу в качестве руководителя партии понадобилось избавиться от Геринга? Возможно, что он уже тогда видел в своем сестиниальном близнеце наиболее опасного претендента на пост следующего «преемника» Гитлера? Или же это просто была месть за то, что несвязные писания Розенберга о расах и о политике зачастую становились «мишенью для издевок Геринга»?⁹⁹ Теперь пришла очередь Розенберга заплатить ему сторицей, сначала поместив его имя в список бездействующих членов партии, а затем и вовсе вычеркнув его из списков. Каковы бы ни были мотивы, двигавшие Розенбергом, ему вскоре довелось понять, что этот эпизод дорого ему стоил.

Что же до славы слыть «преемником» Гитлера, то Розенбергу никогда не довелось насладиться ею. Позднее Гитлер раскаялся, что доверил настолько важный пост Розенбергу, и постарался всячески забыть этот эпизод. Период правления

Розенберга умалчивался как в его официальной биографии, написанной Хартом, так и в официальной истории нацизма. В этой тенденции скрыть факт временного правления Розенберга Гитлеру «вторил Геринг, зачастую высказывавший враждебность к Розенбергу».¹⁰⁰

Временное руководство Розенберга не признавалось другими лидерами партии. В конце концов, Розенберг и Геринг всегда считались в партии чужаками, присоединившимися к движению исключительно благодаря Гитлеру, и с другими членами партии у них не было ничего общего. Геринг уже и раньше имел конфликты с баварским ядром НСДАП. Он открыто насмехался над этой эксцентричной компанией, именуя их сбродом «узколобых любителей пива, обладающих провинциальным мировоззрением».¹⁰¹ Теперь настал час Розенберга вступить в открытый конфликт с такими нацистскими лидерами, как Эссер, Штрайхер и Амман. Согласно Людеке, «они высказывались о нем [Розенберге] с ненавистью и презрением. Легко было видеть их негодование против его интеллектуальности, его сдержанности, его холодного недружелюбия...».¹⁰²

Северный интеллектуал Розенберг был настолько же изолирован в партии, как ранее считался прусский офицер Геринг. Было ли это результатом их «интеллектуальности» и «аристократичности», или же в их характерах были дополнительные черты, приводившие к подобной изоляции? Попробуем, например, сравнить два описания Розенберга и Геринга, написанные их современниками. Гаулейтер Креббс вспоминал, что Розенберг был настолько уверен в своих мнениях, что «вообще не мог себе представить, как у других они могут отличаться».¹⁰³ В то же время, Робертс отмечал, что Геринг был «склонен презирать все, что не был в состоянии понять».¹⁰⁴ Из таких описаний следует, в частности, что оба селестиальных близнеца на самом деле жили в своих изолированных мирках, признавая лишь собственные субъективные убеждения и отрицая право на существование любых других точек зрения.

Короткий период правления Розенберга стал провалом, послужив причиной конфликтов с Гитлером. Отношения Розенберга с Гитлером в этот период носили двойственный характер. С одной стороны, Розенберг считался политическим философом Гитлера, который (как полагали многие) во время многочисленных посещений Гитлера в тюрьме сумел заразить его своими расистскими и националистическими взглядами, позднее нашедшими выражение в «Майн Кампф».¹⁰⁵ Некоторые современники видели в Розенберге «закулисную движущую силу», вплоть до того, что один автор писал: «Гитлер приказывает то, что пожелает Розенберг!»¹⁰⁶ С другой стороны, уже намечался разрыв в отношениях Гитлера с Розенбергом, неизбежно вытекавший из-за непопулярности Розенберга на посту главы партии. В 1924 г. в результате слабости Розенберга и его неумения поддерживать отношения с другими лидерами партии, он вынужден был подать в отставку не только с поста руководителя партии, но и отказаться от поста редактора «ФБ».

В то время, как Геринг был насильственно заключен на короткий срок в психиатрический изолятор, Розенбергу в 1926 г. пришлось отбывать короткий срок в заключении. Наступил один из наиболее критических моментов в жизни обоих

сестиниальных близнецов. Оба они имели семью – Розенберг к тому времени уже был женат вторично – и оба нуждались в деньгах, в работе и в признании. С 1924 г. по 1926 г. они были лишены всего. Положение стало постепенно изменяться только тогда, когда все заговорщики получили амнистию. Благодаря личному вмешательству Гитлера Розенберг был восстановлен на посту главного редактора «ФБ», но он уже никогда не смог добиться былой близости с фюрером. Несмотря на то, что Гитлер по-прежнему нуждался в нем, он перестал любить человека, которому пусть и временно, но разрешил носить свою корону. После смерти Гитлера Розенберг сетовал: «Он ценил меня очень высоко, но он не любил меня».¹⁰⁷

Для Геринга амнистия положила конец его изгнанию. Он вернулся в Мюнхен, но его возвращение в партию все еще было сопряжено с затруднениями. С одной стороны, его пост руководителя штурмовиков уже был занят другим; с другой стороны, его давний соперник Розенберг делал все от него зависящее, чтобы Геринг оставался вне партии.¹⁰⁸ На какое-то время казалось, что попытки Розенберга увенчались успехом, и Геринг был вынужден ограничиться поиском работы в сфере промышленности, приняв предложение исполнять в Берлине обязанности представителя одной крупной баварской фирмы. Только после того, как он значительно поправил свое материальное положение, Геринг решился обратиться непосредственно к Гитлеру. Как и при первой встрече, фюрер немедленно предложил ему присоединиться к руководству партией. Характерной чертой повторного присоединения Геринга и Розенберга к руководству НСДАП стала их преданность Гитлеру, а не партии в целом.

Что же касается его злейшего соперника, Розенберга, то Геринг взял реванш позднее, когда Розенберг надеялся занять пост министра иностранных дел. Геринг в качестве шефа гестапо нанес ему скрытый удар, арестовав его ассистента, Людеке, освобожденного вскоре с объяснением, что «на самом деле они интересуются лишь Розенбергом».¹⁰⁹ Розенберг получил предупреждение не пытаться пробиться в первые эшелоны власти, и в результате этого министром иностранных дел стал Риббентроп.

По иронии судьбы впоследствии Геринг и Розенберг относились к Риббентропу с презрением, видя в нем главного виновника в искажении своих «благородных идей». Риббентроп стал тем человеком, который привел к открытому конфликту с Британией. Он выиграл борьбу против совместной позиции Розенберга и Геринга, видевших в Британии потенциального союзника. Именно сумасбродная политика Риббентропа способствовала тому, что эти сестиниальные близнецы, позабыв о соперничестве, стали выражать друг другу определенные чувства симпатии. Так, в мае 1939 г. Розенберг имел долгую дружескую беседу с Герингом, которую считал настолько важной, что дословно записал в своем дневнике.¹¹⁰ Оба с горечью отмечали свою озабоченность быстрым темпом развития событий. Но оба чувствовали себя слишком слабыми, чтобы противостоять Гитлеру. В день вторжения в Польшу, Розенберг и Геринг поняли, что проиграли «битву за Англию».¹¹¹ Розенберг временно удалился с политической арены, страдая от воспаления суставов ног.

После провала на посту руководителя партии Розенберг «редко осмеливался обсуждать вопросы лицом к лицу с Гитлером; он был слишком слабохарактерным для этого».¹¹² Геринг в своих отношениях с Гитлером проявлял себя «моральным трусом» или «бумажным тигром».¹¹³ После возвращения к Гитлеру в 1927 г. он смертельно боялся спорить с ним и никогда не пытался его ни в чем убедить. Но несмотря на то, что Геринга и Розенберга неоднократно обвиняли в малодушии, очевидно, их основная вина заключалась не в том, что они вели себя, как слабохарактерные люди, а в том, что они притворялись «всемогущими божествами».

Гитлер знал, чем купить лояльность своих вассалов, постоянно раздувая уже и без того безмерно напыщенные эго. Трудно себе даже представить то неисчислимое количество постов, назначений, должностей, званий и наград, которое собирал каждый из этих селестиальных близнецов. В 1928 г. Геринг вошел в рейхстаг в числе первых 12 нацистских депутатов. В 1932 г. он стал председателем рейхстага. В 1933 г. Геринг был назначен министром внутренних дел и премьер-министром Пруссии, став в этой должности организатором гестапо и создателем первых концлагерей. В 1934 г. он возглавил чистку СА, жертвой которой пали Рем и его люди. Быстро взбираясь по иерархической лестнице нацистской Германии, он стал имперским министром авиации, главнокомандующим военно-воздушными силами, имперским управляющим государственными лесами, председателем экономического совета и совета министров по обороне империи. В 1936 г. он стал экономическим диктатором империи, заняв пост генерального уполномоченного по четырехлетнему плану. Начиная с 1933 г., Гитлер объявил Геринга своим преемником. В июле 1940 г. фюрер придумал для него особое звание рейхсмаршала и настолько же особую награду Большого Железного Креста, которую Геринг принял «с мальчишеской гордостью и удовлетворением».¹¹⁴

Настолько же велики были радость и гордость Розенберга, когда на своем 50-летию в присутствии Гитлера – и от его имени – Геббельс вручил ему Немецкую Национальную Премию. Розенберг в качестве первого немецкого лауреата наивысшей национальной награды был официально возведен в ранг главного нацистского идеолога. Но, несмотря на то, что основной вклад Розенберга в дело нацизма заключался в проповеди превосходства «северно-германской расы» и в моральной подготовке миллионов немцев к совершению неслыханных в истории преступлений, к смертной казни его приговорили не за человеконенавистнические сочинения, а за конкретные преступления, совершенные им на тех многочисленных постах, которые он с гордостью занимал. Помимо редакторской и пропагандистской работы Розенберг, начиная с 1930 г., был депутатом рейхстага. Потом он создал и возглавил внешнеполитический отдел НСДАП, ведавший широко разветвленной сетью фашистской агентуры за границей. В 1933 г. он был назначен генеральным уполномоченным по идеологии и образованию. В 1934 г. Гитлер возвел его в ранг рейхслейтера (национального лидера), ответственного за идеологическую подготовку в партии. В 1941 г. он также занял пост министра по вопросам оккупированных восточных территорий, к чему в 1942 г. добавилась должность генерального уполномоченного по вопросам национал-социалистической

философии, включавшая ответственность за идеологическую подготовку вооруженных сил.

Оба селестиальных близнеца купались в лучах своей славы, наслаждаясь неограниченной властью. Чтобы хоть немного представить себе атмосферу их жизни, можно обратиться к записям тех лет, когда Геринг и Розенберг находились в зените славы. Так, например, Креббс вспоминал о своей встрече с Розенбергом в тридцатые годы: «Он был настолько закостенелым в эгоистическом стремлении изображать из себя одновременно и балтийского аристократа, и английского лорда, и научного гения Коперниковских масштабов, что в результате этого он почти полностью потерял и без того ограниченную возможность общения с другими человеческими существами».¹¹⁵ Возможно, что величайшей трагедией Розенберга было то, что он сам поверил в свое исключительное величие, позволявшее ему распоряжаться судьбами миллионов людей. Незадолго до нападения на СССР Розенберг поведал своим дневникам свои ощущения в связи с будущими обязанностями министра по оккупированным территориям: «Я должен признаться, что еще никогда не шел домой в состоянии такого возбуждения, как на этот раз... С практической точки зрения, Гитлер доверил мне судьбу континента, насчитывающего 180 миллионов населения, из которых около 100 миллионов сразу окажутся в зоне непосредственной операции. Не говоря уже о недостатке в квалифицированном персонале – несмотря на все имеющиеся списки имен! Три тысячи экспертов по России собраны в моем министерстве, но, сколько из них действительно подходят для такой работы?»¹¹⁶ Из глаз Розенберга покатались слезы, когда Гитлер доверил ему такой огромный проект. А уже через месяц после нападения на Россию записи Розенберга свидетельствовали о еще большем ажиотаже: «Я получил гигантское задание, пожалуй, наибольшее из того, что страна может поручить, а именно обеспечить навеки независимость Европы от заморских стран».¹¹⁷

Не говоря уже о философии агрессии, проповедующей порабощение и уничтожение других наций, какой же манией величия должен обладать человек, чтобы поверить в свои силы справиться с таким неимоверным числом должностей, как хотел Розенберг! Когда впоследствии прокурор в Нюрнберге обвинил его в причастности к массовым убийствам в Освенциме и в Майданеке, Розенберг ответил, что он настолько был перегружен другой работой, что, конечно, у него не оставалось времени на еврейский вопрос!¹¹⁸

Жажда власти, монументальное тщеславие и амбиции стали также основными факторами, приведшими Геринга к завышению оценки человеческих возможностей. Так, например, Ли, анализируя причины провала Геринга на посту главнокомандующего военно-воздушными силами, писал: «Он [Геринг] имел ограниченный опыт в авиации ... С 1933 по 1945 гг., когда от него требовалось знать все о быстро развивающихся технических авиаторских новшествах, он постоянно отвлекался вопросами Третьего Рейха, включавшими экономику, полицию, политику и дипломатию. Помимо того, он также тратил слишком много времени на свою частную коллекцию картин».¹¹⁹

В то время как Розенберг мнил себя «балтийским аристократом», Геринг много сил отдавал тому, чтобы изображать из себя «последнего человека эпохи Воз-

рождения».¹²⁰ Чтобы получить представление об атмосфере, в которой жил этот «феодальный барон», хотелось бы привести описание его рабочего кабинета в Берлинском дворце: «Геринг сидел в своем новом огромном кабинете... за огромным столом в стиле эпохи Возрождения, на высоком стуле, который выглядел так, будто когда-то служил королевским тронем. На столе стояли два серебряных канделябра с пергаментными абажурами, свет которых падал на увеличенную фотографию Гитлера. На противоположной стене висела картина Рубенса «Диана на оленьей охоте», которую Геринг «одолжил» в музее Кайзера Фридриха...».¹²¹

«Одолжил»... У Геринга всегда хватало времени на коллекционирование (или, точнее говоря, на кражу) картин и других предметов искусства. Он был заядлым коллекционером, любившим живопись без ума. Возможно, его настоящим призванием должна была стать профессия художественного критика, и он мог бы стать прекрасным коллектором в музее: «Геринг любил искусство и хорошо разбирался в нем. Правда, он питал определенную слабость к мясистым обнаженным фигурам, но вместе с тем он был и серьезным экспертом по художникам эпохи Возрождения и по представителям голландской школы. Он не только подолгу любил всматриваться в картины, приходя в восторг от созерцания, но к тому же его было трудно провести».¹²²

У многих людей есть веские причины сожалеть, что Геринг не стал искусствоведом. Розенберг, в свою очередь, до конца сожалел, что не стал художником. На почве общей любви к живописи Розенберг и Геринг сумели изменить свои взаимоотношения. На смену вражде и соперничеству пришли общие интересы и попытки сотрудничества (или сговора?). Это случилось в 1939-40 гг., когда Розенберг добился от Гитлера разрешения поехать в только что захваченную Европу для инспекции библиотек и архивов с целью перевозки в Германию всего, что представляло интерес для империи. Таким способом Розенберг намеревался оснастить свои просветительные институты по минимальной цене, конфискуя все художественные ценности для нужд немецкой культуры.¹²³

Как только речь шла о предметах искусства, ясно было, что без Геринга не обойтись. Он доказал свою готовность к сотрудничеству и эффективность, организовав доставку краденого с помощью военно-воздушных сил.¹²⁴ Попытка заполучить даром исследовательские материалы для институтов Розенберга вскоре превратилась в едва ли не самую широкомасштабную операцию грабежа в современном мире. Она быстро вышла за пределы еврейского имущества, перейдя в такие национальные музеи, как Лувр, где Розенберг имел богатый улов, отбирая картины для Гитлера. В результате этих акций «залы и комнаты в Карин Холле Геринга были увешаны ценными картинами, висящими одна над другой в три или в четыре ряда».¹²⁵ И хотя Розенберг не занимался личным обогащением так откровенно, как Геринг, по крайней мере, три бесценных нидерландских картины, включая Франца Гальса, были вывезены из его прекрасно обставленной Берлинской квартиры, пострадавшей от бомбежек в 1943 г.¹²⁶

Это «продуктивное сотрудничество» между Розенбергом и Герингом было омрачено очередным навязанным им внешне общим заданием. Розенбергу не дол-

го довелось наслаждаться своими «всемогущественными» полномочиями на восточных территориях. Одновременно с назначением Розенберга Гитлер расширил экономическое влияние Геринга. В рамках подготовки операции Барбаросса, он попросил Геринга совместно с Розенбергом спланировать экономическую эксплуатацию СССР. На Ангербургской конференции Геринг пожал руку Розенберга, в ожидании «успешного сотрудничества», а Гитлер скрепил этот союз, сказав им: «Как хорошо видеть вас обоих, обеспечивающими ворота на Восток». Но Розенберг не думал так, и ему очень не хотелось стать второй скрипкой у Геринга. В тот день он записал в дневнике: «Мне поручили огромное дело, действительно, самое большое, что Рейх может дать... Но мне не были даны все полномочия для его выполнения...».¹²⁷

С этого момента начались нескончаемые трения между Герингом и Розенбергом по вопросу о том, как максимально использовать советскую рабочую силу, продукты питания и полезные ископаемые. Нет, проблема была не в том, что Розенберг проявлял больше человечности, чем Геринг. Если планы Розенберга «были чуть менее жестокими, чем планы Геринга и других, то разница была лишь в степени их жестокости».¹²⁸ Основной конфликт между министерствами Геринга и Розенберга заключался в споре, как эффективнее использовать награбленное. Говоря об «использовании» с точки зрения Гитлера, вряд ли он мог подыскать для своих нужд более подходящую команду, чем пара этих селестиальных близнецов, рожденных под знаком Козерога, чей девиз – «Я использую».

Согласно Хикки, Козерогам следует научиться различать между вопросами «Как я могу воспользоваться этим?» и «Как это может быть использовано на благо других?». Далее, тот же автор предостерегает от опасности, что иногда Козероги «склонны добиваться своего, невзирая на чувства других людей. Они способны не считаться с тем, что каждый индивид имеет право на свои личные чувства и на свою личную свободу».¹²⁹ Ни Геринг, ни Розенберг не считались с индивидуальным правом других людей на свободу чувств и свободу личности. Когда Геринг требовал забирать побольше продуктов с Украины, то мысль о голодной смерти местного населения не только не волновала его, а напротив, служила доводом в пользу экспроприации. Для Геринга мор людей означал, что ему придется прокормить меньше ртов, так что в отчете за май 1941 г., подписанным его рукой, открыто заявлялось, что «Много людей станут лишними, они либо вымрут, либо будут вынуждены эмигрировать в Сибирь».¹³⁰

Зверство Розенберга особенно проявилось тогда, когда он санкционировал акцию по вывозу с восточных территорий около 50000 подростков в возрасте от 10 до 14 лет. Он мотивировал это решение «благородной» целью уничтожить чужестранные народы, используя для этого «биологическое ослабление».¹³¹ Сирота Розенберг отомстил всему миру, осиротив десятки тысяч детей. В глазах этих селестиальных близнецов ничего больше не имело своей собственной ценности: все без исключения рассматривалось как «средство» для роста их власти и для укрепления их доктрины. Розенберг даже возвел это свое положение в один из основных принципов нацистской идеологии: в качестве главного «просветителя» он проповедовал идею, что ничего не должно изучаться само по себе. Гео-

графия связывалась с чтением военных карт; математика – с вычислением баллистических траекторий; химия – с производством взрывчатых веществ. В 1934 г. на митинге в Нюрнберге Розенберг провозгласил новую мораль: «Секрет успеха национал социализма, а также секрет огромной силы нашего движения нужно искать – после нашей непоколебимой веры в фюрера – в полной готовности всех немцев ... не мыслить себя отдельными личностями... а во всем считать себя исполнителями определенных заданий и служителями определенного общества».¹³²

Дошло до того, что даже человеческие жизни рассматривались исключительно с точки зрения, «как бы получше воспользоваться ими» для конкретных целей! Однажды Геринг в запале спросил: «Какая польза принимать участие в оркестре народов, если Германии дозволено играть лишь на гребешке?»¹³³ Геринг совместно с Розенбергом безжалостно использовали другие народы для того, чтобы почувствовать пользу от своего управления оркестром народов. Вспомним слова Геринга, обращенные к доктору Гильберту: «Я не какой-нибудь бездушный монстр, который не находит применения человеческой жизни...». Безусловно, Геринг говорил правду: он был бездушным монстром, полагающим, что сумел найти применение миллионам других людей, используя их жизни в своих целях.

Похоже, что эти селестиальные близнецы никогда не осознали, что любая человеческая жизнь священна, и что никому не дано использовать жизнь другого. Постепенно они дошли до полной неразборчивости в средствах, доведя степень «использования» как природных, так и человеческих ресурсов до их полного изнашивания или уничтожения. «Если надо, Герман пойдет по трупам», – говорили его близкие. Сам Геринг объяснял, что он «не может быть связан никакими правовыми соображениями», потому что его миссия состоит «исключительно в разрушении и уничтожении».¹³⁴ Вместо того, чтобы получать пользу от восточных территорий на радость всем людям, Розенберг и Геринг привели к страшной разрухе и к уничтожению природных богатств; вместо того, чтобы пожинать совместно с другими плоды творческого труда проживающих там народов, они стали организаторами массовых убийств; вместо использования своих собственных талантов, они злоупотребили ими, разрушив и свои собственные жизни.

Продвижение Розенберга и Геринга по иерархической лестнице накладывало глубокий отпечаток на их внешний облик и на общее состояние здоровья. Начиная с 1937 г., Геринг страдал от странных болей в челюсти и зубах. Лечащий его врач, полагавший, что боли были на нервной почве, предложил пациенту принимать болеутоляющие таблетки на базе морфия. У Геринга всегда была склонность к полноте, но теперь он стал необычайно тучен. Злоупотребление болеутоляющими отравляло его организм, и Герингу приходилось время от времени лечиться от наркомании. Хотя наркотики и облегчали боли, но они тяжело влияли на психику больного, у которого приступы приподнятого настроения перемежались с приступами тяжелой депрессии и слезливой сентиментальности.

Для сравнения ситуации Геринга и Розенберга интересно ознакомиться с описанием сэра Уильяма Тилинга после его встречи с Розенбергом в том же 1937 г. «Я нашел его тучноватым, но высоким человеком, красивым на вид, но выглядывшим очень больным. Я понял, что он только недавно оправился от очень тяжелой

и продолжительной болезни, так что весь его облик свидетельствовал о нездоровом состоянии». ¹³⁵ Одновременно с Герингом у Розенберга тоже развились странные боли нервного характера. Удивительным было то, что хотя Розенберг, в отличие от Геринга, никогда не получал ранения в ногу, но тем не менее, как и его сестиниальный близнец, он страдал от хронических болей в ноге. В 1935 г. он пролежал три месяца в знаменитой клинике доктора Гебхардта, и был повторно госпитализирован на шесть недель в 1936 г. После серьезного обследования Гебхардт не сумел обнаружить причин постоянных болей Розенберга, так что он заподозрил психосоматический характер болезни: «У меня, как у доктора, создается впечатление, что задержка в его выздоровлении... в большой степени вызвана его психической изоляцией....». ¹³⁶

Изоляция Розенберга и Геринга постоянно росла. Вскоре после начала войны симпатия Гитлера к ним начала ослабевать. С 1942 г. Геринг проявлял потерю интереса к работе, его встречи с Гитлером стали редки, а его состояние напоминало летаргию. После июля 1943 г., когда бомбы союзников разрушили значительную часть Гамбурга, унеся жизни тысяч немцев, Геринг и вовсе не мог показаться на глаза Гитлеру. Как министр авиации, он был обязан обеспечить защиту Германии от воздушных налетов. Гитлер не смог простить своему «Железному человеку» такого провала, приказав более не подпускать к нему Геринга. Рейхсмаршал впал в отчаяние. Месяцами он не появлялся в своем кабинете и не присутствовал на совещаниях у Гитлера, уединяясь в Карин Холле или удаляясь в свой замок в Фельденштейне. Временами он подумывал об отставке, но никогда не осмелился осуществить этот замысел. Гитлер, в свою очередь, не решался уволить своего популярного преемника вплоть до тех последних дней, когда Геринг, ошибочно поверив, что Гитлер сложил с себя полномочия, попытался принять на себя полномочия фюрера. В тот раз ему это не удалось, но после самоубийства Гитлера, Геринг сдался в плен американцам в надежде, что они отнесутся к нему, как к правителю Германии.

24 августа 1943 г. дом Розенберга был разрушен во время воздушного налета, и ему пришлось переехать в гостиницу. Через десять дней после этого, когда Красная Армия освободила Киев, у Розенберга состоялась последняя встреча с Гитлером. Больше они никогда не говорили. Не было больше захваченных территорий, которыми Розенберг мог управлять; прошли его дни в качестве министра. Но лишь 12 октября 1944 г. он набрался мужества составить официальное прошение об отставке. Это было очень робкое и нерешительное письмо, на которое Гитлер никогда не ответил, так что отставка Розенберга никогда не была принята. Розенберг оказался как бы забытым всеми; его очередной день рождения прошел без обычного поздравления от Гитлера. Он проводил все время в саду и в огороде, флегматично копая грядки, не надеясь уже увидеть, что на них взойдет. Вскоре и эта работа стала ему не под силу, так как он опять слег с очередным воспалением суставов ног. ¹³⁷

Подобно тому, как Геринг неожиданно пытался захватить власть в последние дни войны, Розенберг (согласно Шпееру) после самоубийства Гитлера пытался распустил НСДАП, считая, что в качестве наивысшего рейхслейтера, он являл-

ся единственным уполномоченным по делам партии.¹³⁸ В мае 1945 г., по-видимому, смертельно напившись, Розенберг попал в госпиталь, где он (подобно Герингу) и сдался в плен американцам.

Заключительный акт жизненной драмы этих людей происходил в Нюрнбергской тюрьме. Там Розенберг и Геринг проявили решительность умереть, оставаясь верными той доктрине, которой они служили всю жизнь. Даже в Нюрнберге Розенберг продолжал боготворить Гитлера, заявив: «Я преклонялся перед ним, и я остался верным ему до конца».¹³⁹ Даже в Нюрнберге Геринг продолжал хранить верность своему лидеру: «Когда я приношу клятву верности, я не могу ее нарушить».¹⁴⁰

В отличие от большинства других обвиняемых, в поведении Розенберга и Геринга не было ни намека на раскаяние. Ни один из них не выглядел подавленным и не высказывал помыслов о самоубийстве; наоборот, все их помыслы были обращены на отстаивание принципов нацизма. Мемуары Розенберга, так же как и его линия защиты на суде, были отмечены непоколебимой верой в правильность его суждений. Зло, по его мнению, совершалось только другими лидерами фашизма, которые преступно разрушали идеалы национал-социализма, сформулированные Розенбергом. Он продолжал утверждать, что «порядочный» антисемитизм являлся одной из наиболее благородных идей, которая была бессовестно извращена другими нацистами. Розенберг отказался признавать свои ошибки, говоря, что: «даже теперь я верю в правильность основных идей».¹⁴¹ Шпеер так прокомментировал его выступление на процессе: «Розенберг произвел впечатление честности и последовательности. Все попытки его адвокатов, как до суда, так и за кулисами, убедить его отречься от своей так называемой идеологии ни к чему не привели».¹⁴²

В своей последней речи Розенберг вновь подтвердил, что его совесть была чиста в вопросе геноцида. Он действовал во имя улучшения условий жизни. Более того, он выразил свою уверенность, что «настанет тот день, когда нашим внукам будет стыдно за то, что нас судили как преступников».¹⁴³ Геринг пошел еще дальше: «Да, я знаю, что меня повесят... Но я полон решимости войти в историю Германии как великий человек. Если я не смогу убедить суд, то, по крайней мере, мне удастся убедить немецкий народ в том, что все мои действия были во имя великой немецкой империи. Через пятьдесят или шестьдесят лет по всей Германии будут стоять памятники Герману Герингу. Может быть, это будут маленькие статуэтки, но зато в каждом немецком доме».¹⁴⁴

Даже в свои последние часы эти селестиальные близнецы больше всего пеклись о самопрославлении! В Нюрнберге Геринг за время ожидания суда получил психологическое лечение, наконец-то избавившее его от наркомании. Похудевший и поздоровевший, он проявил свои лидерские способности, считая себя подсудимым №1 и блестяще выступая в суде. Он, так же как и Розенберг, никогда не считал себя причастным к уголовным преступлениям, относя все преступления на счет Гиммлера.

Поразительным совпадением стал тот факт, что процесс стимулировал одновременную трансформацию обоих селестиальных близнецов! Оба как бы пробу-

дились от продолжительного летаргического сна; оба стряхнули с себя чувства подавленности; оба излечились от своих давнишних психосоматических болезней; и оба, активно обвиняя всех остальных лидеров в искажении своих идеалов, ни разу не обвинили друг друга.

Психологи в Нюрнберге и биографы пришли к выводу, что личные характеристики Розенберга и Геринга представляли собой пестрый набор несовместимых качеств. Редкое сочетание неимоверного тщеславия с полнейшей слабохарактерностью привело к тому, что люди воспринимали их как всемогущих интриганов и в то же время хлипких слабаков. Впоследствии биографы написали поразительно схожие характеристики этих людей:

«Он [Розенберг] имел много качеств, которые плохо уживались друг с другом. Человеческая доброта, неподкупность, простота и истинная ребячливость его натуры противостояли недостатку решимости и мужества его суждений.... Он избегал неприятностей с робостью, граничившей с трусостью. Действительно, я наблюдал, как в отношениях с людьми он проявлял трусость, даже не замечая того. И, тем не менее, он бесстрашно пошел на смерть, не пытаясь избежать долгих злоключений, предшествующих ей....»¹⁴⁵

«Он [Геринг] был добрым и щедрым человеком, и он бы пожертвовал своей жизнью, чтобы защитить ребенка или зверька, но он мирился с ужасающей жестокостью против миллионов людей и отводил свой взгляд в другую сторону, когда совесть просыпалась в нем...., он обладал незаурядными талантами и достиг внушительных успехов. ... Он был исключительно храбрым человеком, который мужественно смотрел в глаза войне и боли, а в конце бесстрашно принял смерть. Но ... пороком, которым страдал Геринг, и за который он будет, безусловно, осужден в анналах истории, была его моральная трусость. В этом состояло его величайшее преступление».¹⁴⁶

Историки и биографы не перестают быть озадаченными этой поразительной внутренней противоречивостью личностей Розенберга и Геринга. Теперь им придется ответить еще на один вопрос: почему *оба* сестеиальных близнеца оказались обладателями таких похожих между собой уникальных наборов взаимоисключающих качеств?

Геринг и Розенберг были очень способными людьми. Но это не могло послужить им смягчающим обстоятельством. Они были рождены под знаком Козерога, и их основным жизненным уроком было не показать «насколько они были талантливы», а проверить, «как они используют» свои таланты. Оба они не выдержали этот тест. В конце этой книги («Мастера звуков») помещена история другой пары сестеиальных близнецов, родившихся в Козероге, верившей, что таланты сами по себе не имеют никакой ценности, а единственной заслугой может считаться лишь то, как мы их используем. Жизни выдающихся музыкантов Пабло Казальса и Лайонела Тертиса, дадут нам яркий пример того, что когда человек выходит на свой собственный жизненный путь, то на нем уже нет места для борьбы и соперничества, так как в космическом оркестре человечества каждый музыкант является незаменимой составной частью коллектива. У каждого человека свой особенный тон и своя особая миссия, и даже самая малая роль

горниста (или, как говорил Геринг, исполнителя на «гребешке») важна в этом оркестре, потому что даже единичный звук может либо нарушить небесную гармонию, либо прозвучать, как божественная часть целого.

Приговор международного трибунала признал, что ни Розенбергу, ни Герингу нет места в оркестре человечества.

Θ-факторные и астрологические комментарии

Одной из наиболее важных ценностей цивилизации является то, что Коржибский называл «связью времен» – способность учиться на ошибках прошлого, без необходимости проходить через них самим.

Д. М. Келли

Q-факторный анализ, подобно «связи времен», ставит своей целью приобретать знание на опыте других людей, без того, чтобы каждый был вынужден проходить через те же испытания. Биологические близнецы, например, могут учиться друг у друга, делясь своим личным опытом. Они учатся сосуществованию и сотрудничеству раньше, чем другие дети. Опыт роста совместно со своим близнецом содержит в себе элемент восприятия себя в качестве составной части другого индивида, при этом связь между близнецами проявляется с самого зачатия и длится в течение всей их жизни. Биологические близнецы – это, как правило, такие люди, каждый из которых хочет поделиться всем, что у него есть со своим двойником для того, чтобы вместе приобрести больше знания, жизненного опыта и радости.

Но не все близнецы учатся этому искусству сосуществования, и истории известны как примеры всепоглощающей любви между близнецами, так и беспощадной ненависти между ними. П. Фармер в своей антологии близнецов приводит как примеры взаимной любви, так и ненависти, на которую способны близнецы: «...характер внутриутробных отношений, будь-то дружеский или враждебный, сохраняется и впоследствии. Любящие продолжают проявлять нежность. Драчуны продолжают драться».¹⁴⁷

Розенберг и Геринг были селестиальными близнецами, а их жизни были, как будто скоординированы. Их связывали между собой необычайно крепкие связи, вынуждающие их проходить одновременно те же уроки, делиться друг с другом, соперничать друг с другом, ненавидеть один другого и в то же время заботиться друг о друге. Были ли они рождены в «воинственный» момент? Отражали ли их жизни какую-то небесную драму, когда от человечества требовалось сделать свой выбор между взаимопониманием и взаимным уничтожением? Были ли они обделены звездами или же оказались недостойными своих звезд? Почему некоторые люди начинают ненавидеть всех, повсюду видя врагов, то время как другие учатся делиться с ближними? Были ли лидеры нацизма случайными людьми или же был какой-то общий знаменатель между теми, кто осознанно предпочел ненависть?

На большинство из этих вопросов нет однозначных ответов, и они по-прежнему остаются философскими вопросами, требующими дополнительных исследований для более ясного понимания. И все же некоторые особенно странные совпадения, связанные с этой историей, могут стать полезными для будущих исследователей. Первым таким совпадением является то, что из 22 узников Нюрнберга двое родились одновременно. Принимая во внимание, что подсудимые принадлежали к людям, родившимся в период с 1873 по 1907 гг., вероятность такого совпадения меньше, чем 0.02. Обычно совпадение считается «значительным», если его вероятность меньше 0.05. Это означает, что вероятность случайно найти двух одновременно рожденных людей в подобной группе практически нулевая.

Еще более невероятным выглядит второе совпадение, что из 22 узников Нюрнберга семеро (Эрих Редер, Ганс Франк, Ганс Фриче, Бальдур фон Ширах, Иоахим фон Риббентроп, Альфред Иодль и Рудольф Гесс) были рождены в знаке Тельца. Вероятность такого совпадения меньше, чем 0.0013. Принимая во внимание, что совпадение считается «очень значительным», когда его вероятность меньше, чем 0.01, можно сделать вывод, что было бы крайне невероятным «случайно» найти среди этих нацистов семь человек, рожденных в одном знаке. Быть может, ключ к этой загадке можно отыскать, если вспомнить то, что Гитлер тоже родился в Тельце, и он притягивал к себе похожих на него личностей.

Этот факт ни в коей мере не означает, что Тельцы были более других восприимчивы к фашизму. Из данных о 250 выдающихся антифашистов, помещенных в «Lexikon des Widerstandes»,¹⁴⁸ видно, что Тельцы представлены в этой группе наравне с представителями остальных знаков зодиака. Следовательно, при исследовании достаточно большого числа людей не наблюдалось никаких отклонений от статистических ожиданий. В отличие от больших исследуемых групп, трудно представить малое ядро фашистских вождей как случайную выборку или как представительную группу немецкого народа. В их случае речь шла об особых личностях, готовых слепо следовать за Гитлером. Когда эта маленькая, «статистически невероятная» группа людей собралась для достижения общей цели, то результаты их совместной деятельности были катастрофичны. Возможно, что на фоне всей мировой истории, 12-летний эпизод Третьего Рейха был всего лишь коротким мгновением, точечной сингулярностью в истории человечества, но интенсивность этого момента была такой сильной, что чуть не стерла с лица Земли всю Европейскую культуру. Создается впечатление, что «сингулярности» подобного рода возникают в результате сотрудничества очень похожих или даже идентичных личностей. В таких группах есть шанс наблюдать явления, аналогичные интерференции световых волн или резонансу. Совместные усилия идентичных людей могут, как привести к величайшим достижениям, так и к страшнейшим разрушениям.

Сравнительные биографии этих селестиальных близнецов не только наводят на мысль о возможности существования «законов формирования личных судеб», но еще и позволяют глубже постигнуть природу законов сотрудничества между людьми и лучше разобраться в причинах, порождающих насилие. Более того, можно надеяться, что расшифровка информации, заложенной в Q-факторе

селестиальных близнецов, может помочь даже в таком сложном вопросе, как в предотвращении возникновения скрытой агрессивности.

Прежде, чем перейти к историям других селестиальных близнецов, необходимо сделать важное замечание. Розенберг и Геринг хотели изменить мир путем уничтожения всех своих противников. Нацизм, основываясь на примитивной версии социального дарвинизма, пытался при помощи селекции отобрать группы людей, которые (и только которые) по их мнению, были достойны будущего. Мы глубоко уверены в том, что такая практика является в корне ошибочной, потому что все сущее имеет право на существование. Анализируя информацию, полученную путем Q-факторного анализа, мы стараемся учиться на опыте анализируемых личностей, никогда не перекладывая ответственность за их поведение на момент их рождения. Раз за разом подчеркивалось, что даже таким чудовищным людям, как Герингу и Розенбергу, неоднократно представлялась возможность выбора; никакие звезды не принуждали их принимать ошибочные решения.

В этой связи приходит на ум старинная история, едва ли не самый древний миф, связанный с селестиальными близнецами. Давным-давно жил на свете один деспот, по имени царь Ирод. Стар и болен был Ирод, но пуще всего на свете страхась потерять власть, он был готов на все, чтобы никому не было повадно посягать на его трон. И вот однажды довелось Ироду услышать от волхвов, что настал час родиться младенцу, чья судьба будет взойти на престол и царствовать. Вне себя от ярости, Ирод решил отыскать младенца, чтобы погубить его. Старый тиран не брезговал никакими средствами: он послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведет от волхвов.

Это «избиение младенцев» можно расценивать, как самую раннюю зафиксированную попытку провести акцию селекции по признаку времени рождения и уничтожения целой группы населения, имеющей одинаковый Q-фактор. Но история показала, что всех селестиальных близнецов так же невозможно уничтожить, как невозможно избавиться от самого времени. Словами поэта мы можем сказать: «Время течет в наших жилах», (Поль Элюар, «Король и поэт»); история свидетельствует, что невозможно уничтожить время. Хотя Ироду удалось зверски убить невинных младенцев, считается, что их смерть, в конце концов, обеспечила жизнь и безопасность Иисуса. (С точки зрения Q-факторного анализа интересно отметить, что в конечном итоге судьбы этих селестиальных близнецов стали неотъемлемой частью судьбы Иисуса, и все они наравне с ним принесли себя в жертву, войдя в историю христианства святыми великомучениками.) Мораль, вытекающая из этого предания 2000-летней давности, очевидна: проблемы, поставленные перед нами временем, не могут решаться чьим-то уничтожением. Даже проблема нацизма не может быть окончательно решена при помощи казни самых страшных в истории преступников.

Хотя ожидания Розенберга и Геринга не сбылись, и они не стали современными кумирами немецкого народа (как они рассчитывали 60 лет тому назад), тем не менее, ни фашизм, ни нацизм не канули в лету. Сегодня во многих странах мира символ свастики и приветствие «Хайль!» вновь волнует воображение многих

партий, рвущихся к власти. Нам кажется, что в одном Розенберг был прав: недостаточно было назвать его уголовным преступником. Этим нельзя предотвратить опасность возрождения нацизма. Сравнительные биографии Геринга-Розенберга выявили некоторые их общие черты, которые, по-видимому, привели их к Гитлеру. Новый взгляд на формирование характера; новый подход к проявлению любви, к уважению таких качеств, как сочувствие, родительская теплота и нежность, а также признание необходимости уважения к детям – вот то, что должно предотвратить появление нового фюрера.

Эта история параллельной жизни Геринга и Розенберга отлична от всех других жизнеописаний творческих сестелиальных близнецов, приведенных в этой книге. Основным отличием, пожалуй, следует считать то, что эти люди не нашли себя. Как-то раз Розенберг с горечью отметил: «У нас еще нет ни одного поэта, потому что мы еще не нашли себя».¹⁴⁹ В своих «Мифах» Розенберг еще с большей ясностью сумел выразить свое чувство «затерянности» в этом мире:

«Эта книга – он писал – предназначена не для тех, кто живет и трудится в условиях счастливой интеграции со своей религиозной общиной, а для всех тех, кто потерял духовный контакт с подобного рода общинами без того, чтобы взамен обрести новое мировоззрение».¹⁵⁰

Возможно, что встреча Розенберга с Герингом была не случайной. Если их жизненные истории будут «использованы» человечеством для того, чтобы научиться предотвращать подобное зло, то может быть их жизни нельзя будет назвать полностью «потерянными».

Геринг и Розенберг не видели другого способа жить в нацистской Германии. Следующая глава книги представит другое мировоззрение и другой способ жизни.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 12.1.1893 г.
Образ отца	Уважаемые, но разочарованные жизнью люди, не сумевшие наладить контакта с сыновьями.
Образ матери	Мать Розенберга скончалась, когда ему еще не было двух месяцев. Мать Геринга оставила его, когда ему было меньше девяти недель.
Раннее детство	Жизнь в приемной семье или с родственниками.
Образование	Для обоих школа играла большую роль, чем отцовский дом. Когда им нравилось учиться, они были примерными учениками. Геринг окончил военную академию, Розенберг получил диплом архитектора.
1918 г.	Дни в Берлине приводят к изменению карьеры.
1922–1923 гг.	Оба примыкают к Гитлеру и совместно разрабатывают планы Мюнхенского путча.
1923–1927 гг.	Годы изоляции, неопределенности и короткого заключения: Геринга в психиатрической клинике, а Розенберга в тюрьме.

Селестиальные близнецы

1927–1933 гг.	Головокружительная карьера .
1933–1943 гг.	Стремительный взлет по иерархической лестнице империи.
1939–1940 гг.	Совместная операция по ограблению Европы.
Апрель 1941 г.	Совместное назначение на пост ответственных за эксплуатацию Восточной Европы.
1942–1943 гг.	Заметное охлаждение со стороны Гитлера.
1943–1945 гг.	Флегматичные годы, проведенные как в летаргии.
1945–1946 гг.	Преображение, борьба на Нюрнбергском процессе за торжество своих идей.
15–16 октября 1946.	Смерть от капсулы или казнь на виселице. Тела кремированы совместно, и прах перемешан. Отсутствие похоронной церемонии.
Семейная жизнь.	Оба были женаты дважды. В первом браке обе жены были старшими по возрасту, образованными и красивыми. Обе умерли рано от туберкулеза легких. Обе вторые жены не интересовались политикой, обе имели одну дочь, и обе пережили своих мужей.

Сноски:

- ¹ О. Мандельштам и Р. Киплинг родились в Козероге.
- ² Douglas M. Kelley, 22 Cells in Nuremberg, New York, Greenberg, 1947, p. 9 (Далее – Kelley)
- ³ Robert Cecil, The Myth of the Master Race: Alfred Rosenberg and Nazi Ideology, London, Bateford LTD, 1972, p. 217 (Далее – Cecil).
- ⁴ Cecil, p. 30.
- ⁵ Leonard Mosley, The Reich Marshal, a biography of Hermann Goering, London, Weidenfeld & Nicolson, 1974., p. 67 (Далее – Mosley).
- ⁶ Joachim Fest, The Face of the Third Reich, London, Weidenfeld & Nicolson, 1970, p. 75 (Далее – Fest).
- ⁷ Fest, p. 75.
- ⁸ Cecil, p. 147.
- ⁹ Cecil, p. 147.
- ¹⁰ H. Goering, The Political Testament of Herman Goering, tr. Blood-Ryan, New York, AMS Press, 1972, p. 178 (Далее – Goering).
- ¹¹ Goering, p. 178.
- ¹² Goering, p. 185.
- ¹³ F.R. Miale & M. Selzer, The Nuremberg Mind, The Psychology of the Nazi Leaders, New York, Quadrangle, 1975, p. 194 (Далее – The Nuremberg Mind).
- ¹⁴ The Nuremberg Mind, p. 194.
- ¹⁵ G. M. Gilbert, Nuremberg Diary, New York, Farrar & Strauss, 1947, p. 15 (Далее – Gilbert).
- ¹⁶ Gilbert, p. 189.
- ¹⁷ Gilbert, p. 188–189.
- ¹⁸ Goering, p. 187.
- ¹⁹ Lundsted, p. 81.
- ²⁰ Hickey, pp. 24–25.

- ²¹ Lundsted, p. 82.
- ²² Hickey, p. 25.
- ²³ Hickey, p. 24.
- ²⁴ Mosley, pp. 3–4.
- ²⁵ Cecil, p. 10.
- ²⁶ Cecil, p. 1.
- ²⁷ The Nuremberg Mind, p. 192.
- ²⁸ The Nuremberg Mind, p. 193.
- ²⁹ Cecil, p. 19.
- ³⁰ Mosley, p. 180–181.
- ³¹ Mosley, p. 181.
- ³² Mosley, p. 3.
- ³³ Mosley, pp. 3–4.
- ³⁴ The Nuremberg Mind, p. 97.
- ³⁵ W. Frischauer, Coering, London, Odhaus Press Ltd, 1950, p. 19 (Далее – Frischauer).
- ³⁶ The Nuremberg Mind, p. 97.
- ³⁷ Mosley, p. 4.
- ³⁸ The Nuremberg Mind, p. 96.
- ³⁹ The Nuremberg Mind, p. 98.
- ⁴⁰ Frischauer, p. 22.
- ⁴¹ Frischauer, p. 19.
- ⁴² Mosley, p. 330.
- ⁴³ Mosley, p. 7–8.
- ⁴⁴ Goering, p. 189.
- ⁴⁵ Mosley, p. 12.
- ⁴⁶ Lundsted, p. 81.
- ⁴⁷ Lundsted, p. 124–125.
- ⁴⁸ Hickey, p. 208.
- ⁴⁹ Lundsted, p. 125.
- ⁵⁰ Fritz Nova, Alfred Rosenberg, Nazi Theorist of The Holocaust, New York, Hippocerne Books, 1986, p. 23 (Далее – Nova).
- ⁵¹ Gilbert, p. 171.
- ⁵² Gilbert, p. 172.
- ⁵³ A. Miller. For your own Good,. Farrar-Strauss-Giroox, New York, 1983, p. 177.
- ⁵⁴ M. Eisenstadt [et al.], Parental Loss and Achievement, Madison Conn., International University Press, Inc., 1989, p. 25 (Далее – Parental Loss and Achievement).
- ⁵⁵ Hickey, pp. 24–25.
- ⁵⁶ The Nazi Elite, ed. R. Smelser & Zitelman, New York, New York University Press, 1993, p. 62 (Далее – The Nazi Elite).
- ⁵⁷ Nova, p. IX.
- ⁵⁸ Parental Loss and Achievement, p. 37.
- ⁵⁹ Parental Loss and Achievement, p. VII.
- ⁶⁰ Mosley, p. 330.
- ⁶¹ A. R. Chandler, Rosenberg's Nazi Myth, New York, Greenwood Press, 1968, p. 5 (Далее Chandler).
- ⁶² Cecil, p. 19.
- ⁶³ Cecil, p. 20.
- ⁶⁴ Cecil, p. 20.

- ⁶⁵ Cecil, p. 20.
⁶⁶ Cecil, p. 20.
⁶⁷ Mosley, p. 46.
⁶⁸ Mosley, p. 18.
⁶⁹ Mosley, p. 46.
⁷⁰ Asher Lee, Goering, Air Leader, London, Duckworth, 1972, p. 14 (Далее – Lee).
⁷¹ B. E. Swearingen, The Mystery of Goering's Suicide, San Diego, Harcourt, Brace, Janovich, 1985, p. 11 (Далее – Swearingen).
⁷² Mosley, p. 47.
⁷³ Cecil, p. 24.
⁷⁴ Fest, p. 165.
⁷⁵ Fest, p. 166.
⁷⁶ The Nazi Elite, p. 64.
⁷⁷ Gilbert, p. 15.
⁷⁸ Frischauer, p. 42.
⁷⁹ Cecil, p. 30.
⁸⁰ Cecil, p. 34.
⁸¹ Cecil, p. 40.
⁸² S.H. Roberts, The House that Hitler Built, New York, Harper & Brothers, 1938, p. 49 (Далее – Roberts).
⁸³ Nova, p. XIII.
⁸⁴ Nova, p.28.
⁸⁵ Mosley, p.64.
⁸⁶ Mosley, p.64.
⁸⁷ Mosley, p. 69.
⁸⁸ Cecil, p. 15.
⁸⁹ Fest, p. 75.
⁹⁰ Gilbert, p. 400.
⁹¹ William Sheridan Allen, The Infancy of Nazism, The Memoirs of ex-Gauleiter Albert Krebbs, New York, New Viewpoints, 1976. p. 50 (Далее – The Infancy of Nazism).
⁹² Mosley, pp.70–71.
⁹³ Cecil, p. 39.
⁹⁴ Cecil, p. 40.
⁹⁵ Swearingen, p. 13.
⁹⁶ Cecil, p. 44.
⁹⁷ Cecil, p. 42.
⁹⁸ Cecil, p. 42.
⁹⁹ Mosley, p. 97.
¹⁰⁰ Cecil, p. 43.
¹⁰¹ Cecil, p. 47.
¹⁰² The Nazi Elite, p. 64.
¹⁰³ The Infancy Of Nazism, p. 217.
¹⁰⁴ Roberts, p. 26.
¹⁰⁵ Kelley, p. 40.
¹⁰⁶ Cecil, p. 45.
¹⁰⁷ Cecil, p. 52.
¹⁰⁸ Mosley, p.106.
¹⁰⁹ Cecil, p. 173.

- ¹¹⁰ Cecil, p. 180.
¹¹¹ Cecil, p. 183.
¹¹² Cecil, p. 4.
¹¹³ The Nazi Elite, p. 62.
¹¹⁴ Swearingen, p.23
¹¹⁵ The Infancy of Nazism, p. 217.
¹¹⁶ Nova, p. XIX.
¹¹⁷ Nova, p. XX.
¹¹⁸ Nova, p. 225.
¹¹⁹ Lee, p. 239.
¹²⁰ Mosley, pp. 267–268.
¹²¹ Mosley, p. 187.
¹²² Mosley, p. 263.
¹²³ Cecil, p. 159.
¹²⁴ Cecil, p. 159.
¹²⁵ Mosley, p. 267.
¹²⁶ Cecil, p. 160.
¹²⁷ Cecil, p. 204.
¹²⁸ Cecil, p. 193.
¹²⁹ Hickey, p. 25.
¹³⁰ Lee, p. 123.
¹³¹ Cecil, p. 199.
¹³² Cecil, p. 147.
¹³³ Swearingen, p. 19.
¹³⁴ Swearingen, p. 19.
¹³⁵ Cecil, p. 125.
¹³⁶ Cecil, p. 5.
¹³⁷ Cecil, p. 216.
¹³⁸ Cecil, p. 217.
¹³⁹ Nova, p.227.
¹⁴⁰ Gilbert, p.172.
¹⁴¹ Cecil, p. 218.
¹⁴² Cecil, p. 219.
¹⁴³ Nova, p. 223.
¹⁴⁴ Kelley, p. 71.
¹⁴⁵ Cecil, p. 2.
¹⁴⁶ Mosley, p. 360–361.
¹⁴⁷ Farmer, p. 45.
¹⁴⁸ Lexikon des Widerstandes 1933–1945, hrsg. von Peter Steinbach & Johannes Tuchel.
München: Beck, 1994.
¹⁴⁹ Nova, p.101.
¹⁵⁰ Nova, p. 5.

Самопожертвование. История жизни Николауса фон Галема, Бертольда фон Штауффенберга и его брата – близнеца, Александра

Николаус
Галем

Бертольд
Штауффенберг

Александр
Штауффенберг

Гимн свободе

...
И когда, придя к заветной цели,
Мы пожнем тот вожденный плод,
И тиранов, правящих доселе,
Сбросит в прах немецкий мой народ,
Если жаром пламени святого
Вспыхнет кровь людей в моем краю,
О тогда, божественная, снова,
Умирая, гимн тебе спою!
Фридрих Гельдерлин¹.

(Пер. Л. Гинзбурга)

Многие астрологи уверены, что наличие достаточно большого банка точных дат рождения позволило бы найти такие пары астрологических близнецов-антиподов, где один из близнецов был бы «святым», а другой «грешником».² Это предположение основано на той общепринятой теории, что гороскоп не диктует выбор жизненного пути, а лишь указывает на врожденные способности и возможности. До сих пор астрологам не удавалось проверить этот тезис, так как в настоящее время подобный эксперимент кажется неосуществимым.

После того, были обнаружены селестиальные близнецы в высших рангах НСДАП, было интересно сравнить даты рождения нацистских преступников с датами рождения выдающихся борцов против фашизма. В силу скрупулезности записей, короткая история Третьего Рейха оказалась относительно надежным источником информации об «антиподах»: о праведниках и о грешниках, об убийцах и о спасателях. Тщательная проверка сотен дат рождения не выявила ни одной пары «антиподов», так что нам не удалось подтвердить бытующее мнение о «святых» и «грешниках», рожденных одновременно. Но вместо этого, было обнаружено еще одно значительное совпадение: двое из наиболее известных героев немецкого сопротивления – граф Николаус фон Галем и граф Бертольд фон Штауффенберг – были рождены селестиальными близнецами.³ Оба, независимо друг от друга, планировали покушение на Гитлера; оба были зверски замучены в 39 лет после провала неудачной попытки заговора 20 июля. Жизнь каждого из них была уникальной в своем роде, тем не менее, при совместном рассмотрении обе жизни выглядят как бы «параллельными» между собой. В то время как жизни Розенберга и Геринга предопределялись их безмерным тщеславием и беспредельной преданностью фюреру, судьбы Галема и Штауффенберга были предрешены безграничной верой в идеалы гуманизма, которая привела их к решению положить конец режиму Гитлера.

Прежде, чем перейти к сравнению биографий этих селестиальных близнецов, важно в нескольких словах обрисовать историческую атмосферу, в которой этим людям довелось жить и действовать. В период между 1933 и 1945 гг., когда в Германии правил национал-социализм, немецкий народ столкнулся с неслыханными в истории человечества преступлениями, вынуждавшими каждого пересмотреть отношение к прошлому, настоящему и будущему своей страны. В те годы террора Гитлер запретил все возможные способы проявления легальной оппозиции режиму. Все должно было подчиняться «государственным интересам»: никакой оппозиционной прессы, никаких оппозиционных партий, никаких профсоюзов, подрывающих основу власти. Особый успех Гитлеровской пропаганды при этом заключался в отождествлении правящей партии с родиной и государством. Для защиты родины (то есть парии) все средства хороши. Отдельный человек не принимался в расчет, поскольку он существовал лишь как часть коллектива, во имя которого каждый должен быть готов к самопожертвованию. Требовалось обладать незаурядным мужеством для того, чтобы примкнуть к рядам немецкого сопротивления, так как любой противник режима немедленно провозглашался «опасным для страны». Стать оппозиционером означало решиться на крайний шаг индивидуалиста, осознавшего, что его действия повлекут за со-

бой не только гонения, пытки и смерть его самого, но также приведут к остракизму или к уничтожению его семьи.

В некотором смысле можно сказать, что в Германии не было организованного сопротивления как такового, так как не существовало единой организации, выражающей интересы оппозиции. Большинство противников режима предпочитали путь «пассивного» сопротивления, приводивший либо к жизни в изгнании, либо к так называемой «внутренней эмиграции». Такой путь, хотя и позволял вести порядочный и бескомпромиссный образ жизни, тем не менее, лишал возможности руководства массами и активного влияния на судьбу своего народа. Те, кто хотели активно влиять на ход истории, примыкали к маленьким группкам, которые, несмотря на опасности, не боялись вступить на тропу подполья. Они проникали в самое сердце деградирующего общества для того, чтобы по мере возможности препятствовать осуществлению его замыслов. Зачастую такого рода деятельность ощущалась лишь в наиболее близком к индивидууму окружении, не влияя на общий ход истории Третьего Рейха.

Только несколько отдельных личностей попытались пойти дальше, подчинив свою жизнь одной цели: физическому уничтожению фюрера. Выбор такого пути был сопряжено со смертельным риском и с тяжелейшими моральными конфликтами. На Гитлера было совершено несколько покушений; наиболее известная попытка была предпринята 20 июля 1944 г., когда полковник Клаус фон Штауффенберг, приглашенный в ставку Гитлера для доклада, пронес туда в портфеле взрывное устройство замедленного действия. Во время совещания прогремел мощный взрыв, один полковник был убит, двое генералов смертельно ранены, но самому Гитлеру удалось отделаться легкими царапинами. После того, как плохо спланированный армейский путч захлебнулся, поднялась кровавая волна репрессий. Изощренная расправа с заговорщиками длилась несколько месяцев, причем Гитлер мстил не только путчистам, их друзьям и семьям, но заодно и всем остальным противникам режима. Из семи тысяч арестованных на смерть были отправлены почти пять тысяч. Планы заговорщиков сместить Гитлера потерпели полнейший крах, но, тем не менее, организаторы 20 июля сумели доказать, что в Германии были и «другие, порядочные немцы», готовые подтвердить свою верность человечности даже перед лицом мученической смерти.

Одним из таких «других немцев» был Бертольд фон Штауффенберг, старший брат Клауса, считавшийся закулисным инициатором путча и его душой. Бертольд пришел к выводу о необходимости устранения Гитлера еще в те ранние дни, когда немецкие войска контролировали большую часть Европы, но у него заняло почти два года уговорить младшего брата присоединиться к заговорщикам.⁴ Многие друзья Штауффенбергов были уверены в том, что без старшего брата полковник и пальцем бы не пошевелил. Они считали Бертольда «живым воплощением совести Клауса».⁵

Со своей стороны, Николаус Галем был одним из наиболее ранних противников режима. Еще в 1938 г. он пришел к выводу, что только убийство Гитлера может спасти Германию, и вплоть до своего ареста в 1942 г. он занимался поисками подходящего исполнителя своих планов покушения.⁶ Галем принадлежал к

тем борцам за свободу, которые уже до 20 июля томились в заключении, но, тем не менее, стали жертвами волны кровавых расправ, поднявшейся после мятежа братьев Штауффенберг.

В отличие от оптимистичного Клауса, ни Бертольд фон Штауффенберг, ни Николаус фон Галем не верили в возможность осуществления своих замыслов. Тем не менее, они оба чувствовали необходимость принести себя в жертву во имя будущего своей страны и своих детей. Их сопротивление, не опираясь ни на какие политические принципы, основывалось исключительно на моральных и этических нормах. Мученическая смерть постигла их во цвете дней: Бертольда – 10.8.1944 г; Николауса – 9.10.1944 г. Каждый из них оставил после себя безутешную мать, жену, и двоих маленьких сыновей.

Аристократы по праву рождения, адвокаты по образованию, борцы за гуманизм по убеждению, в жизни и в смерти эти сестимальские близнецы проявили себя как родственные души. По какой-то непонятной прихоти судьбы им довелось оказаться в похожих ситуациях; и, сталкиваясь с одинаковыми проблемами, они предлагали похожие решения. Их постигла одинаковая судьба мучеников, и их имена стоят в одном ряду героев немецкого сопротивления.

История этих сестимальских близнецов неожиданно обрела еще большее значение для исследования Θ -фактора, когда по мере сбора биографического материала выяснилось, что у Бертольда Штауффенберга был еще и биологический близнец, Александр.⁷ Этот факт послужил уникальной возможностью сравнить судьбы сестимальских близнецов, выращенных порознь, с судьбами биологических близнецов, воспитанных в одной семье. В то время, как у Александра и Бертольда вдобавок к общему Θ -фактору были тождественные факторы наследственности и окружающей среды, Николауса и Бертольда не связывали ни одинаковые гены, ни одинаковое воспитание, ни даже одинаковое вероисповедание.

Естественно, что у близнецов Штауффенберг было много общего. Но, несмотря на то, что все *три* сестимальских близнеца отличались большим физическим сходством, похожим складом мышления и даже похожими чувствами, тем не менее, их судьбы не были идентичны. Удивительно то, что в судьбах Николауса Галема и Бертольда Штауффенберга было еще больше сходства, чем между братьями-близнецами фон Штауффенберг.

По странной случайности (или в силу связи между сестимальскими близнецами) жизни всех этих сестимальских близнецов стали как бы взаимно зависимыми, как будто мысли и действия одного из них немедленно отражались на жизни других. Казалось, что судьба действовала как цепная реакция или как распространяющаяся волна. Так, из некоторых источников следует, что непосредственным поводом к июльскому путчу послужило ничто иное, как смертный приговор Николаусу Галему, вынесенный 16 июня 1944 г.⁸ После того, как Бертольд решил действовать, с одной стороны, Галем потерял всякую надежду на смягчение приговора, а с другой стороны, Александр потерял свободу. Казалось, что Александр не имел никакого отношения к событиям 20 июля, так как во время путча он находился в Афинах. Политические взгляды Александра по сути совпадали с убеждениями братьев, но Бертольд и Клаус, зная, что он славился

своей неосторожностью, и стараясь уберечь его от лишнего риска, скрывали от него свои планы.⁹ К сожалению, забота братьев не спасла Александра от ареста и пыток. Немедленно после попытки покушения брат-близнец Бертольда был доставлен из Афин в Берлин. Ему не помогла его явная непричастность к заговору: как родственник предателей он до конца войны содержался в зловещих тюрьмах и концлагерях (в частности, в Бухенвальде).¹⁰ Александр выжил, но его душевные страдания были не легче, чем физическая боль. Он тяжело переживал, что его не посвятили в планы заговора, сожалея, что не смог разделить судьбу братьев. В случае Александра ясно видно, что его судьба «отражала» судьбы его селестиальных близнецов, так как его арест и мучения в концлагерях не вытекали из его непосредственных действий, а были прямым следствием едва ли не мистической связи между селестиальными близнецами.

Позднее мы обсудим сходства и различия между селестиальными и биологическими близнецами, но так как фактически Александр фон Штауффенберг не отвечает критериям данного исследования (его известность не столь велика), сначала мы сравним биографии Бертольда Штауффенберга и Николауса Галема, и лишь затем обратимся к вопросу о биологических близнецах для исследования относительной значимости генетического фактора, фактора среды и Θ -фактора.

Ни один из этих селестиальных близнецов не был поклонником астрологии, но жизнь Николауса Галема и Бертольда Штауффенберга могла бы послужить иллюстрацией к астрологическим текстам о классической тенденции к самопожертвованию, приписываемой Рыбам – последнему знаку зодиака, в котором они родились. Хикки писала об этом знаке: «Они [Рыбы] обладают большими способностями к состраданию и готовы принести себя в жертву во имя искупления грехов всего человечества».¹¹ Штауффенберг и Галем не читали эти строки, но они твердо верили в необходимость самопожертвования. В письме к жене от 14.7.1944 г. Бертольд писал: «Самое страшное – это, зная о том, что мы не можем преуспеть, тем не менее, быть вынужденными действовать на благо нашей страны и наших детей».¹² Николаус в своем последнем письме к матери, написанном за несколько минут до казни, как бы продолжил эту мысль, видя в самопожертвовании наивысшую цель человечества: «Сейчас я преодолел последний трепет, пробегающий по кроне падающего на землю дерева! И таким образом я достиг цели человечества. Потому что мы можем выдержать осознанно то, что деревья испытывают бессознательно».¹³

Пожалуй, наиболее яркой особенностью истории Штауффенберга и Галема стала их готовность действовать во имя самопожертвования как такового, вопреки здравому смыслу, предсказывавшему неизбежный провал задуманной операции, и вопреки естественному страху перед грядущими пытками и казнью. Такое настроение отличало их от других заговорщиков, многие из которых (включая Клауса Штауффенберга) действовали в надежде выжить и победить.

В чем же был смысл жертвы, приведшей Бертольда во двор берлинской тюрьмы Питцензее, где он был казнен с изощренной жестокостью через повешение на остром крюке? В чем был смысл самопожертвования, приведшего Галема на гильотину? В чем был смысл страданий осиротевших семей, и в особенности уце-

левого брата-близнеца, вынужденного пройти через ад пыток и концлагерей? Над этими вопросами размышлял биограф семьи Штауффенберг, Гоффман, пришедший к выводу, что историческое значение их восстания сводилось к тому, чтобы заставить людей задуматься над тем экзистенциалистским вызовом, который они бросили человечеству.¹⁴

Есть что-то символичное в том, что именно Рыбы заставляли людей размышлять над вопросами жизни и смерти. Астрология полагает, что Рыбы, острее других переживающие сострадание, склонны приносить себя в жертву, потому что испытывают чувства вины перед всеми, кто нуждается в помощи. Но следует также помнить, что астрология не дает ответа на вопрос, имеет ли общество какое-либо право принимать такие безмерные жертвы, на которые пошли эти селестиальные близнецы, или оно должно бережно относиться к своим «спасателям».

Биографы фон Штауффенбергов и фон Галема отмечали, что им пришлось столкнуться с рядом объективных проблем при сборе материала о жизни своих героев. Прежде всего, Германия в целом отличалась традицией хранить секреты внутри семей, не разглашая их посторонним. Во-вторых, те кружки и организации, к которым принадлежали в молодости наши герои, носили секретный характер и были окутаны покровом таинственности. В-третьих, подпольная деятельность вынуждает человека к скрытности и к ношению «маски». Вдобавок, после ареста этих селестиальных близнецов, гестапо провело обыски и конфисковало все документы; то немногое, что оставалось у друзей или родственников, было уничтожено ими из страха перед полицией. Тем не менее, даже те данные, которые биографам удалось собрать, свидетельствуют о многих параллелях в поступках и убеждениях этих селестиальных близнецов. Перед нами краткая сравнительная биография очень короткой, но очень значительной жизни селестиальных и биологических близнецов.

Они родились 15 марта 1905 года.

Бертольд фон Штауффенберг и Николаус фон Галем были потомками семей, принадлежавших – из поколения в поколение – к военной аристократии. Граф фон Галем происходил из старинной семьи потомственных аристократов Восточной Фризии, а граф фон Штауффенберг происходил из старинной семьи потомственных аристократов Швабии.

Первые записи о Штауффенбергах появились еще в XIII веке на юге Германии. Франц Людвиг барон Шенк фон Штауффенберг – пра-прадед Бертольда – в 1874 г. получил титул наследственного графа Баварии. Он был либеральным человеком, вошедшим в историю как политик, боровшийся за отмену смертной казни. Отец Бертольда, Альфред Шенк граф фон Штауффенберг был высокопоставленным чиновником; позднее он стал гофмаршалом¹⁵ при дворе курфюрста Вюртемберга. Его верность правителю была настолько безграничной, что он продолжал служить ему верой и правдой даже после его отречения от престола в 1918 г. До своего ухода на пенсию в 1928 г. он продолжал управлять частными поместьями княжеской семьи.

В 1904 г. граф женился на внучке фельдмаршала Гнейзенау, Каролине. Через год после свадьбы, в Штутгарте у Штауффенбергов родились близнецы, Бертольд и Александр, а еще через два года появился на свет их младший сын, Клаус. Все три брата были очень дружны, но особенно близкие отношения сложились между Бертольдом и Клаусом.

Каролина выросла в лютеранской семье, и во многих вопросах ее позиция была диаметрально противоположной взглядам ее супруга – убежденного католика.¹⁶ В то время, как граф был сугубо практичным консервативным человеком, ненавидящим любые сантименты, его жена жила интересами искусства и литературы, полностью отстраняясь от земных реалий. Хотя она и приняла требования мужа растить сыновей в католичестве, тем не менее, взамен она отстояла свои права поощрять в детях их врожденные интеллектуальные и артистические способности, обеспечивая им образование, подобное тому, что сама получала в детстве. В то время как мир отца близнецов соответствовал дворцовому этикету, их мать предпочитала жить в своем особом мире грез, заполненным образами из Шекспира и Гете и продолжительной перепиской с Рильке. Мать относилась к сыновьям с трогательной заботой и нежностью; отец слыл грубым, резким и жестким по отношению к жене и детям.¹⁷ Оба близнеца горячо любили свою мать, но чувства Бертольда были особенно сильны, так что, когда ему в детстве предложили помолиться перед образом святой девы Марии, как перед «небесной матерью», мальчик отказался под предлогом того, что его мама – это и есть настоящая «небесная мама».¹⁸

Различие в родительских мировоззрениях и влияниях на детей вызывало немало конфликтов между сыновьями и их отцом. Мальчики увлекались музыкой и поэзией; граф отказывался понимать, чем могли восхищать его детей стихи обожаемого ими Гельдерлина. Позднее всех троих братьев поманила к себе романтика движения «Новых Скаутов», где у костра они читали стихи Стефана Джорджа, распевали старинные песни и спорили о будущем Германии. Эта принадлежность к молодежной организации только еще серьезнее обострила разногласия между подростками-сыновьями и их консервативным отцом, у которого излишне эмоциональный характер этих встреч не вызывал никаких других чувств, кроме раздражения.¹⁹

До осени 1913 г. Александра и Бертольда обучали на дому частные учителя. Бертольд был не по летам развитым мальчиком, развитие его интеллекта происходило настолько стремительно быстро, что даже вызывало определенную тревогу у его матери. С осени 1913 г. близнецов определили в штутгартскую классическую гимназию, где Бертольд был первым учеником в своем классе. Его характеризовали как трезвого, ясно мыслящего подростка с острым умом, но с несколько замкнутым и застенчивым характером. Чтение книг по философии и астрономии было ему больше по душе, чем общение с одноклассниками.

Обучение в гимназии совпало у близнецов с потрясениями в Германии, произошедшими вследствие первой мировой войны и последующей революции 1918 г. В эти напряженные времена здоровье Бертольда несколько раз давало тяжелые сбои, и, по крайней мере, один раз он был в смертельной опасности, тяжело пере-

болеу дифтерией. Занятия в гимназии зачастую прерывались, сменяясь на оздоровительные периоды домашнего обучения с частными репетиторами. Хотя немецкая революция и не представляла непосредственной угрозы для аристократии, тем не менее, она положила конец традиционному образу жизни семьи Штауффенбергов, на протяжении многих поколений верой и правдой служившей правящим князьям. Революция требовала от них радикальных изменений в образе мышления. Из привычного дуального состояния благородных правителей по отношению к своим подданным и преданных вассалов по отношению к своим князьям они должны были перестроиться к образу жизни служителей народа. Уже сама по себе идея изменения существенных устоев традиционного семейного призвания была невыносима для графа Альфреда. Он предпочел оставаться на службе у своего князя, и к новому правительству относился не иначе, как к «банде мерзавцев». Во все последующие годы любая попытка какого-либо из его сыновей примириться с новым режимом неизменно наталкивалась на сопротивление отца.

В 1922–23 г. перед Бертольдом и Александром стояла непростая задача выбора будущей карьеры. Конец их школьных занятий пришелся на смутный послевоенный период, который хоть и не мог равняться по силе разрушения с последующими годами после второй мировой войны, все же был достаточно тяжелым временем в жизни многих немцев. Постоянный недостаток в еде, непрекращающиеся забастовки и вечная неопределенность приводили к общему настроению раздражительности и подавленности. Чувства неудовлетворенности еще сильнее стали проявляться в среде немецкой молодежи после захвата Рура французскими и бельгийскими войсками в январе 1923 г. С одной стороны, традиционное чувство долга (суровый мир отцовских ценностей) толкало Штауффенбергов служить германскому народу и стране в традиционном милитаристском и политическом духе своих предков. С другой стороны, прирожденная склонность к искусствам и к философии (художественный мир материнских ценностей) призывал их стремиться к любви, к красоте и к поэзии. Противостояние родительских ценностей во внешнем физическом мире стало причиной конфликтной ситуации во внутреннем мире этих близнецов. С одной стороны, Бертольд провозглашал в письме к своему другу в 1921 г.: «Любовь – это истинный смысл жизни. В природе – единственной, что сохраняет и предлагает себя в первозданной своей чистоте – я нахожу лишь красоту, радость и любовь. И не являются ли они в самой своей сокровенной сути одним и единым? Отдавать себя с любовью – и таким образом добиваться совершенства – таким должен быть наш путь».²⁰

С другой стороны оба близнеца в многочисленных письмах признавались, что их предназначение состоит в следовании зову гражданского долга и к поступлению на государственную службу в качестве офицеров или чиновников. Традиции их прославленных предков, таких как граф Гнейзенау, указывали им на единственно «достойный» жизненный путь. Можно полагать, что близнецы вступили на свою *Via Dolorosa* в тот самый момент, когда предпочли отказаться от своих природных творческих способностей и от «женственных» артистических наклонностей, чтобы подчиниться голосу долга и превратиться в «мужественных», рациональных и

милитаризованных взрослых людей. Для того, чтобы подготовиться к этой миссии наилучшим образом, оба близнеца решили изучать юриспруденцию. Во имя родины, они также решили в ответ на захват Рура последовать примеру многих патриотических немецких юношей и пойти добровольцами на национальную службу, запрещенную Версальским договором.²¹ Бертольд провел некоторое время на учениях пехотного батальона, но его служба вскоре прервалась в результате воспаления суставов. Александр присоединился к кавалерийским частям; он тоже не чувствовал себя пригодным к солдатской службе, но он любил лошадей.

Свои университетские занятия юноши начали в 1923 г., записавшись в Гейдельберге, наиболее прогрессивном и престижном университете Германии того времени. Их селестиальный близнец Галем тоже сделал свой выбор изучать юриспруденцию в том же самом университете и так же намеревался совмещать занятия с добровольной военной службой.²²

Николаус фон Галем родился в евангельской семье в Шветце на Висле, в западной Пруссии. Его семья, подобно фон Штауффенбергам, имела все основания гордиться своим доблестным прошлым и своими традициями. Пра-прадед Николауса, Герхард Антон, славился в Ольденбургском княжестве своими либеральными реформами. Он был человеком необычайно широкого кругозора, сочинял стихи и вел переписку с Гете и Виландом. Его исторические исследования и биография Петра Первого были переведены на русский язык в 1812 г. и изучались в школах даже при советской власти.

Отец Николауса, Густав Адольф фон Галем, был талантливым административным чиновником. Его всегда характеризовали беспримерная преданность делу и присяге. После революции 1918 г., приведшей к отречению всех германских князей, Густав остался верным чувству долга и продолжал служить последней королевской семье князей Зондерхаузен и Шварцбург-Рудольштадтских. Он оставался в должности их административного управляющего до самой своей смерти в 1932 г. и дослужился до титула гофмаршала.²³ Интересно, что система ценностей отца Галема совпадала с устоями семьи Штауффенбергов, так что после революции 1918 г. оба отца сохранили верность своим правителям; для тринадцатилетних мальчиков Бертольда и Николауса такое благородство и консерватизм отцов стало примером единственно верного поведения.

Граф фон Галем выбрал себе в жены Гертю, дочь Кристофа фон Тидемана. Она тоже принадлежала к избранному кругу аристократии, и ее отец был в почете у Бисмарка. У Галемов родилось семеро детей. Николаус стал первым сыном и четвертым ребенком в семье. Подобно Штауффенбергам, дети Галемов на протяжении всей жизни были очень дружны между собой. Старшая сестра Николауса, Теа, очень походила на него, так, что в детстве их зачастую принимали ошибочно за близнецов.²⁴ Младшая сестра Николауса, Мальва, была его самым близким другом.²⁵

Отношения в семье Галемов очень напоминали отношения между родителями Бертольда: мать и отец оказывали на детей различное влияние, вплоть до высказывания диаметрально противоположных взглядов по целому ряду вопросов.²⁶ Хотя отец Николауса был многогранно одаренным человеком и даже не-

плохо играл на скрипке и фортепиано, в его характере преобладал рациональный практицизм, не позволявший ему найти путь к сердцу сына. Между Николаусом и его отцом отсутствовала простая человеческая теплота, и в своих последних письмах к сестре Изе он с грустью отмечал, что их отец всегда отличался сухостью и скованностью, никогда не позволяя себе открыться потоку жизни и подарить себя своим детям.²⁷

В отличие от отца, мать семейства олицетворяла в глазах Николауса все, что он ценил, уважал и любил в жизни. Она любила сына самозабвенно, без памяти, и Николаус отвечал ей огромной нежностью и уважением. С матерью он мог обсуждать запутанные философские вопросы, и с ней он делился наиболее сокровенными размышлениями о жизни и смерти. В письмах к ней он цитировал по памяти многих поэтов, в полной мере раскрывая глубину своего поэтического и философского мировоззрения. Его отношение к матери как к выдающейся личности просматривается и в последнем письме к ней из тюрьмы: «Ты, однако, относишься к тем считанным представителям своего пола, кто способен достигнуть такой стойкости духа и отрешенности от внешнего мира – и таким образом также от смерти своего собственного сына – что ты тоже можешь улыбаться настолько же свободно, как и я буду улыбаться в мой последний день».²⁸

Мать Галема имела необычайно разнообразный круг интересов, и в число ее знакомых входили такие замечательные люди, как философ Шпенглер. Она ожидала от сына, что и он станет знаменитостью, только, по ее мнению, для этого ему следовало продолжать славные прусские традиции их семьи. Так как Пруссия опиралась прежде всего на свою армию, то долгом чести любого аристократа было отправить сыновей на военную службу. Мать Николауса была уверена, что и ее сын обязан пройти военную подготовку, как неотъемлемую часть своего образования.

Подобно Штауффенбергам, родители Галема разделялись в своих мнениях о воспитании детей. Мать амбициозно толкала сына вступить в ряды престижного «Саксбургского братства»; отец высказывался против воинской жизни, добавляя в частности свои соображения о непригодности Николауса к армии. Николаус послушался материнского совета, пренебрегая отцовскими наставлениями с таким же порывом, с каким его сестрицы отказывались слушаться их отца, вступая в патриотическое молодежное движение.

Детство Николаус провел в своем родном городе. Подобно Штауффенбергам, начальное образование он получал дома при помощи частных наставников. Подобно Бертольду, Николаус развивался значительно быстрее других детей, так что в десятилетнем возрасте он был принят сразу в третий класс местной гимназии. Когда ему исполнилось 16 лет, вся семья переехала жить в Берлин. Там, подобно Бертольду, и без того хрупкое здоровье подростка ухудшилось настолько, что было решено держать его дома. Так же, как и Бертольд, Николаус вновь обучался на дому с частными репетиторами. В 1918 г. его здоровье окрепло, и он поступил в одну из лучших берлинских гимназий, окончив ее с отличием в 1922 г. и будучи едва ли не самым младшим из выпускников. Другим он запомнился, как один из наиболее одаренных и способных учеников.

На выбор дальнейшей карьеры Николауса наиболее значительное влияние оказали семейные традиции и родительские чаяния. Подобно своим селестиальным близнецам, ему приходилось следовать предписаниям семейного аристократического кода чести и долга. Николаус решил служить своему народу и стране в качестве государственного чиновника, и для этого он намеревался изучать юриспруденцию в Гейдельберге. Там же он присоединился к Саксоброрусскому братству, в ряды которого входили главным образом сыновья прусской аристократии. Карл Жукмайер, немецкий писатель, обучавшийся в это время в Гейдельберге, описывал положительные стороны этой организации: «Эти круги были наделены определенной склонностью к культуре, что отделяло их от общей грубой и громкоголосой клики «народников». Впоследствии, только считанные их члены присоединялись к нацистам. Даже если их нельзя было назвать философами в полном смысле слова, то уж во всяком случае, они не были фанатиками расы».²⁹

Но с другой стороны, в дополнение к сказанному Жукмайером, члены этого братства имели и другие цели: они верили, что истинный мужчина должен доказать свое мужество, успешно напиваясь и участвуя в поединках. Как это могло сочетаться с характером Галема, слывшего одним из наиболее «мягкосердечных» людей, открыто проявлявшим антимилитаристские взгляды? Возможно, что он вступил на свою *Via Dolorosa* в тот самый момент, когда согласился пожертвовать духовностью во имя сохранения семейных традиций. В попытках доказать свою истинную «мужественность» Галем принял участие в дуэли, и был ранен в челюсть. На протяжении многих лет ему довелось страдать от болей, а затем и перенести операцию. Его попытка доказать себя в потреблении алкоголя тоже имела долгосрочные разрушительные последствия, так как она вызвала тяжелое заболевание почки. Дуэли, неумеренное питье и добровольное участие в воинских учениях принесли Галему немало бед. К сожалению, ему не дано было ознакомиться с астрологическим предостережением Лундстед, писавшей, что чем сильнее Рыбы отвергают свои творческие способности в тщетной попытке стать «настоящими мужчинами», тем они становятся несчастнее.³⁰

После злополучных «милитаристских» экспериментов Галем решил полностью сосредоточиться на изучении права. Как это было принято в те дни, он перебирался из университета в университет, слушая курсы лекций в Геттингене, Йене, Галле и Лейпциге. За девять долгих лет учения он повстречался со многими различными группами людей, познакомился со всевозможными политическими и культурными течениями. Он сумел, с одной стороны участвовать в деятельности наиболее радикальных левых экстремистов, а с другой стороны, принять участие в ежегодном мюнхенском шествии к Фельдэрнхалле, организованным Гитлером в память о нацистах, погибших при провалившейся попытке мюнхенского «пивного путча» 1923 г.³¹

Самым значительным влиянием на дальнейшую судьбу Галема, стало, по всей видимости, влияние круга Карла фон Джорданса.³² Католик, получивший иезуитское образование, Джорданс был очень харизматичным человеком, привлекавшим в свой круг наиболее интеллектуальных людей своего времени. Кроме

бесед на философские и религиозные темы, в кружке постоянно велись обсуждения текущей политической ситуации. В качестве члена престижного «Геррен-клуба»,³³ Джорданс был хорошо знаком с фон Папенем и старался повлиять на его отношение к Гитлеру. В то время Джорданс и Галем относились к считанному кругу людей, которые на ранней стадии зарождения нацизма предвидели всю пагубность влияния Гитлера на Германию. Между Галемом и Джордансом возникла особая духовная близость; Джорданс очень высоко оценил способности своего юного друга и стал частым гостем в доме Галемов.

В 1931 г. Галем успешно сдал экзамены на звание юриста, и в 1933 г. с блеском завершил период стажировки. Но уже тогда в его душе созрело решение отказаться принимать юридическую присягу, чтобы не служить Гитлеру, ставшему канцлером Германии 30 января 1933 г.³⁴ Акт отказа от принятия присяги был поступком необычайным по тем временам и свидетельствовал, как и о политической дальновзоркости Галема, так и о его редкой смелости. Для большинства уважаемых граждан Германии, подавленных политической неразберихой и экономическим упадком, Гитлер казался тогда единственным выходом, сулившим приобретение чувства национального единства, и голосование за него считалось респектабельным и ответственным шагом. Даже традиционная элита прощала Гитлеру его «революционные перегибы» и голосовала за него из-за совпадения некоторых целей национал-социализма с целями консервативных партий (таких как отказ от демократии, пересмотр Версальского договора и отказ от разоружения). Тогда, когда миллионы немцев предпочли поверить в Гитлера, Галем уже метко окрестил его «почтальоном хаоса».³⁵ Впоследствии друзья Николауса высоко ценили его выдающиеся способности мгновенно оценивать ситуацию, находя наиболее емкие и точные фразы и слова.³⁶

Возвышенное чувство чести вместе с непоколебимым чувством преданности собственным принципам, своему народу и своей семье неизбежно делали Галема одним из наиболее опасных противников гитлеризма. Его обостренное чувство долга не давало ему бежать из страны в эмиграцию: вековые традиции семьи призывали его оставаться вблизи центров власти для того, чтобы активно влиять на исторические процессы в Германии. Оставаться на родине, но при этом жить в так называемой «внутренней эмиграции» тоже противоречило основным принципам его аристократического воспитания. Галем – как и ранее его отец – предпочитал остаться честным подданным своей страны, избрав путь сопротивления и почти неизбежного мученичества. Он сделал этот выбор сознательно, понимая до конца, на что идет.

Отец Галема скончался в 1932 г., и Николаус как старший сын взял на себя ответственность материально обеспечить свое осиротевшее семейство. С 1933 по 1936 г. он зарабатывал, давая частные консультации по вопросам бизнеса, но его доходы не были постоянными, и их с трудом хватало на нужды большой семьи. С 1937 по 1940 г. Галем сменил несколько мест работы, и среди них такие должности, как консультант по вопросам прессы и пропаганды при комиссии по четырех-летнему плану. С 1940 г. и до ареста Галем работал сотрудником влиятельного угольного концерна Баллестрем и имел свою контору в Берлине.

Начиная с 1933 г. Галем неустанно искал способ, как сбросить ненавистный ему режим. Для этого он налаживал контакты со всевозможными группами сопротивления. С одной стороны, он вместе с доктором фон Шварценштейном, доктором Отто Киппом, Гельмутом фон Мольтке, Элизабет фон Тадден и со многими другими друзьями составляли ядро кружка фрау Солф и ее дочери, баронессы Баллестрем.³⁷ Фрау Ханна Солф была вдовой бывшего министра иностранных дел Веймарской республики, которая периодически приглашала к себе домой заговорщиков «на чашку чая». При помощи своих многочисленных международных контактов Галем помогал членам этой подпольной группы поддерживать регулярные связи с антифашистами-эмигрантами, осевшими за рубежом, главным образом в Швейцарии. С другой стороны, у Галема были хорошие отношения как с социалистом Эрнстом Никичем, так и с коммунистом, доктором Йозефом Ремером. Помимо этих контактов, Галем также поддерживал связи со своими аристократическими друзьями, занимавшими ключевые посты в армии и в государственном аппарате, такими как юрист Фабиан фон Шлябрендорф, Гельмут Мольтке и Петер Йорк фон Вартенбург.

Умение Галема входить в самые различные круги и его постоянные контакты с зарубежом в качестве промышленника делали незаменимым его вклад в деятельность немецкого сопротивления. Но его роль не ограничивалась никакими узкими рамками. Так, например, одним из серьезных успехов Галема в борьбе с режимом стало его умение повлиять на высокопоставленного нацистского лидера, гаулейтера Силезии, Йозефа Вагнера. При помощи своей блестящей риторики Галем сумел посеять в сердце Вагнера семена сомнения по отношению к национал-социализму, так что впоследствии тот окончательно покинул ряды нацистов.³⁸

Уже летом 1938 г. Галем почувствовал, что его разногласия с друзьями становятся все значительнее, потому что, в отличие от них, он пришел к выводу, что для искоренения режима Гитлера прежде всего необходимо уничтожить самого Гитлера. Он также понял, что армейские офицеры, ни коллективно, ни индивидуально, не готовы принять на себя миссию покушения на жизнь фюрера. По его мнению, их воспитание в традициях послушания не позволяло им подвергать сомнению или критике данные им приказы. Поэтому Галем задался целью найти себе в помощники профессионального головореза.

Пока поиски безуспешно продолжались, Галему подвернулся случай участвовать еще в одной провалившейся попытке переворота.³⁹ Неожданная возможность возникла в августе 1939 г., когда один из наиболее принципиальных противников Гитлера, генерал Хаммерштейн-Экворт, был назначен главнокомандующим Рейнской армии. По плану заговорщиков генерал должен был пригласить Гитлера в свою штаб-квартиру и там арестовать, таким образом сбросив нацистский режим. Новое правительство должно было предотвратить начало глобальной войны и уладить все разногласия путем мирных переговоров. В этом плане Галему отводилась роль связного между генералом и группой заговорщиков в Берлине. Этому замыслу не дано было никогда осуществиться, так как подозрительный Гитлер отказался принять приглашение посетить Рейнскую армию.

Вскоре Галем нашел наиболее подходящего, по его мнению, кандидата на роль потенциального палача фюрера. Таким человеком стал доктор Ремер.⁴⁰ Он был ветераном первой мировой войны и командующим отрядом «Оберленд», который впоследствии изучил право и переметнулся от националистов к коммунистам. Начиная с 1933 г., Ремер неоднократно был арестован и даже отсидел некоторый срок в концлагере Дахау. Конечно, он не был профессиональным преступником, как того хотелось бы Галему, но Галем помогал Ремеру скрываться от властей в его берлинской конторе, и они вдвоем вынашивали планы будущего покушения. В феврале 1942 г. Ремера выследили и арестовали вместе со всеми, находившимися с ним в контакте, включая Галема.

Галем провел два томительных года в тюрьме, страдая от пыток и допросов. Физически он был совершенно сломлен, и друзья, увидавшие его в 1944 г. не могли узнать в этом высохшем безжизненном теле Николауса Галема, слывшего когда-то сильным и веселым.⁴¹ Но сила его духа только лишь окрепла, возрастая до невероятных вершин. Письма Галема друзьям и близким свидетельствовали о величии его сердца и о широком спектре его духовности. Эти письма были написаны не для того, чтобы «просить поддержки», а для того, чтобы «оказывать поддержку». Галем в своей последней борьбе за освобождение духа от земных цепей чувствовал себя победителем. Как и прежде, он находил наиболее меткие поэтические образы для описания своих ощущений, когда «передний план эго начинает затемняться» после преодоления последнего «наималейшего сопротивления», подобно легкой дрожи, «охватывающей огромную ель перед падением наземь».⁴² В последнем письме к жене Галем подытоживал, чем же для него являлась жизнь: «Моя жизнь, вся моя жизнь – это всего лишь прелюдия и увертюра, только лишь сон, в котором мы судим себя нашими собственными моральными мерками. Смерть – это пробуждение».⁴³ В продолжении письма Галем выражал свою веру в то, что его черты характера, как положительные, так и отрицательные, продолжат свое существование в его сыновьях. Галем-философ, перед порогом смерти ставший мудрецом, писал жене, что единственным способом преодолеть дурные черты характера является «любовь». И он еще раз подчеркнул «любовью, мой друг, любовью!».⁴⁴ (Сравним со словами Бертольда: «Любовь – это истинный смысл жизни. ...Отдавать себя с любовью – и таким образом добиваться совершенства – таким должен быть наш путь...»)

Своим друзьям Галем писал из тюрьмы о поэзии; он цитировал по памяти Шиллера и других классиков; много места уделял обсуждениям вопросов китайской философии и доктрины монады Лейбница. Он подбадривал братьев и сестер, стараясь полезным советом помочь им в их проблемах. Его дух оставался страждущим красоты и правды. В письме к матери Галем объяснял, какая вера поддерживала его на протяжении всей жизни: «Когда все утрясется и ты установишь мне мемориальное надгробье – может быть, на могиле отца – добавь туда стих, выводивший меня еще с раннего детства из глубин отчаяния: «не бойся, потому что я тебя воскресил. Я назвал тебя по имени, ты мой». Это из Исаии, не помню точно, откуда.»⁴⁵ Эта вера стала настолько сильна, что сумела преодолеть последний трепет страха, когда прозвучал смертный приговор 16 июня 1944 г.

Последние дни Галема каким-то едва ли не мистическим образом оказались связанными с жизнью его селестиального близнеца, Бертольда, притом, что связующим звеном послужил младший брат Николауса, Ганно. Немедленно после вынесения смертного приговора брату, Ганно, рискуя жизнью, вернулся из эмиграции. Он покинул спокойную жизнь в Швейцарии, чтобы самому попытаться на месте, в Берлине, спасти Николауса. Среди прочих друзей, к которым обращался Ганно за помощью, были и друзья Штауффенберга, такие как его сотрудник, Адам Тротт; его адъютант – Хефтен и его кузен – Петер Йорк фон Вартенбург.⁴⁶ Эта группа совместно с Бертольдом стала искать способы спасения жизни Галема. Так уж случилось, что пример героической борьбы Галема против Гитлера и его смертный приговор послужили толчком для кружка конспираторов, к которому принадлежал Штауффенберг, перейти от размышлений к незамедлительным действиям.⁴⁷ Тем временем не прекращались и легальные попытки добиться смягчения приговора, в частности судья-адвокат Карл Зак пытался убедить главного прокурора «народного суда» отложить приведение приговора в исполнение. Провал 20 июля свел на нет все эти попытки. Несмотря на то, что Галем не имел непосредственного отношения к попытке заговора 20 июля, его судьба послужила катализатором для заговорщиков, а ему самому пришлось умереть вместе с другими жертвами этого неудавшегося покушения на Гитлера.

В том июле 1944 г. всем трем селестиальным близнецам довелось оказаться в застенках Гестапо. Как будто какая-то неведомая сила повлияла на их жизненные тропы так, что привела всех троих одновременно к этой ужасной станции, из которой Бертольда и Николауса освободила лишь смерть. Каков был путь Бертольда к этому конечному перевалу?

Начиная с 1923 г. Бертольд, подобно Галему, изучал право и политику в университетах Гейдельберга, Йены, Мюнхена, Берлина и Тюбингена. Он всегда занимался с отличием, так что после получения докторской степени в Тюбингене, в 1929 г. он принял приглашение работать в институте международного права в Берлине. В 1931 г. его послали быть представителем Германии в международном суде в Гааге, а в 1933 г. ему предложили вернуться в Берлин, чтобы возглавить отделение в институте международного права.

Подобно Николаусу, Бертольд обладал широким кругом интересов. Горячая любовь к философии и поэзии сводила его с многими интересными людьми, и по крайней мере одному из них довелось сыграть очень важную роль в жизни Штауффенберга. Так, в 1923 г. братья Штауффенберг были представлены известному поэту Стефану Джорджу и приняты в его кружок.⁴⁸ Эта встреча имела важные последствия, как в жизни близнецов, так и в жизни поэта. Александр полагал, что встреча с Джорджем была самым важным событием в его жизни, и называл поэта не иначе, как «королем», «отцом», или «властелином его судьбы». Бертольд видел в Джордже «спасителя» и обращался к нему, как к своему «властелину» и «мастеру». Философия и мировоззрение близнецов отражали в значительной степени учения их нового наставника и друга. Краткая характеристика личности поэта и его основных идей поможет лучше представить себе, в какой именно среде формировались взгляды Штауффенбергов.

Джордж был поэтом-лириком, главным образом ответственным за возрождение немецкой поэзии на закате XIX века. Он изучал философию и историю искусства в Париже, Мюнхене и Берлине. В Германии он сумел основать свою собственную школу, державшуюся на его авторитарном единоличном правлении. За свой харизматичный характер он был прозван «Наполеоном при дворе Муз». Хотя Джордж в основном известен как поэт, тем не менее, он уделял много времени как политическим, так и социальным вопросам, проповедуя идеи гуманизма, вдохновленные древней Грецией. На его философию также оказал значительное влияние ницшеанский образ сверх-человека, и он преклонялся перед необузданной силой Тевтонской мощи, видя в ней источник грядущего возрождения. Поэт пророчил, что настанет тот день, когда объявится герой, способный повести за собой к воскрешению, как Германию, так и целый мир. Этот герой снимет цепи с отсталого общества и посеет семена «Нового Духовного Рейха». В то время, как часть поклонников Джорджа неверно воспринимали его лозунги и его упоение властью слишком буквально, большая часть его последователей ясно видели противоречия между элитарными идеями о Новом Духовном Рейхе и политической реальностью того времени. Сам Джордж после 1933 г. резко выступил против прихода нацизма, казалось бы, отражавшего в той или иной степени его собственные чаяния. Он отказался принимать почести и награды из рук фашистского руководства и летом 1933 г. отправился в изгнание. Он умер в Швейцарии, в декабре 1933 г.

От Джорджа Бертольд сумел получить ту любовь и обожание, которой ему так не хватало в общении со своим отцом. Поэт боготворил близнецов и применял в обращении к ним такие эпитеты как «королевские наследники». Джордж был буквально зачарован красотой Бертольда и его интеллектом; он восхищенно называл его «Аджиб» (великолепный) по имени правителя из «Тысячи и одной ночи». Он даже сочинил поэму о Бертольде, в которой воспевал его «величие» и упоминал его права «как правителя». Впоследствии Бертольд был назначен Джорджем главным исполнителем его завещания.

В том критическом 1933 г. все три селестиальных близнеца находились под влиянием харизматичных «отцовских» фигур. Молодой Галем заслужил уважительное отношение к себе со стороны 50-летнего Джорданса; Бертольд и Александр заслужили признание со стороны 65-летнего «Мастера Джорджа». После провалившейся попытки найти «мужественность» в армейских отрядах или на традиционной отцовской государственной службе, им удалось найти новый для себя тип «мужественности», хотя все еще очень властной, но в большой степени уже «духовной».

Их политические взгляды, по крайней мере, частично, были отражением взглядов их новых «отцовских фигур». Галем, подобно Джордансу, уже в 1933 г. ясно представлял себе последствия избрания Гитлера канцлером Германии. Братья Штауффенберг разделяли амбивалентное отношение Джорджа к новому режиму. С одной стороны, их совсем не привлекал курс национал-социализма, и уже в 1933г Бертольд в письмах к своей невесте делился озабоченностью политическим положением, а Александр называл политику нацизма опасным перегибом.⁴⁹

Но, с другой стороны, для Штауффенбергов многие нацистские лозунги звучали как отзвуки идей Джорджа. Впоследствии Бертольд на допросах в полиции заявлял, что «основные идеи национал-социализма были на практике превратно истолкованы и исполнялись с точностью до наоборот».⁵⁰ Как и много других консервативных оппозиционеров Третьего Рейха, большинство последователей Джорданса и Джорджа настолько долго закрывали глаза на «ошибки» национал-социалистов, что в конце концов сами превратились в узников режима. Позднее Штауффенберги и их кузен Йорк сетовали на себя, признавая вину в слишком замедленной реакции на возрастающее зло.⁵¹

Все три селестиальных близнеца мечтали о лучшей Германии, но не представляли себе, как это осуществить. Их семьи толкали молодых людей занять влиятельные посты при дворах курфюрстов. Но в Германии не было больше князей, а Гитлер уж никак не олицетворял в их глазах фигуру, подходящую для должности правителя. Все три решили оставаться в Германии для выполнения своей «аристократической» миссии по возрождению страны, но никто из них не сумел найти свое место ни в одной из существовавших политических партий, и вскоре все трое оказались в плену у коррумпированной системы.

В 1934 г. Бертольду, разочарованному своей работой, представилась возможность отдалить себя от нацистского государства и начать академическую карьеру.⁵² На этой критической развилке дорог Бертольд сделал свой решающий выбор: он отказался от предложения стать преподавателем в университете и предпочел вернуться в Берлинский институт международного права в качестве старшего научного работника. Работа в институте оказалась, по его мнению, в лучшем случае, никому не нужной; в худшем же случае, когда ему приходилось быть вовлеченным в юридические аспекты немецкой расовой политики, он чувствовал себя «адвокатом сатаны». В 1934–1936 гг. Бертольду, в качестве офицера, приходилось несколько раз участвовать в военных сборах. Очевидно, военное дело никогда не было подходящим занятием для этих селестиальных близнецов, и этот раз тоже не являлся исключением: майские учения 1936г. стали последними военными действиями Бертольда, так как он упал с лошади и поломал себе ногу.

Постепенно Бертольд все более специализировался в вопросах военного, и в значительной степени морского, права. Он углубился в изучение законов военного времени, и в 1939г. составил немецкие законы о наградах, остававшиеся в силе до конца войны. К тому времени Штауффенберг уверенно занял место в первых рядах немецких юристов. С начала войны по запросу адмиралтейства Бертольд был назначен на пост советника по международному праву при штаб-квартире военного флота. В этой должности он и прослужил до 20 июля 1944 г. Здесь он работал в тесном контакте с Гельмутом фон Мольтке и с Петером Йорком фон Вартенбургом (оба были близкими друзьями Николауса Галема). Везде, где мог, Штауффенберг старался избегать несправедливости. Он стремился служить гуманитарным целям; его идеалом была «честная война с человеческим лицом», и для достижения этого идеала он тяжело трудился, разрабатывая правила ведения войны в соответствии с канонами международного права.

Весной 1939 г. Бертольд повстречался с одним из наиболее серьезных противников режима – Адамом фон Троттом. Оба они разделяли глубокую озабоченность будущим Германии. С каждым днем чувство неизбежности грядущей катастрофы становилось все более отчетливым, и во время войны Бертольд окончательно определился как противник Гитлера. Он видел, какие преступления совершает Германия. В нем созрел ужасный конфликт между правом, в его собственном понимании, и теми приказами, которые отдавались в армии. «Армейские офицеры не должны обсуждать приказы», – говорил ему традиционный голос долга. «Прекратить «меры по уничтожению» евреев», – диктовал ему голос совести. Бертольд выбрал голос протеста против бесчеловечности. Подобно Галему, он предпочел выбрать присягу гуманизму.

Будучи человеком крайне мирным по своей природе, Бертольд никогда не отличался ни активным характером, ни жаждой к героической славе. Подобно Галему, он никогда не мог бы стать исполнителем приговора, и его уделом была организаторская сторона и налаживание связей между различными потенциальными заговорщиками. Как и Галем и Мольтке, Бертольд не верил в способность немецких генералов пойти на путч. Ему казалось вернее искать для покушения молодых энергичных офицеров, и наиболее подходящим кандидатом для этого в его глазах стал младший брат Клаус, к тому времени уже успевший героически отличиться на войне. Начиная с весны 1942 г., Бертольд пытался уговорить Клауса присоединиться к кругу Мольтке. Но тогда младший брат еще был не готов нарушить офицерскую присягу, и единственным ответом Бертольду было то, что негоже заниматься такими делами во время войны против большевизма. «Но когда мы вернемся домой, мы избавимся от коричневой чумы», – добавлял Клаус.⁵³

Помимо непрекращающихся поисков кандидата для совершения покушения на Гитлера, Бертольд постоянно оказывал посильную помощь жертвам войны. Подобно Галему, в этом ему оказывали огромную помощь его международные связи. Так, например, в мае 1943 г. он ездил в Швейцарию для достижения соглашения о поставках зерновых в оккупированную голодающую Грецию.⁵⁴

В течение 1942 г. к Бертольду стекалась огромное количество информации, однозначно свидетельствовавшей, что массовые убийства евреев, поляков и русских не было случайной ошибкой. На базе этих данных Штауффенберг сделал вывод, что массовое уничтожение являлось прямым следствием проводимой извращенной и безумной политики. Обращаясь к своим друзьям, Бертольд говорил, что необходимо успеть осудить и покарать всех ответственных за эти страшные преступления еще перед полным военным разгромом Германии. Он полагал также, что для достижения этой цели никакие жертвы не могут быть слишком велики.⁵⁵ И когда миссия его сестестимного близнеца, Николауса, окончательно провалилась из-за его ареста, Бертольд как бы принял от него эстафету в собственные руки, чтобы продолжить выполнение их общей миссии. На сей раз Клаус, вернувшийся после тяжелейшего ранения в Северной Африке, был уже полностью убежден в правоте своих старших братьев, порицавших и отвергавших нацистский режим.

Галем оказался прав, когда он полагал, что армии не под силу сбросить Гитлера. Путч был плохо спланирован, а влияние заговорщиков на армейские круги оставалось незначительным. Как Бертольд и предвидел, их попытка завершилась провалом. Но предчувствие провала ни в коей мере не останавливало его, потому что Бертольд был уверен в том, что кто-то обязан был попытаться. « Никакие жертвы не могут быть слишком велики», – сказал Бертольд фон Штауффенберг – и пожертвовал своей собственной жизнью. Его судили в «народном трибунале» 10 августа 1944 г.; он был приговорен к смертной казни и повешен на жесточайшим способом в тот же самый день. История не сохранила материалы суда над Бертольдом Штауффенбергом. Единственным наиболее значительным историческим документом, проливающим свет на мотивы и побуждения, двигавшими Бертольдом к самопожертвованию, стала «Клятва Штауффенбергов», составленная Бертольдом и Клаусом накануне путча. Она начиналась словами: «Мы веруем в будущее немцев». Так что даже известный своими агностическими убеждениями Бертольд, в конечном итоге, подобно своему селестиальному близнецу Николаусу, следовал голосу своей веры.

После их смерти, в адрес этих редчайших людей было сказано немало добрых слов. Друзья вспоминали их доброту и порядочность, верность долгу и экстраординарность. Ближайший друг Галема, Фабиан Шлябрендорфф писал о нем: «Он был очень необычным человеком, наделенным многими выдающимися талантами, наполненным пророческой ясностью и единственным в своем роде пониманием того, как следует обращаться с разными людьми и предметами».⁵⁶ И он продолжал: «К тому же он был добросердечен, и его цельный характер с возвышенным чувством чести и непоколебимой верностью друзьям делали его одним из наиболее выдающихся членов нашей группы».⁵⁷

Вернер Трабер, бывший на протяжении многих лет одним из лучших друзей Бертольда, написал очень похожие слова о селестиальном близнеце Николауса Галема: «Если бы кому-нибудь пришлось лепить статую честности, доброты и чувства справедливости, то ее надо было бы лепить с Бертольда Штауффенберга. Он зачастую инстинктивно понимал, где кроется правда, намного раньше, чем другие признавались в верности его суждений».⁵⁸ Коллеги Бертольда рассказывали Гофману, что он был экстраординарной личностью, что «его отличали глубина и острота ума; он зачастую смущал свое безалаберное начальство умением сводить наиболее сложные проблемы к ясным и простым понятиям».⁵⁹

И, прежде всего, обоих селестиальных близнецов непременно называли «благородными людьми» в полном смысле этого слова. Было ли это всего лишь совпадением, что и их судьбы и характеры были параллельны?

Для завершения биографии этих героев нужно дополнить некоторые факты об их семейной жизни. И тут мы видим еще одно значительное совпадение в жизни Николауса Галема и Бертольда Штауффенберга в том, что их решение жениться натолкнулось на сильное сопротивление со стороны их семьи или наставников. Николаус на протяжении шести лет был обручен с Викторией Марией Гарбе из Бремена, прежде чем им удалось пожениться в конце 1931 г. Причиной такого необычайно долгого периода ожидания был отказ со стороны

отца невесты дать добро на этот брак. Свадьба стала возможной лишь только после того, как Николаус закончил учебу и приобрел профессию. У четы Галемов родилось двое сыновей, в которых Николаус не чаял души. Со своей стороны, Бертольд на протяжении десяти лет не мог добиться согласия на брак с горячо любимой Марией Классен, потому что и его родители и его Мастер Джордж не соглашались с этим выбором. Свадьба состоялась в 1936 г., после смерти Альфреда Штауффенберга и Стефана Джорджа. Даже тогда решение Бертольда жениться шло вразрез с мнением его друзей, не мысливших себе возможность нарушения завещания духовного учителя. У четы Штауффенбергов тоже родилось двое сыновей, и во имя их будущего Бертольд был готов даже пожертвовать собой.

Завершилось повествование истории жизни Николауса Галема и Бертольда Штауффенберга. Им не довелось дожить до более светлых дней. Лишь только третьему сестелиальному (и биологическому) близнецу, Александру Штауффенбергу, удалось пережить эти страшные времена, чтобы рассказать о героизме погибших и чтобы их имена были занесены в списки героев. Настало время вернуться к уцелевшему близнецу и познакомиться с его биографией.

Теперь такие понятия, как «похожий» или «различный» постепенно начнут терять свое абсолютное значение. Человеческий мозг зачастую настолько находится под влиянием стереотипов, что забывает об относительности наблюдаемых характеристик и анализирует их лишь в ограниченных рамках собственных ожиданий. Например, как правило, люди настроены на то, что каждый человек является единственным и неповторимым. Поэтому мы так удивляемся, увидав сходство там, где заранее ожидали встретить различие. Так, в первый момент, познакомившись с идентичными близнецами, мы обычно поражены их невозможным сходством. Мы тут же объявляем наших новых знакомых совершенно неразличимыми. Но время идет, и чем больше мы знакомы с близнецами, тем сильнее меняются наши ожидания от них, так как мы уже настроены видеть в них лишь сходство. Со временем мы все острее воспринимаем оттенки и нюансы в личностях идентичных близнецов. В результате обострения чувствительности, нашим ожиданиям предстоит вновь развеяться, когда мы понимаем, насколько важны для нас эти, казалось бы, незначительные различия. И тогда наступает момент, когда мы неожиданно восклицаем с удивлением, «да вы знаете, ведь эти-то близнецы *абсолютно* различны!»

Очевидно, что понимание процесса этого изменения нашего суждения относительно сходства или различия в характерах близнецов, имеет большое значение для сравнения между очень похожими людьми. Обычно, когда мы говорим «похожий», нам не хватает какой-то общепринятой шкалы схожести, чтобы определить «степень сходства». Для введения степени сходства нам требуются какие-то контрасты. Так, если бы мы воспользовались в качестве эталона жизнью Геринга, то жизнь Розенберга была бы очень близка к эталону, в то время как жизни Галема и Штауффенберга были бы очень далеки от него. В самом деле, *все* в их жизни – раннее детство и учеба в университете, антимилитаристские убеждения и любовь к таким «непонятностям», как философия, поэзия и человечес-

кая душа – все крайне отлично от характеристик Геринга. Мы можем сказать, что Галем похож на Штауффенберга в своем отличии от Геринга.

Но сложность проблемы сильно возрастает, когда мы стоим перед задачей сравнения жизни настолько похожих людей, как Александр и Бертольд. Для постороннего взгляда эти близнецы зачастую могли бы выглядеть как *почти идентичные*, в то время, как члены их семьи имели полное право видеть их, как *абсолютно различных*. Постольку, поскольку мы не располагаем едиными стандартами для измерения степени сходства, нам нужно постоянно иметь в виду это явление при рассмотрении жизни этих близнецов и опираться в наших суждениях на некие интуитивные стандарты сходства и контрастов.

Александр был рожден в той же самой семье потомственных аристократов, что и Бертольд, и его образование ничем не отличалось от образования брата. Но в семье все привыкли считать, что Александр был более медлительным и даже заторможенным по сравнению с братьями. Эта разница проявлялась и в школьных занятиях. Оценки Александра были ниже, чем у Бертольда (или Николауса), и зачастую были «удовлетворительными». Но уже в школе проявлялся более философский склад ума Александра, и его стихи приносили ему звание будущего поэта. Он с увлечением читал Гете и книги об истории музыки, он также пробовал писать пьесы для фортепиано. Может быть, лишь в силу того, что Бертольд учился всему молниеносно, более вдумчивый Александр постоянно чувствовал себя глупее брата. На самом деле, скорее всего в этот период развития Александр просто больше, чем брат, проявлял и развивал эмоциональную и душевную сторону своей личности. Подобно своим селестиальным близнецам, Александр тоже перенес несколько очень тяжелых заболеваний в детстве, лечение которых привело его к необходимости учиться в домашних условиях (в 1917 г. он переболел дифтерией, а в 1918 г. у него был тяжелый плеврит).

В выборе профессии перед Александром стояла такая же тяжелая дилемма, как и перед его селестиальными близнецами. Вначале он, подобно им, решил следовать чувству семейного долга и изучать вопросы права. В 1923 г. в Тюбингене Александр взял юридические курсы, курсы по социальной политике и по греческой и римской истории. В письмах к матери он объяснял, что унаследовал типичный семейный прагматичный подход к жизни, который не позволит ему уклониться от выбранного пути государственного мужа. Но уже в том же самом году Александр не устоял перед всепоглощающим влечением к истории и сделал едва ли не самый решающий шаг в жизни: он предпочел следовать голосу своего сердца, а не голосу «долга». Смирившись с мыслью, что он не годится ни на что более практичное, чем изучение истории, он продолжил исторические занятия в Йене и Галле, все еще полный надежд, что изучение классического мира когда-нибудь поможет ему внести свой вклад в возрождение Германии.⁶⁰ В 1928 г. Александр защитил докторскую диссертацию по вопросам Римской Империи. Через три года эта работа была опубликована, став его первой книгой.

Александр решил получить разрешение на преподавание в университетах, и для этого ему пришлось защитить еще одну докторскую диссертацию в 1933 г. Сначала ему предложили временную должность в университете в Вюрцбурге, а

уже в 1936 г. он был принят в штат. (В то же самое время Бертольд тоже предложили начать академическую карьеру, так что оба брата оказались одновременно на том же распутье дорог, хотя выбор их стал разным.) Александр читал лекции по вопросам истории древнего мира в университетах Вюрцбурга, Берлина и Гессена. В отличие от Бертольда (но подобно Галему), он на очень ранней стадии открыто занял позицию резкой оппозиции по отношению к национал-социализму. Например, в 1937 г., выступая на ежегодном съезде немецкой исторической ассоциации, он публично выразил свое неприятие официальной идеологии. Он стал одним из наиболее известных и бесстрашных немецких историков. В отличие от Бертольда (но опять-таки подобно Галему), Александр был по-своему очень верующим человеком. В качестве искреннего католика, он главным образом боролся с Гитлером в ограниченных вопросах, таких, как важность роли христианства для немецкого народа. И хотя в этом конкретном вопросе Александр занимал мужественную позицию оппозиционера, он никогда по-настоящему не вступил в ряды активного сопротивления.

Подобно братьям, Александр на первое место ставил верность своей стране, вне связи с тем, какое правительство правит в данный момент. Поэтому его естественной реакцией и чувством долга в начале войны было немедленно попроситься на фронт.⁶¹ Несмотря на многообещающую карьеру и на пост профессора, Александр в 1939 г. записался офицером запаса. Его жизнь протекала между мирными периодами университетских исследований и активными периодами военных буден. В 1942 г. ему по возрасту предложили быть посланным с батареей на береговую службу в Норвегии, но он предпочел отправиться в Россию в составе Шестой Армии. Зов предков откликнулся в его словах, когда он восклицал: «Мы должны пройти по России, нам нужно увидеть, где бродили древние Остготы!»⁶² Несмотря на весь свой романтический запал, Александр почти сразу же был ранен на фронте, и таким образом ему посчастливилось избежать битвы под Сталинградом.

Благодаря этому «счастливому несчастью», Александр получил пост профессора древней истории в Страсбурге. В это время не так уж легко было сосредоточиться на писании книг, но, по словам Александра, он все же предпочитал «активно служить другим в то время как они делают историю».⁶³ Передышка оказалась недолгой, и уже в феврале 1943 г. Александра вновь призывали в армию. В Нормандии он прошел подготовку в артиллерии, и начиная с 5 октября 1943 г. его вновь перебросили на восточный фронт в качестве сторожевого наблюдателя на реке Днепр. Он продержался три недели до следующего ранения. После возвращения домой он вернулся к сочинению стихов, начатых в Нормандии.

Александр надеялся возобновить свою работу в Страсбурге, но весной 1944 г. один из друзей пригласил его читать лекции в немецком институте в Афинах. В Греции он услышал о неудавшемся перевороте, совершенном его братьями. Хотя Александр, подобно Бертольду, на протяжении длительного времени безуспешно пытался изменить отношение Клауса к Гитлеру, он, тем не менее, не имел никакого отношения к самому заговору. Бертольд и Клаус не посвящали его в свои планы, потому что Александр всегда был неосторожным в своих высказываниях и,

кроме того, он был слишком известен своими антифашистскими взглядами. По иронии судьбы, Александра арестовали не за его взгляды и не за открытую критику режима, а в результате действий его братьев. Как родственник преступников, он подвергался пыткам и истязаниям, его перевозили в товарных вагонах из одной тюрьмы в другую, из одного концлагеря в другой. Освобожден он был американскими войсками. Александр обладал пониженной чувствительностью к боли, и с физическими муками он сумел совладать, но боль души по погибшим братьям и чувство вины, что не погиб вместе с ними, были для него во сто крат тяжелее. На протяжении последующих трех лет он не был в силах начать нормальную жизнь, и, оставаясь затворником, описывал трагедию братьев и сочинял стихи

В 1948 г. Александр принял пост профессора древней истории в Мюнхенском университете. Главной целью его жизни стало исполнение духовного завещания погибших братьев. Он посвятил себя созданию демократического общества в ФРГ, активно боролся против распространения ядерного оружия и защищал права преследуемых меньшинств. Он продолжал обучать студентов и распространять свои гуманитарные взгляды до самой смерти. Он умер после долгой мучительной болезни, скончавшись от рака в 1963 г., в возрасте всего лишь 58 лет.⁶⁴

По всей видимости, жизнь Александра была сохранена еще с того момента в раннем детстве, когда он выбрал путь поэта вместо пути «человека действия», героя. В отличие от своих «дейтельных» братьев, он пытался (и иногда преуспевал в этом) переносить свои действия на духовный уровень. Гофманн отмечал в заключении своей книги о братьях Штауффенбергах: «Александр Штауффенберг писал, что тайны судьбы нации раскрываются в ее поэзии; и что Поэзия сама по себе становится судьбой нации, когда под влиянием Поэта человек действия приводит к исполнению миссии или к самопожертвованию в случае ее провала».⁶⁵

С одной стороны, жизнь Александра показывает, что каждый раз, когда он пытался активно участвовать в жизни разлагающегося милитаристского общества, его уделом были страдания, ранения или самопожертвование. С другой стороны, жизнь Александра может быть иллюстрацией к эзотерическим или юнгианским учениям, которые заявляют, что людям дано (хотя бы и в небольшой степени) изменять свои судьбы, когда они следуют внутреннему голосу духовных учителей.

Жизнь приводила всех трех селестиальных близнецов к похожим развилкам и предоставляла им почти одинаковые возможности. Все они увлекались философией и поэзией, каждый из них теоретически мог заняться творческой профессией. Всем им нужно было разрешить внутренний конфликт между «долгом аристократа» и философскими наклонностями. Двое из них послушались голоса «долга»; их прекрасные строчки о жизни, любви и смерти остались никому неизвестными, и они вошли в историю как великомученики. Третий селестиальный близнец пытался изменить семейные традиции и набрался мужества заняться наиболее «непрактичным» ремеслом историка. Он не прославился. Он много страдал, но он выжил, и его книги по сей день учат людей гуманизму.

Станным парадоксом выглядит то, что в этом случае двое селестиальных близнецов, Бертольд и Николаус, имевших различную наследственность и выращенных порознь, тем не менее, независимо друг от друга, решили стать юристами,

заниматься в Гейдельберге, покушаться на Гитлера, и в результате этого принять жертвенную смерть. В то же время, биологический близнец Бертольда, Александр, имевший похожие (или даже идентичные) гены и идентичное воспитание, предпочел другую профессию и выбрал иной путь сопротивления фашизму. Для внешнего мира (представляемого либо режимом, либо самой судьбой) не имело такого уж большого значения, что Александр никогда не был вовлечен в заговор, и его осудили за действия его близнецов (как биологического, так и селестиального). Для самого же Александра разница оказалась решающей, и он уцелел.

Фарбер описывала подобный парадокс среди идентичных близнецов, разлученных в раннем детстве. Такие близнецы оказывались необычайно похожими, несмотря на различное воспитание, в то время как идентичные близнецы, выращенные вместе, зачастую сознательно или подсознательно стремились выработать в себе отличные черты характера, отражая потребность каждого человека развивать в себе индивидуальность. Вполне возможно, что подобный механизм формирования индивидуальности работает и в случае селестиальных близнецов. В то время, как Александр сознательно «отличался» от Бертольда, Николаус, выращенный отдельно, не имел такой возможности.

Мы находимся лишь в самом начале пути поиска механизмов формирования личности и судьбы, но этот уникальный случай демонстрирует серьезные доводы в пользу значимости Θ -фактора, потому что в случае необычной схожести характеров и судеб Николауса Галема и Бертольда Штауффенберга только этот фактор мог бы быть ответственным за параллельность в жизни казалось бы ничем не связанных между собой людей.

Астрологические и Θ -факторные комментарии

Данная история заново поднимает извечный вопрос: «Почему ужасные вещи случаются с хорошими людьми?» Все биографы этих селестиальных близнецов однозначно характеризуют их как «хороших» людей, ставших жертвами очень «плохих» людей или же неимоверно «плохих» жизненных обстоятельств. Ответы на вопрос, почему на их долю выпало такое несчастье, обычно содержат такие логические посылки, как «в качестве истинных аристократов они не могли не...», или «будучи истинными католиками...», или же «являясь представителями правосудия...». Историки пытаются объяснить жизнь этих героев либо их принадлежностью к определенным социально-экономическим кругам, либо их принадлежностью к некоторым эзотерическим и философским обществам.

Однако, такого рода ответы, хотя и проливают свет на многие важные события в жизни наших героев, тем не менее, не могут прояснить, почему настолько ужасные вещи произошли именно с этими конкретными людьми. Так, если принять точку зрения многих авторов, полагающих, что именно традиционное аристократическое воспитание стало решающим фактором в формировании дальнейшей судьбы этих героев, то становится непонятным, почему брат Галема, Ганно, родившийся 11.06.1906 г. и по свидетельству Николауса необычайно похожий

на него, тем не менее, не столкнулся с подобными по силе испытаниями. Ганно эмигрировал в Швейцарию и проживал там, вдали от гитлеровского режима. Такой же вопрос естественно возникает и по поводу разницы в судьбах между биологическими близнецами, Бертольдом и Александром фон Штауффенбергами.

Когда другие авторы утверждают, что судьбы Николауса Галема и Бертольда Штауффенберга были предопределены с того самого момента, как они вступили в ряды сопротивления, то стоит напомнить, что далеко не все члены сопротивления были казнены. Даже наиболее близкие друзья и соратники Галема, такие как Фабиан Шлябрендорфф и фрау Солф со своей дочерью сумели перенести арест и выжить.

Было бы также слишком опрометчиво пытаться объяснить ужасную судьбу этих героев только лишь тем фактом, что они были рождены под знаком Рыб. Огромное число людей ежегодно рождается под этим знаком, и хотя, быть может, они и демонстрируют некоторую наклонность к самопожертвованию, они никак не склонны быть замучены другими.

Хаотическая картина непредсказуемого мира, в котором все «ужасные» вещи могут стать участью любого «хорошего» человека, может несколько измениться, если подойти к данному вопросу с позиций психологической астрологии, изложенных, к примеру, в книгах Хикки или Лундстед. Так, в астрологических картах этих селестиальных близнецов можно увидеть, что вдобавок к Солнцу в Рыбах присутствует еще и тяжелый аспект квадратуры Солнцем и Луны (90°). Так как в астрологии Солнце символизирует отца, а Луна представляет мать, то считается, что такой дисгармоничный аспект должен отражать определенное противостояние или конфликты между родителями ребенка. Человек, родившийся у таких родителей, постоянно находится в конфликтной ситуации между своими духовными наклонностями (отраженными Солнцем) и традиционными моделями поведения своей семьи (отображенными Луной). Раздираемый постоянными противоречиями, такой человек затрудняется найти себе место под Солнцем. Он может накопить злость и обвинять своих родителей (или одного из них) во всех своих бедах. Он может даже обозлиться на целый свет за все свои злосчастья, но как бы то ни было, к нему всегда будет относиться общий приговор Хикки: «Он сам себе наихудший враг, а чувствует, как будто виноваты все вокруг».⁶⁶

Не является ли поразительным то, что независимо друг от друга биографы Галема (Гребен) и Штауффенбергов (Гофманн) подчеркивали противоположные материнские и отцовские влияния в семьях этих селестиальных близнецов? Было ли это всего лишь еще одним странным совпадением, что герои данной истории жили с постоянным чувством конфликта между «чувством долга», как они его понимали, и теми творческими способностями, которыми они зачастую пренебрегали?

Интересно и то, что вышеописанный астрологический подход может с легкостью предложить «объяснение» в разнице судеб Александра и Бертольда. Так как нам неизвестно точное время рождения этих селестиальных близнецов, то неизвестно, насколько точным был аспект между Солнцем и Луной в карте каждого из них (Луна движется очень быстро, проходя около 13° в день). Таким образом,

вполне возможно, что благодаря быстрому вращению Луны, каждый из селестиальных близнецов воспринимал семейную ситуацию в несколько ином свете, что могло и привести к разнице в судьбах даже между биологическими близнецами.

Конечно, далеко не каждый человек, имеющий квадратуру Солнце-Луна, станет впоследствии мучеником, точно так же, как и не все Рыбы захотят принести себя в жертву. Для тех обеспокоенных читателей, кто родился в Рыбах и имеет тяжелый аспект между Солнцем и Луной, мы сразу же оговорим, что уже в следующей главе приводится описание другой пары селестиальных близнецов, столкнувшихся с теми же астрологическими уроками (Рыбы с напряженным аспектом между Солнцем и Луной), но, тем не менее, не ставшими жертвами других людей или обстоятельств. Эта история продемонстрирует, что Θ -фактор, сводящий все сложные параметры лишь к одному, может стать более эффективным параметром для описания селестиальных близнецов, чем отдельные астрологические аспекты, могущие по-разному проявляться в различных астрологических конфигурациях в условиях различного Θ -фактора.

В случае Штауффенберга-Галема, под влиянием их конкретного Θ -фактора, эти астрологические аспекты сопровождались некоторыми другими «зловещими» признаками, появившимися в картах этих близнецов и усиливавшими во много раз и без того значительные тенденции к саморазрушительному поведению. Астрологи средневековья, верившие в судьбу, безусловно бы предсказали катастрофу, поджидающую обладателей таких карт. Современные астрологи ни в коей мере не претендуют на должность предсказателей; они постарались бы избегать таких характеристик, как «плохие» или «хорошие» предзнаменования и не взялись бы пророчить злосчастия. Они бы постарались выявить при помощи клиента корни причин конфликтных ситуаций и предложили бы ему осознать причины тех или иных выборов жизненного пути. Таким образом, есть принципиальная разница между предсказателями, видевшими себя способными благословлять или проклинать людей посредством своих пророчеств, и между аналитиками, предоставляющими своим пациентам разные возможности выбора. Так, и у Рыб есть возможности выбора, или как сказала Лундстед, для того, чтобы Рыбы могли конструктивно использовать свои творческие идеи, «они должны отказаться от роли великомученика, если только они не предпочитают выйти на сцену в роли Жанны д'Арк».⁶⁷

Жизнь этих селестиальных близнецов не раз ставила их перед критическим выбором между творческой деятельностью и самопожертвованием. Никто из них не был обязан проходить военные учения – все они были добровольцами. Никого из них не удерживали силой в Германии – они могли эмигрировать. Бертольда не заставляли служить во флоте – он сам отказался от академической карьеры. Александра не послали против его воли завоевывать Россию – он сам отказался от предложенного назначения в тылу. Раз за разом эти селестиальные близнецы выбирали самые неподходящие для себя условия. Они сами становились своими «злейшими врагами», как будто проклятые будущими пророчествами, написанными Хикки или Лундстед вне всякой связи с их собственными историями через 50 лет после смерти этих селестиальных близнецов.

Новые психологические подходы принимают возможность трансформации. Вполне возможно, что мы не рождаемся ни «абсолютными святыми» и ни «полнейшими грешниками», и у всех нас есть равные возможности выбора более счастливой жизни для нас лично и для всего человечества. Проблема лишь в том, что для правильного выбора мы должны сначала научиться осознавать наши проблемы. Может быть, новые знания, полученные с помощью Θ -факторного подхода, помогут как «грешникам», так и «великомученикам» лучше понять природу окружающего мира и научиться жить счастливее. Если, действительно, в астрологии есть хотя бы доля истины, то ознакомление с картой может помочь людям справиться со своими проблемами. Если, действительно, силы селестиального двойникового настолько же сильны, как и силы генетического двойникового, то встреча и знакомство с собственным селестиальным близнецом сможет помочь нам осуществить желаемую трансформацию.

Сегодня, когда наше понимание человеческой личности все еще очень ограничено, вопрос по-прежнему остается философским: что мы предпочитаем – жить в хаотическом мире, где «плохие» вещи случаются с «хорошими» людьми, или же искать новые законы духовного мира? На наш взгляд, все совпадения, описанные в данной главе, свидетельствуют в пользу последнего предположения.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 15 марта 1905 г. в Германии.
Аристократическое происхождение	Семьи Галемов и Штауффенбергов относились к древним германским аристократическим родам.
Образ отца	Оба отца носили титул «гофмаршала», оба были консервативными и практичными людьми, не сумевшими подобрать ключи к сердцам своих детей.
Образ матери	Обе матери отличались своими незаурядными способностями, и их сыновья относились к ним с благоговением.
Различия в материнских и отцовских влияниях	Различия в материнских и отцовских взглядах на воспитание детей были зачастую настолько сильны, что подчас Каролина Штауффенберг и Герта Галем казались антиподами своих мужей. Обе матери стоически перенесли гибель сыновей, оба отца мирно скончались еще до начала войны.
Начальное образование	Все трое в детстве обучались с частными репетиторами на дому. Их последующие годы в гимназии продолжали чередоваться с годами занятий с учителями на дому. Бертольд и Николаус развивались быстрее своих сверстников и всегда были первыми учениками, в то время как более вдумчивый Александр ограничивался и более посредственными оценками.

Часть I. Совпадения

Высшее образование и выбор профессии	Все трое приблизительно одновременно начали учебу в Гейдельберге. Николаус стал изучать право в Гейдельберге весной 1922 г. Он продолжал свою учебу в Геттингене, Йене, Галле и Лейпциге. Звание юриста он получил в 1933 г. Бертольд записался в Гейдельберг в мае 1923 г, затем он занимался историей и правом в Йене, Берлине, Мюнхене и Тюбингене. Он получил звание юриста в 1929 г. Александр поначалу изучал право в Гейдельберге и Тюбингене (1923), а затем историю в Йене и Галле. Он защитил докторские диссертации по истории в 1928 и в 1933 г. Начиная с 1933 г. он стал лектором.
Проблемы получить разрешение на брак	Николаус на протяжении шести лет не мог жениться на Виктории Марии Гарбе, так как ее отец не давал согласия. Бертольд не мог жениться на Марии Классен на протяжении 10 лет, так как его отец и Мастер Джордж противились его выбору. Александру долго не удавалось жениться, так как власти не позволяли арийцам заключать смешанные браки с лицами еврейского происхождения. Несмотря на все препятствия, брак был заключен в 1937 г.
Принадлежность к интеллектуальным группам	Александр и Бертольд принадлежали к кружку Стефана Джорджа, Галем находился под влиянием Карла фон Джорданса.
Политические аутсайдеры	Никто из близнецов никогда не присоединялся ни к какой политической партии, и тем более, никто из них никогда не поддерживал НСДАП.
Оппозиционеры	Уже в 1933 г. Галем отказался приносить присягу нацистскому государству. В 1937 г. Александр публично высказался против официальной идеологии. Непонятно, когда точно Бертольд воспротивился режиму, но уже в 1942 г. он принял решение о необходимости покушения на Гитлера.
Царский облик	Все отмечали экстраординарный облик этих сестелиальных близнецов. Галем оправдывал свое царское имя, данное ему в честь российского царя Николая. Джордж именовал своих любимцев не иначе, как царскими отпрысками.
Анти-милитаризм	Никто из них не слыл воинственным человеком, и ни один из них не годился для исполнения покушения.
Мученичество	Никто из них не верил, что им действительно удастся свергнуть Гитлера, но им было важно продемонстрировать порядочный облик немцев. С этой целью двое из них приняли смерть мучеников, а третий прошел через ад концлагерей, чтобы рассказать о погибших.

Селестиальные близнецы

Дети	У Николая и Бертольда оставалось по двое сыновей. Мы не нашли данных об Александре, чья жена погибла в конце войны.
Вера	Все три селестиальных близнеца верили, что без веры нельзя поддерживать нормальную жизнь в государстве.

Сноски:

- ¹ Гельдерлин родился в Рыбах.
- ² Например, D. Cunningham, *The Consulting Astrologer's Guidebook*. York Beach, ME, S. Weiser, 1994. p. 179.
- ³ Например, *Lexikon des Widerstandes 1933-1945*, hrsg. von Peter Steinbach & Johannes Tuchel. Мюнхен: Beck, 1994, p. 76, p.183.
- ⁴ P. Hoffmann, *Stauffenberg: a Family History, 1905–1944*, Cambridge, University press, 1995, pp. 282–284 (Далее – Hoffmann)
- ⁵ J. Kramarz, *Stauffenberg*, London, A. Deutsch Ltd, 1967, p. 128 (Далее – Kramarz).
- ⁶ Peter Hoffmann, *The History of the German Resistance, 1933-1945*, Cambridge, Mass., MIT Press, 1971, p. 253 (Далее – *The History of the German Resistance*).
- ⁶ Michael Balfour, *Withstanding Hitler in Germany. 1933–1945*, London, Routledge, 1988, p. 88 (Далее – Balfour).
- ⁷ Hoffmann, p. 2.
- ⁸ Hoffmann, p. 64.
- ⁹ Hoffmann, p. 247.
- ¹⁰ Hoffmann, p. 279–281.
- ¹¹ Hickey, p.28
- ¹² Annedore Leber, *Conscience in Revolt. 64 Stories of Resistance in Germany 1933-1945*, Boulder, Westview press, 1994, p. 140.
- ¹³ H. A. Jakobsen, E. Zimmermann, H. Royce, *Germans against Hitler. July 20, 1944*, English translation Allan & Liselotte Jahres, Bonn, Press and Information Office of the Federal Government of Germany, 1969, p. 255 (Далее – *Germans against Hitler*)
- ¹⁴ Hoffmann, p. 285.
- ¹⁵ Kramarz, p. 22.
- ¹⁶ Kramarz, p. 23.
- ¹⁷ Hoffmann, p. 16.
- ¹⁸ Hoffmann, p. 2.
- ¹⁹ Hoffmann, pp. 19–20.
- ²⁰ Hoffmann, p. 20.
- ²¹ Hoffmann, pp. 21–22.
- ²² Klaus von der Groeben, Nikolaus Christoph Graf von Halem *im Widerstand gegen das Dritte Reich*, Wien und Kūln, Būhlau, 1990, pp. 14–16 (Далее – Groeben).
- ²³ Groeben, p. 13.
- ²⁴ Groeben, p. 24.
- ²⁵ *Germans against Hitler*, p. 255.
- ²⁶ Groeben, p. 21.
- ²⁷ Groeben, p. 21.
- ²⁸ Fabian von Schlabrendorff, *The secret War against Hitler*, Boulder, Westview Press, 1994, p. 300 (Далее – Schlabrendorff).

- ²⁹ Carl Zuckmayer, *A Part of Myself*, London, Secker & Warburg, 1970, p. 210.
- ³⁰ Lundsted, pp. 98–101.
- ³¹ Groeben, p. 17.
- ³² Groeben, p. 29–31.
- ³³ «Геррен-клуб», или «клуб господ» – элитный кружок, основанный в Берлине в 1924 г. Его члены (включая фон Папена) обычно отвергали парламентскую демократию и выступали за авторитарное национальное государство.
- ³⁴ Groeben, p. 18.
- ³⁵ *Germans against Hitler*, p. 255.
- ³⁶ Schlabrendorff, p. 58.
- ³⁷ *The History of the German Resistance*, p. 31.
- ³⁸ Schlabrendorff, p. 58.
- ³⁹ *The History of the German Resistance*, pp. 113–114.
- ⁴⁰ *Lexikon des Widerstandes*.
- ⁴¹ Groeben, p. 58.
- ⁴² *Germans against Hitler*, p. 12.
- ⁴³ Groeben, p. 92.
- ⁴⁴ Groeben, p. 92.
- ⁴⁵ *Germans against Hitler*, p. 255.
- ⁴⁶ Groeben, p. 61.
- ⁴⁷ Groeben, p. 61.
- ⁴⁸ Hoffmann, pp. 22–24.
- ⁴⁹ Hoffmann, p. 68.
- ⁵⁰ Hoffmann, p. 68.
- ⁵¹ Hoffmann, p. XIV.
- ⁵² Hoffmann, p. 89.
- ⁵³ Balfour, p. 135.
- ⁵⁴ Balfour, p. 218.
- ⁵⁵ Balfour, p. 284.
- ⁵⁶ Schlabrendorff, p. 64.
- ⁵⁷ Schlabrendorff, p. 58.
- ⁵⁸ Leber, p. 140.
- ⁵⁹ Hoffmann, p. 39.
- ⁶⁰ Hoffmann, p. 22.
- ⁶¹ Hoffmann, p. 112.
- ⁶² Hoffmann, p. 240.
- ⁶³ Hoffmann, p. 240.
- ⁶⁴ Hoffmann, p. 281.
- ⁶⁵ Hoffmann, p. 285.
- ⁶⁶ Farber, p. XIV.
- ⁶⁷ Lundsted, p. 101.

**Исцелители детей:
История двух Лауреатов Нобелевской
премии по физиологии и медицине –
Эмиля фон Беринга и Пауля Эрлиха**

Пауль Эрлих Эмиль Беринг

*Вдвоем лучше, чем одному, ибо есть им
плата добрая за труды их. Ведь если упадут,
друг друга поднимут, но если одинокий упадет,
нет другого, чтобы поднять его. Да и если лежат
двое – тепло им; одному же как согреться?*

*И если нападут на одного, двое против
него устоят; и тройная нить не скоро порвется.*

Экклезиаст

«Совпадения» ставили своей целью попытаться получить экспериментальный ответ на старинный вопрос, имеют ли люди, рожденные под одинаковой звездной конфигурацией, одинаковые характеры и судьбы. Но, как и любое другое новое исследование, по мере развития Θ -факторный анализ создавал свою собственную динамику, выдвигая новые неожиданные вопросы.

Первый тип вопросов относится к связи «двойникования», наблюдавшейся между селестиальными близнецами: Геринг и Розенберг были вынуждены решать проблемы сосуществования, соперничества и сотрудничества, а судьбы Галема и Штауффенбергов тесно переплелись между собой. Хотя наука пока еще затрудняется точно определить понятие связи «двойникования», имеющее место между биологическими близнецами, никто не сомневается в существовании сильной эмоциональной или даже телепатической связи между идентичными близнецами, разлученными в раннем детстве.¹ Обычно взаимоотношения между такими близнецами становятся намного более тесными, чем между другими людьми. Они могут проявляться либо в идеальной близости, немыслимой в контактах с другими людьми, либо в отчаянной борьбе за первенство. Как мы уже могли убедиться, Геринг и Розенберг в большой степени проявляли тенденции соперничества, стараясь избавиться друг от друга. Но, несмотря на это, на Нюренбергском Процессе они не пытались перекладывать вину один на другого.

Было ли это всего лишь случайностью, что предыдущие истории характеризовались сложной системой двойникования, переплетающей жизни анализируемых селестиальных близнецов, или же всем контактам между селестиальными близнецами присуща особо насыщенная система взаимоотношений? Суждено ли всем селестиальным близнецам постоянно соперничать друг с другом, или же их совместные усилия способны высвобождать огромные силы, зачастую приписываемые в мифологии идентичным близнецам?

Второй тип вопросов относится к астрологии. В начале исследования ожидания обнаружить соответствие между традиционными характеристиками зодиакальных знаков и истинными чертами анализируемых людей были очень малы. Как уже отмечалось в прологе, с точки зрения астрологии каждого индивидуума характеризует сложная комбинация свойств планет, расположенных в различных знаках и домах конкретной карты; их взаимное расположение в момент рождения и их относительное движение в дальнейшей жизни. Таким об-

разом, астролог сталкивается с бесконечно большим числом возможных интерпретаций изучаемой карты, и зачастую индивидуальный гороскоп выглядит настолько же непостижимым, как и сам человек. При таком положении вещей здравый смысл подсказывает невозможность сколько-нибудь существенной корреляции между истинными свойствами людей и их солнечным знаком зодиака.

Результаты анализа двух первых глав этой книги явно противоречили этим ожиданиям, так как похожие жизненные цели и характеры наших селестиальных близнецов в значительной степени соответствовали традиционным описаниям соответствующих знаков зодиака. Возникает впечатление, что Θ -факторный анализ позволил отбросить все «личное» и «малосущественное» в характерах изучаемых людей, и в результате концентрации на общих и параллельных свойствах селестиальных близнецов, помог выявить то главное в характере, что принесло этим героям всемирную известность. Эти черты характера, составляющие «ядро» личности, оказались достаточно близки к астрологическим прогнозам. Для того чтобы убедиться в правильности наших предположений, было решено проанализировать еще одну пару селестиальных близнецов, рожденных в одном из ранее анализируемых знаков.

Оба селестиальных близнеца – лауреаты Нобелевской премии по физиологии и медицине – Эмиль фон Беринг и Пауль Эрлих – были рождены, подобно Галему и Штауффенбергу, в Рыбах.² Хотя они родились в разных странах и были представителями разных народов, им, подобно Герингу и Розенбергу, было суждено найти свою цель жизни в Берлине, в институте гигиены Роберта Коха. Их «случайная» встреча привела к плодотворному длительному сотрудничеству и к личным взаимоотношениям, которые некоторые биографы называют крепкой дружбой.³ Во многих отношениях эта пара селестиальных близнецов выглядела наиболее подходящей для поиска ответа на все поставленные выше вопросы.

Беринг и Эрлих фигурируют в истории науки как наиболее выдающиеся пионеры в области бактериологических исследований. Их совместная работа спасла миллионы малышей от смертельно опасного заболевания – дифтерии. До начала XX века дифтерия ежегодно уносила тысячи детских жизней, а медицина была бессильна облегчить их страдания и спасти от тяжелой агонии. В результате самоотверженной работы и бесчисленного количества лабораторных экспериментов Берингу и Эрлиху удалось создать противодифтерийную сыворотку и заложить фундамент современной иммунологии. На сегодняшний день противостолбнячная и противодифтерийная прививки, разработанные совместными усилиями этих селестиальных близнецов, стали рутинной мерой предосторожности во всем мире. В благодарность за избавление от страшных болезней человечество присвоило этим селестиальным близнецам звание «исцелителей детей». Имена Беринга и Эрлиха сопряжены друг с другом в их работе и в их посмертной славе. В то время как Геринга и Розенберга помнят (и проклинаят) за их стремление «использовать» людей, имена Беринга и Эрлиха стали символом служения людям. В своем самозабвенном стремлении спасти человечество от инфекционных

болезней, оба бактериолога были даже готовы в типичном для Рыб порыве пожертвовать собой во имя людей.

«Служи или страдай» – стало традиционным девизом Рыб.⁴ Большинство коллег Беринга и Эрлиха поражались невероятной трудоспособности этих селестиальных близнецов. Многие даже полагали, что подобный надрыв в работе должен быть непременно сопряжен с неизбежными страданиями. Тем не менее, когда Эрлиха спросили, зачем нужно так перерабатываться, он ласково и серьезно ответил: «Когда вами движет какая-то внутренняя сила, вы просто не можете вести себя иначе».⁵

Какая же это была «внутренняя сила», заставившая сына еврейского трактирщика из Польши и сына провинциального учителя из Пруссии посвятить свои жизни исцелению человечества от страшнейших инфекционных заболеваний? Ни в семейных традициях, ни в окружающей среде этих героев, биографы не обнаружили никаких известных факторов, способных повлиять на такой выбор призвания. Но в то время, как генетические теории и теории влияния окружающей среды оказываются бессильными проследить, какие же именно факторы были ответственными за формирование уникальных черт характера конкретных героев, астрологические характеристики Рыб, приведенные Хикки, по крайней мере способны пролить свет на возможную природу той мистической «внутренней силы», о которой говорил Эрлих: «Когда Рыбы верны своей истинной природе, они следуют своему высокому и святому призванию служить человечеству. У них сильно развито чувство сострадания, и они готовы принести себя в жертву во имя спасения мира... Из них получаются замечательные врачи, способные выполнять отличную работу в любой области медицины».⁶ Символично и то, что микробиолог Поля де Крюи метко окрестил Беринга и Эрлиха «охотниками за микробами», в то время как Рыбы в астрологии получили название «мусорного совка зодиака».⁷

В этой истории мы сможем убедиться, что не всем Рыбам суждено приносить себя в жертву в борьбе против «коричневой чумы», став «охотниками за тиранами». В другие времена и под влиянием другого Θ -фактора селестиальные близнецы, рожденные в Рыбах, были готовы пожертвовать собой в борьбе против наипаснейших заболеваний человечества, решив охотиться за микробами. Хотя судьбы этих разных пар селестиальных близнецов, рожденных в Рыбах, безусловно, совершенно различны, тем не менее, основные архетипальные мотивы поведения Рыб остаются схожими и с легкостью просматриваются во всех рассмотренных биографиях.

Что же касается вопроса о существовании связи двойникования между селестиальными близнецами, то случай Беринга и Эрлиха является наиболее поразительным примером невероятного успеха в совместной работе, ставшего возможным исключительно благодаря добровольному объединению усилий селестиальных близнецов, посветивших свою жизнь одному и тому же делу. Тем не менее, истинная система взаимоотношений между Берингом и Эрлихом не была столь проста и однозначна. Чтобы разобраться в ней, необходимо проанализировать обе биографии этих героев, необычайно богатые необъяснимыми параллелями и совпадениями.

**Пауль Эрлих и Эмиль Беринг родились соответственно
14 и 15 марта 1854 года**

Оба селестиальных близнеца родились в маленьких провинциальных городках. Пауль Эрлих родился в Стрехлене (в настоящее время – Стшеллин, Польша) в большой еврейской семье Исмара Эрлиха. Эмиль Беринг родился в Гансдорфе (ныне тоже территория Польши) в большой семье прусского учителя Августа Георга Беринга.

В обеих семьях наблюдался повышенный интерес к образованию, но никто из родственников Беринга и Эрлиха не проявлял особого интереса к медицине. Отец Эмиля надеялся, что мальчик выберет одну из традиционных для семьи профессий – преподавание или теологию. На интересы Пауля оказал большое влияние его дед со стороны отца, Гайнманн Эрлих, собравший богатую по тем временам частную библиотеку и читавший лекции по ботанике и физике в местных учебных заведениях. В семье Эрлиха к мальчику предъявлялись высокие этические и моральные требования, но ни его отец, ни дед не ожидали увидеть Пауля врачом.

Для того, чтобы получить среднее образование, обоим мальчикам пришлось покинуть отчий дом в раннем детстве. Эмиль уже в одиннадцать лет стал гимназистом в Хоенштейне (Восточная Пруссия). Десятилетнего Пауля семья отправила учиться в гимназию в Бреслау (ныне – Вроцлав). Мальчик жил в спартанских условиях в семье одного из своих учителей.

До двадцатилетнего возраста оба юноши затруднялись в выборе профессии. У Эмиля рано проявился интерес к медицине. Однако, понимая, что финансовое положение семьи не позволяет ему учиться в высшем медицинском учебном заведении, Беринг по желанию своего отца поступил в Кенигсбергский университет на факультет теологии. Но вскоре счастливый случай вмешался в его жизнь и изменил все планы. Один из гимназических учителей Эмиля подсказал ему, что в Военно-медицинском колледже при Институте Фридриха Вильгельма в Берлине он мог бы не платить за учебу. Занятия будущих военных хирургов были бесплатными, но после окончания учебы они обязаны были отслужить десять лет в прусской армии. Беринг согласился принять на себя такие условия, и с 1874 г. он стал кадетом этого колледжа.

Еще маленьким ребенком Пауль был склонен отождествлять жизнь с химическими процессами. Люди казались ему лишь сложной комбинацией химических соединений, и когда однажды учитель словесности задал Паулю написать сочинение на тему «Жизнь как мечта», он написал: «Основа жизни заключается в нормальных процессах окисления. Мечты являются результатом функции нашего мозга, а функции нашего мозга есть не что иное, как то же самое окисление. Мечты – это нечто вроде фосфоресценции мозга».⁸

С такими идеями Эрлих не мог получать хорошие отметки, и по окончании гимназии ему было нелегко найти свое место в жизни. Его страстью была органическая химия, но в те времена эта область науки еще не имела самостоятельного права на существование в немецких университетах, и изучалась лишь в узких рамках специализации при получении докторской степени. Как и Беринг, Эрлих

не смог сразу найти свой путь в медицину. В 1872 г. он поступил в университет Бреслау, но уже в следующем семестре он перешел в Страсбургский университет. Здесь он провел три семестра под влиянием известного патологоанатома профессора Вильгельма фон Вальдейера, первого немецкого профессора, решившегося применить химический подход к медицине. Этот профессор разглядел в необычайном студенте большие способности к химии и помог ему определить дальнейший жизненный путь: в 1874 г. с его помощью Эрлих вернулся в Бреслау и выполнил здесь основную часть работ, необходимых для получения медицинского диплома.

Казалось, что синхронность каким-то образом направляла обе жизни сестер близнецов: независимо друг от друга и при различных обстоятельствах оба они одновременно попадали под влияние своих учителей и начали занятия медициной в 1874 г. Оба получили медицинские дипломы одновременно, в 1878 г.: Беринг в Берлине, а Эрлих – в Лейпциге. После получения диплома Эрлих стал сначала ассистентом, а затем и главным врачом клиники профессора Фридриха фон Фрериха в берлинской больнице Шарите. По странной случайности (или же в силу связи двойникования?) Беринг за год до распределения в кавалерийский полк в Позене (ныне Познань, Польша) прошел в 1880 г. стажировку в той же самой берлинской больнице Шарите! Так судьба впервые свела сестер близнецов для получения одинаковой подготовки к дальнейшей жизни. Но на этом этапе сотрудничество и дружба еще не состоялись.

Последующая декада жизни Беринга протекала в армии. Как батальонный врач и хирург, он служил сначала в Западной Пруссии, а затем по его просьбе был переведен в Силезию (место рождения Эрлиха!). Рутинная клиническая работа никогда не привлекала Беринга, чьи основные интересы относились к научным исследованиям. Еще в Позене Беринг заинтересовался использованием дезинфицирующих средств в боевых условиях для лечения инфекционных заболеваний, и с тех пор он стремился всецело посвятить себя исследовательской работе. Такая возможность представилась ему в армии в 1887 г., когда он поступил в Боннский фармакологический институт. До демобилизации в 1889 г. Беринг успел проработать год в Академии Военной Медицины в Берлине, после чего он устроился исследователем в только что созданный Институт гигиены в Берлине, которым руководил пионер бактериологических исследований, Роберт Кох. В этот период Беринг был поглощен изучением столбняка и дифтерии, двух неизлечимых смертельных заболеваний. Для победы над ними Берингу было необходимо встретиться с Эрлихом.

В то время, как изменения в жизни Беринга естественно диктовались его демобилизацией, трудно было ожидать больших перемен в жизни главного врача одной из наиболее прославленных больниц Берлина. Но, тем не менее, жизнь Эрлиха приняла неожиданный поворот в 1887 г., одновременно с решением Беринга перейти на исследовательскую работу. В этом году преждевременно обрывалась жизнь профессора Фрериха, поощрявшего необычные для своего времени исследования Эрлиха. С приходом преемника Фрериха, Карла Герхарда, работа для Эрлиха превратилась в бессмысленную, никому не нужную рутину. Герхард

не испытывает никаких симпатий ни к своему ассистенту, ни к его странным экспериментам с бациллами туберкулеза. Эрлих начал заметно уставать, и вскоре во время очередного лабораторного эксперимента заразился туберкулезом. По мнению его друзей, болезнь Эрлиха носила главным образом психосоматический характер и являлась его реакцией на душевный надлом в работе. Эрлих срочно покинул больницу и вместе с семьей отправился лечиться в Египет. Он провел там почти два года, пока болезнь не была окончательно преодолена. Впоследствии Эрлих больше никогда не жаловался на легкие и не испытывал никаких рецидивов туберкулеза.

По возвращении в Берлин Эрлих в течение некоторого времени работал в собственной малюсенькой лаборатории, не позволявшей ему проводить все задуманные исследования. В 1889 г. молодой ученый принял предложение Роберта Коха работать под его руководством в Институте инфекционных заболеваний. Так еще раз судьбе было угодно продемонстрировать синхронность и привести Эрлиха в институт Коха в том же самом году, когда Беринг стал его сотрудником! Наконец-то селестиальные близнецы были сведены вместе, и фундамент их будущей дружбы и сотрудничества был заложен.

До 1892 г. Беринг и Эрлих проработали под одной крышей в ветхом и мрачном здании института Коха, носившем звание «треугольника». Оба они имели свои лаборатории, и каждый из них занимался различными аспектами иммунологии. Позднее Поль де де Крюи в своей захватывающей книге «Охотниками за микробами» описал ставшую легендарной атмосферу самозабвенного энтузиазма, царившую в институте Коха. По его мнению, там вершились великие дела. Стены здания буквально содрогались от целого потока страстных объяснений, споров и доказательств, обрушивавшихся бурной лавиной на Коха со стороны его молодых фанатичных сотрудников. Среди них особо выделялся своими странными идеями Пауль Эрлих: «И этот пылкий фантазер с неизменной сигарой во рту метался взад и вперед в двух темных комнатках лаборатории, объясняя, рассуждая, доказывая и с неподражаемой точностью отмеряя в градуированных пробирках капельки ядовитого бульона и соответствующее количество спасительной сыворотки».⁹

Был там и Эмиль Беринг, чья голова «была полна всяких поэтических фантазий».¹⁰ «Я должен во что бы то ни стало найти способ лечения от дифтерии!», – восклицал он и заражал целые стада морских свинок сильной культурой дифтерийных палочек. Затем он впрыскивал им десятки химических веществ в простодушной надежде, что когда-нибудь лечение будет найдено: «Но, увы, уже по одному виду его лаборатории, напоминавшей картину настоящей скотобойни, можно было судить о том, что не было большой разницы в действии между смертоносными бациллами и его не менее убийственным лечением. Но, как и подобает поэтическим натурам, Беринг отнюдь не проявлял должного почтения к фактам; целые гекатомбы трупов не могли разубедить его в том, что должно существовать какое-то чудесное средство, излечивающее дифтерию».¹¹

Неутомимые исследования Беринга носили беспорядочный характер. Он и его помощник, японский врач Сибасабура Китасато работали без усталости. Беринга ничто не могло остановить, он был готов добиваться цели путем целого ряда

ошибок, бесцельных убийств и увечий, являвшейся неизменной прелюдией всех его побед. Будучи упрямым, иррациональным и фанатичным экспериментатором, Беринг как бы всецело подчинялся какому-то внутреннему голосу, укреплявшему его и без того непоколебимую веру в правоту своего дела. В работе Беринг не руководствовался какими-либо научно-обоснованными методами, а скорее «был одержим навязчивыми идеями». Он твердо верил, что покорение природы под силу лишь героическим усилиям отдельных ученых, или как он их называл «героических борцов науки».¹² Всю свою жизнь он стремился стать живым воплощением такого героизма, и был счастлив ежедневно начинать свой рабочий день в четыре часа ночи, когда большинство его помощников продолжали сладко спать. Для Беринга годы напряженной работы в стенах «треугольника» превратились в едва ли не самые счастливые годы его жизни.

Весь этот период времени, когда Беринг искал средство против дифтерии, Эрлих работал параллельно с ним в другой лаборатории, и на первый взгляд их темы работ не были взаимосвязаны. Но вскоре настал день, когда результаты их усилий должны были быть объединены. В 1890 г. Беринг объявил об открытии целебной сыворотки (антитоксина), убивающей токсин дифтерии. Беринг был уверен в успехе, и в рождественскую ночь 1891 г. умирающие от дифтерии берлинские дети получили первые уколы спасательной сыворотки. Многие из них смогли сразу же свободно вздохнуть и вернуться к жизни. Таким образом, Беринг продемонстрировал, что с помощью инъекций антитоксина иммунизированных животных возможно излечение тяжело протекающих инфекционных заболеваний. Но все же успех был лишь частичным. Сыворотка Беринга не стала абсолютно надежным средством, спасавшим всех детей. Со стороны врачей поступало много жалоб и нареканий. Надежды многих родителей остались разбитыми. Беринг признался, что он испытывал сложности с изготовлением нужного для медицинских целей количества надежного антитоксина и обратился за помощью к Коху, но тот отказался, сославшись на занятость вспышкой холеры в Гамбурге. Кроме того, ни для кого не было секретом, что Кох относился с большим скептицизмом к работе Беринга. Казалось, что положение безвыходное.

Но тут на сцену выступил Пауль Эрлих. Ему пришла в голову идея, что с помощью своих открытий в иммунологии он сможет усовершенствовать противодифтерийную сыворотку Беринга. И так уж случилось, что из всех живущих на Земле людей именно на долю сестингального близнеца Беринга выпало сделать несколько важных изобретений, среди которых был разработан новый крупномасштабный метод получения антитоксина необходимой для излечения концентрации. Более того, Эрлих использовал свои знания в области химии для стандартизации токсинов, антитоксинов и сывороток. Разработанная им система международных единиц получила широкое распространение во всем мире.

Как только Эрлих сумел рассчитать правильную дозировку антитоксина и получить высококонцентрированные и очищенные сыворотки, целебное средство стало надежным в клиническом применении. В 1894 г. сыворотка была успешно опробована на 220 больных детях. Успех пришел к обоим ученым, но из-за необычайно тесного сотрудничества между ними было трудно определить, кому же из

них принадлежит пальма первенства. Некоторые историки науки склонны выделить Беринга за его открытие антитоксина, другие же подчеркивают, что лишь Эрлих понял, как получать препараты достаточной концентрации, позволяющие медицинское применение сыворотки.¹³ В течение длительного периода времени этим селестиальным близнецам пришлось работать в условиях такого тесного сотрудничества, что в какой-то мере они превратились для истории в неразделимых сиамских близнецов. После открытия сыворотки пришло и неизбежное разделение. Оно протекало очень тяжело, оставив серьезные шрамы в душах обоих селестиальных близнецов.

Видимой причиной разлада послужила финансовая сторона совместного открытия. До прихода успеха Беринг и Эрлих оплачивали все исследования из своих собственных скудных средств. По мере расширения применения их метода возникла необходимость в коммерческой фирме для выпуска сыворотки. Когда такое химическое предприятие нашлось, то поначалу оно было готово подписать контракт с обоими изобретателями и каждому из них выплачивать причитающуюся ему часть прибылей. Вскоре представители фирмы раскаялись в своем предложении, высказывая беспокойство по поводу непосильного для них бремени выплаты двум изобретателям.

Тут проявились небольшие, но очень важные для этих героев отличия в отношении к деньгам. Для более идеалистичного Эрлиха деньги никогда не были так важны, как для прагматичного Беринга. Было очевидно, что оба ученых в равной степени мечтали о достижении научной независимости: при этом для Эрлиха деньги были лишь одним из факторов, позволяющим обрести знания, в то время как Беринг воспринимал их отсутствие как главное препятствие для исследовательской работы. В переговорах с представителями фирмы Беринг быстрее Эрлиха уловил возникшие трудности в подписании контракта с обоими селестиальными близнецами. Чтобы успешно выйти из создавшегося положения, он пообещал Эрлиху использовать все свое влияние для его назначения на пост директора государственного института. Такой пост позволил бы Эрлиху осуществить свою заветную мечту проводить независимые исследования, но при этом в качестве государственного служащего он бы не имел права получать никаких дополнительных доходов. Таким образом, фирма смогла бы расплатиться с Берингом, обеспечив его материальную и научную стабильность, а государство бы финансировало исследования Эрлиха. Наивный Эрлих сразу же загорелся идеей друга, и не задумываясь подписал свой отказ от доходов за продажу сыворотки.

Радость Эрлиха продолжалась недолго, и вскоре выяснилось, что предложение Беринга было, по меньшей мере, легкомысленным, ибо у него не было никаких возможностей помочь Эрлиху возглавить свой институт. С другой стороны, Беринг не был готов поделиться своими доходами с другом: вырвавшись из постоянно душившей его нищеты, Беринг любой ценой решил сохранить все прибыли на нужды своей семьи и своего будущего института. Эрлих был ранен до глубины души. Позднее он не раз говорил, что не мог простить Берингу не то, что он отобрал у него деньги, а то, как нечестно он это сделал. Впоследствии формальные и деловые отношения между селестиальными близнецами были восстанов-

лены, но ничто уже не могло залечить открытую рану. В борьбе за славу и деньги между двумя очень похожими индивидуумами наступил момент, когда казалось, что Беринг мог провозгласить полную победу: он получил все деньги, а вместе с ними и возможность построить свой собственный институт. Эрлих временно остался ни с чем – без денег (из-за своей страсти к книгам и дорогим сигарам Эрлих всегда был в нужде), и без повышения.

В 1894 г. отношения Беринга с Кохом окончательно испортились; он оставил Институт гигиены и перешел сначала в университет Галле, а в следующем году – в Марбургский университет. Преподавание ему не давалось, и назначение на пост профессора гигиены в Марбурге было подписано вопреки протесту медицинской кафедры университета. Это назначение стало возможным лишь благодаря вмешательству министра Прусского министерства образования и медицины, доктора Альтгоффа, который впоследствии продолжал поддерживать Беринга. В Марбурге Беринг наконец-то смог целиком отдаться исследованиям, построив свой институт Беринга, полностью финансируемый из его доходов за продажу анти-токсина. Известность и благосостояние Беринга постоянно росли, и в 1901 г. ему была присуждена первая в истории Нобелевская премия по физиологии и медицине. На заработанные деньги он сумел также выстроить себе роскошный дворец с садом и мавзолеем для всей семьи в предместье Марбурга.

Казалось, что Беринг достиг всего, чего желал: он был известен и богат, только вот счастья ему не хватало. Несмотря на все его усилия, дифтерия не была окончательно побеждена. Антитоксин обеспечивал иммунитет лишь на короткое время и должен был вводиться немедленно после инфицирования. Ко времени проявления симптомов дифтерии, часто уже было поздно лечить антитоксином, и это приводило к смерти детей. Беринг отчаянно пытался справиться с этой проблемой, но на протяжении десятилетия не мог сдвинуться с мертвой точки. Он также вел лихорадочные исследования по проблемам чумы, холеры и туберкулеза. Но и тут все его усилия оставались бесплодными.

Но Беринг не привык сдаваться. Он продолжал работать так же упрямо и настойчиво, как и прежде, и, наконец, триумф его жизни пришел в 1913 г. В 59-летнем возрасте Беринг создал эффективную вакцину, обеспечивающую активный длительный иммунитет против дифтерии. Победа над смертельной болезнью стала полной и окончательной. В ходе первой мировой войны Беринг еще раз доказал свое умение сражаться с микробами, когда его противостолбнячная вакцина помогла сохранить жизни многим немецким солдатам, и за это он был награжден правительством Германии Железным крестом.

Несмотря на успех, чрезмерно требовательный к себе Беринг не мог удовлетвориться достигнутым. Он продолжал взваливать на свой и без того перегруженный организм все новые и новые миссии по исцелению человечества от микробов. Однажды кто-то из близкого окружения Эрлиха (а может быть, даже сам Эрлих) высказался о саморазрушительном образе жизни Беринга: «Тот, кто обожествляет успех/ Не в силах ни улучшить мир,/ Ни осчастливить его».¹⁴

Беринг привык работать круглосуточно, начисто забывая о нуждах своего организма. Результатом такого перенапряжения стали длительные периоды глубокой

депрессии, требовавшие периодического лечения в швейцарских санаториях. Авторитетный ученый, но нелюдимый человек, Беринг отчаянно защищался от любых попыток поставить под сомнение ценность своих научных работ. При этом он не стеснялся в использовании наиболее резких выражений и никогда не щадил чувства своих оппонентов. У него было мало близких друзей и последователей, и когда война разлучила его с такими зарубежными коллегами, как Илья Мечников и Эмиль Ру, депрессия Беринга приняла особо острый характер. Его истощенный организм не был в силах справиться даже с относительно простым переломом бедра. Осложнение следовало за осложнением, у него образовался ложный сустав, его способность к передвижению стала ограниченной. Прогрессирующая болезнь сделала этого 63-летнего человека старым и дряхлым, и 31 марта 1917 г. он умер от скоротечной пневмонии.

Вернемся к Эрлиху. Вскоре после разлада с Берингом его жизнь тоже начала стремительно меняться при поддержке того же самого министра Альтгоффа, ранее помогшего устроиться Берингу. Альтгофф стал большим почитателем таланта Эрлиха. Сначала он помог ему основать небольшую лабораторию по стандартизации и контролю над вакциной при Институте Коха. Эта лаборатория все еще содержалась на личные средства Эрлиха до 1896 г., пока доктор Альтгофф не добился назначения Эрлиха на пост директора Государственного института разработки и контроля сывороток в Штеглице (предместье Берлина). Целью этого института был надзор над всеми производимыми и используемыми в Пруссии противодифтерийными вакцинами, а также исследования по проверке новых сывороток. Стремление Эрлиха стать директором своего института было удовлетворено, но по-прежнему, бюджет его лабораторий оставался крайне скудным, не позволяя ему проводить все задуманные исследования.

Доктор Альтгофф понимал все трудности Эрлиха, и в 1899 г. Институт разработки и контроля сывороток был расширен и переведен во Франкфурт-на-Майне. Эрлих оставался бессменным директором этого Королевского прусского института экспериментальной терапии до последнего дня своей жизни. Симультанность еще раз сработала в жизнях этих селестиальных близнецов: при помощи одного и того же министра Беринг и Эрлих сумели возглавить свои институты, которые и по сей день носят их имена. Так же как и Беринг, Эрлих в качестве директора института стал привлекать к себе мировое признание и многочисленные награды. В частности, в 1908 г. ему совместно с Ильей Мечниковым была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине за работу по теории иммунитета.

С одной стороны, после размолвки Эрлих и Беринг лично уже больше не встречались. Но с другой стороны, им не удалось разделить свою совместную работу, так как любая сыворотка, производимая Берингом, непременно должна была проходить государственный контроль в институтах Эрлиха. Более того, Беринг под любым предлогом не переставал добиваться помощи Эрлиха и его сотрудничества. Он даже пытался потребовать от властей обязать институты Эрлиха бесплатно проверять любые идеи и разработки института Беринга.

Теперь уже Эрлих, наученный горьким опытом, опасался еще раз стать жертвой манипуляций своего друга и селестиального близнеца. Он боялся, что его

вновь будут использовать в личных целях Беринга, и этими опасениями и претензиями он не раз делился с близкими и друзьями. Например, в 1906 г. Эрлих изложил свою сторону в истории этого уникального сотрудничества в пространном письме на 14 страницах, официально направленном доктору Альтгоффу: «Моя работа над проблемами иммунитета началась независимо от исследований фон Беринга.... Когда же фон Беринг огласил результаты своих работ, мои сотрудники (в частности, Вассерман) вместе со мной стали применять к его результатам мои принципы повышения иммунитета. Наша работа опережала исследования Беринга, не сумевшего сделать свое важное открытие антитоксина пригодным к применению на практике».¹⁵

Эрлих продолжал излагать подробности их совместной работы, подчеркивая свое право на полагающееся ему признание: «...только благодаря *мне* Беринг, в этот *критический* момент сумел выйти из тупика и проложить правильный путь к успеху своего открытия».¹⁶ Далее Эрлих утверждал: «Он обязан своим успехом дифтерийной сыворотки, и особенно своим неимоверным обогащением, *мне*».¹⁷ Затем следовали упреки: «И, когда, наконец, он был увенчан лаврами признания и славы, его первым делом стало отнять у меня причитающееся мне вознаграждение за долгие годы труда ... позднее же ему вздумалось, что я обязан работать на него за малую зарплату, помогая ему разрабатывать новые открытия и делать миллионы!»¹⁸

Поток этих нареканий переходил в выражение оскорбленных чувств и в ожидание возмездия: «Он пожал, то что посеял»¹⁹: «Но возмездие пришло. Он увидел, чего он стоит после нашего разлада. Все у него сейчас застопорилось: его работы над чумой, холерой и стрептококками в тупике. У него нет никакого прогресса с дифтерией – только лишь революционные гипотезы да мнимые цифровые манипуляции. И это-то при наличии огромных бюджетов, раздутого штата сотрудников ... и при поддержке крупной фирмы».²⁰

В понимании Эрлиха, именно манипуляционные действия Беринга при разделе их совместной деятельности привели к тому, что победа Беринга стала пирровой победой. Но он также вынужден был признать, что его собственная озлобленность и жажда возмездия истощили и ослабили его творческие способности: «В период работы над дифтерией... между нами постоянно было научное соперничество. Я вышел победителем, но это была пиррова победа, полученная лишь за счет полного истощения....»²¹

Несмотря на обиды и возмущение, Эрлих выполнял много работ для Беринга в Штеглице и во Франкфурте. Однако атмосфера напряженности между двумя учеными неизбежно отражалась на их сотрудничестве, мешая как Берингу в его работах по туберкулезу и дифтерии, так и Эрлиху в планировании исследований своего института. В результате, трудно сказать, что кто-либо из них выиграл от разлада и взаимных упреков.

Одним из дополнительных, а может быть даже и самым важным поводом, послужившим причиной отказа Эрлиха продолжать сотрудничество с Берингом, было требование Беринга, чтобы Эрлих продолжал исследования в области иммунитета и сывороточной терапии. Беринг всячески стремился заставить Эр-

лиха вести работу именно в этом направлении, что никак не соответствовало личным стремлениям и наклонностям самого Эрлиха. Для Эрлиха было ясно, что их первый совместный успех имел место лишь благодаря их *независимым* исследованиям и *добровольному* сотрудничеству. Их работы потому были так успешны, что они не *повторяли* друг друга, а *взаимно дополняли*. Постольку, поскольку оба селестиальных близнеца работали каждый в своей собственной области, между ними не было ни борьбы, ни соперничества. Пусть даже эти области были очень близки друг к другу, но все же пока они оставались различными узкими областями, между селестиальными близнецами царила дружба. Проблемы начались лишь тогда, когда Беринг попытался заставить Эрлиха работать в своей области. Эрлих начал опасаться, что он теряет свою индивидуальность, и эти чувства можно проследить в его яростном письме к Альтгоффу: «Он (Беринг) возжелал стать «Всемогущим», диктующим свои законы всему миру и, вдобавок, получающим почти все деньги. Он хотел стать сверхчеловеком; но – слава Богу – у него не было необходимых сверх-мозгов. Его «Берглаборатория» (горная лаборатория) со своими стенами, прудами, лугами, и т.д. была задумана им как крепость науки; но к счастью для свободных исследователей этот план провалился; и вместо храма, где бы перед ним все преклонялись... – это всего лишь обычная лаборатория. Пора положить конец попыткам нажиться на науке!»²²

Важно отметить, что эти обвинительные строки были написаны Эрлихом в одном из приступов возмущения. Обычно об Эрлихе говорили как о добрейшем и мягчайшем человеке, но его друзьям приходилось подстраиваться и к некоторым «причудам» его гения.²³ Одной такой чудаковатостью была его крайняя нетерпимость к любым попыткам помешать его работе или оспорить его заслуги и результаты. Любой оппонент немедленно напрашивался на горячий и непропорционально яростный отпор. Так, несомненно, что упреки Эрлиха против Беринга были зачастую преувеличенными. Рассмотрим, например, жалобы Эрлиха на невыносимый стиль работы Беринга: «Из моего прошлого опыта работы с фон Берингом я ожидаю постоянную гонку с вечно меняющимися планами. Сначала тщательно подготавливается широкомасштабная серия экспериментов над животными, но ко времени ее завершения нам сообщают, что уже найдено что-то более новое и подходящее, что требует немедленного тестирования, и т.д.»²⁴

На первый взгляд эти жалобы Эрлиха могут показаться вполне справедливыми. Так бы оно и было, если бы они исходили из уст любого другого человека, но только не Эрлиха. Вся ирония заключалась в том, что сам Эрлих применял точно такие же методы работы, и о нем говорили, что «его теории постоянно порождали новые планы и проекты, намного превосходившие возможности выполнения его каждодневных обязанностей». ²⁵ Почему Эрлих, никогда не отличавшийся способностью планомерно двигаться в одном направлении без постоянного изменения планов, обвинял Беринга в склонности к таким же точно скачкам мысли? Почему Эрлих забыл, что его план работ в лаборатории был настолько необычен, что зачастую его собственные приказы шли вразрез со всеми принятыми нормами и правилами? Однажды доктор Майер сказал Эрлиху: «Я всегда преклонялся

перед Вашим умением внезапно отбросить любую линию исследования, едва лишь Вы видели ее бесплодность; и Вы немедленно начинали что-то новое».²⁶

Как же случилось, что именно то, чем так восторгался доктор Майер в Эрлихе, послужило мишенью яростных нападок Эрлиха на своего селестиального близнеца? Может быть, в глубине души Эрлих осознавал, что такое напряжение и самопожертвование в работе не могло сделать мир счастливее? Но то, что он хотел изменить в своем селестиальном близнеце для его же собственного блага, он вовсе не был готов изменить в себе. Похоже, что собственное отображение в зеркале может вызывать немалое раздражение, особенно, когда в себе самом есть внутренний неразрешенный конфликт, при котором ты зачастую склонен действовать вопреки своим собственным чувствам.

По словам личного секретаря Эрлиха Марты Маркардт, за нападками Эрлиха на Беринга скрывались не только его неразрешенные внутренние проблемы, но и «едва ли не самое тяжелое разочарование, испытанное Эрлихом за всю его жизнь, действительно трагическое разочарование, которое он никогда не смог преодолеть».²⁷ Это разочарование было в какой-то мере следствием непомерно высоких ожиданий от своего лучшего друга. Насколько было велико первоначальное восхищение Эрлиха Берингом, настолько была ему больна их размолвка и разлука.

Со временем селестиальным близнецам прояснялись и положительные стороны разделения их работ. Было очевидно, что на какое-то время они чрезмерно приблизились друг к другу. Высвобождение огромной «энергии слияния» было настолько велико, что на время селестиальные близнецы позабыли о своей индивидуальности. Но никто из них не мог долго продолжать развиваться в тени друг друга. Каждому из них следовало искать новые пути для плодотворного сосуществования: от них требовалось, как от двух опорных колонн храма, стоять друг возле друга, но никогда не пытаться слиться в единое целое.

Эрлиху пришлось понять ограниченные возможности сывороточной терапии. По его мнению, подход Беринга не приводил к дальнейшему прогрессу, потому что он не основывался на теоретическом понимании защитных механизмов организма. После разлада с Берингом, Эрлих приобрел свободу развивать свои новые теории. Беринг же не мог смириться с изменением подхода коллеги и не прекращал увещевать его специализироваться лишь в области иммунологии и сывороточной терапии. (Не следует забывать, что и Берингу было сложно работать с Эрлихом. По свидетельству Эрлиха, «...он (Беринг), несмотря на очевидную необходимость, недолюбливал мою помощь».²⁸)

После разрыва с Берингом Эрлиху стал основателем химиотерапии. Он занялся поиском таких ядовитых веществ, которые бы смогли сыграть роль волшебной «магической пули», способной поражать болезнетворные микроорганизмы, не нанося при этом никакого вреда здоровью пациента. Смелая по тем временам идея о существовании таких ядов воспринималась противниками Эрлиха как, по меньшей мере, сумасбродная, и возможная лишь в мире болезненного воображения «доктора Фантаста» (как презрительно называли Эрлиха его оппоненты). Эрлих был непреклонен в желании найти магические пули в реальном мире, и для этой цели выбрал в качестве первой мишени бледную спирохету, вызывавшую сифилис.

Как бы то ни было и чего бы это ни стоило, Эрлих сумел довести свои хаотические поиски, построенные на методе проб и ошибок, до победного конца – он превратил вещество, являющееся излюбленным ядом убийц, в великое средство для спасения от сифилиса. Этот пылкий и неутомимый фантазер перепробовал на бесчисленных животных 606 различных химических соединений. Но... В то время как мыши гибли сотнями, болезнетворные организмы приобретали иммунитет к мышьяку и отказывались погибать. Год за годом печально протекали в бесплодных попытках с десятками препаратов мышьяка, но, подобно Берингу, Эрлих был упрямым и иррациональным экспериментатором, ведомым лишь своим внутренним голосом и нестигаемой верой в правоту своих идей. Его верные помощники становились все более раздраженными и подавленными этим упорным отказом признания в провале. Неукротимое, по словам де Крюи, «чисто ослиное упрямство»²⁹ Эрлиха, начинало выводить из себя даже его ближайшего соратника, доктора Хату, прибывшего из Токио. Принимая во внимание, что Эрлих всегда очень высоко ценил необыкновенное терпение японских коллег, можно себе представить, каким энтузиазмом нужно было обладать, чтобы не отчаиваться и не прекратить поиски магической пули.

Несмотря на все преграды и «сжигая свечу своей жизни с двух концов»³⁰, Пауль Эрлих сумел найти свой знаменитый препарат «606». Приготовление этого продукта тончайшего химического синтеза было сопряжено с опасностями взрыва и пожаров. Хранить этот препарат было страшно тяжело, потому что любое ничтожное количество примеси немедленно превращало это лекарство в страшный яд. Но все же ни одно другое лекарство того времени не могло облегчить страдания тысяч мужчин и женщин, мучительно умиравших от сифилиса. Со всех концов мира к Эрлиху стали поступать заказы на сальварсан – так Эрлих назвал свой «606». С 1910 до 1913 гг. в своей маленькой лаборатории среди опасных эфирных паров Эрлих с десятком сотрудников занимались массовым изготовлением этого препарата. Усталые и измотанные от напряжения ученые понимали, что любая оплошность могла стоить жизни как их собственной, так и их далеких пациентов. На протяжении трех лет Эрлих совмещал тяжелую рутину приготовления сальварсана с неутомимыми поисками усовершенствования препарата и его массового выпуска. Лишь в 1913 г. Эрлих разработал видоизмененный вариант этого препарата – неосальварсан. Это эффективное средство получило широкое распространение, а Эрлих – всеобщее признание. Через 20 лет после разрыва, в результате изнурительных случайных поисков Беринг и Эрлих сумели по какому-то невероятному совпадению одновременно добиться самого важного (по их мнению) успеха в своей жизни (Беринг нашел активную противодифтерийную вакцину, а Эрлих – средство против сифилиса). Как ни старались Беринг и Эрлих жить по-разному, синхронизация привела их к успеху одновременно.

Среди огромного числа поздравительных писем, полученных Эрлихом, особо важным для него было послание от Беринга, гласившее в стихотворной форме, что, «успех решает/ что верно или ложно/ что есть добро или зло».³¹ И хотя Эрлих не соглашался с содержанием приветствия, он был безмерно рад поддерж-

ке и похвале Беринга. Ведь, в конечном счете, эти селестиальные близнецы заботились друг о друге и, как никто другой, понимали мотивы и побуждения друг друга.

Успех пришел к Эрлиху слишком поздно – свечу своей жизни он сжег одновременно с двух концов. Долгие годы пренебрежения своим здоровьем – он проводил целые сутки в лаборатории, зачастую забывая о еде и о сне – привели к тому, что от ученого осталась одна тень. Он страдал диабетом и держался лишь тем, что с каждым днем курил все больше особо крепких сигар. Его ослабленная нервная система больше не могла справляться с таким напряжением. Он тяжело переживал страсти, разгоревшиеся вокруг сальварсана, когда часть его оппонентов приписывала все заслуги себе, а другая часть его противников обвиняла его в шарлатанстве или в грубом экспериментаторстве. Эрлих не умел молча переносить такие нападки, и всегда был готов атаковать противников, чтобы отстоять свои идеи и научные интересы. Но его энтузиазм и запал уже были на исходе, он совсем потерял аппетит, и на смену оптимизму мечтателя пришли отчаяние и депрессия. Пришло время расплаты за длительное пренебрежение к себе и к нуждам своего организма.

Так уж произошло, что к 60 годам Беринг и Эрлих превратились в старых утомленных людей, надломленных непомерной ношей, добровольно взятой на свои плечи. Судьба уже привела их к последнему перевалу, за которым маячила поджидавшая их обоих ранняя смерть. В возрасте 61 года Эрлих скоропостижно скончался, не сумев перебороть второй инсульт. Похоронили ученого на еврейском кладбище во Франкфурте. В некрологе, опубликованном в лондонской газете «Таймс», признавались заслуги этого необыкновенного человека, открывшего двери в неизвестное, и напоминалось, что «весь мир перед ним в долгу».³²

Беринг приехал во Франкфурт отдать последние почести другу. Преждевременно состарившийся и тяжело больной человек, он с трудом, опираясь на палку, шествовал в похоронной процессии. Над открытой могилой он просил прощения: «Сейчас, мой дорогой друг, ты уже достиг покоя.../ У тебя всегда была очень чуткая душа.../ И если мы чем-то обидели тебя... прости нас!»³³ Вскоре Беринг опубликовал трогательный некролог, а уже через полтора года он сам последовал вслед за своим селестиальным близнецом.

Из этой истории жизни и открытий Беринга и Эрлиха можно понять, что эти люди никогда не были идентичными, но всегда дополняли друг друга. Как ученые, Беринг и Эрлих постоянно шли в паре. После их смерти весь мир вспоминал их с благодарностью, неизменно упоминая их имена совместно. Посмотрим лишь на короткий список научных публикаций, посвященных работам этих замечательных ученых:

Н. Dold. *In memorium Paul Ehrlich und Emil von Behring zur 70 Wiederkehr ihrer Geburtstage* (Berlin, 1924).

А. Bayer. *Zum 100 Geburtstage von Paul Ehrlich und Emil von Behring* (Deutsches Gesundheitswesen 9, 1954).

С.Н. Browning. *Emil von Behring and Paul Ehrlich: Their Contribution to Science* (Nature 175, 1955).

M. Janatsch. *Geminesames im wissenschaftlichen Werk Ehrlich's und Behring's* (*Wiener Klinische Wochenschrift* 66, 1954).

Поразительно, что научные идеи, зародившиеся одновременно в сердцах этих селестиальных близнецов, продолжали развиваться совместно даже после смерти авторов.

Для завершения сравнения биографий Беринга и Эрлиха, следует добавить, что очень мало писалось о личной жизни этих ученых. Известно, что оба они были женаты (Беринг женился в 1896г., Эрлих – в 1893г.) и оба прожили счастливо со своими женами, видя в них своих верных спутников жизни. У обоих были дети – у Эрлиха две дочери, а у Беринга одна дочь и шесть сыновей. Тем не менее, обоих ученых принято считать полностью «помешанными» на своей науке, не имевшими никаких значительных интересов, кроме нее.

История рассказана, но стало ли меньше вопросов по поводу селестиальных близнецов? Напротив. Непонятно, как могло случиться, что Беринг и Эрлих вели очень похожий образ жизни, обладали схожими характерами и судьбами, хотя о каждом из них в отдельности принято говорить, как о неповторимых личностях с эксцентричными идеями и методами работы. Это еще страннее, потому, что данные селестиальные близнецы не имели ни одинаковой генетической наследственности, ни похожей окружающей среды в раннем детстве. Они начали свой жизненный путь в разных странах, будучи детьми разных народов, исповедывавших разные религии. Чем же можно объяснить такое большое количество удивительных совпадений в их судьбах? Как можно вычислить вероятность того, что два таких редких человека сумели встретиться в этом мире? Как им удавалось, производя эксперименты наощупь, почти вслепую, тем не менее, одновременно добиваться успехов? Что привело их обоих к преждевременной старости и к депрессии? Нам представляется слишком невероятным приписывать все эти параллели исключительно случайностям. По всей видимости, за ними должен стоять какой-то фактор, и скорее всего ответственным за все эти совпадения должен быть именно общий Θ -фактор.

Астрологические и Θ -факторные комментарии

История жизни Беринга и Эрлиха неизбежно наводит на мысли о возможном характере отношений между настолько похожими по складу ума людьми. Можно ли считать такие отношения дружбой, или же тут более уместны понятия сотрудничества и соперничества? Можно ли считать их достижения результатом совместных усилий, или же скорее они были плодом научной борьбы за первенство? Что на самом деле преобладало в их отношениях – дружба или вражда? Какие выводы о возможных взаимоотношениях между селестиальными близнецами можно сделать из этого примера?

Беринг вошел в историю медицины, как яркий пример одиночника. Он всегда славился своим тяжелым неуживчивым характером и имел всего лишь несколько близких друзей. Как оказалось, что среди этих нескольких избранных

людей мы «случайно» находим селестиального близнеца? И почему Эрлих никогда не скрывал необычайную глубину и силу своих переживаний в отношениях с Берингом? В этой истории отношений между двумя учеными не было «плохих» людей. Никогда ни один из друзей не пытался «избавиться» от своего коллеги, и ни один из них не считал другого своим врагом. Оба очень нуждались друг в друге; возможно, что временами они ненавидели свое изображение, отраженное в «зеркале» селестиального близнеца, но, тем не менее, они по-своему заботились друг о друге и всегда радовались, когда другой добивался, по их мнению, «настоящего» успеха. С другой стороны, каждый из них просто выходил из себя от гнева, когда селестиальный близнец «сбивался» с правильного, по их мнению, пути. Во многих отношениях они вели себя почти идентично, в некоторых вопросах они скорее дополняли друг друга, но в любом случае их жизненные пути сливались воедино.

Некоторые биографы ограничиваются лаконичным утверждением, что с момента встречи и до последнего дня жизни Беринга и Эрлиха объединяла тесная дружба.³⁴ Другие биографы склонны подчеркивать натянутый характер отношений между этой парой. Марта Маркардт в своих воспоминаниях описывает различные периоды их взаимоотношений, включая периоды крепкой дружбы, разлада и последующих взаимных обид, но, по ее мнению, оба селестиальных близнеца всегда проявляли чувства взаимоуважения и заботы друг о друге. Возможно, что в этом случае не существует однозначного ответа, является ли подобная система взаимоотношений достойной названия дружбы или нет, но нет сомнения в том, что эти отношения характеризовались такой интенсивностью чувств и такой долгосрочностью, что их можно назвать связью селестиального двойничества. Следует подчеркнуть, что встреча двух селестиальных близнецов, выращенных врозь, действительно привела к всплеску сильных чувств, как инстинктивного притяжения, так и взаимного отталкивания между необычайно схожими индивидуумами. Природа их чувств носила дуальный характер, колеблясь между заботливой любовью и опасливой завистью.

Эта история наводит на мысль, что во встрече Беринга и Эрлиха скрывался какой-то «мифический» потенциал высвобождения энергии сотрудничества селестиальных близнецов. Для того, чтобы одолеть смертельно опасную детскую болезнь, сотрудничество между селестиальными близнецами было, по словам Эрлиха, просто необходимым. Там, где Беринг сам не смог справиться со своей миссией, он нашел протянутую руку помощи своего селестиального близнеца. До совместного открытия Беринг и Эрлих оставались малоизвестными учеными, не имевшими достаточно средств на нужды своих исследований. В тот момент, когда им обоим стала ясной необходимость взаимного сотрудничества, когда для блага общего дела они рискнули пренебречь своими личными амбициями, оба добились крупного успеха, а вследствие его признания и материальной обеспеченности. Путь к взаимному сотрудничеству был тернист и пугал возможными потерями научного приоритета, но, в конце концов, никто не оказался обойденным: оказалось, что хватило в мире средств на две Нобелевские Премии и на финансирование двух научно-исследовательских институтов под руководством каждого из этих селестиальных близнецов.

Глубокая душевная связь между этими селестиальными близнецами не могла с легкостью порваться, даже когда они очень сердились друг на друга. Их в какой-то степени добровольное, а в какой-то мере и частично вынужденное сотрудничество породило новую реальность для многих детей в нашем мире. В конце концов, они подарили Земле не только свои магические пули, но и пример сдвоенных магических сил селестиальных близнецов.

С другой стороны, более пристальное рассмотрение причин взаимных обид и страданий, сопровождавших взаимоотношения Беринга и Эрлиха, приводит к обсуждению саморазрушительных тенденций, заложенных в каждом из этих великих людей. Широко известно, что ни один из них не умел следить за своим здоровьем. Так как каждый из них привык отрицать базисные права своего тела на достойный уход, то логично предположить, что эти селестиальные близнецы, видя друг в друге свое отражение, считали естественным пренебрегать элементарными потребностями друг друга. В этом случае ситуация, при которой Беринг пренебрег материальными потребностями Эрлиха (лишил его денег), а Эрлих в ответ пренебрег интеллектуальными потребностями Беринга (отказал ему в профессиональной помощи), в какой-то мере была привычной ситуацией для обоих людей. Ведь как мы можем ожидать взаимной чуткости и внимания от двух настолько похожих индивидуумов, способных быть по отношению к самим себе настолько глухими и саморазрушительными, какими были Беринг и Эрлих?

Символом Рыб являются две рыбы, плывущие в противоположных направлениях, но взаимосвязанные так, что ни одна из них не может продвигаться сама по себе: « В Рыбах одна рыба плывет вниз по течению, олицетворяя собой персону, а вторая рыба плывет вверх против течения, олицетворяя собой душу».³⁵ Астрология полагает, что Рыбам всегда приходится преодолевать внутренний конфликт. Конечно, не всем Рыбам свойственны такие депрессивные и саморазрушительные тенденции, какие наблюдались у Беринга и Эрлиха. В дополнение к солнечному знаку Рыб, Беринг и Эрлих (подобно прошлой паре селестиальных близнецов) еще имели и очень тяжелый аспект между Солнцем и Луной, интерпретируемый обычно как свидетельствующий о наличии сильных внутренних конфликтов. Считается, что в то время как Солнце символизирует отца, анимуса или обобщенное мужское начало в нашей психике, Луна олицетворяет мать, аниму или женское начало в психике. Когда в картах людей присутствует оппозиция между этими двумя планетами, ей свойственно отражать противостояние между двумя этими началами в жизни соответствующего человека. Сознательному эго противоборствует эмоциональная природа, приводя к внутренним конфликтным ситуациям. Например, личность (эго) может добиваться профессионального успеха любой ценой, даже за счет полного пренебрежения эмоциональным и физическим здоровьем. Астрологи полагают, что многие люди, обладающие подобными аспектами, как правило, ищут своих врагов извне, когда на самом деле они сами являются своими злейшими врагами.³⁶

У Рыб, имеющих к тому же тяжелый аспект между Солнцем и Луной, подобные внутренние конфликты могут даже сопровождаться тенденцией к самопожертвованию. У Беринга и Эрлиха так оно и произошло: они добились успеха в

работе, пожертвовав своим здоровьем. Всю свою жизнь они успешно защищали себя от внешних врагов, яростно сражаясь с микробами и не менее яростно отстаивая правоту своих научных идей. Но они были совершенно беспомощны против «внутренних врагов», разрушающих их здоровье изнутри. Каждый раз, когда «рыбы» их души и тела плыли в противоположных направлениях, их Солнце в Рыбах вступало в разрушительную схватку с Луной, приводя к самопожертвованию. Важно отметить, что хотя тенденции к самопожертвованию была налицо у обеих пар селестиальных близнецов, тем не менее под влиянием другого Θ -фактора, мученические тенденции играли гораздо меньшую роль в жизни Эрлиха и Беринга, чем в жизни Галема и Штауффенберга.

Традиционным девизом Рыб стало «Я верую», и наиболее важной движущей силой в их жизни является вера. Этот скрытый ключ к пониманию внутреннего мира Рыб позволяет глубже постичь самую суть их личности. Так, в жизни Беринга и Эрлиха мы находим проявление этой движущей силы в их непоколебимой вере в свою миссию спасателей. «Вера» в данном случае стала также ключевым словом для объяснения их иррационального хаотического поиска и неимоверного упрямства: тот, кто верует, не нуждается в логическом обосновании своего выбора, он ведом лишь своей внутренней истиной.

Тот же девиз становится и ключом к пониманию сути Галема и Штауффенберга, потому что он способен «объяснить» их непоколебимую веру в свою роль мировых спасателей. Когда человек верует, никакие жертвы не кажутся невозможными. И хотя астрологический архетипальный миф с его девизом и предостережением об опасной склонности к самопожертвованию по-разному преломились в жизнях двух пар селестиальных близнецов (в зависимости от их конкретного Θ -фактора), тем не менее, все они искренне стремились служить человечеству, принимая на себя миссию спасателей. Так уж случилось, что когда все эти люди, рожденные в Рыбах, стремились стать «настоящими» людьми, они подсознательно стремились стать «настоящими Рыбами». Можно сказать, что в этом случае просматривается безусловная связь между самой «сущностью» личности и астрологическим девизом ее солнечного знака.

В дополнение к вышесказанному, данная история не только демонстрирует корреляцию между астрологическими теориями и жизнью реальных людей, но еще и служит живым примером наших способностей преодолеть эгоистическую гордыню. Страх и борьба за место под Солнцем стали повседневным образом мышления еще со времен Каина и Авеля, Якова и Эйсав. Но настоящего успеха Беринг и Эрлих сумели добиться лишь тогда, когда они отставили в сторону собственную гордыню. Это было совсем непросто, но их сотрудничество не только не лишило каждого из них личной славы или индивидуальности, но обогатило каждого из них как душевно, так и материально. Когда Берингу и Эрлиху удавалось подняться над страхами соперничества, они напоминали двух рыб, плывущих в одном направлении. Эффект этой победы духа над эго был настолько велик, что и по прошествии века Эрлиха и Беринга вспоминают с благодарностью во всем мире.

Подытоживая сказанное в первой части книги, мы должны отметить не только наличие ярко выраженного сходства между судьбами изученных селестиаль-

ных близнецов, но и проявление необычайно сильной связи селестиального двойничества в случае действительной встречи между ними. Более того, возникает ощущение, что астрологический анализ может в сочетании с Θ -факторным анализом послужить серьезным подспорьем для более глубокого понимания личности. Мы пришли к заключению, что все эти наблюдения выходят за рамки возможности простых «случайных совпадений», и вследствие этого было решено осуществить всю программу исследования, описанную в «Прологе».

Таблица параллельных событий

Раннее детство	Оба родились в больших семьях, проживавших в маленьких провинциальных городках.
Начальное образование	Детям пришлось рано (приблизительно в 10 лет) покинуть отчий дом, чтобы обучаться в гимназиях больших городов.
Выбор профессии	До 20 лет оба затруднялись в выборе профессии. Вмешательство и помощь учителей привело обоих к медицине.
1878 г.	Оба ученых получили степень доктора медицины.
Работа в больницах	Последующее десятилетие оба ученых проработали в больницах, причем оба проходили практику в Берлине, в знаменитом госпитале Шарите.
1891 г.	Оба независимо друг от друга занялись иммунологическими исследованиями в институте Коха в Берлине.
Охотники за микробами	1891–94 гг. были годами дружбы и взаимопомощи.
Разлад	Оба организовали свои институты, во главе которых им было суждено стоять более 20 лет, до самой своей смерти. Сегодня эти институты, образованные при помощи доктора Альтгоффа, известны как институт Беринга и институт Пауля Эрлиха.
Всемирное признание	Оба ученых стали лауреатами Нобелевской премии (Беринг в 1901 г., Эрлих – в 1908 г.)
Позднее достижение наиболее важных результатов	Беринг достиг наибольшего успеха в 1913 г. с введением активной превентивной защиты от дифтерии. Наибольший успех ждал Эрлиха в 1912 г. с введением в больницах его препарата против сифилиса.
Последние годы	Чрезмерно чувствительные к любой незаслуженной критике, оба ученых непропорционально реагировали на любой провал и на любое обвинение. Их здоровье быстро деградировало. Эрлих скончался в возрасте 61 года, Беринг последовал за ним через полтора года.
Необычный склад ума	Беринг обожал риторику и часто употреблял поэтические образы в научных описаниях. Эрлих был известен любовью к употреблению ярких цветистых описаний научных теорий.

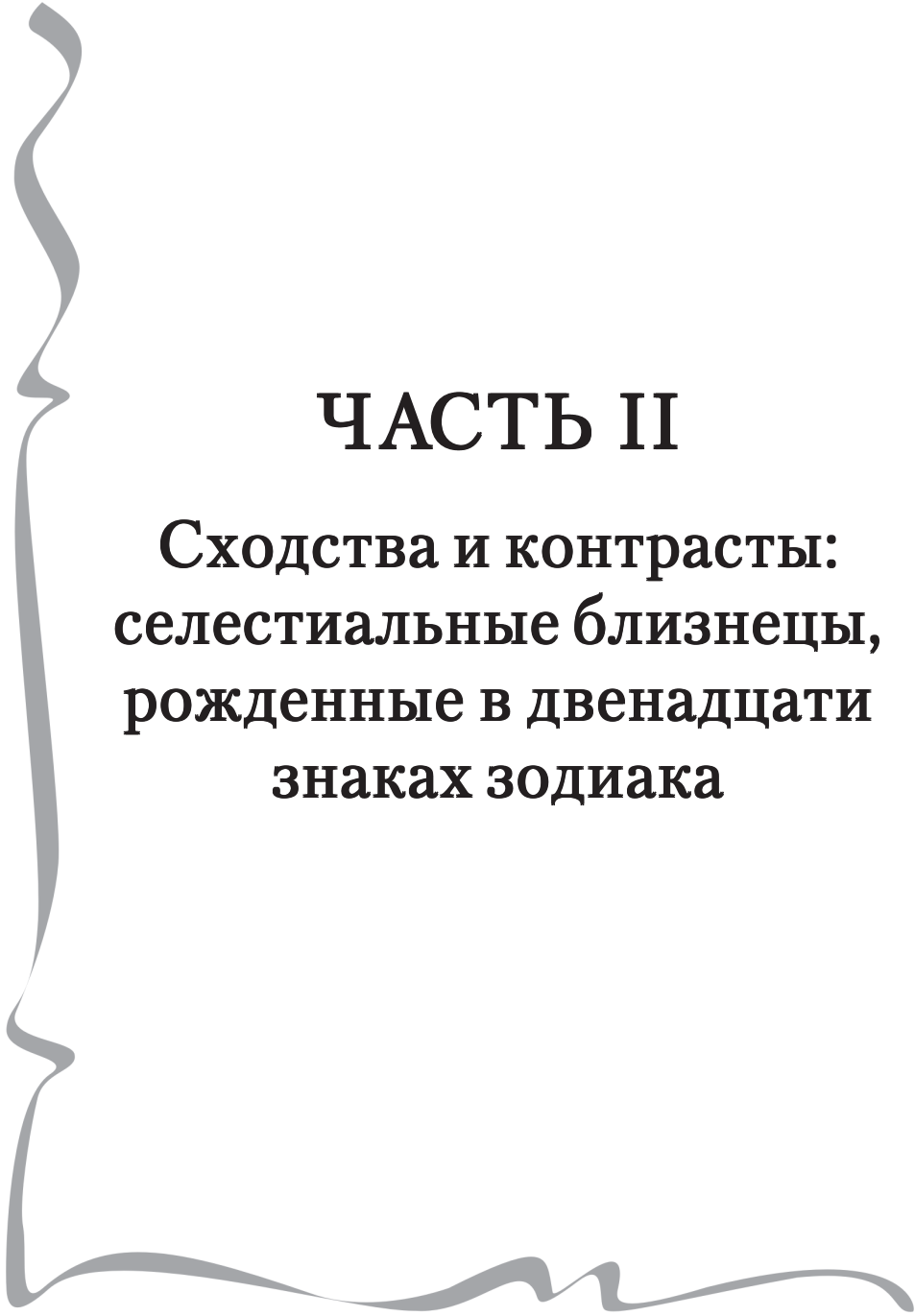
Часть I. Совпадения

Экспериментализм	Их работа велась «методом проб и ошибок», построенном на тестировании сотен химических соединений и убийства тысяч подопытных морских свинок.
Огромная трудоспособность	Оба были неутомимыми педантами в работе. Они высоко ценили своих японских коллег за их долготерпение, и оба принимали их в ассистенты.
Непоколебимая вера	Ничто не могло поколебать их веру в успех.
Сжигая свечу жизни с двух концов...	Они перенапрягались в работе, не щадя усилий ради успеха.
Психосоматические болезни	Беринг временами страдал от тяжелой депрессии, от которой его излечивал отдых в санатории. Эрлих заболел туберкулезом от душевного перенапряжения. В конце жизни он тоже страдал от депрессии.
Семейная жизнь	Оба были женаты, и их жены были верными спутницами до конца жизни. Оба имели детей, но считались всецело поглощенными наукой.
Посмертные публикации	После их смерти, имена обоих ученых упоминаются вместе, и им посвящены десятки серьезных работ.

Сноски:

- ¹ B. Schave & J. Ciriello, Identity and Intimacy in Twins, New York, Praeger, 1983, p. 11.
- ² Например, NP – pp. 74–76; 284–286.
- ³ Например, Dictionary of Scientific Biography, ed. C. Gillespie, New York, Charles Scribner's Sons, – 1970–1981, vol.1, 1970, pp. 574–578; vol. 4, 1971, pp. 295–305 (Далее –DSB).
- ⁴ Hickey, p. 28.
- ⁵ Marta MarQuardt. Paul Ehrlich, New-York, Henry Schuman, 1951, p. 3 (Далее – MarQuardt)
- ⁶ Hickey, p. 28.
- ⁷ Hickey, p. 28.
- ⁸ Поль де Крайф (де Крюи). Охотники за микробами, Москва, Молодая гвардия, 1957, стр. 266 (Далее – де Крюи).
- ⁹ Де Крюи, стр. 269.
- ¹⁰ Де Крюи, стр. 191.
- ¹¹ Де Крюи, стр. 192.
- ¹² Nobel Laureates in Medicine or Physiology, A Biographical Dictionary, ed. D. M. Fox & others, New York, Garland Publishing Inc., 1990, p. 32.
- ¹³ Nobel Laureates in Medicine or Physiology, A Biographical Dictionary, ed. D. M. Fox & others, New York, Garland Publishing Inc., 1990, p. 32.
- ¹⁴ MarQuardt, p. 33.
- ¹⁵ MarQuardt, p. 35–36.
- ¹⁶ MarQuardt, p. 37.
- ¹⁷ MarQuardt, p. 34.
- ¹⁸ MarQuardt, p. 37.
- ¹⁹ MarQuardt, p. 34.
- ²⁰ MarQuardt, p. 35.

- ²¹ MarQuardt, p. 37.
- ²² MarQuardt, p. 35.
- ²³ DSB, p. 302.
- ²⁴ MarQuardt, p. 39.
- ²⁵ MarQuardt, p. 42.
- ²⁶ MarQuardt, p. 227.
- ²⁷ MarQuardt, p. 32.
- ²⁸ MarQuardt, p. 37.
- ²⁹ Де Крюи, стр. 275.
- ³⁰ Де Крюи, стр. 275.
- ³¹ MarQuardt, p.33.
- ³² Например, Britannica
- ³³ MarQuardt, p. 34.
- ³⁴ DSB, p. 575.
- ³⁵ Hickey, p. 28.
- ³⁶ Hickey, p. 206.

ЧАСТЬ II

**Сходства и контрасты:
селеstialьные близнецы,
рожденные в двенадцати
знаках зодиака**

Я близнец существам которых люблю
Их двойник доказательство лучшее
Их реальности ибо спасаю облик
Тех кого я избрал чтобы жизнь свою оправдать

Они бесчисленны и многолики
Вот идут они улицей ради себя и меня
Носят имя мое я их имя ношу
Мы похожи точно плоды одной яблони

И это самый высокий залог

Поль Элюар (Пер. М.Н. Ваксмахера)

ОВЕН

**Люди, волны и таблицы. История двух
Членов Королевского общества – Уильяма
Лоренса Брэгга и Артура Томаса Додсона**

Лоренс Брэгг

Артур Додсон

*Ритм живет отличием и подобием:
этот звук не тот, но как бы такой же.*
Октавио Пас.¹

Предыдущая история соответствует стереотипу самоотверженных первооткрывателей, проживших жизнь по примеру Прометея, укравшего у богов огонь, чтобы принести его людям. Прометею пришлось дорого расплачиваться за свою дерзость: всемогущий Зевс приковал его цепями к скале и послал орлов выкле-

вызвать у него печень. Подобно Прометею, Беринг и Эрлих сумели добыть новые знания для человечества; и подобно ему же, им пришлось уплатить высокую плату за украденный огонь – по меткому выражению де Крюи, этот огонь сжигал свечи их жизни одновременно с обоих концов.

Правда ли, что любой исследователь должен со страданиями вырывать у природы ее секреты, расплачиваясь за них своим здоровьем? Неизбежно ли судьба первооткрывателя должна быть сопряжена с угнетающим одиночеством и с тенденцией к самопожертвованию? Другими словами, быть может, не было ничего странного в схожести жизней Беринга и Эрлиха, так как каждый из них соответствовал универсальному прототипу ученого?

Истории жизни и творчества сэра Уильяма Лоренса Брэгга² и Артура Томаса Додсона³, Членов Королевского общества – одного из наиболее престижных научных обществ – отвечают отрицательно на все вышепоставленные вопросы. Как будто бы сгущающиеся сумерки последнего знака зодиака, готовящегося покинуть этот мир, сменяются рассветом, зародившимся в Овне – в точке отсчета всех начал. Угнетающая, мрачная атмосфера «Треугольника», забитого тысячами разлагающихся тел морских свинок, сменяется свежестью океанских волн и чистотой брезжащего света. На смену чрезмерной раздражительности и периодической депрессивности приходят чувство юмора и искренняя доброжелательность к людям. Слепой «метод проб и ошибок», приведший к запоздалому успеху предыдущей пары ученых, уступает место озарениям и необычайно ранним достижениям нынешней пары селестиальных близнецов. В противовес героям прошлой главы, ощущавшим жизнь, как постоянную борьбу, Брэгг и Додсон умели сочетать творчество со светлой радостью жизни. После лихорадочного стиля жизни Беринга и Эрлиха, интересно увидеть, каким захватывающим и прекрасным может стать поиск истины.

Английскому физiku Брэггу, рожденному в Австралии, предстояло открыть волновую природу рентгеновского излучения и проложить новые пути изучения рентгеновских лучей, открытых в 1895 г. Рентгеном – немецким физиком, тоже рожденным под знаком Овна. Семейное предание гласит, что одним осенним днем 1912 г. 22-летний Брэгг совершал прогулку по Кембриджу, когда неожиданно в его голове промелькнула идея, приведшая к драматическому прогрессу в физике.⁴ В тот день Брэггу стало ясно, что открытие Лауэ, показавшего, что рентгеновские лучи дифрагируют на кристаллах так же как обыкновенный свет (т.е. отклоняются при прохождении через кристалл на определенные углы), могло бы быть просто объяснено, если бы рентгеновские лучи были эфирными колебаниями крайне малой длины волны. Если это так, и если атомы в кристаллах располагаются в некоторых плоскостях, то каждая определенная дифракционная картина должна отражать конкретное расположение атомов в конкретной разновидности кристаллов. В этом случае рентгеновскую дифракцию можно было бы использовать для определения структуры кристаллов. Эти предположения позволили Брэггу воспользоваться законами волновой дифракции для формулировки своего знаменитого уравнения, позже названного в его честь законом Брэгга. Уже в следующем году Брэгг в совместной работе со своим отцом сумел при

помощи этого уравнения впервые в истории науки определить кристаллические структуры поваренной соли и алмаза.

Брэггу посчастливилось в одной работе совместить, как и теоретическое обоснование волновой природы рентгеновских лучей, так и принципы экспериментального определения структуры кристаллов. В 1915 г. Брэгг совместно с отцом был удостоен Нобелевской премии, став самым молодым лауреатом за все время существования этой награды. Благодаря своим выдающимся организаторским способностям, Брэгг стал известен не только личным вкладом в науку, но и значительными результатами тех групп, которые он организовывал и возглавлял. Приборы и методики, разработанные под его руководством, сослужили неоценимую службу в развитии химии, минералогии и металлургии; работы Брэгга также привели к созданию новых отраслей науки, таких как кристаллография и молекулярная биология. Методы Брэгга позволили ученым определить строение таких сложных структур, как витаминов, белков и молекул ДНК. История жизни Брэгга – это, прежде всего, уникальная история его научного открытия и его дальнейшего претворения в жизнь.

В то время как Брэгг изучал кристаллические структуры Земли, его сестинный близнец, английский математический физик и океанограф Додсон, занимался изучением свойств морей и океанов, омывающих ее. В то время, как жизнь Брэгга была посвящена изучению распространения волн в кристаллах, Додсон посвятил себя изучению распространения волн в океанах (например, подводных течений, приливов, цунами или затоплений берегов). В то время как дебют Брэгга в «большой науке» состоялся в 1912–1913 гг. в Кембридже, начало научной карьеры Додсона ведет свой отсчет с того момента, когда профессор Кембриджа Бромвич воспользовался работой Додсона для вычисления дифракционной задачи, связанной с проблемой прохождения электромагнитных волн через проводящую сферу.⁵ Результаты вычислений юного Додсона вышли далеко за рамки специфической задачи, и Британский Комитет по Математическим Таблицам опубликовал как его расширенные таблицы синусов и косинусов радианов (первые в своем роде), так и его таблицы функций Риккати-Бесселя. В 1916 г. работа Додсона была представлена Королевскому обществу Бромвичем.

Проявив себя в качестве талантливого прикладного математика, Додсон нашел идеальное применение своим способностям в вычислениях, связанных с поведением приливов. На его долю выпало ввести много новшеств для повышения точности расчетов: в 1936 г. он составил первые в своем роде «Адмиралтейские Таблицы Приливов», а в 1942 г. издал совместно с Варбургом «Адмиралтейское Пособие по Приливам». Эти таблицы и пособия служат наиболее точным руководством для предсказания приливов и течений, и их простые методы пользуются большим успехом во многих странах мира.

Подобно Брэггу, Додсон отличался незаурядными руководящими способностями. Он стал одним из организаторов Ливерпульского Института Приливов (ЛИП). Под его руководством ЛИП приобрел мировое признание в качестве одного из наиболее авторитетных научно-исследовательских институтов, специализирующихся в наблюдениях, анализах и предсказаниях приливов. Благодаря

своим изобретательным склонностям, Додсон сумел сконструировать и установить во многих странах мира свои машины по предсказанию приливов. Его работы по вопросам метеорологических влияний на приливы и исследования в области наводнений привели к разработке расчетных техник, которые используются и по сегодняшний день для предсказания опасности затоплений. История жизни Додсона – это, прежде всего история его преданности океанографии.

На первый взгляд история жизни Брэга и Додсона может показаться прямолинейно скучной, лишенной всякого драматизма. Однако читателю предстоит раскрыть все богатство и многообразие внутреннего мира, скрытого под внешней оболочкой мнимой простоты. При более пристальном рассмотрении перед нами откроется мир жизни, прожитой в полную силу, мир приливов вдохновения и радости побед. Нельзя сказать, что на долю Брэга и Додсона не выпало никаких страданий: скорее даже им довелось пережить больше, чем многим другим. Природа не наделила их крепким здоровьем, а их физические недостатки считались по тем временам едва ли не серьезной инвалидностью. Более того, горечь потерь не обошла их стороной: уже в ранней молодости им довелось потерять многих друзей и близких, павших на фронтах первой мировой войны. Тем не менее, они умели справляться с ударами судьбы. Поразительно то, что и в горе и в болезни они не просили поправок или снисхождения. Вместо страха перед будущим, мы встречаем радостное ожидание новизны грядущего дня; унынию противостоит деятельный подход к жизни; и – о чудо! – тогда все препятствия, даже представляющие собой угрозу жизни, трансформируются в жизненные уроки, способствующие дальнейшему росту личности. В то время как вместе с Берингом и Эрлихом мы с печалью оглядывались на вереницу их быстро сторвавших коротких дней, вместе с Брэгом и Додсоном нам предстоит бежать вперед за манящим искристым огоньком их жизни, всегда зовущим в многообещающее будущее. Читая их сравнительные биографии, можно приобщиться к ощущению чисто овновской радости бытия, выраженной уже в самом девизе Овна – «Я существую», который, по словам Хикки, представляет собой не что иное, «как бьющий вверх фонтан жизни».⁶

Брэгг и Додсон прожили более 80 лет и заслужили почет со стороны своих коллег и современников. К сожалению, существующие биографии ученых (такие как *Dictionary of the Scientific Biography* или *Biographical Memoirs of the Fellows of the Royal Society*), как правило, написаны специальным языком и едва ли способны заинтересовать непрофессионального читателя. Такие биографии обычно посвящены истории развития научной мысли, и из них трудно составить себе полноценное представление об ученых, как о живых людях; трудно представить себе их душевный мир. Поэтому у многих людей укоренилось ошибочное представление об ученых, как об отшельниках, обитающих где-то далеко в своих НИИ.

Жизнь каждого человека требует от биографов подобрать особый ключ к ее расшифровке. Несмотря на то, что научная биография, изложенная коллегами и основанная на личном знакомстве с ученым, может страдать отсутствием интригующих деталей или тонкого психологического анализа, она, с другой стороны,

может быть менее подверженной вкраплениям домыслов или скандальных инсинуаций, чем любая другая форма литературных биографий. Такое изложение жизни, придерживающееся среднего пути между субъективным восприятием коллег и объективными результатами научного творчества, достоверно раскрывает основные качества характера анализируемого ученого. Так, существующие биографии Брэгга и Додсона представляют их черты характера в свете их научной и административной деятельности. Далеко не всегда хватило бы таких данных для составления представления о человеке. Но в случае ученых-Овнов, с учетом того, что энтузиазм и новаторский подход, а также способность и склонность к лидерству считаются классическими чертами Овна, описание их профессиональной деятельности может рассматриваться, как удовлетворительное описание основных качеств их личности.

Несмотря на то, что не имеется свидетельств о возможной встрече между Брэггом и Додсоном, и по всей вероятности эти сестелиальные близнецы никогда не работали над теми же самыми вопросами, их жизни насыщены удивительными параллелями. Оба они, рожденные в разных семьях и странах (Додсон в Англии, Брэгг в Австралии), были не по годам развитыми детьми. Оба начали научную карьеру в 1912–1913 гг. в Англии, дебютировав в решениях дифракционных задач. Оба изучали физику, химию и математику, посвятив всю жизнь работе в интердисциплинарных областях. Оба ученых применили свои редкие математические способности для решения проблем распространения волн в веществе, включая кристаллы, живые клетки и океаны. Оба стали руководителями престижных НИИ.

Было бы очень трудно объяснить эти совпадения одной лишь случайностью. Если бы можно было сравнить луч души человека со световой волной, а окружающий нас мир – с кристаллом, то можно было бы сказать, что лучи душ Брэгга и Додсона вошли в этот мир под одинаковым углом падения, заданным их Θ – фактором. В таком случае при прохождении через кристалл эти лучи не просто случайно рассеивались, а отображали «рентгеновский снимок души». Перед вами краткая попытка описать полученные дифракционные картины.

Они родились 31 марта 1890 г.

Будучи популярным лектором, Брэгг был уверен, что: «Любая лекция удастся или срывается уже после первых десяти минут. Это время, необходимое для изложения основ, для объяснения аудитории полузабытых ею фактов и для определения используемых терминов».⁷

Перефразируя эти слова, можно сказать, что карьеры Брэгга и Додсона были определены уже после первых десяти лет их жизни. По большей части их детские годы протекали в дружелюбной атмосфере. Их родители поощряли развитие воображения и давали детям оптимальное для них образование, закладывая тот прочный «фундамент», на котором строились черты личности будущих ученых и определялись основные «термины» их последующей жизни.

Семья Брэггов происходила из Камберленда (Англия), где в 1862 г. родился отец Уильяма Лоренса. В астрологии принято считать, что отец Овна – это человек, уважаемый за свои достижения в работе.⁸ Уильям Генри Брэгг (У.Г.Б.) был действительно таким человеком. Осиротевший в раннем детстве, он проявил страстное желание учиться. Уже в 19 лет он стал блестящим студентом-математиком в Тринити-колледже в Кембридже. Всего через пару лет, в 1885 г., он был назначен на должность профессора математики и физики Аделаидского университета. Эту должность он занимал в течение последующих 18 лет. В 1908 г. Брэгг-отец стал профессором физики в университете в Лидсе. В 1915 г. совместно со своим сыном У.Г.Б. получил Нобелевскую премию по физике – это единственный случай назначения совместной Нобелевской премии отцу и сыну. Отец и сын также вместе разделили и все остальные почести за свою новаторскую работу. Несмотря на то, что основная идея, принесшая Брэггам их славу, принадлежала сыну, именно Лоренс постоянно идеализировал образ отца и считал себя менее способным физиком, чем У.Г.Б. Даже в зрелые годы, сравнивая себя с отцом, Лоренс продолжал уверять, что из них двоих У.Г.Б. был лучшим физиком: «Его точки укладывались на гладкие кривые, а мои – нет».⁹

Дедушка Лоренса по материнской линии, британский астроном Чарльз Тодд, служил министром почт Южной Австралии. В гостеприимном доме Тоддов У.Г.Б. повстречался с их дочерью, Гвендолин, отличавшейся веселым общительным характером и обладавшей незаурядными художественными способностями. Молодые поженились в 1889 г. От своего отца Лоренс унаследовал любовь к науке, а своей матери он был обязан любовью к искусству. Семейство Тоддов проживало в здании Аделаидской обсерватории, и на всю жизнь Лоренсу запомнились еженедельные воскресные визиты в дедушкину обсерваторию, ставшую райским уголком для ребенка. Как всевозможные приборы, так и бесчисленные сувениры, привезенные Тоддом из дальних странствий, были любимыми игрушками Лоренса.

Семейство Брэггов обычно проводило отпуск на берегу моря или на побережье океана. Лоренс особенно любил это время каникул, когда отец выдумывал всевозможные игры, а мать обучала его рисованию. Мальчику нравилось бегать по песку и со всего размаха вбегать в соленую воду. Он мог часами выискивать всякие ракушки или кораллы, и уже в детстве ему удалось найти новый вид *Sepia*, позднее названный в его честь *Sepia Braggi, Verco* (скромный вклад Брэгга в океанографию!)¹⁰ В этот период У.Г.Б. посвящал много времени оттачиванию своего лекторского таланта, и одной из его целей было научиться передавать детям научные знания на доступном для них языке. Отец Лоренса верил в то, что уровень университетских студентов определялся качеством их начального образования. Для повышения этого уровня он всецело отдавался теме школьной образовательной системы в Австралии. В результате, он составил официальный отчет для министерства образования, и даже взял год отпуска для изучения системы образования в Англии. Лоренс стал одним из «подопытных кроликов», на которых У.Г.Б. проверял новые воспитательные подходы – ему на всю жизнь запомнились сказки, которые отец читал ему перед сном: «они всегда были об одном – о свойствах атомов»¹¹.

Лоренс пошел в школу рано – в пять лет. Как типичный Овен, он (по словам Лундстед) «постоянно жил в спешке, рвясь в будущее и стремясь достигнуть чего-то...».¹² И как типичный Овен, он не имел еще никакого понятия, в погоне за чем же он гнался. Оглядываясь назад, Брэгг пришел к выводу, что он «не подходил для школы, будучи настолько незрелым в некоторых вопросах, и настолько ранее развитым в других».¹³ С одной стороны, Лоренс не выносил уроки школьного учителя Гуда, постоянно державшего под рукой запас розог, готовых обрушиться на любого нарушителя законов правописания или дисциплины. С другой стороны, он без труда умел завоевывать любовь к себе со стороны даже наиболее строгих учителей. Например, Брэгг вспоминал, как ему удалось завоевать расположение Гуда. В начальном классе он случайно подслушал доказательство теорем Эвклида в выпускных классах: «Из подслушанного я сразу схватил всю суть проблемы. Каким-то образом Гуд уловил, что со мной произошло, потому что он вызвал меня, совсем еще малыша, из моего класса и заставил объяснять эти теоремы взрослым ученикам, в то время как он хохотал от восторга».¹⁴

Еще не достигнув 11 лет, Лоренс был послан учиться в Аделаидский колледж св. Петра – одну из наиболее престижных гимназий Южной Австралии. Как и прежде, учился он с отличием, оставаясь самым младшим учеником в классе. На счастье Брэгга, его одноклассники не слишком издевались над малышом, скорее относясь к нему, как к курьезу. Когда Брэггу исполнилось 15 лет, У.Г.Б. решил, что пришло время отправить сына в Аделаидский университет.

В этой истории детства Брэгга поражает, насколько прямолинейно он шел к своей будущей карьере, как будто с самого начала понимая свое предназначение. (Для сравнения, у Беринга и Эрлиха в этом возрасте черты будущего оставались в тумане неизвестности.) Конечно, наиболее логичным было бы «объяснение» такого раннего развития тем фактом, что Лоренсу посчастливилось родиться в семье ученого. Но... несмотря на то, что у сестиниального близнеца Брэгга, Додсона, не было папы-ученого, его начало жизненного пути было не менее прямолинейным, чем у Брэгга: «он (Додсон) был намного младше своих однокашников, но всегда получал все грамоты за отличие»¹⁵.

Отец Додсона, Томас, родился в 1860 г. в Рэдклифе, Ланкшир (Англия). На протяжении долгих лет он проработал управляющим фабрикой. Из немногочисленных воспоминаний о нем вырисовывается образ человека целеустремленного, достигшего собственными силами признания за свои способности и привившего сыну тягу к учебе. Мать Додсона, Элеонора, тоже родилась в Рэдклифе и была сверстницей своего мужа. Подобно Лоренсу, на юного Артура сильное влияние оказывал дедушка с материнской стороны, Питер Пендельбурри. Хотя он был самоучкой, тем не менее, ему удалось стать местным школьным наставником и во многом повлиять на поощрение образования в своем районе. Характерно то, что стремление к знаниям было отличительной чертой всего семейства Пендельбурри – брат Питера, Джон, ставший впоследствии секретарем национальных сиротских приютов, тоже был самоучкой. Родители Додсона придавали большое значение вопросу образования и уже с ранних лет готовили сына к преподаванию.¹⁶

Подобно Лоренсу, у его селестиального близнеца Артура интеллектуальное развитие намного опережало физическое и эмоциональное созревание. С детства он любил читать запоем, сторонясь обычных забав своих сверстников. Несмотря на то, что мальчик жил в небольшом городке, отдаленном от культурных центров, чтение раскрывало перед ним доступ к сокровищам мировой культуры. Благодаря чтению у Артура постепенно вырисовывался образ окружающего его мира, как места благодатного, подчиняющегося стройным законам науки и логики.

Как и Лоренс, Артур рано пошел в школу. Впоследствии он вспоминал, что делать ему там было нечего, и что он искал любую возможность самостоятельно приобретать познания. Как типичному ребенку-Овну, Додсону не терпелось побыстрее добиться цели. Казалось, будто внутренний огонь сжедал его, когда уже в 11 лет он решил изучать математику в вечерней школе в Лее, неподалеку от Бутстона. Так что в то время, когда маленький мальчик Лоренс стал первым учеником в колледже св. Петра, его селестиальный близнец стал самым юным, но самым талантливым учеником в Лее. И в то время как Брэггу довелось растолковывать теоремы Эвклида старшим ученикам, Додсон уже в 13 лет стал помощником учителя в местной школе. До 16 лет Артур умудрялся совмещать свою работу учителя с занятиями в гимназии, с частными уроками для подготовки к учительским экзаменам и с вечерними занятиями по классу химии. К тому же, интересы подростка не ограничивались только науками. В то время, когда Брэгг увлекался рисованием, Додсона влекла к себе музыка. Он неплохо играл на органе, и даже получил место церковного органиста, игравшего на воскресных службах.

В 1908 г. Додсон поступил в Ливерпульский университет, параллельно обучаясь точным наукам и преподаванию. Поначалу он выбрал основными предметами химию и физику, но на втором курсе перешел на специализацию по химии и математике. В то же время, в 1908 г. Брэгг изучал те же самые предметы – математику, химию и физику – в Аделаидском университете. В начале 1909 г. произошел перелом. У.Г.Б. получил должность профессора физики в университете Лидса и вернулся вместе с семьей в Англию. Так что, когда Артур Додсон впервые покинул родительский дом, чтобы учиться в Ливерпуле, Брэггу впервые пришлось расстаться с родителями, чтобы начать учебу в Тринити-колледже в Кембридже. На первом курсе Лоренс выбрал основным предметом математику, но уже на втором курсе по совету отца он перешел на физику.

На первый взгляд, кажется, будто учеба селестиальных близнецов давалась им без проблем: оба в 1912 г. с отличием сдали экзамены по естественным наукам. Как это ни странно, но, родившись на различных континентах, эти селестиальные близнецы одновременно окончили университет в Англии. Но это еще не все. Оказывается, что в жизни этой пары в период университетской учебы ничего простого не было – с 1909 по 1912 годы им обоим пришлось столкнуться с тяжелыми преградами, встававшими на их пути.

Можно себе представить, что Брэггу было непросто акклиматизироваться в Англии. Юноше, привыкшему к теплоте дому и к теплоте климату Австралии, вдруг пришлось оказаться вдали от семьи в мартовском заснеженном Кембридже. (Забавно, что в то время как Беринг и Эрлих считались достаточно взрослыми

ми, чтобы покинуть дом в 11 лет, биографы Брэга относятся к нему, как к ребенку, когда он покинул дом в 19 лет!) Реакция Лоренса последовала незамедлительно – приступы воспаления легких следовали один за другим. Весной 1910 г. во время сессии он был прикован к постели, страдая от очередного воспаления. Но и болезни не могли помешать этому юноше – его курсовая работа по математике отличалась ярким воображением и оригинальностью. Переход на физику в следующем году частично был вызван влиянием отца, и частично объяснялся необычным интересом Лоренса к рентгеновскому излучению, с которым ему пришлось столкнуться из-за легкой инвалидности.

Уже в пятилетнем возрасте Лоренс получил тяжелую травму, когда упав с велосипеда, он сломал сустав левой руки. Перелом был настолько серьезным, что врачи не надеялись вернуть подвижность руки. На помощь пришел дядя мальчика, К.Тодд, разработавший для него очень болезненный способ лечения. В результате рука немного двигалась, но оставалась укороченной и искривленной. Частичная инвалидность привела к тому, что через 40 лет Брэгу пришлось перенести операцию для облегчения давления на нерв, приводившего к параличу руки. Героический аспект этой истории в том, что сам Лоренс никогда не считал себя инвалидом, и в университете он занимался как спортом (гребля, лыжи), так и военной подготовкой (в королевской коннице). Анекдотическим аспектом этого происшествия стало то, что возможно именно из-за этого инцидента Брэгу довелось стать первооткрывателем природы рентгеновского излучения. Брэг получил увечье в 1895 г., как раз через несколько недель после открытия Рентгена. С помощью самодельной аппаратуры У.Г.Б. немедленно использовал новое изобретение для проверки локтя сына, и ему удалось получить на экране точную картину перелома. Для Австралии это событие стало первым применением рентгеновской техники в медицине, а для Лоренса – первой встречей с удивительными лучами.

Нигде не отмечено, получал ли Додсон какие-либо травмы в детстве, но в 1909 г. он приобрел инвалидность, повлиявшую на выбор дальнейшей специализации. Так же как и Брэг, в том году Додсон тяжело болел. Осложнения привели к полной потере слуха, и он оставался глухим до конца своих дней. В результате, Артур не мог слушать лекции, и ему пришлось отказаться от мечты стать преподавателем. Более того, он потерял учительскую стипендию именно тогда, когда дела его отца ухудшились и он не мог платить за учебу сына. Ситуация выглядела безысходной, но Додсон никогда не сдавался и не ощущал себя ущербным. Он одолжил деньги и продолжил занятия, списывая с доски и просматривая конспекты друзей. Когда занятия по физхимии стали невыносимо сложными для него, он по совету профессора Ф.С.Кори перешел на математическое отделение. Кори очень полюбил талантливого юношу и принял горячий интерес в его судьбе. Эта дружба между двумя учеными продолжалась до самой смерти профессора в 1928 г. (А пятью годами позже Додсон женился на дочери Кори, так что посмертно Кори окончательно превратился в отцовский образ в жизни Артура.) И так оно само собой получилось, что в 1911 г. то ли в силу обстоятельств, то ли под влиянием «отцовских» фигур в жизни этих сестричьих близнецов произошли перемены: Брэг по совету отца переключился с математики на физику;

Додсон по подсказке Кори перешел с химии на математику. Для обоих селестиальных близнецов этот шаг послужил залогом будущих успехов. Как уже упоминалось, Брэгг и Додсон одновременно закончили учебу с отличием в 1912 г.

Летний отпуск 1912 г. Брэгг провел с семьей. Для У.Г.Б. переезд в Лидс оказался не таким успешным, как ему бы хотелось, но несмотря на трудности он продолжал исследовательскую работу. Особенно его интересовали рентгеновские дифракционные картины, полученные ранее в том же году Максом фон Лауэ. Тем летом отец делился с сыном своими размышлениями по этому вопросу, придерживаясь мнения, что рентгеновские лучи являются потоком частиц. Вернувшись в Кембридж, Лоренс пришел к убеждению, что У.Г.Б. ошибался и что рентгеновское излучение имеет волновую природу. Брэгг построил математическую модель кристаллов, считая, что атомы кристалла располагаются в плоскостях, и что каждая плоскость кристаллов отражает рентгеновские лучи в соответствии с общими законами отражения (с равными углами Θ падения и отражения). В 1913 г. он опубликовал уравнение, позже названное законом Брэгга,¹⁷ описывающие углы, под которыми следует направить пучок рентгеновских лучей, чтобы определить строение кристалла по дифракционной картине рентгеновских лучей, отраженных от кристаллических плоскостей. Закон Брэгга позволял, как определить длину волны рентгеновских лучей, так и рассчитать расстояния между атомами в различных кристаллах.

Первые эксперименты по анализу кристаллических структур отец и сын проводили вместе в Лидсе в 1913 г. Это был счастливый период в их жизни, когда каждый день приносил радости новых открытий. Позднее Брэгг описывал в восторженных тонах праздничную атмосферу, царившую в скромной лаборатории его отца: «Это было прекрасное время, когда мы ежедневно работали допоздна, а перед нами в тиши лаборатории раскрывались новые миры».¹⁸

Тем не менее, трудно сказать, что сотрудничество между Брэггами было безоблачным. У.Г.Б. был к тому времени уже маститым ученым, и несмотря на все его старания подчеркнуть ведущую роль сына, создавалось ошибочное впечатление, что именно отец играл главную роль в работе. Это впечатление усугублялось еще тем, что первая статья Лоренса появилась в печати лишь после его совместной статьи с отцом.

Впоследствии Лоренс вспоминал отца с благодарностью за его роль в быстром продвижении работы, но эта благодарность всегда сопровождалась привкусом боли. Процесс отделения студента от руководителя обычно носит болезненный характер, а тут еще руководитель был отцом. Нередко необходимость расставания сотрудников или соавторов приводит к превращению бывших друзей в соперников или даже в противников. Но даже если у Брэгга накопились обиды на отца, он сумел извлечь из них полезные уроки на будущее. Процесс становления Брэгга самостоятельным ученым, не зависящим от отца-руководителя, помог ему самому стать хорошим научным руководителем. С одной стороны, Брэгг никогда не позволял себе высказывать вслух свои научные претензии к отцу, с другой стороны, будущие многочисленные студенты всегда с благодарностью вспоминали его как руководителя, поощрявшего в них самостоятельность.

В 1914 г. Брэгг принял решение работать отдельно от отца. Ему представилось место лектора в Тринити-колледже, но из-за войны он так и не сумел начать свой первый семестр. 24 августа 1914 г. младший лейтенант Брэгг был призван в армию.

Пока в период 1912-1914 г. Брэгг делил свое время между Кембриджем и домом родителей в Лидсе, Додсон ездил между Ливерпулем и домом родителей в Шоу. После окончания учебы в 1912 г. ему не удавалось найти никакой работы, потому что в те времена глухота считалась серьезной инвалидностью. Отчаявшись хоть как-то зарабатывать на жизнь в Шоу, Артур в течение двух лет каждый день ездил поездом в Голлинвуд, где ему нашлась низко оплачиваемая должность лаборанта. Параллельно с работой Додсон продолжал учебу в аспирантуре математического факультета Ливерпульского университета. Похоже, что providение не оставляло его, послав нового научного руководителя и друга. В 1913 г. профессор Кори представил своего протеже молодому лектору, Прудману, впоследствии заслужившему мировую известность своими исследованиями приливов. Это знакомство стало самым важным сотрудничеством в жизни Додсона.

Незадолго до встречи с Додсоном, Прудман решал дифракционную задачу с профессором Бромвичем. Прудман чувствовал, что в его вычислениях закралась ошибка; он сначала привлек Додсона к проверке своих первичных результатов, а затем предложил ему самостоятельно продолжить дальнейшие расчеты по этой проблеме. Это был первый раз, когда Додсону пришлось заниматься вычислительной работой, ставшей его призванием. Подобно Брэггу, не нуждавшемуся в лабораториях для открытия своего закона, Додсон мог заниматься своими работами на ходу, а точнее во время дневных перерывов или по дороге домой в поездах. Работы Додсона вышли далеко за рамки поставленной задачи. Они были высоко оценены, и в 1914 г. он получил звание магистра. Публикация его таблиц в 1916 г. стала серьезным достижением начинающего ученого, принесла ему уважение и признание со стороны коллег и специалистов во многих смежных областях науки.

Жизненный сценарий Додсона перекликался со сценарием Брэгга, а его сотрудничество с Прудманом напоминало отношения между сыном и отцом Брэггами. Несмотря на то, что Додсон решил предложенную ему задачу самобытным подходом, тем не менее, начал он эту тему как проверку вычислений Прудмана в попытке исправить допущенные тем ошибки. В результате тесного сотрудничества между Додсоном и Прудманом завязалась многолетняя дружба, в которой Прудману было уготовлено место «научного отца». К счастью для обоих ученых, в будущем им всегда удавалось разделять области своих научных интересов, никогда не занимаясь одновременно одинаковыми темами (к такому же решению в своих отношениях пришли вскоре и Брэгги). Прудман вспоминал: «Мое сотрудничество с ним (Додсоном) длилось более 44 лет. Наша совместная работа была исключительно плодотворной частично в силу того, что у нас были очень разные склонности».¹⁹

В то время как Брэгг в 1914 г. принял предложение работать в Кембридже, Додсону в том же году удалось перейти на подходящую для него работу исследователя в одной из корпораций Манчестера.

Подводя итоги периода 1912-1916 гг., мы видим, что оба селестиальных близнеца уже с первых шагов в науке добились незаурядных успехов, став самостоятельными учеными. Конечно, успех Брэга и его отца был отмечен Нобелевской премией в 1915 г., а Додсон с Бромвичем заслужили в 1916 г. «лишь» почетное представление работы в Королевском обществе. Но для сравнительных биографий важны, прежде всего, параллели в развитии, а не точные совпадения. Кроме того, Нобелевская премия не присуждается в таких областях как математика или океанография, и вследствие этого невозможно сравнивать значимость полученных этими героями наград.

Мы оставили Брэга в августе 1914 г. Первый год войны он провел в тяжелых боевых учениях. Но уже в августе 1915 г. вся его жизнь вновь изменилась. Лоренс был назначен техническим советником по звуковой пристрелке (определение расположения войск противника по звуку артиллерийского огня). До 1919 г. он принимал участие в этом совместном франко-английском проекте, испытывая и совершенствуя технику в полевых условиях фронта. За успешную работу Брэгг был отмечен наградами и званием майора.

Удивительно то, что в тот же период Додсон тоже занимался баллистическими расчетами для британской артиллерии. В то время как Брэгг лишь по воле случая попал в артиллерийские части, Додсон вообще не должен был иметь ничего общего ни с войной, ни с артиллерией. Кроме того, что он по инвалидности не призывался в армию, он еще и был членом пацифистской христианской секты, порицавшей любое участие в войне. Но судьба, оказывается, бывает слепой по отношению и к состоянию здоровья и к убеждениям. Устав от нетворческих должностей, Додсон вел активный поиск подходящей для него ставки. Ему в руки случайно попало объявление Карла Пирсона, ныне известного как одного из основателей современной статистики, а тогда профессора прикладной математики в Лондонском университете. Пирсон искал ассистента в области экономической статистики, и Додсону очень хотелось изучить новую вычислительную технику. Но вскоре после того, как он был принят на работу, Пирсону из-за войны пришлось переключиться с экономики на баллистику. Вначале Додсон почувствовал себя в ловушке, но, с одной стороны, ему очень нравилась его новая должность, а с другой стороны, он постепенно изменил отношение к работе, когда осознал, что ее главной целью была защита Лондона от бомбежек цеппелинов.

Как обычно, Додсон с энтузиазмом окунулся в новую тему, и вскоре Пирсон позволил ему работать самостоятельно. Когда же в 1918 г. Пирсон ушел в отставку, он назначил Додсона своим преемником. Так, вопреки своей воле Додсон оказался во главе вычислительного центра противовоздушной защиты министерства обороны. На этом посту он проявил талант прикладного математика, разработав несколько оригинальных методов и написав несколько статей. Впоследствии работы Додсона стали инструкциями министерства обороны, а в 1925 г. они были опубликованы в качестве официального учебника ПВО. Разработанные им методы расчетов траекторий носят в его честь имя методов Додсона. По окончании войны ему было предложено оставаться на том же посту, но он отказался от военной карьеры. Следуя своим инстинктам, направлявшим его в нуж-

ное время в нужном направлении, он подал в отставку в 1919 г. В том же году ему была присвоена степень доктора наук Ливерпульского университета. Впереди его ждал ЛИП.

Связь Брэгга с британской артиллерией тоже заканчивалась в 1919 г. Уже к концу 1918 г. все мечты Брэгга были обращены к университетской работе. «Меня никогда ничего так не влекло, как университетская карьера»,²⁰ писал он. Но, будучи человеком скромным, несмотря на присужденную ему Нобелевскую премию, он считал себя лишь начинающим ученым. Успех в глазах мира для него ничего не значил, так как он постоянно чувствовал свою ничтожность в сравнении с мистериями окружающего мира. Измеряя себя меркой древних великих мыслителей, этот 29-летний физик писал, оправдывая свой отказ от ставки лектора в Бирмингемском университете: «Я так мало понимаю в физике. У меня совсем нет опыта в чтении лекций».²¹ Для Брэгга это не было позой, а всего лишь выражением глубокого, почти мистического ощущения, что он все еще не нашел свое место в мире. Слово «физика» звучало необъятно огромным; ему нужно было что-то более конкретное. И как это всегда было характерным для жизни Брэгга и Додсона, на горизонте появился образ нового «научного отца». На сей раз им стал один из руководителей Манчестерского университета – сэр Генри Майерс, заинтересованный в развитии кристаллографии, зародившейся в результате открытия Брэгга. В своей лекции по минералогии Майерс говорил: «Важность изучения строения кристаллов настолько возросла..., что появилась истинная потребность в открытии чисто кристаллографического факультета, на котором бы велись оригинальные исследования вне зависимости от непосредственных применений или от минералогии».²² Эта мечта Майерса соответствовала ожиданиям Брэгга от своей будущей работы. В 1919 г. по приглашению Майерса Брэгг сменил Эрнеста Резерфорда на посту профессора физики Манчестерского университета. И как это уже случалось в жизни Додсона, Майерс для Брэгга стал не только научным авторитетом, но и личным другом и даже крестным отцом его сына.

1919 г. стал поворотным пунктом и в личной жизни Брэгга. Сразу же после войны он познакомился с Элис Хопкинсон. Это знакомство произошло при печальных обстоятельствах – Брэгг потерял в битве на Галиполи своего брата и многих друзей. В их числе был Сесиль Хопкинсон, кузен Элис. Элис и Лоренс полюбили друг друга, и поженились в 1921 г. Они прожили в любви и согласии долгую жизнь, вырастив и воспитав четверых детей. Сам Брэгг, несмотря на свои административные способности, чувствовал, что быт не его стихия. Он зачастую забывал многие мелочи, ему было трудно справляться с интригами или криками, и со всеми своими проблемами он приходил за поддержкой к жене. Она умела подбодрить его в беде и быть возле него в радости, сопровождая его в течение всех лет его карьеры. На старости лет им обоим доставляли много счастья их 10 внуков.

Получив впервые в жизни собственную лабораторию, Брэгг сумел вернуться к исследованиям структуры кристаллов с помощью рентгеновских лучей. К 1921 г., когда он был избран Членом Королевского общества, у него уже была своя школа, и его работа велась независимо от У.Г.Б.. Наиболее значительным достижением манчестерского периода стала расшифровка строения сложных структур, возни-

кающих в силикатном семействе минералов. Поразительно в этом опыте было то, что работа, ставшая впоследствии классикой эксперимента, не была основана на одном лишь рациональном подходе, а базировалась на интуиции, воображении и счастливом случае.²³

Брэггу доставляло большое удовольствие руководить лабораторией, и в 1929 г. в письме к Резерфорду он признавался: «Я привык руководить большой физической лабораторией, и, несмотря на то, что я зачастую сетую на административную работу и был бы рад избавиться от большей ее части, все же мне приятно постоянно пополнять кадры специалистами, рвущимися выполнять исследовательскую работу. У меня от двадцати до двадцати пяти исследователей, и они выполняют большую часть моих планов».²⁴ Брэгг любил работать с молодыми учеными, и он никогда не чувствовал себя выше их, постоянно продолжая собственные эксперименты и исследования. В отличие от большинства профессоров (но подобно Додсону), Брэгг никогда не просил делать за него вычисления. При помощи одной лишь логарифмической линейки и математических таблиц, он собственноручно рассчитал первые двумерные таблицы электронной плотности.²⁵

В Манчестере Брэгг проявил себя талантливым организатором. Ученые со всего мира приезжали в лабораторию, находя в Брэгге не только специалиста, но и очень отзывчивого и скромного человека. Сохранилось много отзывов о доброте и гостеприимстве четы Брэггов. Столь велико было признание административных и человеческих качеств Брэгга, что, когда ему было предложено заменить в 1938 г. Резерфорда на посту директора Национальной физической лаборатории, журнал «Nature» прокомментировал: «Кавендишеская лаборатория сегодня настолько велика, что ни одному человеку не под силу контролировать ее, и только такт и руководительские способности Брэгга становятся залогом успешного сотрудничества столь многих различных групп исследователей».²⁶

Покидая Манчестер, Брэгг подводил итоги: «С большим огорчением я покидаю факультет, где провел 18 счастливых лет. Я пришел сюда сразу после войны, без всякого преподавательского опыта. Манчестерский университет обучил меня всему, что я знаю о руководстве факультетом и о внутренней жизни современного университета. Я всегда с благодарностью буду вспоминать доброту моих коллег и воодушевляющую атмосферу университета».²⁷ Но были ли эти 18 лет заполнены лишь добротой и счастьем? Как и любой начинающий ученый, Брэгг неизбежно должен был столкнуться с трудностями и разочарованиями. И действительно, несмотря на поддержку Майерса, начало в Манчестере было совсем не простым. Его первые лекции были просто провалом, студенты куролесили на занятиях, а анонимные письма обвиняли его в некомпетентности. Кроме преподавательских проблем, вставала проблема разделения его исследовательских программ от работ лаборатории У.Г.Б.. На этом фоне создавались напряженные и отдаленные отношения между отцом и сыном. Стоит также упомянуть тяжелый период 1929-1931 г., когда Брэгг был на грани нервного срыва после смерти матери. В это же время он отказался принять престижное предложение поста профессора физики в Лондонском университете. С одной стороны, 40-летний ученый считал, что тем самым он нанес смертельный удар по своей карьере и потерял

последнюю возможность перевезти семью в более подходящее для нее окружение. С другой стороны, чувства долга и ответственности перед Манчестером побуждали, заставив его остаться вопреки здравому смыслу.

Этот короткий перечень проблем, с которыми Брэггу довелось столкнуться в течение 18 «счастливых» лет показывает, что его жизнь не отличалась особой стабильностью или безоблачностью – человеческие боли и страдания, борьба со смертью и с отчаянием были настолько же присущи Брэггу, как и другим людям. Но, в отличие от многих, Брэгг утверждал, что ему всегда только улыбалось счастье в друзьях, коллегах, сотрудниках и в руководителях! И он говорил это с таким убеждением, что, даже зная о его истинных трудностях, все равно невольно поддаешься его запалу и начинаешь верить, что у него в жизни все шло гладко. Этот эффект достигался искренностью слов Брэгга: он говорил чистую правду, потому что предпочитал помнить только позитивные стороны жизни. Злопамятству и обидам он противопоставлял наивную веру в доброту этого мира, и казалось, что одной этой веры хватало для преображения окружающей среды. В конечном счете, ему удавалось сохранять добрые отношения со всеми, кто входил в круг его знакомств.

Эта атмосфера вдохновения и доброты была ключом к пониманию личности Брэгга, тем особенным микроклиматом, который он сумел создать вокруг себя. Такой подход помог Брэггу превратить Кавендиш в колыбель для новых идей. Он был тем редким типом научного руководителя, который не только делился своими научными идеями, а и направлял работу аспирантов, помогая им получить признание, а потом и обосноваться в качестве независимых исследователей. Так Макс Перуц, уроженец Вены, ставший впоследствии лауреатом Нобелевской премии за кристаллографический анализ сложных глобулярных протеинов, говорил, что его «вскормил Кембридж, а не Вена». И он добавлял: «В лице Лоренса Брэгга я обрел научного отца, обучившего меня многому, и не побоявшегося поручиться своим именем за мою работу в течение долгих бесплодных лет поиска перед тем, как я сумел решить проблему. Другим не всегда так везет».²⁸

Брэггу было тяжело второй раз подряд заменять Резерфорда (первый раз был в Манчестере.) Резерфорд был тогда на вершине славы и стоял в одном ряду по известности с Ньютоном и Фарадеем. Руководство Резерфорда Кавендишем было, прежде всего, ознаменовано огромных успехом, когда его «мальчикам» удалось в 1932 г. открыть нейтрон. Имя Кавендишской лаборатории стало синонимом ядерной физики, и слава ядерников затмевала работы всех других ученых, ставя под сомнение даже само право на существование групп кристаллографии или микробиологии в Кавендише. Если бы не вмешательство Брэгга, то работы по расшифровке строения вирусов, протеинов и ДНК были бы просто прекращены. Но Брэгг обладал решимостью и мужеством руководить лабораторией совсем в другом стиле, чем его великий предшественник. Несмотря на протесты и критику коллег, он нашел финансовую поддержку и собрал сильную группу специалистов для кристаллографического анализа сложных глобулярных протеинов. Поддержка, оказанная Брэггом этим исследованиям, а также инструменты и методики, разработанные под его руководством, сослужили неоценимую служ-

бу, как лаборатории, так и развитию микробиологии. Ко времени отставки в 1953 г. Брэгг мог с гордостью говорить о значительных успехах Кавендишской лаборатории. Его коллега Рэтклифф подводил итоги руководства Брэгга: «Прежде всего, Брэгг был активным ученым, и он управлял лабораторией исключительно успешно.... Я видел в нем необычно доброго и отзывчивого человека, настоящего джентльмена со всех точек зрения. Он был открытым и прямым, готовым оказать помощь любому, кто болел за нашу лабораторию. Я думаю, что при нем в лаборатории постоянно царила хорошая атмосфера, и все его любили».²⁹

Успешное руководство Брэгга главным образом объяснялось такими его незаурядными качествами, как образованностью, добротой, открытостью и умением быть «истинным джентльменом». Далеко не каждому администратору или ученому удастся похвалиться такими чертами характера. Но именно селестеальному близнецу Брэгга, Додсону приписывались коллегами точно такие же свойства. Так Прудман писал: «Додсон обладает высочайшими мерками чести, он наделен необыкновенной добротой и хорошим чувством юмора».³⁰

В то время как Майерс мечтал о кристаллографическом факультете, Прудман мечтал о своем институте, где бы можно было изучать все проблемы, связанные с приливами и с морскими явлениями. Он был убежден в необходимости создания нового академического центра, способного не только сконцентрировать в одном месте разные океанографические проекты, но и поставлять ценную информацию о приливах для мореплавателей. Прудману хотелось также, чтобы его центр работал на базе Ливерпульского университета. В конце 1918 г. Прудман поделился своими мечтами с Додсоном, полагая, что чувство такта и умение вести переговоры с различными людьми делают его наиболее естественным кандидатом на пост организатора ЛИП. Сегодня нелегко понять такой выбор Прудмана: назначить на пост руководителя института глухого математика без какого-то либо опыта работы в океанографии? Нам уже трудно представить, что человек мог назвать себя океанографом просто потому, что ему захотелось им стать. Сейчас океанография (подобно кристаллографии или микробиологии) является уважаемой наукой. Но даже в наши дни еще невозможно получить первую степень сразу же по океанографии, а приходится сначала получить общее образование по физике или химии, по биологии или геологии. Оглядываясь назад, можно понять, что Прудман был прав, и что разностороннее образование Додсона (в химии, физике и в математике) давало ему возможность стать образцовым пионером океанографии. Вдобавок Додсон имел характер первопроходца: он обладал редким оптимизмом и почти детским энтузиазмом в работе. Кроме того, он не страшился заниматься такими проблемами, в которые другие даже не осмеливались заглянуть.

Додсон с готовностью принял предложение стать во главе нового института. Уже в 1919 г. Ливерпульский университет учредил ЛИП – национальный центр изучения и прогнозирования приливов. Прудман в качестве почетного директора и Додсон как ответственный секретарь и «правая рука» Прудмана стали эффективным тандемом, и в то время как Прудмана больше интересовал математический анализ явлений, Додсон принял на себя всю техническую работу, как по

вычислительной технике, так и по созданию новых приборов. Кроме того, на его плечи легли все административные и финансовые заботы. С самого появления ЛИП на всей его деятельности лежала печать личности Додсона. Он посвятил институту более 40 лет жизни, вложив в него всю свою душу.

Сначала ЛИП был частью физического факультета ливерпульского университета. С 1929 г., когда институт объединился с ливерпульской обсерваторией в предместье Биркенхэда, Прудман был назначен его директором, а Додсон его заместителем. Местом жительства Додсона стала обсерватория (по странной случайности в детстве жизнь Брэгга тоже была связана с обсерваторией.) Уже в 1933 г. Додсон был избран Членом Королевского общества. Начиная с 1945 г., после отставки Прудмана, Додсон сменил его на посту директора ЛИП и прикрепленной к нему обсерватории. Так Додсон окончательно занял место своего учителя и «отцовской фигуры», проработав в этой должности до самого выхода на пенсию в возрасте 70 лет (вместо положенных 65 лет). В течение всех этих лет он вникал во все стороны деятельности института, будучи инициатором и катализатором многочисленных проектов. Начав с нуля, он сумел привлечь к работе талантливую молодежь, и уже к 1960 г. в ЛИП работало более 15 научных сотрудников, притом, что часть из них (такие как Горкан, Розитер и Леннон) заслужили мировую известность за свои собственные научные работы. За это время Додсон не только получил мировое признание как эксперт в области анализа и предсказания приливов, но и отличился как прекрасный руководитель. Считалось, что во многом успеху Додсона способствовал его характер. Его отношения с подчиненными всегда отличались дружелюбием и отзывчивостью. Не только коллеги, но и владельцы судов Ливерпуля ценили его умение создавать благоприятную атмосферу гармонии. Говорили, что по образованию Додсон математик, по призванию – инженер, а в силу обстоятельств – экономист.³¹

Глядя на эти описания энергичной деятельности Додсона в ЛИП, трудно даже представить себе, как он сумел создать и поддерживать образ уверенного и сильного руководителя, в то время как его собственная жизнь проходила через очень тяжелые испытания. Каждое начало непросто, а проблемы глухого человека, казалось, должны были создавать немало сложностей в общении с незнакомыми людьми. Но это еще не все: на долю Додсона выпал ряд трагедий, каждая из которых могла бы привести к срыву многих других людей. В то время как Брэгг, похоронив мать, испытывал кризис в личной жизни в 1929–1930 гг.,³² в 1931 г. Додсон овдовел.

Маргарет Галловэй училась вместе с Артуром Додсоном в ливерпульском университете. Они поженились в 1919 г. Их дочь Джоан родилась в 1927 г., а сын Томас – в 1931 г. Но пришла беда, и Маргарет скончалась от родов. Додсон остался один, с маленькой дочкой и с новорожденным младенцем на руках. В то время семья только успела переехать в новый дом при обсерватории, а сам Додсон получил пост замдиректора. Как он сумел пережить трагедию, сохранив оптимистический подход к жизни? Загадка.

Спустя два года Додсон женился на Эльзе Мари Кори, дочери профессора Кори. Она окружила любовью и заботой мужа и его детей. Казалось на время,

что жизнь начинает улыбаться ученому. Но уже в 1935 г. Джоан умерла от саркомы. Как тут было не потерять жизнелюбие? Как сохранить тепло и отзывчивость к окружающим? Почему, например, Беринг, на долю которого никогда не выпадали такие тяжелые удары судьбы, слыл угрюмым раздражительным человеком с тяжелыми личными проблемами? Почему Брэгг, потерявший брата и большинство друзей на фронтах первой мировой войны, подобно Додсону, сумел сохранить оптимизм и теплое отзывчивое сердце? Почему Брэгг и Додсон имели мужество видеть в каждом ударе судьбы возможности для дальнейшего роста и развития?

Можно попытаться объяснить эти различия между двумя парами селестиальных близнецов терапевтическими свойствами математики. Многие видят в математике эффективное средство для бегства от проблем. В математике можно найти триумф разума, предсказуемости и стабильности рационального мира; в математике можно скрыться от катастроф несовершенной реальности. Брэгг и Додсон, конечно, любили математику, но, тем не менее, метафора бегства от реаллий совсем не подходит к этим жизнерадостным людям, принявшим на себя руководство большими коллективами и поддерживающим длительную дружбу со многими людьми.

В то время как для биографов разница между двумя парами селестиальных близнецов остается полностью необъяснимой, астрологи, по крайней мере, могут обратить внимание на значительную разницу в картах двух пар. В то время как одна пара относится к Овну, слыющему наиболее оптимистичным знаком зодиака, вторая пара относится к Рыбам – самому угрюмому знаку переменчивых настроений и одиночества. Конечно же, само по себе положение Солнца в момент рождения указывает только на возможности проявлений тех или иных свойств, приписываемых данному знаку, и вполне возможно, что другие факторы в карте будут указывать на противоположные или балансирующие тенденции развития. Случайно или нет, но в картах Брэгга и Додсона присутствует к тому же и один из наиболее «благоприятных» факторов для развития личности: в момент их рождения Солнце (символизирующее отца, анимуса) находилось в гармоничном взаимоотношении с Луной (символизирующей мать, аниму). Трин Солнце-Луна традиционно отражает возможность гармоничного взаимодействия между мужскими и женскими принципами в жизни человека. (Если же в картах людей наблюдается оппозиция между двумя этими планетами, она отражает возможность противоборства между мужским и женским началами.) Случайно ли это, что в то время, как Овны, Брэгг и Додсон, имеющие гармоничное положение между Солнцем и Луной, считались уравновешенными и гармоничными людьми, Рыбы – Беринг и Эрлих – отмеченные к тому же оппозицией Солнца и Луны, отличались склонностью к депрессии и к саморазрушению? Традиционные подходы к анализу биографий не могут дать ответ, почему для одних людей перенесенные страдания становятся поводом для неврозов, в то время как другие люди относятся к страданиям, как к естественным переживаниям, способствующим трансформации и дальнейшему душевному росту. Для большинства современных исследователей душа человеческая принадлежит к хаотическому миру, где

царит его величество случай. Астрология, по крайней мере, может предложить новые подходы к изучению формирования личности и указать на тенденции ее развития уже в момент рождения человека.

Вернемся к Додсону. 1950-1960 г. стали самыми счастливыми годами в его жизни. В юности он немало настрадался из-за того, что глухота ограничивала его возможности общаться с людьми. С годами он учился преодолевать трудности, постепенно расширяя круг своих интересов. Сначала расширялась его активность в рамках религиозной общины: он читал проповеди, обучал молодежь и публиковал статьи. К началу сороковых годов он уже был одним из руководителей общины, а, начиная с 1941 г. (года, когда Брэгг получил дворянство!) был назначен на пост Председателя Собрания Старейшин. В это время уже появились первые слуховые аппараты, ставшие серьезной подмогой Додсону. Он стал участвовать во многих международных математических и океанографических комиссиях. С 1954 г. Додсон стал финансовым директором комиссии международного комитета по вопросам геодезии и геофизики. В тот же период его избрали почетным лектором Ливерпульского университета.

С 1954 г. до ухода на пенсию в 1966 г. Брэгг был директором Королевского института в Лондоне (пост, который ранее занимал У.Г.Б.) Для него это были самые счастливые годы, когда его репутация как ученого прочно утвердилась. Ни для кого не было секретом, что многие физики ставили под сомнение его способности, так как за исключением первой работы, принесшей ему Нобелевскую премию, все последующие исследования Брэгга не относились к областям интереса большинства физиков. С одной стороны, сомнение вызывал сам факт быстрого успеха Лоренса, принесенный ему как бы счастливой минутой «озарения». С другой стороны, вся последующая работа Брэгга подвергалась критике за его «странные» увлечения кристаллографией и молекулярной биологией, тогда не имевшей якобы никакого отношения к физике. Но уже в 1962 г. взгляды начали меняться, когда Нобелевские премии были присуждены Перуцу и Кендрию за анализ глобулярных протеинов, а также Крику, Уотсону и Уилкинсу за анализ ДНК. Эти работы, принесшие славу Кавендишской лаборатории, стали возможными благодаря личной инициативе Брэгга и его организаторским способностям. Признание молекулярной биологии положило конец всяким сомнениям в таланте Брэгга как руководителя лаборатории.

С 1954 г. Брэгг стал уделять все больше внимания вопросам научного образования. Он часто обращался к непрофессиональной аудитории, особенно к молодежи и школьникам, рассказывая, каким захватывающим и прекрасным может быть поиск истины. В молодости лекторство давалось ему с трудом, к старости же он стал популярным блестящим оратором. С его легкой руки более ста тысяч школьников стали посещать специальные научные лекции для детей. Еще большее число слушателей смогли полюбить науку, прослушав популярный цикл лекций Брэгга по телевидению и радио. Брэгга любили слушать, и он продолжал выступать с лекциями и после своей отставки.

Только ли по странной случайности Беринг и Эрлих уже в 60 лет стали дряхлыми стариками, в то время как Брэгг и Додсон в том же возрасте были в расце-

те сил? По всей видимости, дело тут не в слепом случае, а в различном типе личностей, в разных взглядах на жизнь. Все четверо ученых вышли на поиск истины, но первая пара превыше всего ценила конечный успех и была готова ради конечной цели убить животного или даже ребенка, заразив их какой-нибудь болезнью, чтобы излечить от другой. Другая пара предпочитала наслаждаться самим процессом поиска. Невольно вспоминаются строчки из “Итаки” Константиноса Кавафиса, тоже рожденного в Овне:

Отправляясь на Итаку, молись, чтобы путь был длинным, полным открытий, радости, приключений.

Как бы слушая наставления поэта, Додсон и Брэгг давали своему путешествию растянуться на годы, чтобы достигнуть Итаки в старости, обогащенными опытом странствий. Целью их путешествия стал сам жизненный путь, и от Итаки они уже не ожидали никаких чудес. Успех, слава или деньги не могли для них сравниться с радостью новых открытий. Умение преодолевать трудности и желание поддержать идущих рядом придавали Брэггу и Додсону новые силы на их пути. Вслед за Кавафисом биографии Додсона и Брэгга как бы говорят, что цель была им важна лишь постольку, поскольку она вывела их на дорогу:

Итака тебя привела в движение.

Не будь ее, ты б не пустился в путь.

Больше она дать ничего не может.

Те, кто боготворили цель, пришли к ней истощенными; те, кто шли к цели осторожно, щедро помогая другим путникам, обрели богатство внутреннего мира.

Жизненный путь Брэгга и Додсона длился около 80 лет. (Додсон умер в 1968 г., Брэгг – в 1971 г.) Оба ученых стали зачинателями новых областей науки, и обоим повезло дожить до их признания и расцвета. Некоторым покажется, что просто по счастливой случайности каждый из них обрел свою особую нишу. Но, похоже, что дело не в слепом везении, а в той интеллектуальной смелости, которая помогала Брэггу и Додсону рассмотреть интересные возможности там, где другим виделась лишь пустота.

Заключительную главу своей книги «Развитие рентгеновского анализа», написанную в возрасте 81 года, Брэгг озаглавил одним словом: «Будущее». Описывая огромнейшие трудности расшифровки таких сложных природных структур как волос, мышц или зубов, Брэгг не отчаивался. Неважно, что рентгеновские снимки неясны: «Раз есть информация, мы должны постараться ее понять». Он заключал свою работу и всю свою жизнь призывом к новым начинаниям: «... перед рентгеновскими кристаллографами всегда стояли громадные трудности. В 1920-ых рентгеновские снимки силикатов выглядели невероятно сложными, и казалось, что расшифровать их невозможно; но мы уже знаем сейчас, что это оказалось достаточно просто. В 1930-ых первые снимки кристаллов протеинов пугали: число точек было так велико, что не верилось в какую-либо возможность определить по ним атомные координаты... Нет никакой причины, почему, скажем, через 50 лет мы не достигнем такой же полноты понимания наисложнейших структур, как мы достигли сегодня в понимании силикатов и протеинов».³³

Брэгг начал свою жизнь оптимистом, оптимистом ее и окончил, глядя в будущее и намечая новые проекты. Очевидно, эта черта характера была свойственна и Додсону. На международном конгрессе по истории океанографии (1980) отмечалось редкое умение Додсона глядеть в будущее: Д.Е. Картрайт показывал, что даже 20 лет спустя после отставки Додсона британская океанография продолжала следовать по пути, намеченному Додсоном и Прудманом еще при создании ЛИП.³⁴

Брэгг и Додсон не только любили изучать волновые законы, они еще и любили море. Свет, морская волна и ветер становились для них лучшим лекарством от недугов. Брэгг любил море с детства, любил плавать на лодках, а в конце жизни переехал в сельский домик на берегу моря. Додсон поощрял своих сотрудников не бояться «замочить ноги» в морской воде. Специально для ЛИП он проектировал новую аппаратуру, требующую испытания в условиях моря. Когда же ему было тяжело оправиться от операции, перенесенной в 1954г, он отправился в круиз. Вместе с женой он посетил Касабланку, Гибралтар, Мальту, Кипр и Израиль. По его словам, морское путешествие излечило все болезни.

С самого детства Брэгг и Додсон были первыми учениками в классе и привыкли получать все награды. Это не мешало им всю жизнь оставаться очень скромными и даже неуверенными в себе людьми. Оба всегда находили себе старших наставников, уважительно относились к ним и учились, перенимая их опыт. Оба слыли миролюбивыми людьми, но обоим выпало работать с артиллерией. Они умели с энтузиазмом объяснять свои идеи, как специалистам, так и широкой публике, никогда не говоря свысока ни с детьми, ни с рабочим людом. В их жизни было немало горя и бед, но для них за каждым закатом уже брезжил новый рассвет. Они несли миру свет – и мир отплатил им той же монетой: все биографы и коллеги вспоминали о них с любовью.

Θ-факторные и астрологические комментарии

Брэгг и Додсон особенно отличались своими организаторскими способностями и умением предвидеть будущие пути развития науки. Не раз говорилось, что всегда в нужный момент им либо встречались нужные люди, либо приходили в голову удачные идеи. В чем был секрет их успеха?

Как уже упоминалось ранее, они родились в Овне, и к тому же в момент их рождения Луна во Льве была в гармоничном положении по отношению к Солнцу. Американский астролог Р. Хьюдж, исследовавший все 144 возможных комбинации пар знаков взаимного положения Луны и Солнца, описывает это конкретное сочетание Овна и Льва как особенно «счастливую, динамичную и стимулирующую комбинацию», отражающую энергичность, жизнерадостность и энтузиазм. Далее Хьюдж считает, что такие люди зачастую имеют деловую хватку, и им очень подходят руководящие должности. Более того, благодаря добросердечности, им свойственно «привлекать к себе людей, наполняя жизнь подлинной человечностью».³⁵ Кажется, будто эти слова списаны из биографий Брэгга и Додсона, но Хьюдж уж никак не имел их в виду.

Другой американский астролог, Лундстед, тоже уделяла серьезное внимание взаимному положению Солнца и Луны в момент рождения. Она считала, что гармоничное соотношение между ними свидетельствует о положительном влиянии отца на жизнь ребенка. Когда такой ребенок вырастает, у него хорошие возможности сотрудничества с другими людьми и здоровые отношения с начальством.³⁶ Хикки пошла еще дальше. Она верила, что гармоничное соотношение между Солнцем и Луной соответствует гармонии между родителями в момент зачатия. Дисгармония между родителями в момент зачатия отражается в дисгармонии между Солнцем и Луной в карте ребенка: «Гармония между внутренним и внешним миром следует из гармонии между родителями в момент зачатия. Гармоничная душа не может воплотиться посредством негармоничного союза».³⁷

Возникает вопрос: зная карту новорожденного, может ли астрология предвидеть его судьбу? В физике для того, чтобы узнать будущую траекторию, необходимо знать начальные условия и законы движения во времени. Можно провести аналогию между задачами предсказания приливов, решенными Додсоном, и задачами, стоящими перед астрологами. Сходство наблюдается уже в том, что океанографы занимаются оценками влияния взаимного положения между Луной и Солнцем на уровень морской поверхности. Сегодня нам известны законы гравитации, управляющие приливами. Тем не менее, точный расчет времени прилива и высоты волны в определенном месте невозможны, так как необходимо принимать во внимание такие особенности, как геометрию побережья, наличие подводных течений и круговоротов, глубину моря и температуру воды. Чтобы только приблизительно дать оценку высоте приливов в данном месте, требуется измерять не менее 40 различных параметров! И это еще при спокойном море, не принимая во внимание влияния цунами, ураганов или землетрясений. Иными словами, современная наука не в состоянии однозначно предсказать приливы, потому что неизвестны точные начальные условия и потому что катастрофические явления остаются непредсказуемыми. Тем не менее, такие исследователи, как Додсон, не останавливались перед неимоверными сложностями предсказаний приливов. Ведомые подчас интуитивными догадками, они проводили бесчисленные замеры на протяжении длительных периодов времени, и тогда вблизи от их станций им удавалось делать предсказания с удовлетворительной точностью.

Человеческая жизнь сложнее, чем приливы, и кажется невозможным даже само определение параметров, влияющих на нее. Тем поразительнее успех предсказаний астрологов, основанный только на одном измерении положения Луны и Солнца в момент рождения. Как мы уже видели, примеры биографий Брэгга-Додсона, Галема-Штуффенберга и Беринга-Эрлиха являются яркой иллюстрацией астрологического анализа.

Парадоксальным образом ученые, отрицающие право на существование астрологии как науки, вынуждены будут доказывать, что нет никакой связи между бесчисленными параллелями, сходствами и совпадениями в жизни селестиальных близнецов. Им придется доказывать, что совершенно случайно жизнь произ-

водит на свет спонтанным образом синхронизированные пары двойников. Такой взгляд на жизнь, как на набор случайных, непредсказуемых и не поддающихся изучению процессов, скорее свойственен примитивным культурам, воспринимавшим мир, как набор невзаимодействующих объектов. В противоположность этому подходу, астрология, подобно современным наукам, по крайней мере, пытается обнаружить закономерности в человеческой жизни. Выходит так, что те, кто страшатся астрологии из-за того, что она якобы приводит к потере права выбора в результате слепого преклонения перед «волей звезд», на самом деле ведут нас к слепому экспериментализму. Адепты астрологии в ответ напоминают нам, что великие мыслители-теоретики XVII века полагали, что истину следует познавать не экспериментально, а с помощью интуиции и озарения. Такие «чистые» теоретики считали себя выше экспериментаторов, анатомировавших безвинных животных. Но времена меняются, и качели взаимоотношений между теоретиками и экспериментаторами взлетают и падают, ожидая прийти к уравновешенному состоянию, когда исследователи, подобно Брэггу, сумеют сочетать в своей работе высокоразвитый интеллект с интуитивными озарениями, экспериментальное мастерство с добрым сердцем и человечностью.

Астролог Хикки предлагает людям новое понимание причин их страданий. Если верны ее наблюдения, что «гармоничные души не могут воплотиться посредством негармоничного союза», то тем самым она дает нам не только новые знания, но и новые ключи к принятию решений. Вместо того чтобы постоянно сетовать на горькую долю или на звезды, обделившие нас, она предлагает задуматься над тем, как приводить детей в этот мир с любовью. То, что в любви зачато и вскормлено млеком любви, может любовью питаться, может любовь породить.

Те, кто отрицают психологическую астрологию, как одно из средств тестирования состояния души, будут и дальше завидовать таким «счастливчикам», как Брэгг и Додсон. Те, кто не побоятся пойти путем проверок таких новых областей, как исследование селестиальных близнецов, возможно и столкнутся с колоссальными проблемами, но, по крайней мере, у них будет шанс найти ключ к пониманию духовных законов и к обретению большей свободы воли.

Хочется закончить этот короткий комментарий, перефразируя Брэгга: ясно, что исследование селестиальных близнецов, как и любое исследование судьбы человеческой, связано с невероятными трудностями. Но начало положено. Нет никакой причины, почему через 50 лет наше понимание Θ -фактора не будет таким же полным, как понимание ДНК сегодня.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 31 марта 1890 г: Додсон в Англии, Брэгг – в Австралии.
Образ отца	Сыновья уважали отцов, поощрявших их развитие и подававших им положительный пример.
Раннее детство	Оба мальчика были не по годам развитыми. Оба оставались самыми младшими в классе или в группе.

Селестиальные близнецы

Высшее образование	Оба изучали в университете химию, физику и математику.
1909–1912 гг.	Занятия в английских университетах. Проблемы со здоровьем у обоих не помешали им окончить университет с отличием в 1912 г.
1913 г.	Год первой самостоятельной оригинальной работы, выполненной, однако, под руководством маститых ученых.
1914–1918 гг.	Работа на британскую артиллерию. Каждый из них руководил своим проектом и добился значительных успехов.
1919 г.	Брэгг принял предложения Майерса основать лабораторию кристаллографии в Манчестере; Додсон принял предложение Прудмана основать ЛИП.
1940–1960 гг.	Наиболее счастливые годы признания, плодотворной работы, лекций и участия в международных комитетах по делам науки.
Главные черты характера	Доброта, мужество, чуткость в отношениях, порядочность, чувство юмора, «джентльменство».
Легкая инвалидность	Левая рука Брэгга была искривлена и укорочена в результате перелома. Додсон оглох в молодости. В старости у обоих пришло облегчение – Брэгга прооперировали, а Додсон начал пользоваться слуховыми аппаратами.
Долгая жизнь	Оба прожили около 80 лет, сохраняя бодрость и активность.
Семейная жизнь	Оба считались примерными семьянинами, и их жены были им верными друзьями.

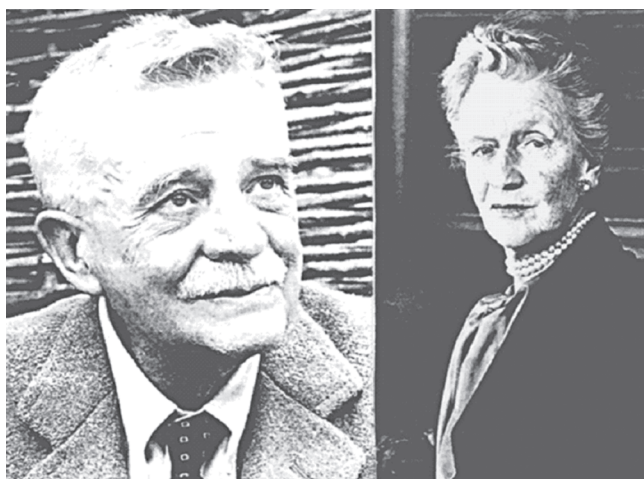
Сноски:

- ¹ Пас – мексиканский поэт, родившийся в Овне.
- ² Например, Dictionary of National Biography (DNB) 1971–1980, pp.77-79; NP; BES, vol. I, pp. 112–113.
- ³ Например, DNB 1961–1970, pp. 302–303; BES, vol. I, p. 235.
- ⁴ D. Phillips, in Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society, vol. XXV, 1979, p. 75 (Далее – Phillips).
- ⁵ J. Proudman in Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society, vol. XIV, 1968, p. 181 (Далее – Proudman).
- ⁶ Hickey, p. 13.
- ⁷ L. Bragg, Advice to Lecturers, An Anthology taken from the writings of Michael Faraday & Lawrence Bragg, GB, Mansell for the Royal Institution, 1974.
- ⁸ Lundsted, p. 65.
- ⁹ Philips, p. 98.
- ¹⁰ Philips, p. 82.

- ¹¹ Philips, p. 79.
- ¹² Lundsted, p. 64.
- ¹³ Philips p. 81.
- ¹⁴ Philips, p. 81.
- ¹⁵ Proudman, p. 189.
- ¹⁶ Proudman, p. 189.
- ¹⁷ $2d \sin \tilde{\epsilon} = n\lambda$
- ¹⁸ Phillips, p. 92.
- ¹⁹ Proudman, p. 204.
- ²⁰ Philips, p. 95.
- ²¹ Philips, p. 95.
- ²² Philips, p. 95.
- ²³ M. Perutz et al., *Is Science Necessary, Essays on Science and Scientists*, London, 1989, p. 198.
- ²⁴ Philips, p. 104.
- ²⁵ Philips, p. 103.
- ²⁶ Philips, p. 110.
- ²⁷ Philips, p. 109.
- ²⁸ M. Perutz et al., *Is Science Necessary, Essays on Science and Scientists*, London, 1989, pp. 193–195.
- ²⁹ Philips, p. 123.
- ³⁰ Proudman, p. 204.
- ³¹ DNB, 1961-1970, p. 302.
- ³² Philips, p. 105.
- ³³ L. Bragg, *The Development of X-ray Analysis*, New York, Dover Publications, 197, p. 262.
- ³⁴ D.E. Cartwright, *The Historical Development of Tidal Science, and the Liverpool Tidal Institute*, in *Oceanography, the past*, ed. Mary Sears, Daniel Merriman, New York, Springer Verlag Inc, 1980, p. 240.
- ³⁵ Robert A. Hughes. *Sun and Moon Polarity in Your Horoscope*, Temple, Ariz., American Federation of Astrologers, 1988, p. 5 (Далее – Hughes).
- ³⁶ Lundsted, p. 111.
- ³⁷ Hickey, p. 206.

ТЕЛЕЦ

Сплетенье судеб: история жизни Уолдорфа и Нэнси Астор

Уолдорф Астор

Нэнси Астор

Глаза, словно неба осеннего свод,
И нет в этом небе огня,
и давит меня это небо и гнет —
вот так она любит меня.

....

Ах, мне бы уйти на дорогу свою,
достоинство молча храня,
Но, старый солдат, я стою, как в строю,
вот так она любит меня.

Булат Окуджава¹

На протяжении длительного исторического периода женщинам отводилась вторичная роль в обществе: они были лишены права на образование; им запрещалось голосовать или быть избранными. Отдельные особенно выдающиеся женщины, отважившиеся проявлять свои творческие или организаторские способности, зачастую подвергались остракизму, преследованиям или нападкам со стороны общества. Возможность женщин добиться славы или успеха в общепринятом «мужском» смысле слова были крайне малы. Таким образом, шансы найти выдающихся селестеальных близнецов среди прекрасной половины человечества крайне низки.

В конце XIX века движение за эмансипацию женщин стало набирать силу в Англии и в США. Первый суфражистский комитет был образован в Манчестере в 1865 г. Уже через два года философ и общественный деятель Джон Стюарт Милл² подал в парламент петицию об уравнивании женских прав. Движение быстро росло и ширилось, но понадобилось больше 50 лет борьбы, пока 17 июня 1917 г. решение об избирательных правах женщин наконец-то было принято Палатой общин, и окончательно утверждено Палатой лордов в феврале 1918 г. Затем последовало решение о праве женщин быть избранными в Палату общин, приведшее к окончательному равноправию.

Первого декабря 1919 г. уроженка США, виконтесса Нэнси Уитчер Астор³ стала первой женщиной в Палате общин. Интересно отметить, что на самом деле первой женщиной, избранной в парламент, была ирландская баронесса Маркевич, но она отказалась принести присягу королю, так и не вступив в парламентскую должность.

Сразу же после избрания Нэнси пришлось почувствовать на себе всю горечь враждебного отношения Палаты общин – считалось, что уже сам факт присутствия женщины в парламенте мог вызвать апоплексический удар у многих консерваторов. Леди Астор понимала, что члены Палаты общин пытались вывести ее из равновесия, чтобы другим кандидаткам неповадно было даже думать о проникновении в эту цитадель мужского общества. Например, Уинстон Черчилль, считавший женщин неполноценными существами, открыто игнорировал Нэнси. Когда она потребовала от него объяснений, он ответил: «Для меня вторжение женщины в Палату общин настолько же вызывающе, как если бы она ворвалась ко мне в ванную, когда у меня не было даже мочалки, чтобы защититься». ⁴

От первой женщины в парламенте требовалось проявить необычайную моральную стойкость, чтобы справляться (по словам Нэнси) с «невыносимым постоянным напряжением». ⁵ Не всем бы удалось парировать циничные нападки и утонченные колкости, отпускаемыми в адрес дамы членами одного из наиболее престижных мужских клубов. Но леди Астор, известная своим юмором и афоризмами, не пыталась добиваться равенства: она твердо верила в женское превосходство и доказывала его не на словах, а на деле.

Из-за ее смелости и решительности биограф Нэнси, К. Сайкс относил ее «к пяти или шести самым знаменитым женщинам мира». ⁶ Возможно, он преувеличил, но, так или иначе, на протяжении полувека Нэнси была одной из наиболее влиятельных политических фигур Англии, оставив глубокий след в политичес-

кой и общественной жизни страны. Современникам она запомнилась своей энергией и остроумием. Она успешно отстаивала права женщин и детей, добившись увеличения срока обязательного обучения в школе. Ее популярности способствовало не только парадоксальное мышление и незаурядные ораторские способности, но также организованный ею престижный политический салон в семейном замке Кливеден, где она принимала знаменитых современников.

Откуда у Нэнси взялись силы сломать тысячелетние шовинистские устои и традиции? В чем был секрет ее головокружительного успеха? Почему эта аристократическая красавица сумела представлять Плимут в парламенте 26 лет подряд, в то время как большинству лейбористских кандидаток, как правило, не удавалось закончить и одного срока? Ответ поразителен: леди Астор не была одинока в своей борьбе, ее во всем наставлял и поддерживал муж, лорд Уолдорф Астор,⁷ принесший Нэнси сказочное богатство, безграничную верность и свое парламентское кресло, да, к тому же, бывший селестиальным близнецом леди Астор! Эта пара жила в счастливом союзе, вырастив пятерых детей. Сплетенье чаяний и стремлений, сплетенье судеб и жизненных дорог превратили их в почти неотделимых сиамских близнецов, совместно трудившихся на благо своей семьи и всего общества.

Как и Нэнси, Уолдорф Астор родился в Америке, где его пра-пра-прадед мультимиллионер Джон Джейкоб Астор разбогател на торговле пушниной. Уолдорф, второй виконт и барон, избранный в Палату общин в 1910 г., был секретарем премьер-министра Ллойд Джорджа. В 1919 г. после смерти отца, он, унаследовав титул, вынужден был перейти в Палату лордов. На освободившееся место в парламенте Уолдорф предложил избрать своего верного соратника – Нэнси. В отличие от других кандидаток, вынужденных самостоятельно искать избирательный округ, и, как правило, оттеснявшихся впоследствии парламентскими интригами, леди Астор пошла по пути продолжения семейного представления интересов округа. Плимутские избиратели поддерживали чету Асторов, обеспечивая Нэнси относительно стабильную политическую карьеру.

Асторы выделялись на политическом горизонте Британии тем, что оба не вписывались в узкие рамки британской аристократии. Обоим хотелось видеть Англию более динамичной, демократичной, свободной от классовых предрассудков. Это отличие от окружения еще больше скрепляло тандем селестиальных близнецов, сплетая их в единое целое. Поистине тут было «сплетенье рук, сплетенье тел», сплетенье душ (даже в своем служении Богу, пара выбрала особый для них путь, став сторонниками культа «Христианской науки»).

Несмотря на ощущение поразительного сходства Асторов, как это всегда бывает и с биологическими близнецами, при более пристальном рассмотрении всплывает немало различий. Но, тем не менее, основные интересы и события в жизни этих героев были настолько синхронизированы, что зачастую их просто невозможно разделить. С другой стороны, поражает контраст Асторов по отношению к любой из предыдущих пар селестиальных близнецов. В этой главе нет ни злоупотребления властью, как у Геринга-Розенберга, ни самопожертвования Галема-Штауффенберга. Темы этой главы отличаются как от лихорадочного поиска Беринга-

Эрлиха, так и от любознательности Брэга-Додсона. Эта глава описывает атмосферу сказочного богатства и неслыханной роскоши. Относясь к наиболее богатым семьям мира, Асторы стояли во главе своей империи финансов, недвижимости и слуг, к тому же владея престижными газетами «Обзервер» и «Полл Молл газетт». Асторы родились в Тельце, традиционно считающимся «денежным знаком зодиака». ⁸ Девизом Тельца являются слова: «Я владею»; «владения и материальные ценности приобретают большую значимость для Тельцов». ⁹ Для Асторов, действительно, их владения были неотъемлемой частью успеха в жизни.

Как правило, трудно решить, похожи ли судьбы двух разных людей. Но в случае Асторов такие затруднения не возникают. Кто мог бы ожидать, что два молодых американца, одновременно рожденных в разных штатах, одновременно взойдут на борт судна, следующего в Англию, случайно там встретятся, влюбятся друг в друга с первого взгляда, поженятся и проработают совместно всю жизнь? Что-то мистическое влекло их друг к другу, чтобы разделить все беды и радости жизни. Даже после смерти их не разлучили, похоронив в общей усыпальнице. Можно ли видеть в этой синхронности только случайность? Если действительно существует закономерность, то из истории Асторов следует, что Θ -фактор одинаково проявляется в женских и мужских судьбах, не делая различия между полами.

Ни Нэнси, ни ее муж не отличались особыми творческими способностями. У них не было ни деловой жилки, ни особых бойцовских качеств. Все их титулы и богатства достались им по наследству. Даже парламентское кресло Нэнси унаследовала от мужа, когда тот унаследовал кресло отца в Палате лордов. В их биографиях нет места обсуждению чувств, мечтаний и идей. Сила Асторов была не в том, кем они «были», а в том, чем они «владели»: богатством, титулами, друзьями, и, что наверно самое важное – друг другом. Для Нэнси было характерным «владеть» всем, чем ей хотелось. Например, когда она захотела «иметь» Лоуренса Аравийского своим другом, она написала ему: «Я очень богата и хочу иметь копию Вашей книги, но я не обещаю прочесть ее». ¹⁰ Точно так же, когда Уолдорф захотел «иметь» Джеймса Гарвина в качестве редактора «Полл Молл газетт», он «характерным для Асторов способом» решил купить «Обзервер», в котором Гарвин тогда работал. ¹¹

Однажды индийский философ Джидду Кришнамурти (тоже родившийся в Тельце) сказал: «Если у меня забрать прошлое, то у меня не будет настоящего. Если у меня забрать воспоминания, то у меня не будет ничего, я стану ничем». ¹² Перефразируя Кришнамурти, можно спросить, стали бы эти сестециальные близнецы чем-то, если бы у них не было наследства? Смогли бы они быть кем-нибудь, не имея ничего? Но у них была их совместная жизнь, и вот ее короткая история.

Они родились 19 мая 1879 г.

Английские аристократы, отличавшиеся снобизмом, смотрели свысока на этих «вульгарных американцев», Нэнси и Уолдорфа. Но в отличие от большинства выходцев из Америки (включая даже отца Уолдорфа), Асторы гордились своим

американским происхождением. Для них Америка оставалась новаторской страной с большим будущим.

Основоположником династии Асторов стал американский магнат Джон Джейкоб Астор, родившийся в 1763 г. в немецком городке Вальдорф. В возрасте 17 лет он эмигрировал в Англию, где его старший брат открыл мастерскую по изготовлению флейт. Но Европа была тесна для этой деятельной натуры, и спустя четыре года Астор переехал за океан, где сделал огромное состояние на торговле пушной, став одним из первых американских миллионеров. Для нескольких поколений американцев Астор стал символом. Рокфеллеры, Вандербилдты, Карнеги и Морганы – всего лишь эпигоны этого финансового гения.

Вильям Уолдорф Астор, отец Уолдорфа, стал первым Астором, вернувшимся в Старый Свет. В детстве он получал частное образование в Европе. В молодости он хотел сделать политическую карьеру: заседал в законодательном собрании штата Нью-Йорк (1878–81 гг.) и был посланником США в Италии (1882–85 гг.). После неудачной попытки быть избранным мэром Нью-Йорка он в 1890 г. переселился в Англию и спустя девять лет принял британское подданство. В Англии Вильям Уолдорф приобрел и отреставрировал два великолепных исторических замка, Хивер в Кенте и Кливеден в Бекингемшире. Чтобы усилить свое влияние на политическую и общественную жизнь страны, он в 1892 г. приобрел «Полл Молл газетт».

Богатство и власть не сделали отца Уолдорфа счастливым человеком. Его причуды и эксцентричные выходки сводили с ума весь дом.¹³ Майкл Астор (сын Уолдорфа) писал о своем властном и доминантном деде: «Вильям Уолдорф не обращал никакого внимания на то, что люди чувствовали или думали о его поведении. Он всегда был сам себе законом».¹⁴ Особенно важным было для Вильяма Уолдорфа пунктуальное соблюдение распорядка дня. Горе тому члену семьи (или любому гостю), кто нарушал режим. Гнев главы семейства обрушивался на них с такой силой, как будто они совершили смертельный грех.

На этом фоне мать Уолдорфа, Мари, оставалась в тени, не заслуживая особенного внимания со стороны биографов Асторов. Мастерс писал, что она скромно посвятила себя семье и мужу. Тем не менее, эта приятная, но несколько «печальная»¹⁵ женщина сумела заслужить симпатию со стороны королевы Виктории и даже получить почетную должность придворной дамы в ее свите. К несчастью, Мари умерла относительно молодой, когда Уолдорф был еще подростком.¹⁶ Она оставила троих сирот: Уолдорфа, Джона Джейкоба и Паулину (еще одна дочь умерла в раннем детстве).

После смерти жены отец Уолдорфа стал еще более угрюмым и эксцентричным. Единственным интересом в его жизни были изысканная еда и дорогие вина. Все трое детей чувствовали себя подавленно. Майкл Астор писал, что детей Вильяма Уолдорфа «растили, инструктировали, но никогда не обучали жизни».¹⁷ Отец никогда не интересовался их мнением, требуя абсолютного повиновения и «правильных» ответов на вопросы. Они росли в удушливой атмосфере тирании, и им всегда приходилось быть настороже в разговорах с отцом.

В чем-то Уолдорф рос полной противоположностью отца, слывя бескорыстным аскетом, или даже «святым».¹⁸ В чем-то другом он унаследовал отцовский

характер – серьезность, упрямство, сильную волю и нестандартность мышления. Подобно отцу, он мог быть суровым и раздражительным. Майкл Астор вспоминал, как однажды он зашел так далеко, что бросил в лицо Вильяму Уолдорфу, что тот, «со своими устарелыми замечаниями может отправляться ко всем чертям».¹⁹ В тот раз еще старик не лишил сына наследства; наверно, все-таки по-своему он любил сынов и готов был отдать им все свое богатство. Однако детям хотелось чего-то, что ему было невозможно им дать – добросердечности. Сайкс впоследствии писал, что детские годы Уолдорфа в отцовском доме были очень тяжелыми: «Авторитет Вильяма Уолдорфа зиждился на грубости и тирании. Его стиль отличался отсутствием воображения. Все это было следствием его собственного одиночества, и в свете такого ограниченного и сурового воспитания можно только удивляться, как детям посчастливилось выжить уравновешенными людьми».²⁰

Это описание преданного, но властного и эксцентричного отца удивительно напоминает описание квадратуры Солнце-Уран (90°), приведенное Лундстед. (Этот аспект является одним из самых сильных аспектов в карте Асторов). Согласно Лундстед, «отец такого человека упорствует в своей эксцентричности». Он может проявлять свою особенность как положительным, так и отрицательным способом, но в любом случае, с ним очень трудно уживаться. В результате, ребенок тоже может проявлять эксцентричность, и отцу «будет тяжело справляться с поведением ребенка».²¹

Было ли это просто совпадением или нет, но и отец Нэнси относился к такому же архетипальному образу Урановского типа, описанному Лундстед. Нэнси родилась в Данвилле (Виржиния) в семье южного джентльмена Чизвелля Дабни Лэнгорна (по прозвищу Чилли), разбогатевшего на прокладке железных дорог. Нэнси была его восьмым ребенком по счету; всего в семье было одиннадцать детей (пять дочерей и три сына; трое детей умерли еще в младенчестве). Чилли был родом из знатной семьи владельцев плантаций. Хотя и не такие сказочно богатые, как Астори, Лэнгорны с XVII века были одним из самых богатых и влиятельных семейств Виржинии. В детстве Чилли привык жить в богатстве и роскоши, но затем гражданская война изменила весь образ жизни. Чилли рос отчаянным, упрямым и вспыльчивым юношей. В 1861 г., не достигнув и 17 лет, он добровольно пошел воевать за идеи Конфедератов, до конца жизни сохраняя враждебное отношение к северным «янки». Для него война окончилась поражением, поместье Лэнгорнов было разрушено, хозяйство разорено, а освобожденные рабы покинули плантации.

В результате войны, Чилли, подобно отцу Уолдорфа, вынужден был отойти от семейных аграрных традиций. Будучи энергичным предпринимателем, наделенным природным обаянием, Чилли преуспевал в торговле пианино, картинами и табаком. В 1879 г. он уже нажил приличное состояние и сумел приобрести для своей семьи дом в Данвилле. Вскоре после рождения Нэнси Чилли окунулся с головой в новое дело – строительство железных дорог. Это было очень рискованным шагом для человека, не имеющего ни большого капитала, ни инженерных познаний. Но Чилли был игроком, и его риск оправдался. В 1885 г. – в год, когда отец Уолдорфа вместе с семьей покинул Рим – отец Нэнси вместе с семьей уехал из Данвилля. В то время, когда Астори приехали в Нью-Йорк в надежде на буду-

ций успех Вильяма Уолдорфа, Лэнгорны, рассчитывая на успех Чилли, перебрались в роскошные апартаменты в Ричмонде и наняли себе штат прислуги. Но обеим семьям недолго пришлось жить на новом месте. Чилли и Вильям Уолдорф переоценили свои возможности, не приняв во внимание, с какой конкуренцией им придется столкнуться. Отцу Уолдорфа пришлось понять, что в предвыборной кампании деньги – это еще не все; денег он затратил много, но выборы проиграл. Отцу Нэнси предстояло потерять все сбережения из-за того, что он не был инженером. Оба главы семейства видели только один выход из положения – опять переезд. Вильям Уолдорф думал перебраться в Англию; Чилли подумывал о Западной Виржинии.

Затем Чилли опять повезло – он нашел постоянную работу. Его наняли, с большим окладом, на административную должность на железной дороге. На сей раз, он был ответственным за кадры, а руководить людьми ему всегда нравилось. Он заработал много денег и перебрался в самый богатый район Ричмонда. Уже в 1892 г. Чилли сумел осуществить давнишнюю мечту – купить огромное поместье в Мирадоре, вблизи Шарлотсвилля. Это поместье олицетворяло материальный успех Лэнгорнов. Зимние месяцы семейство проводило по-прежнему в Ричмонде, но зато на лето они перебирались в свой роскошный особняк, и Нэнси свободно бегала по всей усадьбе.

Из-за постоянных перемен в работе отца Нэнси довелось провести все детство в переездах. За короткий срок она трижды переезжала с квартиры на квартиру в Данвилле и Ричмонде, пока наконец-то семья не перебралась в Мирадор (с зимним домом в Ричмонде). У Уолдорфа были такие же сумбурные годы из-за его отца – сначала маленьким ребенком он приехал в Рим, затем вернулся в Нью-Йорк, и снова переезд в Европу, пока в начале 1890-ых годов Асторы не осели окончательно в замке Хивер, имея альтернативный дом в Лондоне.

С покупкой Мирадора Чилли мог похвастаться и домом, и слугами, и лошадьми, и одним из лучших винных погребов в Виржинии (как и Вильям Уолдорф, он знал толк в винах!) Стараясь во всем подражать английской знати, Чилли устраивал роскошные приемы и охоту верхом на лошадях. Жизнь в Мирадоре Лэнгорнов текла подобно жизни Асторов в Хивере.²² Быть может, это было просто следствием сходства в характерах отцов Нэнси и Уолдорфа. Как и Вильям Уолдорф, Чилли слыл человеком властным, заслужив прозвище «благосклонного тирана». Он единолично властвовал в Мирадоре, устанавливая правила поведения и режим дня всех членов семьи и слуг.²³ От детей требовалось уважать отца и называть его «сэр». Нэнси вспоминала: «Отец был очень суров. Его слово было законом. Он требовал беспрекословного послушания».²⁴ Возражений не допускалось, а на нарушителя немедленно обрушивался отцовский гнев. Чилли никогда не объяснял, за что он сердится на ребенка, и зачастую дети не понимали, почему их наказывают. Похоже, что и в эксцентричности Чилли не уступал Вильяму Уолдорфу. Нэнси так описывала его крайности в поведении: «Иногда он начинал говорить с нами как с взрослыми, и мне это нравилось... Но тут же он мог отшлепать нас и послать в постель за какое-нибудь неудачное замечание, хотя зачастую мы не понимали, за что...»²⁵

Подобно Астору, Чилли хотел вырастить детей примерными христианами. Молитвы и чтение библии были частью ежедневного ритуала. Но религия в доме Лэнгорнов скорее не была источником веры, а всего лишь данью традиции. Жизнь не текла там спокойно в ее многообразии, а подчинялась прихотям отца, далекого от того, чтобы служить примером детям. В результате, даже умеренные требования Чилли воспринимались детьми как очередное унижение. Например, в то время как Чилли настаивал, чтобы его сыновья воздерживались от алкоголя до 20 лет, они не раз становились свидетелями его попок с друзьями.²⁶ В результате, все братья Нэнси считали, что отец просто издевается над ними, запрещая пить, и все они впоследствии страдали от запоев. По всей видимости, Чилли любил детей и желал им добра, но удушливая атмосфера тирании в его доме не способствовала нормальному их развитию. Сайкс писал, что все сыновья Лэнгорнов пострадали от такого воспитания, все трое заболели туберкулезом, и двое из них скончались от этой болезни в ранней молодости. (Интересно, что Уолдорф тоже рос в удушливой атмосфере тирании отца, и он тоже заболел туберкулезом в ранней молодости.) Нэнси и ее сестры тоже пострадали от деспотии отца, хотя им, как девочкам, доставалось меньше, чем братьям. Позднее Нэнси пришла к выводу, что отец не мог совладать со своими собственническими чувствами по отношению к детям, и эта черта характера досталась по наследству и ей самой.²⁷

Во многих отношениях Нэнси росла антиподом Чилли. Ее забота о бедных и обделенных, ее стремление служить на благо общества, религиозность и абстинизм были полной противоположностью отца. Однако Нэнси унаследовала от Чилли не только его деньги, но также его буйный нрав и энергичность, грубость и властность, харизматичность и амбициозность. Подобно Чилли, Нэнси росла необычным и трудным в общении человеком. Пожалуй, эти свойства ее характера, связанные с поведением отца, лучше всего можно охарактеризовать словами Хикки о людях, имеющих квадратуру Солнце-Уран: «своевольные и строптивые».²⁸

Казалось бы, что общего между аристократическим отцом Уолдорфа и провинциальным отцом Нэнси? Но, тем не менее, по отношению к Нэнси и Уолдорфу они вели себя очень похожим образом. «Синхронизация» поведения пронизывала всю их жизнь. Подобно Вильяму Уолдорфу, Чилли рано овдовел и больше никогда не женился. Оба отца приветствовали решение детей пожениться, но ни один из них не сумел присутствовать на свадьбе, потому что каждый из них одновременно (один в Англии, а другой в США) заболели подагрой!²⁹ Оба отца одновременно оставили детей осиротевшими, так как умерли они в один год.

Поразительно и то, что образ матери был таким же туманным и загадочным у Лэнгорнов, как и у Асторов. Биографы отмечают, что мать Нэнси умерла рано, не оставив достоверных свидетельств о своем характере. Как и мать Уолдорфа, Нэнси Уитчер Кин, оставалась в тени своего мужа. Лэнгорны поженились молодыми – жениху было 21 год, а невесте всего лишь 17 лет. Их медовый месяц проходил в походной палатке лагеря Конфедератов в Данвилле, где Чилли служил, а его избранница была медсестрой. Юная миссис Лэнгорн происходила из уважаемого семейства в Виржинии, имела привлекательную внешность, обаяние, веселый и доброжелательный нрав. Она стала преданной женой, но в ее семейной жизни

были подводные течения скрытой борьбы между кричащим своевластием «сильного» мужа и тихой сглаживающей силой «слабой» жены. Нэнси вспоминала: «Очень рано я стала ощущать, что у нее (матери) был более сильный характер. Но у отца была власть. У него был кошелек. Он был раздражительным и безрассудным. Я чувствовала, что если бы у матери были собственные средства, ей бы не приходилось выносить это. Я чувствовала, что мужчины специально ставят женщин в такое положение, чтобы сделать их беспомощными. У них нет самостоятельности. Мне казалось это неправильным...».³⁰

Симпатии Нэнси были на стороне матери, но ее беспомощность отталкивала. Единственным способом защиты матери от невыносимого характера мужа были критические выпады против него; Нэнси видела как мать постоянно «пилила» отца, и это ей было не по душе. Мать умерла всего лишь в 55 лет. Смерть наступила неожиданно и скоропостижно, и причины ее были неясны. Была ли сама безвременная кончина Нэнси-старшей как-то связана с ее постоянными страданиями в семейной жизни? Мать никогда не делилась с дочкой и не оставила никаких записей. Поразительно, но, несмотря на то, что Нэнси было уже 24 года, когда умерла ее мать, нигде в мемуарах она не вспоминала никаких бесед с матерью, и материнский образ описывался только украдкой, как часть отношений с отцом.³¹

Позднее Нэнси говорила, что ей непонятно, как мать жила с таким мужем-шовинистом. С возрастом она все отчетливее ощущала боль, причиненную матерью отцом: «Он боготворил ее (мать), и никогда не смотрел на других женщин, но у него был буйный характер и мужская слабость ожидания от жены умения вести хозяйство за полцены. Мне кажется, он никогда не давал матери достаточно денег на потребности большой семьи, даже тогда, когда денег было в изобилии. Он всегда ожидал от нее чего-то невозможного и сердился, когда у нее это не получалось. Мне кажется, что это странное отношение и привело меня стать убежденной суффражисткой».³²

Сайкс полагал, что нужно было быть очень сильным человеком, чтобы ужиться с Чилли, и что на самом деле Нэнси унаследовала силу воли матери. Но тот же Сайкс не переставал поражаться, как получилось, что характер отца Нэнси выглядит ясным, а образ ее матери остается расплывчатым. Непонятными и противоречивыми были в этом вопросе и мемуары Нэнси. Как, например, относиться к такому предложению: «Мать никогда не хотела иметь детей. Она имела одиннадцать; все были нежеланными, но никто из нас нисколько не страдал по этому поводу».³³ Биографы удивлялись: вроде бы не было никаких свидетельств об отсутствии материнского инстинкта у миссис Лэнгхорн, но и о близости с детьми не было речи.

Матери Асторов умерли молодыми, но все-таки не настолько рано, чтобы взрослые дети не могли их хорошо запомнить. Казалось бы, что оба селестиальных близнеца к этому времени были сложившимися молодыми людьми, способными хорошо запомнить мать. Поразительно, но в их обрывочных воспоминаниях материнский образ остается затененным. Пока биографы не могут найти удовлетворительного ответа на этот вопрос, попробуем обратиться к астрологии. В момент рождения Нэнси и Уолдорфа Луна и Нептун образовывали аспект соеди-

нения (угол между ними был 0°). По Лундстед, при таком аспекте «образ матери настолько затуманен, что ее влияние на ребенка остается смутным и неясным». Более того, анализируя возможные последствия такого материнского поведения, астролог считала, что особенно трудно жить с таким аспектом женщинам, потому что мать не обучает их женственности. Лунстед предвидела, что такая девушка: «...зачастую не обращает внимания, что ее возлюбленный на самом деле безнадежный алкоголик или человек с психическими отклонениями. Она относится к сексу, как к чему-то постыдному, и вследствие этого может привлечь партнера, с которым не сумеет наладить сексуальную жизнь».³⁴ Мы вернемся к этому теоретическому предсказанию позднее, когда Нэнси выйдет замуж в первый раз за безнадёжного алкоголика с нарушенной психикой, с которым она не наладит половую жизнь!

Но прежде, чем перейти к любви, рассмотрим, какое образование получили (вернее, не получили) эти сестриальные близнецы. В детстве Асторы не отличались ни любознательностью Брэга-Додсона, ни мечтательностью Беринга-Эрлиха. Их природная смысленность никогда не получала адекватного развития, и они никогда не обучались академическим дисциплинам, необходимым для интеллектуальных занятий. Даже в период их зрелости в Кливедене было очень мало книг, и они предпочитали приобретать информацию из бесед с гостями.³⁵

Нэнси пошла в местную школу в семь лет. Ее первая учительница слыла религиозной женщиной и хорошим преподавателем. Нэнси любила играть словами, но не могла справиться с таблицей умножения. Ей не сиделось на одном месте, и она не выносила школьную дисциплину. С детства Нэнси отличалась от других девочек, и ей не по душе были «женские» занятия. Ей нужно было все время бегать с мальчишками, играть в бейсбол или в лапту, заниматься спортом. Она вспоминала: «Меня больше всего влекли игры мальчиков, и я гордилась тем, что очень быстро бегала».³⁶ Кроме того, Нэнси обожала лошадей, и в Мирадоре она стала отличной наездницей. Это было совсем непросто, потому что отец приобретал необъезженных годовалых жеребцов, требуя от детей совладать с их необузданным нравом. Все дети Лэнгорнов были обучены верховой езде, но никто не мог сравниться с мастерством Нэнси. Может быть, для других скачка на диких лошадях и показалась бы адом, но для Нэнси из-за конного спорта Мирадор превратился в «рай земной».³⁷

К 17 годам Нэнси уже славилась своей красотой, темпераментностью, находчивостью и редким остроумием. Как и сестры, Нэнси росла в уверенности, что ее предназначение — это удачно выйти замуж. Все пять дочерей Чилли славились своей красотой, и отец ожидал, что они сумеют подыскать себе знатных и богатых мужей. У Нэнси не было отбоя от местных поклонников, но отец, надеясь на лучшую партию для нее в кругах высшего света, отправил дочь обучаться правилам хорошего тона в Нью-Йоркской школе для молодых девиц. Большинство сокурсниц Нэнси принадлежали к чуждому и непонятному для нее миру нью-йоркской знати. Весь образ их жизни был ей не по душе, но особенно Нэнси невзлюбила вечера, проводившиеся на балах или в опере, где женщины соперничали в богатстве нарядов и в блеске украшений. Для девушки-ковбоя такой стиль

жизни был смерти подобен. У родителей не было выхода, и они забрали дочь домой. На этом кончилось формальное образование Нэнси.

Можно предположить, что Нэнси осталась необразованной, потому что в те годы женщины не имели право на высшее образование. Но это не совсем так. Хотя женщины и сталкивались с преградами на пути к учебе, те, кто страстно желал приобрести познания, могли учиться и тогда.³⁸ Но если у Нэнси был хоть какой-то повод к оправданию, то чем можно объяснить тот факт, что образование ее селестиального близнеца не было намного лучше, чем у нее?

Уолдорф покинул Америку еще маленьким ребенком. В Риме частные учителя обучали его языкам, и там он особенно полюбил французский язык. После теплой Италии его ожидал «холодный душ» в Англии, где его определили в интернат для детей знати. По словам Майкла Астора, для Уолдорфа начальная школа превратилась в «мрачное заведение, придуманное не для детей, а для удобства их родителей».³⁹ Процесс воспитания будущего мужчины состоял главным образом из холодных ванн, крикета, футбола и религии, и таким образом почти ничем не отличался от раннего образования Нэнси.

По окончании школы Уолдорфа послали учиться сначала в Итонский колледж, а потом и в Оксфорд. Для его отца образование сына в этих престижных институтах должно было символизировать принадлежность семьи к британской знати. При этом, как и у отца Нэнси, единственной целью отца Уолдорфа было получить посредством сына входной билет в высший свет; само же образование детей не очень-то интересовало ни Чилли, ни Вильяма Уолдорфа, ни самих селестиальных близнецов. Как и для многих его сверстников, университет для Уолдорфа не являлся местом приобретения интеллектуального багажа или развития мыслительных способностей, а скорее институтом воспитания характера. Основное ударение делалось на спорт и на командные игры. Студенческие дни Уолдорфа протекали между поло, греблей, фехтованием и охотой. К тому же юноша очень полюбил лошадей, уже в Оксфорде положив начало своему будущему конному заводу. Впоследствии его чистокровные лошади прославились на всю Англию.⁴⁰ Спорт отнимал почти все время, так что больше ни на что уже сил не было. В 1902 г. Уолдорф еле-еле смог получить диплом отделения современной истории, но зато за ним прочно укрепилась слава первоклассного спортсмена и джентльмена. Он приобрел все необходимые качества для британского аристократа: прямолинейность характера, смелость и сдержанность.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на разницу между полами и, несмотря на культурные различия между Британией и США, образование Нэнси и Уолдорфа сводилось главным образом к спортивным играм и к конному делу. Обоих учили больше действовать, чем думать. Оба оставались неподготовленными к взрослой самостоятельной жизни.

Нэнси не пришлось долго ждать первых несчастий. Трагедия пришла к ней под маской любви. По возвращении из Нью-Йорка девушка имела массу времени для спорта и развлечений. Однажды на матче в поло ей приглянулся очень красивый игрок. Его звали Роберт Шоу; он был отпрыском уважаемого семейства из Вирджинии. Богатый и разбитной юноша не отличался большим умом, но у него

был общительный характер. Любовь оказалась взаимной, хотя впоследствии Нэнси говорила, что уже с самого начала она сомневалась в глубине своих чувств. В поведении Роберта былистораживающие признаки, но Нэнси приписывала их влиянию тогдашнего богатого нью-йоркского образа жизни. То, что Нэнси не хотела замечать в возлюбленном – это склонность к алкоголизму и к неврозам, позднее объясненную длительной историей психических заболеваний в семье Роберта. Нэнси поняла это позже, а пока, в 18 лет, ей хотелось поскорее сыграть свадьбу. Церемония состоялась в Мирадоре в октябре 1897 г. Этот скоропалительный брак был предречен на немедленный разрыв: уже на вторую ночь медового месяца невеста в панике бежала из дома жениха. Считается, что причина ее быстрого разочарования в первой любви таилась в сексе. В отличие от Роберта, Нэнси секс виделся чуть ли не священным ритуалом, предназначенным для сотворения новой жизни; ласки мужа, в которых с ее точки зрения не было ничего, кроме похоти, шокировали молодую женщину.⁴¹

Этот брак кое-как протянулся до 1901 г. Нэнси часто убегала из дому, но каждый раз чувство долга возвращало ее к законному мужу. Роберт все сильнее пил и требовал от нее супружеской близости. Против своего желания Нэнси забеременела и родила первого сына Бобби.⁴² Страданиям Нэнси пришел конец, когда выяснилось, что Роберт тайно женился на другой женщине. Адвокаты Лэнгорнов сумели тихо провести бракоразводный процесс, и Нэнси вновь обрела свободу. Так абстрактный астрологический анализ Лундстедтполностью реализовался в конкретной судьбе Нэнси: она не имела понятия о земной любви, не представляла себе, что такое женственность, и выбрала себе самого неподходящего партнера.

С детства Нэнси периодически имела нервные срывы, а уж после такого испытания ее нервная система и вовсе была истощена. Чилли, беспокоясь за здоровье дочери, послал ее на короткий отдых в Англию. Первое путешествие в 1903 г. несколько подняло ее дух, но вскоре после возвращения домой скончалась миссис Лэнгорн. Это было таким тяжелым ударом, что Нэнси писала: «Я никогда не могла себе представить такую боль и горе. Свет ушел из моей жизни. Несколько месяцев я была полностью разбита, болея непонятными болезнями».⁴³ Весь последующий год Нэнси влачила жалкое существование, апатично пытаясь поддерживать домашнее хозяйство в отцовском доме. Чилли понял, что так больше нельзя, и в апреле 1905 г. решил вылечить дочь своим методом: послать ее на охотничий сезон в Англию. К Нэнси постепенно начали возвращаться силы, и двое английских аристократов даже сделали ей официальное предложение. Нэнси не спешила с ответом, решив вернуться в Мирадор и спокойно обдумать планы на будущее. Через пару месяцев, в декабре, она уже снова плыла в Англию, чтобы принять участие в новом охотничьем сезоне. Пришло ее время встретиться со своим сестинальным близнецом, тоже созревшим для этой встречи.

Мы оставили Уолдорфа в 1902 г., когда он окончил Оксфорд. У него было лишь смутное представление, чего он хочет от жизни, но он знал, что рано или поздно его ждет Палата общин. Тем временем ему нужно было найти себе подходящую пару и создать семью. Жизнь молодого аристократа заполнилась охотой, спортом, рыбалкой. Но эта идиллия длилась недолго. Еще в Оксфорде у Уолдор-

фа возникли проблемы с сердцем, и ему пришлось отказаться от гребли. Болезнь быстро прогрессировала, и к 1905 г. врачи потребовали от Астора отказаться от любой физической нагрузки, включая даже охоту и поло. Но здоровье все ухудшалось, и диагноз туберкулеза в сочетании с сердечной недостаточностью не давал повода к надеждам на улучшение. Похоже, однако, что состояние Уолдорфа вызывалась не столько его «слабым» сердцем, сколько его «разбитым» сердцем. Похоже, что не только Нэнси, но и Уолдорфа влекло к неподходящим партнерам.⁴⁴

Первой любовью Уолдорфа стала внучка королевы Виктории, принцесса Мария, выданная замуж за наследника Румынского престола, принца Фердинанда. Отец Уолдорфа поддерживал дружеские отношения с королем и королевой Румынии; он часто гостил у них при дворе, и всегда брал с собой сына. Там Уолдорф познакомился с принцессой и узнал о ее горькой судьбе. В 18 лет королевский дом заставил Марию вступить в брак из политических соображений. Ее муж был влюблен в другую женщину, и жизнь когда-то веселой принцессы приняла трагический поворот. Мария была всего лишь на четыре года старше Уолдорфа, между молодыми людьми завязалась дружба, вскоре перешедшая во взаимную любовь. Но годы шли, и Уолдорф начинал понимать, что у него нет никакой возможности жениться на любимой женщине. Его сердце разрывалось на части, а его здоровье катастрофически сдавало.

В 1905 г. Уолдорф решил, что для поправки душевного и физического состояния, ему стоило бы совершить короткое путешествие в Америку. По странной прихоти судьбы он возвращался домой из Нью-Йорка на том же корабле, на котором его селестиальный близнец Нэнси плыла в Англию! Уолдорф все еще не оправился от болезней и тоски, Нэнси все еще не оправилась от своих душевных и физических страданий. Но... Уолдорф влюбился с первого взгляда,⁴⁵ а Нэнси непреодолимо влекло к Уолдорфу.⁴⁶ Это была волшебная встреча, события развивались со стремительной скоростью, и мимолетное увлечение на глазах перерастало в преданную любовь. Свадьба состоялась 3 мая 1906 г.

Они прожили вместе больше 40 лет, пока смерть не разлучила их. В их семейной жизни были взлеты и падения, ссоры и примирения, разлуки и встречи, но оба хранили супружескую верность, не заводя никаких побочных романов. Жить с Нэнси было непросто: ее любовь была требовательной и властной, а характер вспыльчивым и непредсказуемым. Но, казалось, будто Уолдорф только еще сильнее любил жену за ее безжалостность, и уж совсем привязывался к ней за ее доброту. Много было написано о кажущихся контрастах между Асторами, но все соглашались с Коккетом, что «в 1906 г. Уолдорф и Нэнси идеально дополняли друг друга».⁴⁷ А Мастерс добавлял: «Они были идеальной парой».⁴⁸ Свадьба открыла новую страницу в жизни этих селестиальных близнецов. Для Уолдорфа это было началом политической карьеры; для Нэнси началом ее легендарной славы.

Медовый месяц молодые провели в Тироле. Впервые за долгое время они были счастливы. Их служанка Роуз вспоминала: «Нэнси здорово повезло познакомиться и выйти замуж за его превосходительство, настоящего джентльмена, доброго мужа и одного из самых богатых людей в мире. С первых дней их совместной жизни он засыпал ее подарками и любовью. Он баловал ее, как только

мог».⁴⁹ Но и Уолдорфу повезло не меньше, чем Нэнси. Его молодая жена любила ухаживать за больными и поддерживать в беде. Она увлекала сдержанного Уолдорфа своими утопическими мечтаниями, стараясь как можно быстрее вывести его из болезненного состояния. Без энергичности Нэнси ему бы никогда не преуспеть на политическом поприще. До встречи Нэнси и Уолдорф были больными людьми, неспособными ни к какой работе. Но, как замечала Нэнси, «во многом их черты характера дополняли друг друга»,⁵⁰ и вместе они становились единым целым, превращаясь в эффективный тандем.

Это мистическое чувство единства отмечалось позднее и Сайксом, писавшим, что Асторов связывал очень редкий тип взаимоотношений, при котором каждый из партнеров в равной степени нуждался друг в друге, достигая почти идеального психологического баланса.⁵¹ По его мнению, не будь Уолдорфа, импульсивная «недисциплинированная Нэнси попросту бы растратила свои таланты, не сумев сфокусировать их на единой цели», а не будь Нэнси, Уолдорф «все больше бы развивал в себе отталкивающие пуританские качества, становясь сухой и антипатичной личностью».⁵² Практически невозможно разделить и оценить личный взнос каждого из партнеров этого союза в дальнейшую жизнь и деятельность этой пары. То, что не было под силу одному, он (или она) могли пережить, испытать или осуществить посредством другого. И это делало каждого из них более цельным и более счастливым. Сайкс описывал, как Уолдорф доставлял счастье Нэнси: «Реальность счастья Нэнси в браке с Уолдорфом Астором несомненна. Нэнси не вышла замуж из-за влюбленности в обычном смысле этого слова. Она не вышла за него замуж так же, как она чуть не выскочила замуж за лорда Ревельстока или как она выскочила замуж за Роберта Шоу, потеряв голову от избытка чувств. Но это и не был брак по расчету; она не была расчетливым человеком. ... С моей точки зрения, принятой и наиболее близкими к Нэнси людьми, между ней и ее мужем была глубокая связь взаимной зависимости».⁵³

Эта потребность друг в друге проявлялась не только в чувствах и в мыслях, но и во взаимном физическом влечении. Считалось, что залогом этого счастливого союза было то, что Уолдорф стал «единственным мужчиной, с которым Нэнси не боялась вступать в половые отношения».⁵⁴ Казалось, что в Уолдорфе Нэнси нашла отражение собственного отношения к сексу, и Роуз писала: «Оба они не любили упоминания о сексе и не допускали в своем присутствии даже наиболее остроумных или целомудренных высказываний на эту тему. Любой гость, переходивший границу того, что было дозволенно в их понимании, никогда больше не приглашался в их дом».⁵⁵

Чувство близости и взаимного доверия между Асторами были настолько сильны, что казалось, будто они созданы друг для друга. Другим эта пара казалась странной. Их супружеская верность и пуританство, не допускавший даже шуток о сексе, особенно выделялись на фоне фривольного поведения знати тех лет. Их знакомым и биографам трудно было понять корни этого отличия. С астрологической точки зрения, эта видимая «странность» превращается в «норму», потому что оба Астора, имея аспект соединения между Луной и Нептуном, согласно Лундстед должны были иметь некоторые затруднения в выражении любви на сексу-

альном уровне.⁵⁶ Оба партнера уже успели столкнуться с разрушительной стороной этого аспекта в их первой любви. Но в психологической астрологии нет ни благославлений, ни проклятий, и любая беда может обернуться счастьем, если только правильно повести себя. Так и соединение Луны с Нептуном несет в себе созидательные возможности, наделяя людей «значительными способностями к целительству».⁵⁷ Если первые приступы безумной страсти привели Нэнси и Уолдорфа к болезням, то их взаимная любовь и брак привели к развитию целительских наклонностей, позволяя помочь друг другу как залечить эмоциональные травмы, так и восстановить здоровье.

В первый год после свадьбы Уолдорф намеревался вести праздный аристократический образ жизни, но Нэнси и не думала оставаться женой богатого инвалида. Не сомневаясь в скором выздоровлении Уолдорфа, она уговаривала его баллотироваться в Палату общин.⁵⁸ Ее энергии хватало на двоих. Когда излишний рационализм мешал Уолдорфу вступить на этот трудный путь, Нэнси импульсивно и даже агрессивно «давила» на мужа. Он не очень убедительно сопротивлялся, обвиняя ее в отсутствии логики, но внутренне соглашаясь с неоспоримой правдой ее интуиции. По всей видимости, ее далеко идущие планы на самом деле соответствовали и его планам, и их споры отражали лишь обычный спор внутренних голосов каждого из нас, когда мы взвешиваем все «за» и «против». Так или иначе, tandem решился направить свои усилия на получение парламентского кресла.

Асторы строили карьеру постепенно, начиная с преобразования собственного дома в маленькое королевство. В качестве свадебного подарка от Вильяма Уолдорфа они получили восхитительный замок Кливеден, построенный на берегу Темзы еще в 1850 г. Это поместье было одним из самых больших во всей Англии, и его обслуживало более 20 слуг, и не менее 40 садовников. Пока владельцем Кливедена был Вильям Уолдорф, замок предназначался для его уединения от мира. Новые владельцы решили все изменить, превратив свой дом в один из самых популярных элитарных салонов страны.

Уолдорф с увлечением окупнулся в создание конного завода, прославившегося на всю страну и приносившего ему радость до конца жизни.⁵⁹ Нэнси занялась своим любимым делом – организацией приемов. Провести конец недели в Кливедене стало признаком хорошего тона для многих известных политиков, журналистов и профессоров. Одним из секретов такого успеха было предоставление гостям полной свободы. В отличие от Чилли и Вильяма Уолдорфа, молодая чета не настаивала на жестком регламенте. За исключением трапез, гости предоставлялись самим себе. Нэнси делилась тайнами успешного гостеприимства: «В Кливедене было много развлечений. Мои гости могли наслаждаться прогулками, беседами с другими гостями, чтением, верховой ездой, игрой в теннис. Моим правилом было не появляться до обеда и никогда не мешать им. Таким способом я заполучала умных гостей типа Джеймса Артура Бальфура».⁶⁰ Позднее Нэнси таким же образом «заполучила» одного из своих лучших друзей, Джорджа Бернарда Шоу. Шоу полюбил приезжать в Кливеден, потому что там, в пасторальной атмосфере, ему спокойно писалось. Другой постоянный гость Асторов, Уолтер Эллиот, описывал типичную атмосферу этого салона в 20-ых годах: «Как-то сама

по себе вечеринка расходилась, преобразовывалась, разделялась и вновь сходилась, переходя в обед. Там можно было встретить кого угодно – Генри Форда, королеву Румынии, Чарльза Меллона, Джима Томаса, Филиппа Лотена, Бернарда Шоу, Тома Джонса, Идит Литтлтон, Артура Бальфура, генералов, ученых, поклонников «Христианской науки», родственников и протеже, американских сенаторов, трезвых и пьяных». ⁶¹

Всего лишь за два года совместной жизни Асторы успели создать эксклюзивный салон, у них родился первый сын, Вильям Уолдорф (1907 г.), а консерваторы Плимута предложили выдвинуть Уолдорфа в парламент. Молодая чета взялась за предвыборную кампанию так же серьезно, как и за обустройство Кливедена. Прежде всего, они купили дом в Плимуте и большую часть времени проводили там. Нэнси пригодился накопленный ею опыт в организации салона, и она сумела быстро освоиться в Плимуте, задавая тон в общественной, религиозной и политической жизни города. Наконец-то у обоих появились призвание и цель в жизни. Уолдорф проявлял незаурядные способности в общественной работе, и его шансы на успех быстро росли. Нэнси вела кампанию Уолдорфа, как свою собственную. Без усталости она ходила от двери к двери, представляясь: «Меня зовут миссис Астор. Мой муж баллотируется в парламент. Готовы ли вы голосовать за него?» ⁶² Так она обошла более двадцати тысячи домов! Нэнси умела располагать к себе. Близко принимая к сердцу проблемы горожан, она находила общий язык, как с простым человеком, так и со знатным. Уолдорфу повезло иметь рядом своего сестимильного близнеца Нэнси, и вместе эта супружеская пара постепенно завоевывала доверие Плимута.

Несмотря на все усилия, выборы в январе 1910 г. еще не принесли желаемого успеха. Для Уолдорфа напряжение оказалось непосильным, вызвав обострение туберкулеза. Врачи настаивали на лечении в шотландском санатории. Что было делать Нэнси с двумя малышами на руках (Филлис родилась в марте 1909 г.)? Многие матери предпочли бы в такой ситуации остаться с детьми, но у Нэнси сомнений не было: не боясь заразиться, она последовала за мужем. Очевидно, для сестимильных близнецов важнее всего было их общее дело и общая судьба. Совместные прогулки на морозе, и ночи, проведенные вместе на открытом балконе, излечили Уолдорфа. Ко дню выборов чета вернулась в Плимут, но для избрания в тот раз им не хватило всего 300 голосов. Поборов совместными усилиями смертельную болезнь, Асторы научились не падать духом, и уже в декабре того же года Уолдорф был избран членом Палаты общин.

1911 г. принес паре успех и популярность. Уолдорф отличался в парламенте своим независимым характером, выработав характерный для него политический стиль и заслужив особую похвалу короля Эдуарда VII. С самого начала политической деятельности Астор не любил театральных эффектов в парламенте, предпочитая заниматься закулисной работой. Он сблизился с группой «Круглого стола», во главе которой стоял лорд Мильнер. Члены этой группы часто собирались в Кливедене, где Нэнси присоединялась к их дискуссиям. Единомышленники Уолдорфа становились друзьями его жены, а дружба Асторов с Филиппом Керром (впоследствии лордом Лотианом) продлилась всю жизнь.

И снова селестиальным близнецам пришлось столкнуться с болезнями. На сей раз заболела Нэнси. Операция желудка не принесла желаемого облегчения, и врачи настаивали на повторной операции. У Нэнси крепла уверенность, что в ее случае традиционная медицина бессильна. Так начался поиск душевной трансформации, который завершился открытием духовных сил и присоединением к культу «Христианской науки»⁶³ в 1916 г. Отказываясь от операции, Нэнси с рвением неопита проповедовала новые идеи и убеждала Уолдорфа поддержать ее. В тот период ей еще не удалось уговорить мужа, сомневавшегося в способности религии спасти жену. Нэнси успешно прошла повторную операцию, приписывая полное излечение своей новой вере. Трудно сказать, какую роль сыграла новая вера в той конкретной ситуации, но доподлинно известно, что больше никогда в жизни Нэнси не прибегала к помощи врачей. Роуз подтверждала, что «с тех пор, как Нэнси приняла «Христианскую науку», она никогда больше не болела».⁶⁴ Позднее Нэнси убедила Уолдорфа последовать ее примеру, и оба решили лечиться исключительно при помощи силы духа.

Не раз Асторов критиковали за этот «иррациональный» выбор. Многие считали даже, что новая религия сделала Нэнси совершенно нетерпимой к политическим взглядам противников. Если раньше Нэнси считалась человеком добрым, то теперь она все больше становилась закосинелой в своих убеждениях. Порой она даже доходила до жестокости, ругая Уолдорфа за его болезни и обвиняя в недостатке веры. Так с годами в характере Нэнси все сильнее проявлялись характерные черты Уолдорфа – догматизм и пуританство. Похожие характеры селестиальных близнецов приводили и к одинаковым результатам – оба до конца жизни следовали принципам «Христианской науки».

В начале первой мировой войны Асторов отвели Кливеден под госпиталь. Уолдорф собирал средства для пострадавших, а Нэнси работала медсестрой. На все у них хватало сил – и на дом, и на политику, и на уход за ранеными. Кроме того, Нэнси ждала четвертого ребенка (Майкл Астор родился в 1916 г.), а Уолдорф к этому времени уже владел «Обзервером» и «Полл Молл газетт». В этот период долгая история болезней этих селестиальных близнецов защитила семью от войны. Уолдорф, в отличие от большинства своих друзей, по состоянию здоровья не был мобилизован, и таким образом, ни он, ни Нэнси не принимали непосредственного участия в войне. (Мы уже видели, что ни инвалидность, ни убеждения Брэгга-Додсона не спасли их от судьбы службы в артиллерии. Тут же картина другая. Уолдорф хотел идти на фронт, но вынужден был разделить судьбу Нэнси, оставшись дома.)

После окончания войны жизнь Асторов резко изменилась. Еще в 1916 г. отец Уолдорфа согласился принять титул виконта и войти в Палату лордов. Асторам это было очень некстати, потому что титул переходил по наследству, а это означало, что в случае смерти отца, сын должен был оставить политическую карьеру, чтобы занять освободившееся кресло отца. Молодые пытались отговорить Вильяма Уолдорфа, но это только разгневало его настолько, что он лишил их наследства, переведя все деньги внукам. Смерть отца наступила слишком рано, в 1919 г. Для Асторов шок был двойным – и потеря отца, и потеря карьеры. После безус-

пешной попытки отказаться от титула, Уолдорф вынужден был перейти в Палату лордов. Единственной надеждой четы не потерять свое положение в Плимуте стало принятие закона о праве женщин баллотироваться в парламент. Пошли слухи, что новоявленная виконтесса Астор готова взять на себя обязанности мужа. Нэнси не реагировала на них до октября 1919 г., пока Плимутские консерваторы не обратились к ней с официальной просьбой представлять их в парламенте. В отличие от других претенденток на парламентское кресло, не она искала себе избирательный округ, а избиратели искали ее. Нэнси выдвигалась не потому, что была борцом за женские права, а потому что избиратели были довольны работой этой четы. Нэнси уже была готова к столь привычной для нее к тому времени должности и чувствовала уверенность в своих силах заменить своего сестелиального близнеца. Неважно, кто непосредственно должен был сидеть в парламенте; так или иначе, работали они вдвоем. После четырехдневного размышления, мать шестерых детей и хозяйка Кливедена объявила о решении вступить в предвыборную кампанию.

Ее ждала блестящая победа на выборах и самый долгий срок представления в парламенте за всю историю Плимута. За четверть века она одержала шесть побед, выигрывая их с большим разрывом. Ее популярность была высока, и ей удалось добиться немало социальных реформ в таких важных вопросах, как в защите прав детей или в борьбе с венерическими заболеваниями и сутенерством. Нэнси нажила и немало врагов, главным образом из-за отсутствия такта и ковбойской прямолинейности. Во многом Уолдорф должен был сдерживать и направлять жену.

Самыми продуктивными годами Нэнси в парламенте стали ее первые годы, когда они с Уолдорфом во всем работали на пару. Можно проиллюстрировать совместный стиль работы Асторов на примере описания их поездки в Америку в 1922 г., когда Уолдорф был сценаристом, продюсером и постановщиком выступлений Нэнси, а она была звездой на политической арене. В эти дни Уолдорф писал в дневнике: «Я чувствую себя одновременно импресарио, секретарем, менеджером и советником примадонны, кабинета министров и цирка, всех в одном лице».⁶⁵ Визит Асторов проходил в напряженной атмосфере, создавшейся между США и Англией вследствие очень неудачного визита жены бывшего премьер-министра Англии, Асквита. Марго Асквит была незнакома с жизнью американского общества, и ее безграмотность внесла разлад в отношения между двумя странами. Задачей Асторов было загладить промахи, сделанные миссис Асквит. Как обычно, Уолдорф писал для Нэнси тексты выступлений, только в лихорадочном ритме визита, ему было еще труднее, чем обычно. Он жаловался дневнику: «К сожалению, чаще всего, особенно, когда нас торопят, Н. настаивает на опробовании разных методов подготовки, на изменении систем записи, требуя угнаться за ее скачущими мыслями. Задача помогать ей в таких условиях могла бы превратить черные завитушки негра в тонкие прямые волосы альбиноса».⁶⁶ В течение семи недель Асторы объездили всю Америку. Особенно теплый прием ожидал их в Виржинии. Люди буквально плакали и смеялись, засыпая почетных гостей цветами. И хоть Уолдорф не родился в Данвилле, ему доставалось не меньше почестей, чем его сестелиальному близнецу. Под музыку местного оркестра чете Асто-

ров были вручены золотые ключи от города, и обоих проводили до дома, в котором Нэнси родилась. Это событие – торжественное возвращение домой по сценарию, написанному ее селестиальным близнецом – стало кульминацией карьеры леди Астор. Несомненно, визит Асторов завершился успехом, укрепив взаимопонимание между обеими странами.

В 1923 г. Нэнси добилась весомого успеха, проведя в парламенте свой частный законопроект. И, как это было обычно, инициатором проекта была Нэнси, а его архитектором стал Уолдорф.⁶⁷ Нэнси мечтала о запрете продажи спиртных напитков, но в Англии эта идея никогда не пользовалась популярностью. Будучи убежденным противником алкоголя, Уолдорф поддерживал жену, но, в отличие от нее, он опасался, как бы не испортить ей политическую карьеру. Поэтому он предложил Нэнси более умеренные шаги – ограничиться запретом продажи алкоголя детям до 18 лет. Нэнси пришлось согласиться, что это максимальное требование, которое можно было обсуждать в парламенте. Но и этот законопроект был встречен бурей протестов в Палате общин, и только благодаря тщательным ответам, заранее подготовленным дома Уолдорфом, Нэнси удавалось отбить все нападки. Астори сумели провести законопроект в парламенте, а потом Уолдорф проследил, чтобы он прошел в Палате лордов и превратился в закон.

В тридцатых годах тандем продолжал успешно сотрудничать в совместных проектах. Например, Нэнси увлеклась идеей новаторских школ Маргарет Макмиллан. Она сумела добиться поддержки парламента, Уолдорф приобрел земли для школ, и вскоре состоялось торжественное открытие колледжа.⁶⁸

Когда говорят о различиях между Асторами, Нэнси зачастую вспоминают как яркую индивидуалистку, находящуюся в свете прожекторов, а Уолдорфа как закулисного советника. Но была ли существенная разница в характерах этих селестиальных близнецов? Оказывается, Уолдорф был не только постоянным политическим советником жены. Хотя, как правило, он предпочитал держаться в тени, все же и ему приходилось часто выступать на политической арене. В качестве члена Королевского института международных отношений он был британским делегатом на Ассамблее 1931 г. Всегда интересуясь сельским хозяйством, Уолдорф с 1935 г. занимал должность председателя объединенной комиссии Лиги Наций по вопросам сельского хозяйства, экономики и здоровья. Да и в качестве владельца крупнейших британских газет, ему не раз приходилось фигурировать главным героем политических драм. С другой стороны, Нэнси не была уж такой индивидуалисткой, предпочитая, как и Уолдорф, работать с друзьями. В парламентских вопросах она, как правило, шагу не ступала без советов мужа и лорда Лотиана. Их совместный успех зачастую приписывался способностям Нэнси, но, с другой стороны, за их промахи больше всего приходилось расплачиваться тоже ей.

Одной из таких ошибок, нанесших тяжелый удар по карьере Нэнси, стала фраза в «Кто есть кто», представлявшая ее как «вдову покойного Роберта Шоу».⁶⁹ Нэнси в то время выступала активной противницей разводов, и такая дезинформация (поданная без согласия Нэнси) служила отличным оружием ее противникам. Другой тяжелой ошибкой стало согласие Асторов сопровождать Бернарда

Шоу в СССР в 1931 г. Сталину не удалось ничего скрыть от проницательных глаз Нэнси,⁷⁰ но Шоу вернулся домой поклонником советского режима. В результате, на чету Асторов обрушилась волна резкой критики за участие в этой поездке. Сильнее всех звучал ироничный голос Черчилля, высмеивавший политическую слепоту Нэнси. И как всегда – решение принять участие в поездке принималось обоими супругами, а критика за ошибки обрушивалась на Нэнси.

Некоторые биографы пытаются подчеркнуть разницу между рациональностью Уолдорфа и эмоциональностью Нэнси, ссылаясь на то, что карьера Нэнси носила саморазрушительный характер из-за ее импульсивности. Очевидно, такая картина была бы слишком упрощенной. Ведь это факт, что Нэнси при всей своей «женской импульсивности» смогла продержаться в парламенте дольше любого «сдержанного мужчины». Такие биографы закрывают глаза на то, что истинный спад популярности Нэнси произошел в конце тридцатых годов вследствие политической ошибки, допущенной обоими Асторами. Скандал разразился, когда газеты объявили Кливеден центром пронацистских интриг, а политическую группировку, собиравшуюся там – «Кливеденским заговором». Члены этой группы – такие известные политики, как Чемберлен, Лотиан и Асторы – считали, что предотвратить надвигающуюся войну можно только путем восстановления экономики Германии и выплаты ей возмещения за урон, нанесенный Версальскими соглашениями. За это их обвинили в желании достигнуть мира любой ценой.⁷¹

Трудно обвинять Асторов в симпатии к нацистам. Нэнси никогда не скрывала своего отвращения к Гитлеру, и за это была одной из первых внесена в его черный список. Но в политической борьбе все средства хороши, и парламентские противники леди Астор не стеснялись в выражениях. Гарольд Никольсон писал, что Нэнси «храбро сражается за Гитлера и Муссолини».⁷² Его слова долетели за океан, воодушевив Эптона Синклера напечатать в 1939 г. статью «Предатели среди нас». Обвинение в предательстве задело Нэнси до глубины души. Асторы послали резкое опровержение, отрицая наличие каких-либо симпатий к Гитлеру. Совместными усилиями Асторов и Лотиана удалось развеять слухи о заговоре, но урон, нанесенный политической карьере Нэнси, был непоправим. Можно считать, что после этих событий Нэнси утратила значимость в британском истеблишменте. Асторы совместно стали как архитекторами, так и разрушителями своей славы.

Тем не менее, дома в Плимуте их популярность не пострадала. Со времен первой мировой войны чета Асторов заслужила любовь и признательность горожан. Оба они постоянно заботились о благосостоянии города, жертвуя деньги на школы, институты, общежития и спортивные площадки. На церемонии открытия дворца культуры имени Астора Шоу говорил: «я всегда поражался преданности Плимуту моих друзей, лорда и леди Астор, потому что мне никогда не было понятно, чем жители города заслужили такое отношение. Мне даже кажется, что многие жители с негодованием воспринимают такую заботу. Очевидно, лорду Астору придется расплачиваться за последствия своей благотворительности. Я уверен, что через пару лет он станет самым непопулярным человеком на юго-западе Англии».⁷³ Предсказание Шоу не сбылось. Асторов настолько любили в

Плимуте, что когда нагрянула вторая мировая война, Уолдорфа сразу же попросили стать мэром города. В час большой беды лорд Астор сумел проявить себя истинным лидером. Лорд и леди Астор проявляли безграничное мужество, поддержку, такт и умение поддержать людей в беде.

В 1941 г. город подвергся тяжелым бомбардировкам. Тысячи мирных жителей погибали в своих домах. Хоронили их в общих могилах. Дом самих Асторов был полуразрушен прямым попаданием снаряда. Но Нэнси и Уолдорф не покинули Плимут. Уолдорф писал в завещании, что в случае его гибели от бомбардировки он просит похоронить его в общей могиле. Как бы сбавив сорок лет, Нэнси вспомнила все свои забавные номера с вечеринок в Кливедене и ходила по бомбоубежищам, развлекаая напуганных людей и поднимая их мораль. Уолдорф проявил себя в эти годы дальновидным экономистом, создав первый в Англии фонд регулярных взносов горожан на восстановление города. За счет эффективности этого фонда Плимут смог быстро разместить беженцев и восстановить разрушения. Нэнси, со своей стороны, использовав американское происхождение, обратилась за помощью в Вирджинию. Сочувствия американцев не пришлось ждать долго, и их щедрые посылки помогли избавить Плимут от голода. Так совместные усилия селестиальных близнецов, направленные на облегчение страданий сограждан, приносили существенные плоды. Заслуги этой четы были настолько велики, что в истории местного правления отмечалось: «за последний век трудно найти какого-нибудь другого мэра в Англии, чей вклад мог бы сравниться с вкладом Асторов».⁷⁴

Казалось, что пока они были вместе, им море было по колено. Ни страх за сынов, воевавших на фронте, ни хрупкое здоровье, ни отдаленность от друзей не мешали им справляться наилучшим образом с работой в мэрии. Но, чем дольше длилась война, тем чаще искали они поддержки друг друга. Нервная энергия истощалась, и каждый из них становился ранимее и чувствительнее, чем обычно. Роуз записала один характерный случай ссоры, начавшейся с пустяка. Нэнси была непривередлива в еде, но ей всегда хотелось шоколада, снимавшего нервный стресс. Во время войны она, как и все горожане, была на пайке, лишавшем ее и этой маленькой радости. Однажды пришла большая партия продуктов из Вирджинии, и Асторы планировали, как распределить ее среди горожан. В тот день Нэнси, увидев шоколад, не могла сдержаться: она потребовала пару шоколадок для себя. Уолдорф отказался потакать ее капризам. Нэнси рассвирепела. Ей всегда важно было «обладать». Лишить ее этих шоколадок было все равно, что лишить ее любви мужа. Разве так много она просила? Но Уолдорфу тоже важно было «обладать» – ему важно было иметь свои принципы. Нэнси не только хотела лишить людей сладостей, она еще и хотела лишить его принципов! Уолдорфа часто называли «святым», но разве легко жить вместе со святым?

Уолдорф отказал Нэнси в самой малости, продемонстрировав полную неподкупность. Нэнси восприняла это как знак отсутствия любви. Она отреагировала немедленно, отказавшись сопровождать мужа в ранее запланированной деловой поездке. Уолдорф нанес встречный удар, удалившись в кабинет. Там у него был микроинфаркт. Когда Роуз пришла ему на помощь, Астор попросил ее: «Роуз,

леди Астор меня сильно расстроила. Сейчас она отказывается сопровождать меня в поездке в Рок. Она обязана поехать, и мне нужна Ваша помощь, чтобы добиться этого».⁷⁵ Стараясь примирить их, Роуз обратилась к Нэнси: «Послушайте, я не знаю, что Вы сделали его превосходительству, но он сильно болен. Или Вы поедете с ним в Рок, или я напишу Вашим мальчикам, что по Вашей вине отец болен, из-за Вашей алчности и эгоистичного желания иметь пару конфет».⁷⁶ Угроза подействовала, и Нэнси поехала с мужем, но уже на завтра вернулась домой, оставив Роуз ухаживать за больным Уолдорфом. Шесть недель он пролежал в постели, восстанавливая силы с помощью «Христианской науки». Отношение между супругами скоро наладились, но это столкновение стало предостережением Асторам, показав, насколько разрушительными могут быть их попытки принуждать друг друга. Надпись на стене уже была, а они все еще отказывались понимать ее. Им не знакомы были строчки Рабиндраната Тагора (тоже Тельца), использованные Хикки для предупреждения тельцам: «Почему увял цветок? Я прижал его к своему сердцу, сломав от избытка чувств. Почему погасла лампа? Я укрыл ее моим пальто, лишив свежего воздуха».⁷⁷

К старости круг близких друзей Асторов все больше сужался, а их зависимость друг от друга становилась все сильнее. Взаимная любовь уже не столько воодушевляла Асторов, сколько сковывала свободу каждого из них принимать самостоятельные решения. Страх потерять единственную опору в жизни приводил к излишней опеке. Чтобы удержать власть над любимым, в ход шли любые манипуляции. Они и сами не замечали, как цветок их любви увядал от переизбытка чувств. Новые интересы и начинания нужны были им, как воздух. Без свежей струи пламя их любви загасало.

Война пришла к концу, а с ней настал и конец пятилетнему правлению Уолдорфа. Новые времена требовали нового мэра. Астор вдруг заметил, что им уже исполнилось 65 лет, и в этом возрасте большинство людей обычно выходят на пенсию. После длительных сомнений он принял решение не выдвигать больше свою кандидатуру на пост мэра. Этот шаг немедленно сказался на Нэнси. Оказавшись не у дел, Уолдорф ожидал, что на старости лет он сумеет отдохнуть вместе с женой. Он хотел ее только для себя, требуя немедленной отставки из парламента. Оказалось, что Нэнси такое будущее было не по душе. Он, прибегая к помощи всей семьи, настоятельно советовал ей больше не баллотироваться. Она не была готова отказаться от самого дорогого приобретения в своей жизни – от парламентского кресла. Он настаивал; она обвиняла его в том, что он завидует ее карьере. Наконец-то Уолдорф предъявил решающий довод: если Нэнси решится на выборы против его воли, он откажется помогать ей. Удар был настолько сильным, что Нэнси призналась: «удар был таким же тяжелым, как смерть родителей или ближайших друзей».⁷⁸

Нэнси понимала, что без помощи Уолдорфа ей нечего рассчитывать на успех. Первого декабря 1944 г. Асторы официально объявили о неучастии Нэнси в предстоящих выборах. Мотивировалось это решение состоянием здоровья Уолдорфа, нуждавшегося в заботе жены. По иронии судьбы, в тот же день Нэнси была приглашена женскими организациями на торжественный вечер в честь ее 25-летней

годовщины избрания в парламент. Со слезами на глазах она поведала собранию свою версию отставки: «Сегодня я совершила ужасный поступок – наверное, один из самых тяжелых для меня, но, наверно, один из тех поступков, который бы одобрил любой мужчина. Я сказала, что не буду баллотироваться, потому что мой муж не хочет этого. Я провела 25 лет в Палате общин, но я вынуждена подчиниться. Не это ли триумф мужчин? Но буду ли я в парламенте или нет, я буду всегда отстаивать женские интересы».⁷⁹

Популярность Нэнси была столь низка, что она и сама должна была понимать неизбежность проигрыша предвыборной кампании. Но Нэнси всегда хотелось верить в чудеса, и она никогда не умела признаться в поражении. По всей видимости, Уолдорф даже облегчил ей задачу оправдания отставки из парламента, приняв огонь на себя и высказав в слух скрытые мысли жены. Нэнси было легче винить мужа в необходимости расстаться с карьерой, чем смириться с требованием времени расстаться с привычным образом жизни. Обижаться на абстрактную судьбу, лишавшую ее столь любимого кресла, было трудно; обижаться на конкретного селестиального близнеца – просто. И Нэнси обижалась, изо всех сил стараясь удержать былую славу.

С того момента, как на смену сотрудничеству этих селестиальных близнецов пришло противоборство, оба стали быстро деградировать. Постоянным выражением Нэнси стало: «о боже, о боже, я никогда не представляла, что можно скучать о чем-то так, как я скучаю о парламенте».⁸⁰ Она допускала политические промахи, часто выставляя себя на посмешище. Уолдорф раздражался, все чаще критикуя жену. Нэнси тоже раздражалась, не выдерживая упреков мужа. Раздражение распространялось волнами на их семью и друзей. Уолдорф дошел до того, что разругался со своим верным другом, редактором «Обсервера», Гарвиным, вынудив его подать в отставку. Насколько гармоничные действия Асторов укрепляли их обоих, настолько диссонанс в их отношениях производил разрушительный эффект.

К этому времени на смену старому поколению приходили их дети, и трое юных Асторов вошли в Палату общин. Уолдорф надеялся увлечь Нэнси интересами сынов, но горечь личной потери не позволяла ей радоваться за детей. Биографы указывали, что едва ли не самой тяжелой чертой характера Нэнси стали ее собственнические чувства по отношению к детям.⁸¹ Эти чувства мешали ей радоваться их успехам, так как в материнских глазах они всегда оставались частью ее, не имея права на собственный успех. Любая попытка с их стороны отстоять право на независимость немедленно расценивалась как протест против матери. Нэнси никогда не научилась проявлять чуткость к детям, до конца жизни критикуя их в разговорах с посторонними. Многие матери гордились бы успехами таких детей, как у Асторов, но в сердце Нэнси не было места для удовлетворенности; оно было открыто только для жалости к себе.

Пару слов об Асторах как о родителях. У этой четы родилось пять детей: Вильям Уолдорф (1907 г.), Филлис (1909 г.), Фрэнсис Дэвид Лангорн (1912 г.), Майкл (1916 г.) и Джон Джейкоб (1918 г.). Как это было принято в Англии тех лет, детей растили няни. Поразительно, но нигде в биографиях леди Астор не найти переживаний, связанных с материнством. Как будто не было в ее жизни ни

волнений, связанных с ожиданием ребенка, ни радости первого крика, ни боли первого кормления. Биография первой британской женщины-политика совершенно лишена женственности, как бы окончательно стирая разницу между полами в биографиях этих селестиальных близнецов!

Нэнси и Уолдорф любили своих детей, как умели, но, по всей видимости, для детей этого было недостаточно. Дети чувствовали отсутствие родительской заботы. Отца они почти не видели. Уолдорф, пострадавший в детстве от своего эксцентричного отца, не хотел повторять его ошибок. Он обожал детей, но, стесняясь приблизиться к малышам, держался от них подальше. Дети, со своей стороны, не очень-то добивались его близости, побаивались формального строгого отношения главы семейства. Таким образом, вместо того, чтобы помочь детям в их развитии, Астор невольно тормозил их своей сухостью.

Отношения с матерью были не многим ближе. Нэнси постоянно была занята, почти никогда не находясь рядом с детьми. Ее любили за умение рассмешить и развеселить, но боялись за проявление собственнических чувств. Позднее, когда Нэнси предложили написать автобиографию, ее сын Джеки сказал: «Мама, тебе нельзя правдиво охарактеризовать себя, результаты будут ужасны... У тебя слишком сильны собственнические чувства, и поэтому мы все страдаем задержкой в развитии, хотя я должен заметить, что только один из нас был по-настоящему задержан».⁸² Джеки намекал на то, что их брат, Бобби, был задержан полицией за гомосексуализм, обвиняя мать в его проблемах. Нэнси так и не написала автобиографию, но со словами Джеки впоследствии соглашались все биографы. Д. Григ писал: «Нэнси проявляла необычайно сильные собственнические чувства ко всему – к детям, к родственникам, к друзьям. Она никогда не могла предоставить свободу никому. Они принадлежали ей, и она ревниво охраняла собственнические права. Что касается детей, то властность матери несколько сглаживалась ее постоянным отсутствием. Нэнси была слишком занята, чтобы уделять им достаточно внимания, но, когда они были вместе, она подавляла их своей волей».⁸³

Нэнси старалась не походить на своего отца, Но, не зная никаких других способов поведения, она либо совсем оставляла детей, что казалось ей противоположностью ревнивой любви Чилли, либо повторяла его ошибки. В результате, «все дети страдали от сбивающего с толку родительского отношения Нэнси».⁸⁴ Дэвид Астор говорил, что особенно доставалось трем старшим детям, «на всю жизнь травмированным» таким отношением.⁸⁵ Не зная того, Нэнси как будто воплощала в жизнь астрологическое наблюдение, что: «матери, родившиеся в Тельце, обладают наиболее сильными собственническими чувствами... Им тяжело отпустить детей, даже когда они уже повзрослели».⁸⁶ Нэнси готова была бросать детей, убегать от них, пренебрегать их интересами, но она не смогла предоставить им независимость.

Судьба щедро наделила Асторов. У них были деньги, имения, слуги, власть, дети. Но к старости в их сердцах не оставалось ничего, кроме боли и печали. Все, что у них было – это их опустошенные сердца. Всю жизнь они искали опору во внешнем мире (в деньгах, во власти или даже в любви другого человека), не понимая, что эти ценности преходящи. Как только окружающий мир менялся –

казалось, будто основа жизни Асторов уходила из-под ног. К 71 году Нэнси тяжело переживала свое одиночество. Шоу умер; разрыв с Уолдорфом становился все болезненнее. К этому времени дела Уолдорфа стали совсем плохи. Инсульт следовал за инфарктом, приковав его к инвалидной коляске. Парадоксально, но именно теперь, когда тело совсем предало его, в характере Уолдорфа стали понемногу проявляться такие качества, как раскованность и мягкость. Он опять стал проявлять интерес к лошадям, к лесоводству, к своему поместью. Наконец-то он позволил себе отпустить «бразды правления семьей» и жить той праздной жизнью аристократа-инвалида, о которой всегда так мечтал. Майкл вспоминал: «Он больше не чувствовал себя вынужденным играть роль главы семейства. Он смирился с тем, что семья могла справиться и без управляющего... Придя в такое настроение, он даже проявлял некоторую симпатию к детям, осмелившимся пойти против его приказов». ⁸⁷

Такой Уолдорф, мягкий и терпимый, вновь покорило сердце Нэнси, напоминая ей о былых днях их большой любви. Но времени для нового сближения уже не оставалось. 30 сентября 1952 г. Уолдорф умер. Его тревожила лишь одна забота: как Нэнси сможет жить без него? Его последними словами сыну были: «заботься о матери». Билл вспоминал, что отец настойчиво прошептал эту фразу несколько раз. ⁸⁸

Теперь пришел черед Нэнси испытать боль разбитого сердца. Она писала: «У нас было 40 счастливых лет. Ни одна чета никогда не работала тяжелее нас – Последние 7 лет были действительно душераздирающими – но, слава Богу, в последние дни он опять стал похож на себя, и, ох, как я скорблю о потерянных годах!» ⁸⁹

В последующие десять лет Нэнси превратилась в раздражительную старуху, в тень былой леди. В апреле 1964 г. она перенесла инсульт. Перед смертью она постоянно «просыпалась, выкрикивая имя Уолдорфа, и было ясно, что мысленно она находится с мужем в былых днях их сотрудничества и содружества». ⁹⁰ 1 мая Нэнси спросила сына: «Я умираю, или это мой день рождения?» На следующий день она покинула этот мир с именем Уолдорфа на устах. ⁹¹ 3 мая должна была отмечаться годовщина свадьбы Асторов. Они ее отметили вместе в общей усыпальнице.

Были ли общность жизненных целей, единство взглядов и синхронизация основных событий в жизни Асторов всего лишь цепью случайностей? В случае Нэнси и Уолдорфа, когда жизнь селестиальных близнецов слилась в единый союз, когда радости и боли, успехи и провалы стали неразделимы, трудно поверить в отсутствие влияния скрытого Θ-фактора. Во всяком случае, это логичнее, чем представлять себе «этот случайный, случайный, случайный мир».

Легенды многих народов мира наделяли близнецов магическими силами. Глядя на жизнь Беринга-Эрлиха или четы Асторов, невольно задаешься вопросом, не скрываются ли в сотрудничестве селестиальных близнецов таинственные силы? Возможно ли, что селестиальные близнецы, рожденные в разных странах, способны расширить горизонты человечества, обогатив друг друга опытом, приобретенным в различных условиях, но под влиянием тех же звезд?

Θ-факторный и астрологические комментарии

Параллели и совпадения в жизни Асторов были даже более явно выраженными, чем в описаниях идентичных близнецов, разлученных в детстве. Тем не менее, в некоторых свойствах характера Нэнси и Уолдорфа наблюдалось такое различие, что иногда казалось, будто их «союз зиждился на притяжении противоположностей»⁹²: «В то время как Уолдорф был вдумчивым и осторожным, Нэнси была спонтанной, импульсивно совершавшей необдуманные поступки. В то время как Уолдорф был неуверенным в себе, Нэнси была неспособной к самокритике».⁹³ В таких полярных качествах как «импульсивность-самоконтроль», эти сестециальные близнецы не повторяли друг друга, а как бы дополняли один другого. Спрашивается, не наблюдается ли такое явление и у идентичных близнецов? Ответ поразительный: в 1983 г. подобное явление описано у так называемых близнецов с «объединенной личностью»: «Близнецы с объединенными аспектами своих личностей имеют объединенную личность. Другими словами, временами их эго функционируют, как единое целое. Есть два способа проявления объединенной личности: либо каждый из близнецов ведет себя как половина целой личности, либо оба близнеца ведут себя одинаково... Поляризация близнецов, когда один из них становится импульсивным, а второй – контролирующим, является хорошей иллюстрацией случая близнецов с половинной личностью...».⁹⁴ Исследователи обнаружили, что, хотя каждый из таких близнецов с «половинной личностью» может самостоятельно добиваться некоторых успехов, он, тем не менее, остается частью психологического тандема. Более того, в случае, когда таких близнецов разлучают в детстве, они испытывают сильный стресс. После того, как им удастся встретиться, они уже никогда не разлучаются, и их совместная жизнь в значительной степени более уравновешена, чем жизнь порознь. Как заметила одна из близнецов, опрошенных в этом исследовании: «близнецы рождаются супружеской парой».⁹⁵

«Идеальные партнеры», «две половины целого», «связанные друг с другом взаимной зависимостью»,⁹⁶ – о ком это написано? О близнецах с объединенной личностью или об Асторах? Оказывается, и о тех и о других. Говоря литературным языком, мы можем подтвердить, что Асторы разделяли одинаковую судьбу. Говоря научным языком, мы приходим к выводу, что влияние Θ-фактора может быть настолько же существенным, как и влияние генов. Более того, с генетической точки зрения разнополые близнецы никогда не могут быть идентичными близнецами, и поэтому сходство между ними должно быть не больше, чем между обычными братьями и сестрами. Другими словами, не следует ожидать особой схожести судеб или наличия особой связи между разнополыми близнецами. Таким образом, лишь наличием дополнительного Θ-фактора можно объяснить необычную схожесть между Асторами. В этом случае, Нэнси может еще раз подтвердить верность делу женского равноправия, демонстрируя, что женщина может реализовать свои врожденные способности не менее полно, чем ее сестециальный близнец – мужчина.

Поразительные синхронные истории жизни Асторов могут послужить и примером постановки научных экспериментов для проверки астрологии. Проиллюстрируем лишь некоторыми комментариями возможности астрологии описать ос-

новые черты характера Асторов. Начнем с того, что эти селестиальные близнецы родились в Тельце, самом денежном из всех знаков зодиака. Конечно, не всякий родившийся в Тельце человек будет обладать сказочным богатством этой четы! Почему же в жизни Асторов свойства Тельца проявлялись ярче, чем у других?

Когда говорят, что человек родился в Тельце, имеется в виду, что в момент рождения Солнце находилось в этом знаке. Большинство Тельцов будут иметь не больше двух-трех планет в этом знаке. Но не так было у Асторов, имевших целых пять планет (Солнце, Луну, Меркурий, Нептун и Плутон), расположенных в Тельце! В таком исключительном случае их эго (Солнце), чувства (Луна) и мышление (Меркурий) соответствовали характеристикам Тельца. Для сравнения, приведем пример, что пишет астролог Хьюдж о людях, имеющих Солнце и Луну в Тельце: «у таких людей финансовый успех или деньги обычно становятся доминирующим фактором в жизни». Но деньги для них, как правило, не самоцель. Хьюдж продолжает: «по натуре такие люди щедры, добры и склонны к сочувствию». Более того, обладая настойчивостью и упорством, они способны добиваться значительных успехов в бизнесе и использовать власть на благо всех сограждан.⁹⁷ Случайно ли, что это описание подходит к Асторам? Случайно ли повезло им родиться в богатых семьях или их качества Тельцов привели к рождению у богатых родителей?

Конечно, не каждому Тельцу удастся стать Ротшильдом. У нас нет достаточной статистики, но интересно, что двое младших детей основателя династии Ротшильдов были рождены в Тельце. Интересно также, что и младший брат Уолдорфа, будущий газетный магнат Джон Джейкоб Астор, тоже родился в Тельце, 20 мая 1886 г. (Уолдорф родился 19 мая 1879 г.) Забавно отметить, что и в других семьях мультимиллионеров рождались дети в Тельце (например, Джон Рокфеллер младший родился 1 мая 1912 г., Вильям Генри Вандербилдт родился 8 мая 1821 г.) Возможно, каждый человек может стать Ротшильдом, но у Тельцов, кажется, есть больше шансов стать наследниками Ротшильдов.

До сих пор мы рассматривали «положительные стороны» Солнца и Луны в Тельце. Но Хьюдж предупреждает и о возможных тяжелых последствиях такой комбинации. По его словам, «личность может стать настолько негибкой, что от избытка эмоций или гордыни не согласится отступить ни на миллиметр от своих желаний».⁹⁸ Мы уже видели, к чему привели Асторов в старости их избыток гордыни и неспособность уступать друг другу ни на йоту! Так что же выходит, их раздоры были предопределены судьбой? Сегодняшняя астрология так не считает. Никто не обязан проявлять с возрастом отрицательные черты своего характера, но стоит человеку с такой картой, как у Асторов, начать проявлять упрямство, как его судьба становится достаточно предсказуемой. Не желая поступиться своей гордыней, они потеряют радость в жизни. Или как сказал замечательный поэт-Телец, Булат Окуджава, как будто описывая последние годы жизни Нэнси и Уолдорфа:

Прощай. Расстаемся. Пощады не жди!
Все явственней день ото дня,
что пусто в груди, что темно впереди –
вот так она любит меня.

Много обвинений было выдвинуто против Нэнси за разрушение союза Асторов на старости лет. Ее ругали за вспыльчивость и за эгоизм. Нэнси представлялась, как атакующая сторона, а Уолдорф выглядел долготерпеливым страдальцем, который «достоинство молча храня», стоял, как старый солдат в строю, повторяя беспрестанно: «вот так она любит меня». Упрощенная картина полярности «агрессор – жертва» не могла, однако, объяснить, почему Уолдорф, словами поэта, «не уходил на дорогу свою».

Попробуем рассмотреть этот вопрос с астрологической точки зрения. У обоих Асторов Солнце находилось в точном соединении с Плутоном. Согласно Лундстед люди с таким аспектом, как правило, «могут подавлять своими любовью, заботой, тревогой, обвинениями, проблемами, решениями, и всем, что только не придет на ум!»⁹⁹ Обычно они рождаются в семьях с конфликтом между родителями, где постоянно ведется скрытая борьба между «силой слабого» против «силы сильного». Ребенок учится тактике обоих родителей, «умея быть то сильным, то невротичным, в зависимости от того, какая тактика выглядит более эффективной».¹⁰⁰ (Вспомним полярность характеров диктатора Вильяма-Уолдорфа и его мягкой жены, и сравним с описаниями конфликтов в семье Нэнси!) Далее астролог считает, что с этим аспектом связана огромная энергия, которой нужно пользоваться осторожно, так как «... власть проявляется либо в открытом доминировании сильного, либо в тирании слабого, пытающегося уловками победить сильного. Человек, способный симулировать инфаркт или другие тяжелые болезни для того, чтобы помыкать семьей, является не менее Плутоновским типом, чем тот, кто открыто уносит удар кулаком!»¹⁰¹

В глазах Лундстед Уолдорф несет не меньшую ответственность, чем Нэнси, за проблемы в их отношениях. Этот «святой» человек управлял семьей, угрожая инфарктом или срывом здоровья каждый раз, когда его не слушались. В такой интерпретации, Нэнси и Уолдорф олицетворяли тот же тип Плутоновских проблем, связанный с одинаковым характером их отцов. Как получилось, что карта в момент рождения Асторов отражала не только черты их будущего характера, но и сложную систему взаимоотношений между их родителями?

Астры никогда не обращались к астрологам, и все-таки они вели себя как бы по предсказаниям. Следует ли из этого неизбежность фатализма? Астрология так не считает. Если бы эти героини осознавали природу своей энергии, они могли бы более сознательно делать выбор в жизни, пользоваться ли им созидательными сторонами своих аспектов, или разрушительными. Их психосоматические болезни первой половины жизни полностью излечились тогда, когда они направили свои энергии на поддержку друг друга. Нэнси была счастлива тогда, когда она помогала всей прекрасной половине человечества избавиться от необходимости прибегать к ухищрениям для достижения своих целей.

Кто знает, может быть, если бы в старости Уолдорф и Нэнси смогли оставаться свободными от страхов и не прибегать к манипуляциям, они бы не стали «рабами своих звезд». Астрология учит, что никто не рождается стать «рабами звезд». Все в жизни взаимосвязано, и все мы приходим в этот мир совместно созидать и поддерживать жизнь всего организма Вселенной. Но у каждого есть право выбо-

ра. Вселенная ни от кого не принимает подарков, сделанных против его воли, потому что она дала нам в подарок самое дорогое – нашу внутреннюю свободу.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 19 мая 1879 г.
Образ отца	Оба отца были властными, доминантными и эксцентричными людьми. Оба умерли в 1919 г.
Образ матери	Загадочные расплывчатые сведения о рано умерших матерях.
Раннее детство	Частые переезды, связанные с работой отцов.
Образование	Оба имели склонности к языкам, и оба предпочитали другим занятиям спорт.
1903–1905 гг.	Разочарование в любви, период нервных срывов и болезней.
1905 г.	Любовь с первого взгляда и свадьба.
С 1905 г. до конца жизни	Совместная семейная жизнь и работа. Оба умерли с именем мужа/ жены на устах. Оба похоронены в одной усыпальнице.

Сноски:

- ¹ Окуджава – российский поэт, родившийся в Тельце.
- ² Милл родился в Тельце, 20 мая 1806 г., и положение Солнца в его карте практически совпадало с Асторами, рожденными 18 мая 1879 г.
- ³ DNB, 1961–1970, pp. 43–44.
- ⁴ Christopher Sykes, Nancy: the Life of Lady Astor, London, Collins, 1972, p. 100 (Далее – Sykes).
- ⁵ Richard Cockett, David Astor and the ‘Observer’, London, Andre Deutsch Limited, 1991, p. 13 (Далее – Cockett).
- ⁶ Sykes, p. 15.
- ⁷ DNB, 1951–1960, pp. 41–43.
- ⁸ Hickey, pp. 14–15.
- ⁹ Hickey, pp. 14–15.
- ¹⁰ Phillip Knightley and Colin Simpson, The Secret Lives of Lawrence of Arabia, Thomas Nelson & Sons, 1969, p. 240.
- ¹¹ Anthony Masters, Nancy Astor, a biography, New York, McGraw Hill, 1981, p. 62 (Далее – Masters)
- ¹² J. Krishnamurti & D. Bohm, The Ending of Time, London, Victor Gollancz LTD, 1985 p. 209.
- ¹³ Masters, pp. 23–25.
- ¹⁴ Cockett, p. 5.
- ¹⁵ Susan Mary Alsop, Lady Sackville, London, Weidenfeld and Nicolson, 1978 p. 189.
- ¹⁶ Или в 1894 г. (по Мастерсу) или в 1891 г. (по Сайксу).
- ¹⁷ Masters, p. 23.
- ¹⁸ Cockett, p. 5.

- ¹⁹ Sykes, p. 80.
²⁰ Masters, p. 27.
²¹ Lundsted, p. 136.
²² Masters, p. 12.
²³ Sykes, p. 37.
²⁴ Masters, p. 8.
²⁵ Sykes, p. 28.
²⁶ Masters, p. 8.
²⁷ Masters, p. 12.
²⁸ Hickey, p. 210.
²⁹ Masters, p. 45.
³⁰ Sykes, p. 21.
³¹ Masters, p. 8.
³² Sykes, p. 21.
³³ Sykes, p. 22.
³⁴ Lundsted, p. 182.
³⁵ Cockett, p. 15.
³⁶ Sykes, p. 28.
³⁷ Sykes, p. 37.
³⁸ Напомним хотя бы знаменитых физиков Марию Кюри (р. 1867 г.) и Луизу Мейтнер (р. 1878 г.), доказавших возможности женщин проявить себя в науке, или Гертруду Стейн (р. 1874 г.), учившуюся в те годы в мединституте.
³⁹ Masters, p. 39.
⁴⁰ Sykes, p. 81.
⁴¹ Masters, pp. 16–19.
⁴² Последующая судьба Бобби была печальной. У него были тяжелые психологические проблемы, в Англии его посадили в тюрьму за гомосексуализм, а потом он покончил с собой. Будучи нежеланным ребенком, он как будто не хотел такой жизни.
⁴³ Sykes, p. 66.
⁴⁴ Masters, p. 41.
⁴⁵ Cockett, p. 3.
⁴⁶ Sykes, p. 82.
⁴⁷ Cockett, p. 7.
⁴⁸ Masters, p. 42.
⁴⁹ Masters, p. 159.
⁵⁰ Cockett, p. 7.
⁵¹ Sykes, pp. 89–90.
⁵² Sykes, p. 90.
⁵³ Sykes, p. 89.
⁵⁴ Masters, p. 226.
⁵⁵ Masters, p. 159.
⁵⁶ Lundsted, p. 183.
⁵⁷ Lundsted, p. 183.
⁵⁸ Sykes, p. 95.
⁵⁹ DNB, 1951-1960, pp. 41-43.
⁶⁰ Masters, p. 53.
⁶¹ Masters, p. 128.
⁶² Masters, p. 60.

- ⁶³ Культ «Христианская наука», основанный в США в 1879 г. Мэри Бейкер Эдди., проповедовал духовные методы лечения и пользовался широкой популярностью.
- ⁶⁴ Masters, p. 74.
- ⁶⁵ Masters, p. 117.
- ⁶⁶ Masters, p. 118.
- ⁶⁷ Masters, p. 124.
- ⁶⁸ Masters, p. 140.
- ⁶⁹ Masters, p. 111.
- ⁷⁰ По словам Богуславского, Нэнси стала едва ли не единственным человеком в мире, бросившем в лицо Сталину «убийца!», спросив его: «Когда вы, господин Сталин, прекратите убивать собственных подданных?»
- ⁷¹ Masters, p. 191.
- ⁷² Masters, p. 193.
- ⁷³ Masters, p. 150.
- ⁷⁴ Sykes, p. 472.
- ⁷⁵ Masters, p. 208.
- ⁷⁶ Masters, p. 208.
- ⁷⁷ Hickey, p. 15.
- ⁷⁸ Masters, p. 213.
- ⁷⁹ Sykes, p. 474.
- ⁸⁰ Masters, p. 218.
- ⁸¹ Cockett, p. 124.
- ⁸² Sykes, p. 506.
- ⁸³ Cockett, p. 22.
- ⁸⁴ Cockett, p. 22.
- ⁸⁵ Cockett, p. 24.
- ⁸⁶ Hickey, p. 15.
- ⁸⁷ Sykes, p. 508.
- ⁸⁸ Sykes, p. 508.
- ⁸⁹ Masters, p. 221.
- ⁹⁰ Masters, p. 223.
- ⁹¹ Masters, p. 223.
- ⁹² Cockett, p. 4.
- ⁹³ Cockett, p. 6.
- ⁹⁴ B. Schave & J. Ciriello, *Identity and Intimacy in Twins*, New York, Praeger, 1983, p. 48.
- ⁹⁵ B. Schave & J. Ciriello, *Identity and Intimacy in Twins*, New York, Praeger, 1983, p. 98.
- ⁹⁶ Sykes, p.89–90.
- ⁹⁷ Hughes, p. 17.
- ⁹⁸ Hughes, p. 17.
- ⁹⁹ Lundsted, p. 144.
- ¹⁰⁰ Lundsted, p. 144.
- ¹⁰¹ Lundsted, p. 144.

БЛИЗНЕЦЫ

Путники по вселенным: История поэтов Оскара Милоша и Максимилиана Волошина

Оскар Милош

Максимилиан Волошин

*..весь мир есть дорога, очень много дорог,
дорог для путешествующих душ.*
Уолт Уитмен¹

В Нью-Йорке в 1985 г. была опубликована биография французского поэта Оскара Милоша «Благородный путник».² Вскоре в Москве вышла биография российского поэта Максимилиана Волошина – «Путник по Вселенным» (1990)³. Появление этих книг было вызвано растущим интересом читателей к жизни и к поэзии этих, казалось, давно забытых селестальных близнецов. Через 50 лет

после смерти двух поэтов-философов, чьи метафизические стихи оставались непонятными для их современников, читатели мира с удивлением для себя открыли всю глубину их идей и образов.

Уже сами заголовки их биографий указывают на необычность жизненного пути Милоша и Волошина. Оба были вечными странниками: перед их глазами мелькали города и страны, а перед их мысленным взором проносились звездные миры и вселенные. Целью странствий каждого из них было отыскать и пройти духовное посвящение, инициацию. Они искали самозабвенно, и инициация не подвела, придя к каждому из них в образе «духовного солнца». Каждый из этих селестиальных близнецов пришел к звездному часу посвящения своим особым путем, описав его туманным, едва ли не зашифрованным языком. Поэмы этих поэтов не обращались к широкому кругу читателей, а скорее напоминали одинокий крик в пустыне, ищущий кого-нибудь, способного услышать, понять и откликнуться.

Земные пути Милоша и Волошина никогда не пересекались, и не ясно, читали ли они произведения друг друга. Но, тем не менее, их стихи напоминают переключку двух родственных душ. В «Песне познания» Милош описывал инициацию: «Я увидел. Тот, кто увидел, прекращает мыслить и чувствовать./ Он может только описывать то, что увидел».⁴ Волошин, как бы отвечая Милошу, описывает прозрение в «Ивернях»: «Так странно, свободно и просто / Мне выявлен смысл бытия».⁵ В то время как Милош признается, что увидел «духовное солнце»,⁶ Волошин описал озарение в своей самой философской поэме «Путями Каина»: «И каждый/ Внутри себя увидел солнце».⁷

Обоих поэтов современники окрестили одним и тем же немецким словом: «Wanderer»⁸, вкладывая в него эзотерический смысл Гете. Племянник Милоша, Нобелевский лауреат, Чеслав Милош писал о своем дяде: «его судьбой было стать путником».⁹ Марина Цветаева, близкий друг Волошина, писала о своем учителе: «Макс не жил на большой дороге, как русские, он не был ни бродягой, ни, в народном смысле, странником, ни променером, он был именно Wanderer, тем, кто выходит с определенной целью...».¹⁰ Милош как бы развивал далее эту мысль, описывая различия между странствиями обычных людей и посвященных: «Скитания путников в поисках посвящения ничем не отличались от путешествий обычных исследователей, за исключением того, что их маршрут, каким бы случайным он ни казался, на самом деле в точности соответствовал наиболее скрытым чаяниям и наклонностям искателя».¹¹ В своей эзотерической работе «Арканы»¹² Милош объяснял, что в древности благородными путниками назывались те посвященные, которые обрели мудрость на дорогах познания. Ощутив себя одним из таких посвященных, Милош, подобно своему герою из «Исповеди Лемюэля», хотел поделиться с людьми, требовавшими от него: «Говори. Рассказывай/ Не щади ничего, что душа твоя видела / В слепом космосе, заблудшем и покинутом».¹³ Но космические видения Милоша мало кому были доступны, и расплатой за посвящение становилось гнетущее одиночество. Не имея своего дома, Милош как будто был обречен на скитания в пространстве и во времени, становясь духовным братом древних мудрецов и поэтом будущих, еще не родившихся

поколений. Не живя в пространственно-временных рамках, Милош провозглашал свою принадлежность вселенной: «Нет у меня дома. Нет родины. / Одна лишь вселенная умела заполнять мое скорбное сердце». ¹⁴

И как будто эхом откликнулся одинокий голос Волошина: «Бездомный долгий путь назначен мне судьбой... / Пускай другим он чужд... я не зову с собой – / Я странник и поэт, мечтатель и прохожий». ¹⁵ И поэт продолжал: «В вашем мире я – прохожий, / Близкий всем, всему чужой». ¹⁶ Волошину присвоили имя «путника по вселенным» за его стих «Подмастерье», ставший его «поэтическим символом веры». ¹⁷ В этой исповеди Волошин обучал, как нужно стать Мастером, и первым шагом ученика на пути к посвящению должно было прийти понимание принадлежности к вселенной:

Когда же ты поймешь,
Что ты не сын земле,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
...
Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и разума
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь
Ты станешь Мастером. ¹⁸

Вселенная Свободы и Любви Волошина была сродни видениям Милоша, восклицавшего: «Пусть не будет больше конечного и бесконечного. Пусть останется только любовь, ставшая пространством». ¹⁹ Потому что каждый, кто хоть раз «увидел», «полюбит искать любовь»: «Ибо это значит любить, ибо это значит любовь: когда с любовью ищешь любви». ²⁰ Как бы продолжая эту мысль, ему вторил Волошин, заявляя, что главной задачей человека является «оставить после себя вселенную любви». ²¹

Идеи Волошина были так же чужды современникам, как и идеи Милоша. После революции он не покинул Россию, а стал изгнанником в своей стране (если у него и была таковая), ведя жизнь затворника в Коктебеле. Его перестали печатать, и стихи поэта можно было читать только в переписанных от руки тетрадках «Самиздата». Он умер забытым и заброшенным. Признание к поэту-пророку пришло только через полвека после его смерти. Последующие поколения литераторов, поэтов и критиков, открывая для себя всю многогранность работ Волошина, полагали, что он для России был больше, чем поэт. Так, Е. Евтушенко, провозглашая поэму Волошина «Россия» лучшим пророческим учебником российской истории, заключал: «Волошин доказал собой, что поэт есть не только явление личности, но и явление истории». ²² Сегодня Дом-музей поэта в Коктебеле стал духовной Меккой для всех любителей литературы, а могила Волошина на вершине самой высокой коктебельской горы символизирует, по словам Андрея Белого, «...как бы расширение в космос себя преображающей личности».

«Темен жребий русского поэта: / Неисповедимый рок его ведет»,²³ – цитируя Волошина, оплакивали его судьбу российские читатели. Но странное совпадение: хотя Милошу и не пришлось пережить гонения в СССР, в последние годы он тоже был обречен на одиночество, ведя жизнь забытого отшельника в маленьком городке Фонтенбло. В 1958 г. французский критик Андре Бланше просил у него прощения: «В 1939 г., почти двадцать лет назад, на кладбище в Фонтенбло погребли неизвестного человека: он был одним из самых настоящих, высочайшей пробы поэтов, что писали на нашем и каком-либо языке... Прости нас, Милош. Ты один из тех, кем Франция пренебрегает до их последнего вздоха – только для того, чтобы позднее гордиться трагичностью судьбы их непризнанного гения – один из тех, кого Франция не слышит при их жизни, но которым она не перестает внимать после смерти».²⁴ В 1966 г. в Париже была основана «Ассоциация Друзей Милоша», издающая журнал, посвященный изучению его жизни и работ. Члены ассоциации собираются ежегодно в Фонтенбло, чтобы отметить годовщину смерти поэта на его могиле.

Земные странствия этих блуждающих звезд начались одновременно, с общего дня рождения. И хотя родители присвоили им различные имена, будущие ценители и критики назовут их одинаково: «Французским Гете» окрестит Милоша поэт-символист Поль Фор,²⁵ «гетейнцем» будет звать Волошина Марина Цветаева.²⁶ В то время как Чеслав Милош писал о своем дяде: «Мы можем представить его... членом одной из «мистических лож» или как одного из героев романа Гете «Вильгельм Мейстер»,²⁷ Цветаева писала о своем друге Волошине: «Он был Посвященный... И, может быть, когда-нибудь там, на коктебельской горе, где он лежит, еще окажется — неизвестно кем положенная — мантия розенкрейцеров».²⁸

Увлеченность Гете приводила Милоша и Волошина к попытке перенять его многоликость, характерную для исторических фигур ренессанса. Бамфорд писал о Милоше: «...это одна из тех редких фигур, которых в античности называли героями, и которые, временами мелькая на литературном горизонте, поражали нас силой и серьезностью, ставящей под вопрос все прежние взгляды на культурные ценности».²⁹ В то же время Илья Эренбург, потрясенный редкой эрудицией Волошина, перечислял лишь некоторые из его интересов, включавших «то раскопки на Крите, то древнекитайскую поэзию, то работы Ланжевена по ионизации газов, то писания Сен-Жюста».³⁰

Милош прекрасно владел многими языками и читал в подлиннике русскую, польскую, литовскую, немецкую и французскую литературу. Кроме того, он увлекался средневековой литературой, метафизическими учениями древности, египтологией, философией, Сведенборгом и алхимией. Будучи евреем по матери, он изучал древнееврейский язык и Кабалу. К этому списку необходимо добавить поразительную осведомленность Милоша в естественных науках, в антропологии, археологии и истории.

«Все видеть, все понять, все знать, все пережить»³¹ – эта строфа, которая могла бы стать квинтэссенцией жизни Милоша, была написана Волошиным и стала девизом его жизни. Волошин тоже владел многими языками, включая русский, французский, немецкий, греческий и латынь. Он изучал лингвистику, общую

историю, философию, историю искусств и религии. В его поэзии можно найти темы мистики, индуизма, буддизма и теософии. Волошина знали как поэта и художника, критика и переводчика. Услышав «подлинный голос древнего Иудейского пророка» в стихах Волошина «Видение Иезекииля», местная еврейская община приветствовала поэта как раввина. Но этим его познания не ограничивались. Он обожал геологию, археологию, краеведение, ботанику, физику и астрономию.

Поэзия Милоша и Волошина отличалась от творчества их современников редким умением пересмотреть и переосмыслить всю историю западной культуры. В некотором смысле каждый из поэтов служил для своего окружения живым родником мудрости. Уже одним своим присутствием они пробуждали в людях тягу к поиску новых дорог, ведущих к созиданию Вселенной Свободы и Любви. В этом смысле их роль была, пожалуй, ближе всего к традиционной роли восточных Учителей или Мастеров, содействующих созданию в нашем мышлении представления о мире, существующем в реальности, а не о том мире, который воспринимает каждый человек в данный момент.

Биографы Милоша и Волошина подчеркивали необычность характеров этих поэтов, ставших еще при жизни легендарными, мифическими личностями. Чтобы проанализировать их судьбу, нам понадобится проникнуться особой атмосферой философского видения мира, определенной их общим Θ -фактором. Эта атмосфера кардинально разнится от всех предыдущих глав. Борьба за власть (Геринг-Розенберг) была в корне чужда поэтам, видевшим в универсальной любви единственный источник силы. Подпольная деятельность Галема-Штауффенберга не признавались этими селестиальными близнецами, старавшимися даже в смутные времена революций и гражданских войн спасти людей, независимо от их политических убеждений. В отличие от Брэга-Додсона они не организовали никаких институтов; в отличие от Беринга-Эрлиха они не искали магических пуль, спасая жизни лишь силою слова. Земные богатства Асторов не обременяли их тяжестью ноши на путях посвящения. Проследим же коротко за общими вехами неповторимых маршрутов этих замечательных людей.

Они родились 28 мая 1877 г.

В жилах Милоша текла кровь многих народов. Присвоенная им подпись Оскар Владислас (или Венцеслав) де Любич Милош (ставшая позднее таинственным О.В. де Л. Милош) была им выбрана на основе сложной системы средневековой геральдики. Это звучное имя приобретало в глазах поэта особую важность и как часть его личного мифа, и как способ отражения его веры в способность крови хранить память предков. Считалось, что по отцовской линии Милош был потомком сербских князей Лусатии, покинувших свои владения в районе Франкфурта на Одере, уходя от немецкого вторжения. Прадед поэта стал владельцем огромной усадьбы в Черее на Могилевщине, бывшей тогда частью Литвы (ныне Беларусь). Дедушка Оскара, служивший офицером в Польско-Литовской ар-

мии, взял в жены итальянскую певицу, происходящую из старинного обедневшего генуэзского рода. Милош очень гордился этой итальянской ветвью.

Отец Милоша, Владислав Милош, был богатым землевладельцем, человеком необузданного нрава, известным как атеист и анархист. Однажды, проезжая в своем экипаже по улицам Варшавы, он был поражен небывалой красотой юной еврейской девушки. Согласно семейному преданию, девушка, не вымолвив ни слова, согласилась последовать за литовским аристократом, бывшим на 20 лет старше ее. Так Мириам Розалия Розенталь, дочь варшавского учителя древнееврейского языка, стала женой Владислава Милоша. Молодожены сразу же уехали в Черему, где и родился их единственный сын Оскар. Мать Милоша оставалась верной иудаизму, и местные жители уверяли, что видели, как каждую неделю она зажигала субботние свечи. Родившись в такой смешанной семье, Оскар на протяжении всей жизни старался сочетать преданность аристократическим традициям с интересом к иудейскому наследию.

Оскар не был счастливым ребенком. Его родители принадлежали к различным мирам: как будто бы незримая пропасть отделяла их друг от друга и от сына. Невыносимая скорбь поселилась в сердце восприимчивого мальчика. Позднее поэт предельно ясно записал свои детские впечатления: «Холодность и безумие царили в доме».³² Дом оставался, по словам Милоша, глухонемым, замороженным и мрачным местом, где покинутая на произвол судьбы душа ребенка умирала от недостатка внимания. («Ибо никогда не было у меня, Кормилица, ни отца, ни матери, / Безумие и холод кружили беспечно в доме».³³)

Отец Оскара подолгу болел, и его неуравновешенный характер отталкивал беспричинными приступами ярости. Непонятное одиночество матери пугало не меньше, и ребенок зачастую просто прятался от родителей, стараясь не выдавать своих чувств к ним. Эта атмосфера дисгармонии в семье позднее прошла красной нитью чрез всю поэзию Милоша. С раннего детства Оскар научился компенсировать недостаточность родительской любви своей любовью к миру книг. Эту любовь к литературе ему привили его гувернантка Мари Вельд (француженка из Эльзаса) и репетитор Станислас Добожинский (польский патриот литовского происхождения). В этой атмосфере смешения языков и традиций мальчик к двенадцати годам уже владел немецким, французским, польским, русским и английским языками.

В 1889 г. Владислав Милош решил пройти курс лечения от нервных расстройств в парижской клинике доктора Шарко. Вся семья отправилась в Париж, но по окончании лечения родители вернулись в Черему, оставив сына в Париже. Без всякого предупреждения 12-летнего мальчика определили в лицей Janson de Sailly, поселив на квартире педагога Пети. Так переезд из холодной северной усадьбы в кипучую жизнь Парижа внезапно оборвал детство Милоша. Эффект был поразительный – французская культура навсегда пленила подростка. Чеслав Милош писал: «О.В.де Л. Милош был французом по образованию, по языку, по желанию и по глубокой привязанности к Франции, хотя в его происхождении не было ничего французского».³⁴

Похожую картину мы видим в происхождении русского поэта Максимилиана (Макса) Александровича Кириенко-Волошина. «Француз культурой, русский душой и словом, германец – духом и кровью», писала Марина Цветаева, добав-

ляя: «В его физике не было ничего русского»³⁵ Как Милош не был французом по крови, так по крови Волошин не был русским. Волошин родился в Киеве, на Украине и был, по его словам, корнями рода связан с Украиной. Его отец, коллежский советник Александр Максимович Кириенко-Волошин, был сыном помещика Максима Яковлевича, владевшего большим имением под Киевом. Подобно Милошу, Волошин придавал большое значение своей родословной, гордясь происхождением Кириенко-Волошиных от запорожских казаков. Частью мифа поэта станут упоминания о слепом украинском бандуристе Матвее Волошине, замученном в XVI веке поляками за политические песни, и о Кириенко-Волошине, водившем Пушкина в цыганский табор.³⁶

Обоим поэтам хотелось верить (хотя и не всегда на основе достоверных фактов), что их предки были благородными и героическими личностями. Очевидно, это желание отражало убеждение Милоша и Волошина в том, что вся информация о прошлом содержится в крови. Милош был убежден, что до падения Адама божественное начало «заключалось вместе с совестью в крови». Историю всей вселенной можно познать, продолжал он, изучая свою собственную кровь, «потому что кровь и камень и кровь и космос — это одно и то же, и по этой причине мы ищем философский камень в себе».³⁷ В поэме «Кровь» Волошин, как бы продолжая размышления Милоша, писал о «пращуре пленном», заключенном в крови. Он сравнивал кровь с могущественным огнем, содержащим всю историю пространства и времени:

Слепой огонь во мне струит,
Огонь древней, чем пламя звезд,
В ней память темных, старых мест.
В ней пламень черный, пламень древний,
В ней тьма горит, в ней света нет,
Она властительней и гневней,
Чем вихрь сияющих планет.³⁸

По Волошину, человек — это микрокосмос, отражающий весь мир, а наш мозг — это свиток, на котором запечатлены все фазы развития вселенной и человечества.³⁹ Интересно, что на личных свитках памяти Милоша и Волошина были как будто выгравированы одни и те же жизненные вехи, нанесенные пером одного и того же Θ -фактора.

Отец Волошина родился в 1838г, в том же году, что и отец Милоша. Как и Владислав, Александр вел жизнь богатого помещика, и так же, как Милош, он опрометчиво женился на юной красавице. Мать Волошина, Елена Оттобальдовна Глазер происходила из семьи обрусевших немцев, в XVIII веке бежавших в Россию от католического преследования. Она было воспитана в германском духе, несколько трансформированном итало-греческими влияниями. (Интересная деталь: как и у Милоша, прадед Волошина служил офицером, и после русского вторжения в Италию привез оттуда итало-греческую жену. По словам Волошина, он, подобно Милошу, стал «продуктом смешанных кровей».)

Подобно Оскару, Макс рос единственным ребенком (его старшая сестра умерла в младенчестве). Брак Волошиных был очень странным, и атмосфера в их доме

было далека от гармонии. Очевидно, сказывались большая разница в возрасте и в происхождении. Отметим, что Милош и Волошин, рожденные в Близнецах, уже с колыбели сталкивались с противоборствующими культурными традициями их родителей. Астрология полагает, что знак Близнецов символизирует влияние дуальных сил, и что задачей родившихся в этом знаке становится выработка умения примирять противоположности.⁴⁰ Очевидно, Милошу и Волошину пришлось вырабатывать в себе этот талант еще в родительском доме.

Цветаева пыталась выяснить у матери Волошина о причинах ее странного выбора: «После института сразу, шестнадцати лет, замужество. Почему так сразу и именно за этого, то есть больше чем вдвое старшего и совсем не подходящего?» Ответа не было. Возможно, трудности Е.О. испытывала уже в родительском доме, но, странно, удивлялась Цветаева, что о родителях Е.О. не упоминала ни слова, «точно их и не было».⁴¹ (В биографиях Милоша ничего не пишется о родителях его матери!) Не менее странным было и то, что Е.О. никогда не рассказывала ничего о своей семейной жизни, и никогда не называла Александра Кириенко своим мужем, а только «отцом Макса». Волошину практически не пришлось узнать своего отца – после очередной размолвки с мужем Е.О. с двухлетним сыном навсегда покинула дом мужа. Отец Макса умер, когда мальчику было всего лишь четыре года, и ответственной за его воспитание была лишь мать.

Макс называл мать Пра (прабабка, человек без возраста). После потери любимой дочери и разрыва с мужем она рано поседела. Е.О. никогда больше не вышла замуж, живя все время возле сына. Эта суровая и замкнутая женщина любила Макса, но в ее любви не было доброты, а в их отношениях с сыном не было дружбы. Как отмечала Цветаева, «это была неразрывная пара, и вовсе не дружная пара. Вся мужественность, данная на двоих, пошла на мать, вся женственность – на сына, ибо элементарной мужественности в Максе не было никогда, как в Е.О. элементарной женственности»⁴². Мать искренне верила, что ей полагалось сделать из Макса «настоящего мужчину». Ее воспитательные методы были чрезвычайно строгими, исключая возможность малейшей нежности или похвалы. Эта холодность причиняла глубокое страдание восприимчивому ребенку (по признанию Макса, ласки материнской он не знал). До конца жизни Волошин искал ответа на вопрос, в чем же состоит истинная природа сыновней связи с матерью, и как следует правильно растить детей. В своем стихотворении «Материнство» 40-летний поэт признался в трудности разрезать пуповину, соединявшую его с матерью:

Мрак... Мать... Смерть... созвучное единство...
Здесь рокот внутренних пещер,
там свист серпа в разрывах материнства:
из мрака – смерч, гуденье дремных сфер.
Из всех узлов и вязей жизни – узел
сыновности и материнства – он
теснее всех и туже напряжен.⁴³

Далее Волошин пришел к выводу, что задачей матери должна стать бескорыстная, освобождающая (а не связывающая) любовь к незнакомому ей существу, приведенному ею в жизнь.

Дитя растет, и в нем растет иной,
не женщиной рожденный, непокорный,
но связанный твоей тоской упорной –
твоею вязью родовой.
Я знаю, мать, твой каждый час – утрата.
Как ты во мне, так я в тебе распят.
И нет любви твоей награды и возврата,
затем, что в ней самой – награда и возврат!⁴⁴

Как бы перекликаясь со своим селестияльным близнецом, 40-летний Милош вторил Волошину своими размышлениями о материнстве в поэме «Нихумим»:

Мать! окутанные пеленою источники Движения находятся
в месте запретном и темном,
Ему имя Долина Разлуки. Там
Миры и сердца зывают друг к другу напрасно.
...
Ибо это край, где неповторимое существо одиноко
Перед лицом себя самого.
Там оно себя любит,
И себя обручает,
И себя творит,
Там оно венчает себя.
И это место названо теми, подобными тебе, о, Место
Соединения,
Вечной Женственности
И жизни.⁴⁵

Сколько боли и обиды на мать таится в этих строфах поэтов, оплакивающих 40 лет вынужденного одиночества! Не случайно ли находим мы такую скорбь в поэзии людей, родившихся с квадратурой Луна – Сатурном (угол 90° между этими планетами)? Астрология издавна отмечала связь между этим аспектом и холодными отношениями в семье, особенно подчеркивая возможность возникновения проблем с матерью. Считается также, что в этом случае одиночество, подавленность и уныние, являясь следствием недостаточности родительского тепла еще с колыбели, укореняются в глубинах подсознания на всю жизнь.⁴⁶ У Милоша и Волошина мы, действительно видим, что, несмотря на все их попытки прорваться через пелену одиночества, им не удалось ни испытать счастья семейной жизни, ни обрести душевных друзей. Так, Эренбурга поражало ужасающее одиночество, затаившееся в несколько отрешенных «ясных, вежливых, опасно приветливых» глазах Волошина. Сам Волошин писал о себе: «близкий всем, все-му чужой», а Эренбург подтверждал, что много людей считали поэта безразличным и холодным из-за его неумения делиться своими переживаниями с друзьями. Такое поведение заставило Эренбурга даже усомниться, были ли вообще у Волошина друзья: «Он всех причислял к своим друзьям, а друга, кажется, у него не было».⁴⁷

С годами чувство одиночества не ослабевало, а, может быть, даже росло. Если в 1905 г. Волошин называл себя прохожим и чужим, то в 1911 г. он развивал эту тему далее: «мне не дано радости/замкнуться в любви к одному:/Я покидаю всех и никого не забываю». ⁴⁸ Эти строчки становятся еще более горькими в свете вопросов, задаваемых Волошиным писательнице Аделаиде Герцык: «Объясните же мне, в чем мое уродство? Все мои слова и поступки бестактны, нелепы; всюду, и особенно в литературной среде, я чувствую себя зверем среди людей, чем-то неуместным... А женщины? У них опускаются руки со мной, самая моя сущность надоедает очень скоро, и остается одно только раздражение. У меня же трагическое раздвоение: когда меня влечет женщина, когда духом близок ей — я не могу ее коснуться, это кажется мне кошунством...». ⁴⁹ Это раздвоение поражало и Цветаеву, писавшую о «его белых, без улыбки, глазах, всегда без улыбки — при неизменной улыбке губ». ⁵⁰

Такое раздвоение повлияло и на личную жизнь Волошина. Саймон Карлинский писал: «Человек с неопределенной или недоразвитой сексуальностью, у которого оба брака относились к типу «женитьбы на бумаге»» ⁵

В 1906 г. Волошин женился на художнице Маргарите Сабашниковой, происходившей из влиятельной семьи русских издателей и разделявшей увлечение поэта антропософией. Этот брак не продлился и года. ⁵ По всей видимости, Маргарита оставила Волошина, потому что полюбила другого популярного поэта — Вячеслава Иванова. Волошин навсегда сохранил дружеские чувства к первой жене. Пройдет двадцать лет, пока в 1927 г. Волошин вступит во второй брак. Его женой станет 40-летняя Мария Заболоцкая, добрая и практичная женщина, взявшая на себя после смерти матери Волошина ведение всего домашнего хозяйства в Коктебеле. Детей у Волошина никогда не было. Он так и оставался, по словам Цветаевой, «Макс с людьми — и весь без людей», любящий и бесконечно-отрешенный, вечный спутник, наделенный «отдаленностью и отрешенностью спутника». ⁵³

Милошу тоже не дано было иметь детей. «Мало знаю мою жизнь. Не видел никогда / Ее блеска в глазах ребенка, порожденного мной», с болью писал поэт. В 1909 г. Оскар влюбился в Эмми Гейне-Гельдерн, внучатую племянницу Гейне. Он был уверен, что нашел свою вторую половину, свою единственную любовь в жизни. Однако счастье длилось (как и у Волошина) лишь один год. На следующий год Эмми покинула его, выйдя замуж за другого. ⁵⁴ Больше поэт любви земной не искал. В «Нихумим», 40-летний Милош переосмысливал свое отношение к женщинам и к любви в целом:

Сорок лет.

Чтобы научиться говорить без презрения

о женщине. О, Любовь!

Сорок лет я искал тебя среди женщин,

Но воистину не среди них тебя нашел. ⁵⁵

В других стихах он утешал себя тем, что не был создан для земной любви:

Я слишком велик для земных дочерей,

Им не понять моей любви.

Моя любовь так велика, что ни одно существо
Не осмелится приблизиться к ней...⁵⁶

Оставаясь убежденным холостяком, Милош выработал философию трансформации земной любви в небесную. На смену химере земного счастья приходило вечное счастье любви к вселенной и ее Создателю. Тема этой Любви, которая «словно внутреннее Солнце» плывет «над просторами памяти», во всю силу прозвучала в таких работах Милоша, как «Любовное Посвящение» и «Мигель Маньяра».

Хотя, как и Волошин, Милош был воплощением вежливости и доброжелательности, людей настораживала его холодная отрешенность. Интересны впечатления Эренбурга, которому довелось встречаться с Милошем в Париже. Самым удивительным в Милоше, по словам Эренбурга, был разительный контраст между тем, о чем он говорил, и тем, как он это говорил: отрешенность «бледных, как будто выцветших глаз поэта» и холодное спокойствие его тона никак не соответствовали трогательной теме беседы.⁵⁷ Сам Милош признавался, что любил людей, но особой «старой любовью, /Траченной милосердием, гневом и одиночеством».⁵⁸ Несмотря на все усилия, ему никогда не удавалось скрыть привкус горечи в своей любви. Очевидно, это чувствовали все, и никому не хотелось любви из сочувствия или сожаления. Так поэт и остался, по его словам, «Один перед безмолвными ледниками старости!»

Многие люди, родившиеся с квадратурой Луна-Сатурн, страдают от одиночества или от неумения близко сходить с друзьями, но далеко не всяким дано возместить эту потерю развитием в себе любви ко всему сущему. Милош и Волошин родились под знаком Близнецов и имели много планет в этом знаке. Обычно Близнецам характерна излишняя интеллектуальность при ограниченной эмоциональности. В 1992 г. Хикки так описала это их качество: «Они любят всех, но им трудно полюбить одного».⁵⁹ Хикки, конечно, не имела возможности прочитать ни знаменитую строфу Волошина «близкий всем, всему чужой», ни ее отражение в поэзии Милоша: «всех я любил одинаково, никогда не умея разделять свою любовь».⁶⁰ Простая ли это случайность, что оба селестальных близнеца охарактеризовали себя точно такими же словами, как спустя 80 лет другой эзотерический учитель охарактеризовал основные особенности их знака зодиака? Хикки принадлежала другим временам, другой культуре и континенту, но, тем не менее, архетипальные свойства людей, как видно, не зависят ни от национальности, ни от языка.

Вернемся к детству Волошина. Как и Оскар, Макс рано начал искать утешения в мировой литературе. Воображаемый мир книг отвлекал от семейных невзгод, а домашний репетитор – русский студент Туркин, ставший впоследствии журналистом – превратился в лучшего друга. Вместе с ним Макс выучил наизусть стихи Пушкина и Лермонтова, изучил латынь и пристрастился к Эдгару По. Учитель и ученик погружались в историю религий и искусства, ведя горячие споры о мировой культуре в целом. После такой разносторонней подготовки последовали, по словам Волошина, «самые темные и стесненные годы в жизни, исполненные тоски и бессильного протеста против неудобоваримых и ненужных

знаний» в Поливановской и в первой казенной гимназиях Москвы.⁶¹ Волошин продолжал, что шок от столкновения с образовательной системой в 1888 г. отравил ему оставшиеся годы детства.

Перекликаясь со своим селестиальным близнецом, Милош жаловался на ограниченность и нелепость французской системы образования. Увлечение поэзией помогало Оскару компенсировать неудовлетворенность лицейскими, по его словам, «примитивно рационалистическими» подходами.⁶² Это было время влюбленности в стихи По; он обожал мистику Бодлера и боготворил Байрона и Мицкевича. В эти годы Милош начал писать свои первые стихи.

Несмотря на то, что Милош окончил лицей с отличием, ему вовсе не хотелось продолжать современное высшее образование, основанное, как он говорил, «на принципах наиболее наивного и грубого» механистического мышления.⁶³ Чувствуя, что истинное знание уже когда-то существовало на земле, он отставил на время современную науку, литературу и философию, чтобы заняться изучением культуры древнего мира. В школах восточных языков в Париже он изучал восточную эпиграфику, гебраистику и ассириологию.

Начало нового века стало поворотной точкой в жизни Милоша. В 1899 г. в 22-летнем возрасте он опубликовал свой первый поэтический сборник с показательным названием «Поэмы упадка». В январе 1900 г. Фор провозгласил его новым гением французской поэзии. Несмотря на головокружительный успех и на прелести парижской жизни, на сердце у Милоша было тяжело. Чувство одиночества и мысли о нелепости земного существования порождали озлобленность и ненависть ко всему на свете. «Эта ненависть – резонная в своей нерезонности»,⁶⁴ как писал Милош, и подтолкнула его взять револьвер, чтобы 1 января 1901 г. пустить себе пулю в сердце. Милош отчетливо помнил, что сделал это в состоянии полного спокойствия, но, к своему удивлению, почему-то промахнулся. Пуля попала в легкое, вызвав такие тяжелые повреждения, что врачи были уверены в неизбежном конце от удущья. Вопреки всем прогнозам, поэт быстро вышел из опасного состояния и вскоре поправился.

В 1902 г., после смерти отца, Милош возвратился в Черее, и в том же году закончил сборник стихов на польском языке. До 1905 г. он много читал, писал и путешествовал. Мысленно совершая прогулки по Испании с Дон Кихотом, а по Италии с Гейне, он рассекал пространственно-временные границы, ощущая себя личным другом Гете, Байрона, Гельдерлина и Шамиссо.

После революционных событий 1905г, когда мать Оскара переехала в Варшаву, он решил продать семейные владения в Черее государственной компании, занимавшейся разделом земли крестьянам. Период с 1905 г. по 1912 г. стал для поэта его «кочевыми годами в пустыне», когда, не имея домашнего очага, он избродил всю Европу (Германию, Россию, Англию, Италию и Испанию) и Северную Африку. Поэта влекло к себе все необычное, фантастическое и таинственное, и свои годы скитаний он сочетал с поиском мистических учений, учителей и групп.

Период накопления впечатлений от исследования внешнего мира совпал у Милоша с периодом внутреннего перерождения поэта из разочарованного жиз-

нюю юноши в вестника грядущего нового Христианства. В ретроспективных сборниках стихов тех лет – «Семь одиночеств» (1906) и «Стихии» (1911) – отчетливо проступали следы его бурной молодости, видевшей паганизм и донжуанство, ненависть к своим еврейским и христианским корням, циничный подход к жизни и попытку самоубийства. От влияния символистов и Клоделя в «Поэмах упадка» он рос к классическим формам Бодлера. В стихах, вошедших в эти книги, поэт переосмысливал свое прошлое в свете размышлений о судьбах ушедших былых культур. Основным выводом Милоша из пережитого стала убежденность, что ненависть и насилие не могут привести к решению проблем человечества. Начиная с 1905 г., Милош, провозгласил себя «Рыцарем Любви» и вестником новой христианской метафизики.⁶⁵ Поэт целеустремленно искал посвящения, изучал теософию и посещал эзотерический кружок Натали Клиффорд Барни.

В результате долгого поиска настал день в жизни Милоша, когда он достиг «порога ясности». 14 декабря 1914 г. поэт был готов к душевной трансформации, к «ночи озарения».⁶⁶ Из воспоминаний его друга следует, что в то время Милош тяжело болел, на протяжении нескольких недель не покидая своей квартиры. Когда же он выздоровел, то смог описать свои ощущения от целительного видения только одной фразой: «Я видел духовное солнце».⁶⁷ Видение это радикально изменило мировоззрение поэта, считавшего себя с тех пор посвященным. Уверенный в собственной миссии, Милош засекречивал свои сочинения определенным шифром, так, чтобы никто из непосвященных не мог их понять. Становясь сродни Сведенборгу (о котором он не знал до 1914 г.) и излагая свои идеи в стиле «Апокалипсиса», Милош написал свои главные сочинения («Великое искусство» и «Арканы») как пророческие письма, обращенные к отдаленным поколениям. Его белые стихи стали для современников немыслимо странными как по форме, так и по содержанию.

Поразительно, что именно 1914–15 гг. считаются критиками Волошина годами драматического перелома в стиле поэта. Если до этого времени поэзия Волошина была сродни французским и русским символистам, то после 1915 г. поэт совершенно отрекся от рифмы, а его поэмы от проникательного анализа настоящего перешли к пророческим видениям будущего. Некоторые критики пытались объяснить эти перемены шоковым влиянием первой мировой войны. Но в этом случае следовало бы ожидать подобного влияния и на других поэтов – друзей Волошина. Тем не менее, по непонятной причине, из всех европейских поэтов лишь один Волошин, почти одновременно с Милошем, отбросил привычные поэтические формы, обратившись к мистическим видениям и став изгоем в литературной среде.

Вернемся к биографии Волошина. Первые школьные годы разочаровали мальчика. Бесконечная зубрежка вызывала у него глухой протест и отказ от подчинения бессмысленным с его точки зрения требованиям. Учителя московских гимназий даже не пытались найти путь к сердцу этого способного подростка, писавшего к тому времени собственные стихи. Наоборот, они хотели выработать в нем послушание, и для этого оставили его даже на второй год. Эта печальная ситуация в корне изменилась в 1893 г., когда Волошины покинули Москву. Мать Макса

приобрела маленький участок земли в Коктебеле, неподалеку от Феодосии. Теплый крымский воздух, наполненный мистическим дыханием древних культурных напластований (тавры, скифы, печенеги, греки, готы, гунны, хазары), повлиял на всю дальнейшую жизнь поэта. Пустынный суровый берег, легендарная Киммерия древних — все это оформилось в неповторимую киммерийскую тему в поэзии и живописи Волошина. Как Оскар был пленен Парижем, так Макс навсегда привязался к Коктебелю.

До окончания гимназии в Феодосии Максус пришлось жить самостоятельно. Крымская либеральная школа не придерживалась суровых методов столицы. Директором феодосийской гимназии был в те годы выдающийся педагог Виноградов, который сразу же обратил внимание на литературные способности нового ученика. В его гимназии Волошин заслужил всеобщее признание в качестве будущего поэта, и там же он начал изучать живопись. Новые друзья и возможность сочетать формальное образование с любимыми занятиями позволили Волошину в 1897 г. окончить гимназию с прекрасными отметками. В том же году он поступил на юридический факультет Московского Университета.

Последние годы уходящего века внесли в жизнь Волошина резкие повороты, смешавшие все его планы. «Два года студенческой жизни в Москве оставили впечатление пустоты и бесплодного искания»⁶⁸, — писал Волошин. Короткие периоды в Москве, сопровождавшиеся гонениями со стороны полиции за участие в студенческих беспорядках, чередовались поездками по всей Европе. Как и в жизни Милоша, просто невозможно уследить за всеми перемещениями и всеми интересами Волошина. Можно лишь кратко упомянуть, что за два года он успел изучить немецкий в Берлине (и перевести Гейне), посетить Париж (и влюбиться до безумия в этот город), исходить с блокнотом в руках Италию и Грецию в поисках понимания души рисунка. Этот период скитаний достиг апогея в 1900 г., когда Волошина арестовали и окончательно исключили с третьего курса университета. Поразительно, но формальное образование Волошина окончилось одновременно с Милошем; всю дальнейшую массу знаний эти селестиальные близнецы приобрели самостоятельно.

Для того, чтобы избежать дальнейших гонений и высылки, после короткого ареста Волошину пришлось удалиться в Среднюю Азию, где он полгода проработал на прокладке железных дорог. В «Автобиографии» поэт писал: «Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, были решающим моментом в моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры».⁶⁹ В результате этих откровений Макс принял решение, что отныне всю жизнь свою он посвятит литературе, искусству и поискам древнего истинного знания. Это решение было настолько значительным, что Волошин считал себя заново рожденным: «1900-й год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения».⁷⁰

В то время как жизнь Милоша была в опасности, когда он, ненавидя бесплодность происходящего, пытался покончить с собой, Волошин был в опасности, участвуя в борьбе против ненавистного ему царского режима и подвергаясь аресту и высылке. К началу века оба они дошли до того состояния, при котором

прежний образ жизни больше не мог удовлетворить их. Случайно или нет, но в 1900 г. оба они вышли на дорогу поиска истины. Для Волошина (как ранее для Милоша) начальной точкой поиска стал Париж. И хотя весной 1901 г. Волошин, покинув Ташкент, еще раз заехал в Берлин, у него не возникло желания оставаться там. Его манил Париж.

Франция заняла важное место в жизни Волошина. Жил он на Монпарнасе, в студии своего друга – художницы Кругликовой, проводя все дни в насыщенных занятиях. Поэт слушал лекции по ассириологии и египтологии, изучал историю искусства, интересовался кубизмом, оккультизмом, теософией и франкмасонством. Ненасытная жажда знаний заставляла его посещать лекции в Сорбонне и допоздна засиживаться в национальной библиотеке. В Париже он вошел в литературные и художественные круги, познакомившись со многими поэтами и художниками. У Франции он учился художественной форме, у Парижа он перенимал чувство красок и ритма. Он много рисовал, переводил на русский язык и писал для русских журналов. К тому времени Волошин уже начал приобретать популярность в России, и из его корреспонденций российские читатели узнавали о новейшем искусстве Франции. Переводы Волошина в «Аполлоне» познакомили русскую публику с творчеством Х. М. Эредиа, П. Клоделя, Анри де Ренье. Многие русские поэты будут с благодарностью вспоминать Волошина за то, что в начале века он ознакомил их с французскими традициями, да и творчество самого Волошина до 1915 г. будет оставаться под французским влиянием. Волошин настолько естественно погрузился в парижскую жизнь, что его друзья вскоре стали видеть в нем типичного парижанина. Андрей Белый вспоминал, что Макс поразил его как блестящим знанием французского языка, так и своим видом парижанина.⁷¹ А Цветаева добавляла: «Он так и жил, головой, обернутой на Париж. Париж XIII века или нашего нынешнего, Париж улиц и Париж времен был им равно исхожен. В каждом Париже он был дома, и нигде, кроме Парижа, в тот час своей жизни и той частью своего существа, дома не был».⁷² Это сродство Парижу в точности соответствовало ощущениям Милоша, но было чуждо большинству российских литераторов, проживавших в Париже, но оборачивавших голову к России.

До 1915 г. Волошин много скитался и в земном и в метафизическом смысле слова. Вслед за «годами странствий» (так определил 1898–1905 гг. сам поэт) шли «годы блуждания» (1905–12): Волошин пешком исходил Средиземноморье, побывал в Испании, Германии, Швейцарии, Австрии, Турции и Англии. Зимовал он большей частью в Париже, но иногда наведывался в Россию. Лето он чаще всего проводил в Крыму, но нигде не имел домашнего очага. Названия подборок стихов 1900-10 гг., такие как «Книга странствий», «Когда время останавливается» или «Блуждания», ярко свидетельствуют об этом периоде жизни поэта. К тому времени Волошин уже сознательно провозглашал свою миссию на Земле: «Лампу Психеи несущая в руке – / Синее пламя познания».⁷³ Вечный скиталец, не находя своего места в современности, Волошин с тоской спрашивал в 1903 г.:

Когда ж уйду я в вечность снова?
И мне раскроется она,

Так ослепительно ясна,
Так беспощадна, так сурова
И звездным ужасом полна!⁷⁴

Все эти годы Волошин тянулся к эзотерическим знаниям. Он учился буддизму у Хамба-ламы Тибета и дружил с австрийским мистиком Рудольфом Штейнером. Увлечшись идеями антропософии, Волошин приезжал в Дорнах (Швейцария) для принятия участия в постройке первого антропософского храма «Гетанума», символа братства народов и религий.

Начиная с 1901 г., жизни обоих селестиальных близнецов текли почти параллельно. Оба много разъезжали, но часто делали передышку в Париже. В 1905 г. оба случайно оказались в Петербурге, став невольными свидетелями кровавых событий. Оба принимали участие в тайных ложах Парижа и Европы. Темы и стиль поэзии Милоша и Волошина тоже проходили параллельные фазы: если до 1914 г. в них доминировали влияния Клоделя, Верхарна и Блока, то после него произошел резкий перелом.

Начиная с 1914 г., Волошин предстал перед миром вестником Любви. На первую мировую войну он откликнулся и книгой стихов «Anno mundi ardentis» (1915), и открытыми высказываниями протеста. Посреди моря всеобщей взаимной ненависти и шовинистского угара он осмелился встать «одному против всех», по его собственному, ставшему крылатым, выражению, «молясь за тех и за других».⁷⁵ Эренбург вспоминал, что стихи Волошина, написанные в Дорнахе, отличались от всего, что модно было говорить. По его словам, в то время «Бальмонт потрясал оружием; Брюсов мечтал о Царьграде; Игорь Северянин кричал: «Я поведу вас на Берлин!», а Волошин, забыв свои детские игры, писал: «В эти дни нет ни врага, ни брата: / Все во мне и я во всех.»⁷⁶ В 1914 г. у Волошина уже не было сомнений, что насилием нельзя разрешить никакие проблемы; и он молился: «Дозволь не разлюбить врага/ И брата не возненавидеть».⁷⁷ И когда шокированные друзья поэта отшатывались от него из-за странных призывов к состраданию к русским и к немецким раненым, наверно, только Милош, написавший «Я вестник мира...»⁷⁸, мог бы понять его чувства.

Волошин не всегда был настолько миролюбивым человеком. Как и Милошу, ему пришлось испытать чувства ненависти, отчаяния и гнева. Был, по крайней мере, один случай в жизни Волошина, когда он (как и Милош) играл в смертельную рулетку с револьвером, стремясь убить или быть убитым. Речь идет о том, что в 1909 г. Волошин вызвал на дуэль поэта Николая Гумилева, оскорбившего (по его мнению) доброе имя поэтессы Елизаветы Дмитриевой (Черубины де Габриак). Дуэль состоялась, но пистолет Волошина дважды дал осечку. Впоследствии Волошин оправдывался тем, что, не умея стрелять, он боялся сделать случайный неверный выстрел, который мог бы убить противника. Это был последний раз, когда поэт искал решения проблем путем насилия. Впоследствии Волошин и Гумилев пожали друг другу руки, а Волошин научился преодолевать вспышки гнева посредством медитаций.

Каким человеком был Волошин в 1914 г.? К тому времени, как Милош увидел духовное солнце, у Волошина произошел, по крайней мере, один странный инци-

дент, описанный Цветаевой. На праздновании 1914 нового года в Коктебеле собрались друзья поэта. Велась оживленная беседа, и вдруг пошел сильный запах дыма и гари. Пожар! Горело деревянное подполье, и огонь грозился уничтожить все картины и книги Волошина. Перепуганные гости кинулись искать ведра с водой, понимая, что одними ведрами тут не помочь. Лишь один Волошин сохранял спокойствие. Вбежав со своим ведром, Цветаева замерла от удивления, увидев «молниеносное видение Макса, вставшего и с поднятой — воздетой рукой, что-то неслышно и раздельно говорящего в огонь. Пожар — потух. Дым, откуда пришел, туда и ушел. Двумя ведрами и одним кувшином, конечно, затушить нельзя было». Все ценности Волошина остались неповрежденными. «Пожар был остановлен — словом», — заключила эту невероятную историю Цветаева, добавив при этом, что в этот день она зажмурилась от лица Волошина, как от полдневного солнца.⁷⁹ Чтобы дополнить картину мифа о связи Волошина с огнем, Цветаева приводила свидетельство одного знакомого Волошина: «в иные минуты его сильной сосредоточенности от него, из него — кончиков пальцев и кончиков волос — было пламя, настоящее, жгучее».⁸⁰

Может статься, что рассказы друзей Волошина — это всего лишь невинные выдумки, составлявшие часть мифа о поэте. Может также быть, что ночь озарения Милоша — это всего лишь сон, превращенный в легенду. Но важно то, что в 1914 г. об обоих поэтах ходили легенды, приписывавшие им таинственные знания и связывавшие обоих с солнечным сиянием.

Несмотря на отказ Волошина от службы в царской армии, в 1916 г. ему все-таки прислали повестку. Поэту долго пришлось добиваться освобождения от мобилизации, пока медицинская комиссия признала его непригодность к военной службе вследствие хронической астмы. После революции 1917 г., заставшей поэта в Москве, он решил вернуться в Крым, где и прожил, почти безвыездно, до самой смерти.

По странной прихоти судьбы и вследствие геополитических изменений в 1916 г. Милош оказался натурализованным русским и тоже был призван в царскую армию. Продолжая жить в Париже, поэт служил в качестве пресс-секретаря русской дивизии при французской армии. В его обязанности входило информировать военных корреспондентов, собиравшихся в Доме Прессы для получения отчетов о военных действиях. Там с ним и познакомился Эренбург, удивленный тем, что вместо военного специалиста, ему пришлось выслушивать поэта, живо обсуждавшего проблемы литературы. На миг писатель даже забыл, где он находится, представив, что сидит с друзьями в знаменитой парижской «Ротонде» (артистическом кафе, где он не раз засиживался с Володиным).⁸¹

После революции литовские земли семьи Милоша были экспроприированы. Поэт стал русским эмигрантом без подданства и без средств к существованию. В тот период Милош придавал большое значение историческим корням отцовской аристократической ветви, пытаясь доказать особую важность исторической роли Литвы. Он даже называл Литву матерью Индо-Европейской расы и «духовным центром современного арийского мира».⁸² Оказавшись перед выбором, гражданство какой из вновь образованных стран ему принять, он, не колеблясь, назвал

Литовскую республику, образованную в 1918 г., своей новой родиной. Так как литературные труды Милоша никакого коммерческого успеха не имели, то, чтобы заработать на жизнь, поэт поступил на дипломатическую службу в делегации Литвы. Владение многими языками и опыт жизни во многих странах способствовали успешной дипломатической карьере Милоша. Он служил Литве верой и правдой, ведя многолетнюю интенсивную дипломатическую деятельность, направленную на включение своей страны в общеевропейский контекст (среди прочего, он сотрудничал с французским правительством и принимал участие в Генуэзской конференции 1922 г.). На протяжении шести лет, начиная с 1921 г., Милош выполнял практически невыполнимую задачу: он оставался литовским представителем в Париже во время войны между Литвой и союзником Франции – Польшей! Позднее Милош говорил, что никому другому не удалось бы справиться с такой щекотливой миссией. Только благодаря его умению уважительно относиться ко всем конфликтующим сторонам, Милоша принимали и слушали. Считалось даже, что только его вмешательство помогло Литве решить в свою пользу спорный территориальный вопрос Клайпеды.

Милош отдавал Литве свою душу и сердце, но литовское государство продолжало видеть в нем чужака, потомка польских аристократов и еврейских раввинов. Поэт начал понимать свою отчужденность еще в 1924 г. Уже на следующий год он сам попросил освободить его от должности представителя Литвы, продолжая, однако выполнять роль советника при Литовской миссии в Париже (он писал все дипломатические ноты, выходившие из стен посольства). Вплоть до отставки в 1938 г. Милош сохранял тесную связь с литовским посольством в Париже: он писал множество статей, читал лекции о Литве, занимался переводом на французский язык произведений литовского фольклора. Кроме того, поэт с готовностью принимал у себя дома многих литовских писателей и поэтов, стараясь по мере сил помогать им. Одним из постоянных гостей в его доме стал племянник, Чеслав Милош, к которому поэт привязался, как к родному сыну.

Пожалуй, наиболее характерной чертой в позднем периоде жизни Милоша становилось его эмоциональное отрешение от внешнего мира. Какие бы перемены не происходили вокруг него, он старался сохранять душевное спокойствие. Его посвящение показало поэту, что все земные перипетии преходящи. И даже его принадлежность Литве уже не столь была важна Милошу, когда в 1931 г. он, по его просьбе, получил французское гражданство. С этого момента официально он прекратил считаться литовским дипломатом, хотя по доброй воле он продолжал сотрудничать с посольством.

С годами Милош все меньше искал общества людей. Обращаясь в духе учений Святого Франциска, к «братьям нашим меньшим», Милош всей душой полюбил птиц. С начала 1930 г. большую часть времени он проводил в парке Фонтенбло, наблюдая за птицами и подкармливая их. Со временем судьба птиц настолько стала важна для него, что он даже издал бюллетень «о зимней подкормке птиц в парке дворца Фонтенбло». Посетители парка с удивлением смотрели на этого пожилого человека, как бы владеющего языком птиц: только на его зов все птицы слетались, и только у него единственного они усаживались на плечах или

руках.⁸³ Птицы стали занимать настолько важное место в жизни Милоша, что общение с ними казалось ему едва ли не самым важным делом его жизни. В 1935 г. он писал: «Прошлой зимой... я вернулся в Фонтенбло, тревожась, что меня там порядком подзабыли. Напрасные тревоги! Как только я вошел, тропинки, деревья и кусты откликнулись многими голосами, приветствуя меня радостными криками всевозможной живности. Это событие – одно из трех или четырех самых дорогих и трогательных воспоминаний, которые я унесу с собой с этой тяжелой планеты Земли».⁸⁴ Чтобы заниматься разведением своих любимых птиц, Милош решил переехать в Фонтенбло. В 1938 г. он приобрел там маленький домик, в котором и умер 2 марта 1939 г. от эмболии легкого.

Когда Милош умер, его имя оставалось неизвестным широкой публике. Его поздние работы воспринимались как сложные, трудные тексты, почти тайнопись. Поэт настаивал, что они написаны не для всех, а лишь для спасения избранных. Такие важные произведения Милоша, как «Послание к Сторгу» (1917), «Песнь познания» (1918) или «Исповедь Лемюэля» (1921), все ближе приближали поэта к исполнению его жизненной миссии, а именно к созданию нового поэтического языка. Ему казалось, что слова и ритмы приходили к нему извне; поэт перестал сочинять поэмы, он их только воспринимал и записывал. Одной из главных работ Милоша стало «Великое Искусство» (*Ars Magna*, 1924), напоминавшее скорее трактат по духовной алхимии, нежели литературное произведение. «Арканы» или «Эликсиры алхимиков» (*Les Arcanes*, 1926) – философское, мистическое и теологическое видение действительности – фактически стало последним поэтическим произведением Милоша. Он передал человечеству свое учение, надеясь, что потомки поймут его идеи.

В последние годы жизни Милош много времени посвящал изучению религиозных традиций и учений своих предков. С одной стороны, он формально вернулся в лоно католической церкви (духовное наследие отцовской стороны), с другой стороны, он продолжал поиск ключей к пониманию Кабалы и Ветхого Завета (вера его материнских предков). Результаты библейских исследований Милоша были собраны в книгах «Разгадка Апокалипсиса Иоанна Богослова» (написана в 1933 г., осталась неизданной) и «Ключ к Апокалипсису» (издана автором за свой счет в 1938 г.). Эти попытки Милоша истолковать самую загадочную книгу Писания, накладывая изречения из нее, с соответствующим «ключом», на современную ему историческую действительность, казались нелепыми и непонятными. Однако, по крайней мере, два предсказания заставляют многих сегодняшних читателей задуматься: во-первых, его апокалиптическое видение второй мировой войны, а во-вторых, его раннее предсказание и понимание основных принципов общей теории относительности.⁸⁵

После смерти Милош был надолго забыт, став жертвой непонимания и пренебрежительного равнодушия современников. Интерес к нему начал потихоньку просыпаться лишь спустя 20 лет, после успешной премьеры на французской сцене его мистической драмы «Мигель Маньяра». Приблизительно в тот же период произошел и драматический перелом в посмертном отношении к Волошину. Начало Хрущевской оттепели позволило вернуть имя Волошина в общественное созна-

ние. Сначала разрешили говорить о Волошине как о художнике, затем – как о поэте-символисте, и лишь после 80-ых годов, как о мистике, историке и пророке. Таким образом, Милошу и Волошину даже после смерти был предречен параллельный путь, где на смену отливам забвения приходили приливы признания.

Одним из самых непонятных решений в жизни Волошина было его желание остаться в послереволюционной России. В то время, когда большинство его друзей эмигрировали, ему тоже предлагали оформить заграничный паспорт и выехать в Париж. Казалось, что могло быть логичнее для гражданина вселенной и сына Парижа, чем поселиться в любимом городе? Но, в то время как в Милоше проснулись голоса предков, призывавших к верности Литве, Волошин неожиданно преисполнился верноподданническими чувствами к «родине отцов» – России. Как и Милош, он вдруг стал писать об особой исторической миссии своей страны. Из «Апокалипсиса» он высчитал, что именно Российская равнина – это то место, где будут решаться судьбы мира. В статье «Россия распятая» он говорил, что Россия совершает «жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заболевание социальной революцией, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе». ⁸⁶ Роль России в глазах Волошина сводилась к «всемирному служению». В стихах «На дне преисподней» Волошин с оттенком мистического патриотизма объяснял свою готовность разделить судьбу с Россией:

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!⁸⁷

Анализ российской истории, проводимый Волошиным, был сугубо субъективным и мистическим. Его главной чертой была вера в то, что после кровавого крещения Россия воскреснет очищенной и обновленной. Не восторгаясь революцией, но и не проклиная ее, поэт пытался понять объективные законы мировой истории. Как и во время мировой войны, в годы гражданской войны Волошин последовательно отказывался принимать чью-то сторону:

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.⁸⁸

Поэт молился за всех, говоря, что палач, быть может, даже больше нуждается в благословении, чем его жертва. Эта уникальная способность сочувствовать всем, вне зависимости от их убеждений, позволила Волошину проявить незаурядные дипломатические способности. С самого начала гражданской войны дом поэта в Коктебеле открыл свои двери для всех, кто нуждался в убежище. Там можно было найти и друзей-литераторов, бежавших со всех концов страны, и красноармейцев, и белых офицеров. Цветаева писала о мифических способностях миротворчества Волошина: «Всякую занесенную руку он, изумлением своим, превращал в опущенную, а бывало, и в протянутую». И она продолжала: «Он умел дружить с человеком и с его врагом, причем никто никогда не почувствовал его

предателем, себя – преданным... Его дело в жизни было сводить, а не разводить».⁸⁹ (Как тут не вспомнить Милоша, поддерживавшего дипломатические отношения между воюющими странами?) За укрытие белых или красных Волошин попеременно приговаривался к смертной казни то красными, то белыми, но каким-то чудом всегда избегал ареста.

Знание языков, обычаев и культур в сочетании с уважением ко всему живущему подготовило Волошина к его необычной дипломатической миссии. Большевики и контрреволюционеры, богачи и нищие – все верили в его способность спасти людей от террора. Так он, например, спас Мандельштама и помог бежать Эренбургу. Не опасаясь за свою жизнь, он спас красного генерала Маркса, пробравшись для этого сквозь огонь гражданской войны в ставку самого Деникина. В результате, много людей чувствовали себя обязанными жизнью этому удивительному человеку.

После гражданской войны Волошин сконцентрировал все свои усилия на сохранении ценностей российской культуры. Он никогда не служил государству, но всегда был готов служить на благо людям. Поэт читал лекции на научно-популярные и литературные темы; он встречался с красными комиссарами, объясняя им важность литературы и искусств. Его дом в Коктебеле превратился в Дом поэта – легендарный дом отдыха, где сотни деятелей культуры могли провести короткий отдых. Отцовское сердце Волошина было открыто для всех, кто нуждался в его поддержке.

Начиная с 1917 г. поэзия Волошина приняла мистическую, историческую и философскую окраску. В своем программном стихе «Подмастерье» (1917) Волошин (подобно Милошу) объявил об отсутствии разницы между стихом и прозой: «Нет грани между прозой и стихом». Задача поэта, писал Волошин – это дать имя всем предметам и явлениям, постичь душу слова, став «освободителем божественных имен».⁹⁰

Как бы перекликаясь с Волошиным, Милош привел свое определение божественной поэзии в «Песне Познаний» (1918): «Поэты Бога озирали мир архетипов и описывали его благоговейно посредством точных и ясных терминов языка познания».⁹¹ В 1921 г. в одном из своих писем Милош развивал далее эту тему: «Я пришел к окончательному пониманию мечты моей жизни – к созданию поэтического языка, который превосходит по силе даже музыку, непосредственно отражая посредством души слов невыразимые стороны существования».⁹²

Кто бы мог ожидать, что в периоды войн и революций оба селестиальных близнеца внезапно увидят свою миссию в высвобождении «божественных имен»? Они не обращались к чувствам людей, и не призывали ни к каким конкретным действиям. Их судьбой стало расширение горизонтов человечества путем обогащения словарного запаса. Родившись в Близнецах, Милош и Волошин как бы становились воплощением символа своего знака зодиака, ‘, традиционно изображающего столпы познания. Так что, когда Волошин говорил, что «жизнь – бесконечное познание»⁹³, а Милош сообщал в «Песне познания»: «И я вернулся, чтобы сообщить мое знание», оба они выражали самую сокровенную суть своего знака зодиака.

Милош и Волошин много говорили о Любви с большой буквы. Но эта их любовь не носила эмоциональной окраски, оставаясь скорее возвышенным чувством – неизбежным следствием познания универсальных законов вселенной. Все происходящее на Земле принимало другие пропорции, становясь лишь малой песчинкой во вселенской драме миров. Милошу «даже крушение великих империй казалось происшествием мелкого местного масштаба на фоне торнадо, разносящего всю планету».⁹⁴ Для Волошина страдания России на таком фоне казались лишь минутными помехами. В поэмах «Демоны глухонемые», «Террор» и «Путями Каина» Волошин рассматривал происходящее в России с точки зрения универсальных проблем, связанных с разрушительными тенденциями человечества в целом и западной культуры в частности.

В «Путях Каина» (1923) проявлялась и научная интуиция поэта, понимание новейших для того времени физических концепций:

Нет вещества – есть круговерти силы;
Нет твердости – есть натяженья струй;
Нет атома – есть поле напряженья
(Вихрь малых «нет» вокруг большого «да»);

...

Струи времен текут неравномерно;
Пространство – лишь многообразие форм.
Есть не одна, а много математик...⁹⁵

Еще в 1923 г. Волошин осознал, что основная опасность для человечества скрывается в энергии «расщепления атома», и что атомной энергии под силу полное уничтожение планеты.⁹⁶ Интересно, что поэт в своих видениях опередил науку, открывшую возможность создания атомной бомбы лишь в конце тридцатых годов. Волошина нельзя было назвать ученым; он был всего лишь одиноким странником, жаждущим познания. Из каких же далеких миров принесла его душа эти новые знания? Из какого мира он принес теорию, объясняющую, что для предотвращения грядущей катастрофы каждая последующая стадия развития науки должна уравниваться поднятием на следующую стадию развития любви? Волошин никогда не раскрывал источников своих познаний, и всегда сознательно избегал любых доказательств или проверок своих идей. Его целью всегда было «бросить горсть идей – и посмотреть, как они взойдут».⁹⁷ Поэт никогда не стремился обучать; ему хотелось всколыхнуть живую мысль, раззадорить, пробудить любопытство. Не заучивать чужие идеи, а прозреть самому – вот, к чему он призывал. Современники не понимали, о чем говорил Волошин, и физика тех лет еще не поспевала за видениями мистика. Сегодняшних исследователей уже не так волнует, о чем говорил Волошин, сколько, каким образом он угадывал будущие пути развития науки.

В этом вопросе сравнение с Милошем напрашивается само по себе. Для Милоша вряд ли было секретом, как Волошин приобретал свои познания, ибо он верил, что истинное понимание поэзии «в большой степени будет способствовать пониманию внутреннего синтеза великих открытий в физической химии, астрономии, а так же в древней истории и предыстории».⁹⁸ Милош был известен

способностью предвосхищать научные открытия. Его «Великое искусство», предугадывающее результаты теории относительности, было написано в 1916 г. еще до публикации Эйнштейном в том же году его «Основ общей теории относительности». В то время ни сама теория, ни имя Эйнштейна не были известны поэту. Уже в 1917 г. Милош опубликовал поэму «Письмо к Сторгу» – результат двадцатилетних размышлений на тему природы пространства и времени – которая, по словам Милоша, стала «метафизической предтечей» общей теории относительности. Некоторые исследователи Милоша полагают, что, не зная математики, он путем медитаций и умозаключений сумел открыть все основные положения теории Эйнштейна, к которым впоследствии придут и ученые-физики. Подобно Волошину, Милош в корне отрицал необходимость математических доказательств и полагался только на «доказательства, вытекающие из аллегории».⁹⁹ Как и Волошин, он не «обучал», а «пробуждал». Трудно сказать сегодня, оказали ли работы Милоша и Волошина какое-либо влияние на развитие науки или нет, но стоит отметить, что оба они заслужили определенное признание в академических кругах. Милошу было присвоено звание почетного доктора наук Теолого-философского факультета каунасского университета,¹⁰⁰ а Волошина избрали Членом французского астрономического общества.¹⁰¹

Скептики могут полагать, что поэтические экскурсы Милоша и Волошина в мир науки являлись лишь плодом их яркого воображения, и что любое сходство поэм с реальностью оставалось случайным. В доказательство тому можно привести немало анекдотов, связанных со странностью идей этих селестальных близнецов. Так, например, по Милошу ветхозаветный рай на самом деле находился на Иберийском полуострове,¹⁰² а по Волошину Ева соблазнила Адама не яблоком, а бананом.¹⁰³ Не станем спорить ни с теми, кто свято верят в интуицию Милоша и Волошина, ни с теми, кто ее оспаривает. Факт то, что оба селестальных близнеца стали предметом жарких споров, можно ли их считать предвестниками научных открытий или нет. Важно и то, что было явное сходство как в методах их мышления, так и в изложении собственных идей. Ясно и то, что уникальность их подходов была настолько несвойственна их современникам, что каждый из них оставался бесконечно одиноким.

Еще одним странным совпадением в последние годы жизни Милоша и Волошина стал тот факт, что оба они неожиданно обратились к религии своих отцов: Милош – к католицизму; Волошин – к православию. После многих лет антропософских экспериментов, после буддизма и католицизма, после организации ассоциации российских друзей Святого Франциска и после занятий Кабалой, Волошин возвращается в лоно православной церкви. В своей поздней поэзии он обратился к библейским образам, считая, что именно в них скрывается ключ к пониманию реальности. В книге «Паралипоменон» Волошин изложил свое толкование Библии и предложил особый русский способ прийти к Новому Миру Любви. Поэт отказался от идеи сбросить большевиков путем вооруженной борьбы; вместо этого он предлагал следовать учению св. Серафима, призывавшего к очищению путем страданий. Зло не надо отвергать, а преображать в добро любовью: «Не бежать греха, но, грех приняв/на себя, собой его очистить».¹⁰⁴ Подобно

св. Серафиму, поэт призывал к духовному перерождению: пропуская через себя все людские грехи, очищать их сочувствием и прощением, даря всем исцеление и душевное спокойствие. Такие темы поэзии Волошина настолько не удовлетворяли российских цензоров, что, начиная с 1926 г. ни о какой публикации не могло быть и речи. Не имея никаких доходов, поэт еле-еле перебивался на посылках друзей, упорно отказываясь сотрудничать с государством: «Совесть народа – поэт. В государстве нет места поэту» (1925).¹⁰⁵ (Интересно, что эти строчки написаны Волошиным в год официальной отставки Милоша).

Коммунистическое государство не нуждалось в услугах Волошина. Газеты объявляли его контрреволюционером, местные власти пытались завладеть его Домом поэта, и все меньше гостей приезжало в Коктебель. Чужой у себя на родине, Волошин был одиноким в бесчеловечном государстве, где большинство его друзей погибало от рук кровавого режима. В таком государстве даже сам факт выживания Волошина уже приписывался неким мистическим силам, защищавшим его покрывалом универсальной Любви. Одетый в свою любимую длинную рубаху, похожую на греческий хитон, и обутый в простые сандалии, Волошин вел жизнь отшельника, посвятившего себя изучению вселенских тайн. (Анекдотическое сходство: в 1929 г. Милош предложил членам своей тайной ложи приходить на встречи в шелковых хитонах).

В то время как Милош искал общества птиц, Волошину было хорошо в обществе собак. Цветаева вспоминала, что он любил говорить с собаками как с людьми. Однажды, когда на стадо овец напали волки, Волошин, не теряя самообладания, спас овец. Все удивлялись, как ему удалось обойтись без борьбы. Макс же отвечал: «Не буду же я, в самом деле, драться с собаками! А я с ними поговорил».¹⁰⁶ После этого уже ни у кого не оставалось сомнений в том, что Волошин владел волчьим языком. Эта любовь к собакам и волкам дорого стоила Волошину. В 1928 г. власти сфабриковали процесс против него, обвиняя его собак в том, что они якобы загрызают соседских овец. В результате суда Волошину запретили держать собак, а одного из его любимцев даже убили. Приговор настолько расстроил Волошина, что в декабре 1929 г. он перенес инсульт, после которого уже никогда не смог вернуться в полную силу к своим интеллектуальным занятиям.¹⁰⁷

В то время, как любовь Волошина к собакам стоила ему проблем со здоровьем, любовь Милоша к птицам не раз служила причиной обострения его болезней. Зимой 1937 г. он потерял сознание, когда нес в парк тяжелый ящик с зернами для птиц. В тот раз поэт замерз, и спасся только чудом. В 1939 году ему уже не удалось выжить, когда в погоне за вылетевшей из клетки птицей, он задохнулся и упал замертво.

Как же так получилось, что Милош и Волошин не умели сохранять самообладание, когда речь шла о собаках или птицах? Интересно и то, что оба поэта почитали св. Франциска. Волошин в поэме «Святой Франциск» (1919) с любовью описал этого монаха, к которому вереницами слетались птицы и который проникновенно убеждал «брата-волка» отказаться убивать божьи творенья. По убеждению Волошина претворение в жизнь идей св. Франциска неизбежно должно было привести к царству Божию на Земле, когда бы птицы, волки и

агнцы «господа хвалою прославляли».¹⁰⁸ Можно увидеть определенный символизм, в том, что пути Милоша и Волошина не пересеклись в этой жизни. Каждый из них осуществил лишь половину замысла св. Франциска (к Милошу слетались птицы, а Волошин уговорил волков отпустить с миром овец). Очевидно, этого не было достаточно для выполнения их миссии провозглашения нового мира Любви.

В 1931 г., когда Милош потерял последнюю надежду почувствовать себя литовцем, он смог воспользоваться своим правом стать французом. В 1931 г., когда власти решили отобрать у Волошина его дом и его собак в Коктебеле, Волошин уже не мог эмигрировать, и он стал подумывать о самоубийстве. Когда же он заболел воспалением легких в 1932 г., то, по свидетельству друзей, он не хотел сопротивляться болезни. Всем было ясно, что он решил покинуть этот мир. 11 августа 1932 г. Волошин умер в своем доме в Коктебеле. Таким образом, явной причиной смерти обоих поэтов послужили проблемы с легкими.

Прежде, чем закончить сравнительные биографии этих сестиниальных близнецов, хотелось бы проанализировать, какие причины заставили обоих поэтов прекратить писать стихи в конце двадцатых годов. В случае Волошина уход от творческой деятельности мотивировался, как невозможностью публиковаться, так и перенесенным инсультом. Но, возможно, были и иные, скрытые причины ухода Волошина от интеллектуальной деятельности? Не странно ли то, что Милош тоже мог печататься в этот период лишь в «Самиздате», хотя во Франции не было никакой большевистской цензуры? Более того, в конце октября 1929 г. (во время «собачьего» суда Волошина) Милош признавался в одном из своих писем: «К несчастью, мое здоровье, с которым мне приходится все больше и больше считаться, не позволяет мне сегодня вечером выйти». И он продолжал жаловаться, что труды последних лет «требуют абсолютно аскетического образа жизни и отказа от любых занятий, не связанных с религией и познанием. Сами названия поэзии, музыки или живописи заставляют меня содрогаться от невыразимого ужаса».¹⁰⁹

В биографиях Милоша можно найти немало «объяснений» его болезни в конце 1929 г. Но ни одно из них не может объяснить, почему оба поэта одновременно испытывали одинаковые чувства «ужаса» перед поэзией и искусством. Почему настолько разные внешние геополитические обстоятельства приводили их к одинаковым внутренним переживаниям?

Идеи синхроничности и метод Θ -факторного анализа позволяют нам связать на первый взгляд разрозненные судьбы Милоша и Волошина с их общим моментом рождения. Этот взгляд на мир неожиданно находит и поддержку самого Волошина, который писал в поэме «Готовность» (1921):

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещение
Совести, огня и вод?¹¹⁰

Был ли этот симультантный выбор общим решением двух родственных душ, совершающих странствия по вселенным, одновременно заглянуть на эту Землю?

Θ-факторный и астрологические комментарии

Оба эти «благородных путника» родились в Близнецах, притом, что их Луна находилась в Стрельце. По Хьюджу такое сочетание сопровождается непреодолимым желанием к странствиям. Такие люди склонны либо изъездить весь мир, либо растрачивать энергию на слишком много различных занятий и интересов. Им просто необходимо иметь возвышенные цели в жизни. Естественными занятиями для них становятся преподавание, чтение лекций, исследования, наука, литература и религия. Далее Хьюдж уверял, что если таким людям удастся уговорить свой беспокойный ум и спокойно прислушаться к внутреннему голосу, то они становятся пророками. Более того, им дано мысленно «наводить пространственно-временные мосты»!¹¹¹ По какому-то странному совпадению этот теоретический анализ 1977 г. в точности соответствовал уникальным личностям этих многогранных скитальцев и поэтов.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 28 мая 1877 г.
Образ отца	Оба отца родились в аристократических семьях в 1838 г.
Образ матери	Семьи матерей были скитальцами. Мать Милоша была польской еврейкой, мать Волошина – обрусевшей немкой.
Раннее детство	Холод и отсутствие родительской нежности. Смешанные браки. Большая разница в возрасте и несовместимость между родителями.
Раннее образование	С детства обучались домашними репетиторами, привившими им любовь к литературе, истории и философии.
Гимназия	Школьная зубрежка не была им по душе. Оба начали писать стихи.
1900 г.	Год кризиса и «духовного перерождения».
Ранняя поэзия	В начале пути считались талантливыми символистами и переводчиками.
Любовь к Парижу	В них не было ни капли французской крови, но оба любили Париж и считались «типичными парижанами».
1901–1914 гг.	Годы скитаний и странствий.
Разочарование в любви	Брак Волошина с Сабашниковой в 1906 г. продлился меньше года. Помолвка Милоша с Гейне-Гельдерн в 1909 г. не продлилось больше года.
Редкая эрудиция	Обоих характеризовали как блестящих эрудитов.
Посвящение	Оба участвовали в многочисленных мистических группах и ложах и считались посвященными.
Пистолетная стрельба	Милош пытался совершить самоубийство; Волошин дрался на дуэли.

Часть II. Сходства и контрасты...

1914–1915 гг.	Стих становится белым; поэзия обращается к пророчеству и мистицизму.
1918 г.	Оба поэта проникаются патриотическими чувствами к родине отцов и видят в истории Литвы или России особую историческую миссию.
Дипломатическая деятельность	Оба были прирожденными миротворцами
1926 г.	Оба прекращают писать поэзию, обращаясь к токованию Библии и Апокалипсиса.
Любовь к животным	Милош говорил с птицами; Волошин – с волками.
Духовная связь с Гете	Каждого из поэтов называли современным Гете.
Отшельники	Последние годы жизни оба поэта провели в уединении.
Параллели в темах стихов	Скитания, одиночество, холодность и безумие детских лет, научные и библейские предсказания, мистическая Любовь с большой буквы – все эти темы были близки сердцам обоих поэтов. Все их стихи были обращены к будущим поколениям.

Сноски:

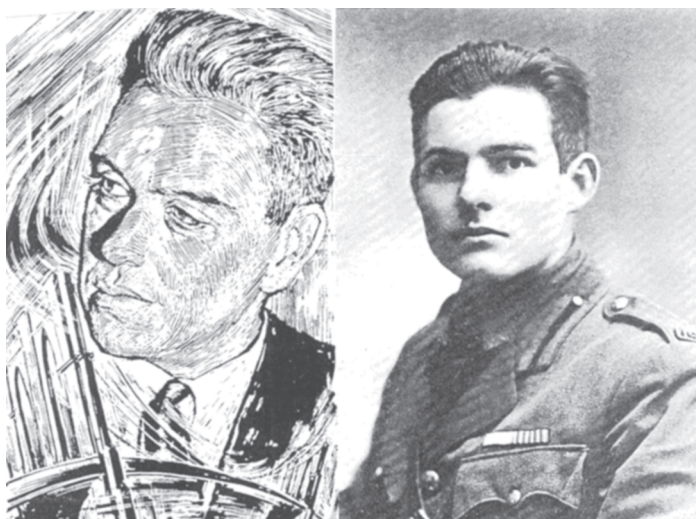
- ¹ «Песня большой дороги». Уолт Уитмен был рожден в Близнецах.
- ² O.V. de Milosz, *The Noble Traveller*, ed. Christopher Bamford, New York, Inner Traditions, The Lindisfarne Press, 1985. (Introduction by Czeslaw Milosz). (Далее – Milosz)
- ³ Максимилиан Волошин, *Путник по Вселенным*, Москва, Советская Россия, 1990 (Далее – Путник по Веленным).
- ⁴ Milosz, p. 173.
- ⁵ Максимилиан Волошин, *Россия распятая*, Москва, Агентство Пан, 1990, стр. 10 (Далее – Россия распятая).
- ⁶ Milosz, p. 449.
- ⁷ Максимилиан Волошин, *Жизнь -бесконечное познание*, Москва, Педагогика-Пресс, 1995, стр. 233 (Далее – Жизнь – бесконечное познание)
- ⁸ Путник, скиталец.
- ⁹ Milosz, p. 18.
- ¹⁰ Марина Цветаева, *Живое о живом* (Волошин), в *Сочинения*, т.2, Москва, Художественная литература, 1980., стр. 252 (Далее –Цветаева).
- ¹¹ Milosz, *The Arcana*, Exegetic Notes, verse 46.
- ¹² Arcana – тайны, снадобья.
- ¹³ Milosz, p. 187.
- ¹⁴ Milosz, p. 97.
- ¹⁵ Жизнь – бесконечное познание, стр. 26.
- ¹⁶ Избранное, стр. 23.
- ¹⁷ Жизнь – бесконечное познание, стр. 353.
- ¹⁸ Максимилиан Волошин, *Избранное*, Минск, Мастацкая літаратура, 1993, стр. 95–96 (Далее – Избранное).
- ¹⁹ Milosz, p. 290.
- ²⁰ Milosz, p. 181.

- ²¹ Россия распятая, стр. 149.
- ²² Стихотворения. Антология русской поэзии. Сост. Е. Евтушенко. Минск-Москва, «Полифакт», 1995.
- ²³ Избранное, стр. 134
- ²⁴ Milosz, p. 15.
- ²⁵ EWL, p. 412.
- ²⁶ Цветаева, стр. 253.
- ²⁷ Milosz, p. 15.
- ²⁸ Цветаева, стр. 253.
- ²⁹ Milosz, p. 49.
- ³⁰ Илья Эренбург, Люди, годы, жизнь, в Собрании сочинений в девяти томах, Москва, Художественная литература, 1966. т. 8, стр. 114 (Далее – Эренбург).
- ³¹ Жизнь – бесконечное познание, стр. 25.
- ³² Milosz, p. 19.
- ³³ Milosz, p. 121; «Сентябрьская симфония», пер. Валерия Булгакова.
- ³⁴ Milosz, p. 17.
- ³⁵ Цветаева, стр. 242.
- ³⁶ Жизнь – бесконечное познание, стр. 350.
- ³⁷ Milosz, p. 258.
- ³⁸ Избранное, стр. 33.
- ³⁹ Cynthia Marsh, M.A, Voloshin: Artist-Poet. A study of the Synaesthetic Aspects in his Poetry, Birmingham, Birmingham Slavonic Monographs, 1982, p. 39.
- ⁴⁰ Hickey, p. 16.
- ⁴¹ Цветаева, стр. 218.
- ⁴² Цветаева, стр. 224.
- ⁴³ Избранное, стр. 55.
- ⁴⁴ Избранное, стр. 56.
- ⁴⁵ Milosz, pp. 136–137.
- ⁴⁶ Hickey, p. 214.
- ⁴⁷ Эренбург, стр. 116.
- ⁴⁸ Избранное, стр. 57.
- ⁴⁹ Жизнь – бесконечное познание, стр. 370.
- ⁵⁰ Цветаева, стр. 227.
- ⁵¹ Simon Karlinsky, Marina Tsvetayeva. The Woman, her World and her Poetry. Cambridge University Press, NY, 1986. p. 35.
- ⁵² Максимилиан Волошин, Лики творчества, Ленинград, Наука, 1988, стр. 784–785 (Далее – Лики творчества).
- ⁵³ Цветаева, стр. 226.
- ⁵⁴ Milosz, p. 444.
- ⁵⁵ Milosz, 136–137.
- ⁵⁶ Milosz, p. 93.
- ⁵⁷ Эренбург, стр. 171.
- ⁵⁸ Milosz, p. 28.
- ⁵⁹ Hickey, p. 16.
- ⁶⁰ Milosz, p. 97.
- ⁶¹ Жизнь – бесконечное познание, стр. 351.
- ⁶² Milosz, p. 19.
- ⁶³ Milosz, p. 437.

- ⁶⁴ Milosz, p. 439.
⁶⁵ Milosz, p. 441.
⁶⁶ Milosz, p. 447.
⁶⁷ Milosz, p. 449.
⁶⁸ Жизнь – бесконечное познание, стр. 351.
⁶⁹ Жизнь – бесконечное познание, стр. 351.
⁷⁰ Путник по Веленным, стр. 159.
⁷¹ Эренбург, стр. 113–114.
⁷² Цветаева, стр. 240.
⁷³ Избранное, стр. 22.
⁷⁴ Избранное, стр. 24.
⁷⁵ Жизнь – бесконечное познание, стр. 138.
⁷⁶ Эренбург, стр. 117.
⁷⁷ Избранное, стр. 99.
⁷⁸ Milosz, p. 127.
⁷⁹ Цветаева, стр. 241.
⁸⁰ Цветаева, стр. 229.
⁸¹ Эренбург, стр. 171.
⁸² Milosz, p. 453.
⁸³ Milosz, p. 28.
⁸⁴ Milosz, p. 476.
⁸⁵ Milosz, p. 232.
⁸⁶ Жизнь – бесконечное познание, стр. 328.
⁸⁷ Избранное, стр. 134.
⁸⁸ Избранное, стр. 131.
⁸⁹ Цветаева, стр. 226.
⁹⁰ Россия распятая, стр. 116, 124.
⁹¹ Milosz, p. 171.
⁹² Milosz, p. 459.
⁹³ Жизнь – бесконечное познание, стр. 25.
⁹⁴ Milosz, p. 453.
⁹⁵ Жизнь – бесконечное познание, стр. 219.
⁹⁶ Жизнь – бесконечное познание, стр. 22.
⁹⁷ Жизнь – бесконечное познание, стр. 15.
⁹⁸ Milosz, p. 417.
⁹⁹ Milosz, p. 43.
¹⁰⁰ Milosz, p. 27.
¹⁰¹ Жизнь – бесконечное познание, стр. 524.
¹⁰² Milosz, p. 27.
¹⁰³ Эренбург, стр. 115.
¹⁰⁴ Россия распятая, стр. 95.
¹⁰⁵ Избранное, стр. 158.
¹⁰⁶ Цветаева, стр. 236.
¹⁰⁷ Жизнь – бесконечное познание, стр. 20.
¹⁰⁸ Избранное, стр. 141.
¹⁰⁹ Milosz, p. 470.
¹¹⁰ Избранное, стр. 134.
¹¹¹ Hughes, pp. 38-39.

РАК

Затерявшиеся в море: История жизни Эрнеста Миллера Хемингуэя и Харта Гарольда Крейна

Харт Крейн

Эрнест Хемингуэй

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид.

В. Маяковский¹

Считается, что Хемингуэя знают все. Принято также считать, что из всех американских поэтов 30-ых годов прошлого века никому так не полагалось войти в пантеон славы, как Харту Крейну. Лаконичность и емкость их произведений в сочетании с захватывающей драмой их личной жизни привлекают к ним интерес и через много лет после их смерти.

Эта история начинается в Оук Парке, штат Иллинойс, США. В 1872г. в этом фешенебельном предместье Чикаго в семье ветерана гражданской войны Эрнеста Холла родилась дочь по имени Грейс. Спустя четыре года в том же предместье в семье другого ветерана войны, Клинтона Харта, тоже родилась дочь, которую по странной прихоти судьбы тоже назвали Грейс. Вскоре обе девочки превратились в прекрасных девушек с изумительными голосами. Синеглазая красавица Грейс Холл, обладающая звучным контральто, готовилась к оперной карьере. Не уступающая ей по красоте Грейс Харт обладала особым «итальянским» голосом и готовилась выступать в мюзиклах. Но в жизни обеих Грейс неожиданно произошел резкий поворот, когда они повстречали своих будущих мужей, которые тоже по случайному капризу судьбы носили одинаковые имена: Кларенс Эдмонд Хемингуэй и Кларенс Артур Крейн.

Оба Кларенса родились в уважаемых американских семьях. Оба отличались приятной спортивной внешностью и были на год старше своих будущих жен². Оба юноши были несколько «заземленными» по сравнению с обеими утонченными Грейс, и обе девушки долго не решались выйти замуж. В конце концов, обе сдались, решив пожертвовать карьерой во имя семьи и детей. Их родители приветствовали это решение, и в Чикаго сыграли две свадьбы: Хемингуэй поженился в 1896 г., а Крейны – в 1898 г. После замужества обе Грейс тяжело переживали утрату карьеры и славы, и это чувство неудовлетворенности преследовало их на протяжении всей жизни.

21 июля 1899 г. родились два мальчика – в Оук Парке – Эрнест Миллер Хемингуэй, в Гарреттсвилле – Гарольд Харт Крейн. Обоим предстояло стать ведущими американскими литераторами – самым знаменитым писателем (Хемингуэй) и самым значительным поэтом (Харт Крейн) так называемого потерянного поколения.

Оба селестияльных близнеца были необычайно утонченными натурами, с детства мечтавшими об абсолютной красоте и любви, и стремившимися выразить в своих работах «жизненно важные, реальные, ощутимые»³ эмоции. В то время как Крейн ощущал, что структура его лучших поэмов соответствует «особой технике разделения пространства и деталей, использованной Эль Греко»,⁴ Хемингуэй мечтал создать в прозе такие же строгие и правильные пейзажи как на картинах Сезанна. Обоим литераторам пришлось столкнуться с крушением своих юношеских идеалов. С годами в них росло разочарование, и они превращались в опустошенных и озлобленных людей.

Последние годы жизни Хемингуэя – это история его озлобленности, пьянства, раздоров, ревности, смены жен и проституток. Подобно своему герою Гарри из «Снегов Килиманджаро», писатель сам загубил свой талант, «загубил изменой самому себе и своим верованиям, загубил пьянством, притупившим

остроту его восприятия, ленью, сибаритством и чванством, всеми правдами и неправдами».⁵

В конце жизни Крейн расписался в полном неумении выполнить основную цель своей жизни – наслаждаться любовью и творчеством. Он чувствовал, что предал любовь во имя вождения; что сам погубил свой талант, не развивая и не оттачивая его. Его жизнь опустошалась как от избытка злости, алкоголя, ссор и любовников, так и от недостатка любви. У обоих писателей тяга к саморазрушению стала настолько сильна, что они покончили жизнь самоубийством. Как же случилось, что эти талантливые чуткие юноши так загубили свою жизнь? Что привело их к опустошению души, не позволявшему сохранять верность в дружбе или в любви? Оба считали, что ответы на эти вопросы скрывались в истории их детства. Хемингуэй впоследствии писал, что наилучшей начальной школой для писателя является «несчастливое детство»,⁶ а Крейн молился об «улучшенном младенчестве».⁷ Оба обвиняли родителей во всех своих бедах. Оба писали, что с раннего детства ни один из них не чувствовал душевной близости с отцом. В зрелые годы оба объявили войну своим матерям, хотя, несмотря на всю их эгоистичность, вряд ли можно обвинять какую-нибудь из Грейс в столь злостных намерениях, чтобы вызвать подобную реакцию сыновей.

Биографы Крейна и Хемингуэя не раз находили вымыслы в воспоминаниях писателей, приписывая их чрезмерной игре воображения или сверхчувствительности. Что ж, мир эмоций никак нельзя относить к объективному миру явлений, поддающихся экспериментальной проверке. Вполне возможно, что с объективной точки зрения отношения между родителями Хемингуэя или Крейна были менее «тяжелыми», чем отношения в семье Милоша или Волошина. Однако, в отличие от предыдущей пары поэтов, Хемингуэй и Крейн, родившиеся в Раке, смотрели на мир через призму своих чувств. Для них реалии эмоционального мира были не менее реальны, чем «рациональные» факты. Для нынешнего исследования нет никакой необходимости выявлять и проверять «скрытую правду» об отношениях между родителями Хемингуэя и Крейна. Нам важно лишь сравнить субъективное мировосприятие обоих селестиальных близнецов, диктуемое их особенным углом зрения, определенным соответствующим Θ -фактором. Такое сравнение выявляет, что после целого ряда странных совпадений, оба селестиальных близнеца проявляли похожую враждебность к родителям, изображая их чуть ли не злодеями. Кроме того, из сравнения вытекает, что все биографы этих писателей, подтверждая наличие определенных проблем в обеих семьях, тем не менее, не находят объективных причин для таких утрированных чувств.

Основным мотивом творчества обоих литераторов стал их протест против ханжества родителей, характерного для места и времени их рождения. В этой борьбе с общепринятым лицемерием, чувства служили обоим литераторам главным критерием истины. Хемингуэй заявлял: «Для меня морально лишь то, после чего вы чувствуете себя хорошо, и аморально то, после чего вы чувствуете себя плохо».⁸ Как типичные представители созвездия Рака, оба селестиальных близнеца подсознательно следовали его девизу: «Я чувствую», провозглашая тождественность между эмоциями и жизнью. Хемингуэй объяснял, что писатель дол-

жен «чувствовать за других». И более подробно: «Во всех моих рассказах я пытаюсь воссоздать *чувства* реальной жизни – не просто описывать жизнь – или критиковать ее – а действительно оживить ее. Так что, когда вы читаете мои вещи, вы бы могли почувствовать то же, что и я».⁹ А Крейн как бы вторил ему: «Я *чувствую* все сильнее и сильнее, что художник абсолютно *отождествляет* себя с жизнью». По его мнению, поэт не должен просто повествовать о происходящем, а в его задачу входит передавать свои ощущения от пережитого. Крейн считал поэзию состоявшейся лишь в том случае, если она производила непосредственное «влияние на воображение», пробуждая в читателе те же чувства, которые взволновали поэта.¹⁰

Похоже, что более чем кто-либо из современников, Хемингуэй и Крейн стремились служить зеркалом своего времени. Как губки, они впитывали в себя персонажи и места, восстанавливая в своих работах картину жизни во всей ее полноте, наполненную всем ее эмоциональным накалом. Когда Хемингуэй вспоминал, как он учился отображать жизнь в своей ранней прозе, ему казалось самым тяжелым понять, «что вы по-настоящему чувствуете, а не то, что вам следовало бы чувствовать, и как вас обучали чувствовать», и записать, «что же действительно произошло; что же действительно вызвало те чувства, которые вы испытывали».¹¹

Глядя в зеркало, Хемингуэй хотел увидеть истинный мир и истинного себя. Но зачастую внешняя маска и внутренняя сущность не совпадали. Зеркало не обманывало – оно показывало внутренний разлом и надрыв. Разглядывание собственного лица в зеркале стало повторяющимся символом в работах Хемингуэя. Кажется, будто это сам автор вслед за своими героями «смотрит на себя в зеркало, но видит в нем кого-то другого».¹² Эта тема болезненного раздвоения появлялась и в стихах Хемингуэя, где он описывал свой внутренний раскол от необходимости «молиться богу по утрам», но «плясать под дудку дьявола по ночам».¹³ Крейн тоже любил рассматривать себя в зеркале своих чувств. Его знаменитая поэма «Речитатив» изображала отражение поэта в зеркале в качестве «двуликого Януса». Поэт счел нужным объяснить эту поэму: «КРОМЕ ТОГО, поэт рассматривает себя в публике как в зеркале. КРОМЕ ТОГО, публика частично видит себя в поэте... Иными словами, поэт говорит сам с собой посредством поэмы...».¹⁴

Показательно, что оба поэта, родившиеся в Раке (самом материнском знаке), видели цель писателя в том, чтобы служить правдивым зеркалом, позволяя читателям открывать в себе всю сложную гамму чувств без нравочений и без страха быть осужденными за свое мироощущение. (Сравним, например, эту «эмоциональную» цель поэзии с «рациональным» подходом Милоша и Волошина, видевших цель поэзии в раскрытии божественного смысла слов.) Согласно современным психологическим теориям, младенец является чувствующим человеком даже тогда, когда он еще не способен выразить себя посредством слов. Психологи полагают, что малыш способен научиться понимать и выражать свои чувства только тогда, когда возле него находится чуткий взрослый, служащий для него «зеркалом». Глядя на такого родителя, ребенок должен увидеть себя в его глазах сильной и уверенной в себе личностью, способной к

самостоятельной жизни. В случае отсутствия такого отражения эмоции ребенка подавляются, и он не способен развить свое истинное «Я». Более того, приспособление малыша к эмоциональным нуждам родителей заставляет его подавлять свои чувства, как бы надевая маску «ложного Я». Результатом такого «приспособленчества» может стать деградация или даже частичное отмирание врожденных качеств ребенка.

В семьях Хемингуэя и Крейна родители обращались с новорожденными, как с чистым листом бумаги. В обеих семьях родителей описывали как людей, искренне убежденных в абсолютной верности своих идеалов. Свои взгляды на мир они выдавали детям за непререкаемую Божью правду, и любая попытка ребенка воспринимать мир по-своему воспринималась родителями как нанесение оскорбления им (и даже самому Богу!) При этом у детей было мало шансов развить свою истинную эмоциональную натуру, и в целях завоевания родительской любви оба селестиальных близнеца рано начали примерять маски всевозможных «лживых Я». Их жизнь могла бы послужить яркой иллюстрацией к классической работе Элис Миллер «Драма одаренного ребенка», так как оба писателя проявляли почти все упомянутые в этой книге возможные последствия ранней душевной травмы. Впоследствии эти селестиальные близнецы часто предлагали любовь и дружбу, но всегда бросали первыми, обвиняя друзей в измене и в предательстве. Депрессия и эйфория часто сменяли друг друга, и они попеременно представлялись миру то гениями, то алкоголиками и дебоширами.

Многие заметили это странное совпадение, что Хемингуэй и Крейн родились в один день одного года. Их общий друг, литератор и критик Малькольм Коули, удивлялся этому факту, стараясь, однако, подчеркнуть разницу между своими друзьями. Конечно, они были разными людьми, и подобно всем другим селестиальным и биологическим близнецам, каждый обладал своей неповторимой личностью. Тем не менее, глядя на всю их жизнь в целом, на все их «достоинства» и «грехи», на их способность заслужить мировое признание и на их неспособность любить и быть любимыми, на их боль и на их ярость, на алкоголизм и на самоубийство, приходится признать, что слишком уж много странных параллелей в жизнях этих людей, чтобы отрицать закономерность общего Θ -фактора. Оба героя этой главы чувствовали себя затерявшимися в море. Очевидно, море их эмоций зачастую было пугающим и безжалостным. Пред нами краткая история этих бурных жизней.

Они родились 21 июля 1899 г.

Биографы Крейна соглашались, что причиной всех его страданий послужило несчастное детство. Однако никто не может точно воссоздать картины этого конкретного детства, потому что детское восприятие окружающего мира таится в глубинах нашего подсознания в виде туманных ощущений, неподдающихся рациональному анализу сознания. В поэме «Любовные письма моей бабушки» Крейн предупреждал биографов, что с таким хрупким материалом, как память, нужно

обращаться очень чутко: «С такого большого расстояния/Шаги должны быть осторожными». Принимая во внимания эти предупреждения, Крейн описывал свое детство лишь с восьми лет: «Семейные разлады и раздоры стали разрушать меня с восьмилетнего возраста, когда мои мать с отцом начали ссориться между собой»¹⁵. Эту тему он развивал и в письме к матери: «на протяжении последних восьми лет моя юность превратилась в кровавое поле битвы между вашими с отцом проблемами в сексуальной и совместной жизни».¹⁶

Крейн хорошо помнил все родительские ссоры, приведшие их к разводу. Он также охотно рассказывал о своих (неподтвержденных никем) ранних попытках к самоубийству. Он спокойно рассказывал другу, что в 1916 г. он сначала пытался перерезать себе вены, а потом наглотаться маминых таблеток снотворного.¹⁷ Но то, что Крейн хотел забыть – это свое *раннее* детство. Действительно ли ссоры между его родителями начались, когда ему исполнилось восемь лет? Биографы Крейна не согласны с этим.

Грейс Крейн мечтала стать кинозвездой и играть в мюзиклах. Ее представления о семейной жизни сводились к розовым мечтам о постоянной романтике. Она верила, что целью жены было петь мужу по вечерам, посещая с ним концерты и торжественные приемы. Грейс полагала, что любовь должна оставаться исключительно возвышенной; все то, что было связано с физической близостью и с земными реалиями, смущало и отпугивало ее.

Кларенс Крейн был амбициозным, веселым и компанейским юношей, отличавшимся умением организовывать пикники и вечеринки. С 1894 по 1896 г. он учился в колледже, но окончить учебу ему не захотелось – уж слишком абстрактными были для него изучаемые предметы. Впоследствии Крейн стал преуспевающим владельцем шоколадной фабрики в Кливленде. Друзья никогда не замечали в нем ни жестокости, ни суровости. Однако он был человеком, «искреннее и верно преданным только одной системе ценностей, что делало его слепым по отношению к любым взглядам на жизнь, отличным от его собственных».¹⁸ К несчастью для всей семьи, его система ценностей не совпадала с ценностями Грейс. Его страстная ревностная любовь к жене не позволяла ей продолжить занятия пением, требуя от нее стать полноценной женой – добрым другом в дневное время и пылкой любовницей по ночам. Столкновение столь разных идеалов неизбежно должно было породить кризис в браке: «Страстно обожая ее красоту и обаяние, ее красноречие и ум, Кларенс не мог смириться с фактом, что его жена панически боялась физической близости. А она, представлявшая себе будущего мужа идеальным рыцарем, воспринимала его любовные ласки как шокирующую жестокость. Уже с первой брачной ночи их брак агонизировал. Никогда не переставая любить друг друга, каждый из них находил, что основные черты характера другого совершенно невыносимы».¹⁹

Сразу же после свадьбы Кларенс обнаружил, что его жена холодна, а для Грейс муж оказался слишком похотливым и несдержанным. С этого момента жизнь Грейс протекала либо в психосоматических заболеваниях, либо в сессиях лечения при помощи культа «Христианской науки». Но, тем не менее, оба супруга старались сохранять видимость пристойного брака. Только через много лет после

развода Грейс решилась написать сыну, что она на самом деле чувствовала по отношению к браку и ко всем мужчинам в целом: «Что касается меня – я не могу себе представить ничего ужаснее, чем брак, я испытываю к нему такие же чувства, как, когда мне становится плохо от переедания. Меня тошнит, и я соглашаюсь с твоей знакомой поэтессой – «От них меня тошнит, они меня утомляют»». ²⁰ Мужчины вызывали тошноту у Грейс, а она сама вызывала рвоту у своего единственного сына. Так, например, однажды, когда маленький Гарольд не совсем четко усвоил материнские наставления о правилах хорошего тона, она публично высмеяла малыша. В результате, гордость ребенка была глубоко задета, и той же ночью у него начались тяжелейшие рвоты. ²¹

Гарольд развивался не по годам быстро. Перед нами встает образ мальчика, изо всех сил старавшегося угодить взрослым. Ему страшно хотелось завоевать любовь родителей, у которых никогда не было на него времени, и которым, казалось, никак нельзя было угодить. Кларенс мало бывал дома, потому что его целиком поглощала работа на открытой им в 1904 г. фабрике по производству кленового сиропа. Ему мечталось, что когда сын вырастет, они смогут подружиться и стать партнерами по бизнесу. Поглощенная своими болезнями Грейс не только не служила опорой сыну, но и сама искала моральной поддержки у ребенка.

У обоих родителей были очень высокие требования к сыну. В 1917 г. Кларенс писал в письме к Гарольду, что и он, и мать, «оба сконцентрированы на тебе, и от твоего успеха зависит наше счастье». ²² Грейс, в свою очередь, добавляла в письме к Кларенсу: «Потому что, в конечном итоге, легче всего можно добиться посмертной славы посредством собственных детей». ²³ Оба родителя были уверены в том, что их целью являлось обучить ребенка, как вести себя, чтобы осуществить их планы. Никто из них не пытался выяснить истинные интересы своего ребенка. Например, когда Гарольду исполнилось три года, ему страшно нравилось играть с причудливыми шляпками своей мамы, прикрепляя к ним разноцветные лоскутки и перья. Грейс решила, что такого рода «девчоночьи» игры не подходят для будущего мужчины, и «во благо мальчика» забрала от него весь ящик со шляпами. Два дня малыш безутешно рыдал, но все напрасно. Его не понимали, а его увлечения высмеяли. ²⁴ Он быстро усвоил, что к его слезам никто не относится серьезно, и вскоре выработал более эффективные, но более опасные, методы привлечения к себе внимания родителей: у него начались непонятные и неожиданные острые приступы рвоты и горячки, непонятные ни для родителей, ни для врачей.

Один такой инцидент произошел в ресторане гостиницы, когда Грейс решила обучить шестилетнего мальчика светским манерам. От смущения малыш растерялся, и за столом позабыл правила этикета. Мать при всех высмеяла его. Той же ночью у ребенка начался сильный жар. Мать с сыном немедленно пришли к выводу, что болезнь – это результат нанесенной обиды, и что мальчик унаследовал от родителей легко возбудимую нервную систему. Так как Гарольд был чересчур восприимчивым ребенком, чутко улавливавшим все нюансы чувств матери, то этот инцидент послужил лишь дополнительным поводом к еще более сильной эмоциональной зависимости сына от матери.

Мать относилась к сыну как к своей собственности, считая, что задачей родителей является управление ребенком. Гарольд чувствовал себя униженным и оскорбленным. Маленький ребенок полностью зависит от своих родителей; им он подражает и у них учится. Все, чему Гарольд учился у своих родителей – это насмешкам и манипуляциям. В его глазах это поведение стало единственным способом проявления любви. В «Драме одаренного ребенка»²⁵ Алис Миллер предполагала, что маленькие дети не могут себе позволить рисковать возможностью потерять родителей. Чтобы выжить, ребенок зачастую старается добиться родительской любви, даже если такая любовь обуславливается присвоением ребенком «ложного Я». В этом случае интеллектуальные способности ребенка продолжают развиваться нормально, но его эмоциональной жизни может быть нанесен непоправимый ущерб. Когда Крейн был ребенком, его родители зачастую «во имя его блага» насмехались над его жизненно важными интересами, прикрываясь при этом маской заботливости и родительской любви. Впоследствии, страх быть выставленным на посмеище преследовал поэта на протяжении всей его жизни.

В детстве Крейну достаточно долго удавалось носить маску воспитанного вежливого ребенка. Подростком, он ежедневно писал матери письма, ожидая взамен получить благодарность за свою любовь: «Мама, ты не ценишь, насколько сильно я люблю тебя. В твоих письмах я чувствую легкую тень сомнения, а мне бы не хотелось этого».²⁶ В 20 лет Крейн уже писал матери о той страшной цене, которую ему пришлось платить за постоянное лицемерие: «В течение некоторого периода после получения твоих писем я был тверд в намерении воздержаться от писем, вместо того, чтобы смириться с лицемерием или же ранить твои чувства. Если это письмо ранило тебя, то я готов просить прощения, подчеркивая, что больше писать не буду, так как я понял, что единственным способом по-настоящему быть честным с другими – это быть честным с собой».²⁷

Крейну понадобилось 20 лет сознательной жизни (с 8 по 28 лет), чтобы полностью изменить отношение к матери. После окончательного разрыва в 1928 г. он видел в ней единственную причину своей разбитой жизни. Его основным чувством к ней стал страх, смешанный с ненавистью. Его единственными словами в ее адрес стала брань. В приступах пьяной удачи он распускал среди друзей невероятные слухи о ее морали и характере. В трезвом состоянии он молился о том, чтобы начисто забыть свое детство. Родители пытались улучшить своего сына; сын мечтал улучшить свое загубленное детство. Поэма «Passage», которую Крейн называл «самой интересной» вещью, когда – либо написанной им,²⁸ стала наиболее личным документом, отражавшим болезненные воспоминания детства. Любимым способом Крейна преодолеть невыносимые душевные травмы детства стало бегство в забытье. «Прекрати помнить», и жизнь станет легче: «На сапфирных полянах среди холмов / Мне пообещали улучшенное детство. / Сердцая и протестуя против солнца, / Я оставил свою память в ущелье».²⁹

«Я учусь, только начинаю учиться, – технике ухода от действительности»,³⁰ – писал Крейн другу в 1920 г. Бегство и забытье начали занимать центральное место в его жизни.

Забытье – это дождь в ночи,
Или старый дом в лесу, – или ребенок.
Забытье – белым-бело, –
Бело как больное дерево.

...

Я могу вспомнить много забытья.³¹

«Забудь его», – Крейн писал матери об отце. «Ты слишком долго жила в доме теней, не замечая биение жизни вокруг тебя, а теперь настало время забыть».³² Забытье по Крейну подобно ребенку, и оно способно помочь изменить судьбу. По странному совпадению жизнь Хемингуэя определялась биографами как «жизнь без последствий»,³³ потому что он тоже предпочитал не помнить. По Хемингуэю, думать значило страдать, оживляя воспоминания перенесенной душевной травмы. В одном из лучших автобиографических рассказов, «На Биг-Ривер», он детально описал эффективную технику облегчения душевной боли в моменты, наиболее близкие к нервному срыву. В этом рассказе почти нет действия. Молодой писатель Ник отправляется в поход по лесам Мичигана. Время течет медленно, пока он расставляет палатку, готовит нехитрый обед, дремлет и рыбачит. Отказываясь думать о чем-то неприятном, что постоянно мучает его, он погружается в мир своих ощущений: в приятную прохладу реки, в ломоту в спине, в наслаждение вкусом хлеба, фруктов, папирос. «Ник чувствовал себя счастливым. Он чувствовал, что оставил все позади, потребность думать, потребность писать, и все другие потребности. Все оставалось позади». Поездка на рыбалку превратилась в терапию, в лечебное забытье. Решением душевных проблем Ника стало бегство от размышлений, бегство от воспоминаний.

Хемингуэй категорически противился написанию его биографии под предлогом того, что «Истинная история жизни должна описывать все, что происходило с человеком и вокруг него в течение 24 часов в сутки на протяжении пятидесяти лет».³⁴ Подобно Крейну, отстаивая свое право забыть раннее детство, Хемингуэй заострял особое внимание на подростковом периоде и на ранней юности, посвящая им свои лучшие рассказы. Биографы Хемингуэя тоже видели особую важность именно в этих годах жизни писателя.

Широко распространено мнение, будто детские годы Эрнеста были в значительной степени омрачены отношением матери к детям. В зрелые годы Хемингуэй называл мать не иначе как «этой сукой»,³⁵ но никогда не объяснял, почему. Эрнест никогда не осмелился открыто описать проблемы своего детства, но его младший брат Лестер в книге «Мой брат, Эрнест Хемингуэй» попытался представить семейные отношения и систему воспитания детей в доме Хемингуэев.

Мать и отец стремились всегда концентрировать внимание только на положительных и прекрасных сторонах их жизни, стараясь производить впечатление счастливой семьи. Сам же Хемингуэй говорил, что в то время как у большинства семейств спрятаны «скелеты в кладовых», в его семье их были «массы».³⁶ Будучи сверхчувствительным ребенком, он постоянно ощущал подводные течения в семейной жизни, и, как он писал позднее, «имел некоторый опыт наблюдения за закрытыми дверями».³⁷ Хотя принято считать, что Эрнест любил все утрировать,

ясно, что далеко не все было прекрасным в семье Хемингуэев. Трагичным фактом были ухудшавшиеся с возрастом депрессивные нарушения в личности главы семейства, доктора Хемингуэя. Время от времени он страдал от взрывов беспричинной раздражительности и от приступов паранойи, тяжело сказывавшихся на жене и детях. В 1928 г. он в возрасте 57 лет застрелился, и впоследствии трое его детей (включая Эрнеста и Лестера), тоже покончили жизнь самоубийством.³⁸

Жизнь и детство Эрнеста были далеки от пасторальных мечтаний его родителей, и, как это выразил Лестер : «Эрнест жил так же как и умер – яростно».³⁹ Возможно ли, что подобно Крейну, детство Хемингуэя было отравлено нездоровой семейной атмосферой? По крайней мере, изучение семейных историй выявляет много параллелей в отношении родителей к своим первым сыновьям.

Подобно Грейс Крейн, Грейс Хемингуэй любила выделяться своими аристократическими нарядами и шляпами с экстравагантным плюмажем. Для нее роды представляли акт самопожертвования, и она продолжала всех уверять, что, если бы не семья, то она бы пела в «Метрополитен-опера», где ее место заняла знаменитая Эрнестина Шуман – Хайнк.⁴⁰ После замужества Грейс стала давать уроки вокала, поначалу зарабатывая больше, чем ее муж-врач.

Грейс не умела быть любящей матерью. Ее отношение к шестерым своим детям не только не было заботливым, а скорее напоминало соревнование, где мать хотела оставаться в центре внимания. Казалось, Грейс всеми силами пыталась оставаться в возвышенном мире идеальной неземной красоты, обращая внимание только на театральную сторону жизни. Когда родился Эрнест, она записала: «Малиновки пели свои сладчайшие песни, приветствуя маленького незнакомца в этом прекрасном мире».⁴¹ В соответствии с этими идеалами она пыталась привить детям любовь к искусствам, заполняя дом музыкой и книгами. Но, что касается земной жизни, то Лестер писал: «Кроме колыбельных песен и кормления грудью, наша мама не имела материнских талантов. Она ненавидела шалости, отсутствие манер, расстройства желудка, уборку дома и варку».⁴²

Живой ребенок никогда не мог оставаться постоянно «хорошим». Младенец не рождается быть чистым и «воспитанным» интеллектуалом. Чтобы вырасти в полноценного отзывчивого взрослого, он должен быть уверен, что его любят таким, как он есть, любят без всяких условий, оговорок или ультиматумов. Ребенок имеет право запачкаться без того, чтобы причинить этим кому-либо страдания. Ребенок может рассердиться без того, чтобы кто-нибудь из-за этого умирал от головной боли. Ребенок может гневаться без опаски потерять из-за этого родителей. Но в семье Хемингуэев по воспоминаниям Лестера: «...каждый раз, когда возникал серьезный эмоциональный кризис, она (Грейс) убегала в свою комнату, закрывая жалюзи и причитая, что страдает от головной боли. Стоило только, чтобы ее желаниям перечили, как она тут же создавала кризисную ситуацию, и таких кризисов было сотни, пока мы, дети, подрастали».⁴³

Оказывается, что не только Хемингуэю, но и Крейну рано пришлось столкнуться с затемненной спальней матери, потому что в любой кризисной ситуации Грейс Крейн тоже убегала туда. Например, биограф Крейна, Унтердеккер, так описывал нервный срыв Грейс Крейн в 1917 г.: «Постоянные нарекания ухудшали

ее состояние настолько, что большую часть времени она оставалась в постели. Там, как и в прошлые годы, Гарольд вновь занял свой пост, часами просиживая у ее постели в затемненной комнате...». ⁴⁴

Для обеих матерей воспитание детей составляло нелегкую задачу. Хемингуэй повезло, что Кларенс любил готовить еду и консервировать фрукты. Доктор умел лучше, чем его жена, справляться с физическими потребностями людей, но, подобно Кларенсу Крейну, он был настолько занят, что любой намек на леность или отлынивание от работы мгновенно выводили его из себя, порождая бурную реакцию. Подобно Кларенсу Крейну, Кларенс Хемингуэй слыл среди друзей обаятельным человеком, любившим бывать на природе. С 1890 по 1893г г. он учился в колледже и входил в студенческую футбольную команду. Но окончить колледж ему не захотелось, так как абстрактность предметов была ему не по душе. Его интерес привлекла медицина, и в 1896 г. он получил диплом врача и открыл собственную практику. Подобно Кларенсу Крейну, его взгляды на мир были очень четкими: он видел все лишь в белом и черном цветах, отрицая право на существование любых промежуточных оттенков. Он был уважаемым членом местной церкви. Его набожность, проявлявшуюся в рьяном противлении курению, алкоголя, танцам и игре в карты, порой с трудом можно было отличить от нетерпимости. Врач и его жена были поборниками суровых дисциплинарных мер. Они могли быть резкими и суровыми с детьми, когда те плохо вели себя или неверно исполняли их поручения. Лестер вспоминал: «Были правила, которые нельзя было нарушать, и ожидания, которым следовало соответствовать. Индивидуум с его специфическими потребностями и обстоятельствами были вторичными.... Мать настолько бывала поглощена своим взглядом на вопрос, что могла забыть о существовании другой стороны проблемы». ⁴⁵

В случае серьезных нарушений правил врач наказывал детей бритвенным ремнем, а Грейс использовала в этих целях щетки для волос. И как будто не было достаточно унижительно и больно получать удары, детей заставляли стать на колени и просить прощения у Бога. Позднее Эрнест вспоминал, что после наказания отцом, «он иногда сидел у отворенной двери дровяного сарая, держа в руках ружье и, взведя курок, вырисовывал цель на голове отца». ⁴⁶

Врач был аскетом, его жена предпочитала гедонизм; их интересы часто были противоположными, и им временами надо было пожить врозь. Домашние ссоры чаще всего сводились к проблемам денег и к воспитанию детей. Мать и отец Эрнеста как бы составляли два полюса его существования, и каждый родитель хотел вылепить ребенка по своему образу и подобию. Отец предлагал ему удочку и охотничье ружье; мать вкладывала в его руки виолончель. Мать предпочитала жизнь в Оук Парке, отец мечтал проводить каждое лето в караване на берегу озера в Мичигане. Позднее Хемингуэй писал, что постоянные домашние ссоры вынуждали родителей планировать отпуск порознь, и что он попеременно становился то на сторону отца, то матери, чтобы сохранять, по его словам, «вооруженный нейтралитет». ⁴⁷

Грейс не только любила красоту, она еще и ненавидела все то, что казалось ей безобразным, грубым или непристойным. Эрнест часто огорчал и разочаровывал

ее, а постоянное давление матери обидало ребенка до боли. Лестер писал: «Одним из ранних способов неизбежного привлечения внимания к себе, к которым прибегал Эрнест, стало использование слов, называемых матерью «грубостями». «Иди почисть зубы с мылом», - стало частым приказом в семье Хемингуэев, а список слов, которые считались родителями непристойными, становился очень длинным. Это наказание подчеркивало силу слов. Эрнест с раннего возраста познал вкус мыла».⁴⁸

Позднее Хемингуэй писал в своей статье «В защиту «грязных» слов», что он считает невозможным описывать и воспринимать реальную жизнь без отталкивающего и уродливого: «Вы не можете это сделать без учета плохого и безобразного наряду с прекрасным. Потому что, если все прекрасно, то в это невозможно поверить. Вещи устроены не так».⁴⁹

В детстве от него требовали притворяться, как будто мир прекрасен даже тогда, когда во рту у тебя мерзкий вкус мыла, и ты видишь мать, умирающей от боли в затемненной комнате. Какое же это кривое зеркало, и какой искривленный мир, в котором «любовь» требует лицемерия во имя возвеличивания родительского эго! Был ли это тот же мир, который имел в виду Крейн, писавший в своей поэме: «И так я вступил в разбитый мир»?⁵⁰

Преданность Грейс своим идеалистичным мечтаниям была настолько сильной, что она превосходила даже любовь к собственному сыну. В 1927 г. Эрнест писал отцу: «Я помню как мать однажды выразилась, что она бы скорее предпочитала увидеть меня в моей могиле, чем что-то – я забыл что – кажется, курящим сигареты». И он добавлял: «В последнее время я бы вполне довольствовался спокойным упокоением в своей могиле, но вокруг меня всегда было достаточно людей, которые бы не хотели видеть меня в моей могиле и которые помогали мне найти силы продолжать жить. Я упоминаю это лишь для того, чтобы никто больше не собирался видеть меня в моей могиле».⁵¹

Хемингуэи искренне считали себя хорошими родителями. Общество позволяло им лепить характеры своих детей по их личному усмотрению. Общество верило, что к маленьким детям можно относиться так, как будто они еще не способны ничего чувствовать. Но, несомненно, Эрнест чувствовал. Даже будучи уже знаменитым писателем, в 1927 г. его навязчивой идеей все еще оставалась мечта заставить мать признать его права говорить и мыслить своими собственными словами. Для Хемингуэя обвинения матери были с детства и оставались в зрелом возрасте жгучим оскорблением, и, как правило, его реакцией на материнскую хулу было незамедлительное подавление творческих способностей: «Меня настолько расстраивали обвинения матери в том, что я своим писанием потворствую низким вкусам и т.д., что я закрылся как краб-отшельник».⁵² (Знаменательно то, что краб или рак – это символы созвездия Рака, и такая эмоциональная реакция характерна для большинства людей, рожденных в этом созвездии.)

Читая короткие рассказы Хемингуэя, можно проникнуться всей гаммой его чувств по отношению к своим родителям. Поразительно, что его основными ощущениями по отношению к ним были, так же как и у Крейна, тошнота и рвота. Ник Адамс, в котором Хемингуэй изобразил себя в «Отцах и Детях», описывает свои

чувства по отношению к отцу: «Ник любил отца, но не выносил его запаха, и один раз, когда ему дали надеть отцовское белье, которое село и уже не подходило отцу, Нику стало до того тошно, что он спрятал белье под двумя камнями в ручье и сказал, что потерял его. Когда отец заставил его надеть белье, он сказал отцу, в чем дело, но отец ответил, что белье только что из стирки. Так оно и было. Ник попросил отца понюхать, он сердито понюхал и сказал, что белье чистое и свежее. Когда Ник вернулся с рыбной ловли и сказал, что потерял белье, его высекли за то, что он говорит неправду».⁵³

Несмотря на то, что Кларенс был не менее суров в наказаниях детей, чем Грейс, Эрнест с годами пытался представить отца слабохарактерным человеком, жертвой тирании своей жены. Чувства Эрнеста по отношению к матери во всей силе проявляются в его рассказе «Дома», где главного героя по странному совпадению зовут так же как Крейна, Гарольд. Не менее примечательно и то, что фамилия автобиографического героя – Кребс, что по-немецки означает Рак. Гарольд Кребс – фронтовик, переживший все превратности войны, возвращается в родительский дом и просит разрешения взять на вечер машину родителей. Но те не соглашаются позволить ему просто так водить машину, выдвигая ряд условий. Мать сладким сахаринным голосом утешает сына: «Бог всем велит работать, в царстве божьем не должно быть лентяев». И она продолжает свои религиозные проповеди: «Ты знаешь, мы любим тебя, и я для твоей же пользы хочу поговорить с тобой. Отец не хочет стеснять твоей свободы. Он разрешает тебе брать машину... Но нужно же искать работу, Гарольд. Отцу все равно, за какое бы дело ты ни взялся. Всякий труд почетен, говорит он».⁵⁴ Машина в данном случае выступает лишь символом. Преждевременно повзрослевший на войне юноша хочет стать хозяином собственной жизни, разорвать пуповину, связывающую его с матерью, и самостоятельно вырваться на собственную жизненную дорогу. Все, что ему нужно от матери – это безусловная любовь и благословение в начале пути. Но мать не готова отпустить сына или поддержать его. В ее понимании он имеет право на существование лишь в рамках ее личных правил и планов. Кребса захлестывает волна ненависти к ее эгоизму, но он все еще пытается разъяснить матери его истинные потребности. Мать тут же усматривает в словах сына опасность некоторого сопротивления своей власти, и немедленно пускает в ход самое эффективное оружие:

- Разве ты не любишь свою мать, мой дорогой мальчик?
- Нет, – сказал Кребс.

Его мать сразу же зарыдала, закрыв лицо руками. Кребс понял, что было безнадежным делом пытаться растолковать ей свои чувства. Ему стало жалко ее.

– Я не то хотел сказать. Я просто был раздражен, – сказал Кребс. – Я не хотел сказать, что я не люблю тебя...

Мать все плакала. Кребс обнял ее за плечи.

– Ты не веришь мне, мама?

Мать покачала головой.

– Ну, прошу тебя, мама. Прошу тебя, поверь мне.

– Хорошо, – сказала мать, всхлипывая, и взглянула на него. – Я верю тебе, Гарольд.

ющая на обсуждении за едой рецептов и проблем домашнего хозяйства. Я все сильнее и сильнее ощущаю на своей шее тяжесть давления этого ужасного самодовольства Христианской Науки». ⁶⁰

Хемингуэя-писателя мало заботили такие детали, как церковная принадлежность его матери. Для того, чтобы собирательный образ выглядел достоверно, ему нужно было воссоздать эмоциональную атмосферу, и для этого он мог искажать факты, прибегая к помощи емкой метафоры. Удивительно то, что, утрируя черты характера своей матери, Хемингуэй воссоздал поразительно яркий портрет матери Крейна! Выдающийся американский поэт Эзра Паунд так охарактеризовал этот редкий талант Хемингуэя попадать в самую цель: «Инстинкты этого сукина сына всегда верны!»

Есть еще одно странное совпадение, связанное с обеими Грейс. Грейс Хемингуэй в течение первых трех лет жизни Эрнеста настаивала на том, чтобы мальчик носил платья и чепчики с цветочками (Грейс почему-то хотелось, чтобы Эрнеста и на год старшую его сестру Марселину принимали за близнецов). ⁶¹ Впоследствии биографы пытались связать показной мужской шовинизм Хемингуэя с его девчачьими одеждами в раннем детстве. Грейс Крейн насильно забрала свои шляпки и украшения от трехлетнего сына, и впоследствии исследователи пытались связать этот инцидент с гомосексуальностью Крейна.

В то время как Крейн бахвалился своими наклонностями, его друзья не замечали никаких особенностей в его поведении и никаких признаков гомосексуализма. Согласно их воспоминаниям, он вел себя по-мужски, и не было ничего женственного в его манерах и движениях. С другой стороны, в то время как Хемингуэй всячески похвалялся своей мужественностью, его издатель Роберт МакАльмон наговаривал на него, что он «избивает своих жен» и вообще «гомосексуалист в клозете». ⁶² Как мифы о вызывающе грубом отношении Хемингуэя к гомосексуалистам, так и многочисленные слухи о его гомосексуальных похождениях стали неотъемлемой частью биографии писателя. Хемингуэй чрезмерно чувствительно реагировал на любые намеки против его мужественности, что не мешало Льюису Галантьеру вопрошать, не был бы Хемингуэй «более удовлетворенным быть женщиной? Была ли его тщательно отработанная мужественность средством сокрытия от других, а, возможно и от самого себя, своего скрытного желания... быть женщиной? Там где был дым, не было ли и огня?» ⁶³

Большинство мальчиков время от времени наряжаются в наряды своих мам и сестер – и в этом нет ничего необычного. Необычно то, что инциденты с женскими нарядами в раннем детстве приобрели у этих селестиальных близнецов неожиданную значительность в их биографиях, и в обоих случаях были связаны с поведением матерей. Еще более удивительным становится факт, что в картах этих литераторов мы видим оппозицию между Луной и Венерой, и, согласно Лундстед, мужчина с таким аспектом обычно «подвержен неблагоприятному влиянию со стороны матери, которое эмоционально травмирует в раннем детстве». И астролог продолжает: «Мужчина с таким аспектом страдает в двух плоскостях. Он не любит свою собственную эмоциональную натуру; он на самом деле не любит свою мать, и он не чувствует себя удобно в обществе женщин. Эта нелюбовь

к женщинам может проявляться либо в гомосексуализме, либо в оскорбительном и жестоком отношении к женщинам»,⁶⁴

Конечно же, астрология ни в коем случае не утверждает, что оппозиция Венеры с Луной обязательно будет проявляться в гомосексуальности или в «воинствующей мужественности», как это было в данном случае. Только вся карта в целом, в сочетании с положением других планет, свидетельствовавших о серьезных эмоциональных проблемах, могла привести к таким последствиям.

Подводя итоги этой краткой попытке рассмотрения основных моментов раннего детства Хемингуэя и Крейна, хотелось бы добавить, что для них обоих слишком мало было (по словам Крейна) «довольствоваться привычным «домашним уютом», подкрепленным непоколебимыми буржуазными ультиматумами и суждениями».⁶⁵ Им хотелось сказать своим родителям (словами Хемингуэя): «Вы были бы намного счастливее, и я был бы тоже, если бы вы сумели быть уверенными во мне».⁶⁶

Вся последующая жизнь обоих селестияльных близнецов преследовала амбициозную цель добиться грандиозного успеха (как бы следуя защитному механизму Элис Миллер, «Я должен всегда добиваться больше других»⁶⁷). Хортон писал, что с того самого дня, как Крейн сочинил свой первый стих, он видел в поэзии единственное средство достижения обеспеченности и признания.⁶⁸ Бейкер писал о Хемингуэе, что он «человек, движимый гордыней, которую он называл смертельным грехом, но которую он обнимал как своего личного и хорошо знакомого демона».⁶⁹ Неудовлетворенные в детстве потребности в понимании и уважении порождали фантазии о величии, скрывая за собой заветную мечту, что мировая слава вынудит наконец-то их родителей смириться с их чувствами. Хемингуэй и Крейн оба стали честолюбивыми, и обоим удалось достигнуть желанного успеха. Но ни одному из них не удалось завоевать уважение со стороны своих родителей.

Вернемся к биографии Крейна. Когда Гарольду исполнилось семь лет, напряжение между его родителями стало нестерпимым. Сцены и слезы стали нормой в доме. В 1908 г. Грейс уехала в санаторий лечиться от очередного нервного срыва, а мальчика послали в Кливленд пожить с бабушкой, матерью Грейс. После нескольких месяцев терапии по методу Христианской Науки Грейс почувствовала себя лучше и тоже приехала к матери. Кларенс ощутил новый прилив любви к жене, и на протяжении нескольких лет пара пыталась сохранять видимость относительной семейной гармонии, всецело отдавшись работе по открытию своей шоколадной фабрики и магазина в Кливленде.

Там, в Кливленде, Гарольд испытывал несколько счастливых мгновений. Он посещал школу балльных танцев и кружок тенниса. Он с удовольствием учился игре на фортепиано, на всю жизнь оставаясь неплохим пианистом-любителем. Грейс посещала с ним выставки и театры, помогая ему развивать художественный вкус. Его картины в стиле импрессионизма свидетельствовали о возможном таланте художника. В бабушкином доме Гарольд раскрыл для себя мир литературы и поэзии. Мальчик запоем читал Платона, Вольтера, Бокаччо, Оскара Уайльда, Шелли и По. Когда ему было всего лишь десять лет, он уже объявил, что поэзия – это его призвание в жизни. Оставаясь практически автодидактом, он

подолгу просиживал в книжных магазинах, запоем читая авангардистские журналы. С раннего возраста он пришел к выводу, что истинный поэт должен быть движим сумасшествием, и уже в юности начал искать способы входить в состояние экстаза. Гарольду казалось, что запах духов матери или курение сигар вводило его в транс поэтического настроения. Он верил, что стиль и содержание его поэзии главным образом зависели от таких ощущений, и на них никакого влияния не могли бы оказать обучение в школе или в колледже.

С 1914 г. Крейна отдали в одну из лучших гимназий Кливленда. Учился он с легкостью, но его успехи омрачались частыми пропусками занятий, вызванными новой серией семейных раздоров. По мере того как Кларенс все больше отдавался бизнесу, Грейс теряла терпение. Она потребовала от Гарольда, чтобы он сопровождал ее в поездке на Кубу, где им предстояло провести зиму на семейных плантациях Хартов. Эта идея поездки на острова привела к тяжелым разногласиям в семье, а также, по словам Гарольда, послужила поводом для его первых попыток самоубийства. Семейные проблемы стали настолько невыносимы для подростка, что к 1915 г. его поведение стало неконтролируемым, и его родители не понимали, как с ним справиться.

В декабре 1916 г., когда его родители наконец-то подали на развод, Крейн жаловался друзьям на то, как тяжело ему нести на своих плечах проклятие разведенных родителей. В том же году 17-летнему честолюбивому подростку было позволено уехать в Нью-Йорк и начать там карьеру писателя. По семейному плану, для того, чтобы поступить в Колумбийский университет без аттестата зрелости, ему предстояло сначала нанять репетитора. Но Крейну явно не терпелось стать знаменитым поэтом, и в его планы не входило потратить четыре года на бесцельную учебу в университете. Движимый поиском признания, Гарольд никогда не стеснялся показывать свои стихи всем, кто мог бы ему помочь напечататься. Благодаря неотразимому обаянию и умению не лезть за словом в карман, он с легкостью заводил полезные знакомства. Ключом к успеху в обществе оставалось его редкое умение надевать «маски», соответствующие ожиданиям собеседников. Несмотря на внутренний надрыв, внешне Крейн казался спокойным, и его друзья ценили в нем чувство юмора.

За свою недолгую жизнь Крейн завязал тесную дружбу с десятками людей. Писатели, художники, матросы, продавцы – все, с кем он знакомился при различных обстоятельствах, единодушно говорили о нем как «о своем лучшем друге».⁷⁰ На всех у него хватало тепла и внимания. По мере того, как расширялся круг его знакомств, росла и его способность к адаптации. Для своей бабушки он оставался неугомонным пылким подростком. Со своими тетками он был вежлив и мил. С друзьями-пьянчугами он был по-моряцки груб и неотесан. Писатели и художники видели в нем поэта и эстета.

В то время как в Крейне поражало искусство слыть «всеми для всех и каждого», имя Хемингуэя ассоциировалось с целым рядом образов: таких как талантливый писатель в Париже, или как пьяный американец, убегающий от разъяренных быков, несущихся по узким улочкам испанских городов. Мы видим Хемингуэя, охотящимся на львов в Африке, или пишущим военные репортажи под ог-

нем фашистских пуль; бородатого лауреата Нобелевской премии или искателя приключений, уцелевшего в двух крушениях самолетов. Лестер писал о редкой исключительности брата: «Эрнест Хемингуэй был писателем, солдатом удачи, охотником на львов, подводным охотником и участником боя быков. Эрнест совмещал в себе все это».⁷¹ Подобно Крейну, он сочетал в себе все эти образы, и порою даже не последовательно, а параллельно. Более того, друзьями Хемингуэя являлась весьма пестрая компания – от писателей и художников до гангстеров и проституток, от британских пэров до кубинских генералов, от спортсменов до матадоров. Может быть, именно это редкое умение Хемингуэя и Крейна отождествлять себя со всей жизнью в целом и со всякого рода людьми и сделала их выдающимися литераторами своего времени.

Именно благодаря этому умению отождествлять себя с разными мирами юный Крейн сумел одновременно стать принятым в два соперничающих лагеря литературы того времени. Одним из них был журнал «Литтл ревью», редактируемый Эзрой Паундом. Крейн был в восторге от работ Элиота, Йитса и Джойса, печатавшихся там. Редакция этого журнала стала его вторым домом в Нью-Йорке, и он подрабатывал там в рекламном отделе. Вторым центром влияния того времени был журнал «Севен Артс». Группа его редакторов предпочитала американскую школу, печатая Драйзера, Андерсона и Фроста. Крейн стал другом и почитателем Андерсона, а один из редакторов журнала, а Вальдо Франк стал как бы духовным старшим братом Крейна. В силу того, что Крейн черпал свое вдохновение из двух соперничающих школ, его работы отличались необычным синтезом различных теорий и идей.

Несмотря на данное родителям обещание учиться в Нью-Йорке, у Гарольда и в мыслях не было посещать университет. Его единственной целью было приобщение к миру искусства. В это время его компаньоном стал художник Карл Шмидт. С его помощью Гарольд узнал много нового о рисунке, что впоследствии в значительной степени стимулировало его развитие как поэта. Шмидт также рассказывал ему о путях развития современной поэзии и служил первым читателем и критиком поэзии Крейна. Вместе они писали (и даже печатали) пародийные стихи. (Интересно, что и Хемингуэй в том же году писал похожие по стилю поэтические пробы).

Жизнь, казалось бы, стала улыбаться Крейну, но и в Нью-Йорке ему не удалось надолго сбежать от проблем своих родителей. После развода Грейс и Кларенс возобновили войну, не соглашаясь, как поделить между собой любовь сына. Грейс переехала в Нью-Йорк, постоянно требуя внимания сына, и это давление становилось настолько обременительным, что после очередного ее нервного срыва Гарольд писал Шмидту: «Тяжелее всего для меня переносить постоянные обвинения матери в том, что я главным образом несу ответственность за ее нынешнее состояние... Я боюсь, что эти мучения никогда, никогда не окончатся, а, если и окончатся, то только сумасшествием».⁷²

Отец, со своей стороны, требовал от сына получить формальное образование, необходимое для литературной карьеры. Обнаружив, что сын отказался поступать в колледж, Кларенс не видел никакой другой возможности для него, как

совмещать поэзию с работой в семейном бизнесе. В то время как сына не интересовало ничего, кроме поэзии, отец отказывался посылать ему денежную помощь, пока он не предоставит доказательства, что начал серьезно учиться или искать работу. Он настаивал на том, что вскоре сын убедится в его правоте.

Оставшись без денег, и страдая от возраставших претензий Грейс, Крейн готов уже был сбежать от своих родителей в армию. Как раз в это время США вступили в первую мировую войну, и несмотря ни на свое отвращение к войне, ни на протесты отца, Гарольд попытался пойти добровольцем на фронт. Ему отказали, потому что он был малолетним, и тогда он пошел работать на военный завод в Кливленде.

Когда Гарольд Крейн приехал в Нью-Йорк в 1916 г., он еще был ребенком. В 1918 г., когда поэт Харт Крейн вернулся в Кливленд, он ощущал себя мужчиной. Ему хотелось верить, что освобождение придет к нему после успеха в поэзии и после службы в армии, и поэтому ему уже не терпелось стать, по его словам, «грубым» солдатом.⁷³ Его наконец-то призвали в армию, но на той же неделе было подписано перемирие, и его призыв был отменен.

В ноябре 1918 г. Крейну удалось получить работу корреспондента в кливлендской газете «Плэйн Дилер». В его обязанности входило писать о происшествиях в городе, и для этого он просиживал ночи напролет в морге, рассматривая окровавленные тела и сообщая о тяжелых авариях. Ему пришлось писать о самоубийствах и о такой тяжелой аварии, когда сразу погибло шесть человек.⁷⁴ После трех месяцев такой нервной работы, Крейн решил вернуться в Нью-Йорк. Но это уже не был прежний город: сейчас он был заполнен безработными демобилизованными солдатами. Просуществовать на подработках в «Литтл ревью» было невыносимо, и Крейну пришлось устроиться клерком в одной из дочерних фирм отца. Это было первой попыткой угодить желаниям отца и войти в его бизнес.

Но, как обычно, желания отца и сына не совпадали. Харт видел в работе лишь способ прокормиться, чтобы писать поэзию. Отец надеялся, что сын будет полностью отдаваться бизнесу. Сын надеялся научиться «совмещать несовместимое»: зарабатывать себе на жизнь, получить признание отца, но при этом отстоять свое право на творчество. Крейн работал в их бизнесе в Акроне, в Кливленде и в Вашингтоне, но повсюду он чувствовал, как его затягивает рутинная работа, и как он не способен удовлетворить отца, казавшегося ему «до невозможности строгим, изнуряющим и настаивающим на полуголодной оплате».⁷⁵ Пиком взаимонепонимания послужил инцидент, когда отец нашел сына, пирующим у себя на кухне с друзьями в рабочее время. В этот апрельский день 1921 г. отец отчитал сына, добавив, что, так как он живет с матерью, то мог бы питаться в ее доме.⁷⁶ Эта ссора прервала отношения между Гарольдом и его отцом на два долгих года.

После изгнания Крейну пришлось самому заботиться о себе. Денег у него не было, а постоянной работы он не мог найти. Он пробовал продавать свои поэмы в разные журналы, но работал он медленно. Ему удавалось за день написать одну-две строчки, чтобы часами или днями размышлять над продолжением. Крейн причитал: «О! Это так тяжело! Нужно просто купаться в словах, погружаться в них, чтобы найти нужные формы и в нужный момент обратить их в нужные паттерны».⁷⁷

Характерной чертой его стиля работы было изучение стихов других поэтов с последующей адаптацией их в своих работах. Он заучивал наизусть огромное количество любимых строчек, переписывая их в свои записные книжки, с которыми никогда не расставался. Затем, изменяя их до неузнаваемости, он вставлял их в свою поэзию.⁷⁸ К этому времени Крейн обнаружил, что несколько рюмок вина стимулируют его воображение и помогают писать быстрее. Обращаясь к этому подспорью все чаще и чаще, он вскоре выработал особую смесь музыки и кьянти, приводившую его в состояние экзальтации и становившуюся неотъемлемой частью его жизни. Стараясь ускорить процесс творчества, он увеличивал дозу алкоголя, и его ночи озарений становились ночами алкогольной интоксикации. В одном из своих писем Крейн жаловался: «если бы только я мог позволить себе вино *каждый* вечер, я бы мог творить больше. Но я все равно медлителен».⁷⁹

1922–23 гг. имели большое значение в жизни Крейна. В это время он написал поэму «О женитьбе Фауста и Елены». В результате, Аллен Тейт провозгласил его величайшим из живущих американских поэтов, назвав его вместе с Элиотом основными источниками своего вдохновения.⁸⁰ В этот же период Крейн влюбился, и ему ответили взаимностью. Его возлюбленным стал моряк Эмиль Опфер. Пара сняла совместно квартиру в Бруклине. По восемь недель Опфер находился в плавании, а восемь недель проводил с Крейном. Это была большая дружба, ярко окрашенная эротикой и общими интеллектуальными интересами. Окрыленный любовью, Крейн написал цикл поэм «Voyages» («Странствия») и задумал свой самый значительный цикл «Мост».

В 1926 г. основные поэмы Крейна были собраны в его первой книге «Белые дома», опубликованной Бони и Ливрайтом. Поэту было важно подчеркнуть внутреннюю взаимосвязь между поэмами, поэтому он назвал свой первый сборник книгой, а не подборкой стихов. Название книги отражало влияние работ художника Джорджо ди Чирико. Впоследствии Крейн пояснял: «Именно моя увлеченность стилем его картин вдохновила меня на название «Белые дома»».⁸¹ В книге было 25 поэм, и она принесла большой успех начинающему поэту. С этого момента Крейн уже признавался одним из наиболее талантливых и интересных, хотя и малопонятных, модернистских поэтов. Мечты Крейна достичь признания и его желание «оставить после себя нечто, что может оказаться ценным для будущего»,⁸² превратились в реальность.

Но для Крейна успех оказался отравленным. Его лишили главного триумфа, потому что его родители (как обычно) были поглощены своими проблемами и не оценили успех сына. Мать, по крайней мере, прислала ему поздравление, но отец вообще не отреагировал. Даже когда Крейн узнал, что причиной молчания отца была скоростная смерть его второй жены, он продолжал считать, что на самом деле отец презирал его. Став великим поэтом, Харт Крейн вынужден был понять, что слава не сумела принести ему желанной любви родителей.

А тем временем, вдали от Америки, Хемингуэй проходил такой же урок, как и Крейн. Лишь несколькими месяцами ранее, в октябре 1925 г., то же самое издательство Бони и Ливрайт выпустило его первую значительную книгу «В наше время», включавшую 15 рассказов, перемежающихся ранее опубликованными

короткими зарисовками. По странному совпадению, подобно «Белым домам», рассказы были собраны не как сборник, а как книга, где каждый последующий рассказ дополнял или подчеркивал значение предыдущей истории. В то время как «Белые дома» ассоциировались с ди Чирико, «В наше время» – называвшееся романом кубизма – связывали с Пикассо. Подобно творчеству кубистов, книга воссоздавала пугающий хаос современности, предлагая увидеть единую картину в наборе фрагментов и диссонансных перспектив.⁸³ До самой смерти Хемингуэй считал, что «В наше время» и предыдущий тоненький сборник «Три истории и десять поэм» (1923 г.) были его лучшими работами.⁸⁴ Публикация «В наше время» стала той кульминацией признания, к которой Хемингуэй так долго стремился. Он достиг успеха, но его родители отослали ему книгу назад, отказываясь читать «грязь» и «непристойности», написанные им. В 1926 г., когда мир с восторгом приветствовал публикацию его романа «И восходит солнце», Грейс интересовалась, как это чувствовать себя автором «одной из самых мерзких книг года».⁸⁵ Мировая слава не способствовала примирению родителей с отторгнутым сыном. Мать все еще хотела заставить его жить по ее правилам, а сын не терял надежды угодить ей: «...ты, мама, не была лояльна ко мне. Я прекрасно понимаю, что это в силу того, что ты была обязана исправлять мой путь, казавшийся тебе ужасным».⁸⁶

Какого же идеального сына хотели иметь родители Хемингуэя? Намек на ответ можно найти в дневниках Грейс, где она восхищалась успехами своего малыша: «В 5.5 лет Эрнест Миллер уже маленький мужчина – больше не ленив – одевается совершенно самостоятельно и хороший помощник своему отцу. Он носит подтяжки, точно как Папа...».⁸⁷ Грейс хотела видеть сына образцовым мужчиной и любителем искусств. Она рано начала обучать его музыке и водила на лучшие симфонические концерты в Чикаго. Кроме того, она часто ходила с Эрнестом в музеи, прививая ему любовь к картинам. Эта любовь к живописи осталась с ним на всю жизнь.

Отец Хемингуэя стремился заинтересовать мальчика медициной, надеясь, что сын станет ему помощником в практике. Когда Эрнесту было 11 лет, отец писал ему: «...всего лишь через пару лет ты будешь посещать клиники вместе с Папой».⁸⁸ Кроме того, он мечтал видеть сына образцовым мужчиной: смелым и выносливым. Объединив своей жизнью идеалы родителей, Хемингуэй уверял, что охота в Африке для него настолько же жизненно важна, как и посещения музеев в Прадо.

Интересно, что у Хемингуэя и Крейна были одинаковые художественные вкусы, и оба были без ума от Эль Греко и Сезанна. Интересно и то, что оба разрывались между различными занятиями, стараясь угодить как материнским, так и отцовским идеалам. С годами Крейн уверял, что работа в бизнесе не менее важна для него, чем поэзия. Но подобное раздвоение интересов давалось ему с трудом, и он чувствовал себя «как будто распятым на кресте».⁸⁹

С 1913 г. Хемингуэй учился в гимназии в Оук Парке, славившейся своими успехами на всю страну. Мальчик читал запоем все подряд. Его оценки были выше средних, а уроки английского доставляли ему истинное удовольствие. Учителя и одноклассники затруднялись однозначно охарактеризовать этого легко ранимого подростка, обладающего пылким воображением. Кое-кто считал его

честолюбивым, другим он казался одиноким. Кто-то вспоминал, что он затаил обиду на родителей и рассказывал о своих попытках сбежать из дома. Но нет никакой уверенности в правдивости этих воспоминаний, и биограф Хемингуэя, Майерс, признавал: «Нельзя полагаться на воспоминания Хемингуэя о своей юности. После самоубийства отца Хемингуэй – который всегда представлял себя жертвой и вечно искал козла отпущения для всех своих проблем – создал ретроспективный взгляд на свое детство, в котором кастрирующая Грейс помыкает своим трусливым мужем и толкает его к самоуничтожению».⁹⁰

Биографам так и не удалось проверить правдивость рассказов Хемингуэя о побегах из дому (так же, как и не удалось подтвердить истории Крейна о попытках самоубийства). Хотя неясно, действительно ли вынашивали оба подростка подобные планы в 1915г, понятно, что оба пребывали в этот период в угнетенном состоянии духа. По словам учительницы Хемингуэя, Фанни Биггс, он жаловался ей на своих родителей, сетуя, что родители других учеников всегда приходят им на помощь в беде. «Ни один из *моих* родителей не пришел бы в школу ради *меня*, вне зависимости от того, насколько я был *прав*».⁹¹ Как и у Крейна, родителей Хемингуэя просто не было около него, когда мальчик в них нуждался.

Несомненно, родители Эрнеста были очень занятыми людьми. У них было, кроме Эрнеста, еще пять детей, последний из которых (их второй сын) родился в 1915 г. Грейс при этом продолжала заниматься организацией концертов и уроками пения. Кларенс работал врачом акушером, увлеченно занимаясь поиском дитеты для новорожденных. Но проблема была не только в занятости родителей. Эрнест тяжело воспринимал и подводные скрытые течения, влиявшие на жизнь всей семьи. С 1903 г. у Кларенса начались приступы депрессии. Один из таких приступов, отнесенный к параноией, произошел в 1919 г., едва не приведя к разводу между Грейс и Кларенсом. Речь шла о привычке Грейс давать бесплатные уроки пения девушкам, помогавшим ей по хозяйству. Одна из этих девушек, Рут Арнольд, поселилась в доме Хемингуэев с 13-летнего возраста. Она была очень предана Грейс, но вызывала приступы болезненной ревности со стороны Кларенса, заподозрившего любовную связь между Грейс и Рут. В 1919 г. Кларенсу удалось выжить девушку из дому. Это событие оставило как многочисленные шрамы в душах членов семьи, так и сомнения по поводу сексуальной ориентации Грейс. Во всяком случае, Эрнест принял версию отца всерьез, сказав однажды своему сыну, что Грейс была андрогинной.⁹²

В гимназии Эрнест играл в школьном оркестре, ходил на танцы и интересовался спортом. Как и Крейн, он рано начал писать. Его первые три истории, появившиеся в школьной газете в 1916 г., были об убийцах, самоубийцах и о тяжеле физическом насилии. Примечательно, что Хемингуэй начал изучать азбуку жестокости еще задолго до своих фронтовых впечатлений. Эти рассказы подростка говорили о том, что душевные травмы, от которых он хотел избавиться впоследствии, вряд ли были вызваны войной, а скорее относились к его ранним годам. Либо его чувства были ранены в младенчестве, либо (как это поэтически выразил биограф Крейна, Миллер) он нес на себе «крест своих звезд».⁹³ Война лишь усилила эти тенденции, но вряд ли могла послужить им причиной. (Пора-

зительно и то, что мысли о смерти, а также картины окровавленных тел в морге стали и частью юности Крейна).

США вступили в войну за два месяца до окончания Хемингуэем гимназии. Ему хотелось немедленно уйти в армию, но отец запрещал, да и слабое зрение не позволяло пройти медкомиссию. На протяжении всего лета родители убеждали Эрнеста поступить в колледж, но он предпочел стать репортером в газете «Канзас Сити Стар», где ему, как и Крейну, довелось писать о преступлениях и авариях. Канзас стал для Эрнеста тем же, что и Нью-Йорк для Гарольда. 18-летний парнишка наконец-то жил самостоятельно, с нетерпением ожидая успеха на литературном поприще. Ему было не до университетов, и он часто повторял слова своего канзасского редактора Хопкинса: «Не позволяй никому никогда говорить, что тебя «обучили» писать. Ты был рожден с этим».⁹⁴ Как и Крейн, Хемингуэй никогда не учился в колледже. Это совпадение трудно объяснить простой логикой, так как большинство американских писателей того времени обязательно оканчивали университет. Хемингуэй и Крейн оставались редчайшим исключением, тем более странным, что родители уговаривали их учиться. Этот отказ от занятий выглядел не столько протестом против образования, сколько первым серьезным бунтом против давления родителей.

После семи месяцев репортерской работы Хемингуэю все же удалось добровольно пойти на войну в качестве шофера отряда Красного Креста. После короткого пребывания в Нью-Йорке, 23 мая 1918 г. он отправился на итало-австрийский фронт. Его первыми впечатлениями от войны стали картины спасательных работ после взрыва на военном заводе, произошедшем 7 июня возле Милано. Большинство пострадавших были работницами завода, и вид их изуродованных тел привел юношу в шок. Лицо войны было ужасным и безобразным.⁹⁵

Хемингуэй был на войне недолго. Уже 8 июля он получил серьезное ранение в ногу, несмотря на которое сумел доставить раненного итальянского солдата в безопасное место. Так как он стал первым раненым американцем в Италии, его провозгласили героем. Последующие три месяца он провел в военном госпитале, где ему сделали ряд операций по извлечению осколков (считается, что из его ноги извлекли 227 осколков). В Италии Хемингуэй окончательно решил стать писателем. В одном из писем к родителям он уверял, что «сделан из материала этих грубых пишущих парней».⁹⁶ Он покинул дом в 1917 г. подростком, чтобы вернуться в январе 1919 г. бывалым мужчиной. Если он надеялся, что родители оценят его героизм, или что они поддержат его в решении стать писателем, то его вновь ожидало разочарование.

Дома он почувствовал себя чужим. Несмотря на всю его показную бравату, ясно было, что он не справился с шоком. Его мучила бессонница, и он не мог засыпать без света. На войне он начал пить, и по возвращении домой он мог часами крутиться вокруг коттеджа, тайком потягивая вино или затягиваясь сигаретой. Чтобы забыться и избавиться от кошмарных воспоминаний, он сочинял короткие рассказы или уходил на охоту и рыбалку с друзьями.

Отношения Эрнеста с матерью с каждым днем ухудшались, превращаясь в дуэль двух эго. Говорили, что, когда сын уходил на фронт, мать завидовала жи-

давшим его путешествиям и приключениям. Когда он получил тяжелое ранение, она наслаждалась ролью матери героя. Когда же он нуждался в уходе и поддержке, у нее опять были свои заботы – на сей раз серьезные душевные проблемы, связанные с менопаузой. Как всегда, она находилась в мире ином.

Для Грейс война была чем-то абстрактным, местом, где мужчины могли отличиться. Ее мир оставался таким же прекрасным, как и ранее, и в этом мире не было места праздности. Мать бранила Эрнеста за пьянство и лень. Он пробовал сказать ей, что прошел через тяжелые испытания, и что попытается справиться со своими проблемами, если его хоть ненадолго оставят в покое. Откуда это у него могли быть тяжелые испытания, язвительно парировала Грейс, если, по его собственным словам, большую часть времени он провел в госпиталях? Ей, ненавидящей грязные пеленки и больных детей, не было дано испытать ни капли сочувствия к своему раненому сыну. Ему казалось, что, по крайней мере, она полюбит в нем героя войны, но напрасно. Лик войны был безобразен, и Грейс просто не глядела на него.

С точки зрения родителей, их сын достаточно проболтался, подрабатывая на случайных работах. Настало время образумиться и пойти работать или учиться. Но он хотел только быть писателем. Подобно семье Крейна, родители Хемингуэя отказывались признавать его творчество достойным занятием. В их глазах он был безработным, его постоянно ругали за лень, требуя выполнения всех домашних работ.

К январю 1920 г. Эрнест поправился и уехал жить в доме канадского богача, присматривая за его сыном-инвалидом. В свободное время он подрабатывал репортером в газете «Торонто Стар». Бейкер описывал, какое впечатление Хемингуэй производил на репортеров: «Большинство его коллег были в плену его мальчишеского обаяния. С совершенно серьезным видом он плел им разные истории, убеждая Кренстона, что со дня окончания гимназии он оставался бездомным бродягой...».⁹⁷ (Забавно, что и Крейна влекло к бродягам, и в «Мосте» он сравнивал как себя, так и бродяг с никогда не повзрослевшими людьми, всеми силами пытающимися удержаться за «вожжи детства»).

Но в 1920 г. Хемингуэй все-таки хотел вернуться домой. Подобно Крейну, он не был готов связывать себя постоянной работой и отказался принять предложение «Торонто Стар». Летом он приехал в дачный коттедж в Мичигане. Родители отнюдь не обрадовались: приезд «нахлебника» их очень огорчил. Ссоры участились. После того, как однажды Эрнест загулялся с двумя младшими сестренками до трех часов ночи, терпение Грейс лопнуло. Она написала ему длинное письмо, напоминая о сыновнем долге перед родителями и перед Богом, и отчитывая за пренебрежение своими обязанностями перед «Богом, твоим Спасителем, Иисусом Христом». Грейс требовала от сына немедленно покинуть дом, заключая письмо ультиматумом, который мог пролить свет на отношения в семье Хемингуэев: «Не возвращайся, пока язык твой научится не оскорблять и не позорить твою мать. Когда ты сменишь свои идеалы и цели в жизни, твоя мать поприветствует тебя, будет ли это в нашем мире или на том свете – с любовью и с желанием принять твою любовь».⁹⁸

Материнскую любовь Грейс готова была давать Эрнесту лишь при одном условии: от него требовалось подогнать свои жизненные цели точно по желанию матери, выступающей в роли посланника божьего на Земле! В ином случае, она откажется его увидеть даже после смерти! Цена материнской любви была слишком высока, и Эрнеста просто выдворили из дома. Он никогда не забыл и не простил этого. Несмотря на то, что в этот критический период отец не находился в Мичигане, из писем Грейс он знал о ситуации в семье. Перед последним инцидентом он пытался урезонить своенравного сына, и его письмо поразительно походило на письма Грейс Крейн Гарольду: «Я надеюсь, дорогой Эрнест, что ты будешь больше думать о том, что другие сделали для тебя, и постарайся быть добродетельным, добрым и мягким. Не сомневайся, что я горжусь твоими способностями и независимостью, но постарайся смягчить свой характер и никогда не угрожай своему Отцу и Матери.... Я хочу, чтобы ты олицетворял все доброе, благородное и учтивое в Мужественности, чтобы ты боялся Бога и уважал Женщину».⁹⁹

От Эрнеста требовали подчиняться родителям и не тревожить их. Но как он мог не огорчать их, когда травмы войны действительно были ужасающими? Как можно было быть добрым и мягким в доме, лишенном доброты и мягкости по отношению к нему? Как можно было олицетворять мужественность в доме, где даже книги Джека Лондона были табу, потому что их считали непристойными?

После изгнания грешного сына Кларенс Хемингуэй написал письмо поддержки жене: «Он должен работать и найти свой собственный путь, и только страдания могут стать средством для смягчения его эгоистичного Железного Сердца».¹⁰⁰ Но был ли Эрнест настолько эгоистичен, как представлял его отец? В это так же трудно поверить, как и в то, что Гарольд «был основной причиной несчастий» своей матери. По крайней мере, Лестер писал: «Эрнест – единственный человек, которого я знаю, который, уже проявив талант, мужество, чувство юмора и неподдельной любви к семье, был бы формально выставлен из дому сразу же после своего 21 дня рождения».¹⁰¹ По иронии судьбы, именно Эрнест нес на себе финансовое обеспечение матери до самой ее смерти в 1951 г.

Фрейд писал в своей записной книжке афоризмов, что наихудшим эгоистом является тот человек, которому никогда не приходила в голову мысль, что он может быть эгоистом. Ни Хемингуэям, ни Крейнам, постоянно читающим банальные проповеди, никогда не приходила в голову мысль, что они сами могут быть эгоистичными в своих требованиях от детей. Они не понимали, что мучили нежные души своих сыновей с одной эгоистичной целью – почувствовать свое величие хоть в чьих-либо глазах, даже в глазах маленьких детей.

Финал семейной драмы этих селестиальных близнецов проходил по параллельным сюжетам: после ссоры и обвинения в эгоизме, в тунеядстве и в паразитизме, они уже в 20 лет стали бездомными. После разрыва с семьей Хемингуэй переехал в Чикаго, где он подрабатывал в редакции журнала. В этот период он встретил свою первую жену – Хедли Ричардсон, прекрасно игравшую на пианино и высоко ценившую литературный талант Эрнеста. Подобно Крейну, Хемингуэй начал быстро завязывать полезные знакомства в литературном мире. Его

другом и советчиком стал один из ведущих писателей того времени, Шервуд Андерсон (друг Крейна). Андерсон убедил Хемингуэя в необходимости избавиться от «бездуховной» американской атмосферы и познакомиться с серьезными писателями в Париже. Он снабдил Хемингуэя рекомендательными письмами к проживавшим тогда в Париже писателям Гертруде Стайн, Джеймсу Джойсу и Эзре Паунду, а также к владелице английского книжного магазина, Сильвии Бич. Во всех письмах Андерсон восхвалял «экстраординарный талант» Хемингуэя.

Эрнест и Хедли отплыли в Париж, и парижский период с 1921 по 1925 г. стал наиболее значительным в творческой жизни Хемингуэя. Так же, как и Крейн, Хемингуэй с легкостью общался с представителями разных литературных школ и направлений. С одной стороны, он подружился с Гертрудой Стайн, чья философия и язык были близки к художественной школе кубизма. С другой стороны, ему симпатизировал Эзра Паунд – основатель имажинизма. Хемингуэй учился у обоих мастеров.

Стайн не только стала первым читателем и критиком Хемингуэя, она еще сумела передать ему свое воодушевление работами Пикассо и Сезанна. С ее легкой руки Хемингуэй начал собирать картины и завязал дружбу с художником Массоном. Как и Крейн, Хемингуэй хотел достигнуть в своих работах специальных цветовых и звуковых эффектов, используя приемы художников и музыкантов.

В Париже Хемингуэй также сблизился с Джеймсом Джойсом – соперником Гертруды Стайн. Хемингуэй относился с большим уважением к Джойсу, а ирландский писатель обожал молодого коллегу. Париж стал университетом Хемингуэя, а книжный магазин Сильвии Бич – его библиотекой. Подобно Крейну, Хемингуэй глотал все подряд, проводя дни у книжных полок и читая современную поэзию и прозу. Он верил, что истинный писатель обязан знать все, что написали другие великие писатели до него: «Нет никакой пользы в писании о том, что писали другие до тебя, пока ты не можешь их превзойти. В наше время писатель может либо писать то, о чем еще не было написано, либо превзойти тех, кто писал до него».¹⁰² Кредо Хемингуэя в точности соответствовало кредо Крейна, выраженному в одном из его писем: «Меня лишь интересует добавить то, что мне кажется по-настоящему *новым*, к тому, что уже было написано. Пока у тебя нет чего-то нового, сугубо личного взгляда или мнения, скажем, на извечное чувство любви, и подходящего личного средства выражения этого взгляда, я говорю, зачем вообще писать об этом?»¹⁰³

Оба селестияльных близнеца страстно желали написать нечто такое, что, по словам Крейна, стало бы «величайшим из когда-либо написанных»¹⁰⁴ произведений. Эта страсть к соперничеству в литературе, с одной стороны, помогла им достигнуть славы, но, с другой стороны, впоследствии привела их к крушению. Они никогда не получали удовольствия от самого процесса творчества, потому что их всегда преследовал страх, что их произведения высмеют. Хотя оба литератора работали непрерывно, им все время казалось, что они пишут мучительно медленно. Хемингуэй вспоминал, как ему временами было настолько трудно работать, что он сомневался, сможет ли вообще что-нибудь написать: «Я стоял и смотрел на крыши Парижа и думал: «Не волнуйся. Ты раньше всегда писал, и ты

напишешь сейчас»». То время, как Крейн записывал ключевые слова своих поэм и ждал, пока к нему придут «правильные слова», Хемингуэй мучился в поисках одного правильного предложения: «главное – сочинить одно предложение правды, а дальше пойдет». ¹⁰⁵

Записная книжка Хемингуэя, содержащая такие правдивые предложения, проливая свет на его редкую особенность: он обычно записывал предложения, сказанные другими, а затем, пропустив их через призму своего воображения, излагал истории других людей настолько убедительно, что они воспринимались, как его собственные. Мы уже видели, что подобный стиль работы был характерен и Крейну, записывавшему полюбившиеся строчки в свои записные книжки. Более того, Крейн воспользовался ненапечатанными стихами поэта Гринберга (трагически погибшего в молодости), придав им свой стиль. Он сознательно заимствовал слова другого поэта, и это было характерным для всех ранних вещей Крейна. ¹⁰⁶ Такой подход ни в коей мере не был типичен для поэтов (сравним, например, с уникальным стилем и идеями Милоша и Волошина). Вполне возможно, что такой подход вытекал из философии честолюбия Хемингуэя и Крейна (прочитать других, чтобы превзойти их). В то время как поэзия Милоша и Волошина рождалась из их личных озарений на пути поиска Универсальной Любви, работы Хемингуэя и Крейна были результатом их попытки достичь признания.

Хотя Хемингуэй больше известен как прозаик, но, подобно Крейну, он начал печататься в качестве поэта. В январе 1923 г. появился цикл его поэм под общим названием «Блуждания» («Wanderings»). Этот цикл напоминал цикл из шести поэм Крейна «Странствия» («Voyages»). В июле 1923 г. Хемингуэй опубликовал «Три рассказа и десять стихотворений». По единодушному мнению критиков этот сборник считается «Хемингуэем высшего качества». Таким образом, в 1923 г. и Хемингуэй и Крейн симультанно достигли признания как поэты.

Кульминацией парижского периода стала книга «В наше время». Успех пришел, но признания родителей не последовало, и год за годом они продолжали перевоспитывать его, ругая за употребление таких слов как «проклятье» или «сука». Слава росла, а с ней возрастало и ощущение внутренней опустошенности. «Словарь литературных биографий» писал: «После 1925 г., когда он (Хемингуэй) впервые достиг славы, он постепенно становился жертвой своей молодости и успеха; сначала он изменил жене, а потом и своим принципам в жизни и в искусстве». ¹⁰⁷

Жизнь Крейна после 1926 г. превратилась в трагическую историю саморазрушения. После провозглашения величайшим ныне живущим поэтом, он уже боялся соревноваться со своими ожиданиями от самого себя. Его отношения с Опфером охладились, и он пришел к выводу, что не мог ожидать большой любви от гомосексуальной связи. С осени 1926 г. до его отплытия в Париж в 1928 г. жизнь поэта омрачалась его сумасбродным поведением. В трезвом состоянии, Крейн пытался сохранять вид оптимиста. Но эта маска исчезала в его письмах, становившихся единственной отдушиной для всепоглощающего чувства пустоты. Редко можно найти человека, изливающего боль с таким мастерством и силой, как это

делал Крейн в своих многочисленных письмах, нашедших свое место на полках антологий лучших образцов эпистолярного искусства. В одном из писем Крейн, говоря о своей поэме «Чаплинеска», почти полностью снимает с себя маску в попытке разъяснить свои чувства: «Мне бы хотелось поместить Чаплина вместе с поэтами ... он, особенно в *The Kid*, заставил меня, как поэта, чувствовать себя «как будто в одной лодке» с ним. Поэзия, человеческие чувства, «бездомный котенок», настолько вытеснены из однообразного потока механического быта, что человек, пытающийся сохранить их, должен маскироваться для того, чтобы спасти их и спасти себя от уничтожения».¹⁰⁸ Крейн чувствовал себя «бездомным котенком», которому с детства пришлось скрывать свои чувства, чтобы «спасти себя от уничтожения». Само собой напрашивается сравнение с Хемингуэем, который в «Прощай оружие» писал, что мир стремится сломить людей, а тех, кто не хочет сломиться, он убивает. Сначала «он убивает самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых без разбора». И еще одна параллель. Хемингуэй, подобно Крейну, писал много писем. «Нужно целый день ходить с бодрым видом, чтобы затем искать облегчения в писании писем»,¹⁰⁹ говорил он, как бы вторя Крейну. Для него, как и для Крейна, письма были одной из форм психотерапии. Прекратить писать письма, означало для Хемингуэя, по его словам, и прекратить получать письма, и тогда бы он страдал от одиночества. Подобно письмам Крейну, толстые тома писем Хемингуэя стали образцами эпистолярного жанра.

Элис Миллер обнаружила, что люди, которые «с детства успешно подавляли силу своих чувств, зачастую пытаются прочувствовать их заново – по крайней мере, на короткое время, обретая их былую интенсивность – при помощи наркотиков или алкоголя».¹¹⁰ После 1925 г. Крейн быстро усваивал эту технику. Он постоянно переутомлял себя попытками написать еще более выдающееся стихотворение и часто впадал в тяжелую депрессию. Его эмоциональная натура искала выхода в экстремальных ситуациях, таких как пьяных дебошах, драках или случайных сексуальных связях. Напившись до беспамятства, он кричал, что чувствует себя «как мышь в мышеловке».¹¹¹ Ему казалось, что слишком уж жестоко его предавали, чтобы он когда-нибудь решился поверить в возможность добрых отношений между людьми. Те, кто знакомился с Крейном в этот период, невольно вовлекались в водоворот его душевной драмы, где домыслы и действительность были неразделимы. Желание любви и страх быть преданным овладевали Крейном, разрывая его на части. Основной заботой поэта стало избегать предательств путем предвидения их и опережения противника. Рано или поздно Крейн отталкивал всех своих друзей, хотя многие из них продолжали издали преданно обожать его.

Горечь, с которой Крейн воспринимал каждое очередное «предательство» постоянно возрастала. Особенно заметным это было в Нью-Йорке конца двадцатых годов, где литературные круги разделились на соперничающие группировки. Крейн с его блестящей репутацией, сочетавшейся с почти детской наивностью и неопытностью, становился заманчивой мишенью для язвительных замечаний насмешников и завистников. Видя в каждом намеке «предательство», поэт окунался в очередную сексуальную связь, чтобы лишь на минуту забыться и обрести

любовь. Нервы его сдавали, и к тому же он страдал от бессонницы. Он писал: «Похоже, что теперь бессонница постоянно поселилась во мне, а когда я все-таки «засыпаю», мой мозг разрывается от непрерывной ленты ужасающих картин несчастий – как в бесконечном кинематографе».¹¹² (Хемингуэй тоже страдал от бессонницы, и его сон омрачался кошмарами, которые одни биографы пытались объяснить возбужденным воображением, а другие травмой войны.¹¹³)

Общее физическое состояние Крейна ухудшалось. Ему становилось все труднее сидеть на одном месте и справляться с требованиями любой, даже рекламной, работы. В конце 1925 г. Крейн, преодолевая гордость, обратился с письмом к известному меценату, Отто Кану. Он подробно перечислял свои достижения и жаловался на невозможность совмещать творческую работу над задуманной им поэмой «Мост» с необходимостью зарабатывать на жизнь, работая в отделах рекламы. Он скромно просил получить ссуду до окончания работы над поэмой. Вскоре он получил согласие мецената, и эта денежная поддержка позволила Крейну сосредоточиться на поэзии с апреля по ноябрь 1926 г. Поэт удалился на Кубу, и там написал десять глав «Моста». Несмотря на это, ему все время казалось, что работа идет чрезвычайно медленно. Его угнетали мысли о нестабильности своего финансового положения, да и положение в литературном мире казалось ему таким же шатким, как и прежде. Угнетенное состояние духа мешало работе, и вскоре он почувствовал, что «почти устал быть поэтом!»¹¹⁴ Терзаемый внутренними сомнениями, он сам начал высмеивать свои чувства: «Эмоционально, мне бы хотелось написать «Мост», но, логически рассуждая, тема в целом и весь проект кажутся мне все более и более абсурдными».¹¹⁵ Его начал преследовать страх провала, и он уже специально искал поводов уклониться от работы, в которую больше не верил. Но и в своем отчаянии Крейн продолжал стремиться быть «самым» особым человеком, ища утешения в том, что «по крайней мере, в худшем случае, поэма будет колоссальным провалом!»¹¹⁶

После 1927 г. Крейну почти не удавалось писать (за исключением короткого зимнего периода в 1932 г.), а то, что он писал, ему казалось хуже, чем его прежние работы. В 1928 г. Крейну наконец удалось улучшить материальное положение за счет небольшого наследства, доставшегося ему после смерти бабушки. Но деньги не только не помогли, а и ухудшили его общее состояние. Наследство принесло сначала денежные распри, а затем и окончательный разрыв с матерью. В Крейне происходил перелом, и от человека, который «напивался с друзьями», он скатывался к тяжелому алкоголизму. В пьяном угаре он либо грозился покончить с собой, либо затевал драки. Он был не раз избит полицейскими, и несколько раз ему приводилось проводить ночь в участке за оскорбление полицейских.

Надеясь закончить «Мост» и стараясь убежать от очередных денежных исков со стороны матери, в 1929 г. Крейн на полгода уплыл в Европу. Ему доставляли удовольствие музеи, и он часами простаивал в Национальной Галерее возле полотна Эль Греко, которые напоминали ему «Мост». В Париже он встретился со многими знаменитыми людьми (включая Гертруду Стайн), но ему постоянно мешали бесконечные приемы и вечеринки. Они надрывали его здоровье и мешали спокойной работе. Светлым лучом в этот период стала встреча с издателями

Гарри и Каресс Кроссби, которые обещали Крейну издать «Мост» в Париже. Парижский период в жизни Крейна неожиданно пришел к печальному концу, когда его арестовали за пьяную драку и выдворили из страны.

По возвращении в Нью-Йорк ему удалось наконец-то окончить «Мост», изданный в 1930 г. в Париже. Но выходу книги в свет предшествовал новый шок в жизни Крейна. В декабре 1929 г., когда супруги Кроссби посетили Нью-Йорк, у Крейна была назначена встреча с ними в театре. Когда Гарри не явился в назначенный час, оказалось, что он застрелил свою любовницу и покончил с собой. На долю Крейна выпала тяжелая обязанность сообщить эту страшную новость жене и матери Гарри.¹¹⁷ После этого события несколько месяцев Крейна преследовали кошмары, и он писал всем, что смерть Гарри совершенно разрушила его, и что он не мог преодолеть чувство вины за сообщение этой вести таким двум милым женщинам.

Эта трагедия дает редкую возможность сравнить симульгантные реакции Хемингуэя и Крейна. В это время Хемингуэй был в Париже. Несмотря на то, что он не был близок с Кроссби, его самоубийство стало шоком для него. Более того, подобно Крейну, он почему-то видел себя виноватым в этой трагедии. Он повторял, что чувствовал себя ужасно от потери такого «чертовски хорошего парня», и на следующий день после смерти Кроссби написал письмо Скотту Фицджеральду в стиле «*теа culpa*» (моя вина).¹¹⁸ Биографа Хемингуэя, Бейкера, поражала глубина чувств, выраженных в этом письме, потому что не было видимого повода для такой реакции. Выходит, что в данном случае синхронность в жизни этих сестелиальных близнецов граничила с телепатией.

По окончании изнурительной работы над «Мостом» Крейн не освободился от ставших уже привычными страхов перед будущим. До своей смерти в 1932 г. он переезжал с места на место, включая Огайо и Мексику, куда он поехал, получив стипендию Гуггенхайма (1931 г.) В Огайо он, наконец, примирился с отцом, нашедшим свое счастье в третьем браке. Но счастье оказалось лишь мимолетным, так как Кларенс скоропостижно скончался от инсульта в 1931 г.

В Мексике Крейн влюбился в бывшую жену своего коллеги и друга Малькольма Коули, Пегги Берд. Она была его закадычным другом еще со времен Нью-Йорка, и ее влиянию Крейн был обязан рядом своих поэм из цикла «Ки Вест». С любовью Пегги Крейн наконец-то обрел свой дом и надежду на лучшее будущее. Окрыленный этим новым для него «нормальным» чувством к женщине, он написал свою последнюю поэму «Разрушенная колокольня». Одной из самых известных строчек поэта стала строчка из этой поэмы: «Колокола, я говорю, колокола разрушают свою колокольню». Прекрасная и почти невозможная любовь двух одиноких сердец в Мексике, которую Крейн называл «Богом забытой страной», напоминала романтическую любовь Марии и Джордана из романа Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Крейн и Пегги впервые любили друг друга во время индейского праздника, когда фейерверки рассекали небо, и колокола Таксако звенели у них в ушах. Потом их любовь казалась им такой же легкой, естественной и неизбежной, как закаты и восходы. Все казалось им кружащимся в единстве цвета и музыки. «Это

все поэма, и я напишу ее, и мы будем в самом ее центре, моя дорогая», – говорил Крейн.¹¹⁹ Гул колоколов был их свадебным маршем. Пегги вспоминала, как наутро: «колокола все еще монотонно разбивали воздух. Мы были настолько укутаны друг в друга, настолько нелепо счастливы, что мы ничего не замечали. Харт был опьянен возбуждением этого мига, немного наполнен благоговейным страхом, но не испуган...». Затем он попросил: «Я ни на секунду не верю в это, дорогая, но будь добра и скажи мне, что это не обман моего воображения».¹²⁰

После того как Джордан и Мария любили друг друга, реакция Джордана была похожа на реакцию Крейна: «Такого не бывает. Может, этого и никогда не было, думал он. Может, мне это приснилось, и никогда не произошло». В конце концов, любовь Джордана не была счастливее, чем любовь Крейна. Причина тому может быть найдена в диалоге Джордана с Марией:

«Я чувствовал, что я хотел умереть, когда я любил тебя».

«О», сказала она. «Я умираю каждый раз. Ты не умираешь?»

«Нет. Почти. Но почувствовала ли ты, что земля движется?»

«Да. Когда я умирала...»

Для Хемингуэя целью любви стало достигнуть идеального союза между двумя любовниками. Акт любви не мог для него быть чем-то обыденным или привычным. Он стремился прийти к такой эйфории, от которой бы земля покачнулась. Но после состояния экстаза неизбежно возвращались извечные опасения, что достичь еще больших высот уже просто невозможно. Именно поэтому цыганка Пиллар говорила Джордану, что в его жизни земля не может покачнуться больше трех раз. Вместо желания дать другому тепло и быть с ним, любовь в глазах Хемингуэя превратилась в соперничество со своими собственными былыми достижениями. Вместо взаимной радости, любовь приносила ему страх перед новым экзаменом. Партнер не воспринимался как уверенный в тебе друг, а как суровый экзаменатор и свидетель твоего будущего фиаско. Может быть, именно поэтому женщины в романах Хемингуэя оставались поверхностными образами. Возможно, он настолько страдал от комплекса неполноценности, что не мог обращать внимание на потребности своих партнеров. На еще более неопределенным, чем ранее. Ничего не остается, кроме желания сбежать, умереть. Вожделение вытесняет любовь, опустошение и мену эйфории от такой любви приходило изнеможение, и будущее с казалось жажда смерти приходят на смену жизнелюбию и желанию породить новую жизнь. «Грандиозные» мечты любви принесли Хемингуэю и Крейну одинаковые саморазрушительные чувства, подобные тем, которые они испытывали во время работы. Любовь и длительная семейная связь требовала от них тех чувств, которые они никогда не получали от своих родителей: уверенности в себе и умения сотрудничать.

Несмотря на то, что Крейн много работал, он никогда не испытывал радости творчества. Его отношение к работе было окрашено оттенком соперничества, и самым тяжелым его соперником был он сам, его собственные прежние успехи. Крейн прекратил писать поэзию, потому что ему казалось, что «Мост» удался, «но я никогда не сделаю опять ничего похожего».¹²¹ Крейн не мог оставаться с Пегги, потому что их близость он воспринимал как достижение, хвастаясь, что

отныне он стал «полноценным человеком». Несмотря на новые возможности, Крейн уже слишком далеко зашел на пути саморазрушения. Для него земля уже качнулась трижды. Ему больше не хотелось рисковать, и как Джордан Хемингуэя, он хотел умереть. Как Ник Адамс Хемингуэя, он решил «не связывать свою жизнь ни с кем». Он решил исчезнуть раз и навсегда. 27 апреля 1932 г. он соскочил с палубы корабля, когда они с Пегги возвращались в Нью-Йорк. Поэт затерялся в Карибском море, неподалеку от берегов столь ему любимой Кубы. Автор строчки «морское дно жестоко» сам решил испытать беспощадность океана. Кажется, что герой романа Хемингуэя «Прощай, оружие», Фредерик, имел в виду Крейна, когда он в финальной сцене смерти Кэтрин, замечал: «...вот какой конец ловушки. Вот что получают за то, что любят друг друга». Крейн любил повторять, что чувствует себя как мышонок в ловушке, попавшийся в сети любви своих родителей, заставивших его предавать себя в бессмысленной попытке завоевать их любовь. У Крейна нет могилы, но на одной из гранитных плит кладбища в Гарретсвилле высечено: «Гарольд Харт Крейн 1899-1932. ЗАТЕРЯН В МОРЕ».

Символически, можно сказать, что жизнь Крейна ярко иллюстрировала характеристики Раков, описанные, например, Хикки: «Рак представляется «неутомимыми приboями океана, приливами и отливами чувств»... Раки в плену у своих настроений, сегодня они в эйфории, а завтра в отчаянии».¹²² Хемингуэю тоже было знакомо это чувство быстрой смены настроений. Поразительно, но он как бы предвосхитил смерть Крейна, записав в дневнике 1926 г. размышления на тему самоубийства: «Когда я не в духе, мне нравится думать о смерти и о различных способах умереть. И мне кажется, что наилучшим способом, если вам не удастся как-то придумать умереть во сне, было бы соскочить с корабля ночью. При этом можно не сомневаться в успехе самоубийства, и смерть не выглядит слишком безобразной. Останется лишь миг прыжка, а для меня очень просто прыгать как угодно».¹²³

Крейн не мог читать эти размышления Хемингуэя, записанные в его личных тетрадах. Но, по всей видимости, его мысли и чувства полностью совпадали с чувствами селестиального близнеца. Оба как бы симультанно двигались по тем же путям Рака, изучая нелегкий урок, как совладать с «приливами и отливами чувств». В 1932 г. Крейн осуществил один из наиболее черных замыслов Хемингуэя. В том году Хемингуэй уцелел. Но приливы и отливы его чувств продолжались, а вместе с ними и попытки совершить «финальный прыжок».

В момент смерти Крейна, Хемингуэй случайно находился поблизости к месту драмы. Так уж вышло, что, когда Крейн писал свой цикл «Ки Вест», Хемингуэй приобрел дом и поселился в этом маленьком городе-острове, расположенном прямо, через пролив, напротив берегов Кубы. В 1932 г. Хемингуэй жил в Ки-Весте, работая над своим произведением «Смерть в полдень»... Очевидно, он уже чувствовал, что колокола звонили и по нему.

В апреле 1932 г. Хемингуэй провел больше 65 дней в море у берегов Ки-Веста, занимаясь рыбной ловлей. За день до возвращения домой он сильно перепотел, проведя несколько часов в борьбе с огромной рыбой. В результате у него был сильный жар, и врачи диагностировали воспаление легких. Жизнь писателя была

в опасности, и ему пришлось несколько месяцев провести в постели. Когда же, начиная выздоравливать, он обратил внимание, что на всех гранках, присылаемых ему на коррекцию, было написано вместо «Смерть в полдень», «Смерть Хемингуэя», он страшно рассвирепел. И хотя ему было хорошо известно, что это лишь общепринятое типографское сокращение, он тут же отправил гневную телеграмму редактору: «КАЗАЛОСЬ ЛИ ВАМ СМЕШНЫМ МЕТИТЬ ВСЕ ГРАНКИ «СМЕРТЬЮ ХЕМИНГУЭЯ» ИЛИ ЖЕ ВЫ ЭТОГО ЖЕЛАЛИ?»¹²⁴

«Смерть в полдень», задуманная вначале как техническое исследование корриды, включала в себя 12-ую главу, опубликованную позднее отдельным произведением («Натуральная история мертвеца») и свидетельствовавшую о подавленном состоянии духа писателя. В этой истории Хемингуэй заставил читателей заглянуть в глаза ужасам войны и осознать собственную брэнность. Хемингуэю удалось выжить в этот тяжелый период, когда его селестиальный близнец сдался. Но это была лишь временная отсрочка, потому что падение Хемингуэя началось. С 1929 г. по 1937 г. ему не удалось напечатать ни одного романа. Роман «Иметь или не иметь», написанный в 1937 г., стал тяжелым разочарованием, как для критиков, так и для широкой публики.

1926 г. стал годом наивысшего признания Хемингуэя. В августе было напечатано «И восходит солнце», приобретшее немедленную популярность. Хемингуэя признали одним из лучших писателей, и он незамедлительно оказался в центре американской литературной жизни. Но в то же время он начал порывать все свои связи, включая дружеские отношения с Андерсоном и Стайн. Уже тогда проявилось характерное для него отношение к друзьям: быть галантным рыцарем, пока он нуждался в них, и бросать их, проявляя жестокость, когда они не были ему больше полезными. Когда он напивался или чувствовал, что его провоцируют, то мог и нанести удар. Его роман «Вешние воды» послужил явной пощечиной Стайн и Андерсону, тем двум людям, которые больше кого-либо поддерживали молодого писателя. Хемингуэй был не просто учеником Стайн, он еще и помогал ей корректировать тексты. Лучше всех зная и понимая ее стиль, он впоследствии сознательно пользовался им в своих произведениях. Это не помешало ему написать «Вешние воды» как пародию на Стайн и Андерсона. Впоследствии Андерсон заметил, что «поглощенность Хемингуэя своими идеями повлияла на его способность дружить».¹²⁵ Так началось отдаление Хемингуэя от парижского круга писателей.

Подобно Крейну, Хемингуэй начал практиковать технику предотвращения страданий из-за возможных «измен» путем нанесения превентивного удара. (Элис Миллер считала эту технику одним из механизмов защиты людей с ранней эмоциональной травмой. Например, такой человек думает: «Я должен бросать женщин, как только я чувствую, что они нуждаются во мне».¹²⁶) Хемингуэй бросил свою жену. Впоследствии он сожалел об этом, потому что его жизнь уже никогда не была такой как в Париже, когда он и Хэдли «были очень бедны и очень счастливы». («Праздник, который всегда с тобой»).

В 1925 г. Хемингуэй влюбился в Полину Пфейффер, члена редакции Парижского издания журнала «Вог». Она была очень богатой католичкой, на три года старше его. Хэдли не противилась разводу, и 10 мая 1927 г. Хемингуэй женился во

второй раз. Этот брак принес ему материальную обеспеченность, но плохо повлиял на количество и качество его работ. 1927–1928 гг. стали годами упадка в творчестве Хемингуэя. Осенью 1927 г. он начал писать роман, который называл «современным Томом Джонсом». К весне 1928 г. было написано 45000 слов, но на этом энтузиазм Хемингуэя окончился, по его словам, из-за ряда несчастных случаев. В марте 1928 г. он был тяжело ранен, когда кусок крыши дома упал ему на голову, а в декабре того же года его отец покончил с собой, прострелив себе голову.

Таким образом, с 1927 по 1929 гг. оба сестистальных близнеца переживали творческий кризис, и, что еще более интересно, оба они чувствовали прилив сил только на Кубе. В 1928 г. Хемингуэй переехал на Ки-Вест в надежде окончить там работу над романом «Прощай, оружие!», которая уже к тому времени затянулась на два года. В 1929 г. этот роман был опубликован, став американской классикой. (Тогда же Крейн опубликовал «Мост», тоже вошедший в анналы американской классики). После «Прощай, оружие!», Хемингуэй работал все меньше и меньше. Материальная обеспеченность позволяла ему вести праздный образ жизни, занимаясь развлечениями и спортом. Зимой он проводил в Вайоминге, лето – во Франции или в Испании. Но денег на все не хватало, и положение обострялось необходимостью платить алименты Хедли на их сына Бамби, а также необходимостью содержать мать. Алкоголизм, начавшийся еще на фронте, со временем прогрессировал. Учащались несчастные случаи, связанные с пьянством. По утрам ему было не до работы – необходимо было опохмелиться. После развода с Хедли и самоубийства отца депрессивные состояния становились нормой. Разрыв между книгами удлинялся, а их качество страдало перебоями. Подобно Крейну, слава и деньги не принесли Хемингуэю желанной уверенности ни в себе, ни в завтрашнем дне.

Отношения с Полиной ухудшились, и как Гарри в «Снегах Килиманджаро», Хемингуэй вдруг заметил в жене «эту богатую суку, эту добренькую опекуницу и губительницу его таланта». С 1931 по 1935 гг. он встречался с замужней женщиной по имени Джейн Мейсон. Она была красива, талантлива, склонна к алкоголизму и к эмоциональной нестабильности. В состоянии опьянения она совершила автомобильную аварию, когда катала двух детей Хемингуэя. Затем она пыталась покончить с собой, выпрыгнув из окна магазина. С переломом позвоночника ее направили в психиатрическую клинику. Ее связь с Хемингуэем охладилась после того, как психиатр Джейн пригрозил ему опубликовать заметку о его неврозах и о женоненавистничестве.

Самым ярким произведением в этот тяжелый период стал короткий рассказ «Снега Килиманджаро» (1936 г.) – история смерти писателя-неудачника. За несколько лет до того Крейн, чувствуя изнеможение от работы, восклицал: «Как я стар!... Я чувствую, что не раз уже проходил через все это». Теперь пришло время Хемингуэя изобразить себя в умирающем Гарри, которому все опостылело: «Плохо не то, что он лгал, а то, что вместо правды была пустота. Жизнь свою он прожил, она давно кончилась, а он все еще жил, но теперь уже среди других людей, и денег теперь было больше...».¹²⁷ Как странно было слышать эти рассуждения из уст молодых, тридцатилетних писателей!

Качели «приливов и отливов» настроений Хемингуэя раскачивались все сильнее. После годов падений вдруг следовали новые триумфы романов «По ком звонит колокол» (1941) и «Старик и море» (1952). Годы зрелости, обычно считающиеся периодом расцвета, принесли Хемингуэю три развода, четвертый брак, частые ранения в голову, алкоголизм и болезни. Во время гражданской войны в Испании он покинул Полину с двумя детьми, чтобы жениться на военном корреспонденте, Марте Гелхорн. На короткое время возбуждение от войны и от новой влюбленности вернули прежнего Хемингуэя с его блестящим романом об Испании. Успех «По ком звонит колокол» возродил его былую славу. Казалось, что и Хемингуэй и Крейн нуждались в особенно сильных возбудителях, чтобы входить в экстатическое состояние творчества. Для Крейна – это были алкоголь и случайные сексуальные связи с моряками; для Хемингуэя – войны, коррида, бокс, пьянство и любовные победы. Эти возбудители приводили к коротким всплескам гениальности, но взимали очень высокую цену: творчество обоих литераторов связывалось у них со страданиями.

С 1940 по 1950 г. Хемингуэй напечатал лишь одно произведение, «Через речку и в деревья». Большинство критиков считали эту вещь «макулатурой» и наихудшим романом Хемингуэя. Высказывались опасения, что такой провал может зачеркнуть все его прошлые успехи. Хемингуэй в ответ на это пил еще сильнее, устраивая пьяные дебоши. В Лондоне в 1944 г. он начал ухаживать за красивой блондинкой, корреспондентом Мэри Уэлш. После одной из вечеринок, он в состоянии опьянения опять сделал аварию, и пролежал некоторое время в больнице с сотрясением мозга. Но и этот инцидент не повлиял на него. В момент пьяной удали он установил фотографию мужа Мэри на туалет в гостинице «Ритц» и расстрелял ее из ружья. Разбив унитаз вдребезги, и затопив полы, он взобрался на биде и произнес речь. Так начался четвертый брак Хемингуэя.

Конец 1940 годов был отмечен многими несчастными случаями. Еще одна автокатастрофа, и еще одно сотрясение мозга. Давление поднялось до опасного уровня. Пьянство не прекращалось, а творчество было отставлено в сторону. Страх, что провал его новой вещи зачеркнет ему вход в вечность, доводил Хемингуэя до сумасшествия. В пятидесятых новый короткий всплеск принес Хемингуэю Нобелевскую премию за «Старик и море». Интересно, что темы старика и моря неоднократно упоминались и у Крейна (в «Мосте», в «Voyages» и в «Плакате»). Противопоставляя тихую жизнь на суше опасностям моря, Крейн писал: «Я думаю, что море выбросило себя на меня ... и я верю, что я немножко изменился – не существенно, но изменился, как любой, кто спрашивал и получил ответ».¹²⁸ Это кредо Крейна могло бы послужить эпиграфом к «Старику и морю», ставшему, пожалуй, последним приливом Хемингуэя.

Описание Бейкером последних лет Хемингуэя могло бы вполне сойти за описание последних лет Крейна: «Перед нами темпераментный маниакально-депрессивный закоренелый ипохондрик и болезненно мнительный человек, время от времени угрожающий самоубийством».¹²⁹ Даже наивысшее признание не принесло Хемингуэю душевного равновесия. В 1959 г. он начал проявлять признаки душевного расстройства. Друзья не могли справиться с его оскорбительным от-

ношением к Мэри, с его параноидными всплесками гнева и со слезными извинениями. Он несколько раз лежал в клинике Майо, где его лечили от бессонницы, провалов в памяти и других нервных и психических расстройств. Но лечение не дало результатов, и 2 июля 1961 г. Хемингуэй застрелился.

В одной из своих поэм Крейн спрашивал себя, кем же он был на самом деле: «Пьеро» с извечной печалью в глазах или звонко хохочущим «Гаргантюа»?¹³⁰ Тот же вопрос можно задать и о Хемингуэе, и эту строчку Крейна о конфликте сосуществования Пьеро и Гаргантюа в одном лице можно лучше понять из параллельных историй проблематичных отношений этих селестиальных близнецов со своими возлюбленными.

Несмотря на то, что Хемингуэй-Гаргантюа хвастался тем, что еще с юношеских лет он уже знал о сексе все, многие полагают, что другая часть его, Пьеро, оставалась отрешенным наблюдателем бытовавших нравов. Например, Истмен относился с недоверием к похвальбе Хемингуэя, придерживаясь убеждения, что «Хемингуэй был мягким и чутким, и несколько пуританским, и что в его историях о борделях и бычьей крови было много вымыслов и пустого бахвальства».¹³¹

Крейн-Гаргантюа тоже любил рассказывать шокирующие истории о своих сексуальных похождениях. В последние годы жизни он рассказывал о раннем фиаско с девушкой легкого поведения в Кливленде. Это воспоминание вызывало у него такой ужас и отвращение, что якобы не позволяло ему влюбляться в женщин. Он также любил хвастаться своими «победами», вспоминая, например, о том, как ему подростком удалось «соблазнить» одного из своих учителей. Истории Крейна, как и истории Хемингуэя, добивались максимального драматического эффекта (комедийного или трагического), но правдивость их была сомнительной.

Ни об одном из этих героев нельзя сказать, что они были убежденными гомо – или гетеросексуальными. Из историй Хемингуэя видно, что в юности к нему не раз обращались с гомосексуальными предложениями, а из его посмертно опубликованного романа «Райский сад» (1986) следовало, что проблема бисексуальности постоянно волновала его. Крейн, со своей стороны, в последний период жизни влюбился в Пегги Берд и даже собирался жениться на ней.

Кроме того, печальные Пьеро обоих селестиальных близнецов рассказывали другую версию их жизненной драмы: оба полагали, что женщина их мечты отвергла их, тем самым обрекая на страдания. Такой большой любовью Хемингуэя стала в Италии в 1918 г. американская сестра милосердия Агнесс фон Куровская, ухаживавшая за ним в госпитале после ранения. Ей было 26, ему – 19. Он безумно влюбился, предлагая пожениться. Она отказала ему, и позднее объясняла, что с ее стороны это была не любовь, а дружба. Из ее воспоминаний следовало, что она пыталась охладить его страсть, но он угрожал ей тем, что напьется или сделает с собой что-нибудь необдуманное.¹³² Хемингуэй позднее обвинил ее в своей неспособности полюбить другую женщину. В своих рассказах он называл брак «ловушкой» как для мужчин, так и для женщин.

Большой любовью Крейна стала в 1919 г. его нью-йоркская знакомая Клер Спенсер – жена молодого литератора Гарри Смита. Согласно Клер, она проявляла сочувствие к юноше, страдавшему от тяжелых семейных раздоров. В благо-

дарность подросток привязался к ней. С ее точки зрения, несмотря на все позднейшие попытки Крейна драматизировать ситуацию, эти отношения никогда не выходили за рамки дружбы и взаимной симпатии. Крейн же был уверен, что любовь была взаимной, и в 1923 г. он начал устраивать Клер сцены, видя в ее отказе причину своих гомосексуальных связей. Он яростно доказывал, что она была единственной женщиной, которую он мог бы любить, и что выйдя замуж за другого, она не оставила ему никаких надежд на нормальную жизнь.

В возрасте 20 лет оба селестиальных близнеца ошибались в трактовке чувств, принимая сочувствие за любовь. Оба настолько изголодались по вниманию, что не были способны различить между человеческим теплом и любовью. Впоследствии они не смогут отличать вожделение от любви.

Хемингуэй и Крейн проходили нелегкую школу чувств. Оба хотели научить своих читателей понимать свои чувства, уважать и переживать их во всей полноте. Оба уверяли, что важнее всего никогда не навязывать себя другим людям. Но обоим это было не под силу, так как оба были необычайно сильными эмоциональными натурами. Стоило им появиться в помещении, как все уже ощущали их присутствие. О чрезмерной эмоциональности Крейна Сэм Лавмен писал, что из-за нее пребывание с поэтом доводило до полного изнеможения и «казалось, будто он пожирал тебя».¹³³ МакЛаиш, в свою очередь, писал о Хемингуэе: «Единственным человеком, который мог подобно Эрнесту уже самим фактом своего появления немедленно выкачать весь кислород из помещения, был Франклин Делано Рузвельт».¹³⁴

В историях и романах Хемингуэй старался оставаться за кулисами, не навязывая свою трактовку. Эренбург, подружившийся с ним в Испании, отмечал эту особенность: «А Хемингуэй никогда не рассказывает о своих героях – он их показывает».¹³⁵ Хемингуэй советовал молодым авторам: «Старайтесь понять, что вызвало именно эти чувства, какие действия вас особенно взволновали. Потом запишите все это четко и ясно, чтобы читатель мог сам все увидеть и почувствовать то же, что и вы».¹³⁶ В статье «Общие цели и теории» Крейн писал о своих поэмах, как о своих детях, отстаивая их право следовать собственным предначертанным путем: «Я надеюсь пройти через сложные вопросы поэмы, используя наш «реальный мир» в качестве пусковой площадки, и вывести поэму в целом на предназначенную ей орбиту. Мне бы хотелось, чтоб она была совершенно освобождена как от моей личности, так и от любых попыток оценок читателей».¹³⁷

Все творчество Крейна свелось к одному тонкому томику – «Сборник поэм Харта Крейна», опубликованному после его смерти и включившему в себя меньше ста стихов. Хемингуэй оставил после себя короткие истории, романы и статьи. Но, кроме того, после смерти Хемингуэя вышел тоненький томик его поэзии, насчитывающий 88 стихов. Хемингуэй писал стихи с детства, и не потерял любовь к поэзии после достижения славы. В стихах он наиболее ярко проявлял всю многогранность своего характера. В 1942 г. Валлас Стивенс на лекции в Принстоне говорил: «Большинство людей не думают о Хемингуэе как о поэте, но, несомненно, он поэт, и я должен признаться, что постольку, поскольку принимается во внимание принцип «экстраординарной актуальности», он один из наиболее зна-

чительных ныне живущих поэтов». ¹³⁸ С его мнением соглашались издатели, напечатавшие эти стихи на многих языках мира (включая, русский, французский, итальянский, японский и иврит).

По неизвестным причинам Хемингуэй не писал стихов с 1935 по 1944 гг. После 1944 г. появился новый Хемингуэй-поэт. Он до предела обнажал свои чувства, «заставляя читателя ощущать, как будто мы подслушиваем беседу человека с самим собой». ¹³⁹ Было ли это всего лишь еще одним совпадением, что критики слышали в поздней поэзии Хемингуэя тот самый эффект, о достижении которого непрестанно молился Крейн – эффект впечатления поэта, говорящего с самим собой посредством поэмы?

Хемингуэй однажды сказал, что «самое сложное дело в мире – это написать абсолютно правдивую прозу о человеческих существах». ¹⁴⁰ Это короткая сравнительная биография ни в коей мере не претендует на полное описание жизни этих сестециальных близнецов, хотя бы потому, что типичные биографии Хемингуэя и Крейна насчитывают, по крайней мере, по 700 страниц каждая. Тем не менее, и приведенных здесь параллелей и более чем странных совпадений может хватить для признания значения Θ -фактора не только в общем формировании судьбы, но даже в формировании чувств, ибо эти сестециальные близнецы не только разделили судьбу общепризнанных гениев, но и саморазрушительный образ жизни.

Θ -факторные и астрологические комментарии

Миллер однажды поэтически выразился о Крейне: «чувства умиротворения и удовлетворенности ускользали от него, как будто его звезды были перечеркнуты крестом». ¹⁴¹ Конечно, он не имел в виду карту рождения Крейна. Но поразительно, что карты Хемингуэя и Крейна выглядят, как будто перечеркнуты крестами тяжелых аспектов между планетами. Одной из таких конфигураций в их карте была необычайно напряженная связь между Марсом, Плутоном и Сатурном, называемая в астрологии Тауквадратом. Хикки писала о таком положении: «В этом случае есть много подавленных и агрессивных чувств, которые человек обычно держит под контролем. Когда же они высвобождаются, то обычно это происходит яростно и разрушительно. Вожделение преобладает над любовью в сексуальности такого человека... Зачастую наблюдаются тенденции к садизму». ¹⁴²

Не каждый человек с таким Тауквадратом становится настолько саморазрушительным, как Хемингуэй и Крейн. Более того, нет безысходных карт, и Хикки указывала на пути преодоления возможных последствий такой конфигурации: тут особенно требуются проявления сочувствия и доброты к ближнему. Но... Хемингуэй и Крейн были рождены в Раке, и у них были тяжелые аспекты между Венерой и Луной, и их Солнце с Луной были близки к оппозиции, и их родители высмеивали детские чувства и находились в частых раздорах друг с другом. При таком Θ -факторе их карты и их жизненные уроки были такими же тяжелыми, как и их действительная жизнь.

Были ли судьбы Хемингуэя и Крейна предречены и безысходны? Должны ли были они, подобно Галему-Штауффенбергу, стать жертвами жизненных обстоятельств? Астрологи средневековья дали бы утвердительный ответ. Современные астрологи пытаются облегчить человеческую участь, помогая людям находить закономерности в своей судьбе. Так, например, если бы Хемингуэй и Крейн понимали, что с их картой неизбежны «приливы и отливы энергии», то может быть, они бы не впадали в такое отчаяние от временной утраты творческих способностей. Хикки была уверена, что таких людей можно обучить «использовать времена пиков энергии для исполнения всех работ, а затем научиться расслабляться и отдыхать, когда энергия идет на убыль».¹⁴³

Из вышесказанного вытекает определенная закономерность судьбы, и уже кажется менее странным, что, будучи рожденными в свободном демократическом обществе, Хемингуэй и Крейн все-таки выбрали саморазрушительный путь, став своими собственными злейшими врагами. Θ-факторный анализ позволил нам симультанно рассматривать многочисленные параллели в жизни Хемингуэя и Крейна: природу их детских травм, их творчество и ярость, их умение воспринимать жизнь и разрушать ее, их алкоголизм и склонность к самоубийству.

Можно, конечно, продолжать относить все эти совпадения к случайностям. Можно продолжать жить в хаотичном мире, где «плохие вещи» беспричинно происходят с «хорошими людьми», и никто не в состоянии облегчить их судьбу. Но, если есть хоть малая надежда помочь людям стать счастливее при помощи понимания законов жизни, то не стоит ли попытаться использовать новый подход?

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 21 июля 1899 г.
Совпадение имен родителей	Обеих матерей звали Грейс: Грейс Эдна Харт и Грейс Холл. Обоих отцов звали Кларенс: Кларенс Артур Крейн и Кларенс Эдмонд Хемингуэй.
«Приличная» родословная	Оба были внуками ветеранов войны. Оба выросли на историях войны и индустриальной революции. Хемингуэя называли в честь отца его матери, Эрнеста Холла. Крейн принял имя отца своей матери, Харта.
Образ отца	Оба отца отличались суровостью, предпочитая видеть все лишь в черно-белом цвете.
Образ матери	Обе были талантливыми певицами, старавшимися привить сыновьям любовь к искусству. Любовь и взаимная зависимость между матерью и сыновьями впоследствии сменилась на жгучую ненависть.
Раннее детство	До трех лет мать одевала Эрнеста в девичьи платья. Многие пытались приписать этому факту его чрезмерную мужественность. В три года мать запретила Крейну моделировать ее шляпки, и этот инцидент якобы привел к гомосексуальности.

Часть II. Сходства и контрасты...

Ненависть к своим именам	Оба ненавидели звук своего имени и пытались сменить его.
Отношение родителей	Родители не видели в детях полноценных людей. Стремление детей к собственному мироощущению расценивалось как бунт против родителей; детям запрещалось выражать какие-либо «плохие» эмоции.
Различия в характерах родителей	Отцы и матери воспринимались как два противоположных полюса существования. Родители Крейна впоследствии разошлись. Родители Хемингуэя нуждались во временных разлуках.
Раннее образование	Оба обожали читать и имели тенденцию к самостоятельному обучению.
Высшее образование	Оба отвергли предложения родителей учиться в колледже.
1917–1919 г.	Работа репортерами. Обоих не взяли добровольцами в армию. Хемингуэй испытал шок войны, работая в Красном Кресте; Крейн перенес шок в морге.
Миф об отверженной любви	Хемингуэй влюбился в Агнесс фон Куровскую, но она думала лишь о дружбе. Крейн влюбился в Клер Спенсер, относившуюся к нему, как к ребенку.
1919–1921 гг.	Попытка приблизиться к родителям и завоевать их уважение кончается окончательным разрывом.
1921–1925 гг.	Оба занимались рекламами. Хемингуэй женился на Хедли, Крейн начал жить с Эмилом.
1923 г.	Крейн опубликовал длинную поэму и цикл из шести стихов («Voyages»). Хемингуэй опубликовал цикл из шести поэм («Wanderings») и «Три рассказа и десять стихотворений».
1925–1926 г.	Издательство Бони и Ливрайт одновременно издает «В наше время» Хемингуэя и «Белые дома» Крейна, получившие высокую оценку критики, но не признанные родителями писателей.
1926 г.	Вершина успеха. Хемингуэй пишет «И восходит солнце», Крейн заканчивает большую часть «Моста». Оба покидают своих любимых.
1927–1929 гг.	Застой в работе, алкоголизм. После смерти бабушки Крейн возненавидел мать. После смерти отца Хемингуэй озлобился на свою мать.
Способы лечения детских травм	«Прекратить помнить», предлагал Хемингуэй; «Я оставил свою память в ущелье» – откликался Крейн.
Бессонница	Оба не могли заснуть и их мучили ночные кошмары.
Трудности в творчестве	Обоим было трудно начать писать, и оба долго искали первую правдивую строчку. Оба были мастерами присваивания себе стилей и мыслей других людей.

Селестиальные близнецы

Честолюбие	Обоим важнее всего было достичь мировой славы и признания, написав «лучше всех других».
Письма	Оба не могли жить без переписки, облегчая в письмах постоянную душевную боль.
1929 г.	Начало упадка. Разрыв между работами растёт. Алкоголизм и депрессия мешают работе.
Апрель 1932 г.	Крейн совершает самоубийство; тяжело больной Хемингуэй размышляет о смерти.
Посмертная слава	После смерти и Хемингуэй и Крейн считаются истинными представителями своего (потерянного) поколения.

Сноски:

- ¹ В. Маяковский родился в Раке; покончил жизнь самоубийством.
- ² Кларенс Хемингуэй родился 4.9.1871; Кларенс Крейн – 7.4.1875; Грейс Холл – 15.6.1872; Грейс Эдна Харт – 1.4.1876.
- ³ The Letters of Hart Crane 1916–1932, ed. Brom Weber, New York, Hermitage House, 1952, p. 71 (Далее – The Letters of Hart Crane).
- ⁴ The Letters of Hart Crane, p. 267.
- ⁵ Э. Хемингуэй, Снега Килиманджаро.
- ⁶ Ernest Hemingway, By Line. Selected Articles and Dispatches of Four Decades, ed. W. White, London, Collons St James place, 1968, p. 232 (Далее – By Line).
- ⁷ Hart Crane, The Collected Poems, New York, Liveright, 1933, p. 86 (Далее – The Collected Poems).
- ⁸ E. Hemingway, Death in the Afternoon, ch.1
- ⁹ Ernest Hemingway, Selected Letters, 1917–1961, ed. C. Baker, New York, Charles Scribner's sons, 1981, p. 153 (Далее – Hemingway, Selected Letters).
- ¹⁰ Philip Horton, Hart Crane. The life of an American Poet, New York, The Viking Press, 1957, p. 178 (Далее – Horton).
- ¹¹ Malcolm Cowley, The literary situation, New York . The Viking press, 1955, p. 34.
- ¹² Robert E. Fleming, The Face in the Mirror, Tuscaloosa, The University of Alabama Press, 1994, p. 84.
- ¹³ Ernest Hemingway, 88 Poems, ed. Georgiannis Nicholas , New York, Bruccoli Clark , 1979, p. 34 (Далее – Hemingway, 88 Poems).
- ¹⁴ Horton., pp. 171–172.
- ¹⁵ Horton, p. 20.
- ¹⁶ The Letters of Hart Crane, p. 18.
- ¹⁷ John Unterecker, Voyager. A Life of Hart Crane, New York, Farrar, Straus and Giroux, 1969, p. 18 (Далее – Unterecker).
- ¹⁸ Horton, p. 163.
- ¹⁹ Unterecker, p. 7.
- ²⁰ Unterecker, p. 494.
- ²¹ Horton, p.16.
- ²² Unterecker, p. 72.
- ²³ Unterecker, p. 79.
- ²⁴ Unterecker, p. 9.

- ²⁵ Alice Miller, *The Drama of the Gifted Child*, New York, Basic Book Inc., 1981. (Далее – *The Drama of the Gifted Child*)
- ²⁶ *The Letters of Hart Crane*, p. 7.
- ²⁷ *The Letters of Hart Crane*, p. 18.
- ²⁸ Unterecker, p. 406.
- ²⁹ *The Collected Poems*, p. 86.
- ³⁰ *The Letters of Hart Crane*, p. 35.
- ³¹ *The Collected Poems*, «Forgetfulness», p. 172.
- ³² Unterecker, p. 86.
- ³³ James R. Mellow, *A Life without Consequences*. Hemingway, Boston, Houghton Mifflin Company, 1992.
- ³⁴ Leicester Hemingway, *My Brother*, Ernest Hemingway, Cleveland, The World Publishing Co., 1961, p. 14 (Далее – *My Brother*, Ernest Hemingway).
- ³⁵ Rose Mary Burwell, *Hemingway. The Postwar Years and the Posthumous Novels*, Cambridge University Press, 1996, p.17 (Далее – Burwell)
- ³⁶ Carlos Baker, *Ernest Hemingway. A life Story*, New York, Charles Scribner's Sons, 1969, p. 73 (Далее – Baker)
- ³⁷ Hemingway, *Selected Letters*, p. 243.
- ³⁸ Burwell, p. 14.
- ³⁹ Burwell, p. 14.
- ⁴⁰ Знаменитая контральто Эрнестина Шуман-Хайнк родилась 15 июня 1861г, следовательно, Грейс родилась с ней в один день, хотя и другого года.
- ⁴¹ Baker, p. 3.
- ⁴² *My Brother*, Ernest Hemingway, p. 22.
- ⁴³ *My Brother*, Ernest Hemingway, p. 42.
- ⁴⁴ Unterecker, p. 83.
- ⁴⁵ *My Brother*, Ernest Hemingway, p. 62.
- ⁴⁶ Baker, p. 31.
- ⁴⁷ Baker, p. 10.
- ⁴⁸ *My Brother*, Ernest Hemingway, p. 22.
- ⁴⁹ Hemingway, *Selected Letters*, p. 153.
- ⁵⁰ *The Collected poems*, p. 135.
- ⁵¹ Hemingway, *Selected Letters*, p. 259.
- ⁵² Hemingway, *Selected Letters*, p. 259.
- ⁵³ Ernest Hemingway, *In our Time*.
- ⁵⁵ Hemingway, *In our Time*.
- ⁵⁶ Lundstedt, p. 94.
- ⁵⁷ Unterecker, p. 74.
- ⁵⁸ Jeffrey Meyers, *Hemingway, A Biography*, New York, Harper & Row Publishers, 1985, p. 8 (Далее – Meyers).
- ⁵⁹ Hemingway, *In our Time*.
- ⁶⁰ *The Letters of Hart Crane*, p. 33.
- ⁶¹ Meyers, p. 9.
- ⁶² Scott Donaldson, *By Force of Will. The Life and Art of Ernest Hemingway*, New York, The Viking Press, 1977, p. 186 (Далее – Donaldson).
- ⁶³ Donaldson, p. 185.
- ⁶⁴ Lundstedt, p. 163.
- ⁶⁵ *The Letters of Hart Crane*, p. 36.

- ⁶⁶ Hemingway, Selected Letters, p. 259.
- ⁶⁷ The Drama of the Gifted Child, p.12.
- ⁶⁸ Horton, p. 236.
- ⁶⁹ Baker, p. VIII.
- ⁷⁰ Unterecker p. 30.
- ⁷¹ My Brother, Ernest Hemingway.
- ⁷² Unterecker, p. 99.
- ⁷³ Unterecker, p. 117.
- ⁷⁴ Unterecker, p. 118.
- ⁷⁵ Unterecker, p. 171.
- ⁷⁶ Horton, p. 90.
- ⁷⁷ Horton, p. 105.
- ⁷⁸ Unterecker, p. 119.
- ⁷⁹ Horton, p. 127.
- ⁸⁰ Josef Miller, Hart Crane, in DLB-48, pp. 78–96; p. 95 (DLB – Dictionary of Literary Biography, Ann Arbor, Gale Rese arch Group)
- ⁸¹ Unterecker, p. 374.
- ⁸² Horton, p. 163.
- ⁸³ Susan F. Beegel, Ernest Hemingway, in DLB-102, pp. 127–164; p. 138.
- ⁸⁴ Hemingway, 88 Poems, p. XV.
- ⁸⁵ DLB-102, p. 131.
- ⁸⁶ Hemingway, Selected Letters, p. 244.
- ⁸⁷ Baker, p. 6.
- ⁸⁸ Mellow, p. 21.
- ⁸⁹ Horton, p. 138.
- ⁹⁰ Meyers, p. 20.
- ⁹¹ Mellow, p. 25.
- ⁹² Mellow, p. 104.
- ⁹³ DLB-48, p. 83.
- ⁹⁴ Mellow, p. 26.
- ⁹⁵ Baker, p. 41.
- ⁹⁶ DLB-102, p. 134.
- ⁹⁷ Baker, p. 70.
- ⁹⁸ Mellow, p. 120.
- ⁹⁹ Mellow, p. 116.
- ¹⁰⁰ Baker, p. 73.
- ¹⁰¹ My Brother, Ernest Hemingway, p. 66.
- ¹⁰² By Line, p. 232.
- ¹⁰³ *The Letters of Hart Crane*, p.67.
- ¹⁰⁴ Malcolm Cowley, Exile's Return. A Literary Odyssey of the 1920's, London, The Bodley Head, 1951, p. 229.
- ¹⁰⁵ Хемингуэй. «Праздник, который всегда с тобой».
- ¹⁰⁶ Horton, p. 177.
- ¹⁰⁷ Nicholas Gerogiannis Ernest Hemingway, in DLB-4, pp. 187–210.
- ¹⁰⁸ The Letters of Hart Crane, p. 68.
- ¹⁰⁹ Hemingway, Selected Letters, p. XIII.
- ¹¹⁰ The Drama of the Gifted Child p. 75.
- ¹¹¹ Malcolm Cowley, Exile's Return. A Literary Odyssey of the 1920's, London, The Bodley

- Head, 1951, p. 3.
¹¹² Horton, p. 220.
¹¹³ Baker, p. VIII.
¹¹⁴ Unterecker, p. 495.
¹¹⁵ Horton, p. 205.
¹¹⁶ DLB-48, p. 79.
¹¹⁷ Unterecker, p. 610.
¹¹⁸ Baker, p. 206.
¹¹⁹ Unterecker, p. 715.
¹²⁰ Unterecker, p. 716.
¹²¹ Unterecker, p. 698.
¹²² Hickey, p. 17.
¹²³ Hemingway, Selected Letters, p. 19.
¹²⁴ Baker, p. 229.
¹²⁵ DLB-4, p. 204.
¹²⁶ The Drama of the Gifted Child p. 12.
¹²⁷ DLB-4, p. 210.
¹²⁸ DLB-48, p. 88.
¹²⁹ Baker, p. VIII.
¹³⁰ Horton, p. 96.
¹³¹ Donaldson, p. 187.
¹³² DLB-102, p. 134.
¹³³ Unterecker, p. 30.
¹³⁴ Donaldson, p. 2.
¹³⁵ Эпенбур, т. 9, стр. 152.
¹³⁶ By-line, p. 232.
¹³⁷ Horton, p. 326–327.
¹³⁸ Hemingway, 88 Poems, p. XXIII.
¹³⁹ Hemingway, 88 Poems, p. XIX.
¹⁴⁰ By Line, p. 198.
¹⁴¹ DLB-48, p. 83.
¹⁴² Hickey, p. 316.
¹⁴³ Hickey, p. 206.

ЛЕВ

Исследователи человеческой души: история жизни Карла Густава Юнга и Антонио Мачадо

Карл Юнг

Антонио Мачадо

Кто не изучил человека в самом себе,
никогда не достигнет глубокого знания людей.

Н.Г. Чернышевский¹

Выдающийся швейцарский психолог и философ Карл Густав Юнг стал основоположником аналитической психологии. Посредством пристального взгляда, обращенного вовнутрь, он сумел осветить ранее никому не доступные глубины человеческой души. Заглянув в себя, он открыл универсального человека, затаившегося в темных нишах собственной души. Юнг обогатил психологию своей концепции-

ей экстравертов и интровертов. Его работы о снах, его понимание значения языка мифов и символов, а также интерпретации религиозных и парапсихологических явлений оказали серьезное влияние как на философию, психологию и социологию, так и на искусство и критику. Но, несмотря на рост славы и на постоянно растущее число последователей, в глазах широкой публики он по-прежнему остается мистиком и «чудаком», стоящим на обочине основных путей развития науки.

Юнг не любил рассказывать о своей личной жизни, считая себя «неблагодарным автобиографом».² Ему казалось, что основное значение в его жизни имели субъективные переживания, которые нельзя было передать другим с достаточной точностью, и которые могли бы быть поняты ими лишь в очень ограниченной степени. Друзья Юнга часто спрашивали его об определенных событиях в его жизни, но он всегда считал, что только духовный смысл его жизненных переживаний достоин того, чтобы о нем говорить. Когда же он в 83-летнем возрасте, после уговоров Аниэлы Яффе согласился вместе с ней написать автобиографию, то озаглавил ее «Воспоминания, сновидения, размышления», поясняя, что: «Воспоминания внешних событий моей жизни в большой степени поблекли или стерлись. Но мои столкновения с «иной» реальностью и мои схватки с бессознательным неизгладимо врезались в мою память. В этом мире всегда царило богатство и изобилие, и все остальное утеряло значение, по сравнению с ним... Поэтому моя жизнь была необычайно бедна внешними событиями... Я могу понять себя только в свете внутренних событий. Именно этим уникальна моя жизнь, и этому посвящена моя автобиография».³

Юнгу не было известно о существовании одного из величайших испанских поэтов, Антонио Мачадо, отличавшегося подобной же «уникальностью» и полагавшего, что: «Из всего, что есть в твоей памяти/Только дар воспоминания снов достоин внимания».⁴ Мачадо считался не только одним из ведущих поэтов-лириков своего времени, а еще и «примерным поэтом-философом» Испании. О его поэзии даже говорили, что она олицетворяла «метафизическую интуицию».⁵ Поэт получил степень доктора философии, и его стихи были всегда на грани между поэзией и философией. «Великие поэты – это неудавшиеся метафизики. Великие философы – это поэты, верящие в реальность своих стихов», – такими словами Мачадо характеризовал разницу между поэтами и философами, выражая надежду, что «еще настанет день, когда поэты поменяются местами с философами».⁶ Для Мачадо «поэтами становятся по милости Божьей»,⁷ и иногда в моменты грусти он жаловался, что «скучный философ» подавлял в нем поэта.⁸

Биографы Мачадо жалуются на трудность разобраться, каким же он был человеком. Как и Юнг, Мачадо скупился на подробности и факты, тщательно скрывая личную жизнь от посторонних глаз. Он не писал писем (сравним с героями прошлой главы!) и ни с кем не делился интимными подробностями. Считалось даже, что жизнь свою поэт проводил монотонно, без особых событий. Хотя, вернее будет сказать, что отношение Мачадо к событиям совпадало с отношением Юнга: для обоих имела значение лишь их внутренняя жизнь.

Мачадо описал историю своей жизни в стихах, главным образом в «Одиночествах» и в «Галереях и других стихотворениях», отражавших лабиринты его души,

волшебный мир снов и воспоминаний. Его поэзия была глубоко автобиографичной; она была песней мест, где он бывал, и пережитых им ощущений. Но в результате созерцания собственной жизни, его стихи приобретали масштабы универсальных истин, освещая природу эмоций и снов, и отражая природу души универсального человека. В наиболее важных лирических стихах Мачадо удалось открыть «*homo universalis*, выразившего себя посредством своей собственной человечности».⁹

Юнг писал: «Как я живу, так я и пишу. Все мои идеи и все мои дела – это я. Так что «автобиография» – это всего лишь точка над *i*».¹⁰ Жизнь Мачадо была неотделима от его работы, оставаясь «в полной гармонии с простой строгостью его поэзии».¹¹ Он полагал, что событийные документальные аспекты жизни сами по себе непоэтичны и недостойны внимания поэта. В «Одиночествах» он провозгласил право лирической поэзии целиком перечеркнуть всю человеческую историю, выражая лишь чистые чувства. Мачадо гордился тем, что «Одиночества» стали, по его словам, «первой испанской книгой, из которой целиком было изъято все событийное».¹² Критики отмечали, что внимание поэта было поглощено: «временем, безусловно, существовавшим еще до человечества; просторами, чьи ритмы казались Мачадо замедленными по сравнению с людскими ритмами; прошлым своего города, потому что жизнь любого города выходит за рамки нашей индивидуальной жизни; игрой света и цвета (Гете тоже изучал цвета); *синхронностью*, т.е. случайными совпадениями в событиях людей и природы; и поразительным миром снов».¹³

В то время как Мачадо занимался синхронностью в своих стихах, Юнг посвятил этой теме свою новаторскую книгу «Синхронность», впервые введя научное определение этого термина как акаузального (непричинного) объединяющего принципа. Знаменательно, что обе эти выдающиеся личности, посвятившие жизнь значению снов и мифов, и синхронно размышлявшие на тему синхронности, были рождены синхронно, став селестиальными близнецами.

Юнг и Мачадо считали себя необычайно задумчивыми и замкнутыми людьми, сны и мечтания которых были чужды окружающей среде. Не случайно Юнг не принадлежал ни к одной научной школе, а Мачадо оставался в стороне от литературных группировок (несмотря на то, что его поэзия называлась «глубоко испанской», ее «нельзя было отнести ни к какой школе или стилю»¹⁴). Юнг и Мачадо были уверены в том, что их «глубинное» видение мира было поэтическим по своей природе и, что только поэтам было под силу понять их. Поэтому не имело бы смысла сравнивать их жизни путем механического сравнения дат и событий. Истинная синхронность в их жизни (если таковая существовала) должна была бы, прежде всего, проявиться в их внутренних переживаниях, находя свое отражение в их творчестве.

Мачадо определял поэзию таинственным выражением «*la palabra en el tiempo*»¹⁵ (слово во времени), или полнее: «поэзия – это диалог человечества, диалог человека со своим собственным временем».¹⁶ Время рождения поэта (или его Θ -фактор) объединяло Мачадо с Юнгом невидимой паутиной одинаковых психологических паттернов. В хоре всего человечества их голоса звучали почти

в унисон. Например, Мачадо писал: «Душа поэта/ Повернута к таинству./ Только поэт может видеть то,/ Что лежит в заоблачных глубинах/ Души,/ Скрытой в магическом солнце». ¹⁷ Как бы откликаясь эхом, Юнг делился своими сокровенными снами с чилийским писателем Мигюэлем Серрано: «Юнг говорил как бы сам с собой: «Однажды был цветок, камень, кристалл, возлюбленный со своей возлюбленной, где-то, давным-давно, на острове посреди океана, пять тысяч лет тому назад... Такова любовь, мистический цветок души. Это центр «Себя»...» Затем он продолжал как во сне: «Никто не понимает, что я имею в виду. Только поэт может почувствовать это». ¹⁸ Когда Серрано ответил Югу: «Но Вы сами и есть настоящий поэт», — он, очевидно, сумел разглядеть сродство этой великой души с душой ее селестиального близнеца, испанского поэта.

Последующее эссе — это попытка записать возможный диалог между двумя этими поэтами в душе. По всей видимости, земная встреча между Юнгом и Мачадо никогда не состоялась, но можно ли с уверенностью отрицать их встречу в иных мирах? Ведь, несмотря на то, что Юнг и Мачадо были психически здоровыми людьми, у обоих были дополнительные «я» («альтер эго»). Юнг именовал их №1 и №2, а у Мачадо они назывались Хуан де Майрена и Абель Мартин. Биографы обоих селестиальных близнецов затруднялись объяснить этот необычайный феномен, называя его исключительно уникальным. Было ли это еще одним поразительным совпадением или же характерным отличием их Θ -фактора? Эти и другие странные параллели рассматриваются в последующих размышлениях, сотканных из воспоминаний, снов и суждений Карла Густава Юнга и Антонио Мачадо-и-Руиса.

Они родились 26 июля 1875 г.

«Человеку с добрым именем нужно завуалировать свою легенду — у каждой знаменитости она существует... А без легенды никому в историю не войти», — так поучал Хуан де Майрена (философское альтер эго Мачадо) своих студентов. ¹⁹ У истоков происхождения самого поэта мы находим символический инцидент, превращенный им впоследствии в прекрасную легенду о первой встрече его будущих родителей: «Несколько дельфинов сбились с пути, и приливами их несло вдоль реки Гвадалквивир, вплоть до самой Севильи. Привлеченные необычным зрелищем, люди со всего города столпились у набережной, молодые девушки, возлюбленные пары, и среди них мои родители, желавшие увидеть это небывалое зрелище. Был яркий полдень. Я иногда вспоминаю этот полдень... или, возможно, мне это привиделось или приснилось». ²⁰

Согласно семейному преданию, толпа, стекавшаяся к реке, свела будущих родителей поэта вместе. Впоследствии эта пара дала Испании двух важных поэтов: Мануэля Мачадо, рожденного в 1874 г., и Антонио Мачадо-и-Руиса, рожденного на окраине Севильи 26 июля 1875 г. Семья Мачадо славилась в Андалузии своей образованностью и либеральными традициями. Антонио был назван в честь деда по отцовской линии, Антонио Мачадо Нунеса, известного врача и профессора,

бывшего некогда губернатором Севильи. Отец Антонио, Антонио Мачадо Альварес, начал свою карьеру в качестве адвоката, но политические преследования во времена реставрации монархии Бурбонов в 1874 г. помешали ему заниматься любимым делом. Впоследствии он стал журналистом, а для того, чтобы сводить концы с концами, он помогал ухаживать за герцогом Альба. К тому же, отец Мачадо был большим знатоком поэзии и фольклористом. На протяжении многих лет он изучал, собирал и печатал народные песни, ныне известные как поэзия фламенко. Он основал первое общество любителей фольклора в Испании, и был приглашен в Англию членами филологического общества Лондона. Благодаря отцу, маленький Антонио рос в атмосфере современной и народной испанской поэзии.

Хотя Антонио Мачадо Альварес был талантливым филологом, жизнь свою он посвятил борьбе за преобразование социальной системы. Будучи пылким идеалистом, он чувствовал своим долгом протестовать против социальной несправедливости, против коррупции в администрации и против церковного засилья. Но его голос протеста был задавлен. Его крайние антиклерикальные взгляды привели к тому, что церковь угрожала закрыть газеты, в которых он печатался, а Синод Севильи принял решение отлучать от церкви их читателей. Денег не хватало ни на жизнь, ни на работу по собиранию фольклора. Выходом из положения стал переезд в Мадрид. В 1883 г. вся семья (а к тому времени прибавилось еще два сына, и одна дочка, умершая в младенчестве) переехала в столицу, где отец Мачадо мог кое-как зарабатывать переводами и статьями. Но как тяжело он ни работал, положение все ухудшалось, и семья прозябала в нищете. Здоровье отца совсем подорвалось, и в 1893 г. он в возрасте 46 лет скоропостижно скончался от инсульта. Вскоре после него умер и дедушка (в 1895 г.), оставив семью в таком тяжелом положении, что Антонио не мог и думать об университете.

Мать Мачадо, Анна Руис Хернандес, была дочерью торговца сладостями из Трианы. Она была терпеливой и выносливой женщиной, поддерживавшей сына в самых тяжелых ситуациях. В стихах Мачадо описал ее теплоту, скучая по «доброму свету цветущего мира»,²¹ который, казалось ему, излучали материнские руки. В стихотворении «Возрождение» он высказал, как ему хотелось вновь ощутить в своей руке «пульс доброй руки нашей мамы»,²² направляющей детей своей любовью.

Отец обучал сына богатству слов, мать обучала ребенка «читать между строк», воспринимая скрытый смысл всего происходящего. Поэт, любивший сочинять и рассказывать предания, легенды и притчи, приписывал свою любовь к философскому взгляду на жизнь одному эпизоду, произошедшему с ним в детстве, и описанному в книге «Хуан де Майрена». Однажды он гулял с мамой, держа в руке палочку с сахарной ватой. Навстречу ему шел другой мальчик с похожей палочкой. Он был абсолютно уверен, что «моя палочка больше, не так ли?». Но мать ответила, что он ошибся, добавив: «разве у тебя нет глаз на твоей голове?». Эти простые слова, сказанные в нужный момент, приобрели необычайную силу: «Кажется почти невозможным, чтобы такое тривиальное событие могло бы настолько сильно повлиять на мою жизнь. Все, чем я стал сегодня, и хорошее и плохое...

я приписываю моим воспоминаниям о сахарной вате».²³ Мальчик запомнил материнский урок на всю жизнь. Уже став зрелым поэтом, он был убежден, что поэзия – «Это всегда акт ясновидения».²⁴ Читая Мачадо, нельзя не поражаться его желанию с одной стороны, увидеть, услышать, воспринять (материнское влияние), а, с другой стороны, его стараниям выразить воспринятое при помощи наиболее емких слов (отцовское влияние).

«В некоторой степени я воспринимаю подоплеку происходящего, и это придает мне внутреннюю уверенность», – такими словами Юнг объяснял свой стиль работы.²⁵ Подобно Мачадо, его успех основывался на редком умении распознавать процессы, происходящие за видимыми рамками человеческой «персоны»; на умении воспринимать ближнего почти путем ясновидения, терпеливо выслушивать его, а затем подбирать наиболее точные слова для описания воспринятого. Из воспоминаний Юнга видно, что своей способностью к восприятию происходящего он был обязан матери, а своими познаниями в филологии – отцу.

Юнг родился 26 июля 1875 года в Кесвиле, маленькой швейцарской деревушке. Подобно Мачадо, его назвали в честь деда по отцовской линии, известного профессора Карла Густава Юнга, слывшего легендарным врачом в Базеле. Кроме того, Карл Юнг старший был ректором базельского университета, Великим Мастером швейцарской ложи масонов и автором многих драм и научных статей. Ходили слухи и, что Карл Густав Юнг старший даже был внебрачным сыном Гете. Хотя не было никаких существенных доказательств, подтверждающих этот семейный миф, Юнгу очень льстила мысль, что он мог бы быть правнуком Гете, и он никогда не опровергал эту легенду.²⁶ Подобно Хуану де Майрена, Юнг не всегда придерживался «кажущихся» фактов, заявляя, что «миф по своей природе более индивидуален, и он выражает жизнь точнее, чем наука».²⁷

Отец Юнга, Иоганн Пауль Ахиллес Юнг, хотел быть филологом. Он изучал древнееврейский и арабский языки в Геттингене и написал диссертацию на тему арабской версии «Песни песней». К несчастью, его семья неожиданно разорилась, и ему пришлось прервать учебу. Один из дальних родственников принял участие в судьбе юноши, выделив ему стипендию на занятия, но при условии, что он будет изучать теологию и станет священником. Так отец Юнга стал заниматься несвойственным ему делом. Позднее Юнг писал об отце: «дни его славы закончились с последним экзаменом. Впоследствии он позабыл свой литературный талант».²⁸ До самой смерти он жил в бедности, служа пастором в маленькой деревушке. Юнг вспоминал, что отец делал много добра другим – «слишком много», и оттого был уставшим, раздражительным человеком, зачастую устраивавшим домашние скандалы.²⁹ К работе он относился с рвением, но, чем больше времени он уделял пастве и церкви, тем сильнее он отвращал от религии сына, ощущавшего, что теология отнимала у него отца.³⁰ Мальчик ненавидел ходить в церковь, предпочитая верить своим собственным секретным видениям, описанным им как непосредственное восприятие «милости Божьей».³¹

Примечательно, что биографы Мачадо приписывали его нелюбовь к церкви антирелигиозным настроениям его отца, а Юнг объяснял свою нелюбовь к церкви влиянием своего отца-священника! Похоже, что сыну пастора, и сыну убежден-

ного атеиста, пришлось столкнуться с религией раньше, чем другим детям. В результате, им обоим рано довелось выйти на путь собственного поиска истины. По странному совпадению, Карл и Антонио не захотели следовать традиционным отцовским взглядам (религиозному или антирелигиозному), и оба пришли к непосредственному восприятию «Божьей милости». Было ли это просто совпадением? Юнг и Мачадо родились во Льве. Астрологи полагают, что религия и этика важны для Львов, потому что с детства их обычно «перекармливают» этими темами. Кроме того, в их картах была квадратура между Солнцем и Нептуном, а этот дисгармоничный аспект обычно отражает необходимость духовного роста. Лундстед так описывала эту конфигурацию: «Отец старается духовно развиваться, чтобы найти себя в этом мире, но, кажется, что ему не хватает духовного осознания, необходимого для его личного пути духовного развития. Возможно, у него нездоровый интерес к религии, и его религиозная (или антирелигиозная) деятельность мешает ему развиваться, как это бы следовало».³² Как получилось, что описания астрологов совпадают с конкретными ситуациями в семьях Юнга и Мачадо? Свидетельствуют ли эти совпадения о наличии еще неоткрытых законов времени? Возможно ли, что время симультанно проявляется как в материальном мире (в виде движения планет), так и в духовном мире (в виде психологической ситуации в каждой семье)? По крайней мере, сам Юнг верил в существование таких законов, и для диагностирования пациентов он составлял им карту, не прекращая поражаться точности полученных результатов.³³

Как и Мачадо, Юнг рано остался без отца. Периоды депрессии у священника становились все чаще и чаще, и он умер в 1896г, не дожив до 54 лет. Эта преждевременная смерть оставила семью (мать Юнга и его младшую сестру, Трудю) в очень бедственном положении. У отца не было никаких сбережений, а пенсии вдовам священников тогда не полагалось. Карл должен был стать главой семьи и кормильцем.

Мать Юнга, Эмилия, была дочерью Сэмюэля Прейсверка, специалиста по древнееврейскому языку из Базеля. О Прейсверках ходили легенды, будто бы они были наделены особыми духовными способностями, как-то медиумизмом и ясновидением. Хотя у Эмилии был хороший литературный вкус, она никогда не развивала свой литературный талант, выйдя замуж всего лишь в 17 лет. До Карла у нее был еще один сын, Пауль, родившийся летом 1873 г. и умерший в младенчестве. Юнг очень ценил свою мать за то тепло, которое исходило от нее: «Моя мать была хорошей мамой для меня. У нее было сердечное животное тепло, она замечательно готовила, была общительной и приятной».³⁴ Но тепло было лишь одним из ликов его матери. Мальчик видел в ней двойственность натуры, в которой наряду с религиозной сущностью сосуществовала женщина-жрица, чьи парапсихологические свойства проявлялись спорадически в ее «второй личности». Этот «второй лик» матери Юнга, подобно матери Мачадо, обладал талантом говорить «именно то, что соответствовало ситуации».³⁵ Юнг писал: «Я был уверен, что она (мама) обладала двумя личностями, одной безобидной и людской, а другой сверхъестественной. Эта вторая личность прорывалась лишь иногда, но всегда

была неожиданной и пугающей. Тогда она начинала говорить как будто с самой собой, но ее речи были обращены ко мне, и то, что она говорила, обычно доходило до самой глубины моей души, так что я цепенел в молчании».³⁶ Свои странные способности воспринимать скрытую суть вещей Юнг приписывал унаследованной от матери «архаической натуре»: «У меня тоже есть эта архаическая натура, и у меня она связана с даром – не всегда приятным – видеть людей и вещи такими, как они есть».³⁷

Впоследствии этот дар мировосприятия помог Юнгу и Мачадо стать философами. Однако в их школьные годы он принес им немало проблем с учителями, в чьих глазах склонность к излишнему философствованию не являлась положительным качеством. Оба вдумчивых мальчика не любили бессмысленной зубрежки, а на свои более глубокие вопросы ответа они не получали. Учителям они казались медлительными «тугодумами», а им было скучно в школе, где предметы не вызывали у них никакого интереса. Монотонная, почти гипнотизирующая атмосфера школьных лет нашла свое отражение в стихах Мачадо:

Звук колокольчика медный.
Книгу рукой усталой,
иссохший, в одежде бедной,
держит учитель старый.

Школьники тянут вместе
прилежно и голосисто:
– Два раза по сто – двести.
– Три раза по сто – триста...

Холодный декабрьский ветер
и неуют законный.
Пасмурный вечер. Дети
учатся. Дождь монотонный.³⁸

В возрасте девяти лет Мачадо начал посещать Свободный институт просвещения – самую либеральную школу в Мадриде, свободную от влияний, как церкви, так и государства. Но и в этой школе он чувствовал себя неуютно, потому что школьное изучение «внешнего» событийного мира не соответствовало философски «интровертному» уму Антонио. Позднее Мачадо объяснял эту характерную медлительность в описании своего «альтер эго», Хуана де Майрены. Майрена, по его словам, отличался «интеллектуальной тугоухостью», в том смысле, что ему было трудно сразу реагировать на задаваемые ему вопросы. А однажды он и вовсе не ответил – потерянный в «рассеянности, трансе и самопоглощении».³⁹

Большинство учителей считали Юнга туповатым ребенком. С шести лет он начал учиться в сельской школе, а в 11 лет поступил в лучшую гимназию в Базеле. Он учился читать, писать, считать, но никто не помогал ему развивать его уникальное воображение. Скука школьных занятий выводила его из себя. «Какое-то отчаяние овладевало мною, полностью отравившее мне школьные годы», вспоминал Юнг.⁴⁰ Ему не удавалось решать простые математические задачи, по-

тому что никто не объяснял ему истинный смысл чисел. Пока его одноклассники записывали математические формулы, Юнг терялся в философских вопросах по поводу значения этих странных символов. Подобно Майрене, он был обречен на молчание, потому что никто не догадывался о глубине вопросов, мучивших его. Подобно Мачадо, он постоянно был погружен в размышления. Позднее Юнг вспоминал, как он зачастую сидел на камне в саду, задаваясь вопросом: «Я ли сижу на камне, или я есть тот камень, на котором сидит *он*?» А когда он вставал с камня, возникал следующий вопрос: «а кто был человеком, и кто был камнем теперь?». ⁴¹ У «обычных» людей нечасто можно встретить такие размышления. Но такие мысли были привычным делом и для Мачадо, написавшего цикл стихов на эту тему. Например: «Глазом зовется глаз/ не потому, что мы его видим,/ а потому, что он видит нас». ⁴² Или:

Что есть истина? Может, река?
Она непрерывно течет
и лодку вместе с гребцом
мимо нас, как волну пронесет.
Или это сон моряка,
где всегда и якорь и порт. ⁴³

С годами школьные успехи Юнга выравнивались, но он всегда избегал соперничества, стараясь не быть первым учеником. Позднее, когда Юнг уже стал врачом, ему нелегко было приспособиться к новой среде, и он опять углубился в свой внутренний мир, посвящая все свободное время чтению книг. «Моя сосредоточенность и добровольное затворничество отдаляли меня от коллег», ⁴⁴ – так Юнг характеризовал свою особенную «самопоглощенность» характера, настолько схожую с Майреной.

Постепенно Юнг начал приходить к пониманию, что ему не подходили обычные городские школы, потому что с рождения он принадлежал к другому миру – миру «интуитивных предчувствий»: «Я вырос... среди рек и лесов, среди людей и животных в маленькой деревушке, купающейся в солнечном свете, с облаками, плывущими над ней, с темными ночами, окутывавшими ее, когда происходили неожиданные вещи». ⁴⁵ В этом пейзаже детства особая роль отводилась близости к воде. Тихие воды озер и монотонный шум водопадов составляли, по словам Юнга, «мир Бога». С детства ему казалось, что вся жизнь концентрируется возле воды: «без воды, думал я, никто не мог бы вообще жить». ⁴⁶ Но у воды был и другой лик – зачастую он был жутким и грозным. Однажды мальчик чуть не стал жертвой водопада; в другой раз он видел, как рыбаки извлекали из озера утопленника. Вода для Карла стала двуликим Янусом – спящей красавицей, готовой в любую минуту обернуться ужасным великаном, пожирающим приблизившихся к нему людей.

Тема воды продолжала интересовать Юнга всю его жизнь. В сказках, преданиях, мифах и эзотерических текстах его всегда привлекали описания рек, ручьев, озер и морей. Он изучал эти архетипы и в своих поздних работах по психологии. Живая вода и мертвая вода, вода, в качестве «Великой Матери» символизировала для Юнга и рождение и смерть. Для описания своей собственной матери

Юнг использовал поэтический образ вечно текущего фонтана: «Она (мать) тоже любила поговорить, и ее речь текла подобно веселому журчанию фонтана».⁴⁷ И подобно воде, у его матери было два лика, один приятный и спокойный, а второй неожиданный и пугающий.

Неспособный к жизни в больших городах, Юнг на протяжении всей жизни стремился к воде. Свой первый дом он построил в Кузнахте на берегу Цюрихского озера; потом он любил уединяться в построенной им самим башне в деревушке Боллингене, тоже на берегу Цюрихского озера. Юнг жил у воды, потому что он видел в ней символ духовности. В своей книге «Архетипы и коллективное бессознательное» Юнг написал поэтические строки о воде, как о символе коллективного бессознательного. Для того чтобы погрузиться в эту среду, человеку необходимо сначала повстречаться с собственной «тенью». И только потом ему позволено войти в мир: «... беспрецедентной неопределенности, без видимых внутри и снаружи, без над и без под, без тут и без там, без моего и без твоего, без добра и без зла. Это мир воды, где все живое плавает в суспензии, где берет свое начало мир симпатических систем, душа всего живущего, где я неделимо являюсь и этим и тем; где я ощущаю другого в себе, а отличный-от-меня ощущает меня».⁴⁸

Юнг полагал, что было бы разумным позволить всем терминам, связанным с духовными явлениями, оставаться таинственными загадками. Его язык, взятый из деревенской природы, был слишком далек от точных научных описаний. Он определял и переопределял заново свои понятия другими, еще более запутанными словами, потому что чувствовал, что точнее их определить просто невозможно. Научный мир не понимал, как к этому относиться, объявляя Юнга «туманным» эзотерическим мистиком. Его работы даже объявлялись «неудобоваримыми».⁴⁹ По этой причине Юнг зачастую завидовал поэтам за их законное право прибегать к яркому образному языку: «Наивным людям и невдомек, как это обидно разговаривать с кем-то о вещах, совершенно им незнакомых. Люди прощают такое беспощадное поведение только писателям, журналистам или поэтам».⁵⁰

Примечателен парадокс: хотя Юнга обвиняли в том, что его язык запутан, как у мистика, истинные мистики далеко не всегда обращались к образному языку мифологии. Например, мистик П.Д. Успенский, бывший современником Юнга, и занимавшийся проблемами «множественных Я», пользовался в своем квазинаучном языке числами, геометрическими символами и нотами. Похоже, что для лучшего понимания работ Юнга, не следует относить их к научным или мистическим трактатам, а скорее к «поэтической философии», истоки которой скрыты в поэтическом восприятии Юнгом пейзажей своего детства. По крайней мере, Р.В. Броквэй относился к Юнгу как к литератору. Он писал о тенденции Юнга создавать мифы из своих воспоминаний: «Я думаю, что созданный им сценарий подобен поэме, сцене из спектакля, или эпизоду из романа».⁵¹

В своих работах Мачадо пытался выразить те же идеи, что и Юнг, только в форме «философской поэзии», не менее мистической и таинственной, чем научные работы Юнга. Подобно Юнгу, любимыми символами и темами, используемыми поэтом, стали бесконечные потоки воды в фонтане, в реке, в океане или в море окончательного забвения. Пейзажи детства поэта пестрели яркими цветами

Андалузии с ее типичными мраморными фонтанами, монотонное журчание которых гипнотизировало мальчика, напоминая ему о каком-то «далеком сне». Тихое пение воды, постоянно переливавшейся в этих фонтанах, и шум дождя за окном вселяли в душу ребенка чувства спокойствия и уверенности. Но во время этих медитаций под шум воды он испытывал и страх перед неизбежностью забвения, когда «капля моря впадает в безбрежное море»⁵². Впоследствии вода в поэзии Мачадо выражала последовательные стадии человеческой жизни: рождение, становление, рост, смерть и возрождение. Поэт заметил, что двойственность его отношения к воде, как одновременно к символу рождения и смерти, в чем-то напоминала подход средневекового поэта Хорхе Манрике: «Наша жизнь – это реки, /а реки текут в море, /которое наша смерть». В своем стихе «Комментарий» Мачадо дал новую жизнь этим строкам Манрике, дополнив их своим собственным восприятием воды в качестве парадокса слияния «великой радости» и «великого горя», «страха смерти» и «радости прибытия»:

Наша жизнь – это реки,
А смерть – это море,
Берет оно столько рек,
Туда уходят навеки
Наша радость и горе,
Все, чем жил человек.⁵³

Но море Мачадо не настолько пугало, как обычный образ смерти: оно не выглядело конечным и безысходным как у Манрике, за ним не стояли символы добра и зла Данте, оно не было ни раем, ни адом. Вода в понимании Мачадо отличалась от символики его друзей и современников (так, например, испанский поэт Хименес видел в фонтанах эротические символы). Поразительно, но море Мачадо ближе всего напоминало описание Юнга, в котором человек встречался с коллективным бессознательным. Это море «беспрецедентной неопределенности» Юнга Мачадо выразил в кратких емких строчках: «Мы не знаем ничего./ Мы пришли из тайного океана, и уходим в океан неизвестности».⁵⁴ Для Мачадо, как и для Юнга, море навело на размышления об отношении между «Я» и «отличным-от-меня». В поэзии Мачадо она выражается символикой отношений между каплей моря (индивидуальная душа) и всем морем (коллективное бессознательное). Подобно Югу, Мачадо отмечал и необходимость встретиться со своей «тенью» в этом мире воды. Эту «тень» поэт описывал во многих стихах, иногда называя ее «двойником», иногда «другим» («Но глядя в свое отражение – также/ищи и другого, другого...»⁵⁵), а иногда и непосредственно юнгианским термином «тень»:

Умереть... Впасть как капля
моря в необъятное море?
Или быть тем, кем я никогда не был:
человеком без тени и без мечты....⁵⁶

Поэтам и философам присуще умение разглядеть в настоящем ростки будущего. Зачастую им не хватает слов для описания своих пророческих видений, так как в их время ученые еще не придумали нужных им терминов. Сегодня, после

научного открытия голографии (когда одинаковая информация может содержаться как на целой пластине, так и на любой ее части) и после создания голографической модели мозга, вполне допустимо, что ученым удастся перевести идеи Юнга и Мачадо на язык математических формул. Но пока этот день придет, работы этих пророческих селестиальных близнецов будут требовать от своих читателей вдумчивого поэтического подхода.

В поздних работах Юнга привлекал к себе внимание еще один поэтический образ, связанный с любовью Юнга к воде. Так, он видел эго «как хрупкий архипелаг островов, плавающих в темном море коллективного бессознательного. Острова состоят из атомарных эго и частичных эго, так что сознание всегда фрагментарно...».⁵⁷ Это определение многие связывали с необычным явлением «многих Я» в личности самого Юнга. Интересно иметь в виду это определение Юнга при обсуждении необычного феномена так называемых «дополнительных» личностей Мачадо – его фиктивных личностей. История появления «других» Мачадо относится исследователями к началу двадцатых годов, когда он написал несколько странных апокрифических песен под именем воображаемого философа и метафизика, Абеля Мартина. В последующие десять лет этот Абель Мартин стал неотъемлемой частью жизни Мачадо; его философские, и иногда малопонятные поэмы относятся к венцу творчества Мачадо. Однако постепенно Мартин стал вытесняться его молодым студентом, философом и преподавателем физкультуры, Хуаном де Майрена. Согласно Мачадо, Майрена родился в Севилье в 1864 г., и похоронен там в 1904 г. Этот апокрифический профессор, критик и моралист, которого Мачадо называл своим «философским альтер эго», был известен философскими изречениями, шутками, притчами и пояснениями экзистенциальных теорий Мачадо. В Майрене Мачадо видел идеального профессора, основавшего свой уникальный семинар риторики, на котором обсуждались философские идеи и проблемы культуры. Так как Майрена был свободен в выборе программы обучения, то он позволял себе обсуждать все на свете – от греческих философов до проблем религии. Его идеи отличались оригинальностью и новизной. Ему чужды ортодоксия и проторенные дороги. Для него человеческое одиночество могло быть скрашено только верой, но он знал, что «Бог находится в человеческом сердце».⁵⁸

Хуан де Майрена отличался широким кругом интересов: он напечатал несколько книг и циклов статей на темы культуры. Его также интересовали взаимоотношения между полами, и им он посвятил свою трагикомедию «Великий климакс». В этой пьесе Майрена-Мачадо, по его словам, с одной стороны, независимо от Фрейда описал развитие либидо от периода полового созревания до возраста умирания полового влечения. С другой стороны, говоря об этой пьесе, он подчеркивал свои астрологические и пророческие способности: «Она (пьеса) фокусирует внимание на шестьдесят третьем году нашей жизни, который, по мнению как врачей, так и астрологов, является наиболее критичным и опасным возрастом – климаксом или «спуском с лестницы», который тяжелее всего одолеть, и после которого мы все впадаем в старость, лишаемся нашей половой силы и приходим к концу нашей эротической трагикомедии».⁵⁹ Ироничным в этом отрывке было то, что Майрена, умерший по версии Мачадо в 39 лет, верно предсказал будущую смерть

Мачадо в 63 года! Книга Мачадо «Хуан де Майрена», содержащая эпиграммы, изречения, мемуары и учения Майрены, и заключающаяся приложением поэм из «Апокрифического песенника», считалась «наиболее необычным изобретением испанской (а, может быть, и мировой) литературы XX века». ⁶⁰

Многие исследователи занимались проблемой «других» в творчестве Мачадо. В статье «Личность и двойники А. Мачадо» Де Торре даже составил полный каталог всех «дополнительных» Мачадо. Все критики соглашались с ним в необходимости отличать этих «дополнительных» Мачадо от обычной техники использования литературных псевдонимов. Эти «двойники» Мачадо не были попыткой автора спрятаться за псевдонимом; целью этих «двойников» было обогатить личность писателя новыми, дополнительными аспектами, ставшими голосами «мудрых Я» в поэте. Но что скрывалось за этими «мудрыми» голосами? Ответа не было, и Понсела суммировал, что изучение «дополнительных Мачадо» остается интригующим вопросом, «требующим подходов глубинной психологии для того, чтобы быть полностью понятым». ⁶¹

Пока ученые напрасно пытались разобраться в этом странном феномене, сам Мачадо не находил в нем ничего удивительного. Похоже, что он привык общаться со своими воображаемыми учителями еще смолodu. В стихотворении «Портрет» (1908г) Мачадо уже упоминал свои беседы с «другими». ⁶² В его жизни монолог «был всегда диалогом». По его словам, он всегда беседовал с человеком, шедшим подле него. Он всегда жил в надежде беседовать с Богом и учиться любви у своего тайного спутника. В одном из интервью Мачадо подтвердил, что Хуан де Майрена неожиданно возник у него еще в юности, и что Майрена часто навещал его в тиши рабочего кабинета. ⁶³ Этот незванный гость был приятным человеком, которого Мачадо был готов слушать часами, стараясь ничего не упустить и записывая все сказанное в дневники. Однажды все эти записи стали как бы сами по себе «выпрыгивать» из его тетрадок, чтобы появиться статьями в газетах. Из пояснений Мачадо видно, что сам он относился к своим «двойникам» не как к плодам своего воображения, а как к реально существующим личностям. В этом его подход совпадал с Юнгом, убежденным, что его вторая личность была на самом деле душой человека, жившего в XVIII веке. Более того, Юнг верил, что космические секреты ему открывали его духовные учителя – духи пророка Ильи и Филемона.

Юнг, с детства наблюдавший за двумя личностями своей матери, еще в школе обнаружил и у себя вторую личность. Первая личность, названная им №1, была простым ребенком, отстававшим в развитии от других детей. Вторая личность, №2, была пожилым мудрым человеком, умевшим созерцать жизнь, сохраняя душевное спокойствие и анализируя все аспекты происходящего. Юнг вскоре научился целенаправленно входить в состояние тишины, предложенное ему личностью №2, и он часто искал уединения, чтобы насладиться умиротворенностью этой личности. Подобно Майрене Мачадо, №2 Юнга придерживался неортодоксальных взглядов на веру, обучая Карла, что Бог находится в человеческом сердце: «Здесь (в мире №2) проживал «Другой», видевший в Боге тайный, личный, и в то же самое время межличностный секрет. Здесь ничего не отделяло человека

от Бога; в самом деле, это было, как будто человеческий мозг одновременно с Богом смотрел вниз на сотворенное». ⁶⁴

Юнг не допускал у себя возможности шизофрении, отрицая любые попытки приписать свои детские ощущения каким бы то ни было патологическим отклонениям. Более того, он был убежден, что №2 был его прежней инкарнацией в качестве благородного джентльмена, наделенного духом «человека, давно умершего и вместе с тем постоянно присутствующего в безвременности вплоть до далекого будущего». ⁶⁵ В мемуарах Юнга появляется такая проблематичная фраза: «Игра и взаимодействие между личностями №1 и №2, происходившие на протяжении всей моей жизни, не имели ничего общего с «раздвоением» личности или с диссоциацией в привычном медицинском смысле. Наоборот, такое взаимодействие происходит в каждом человеке. В моей жизни №2 занимал важнейшее место... Он – типичная фигура, но воспринимают его лишь только считанные. Сознания большинства людей недостаточно, чтобы понять, что он – это то, чем являются они». ⁶⁶ Юнг, с одной стороны, пытался убедить читателя, что у каждого человека должна быть такая дополнительная личность; с другой стороны, он добавлял, что лишь единицы способны воспринимать ее. Броквэй отмечал еще более поразительный факт: сам Юнг не описал ни одного похожего случая с «другими» личностями! ⁶⁷ Таким образом, даже в богатейшей практике Юнга, не было описано ни одного человека с подобным «тайным Я», как у него.

Возможное объяснение этой загадке может быть найдено в философии Мачадо: «однако, могли бы вы сказать, что человек не может вмещать в себе больше, чем одного поэта? Обратное казалось бы намного более невероятным: что он может вмещать в себе лишь одного поэта». ⁶⁸ Подобно Юнгу, Мачадо видел в феномене обладания многими личностями нормальное явление, хотя он и приписывал его только поэтам (потому что, по его мнению, именно поэты были ясновидящими, ставшими поэтами лишь «по милости Божьей»). ⁶⁹ Юнг, в свою очередь, верил в существование «отобранных людей, служивших проводниками милости Божьей, посредством которой передавались определенные откровения для обогащения жизни простых людей». ⁷⁰ Когда Юнг говорил, что сознания «простых» людей недостаточно для восприятия своих «других» личностей, он подразумевал, что только сознание людей, открытых к «милости Божьей», было способно воспринимать свои высшие «Я». Имел ли Юнг в виду под «Божьей милостью» то же самое явление, которое Мачадо называл поэтическим восприятием «откровения Вездесущего сознания»? ⁷¹ По крайней мере, Юнг называл свои часы размышлений в рабочем кабинете в Боллингене состоянием «истинной поэзии духа» ⁷², и именно в таком поэтическом состоянии он приближался к «миру Бога» и к «другим» в себе.

Кроме постоянной личности №2, Юнг описывал встречи с дополнительными «другими». В период с 1913 г. по 1916 г. – года, когда он находился на грани нервного срыва – Юнга посещали видения пророка Ильи в образе Филемона. В беседах с этим духовным гидом Юнг проводил многие часы, вышагивая по тропинкам своего сада. Со стороны казалось, что он сошел с ума, ведя бесконечные беседы с самим собой и вслушиваясь в скрытые голоса. ⁷³ Но Мачадо вряд ли бы

был удивлен – ведь он уже описал к тому времени такие «беседы с двойниками» в «Портрете». Но на этом параллель не кончалась: как Юнгу, так и Мачадо было важно придать материальность своим духовным наставникам. В их архивах остались портреты Филемона, нарисованные Юнгом, и портреты Майрены, нарисованные братом Мачадо, Хозе. Тогда, когда тайный голос Мачадо обучал его искусству любви к людям, мистические собеседники Юнга выполняли для него роль «гуру» (учителей). Позднее один из индийских друзей Юнга рассказал ему о гуру из других астральных плоскостей, объяснив, что, хотя и у большинства людей гуру – это живые люди, у некоторых – это духи.⁷⁴

Можно найти много разных объяснений этим видениям Юнга и Мачадо. Психиатры предлагали некоторые формы шизофрении, литературные критики говорили о гениальных приемах, мистики вдавались в теории астральных тел. Но сейчас не столь важно, кто был прав. Важно то, что все они соглашались, что по тем временам это явление было крайне редким. Этот факт еще больше уменьшает шансы «случайного совпадения» в том, что люди с одинаковым Θ -фактором лишь в силу слепого случая одновременно раскрывали в себе «другие», мудрые личности.

Кардинальные различия личностей №1 и №2 навели Юнга на мысль о существовании разных типов человеческого мышления. В 1912 г. он обсудил эти различия в своей монографии «Психология бессознательного», впервые введя описание экстравертного и интравертного типов. По Юнгу, для первого типа мышления характерны интенсивность, устремленность и целенаправленность; оно оперирует, главным образом, словами и выражает себя в науках. Второй тип мышления оперирует образами, символами и мифами, выражая себя в сновидениях, в религиозных чувствах и в мифологии. Второй тип мышления преобладает как у маленьких детей, так и в работах античности, отдававших предпочтение не научным, а религиозным подходам. Для проблемы селестиальных близнецов наиболее важен не сам факт открытия Юнгом этих типов мышления, а то, что Мачадо описал их почти одновременно с Юнгом в своей поэзии:

Есть два типа сознания:
одно обращается к свету, другое – к терпению.
Одно пытается
чуть-чуть пронзить океан светом;
у другого сильнее чувства вины –
с удочкой или сетью оно ожидает
как рыбак поджидает рыбу.
Скажите мне: которое из них лучше?
Религиозное сознание,
видящее в глубинах океана
живую рыбу,
которая идет своим путем,
и которую никогда не поймать?
Или же эта моя работа, скука
извлечения рыб из сетей
и бросания их на причал мертвыми?⁷⁵

Ответ на этот вопрос Мачадо мог бы получить у Юнга, утверждавшего, что рост научного сознания приводит к дегуманизации мира. Стивенс использовал следующую метафору для объяснения основных подходов Юнга к изучению психики: «С древних времен образом психики была бабочка. Это прекрасный символ, потому что психика, подобно бабочке, – это живое проявление принципа метаморфозы. Нам нужно соблюдать осторожность, когда мы приближаемся к ней с научными подходами, чтобы не убить ее подобно завязтому энтомологу, прикалывающему ее булавкой к доске какого-либо музея». ⁷⁶

Чтобы не убить психику (в образе бабочки древних или рыбы Мачадо), Юнг предпочитал использовать в психологии мифологию, а не науку. Удивительно, но именно по этой причине Мачадо предпочел быть поэтом, а не ученым. Оба одновременно пришли к выводу, что для наиболее полной реализации своей личности им нужно было понять мир своих сновидений. В то время как Мачадо называл себя «путником во снах», ⁷⁷ Юнг писал, что он находился в “некуа” или в путешествии по ночному морю (сравним с Милошем и Волошиным, которые считали себя «благородными путниками», и никогда не интересовались сновидениями). Первые путешествия в миры снов привели и к первым печатным работам: в тридцатилетнем возрасте Юнг и Мачадо начали одновременно печататься, и их первые работы были посвящены изучению сновидений.

Вернемся к «событийной» стороне биографий Юнга и Мачадо. После преждевременной смерти отца, Антонио должен был заботиться о заработке. Вместе со старшим братом Мануэлем он работал над созданием словаря синонимов. Кроме того, он начал писать статьи в газеты и выступать в незначительных ролях в театре, приобщаясь к жизни богемы в Мадриде. Дважды (в 1899 г. и в 1902 г.) братья на короткий срок уезжали в Париж, чтобы подработать там переводчиками в издательстве. В Париже Антонио подружился с выдающимся поэтом Рубеном Дарио, основателем движения модернизма. Там же ему довелось встретиться и со многими другими поэтами, такими как Оскар Уайльд, Жан Мореа, Хуан Хименез и Пио Бароха.

Впоследствии Мачадо описывали как мягкого провинциального учителя в Сории, Баэзе или в Сеговии. Эренбург изображал Мачадо эдаким испанским Чеховым, добрым человеком, прощающим другим их слабости и отыскивающим частицу доброго и прекрасного во всем живущем. ⁷⁸ Но Эренбург и другие биографы знали лишь зрелого Мачадо, совсем не походившего на вспыльчивого юношу, напивавшегося иногда в кафе Парижа в богемной компании брата и Дарио (Абель Мартин тоже иногда любил напиться). А был еще и Мачадо, принимавший участие в уличных столкновениях с полицией в знак протеста против дела Дрейфуса (Пио Бароха помнил, как Антонио потерял каблук с ботинка, пытаясь удрать от республиканской кавалерии). ⁷⁹ Когда Мачадо описывал Майрену, как одного из самых вспыльчивых людей в мире, перед его глазами, наверно, стоял реальный Антонио 1899 г., схвативший револьвер и угрожавший несчастному портному, требовавшему от него погашения долгов. ⁸⁰

В ранних стихах Мачадо, опубликованных в различных журналах начала века, сильно проявлялось влияние Верлена и Дарио. Но уже в первом сборнике стихов «Одиночества» (1902) поэт пошел своей, особой дорогой. В сборник входили его

стихи о снах и сновидениях (он начал их писать в 1899г, еще до появления первых работ Фрейда по интерпретации снов). Книга получила похвальные отзывы, но быстро растущий поэт вскоре почувствовал неудовлетворенность. Он продолжал писать поэмы духовного и морального плана, и в 1907 г. издал расширенный сборник под заглавием «Одиночества, галереи и другие стихотворения». Этот сборник стал одной из важнейших книг Мачадо. Поэт превратил изучение снов в цель своей жизни и поэзии. Бесстрашно он спускался все глубже и глубже в лабиринты души своей, ища во снах ответы на жизненно важные вопросы. На дне галерей души он хотел найти освежающую живую воду. Спуск в подземное царство снов был полон опасностей, но в конце пути «демон моих снов открыл волшебный сад вчерашнего».⁸¹

В результате напряженной внутренней работы над собой Мачадо пришел к выводу, что для него поэзия не была ценна ни звуками, ни цветами, ни комплексами ощущений, ассоциировавшихся со словами (как это полагал Дарио), а теми словами, которые вызывают «учащенное сердцебиение духа». Его поэзия отражала лабиринты его снов и одиночеств. Согласно Мачадо, «поэту известен/ извечный труд/золотых пчел/своих снов», и ему необходимо овладеть искусством «делать новый мед/ со старыми муками».⁸² Еще до публикации работ Юнга по алхимии духа Мачадо представлял себя древним алхимиком: его сердце казалось ему пасекой, где страдания поэта трансформировались в мед поэзии. В одном из наиболее ярких видений Мачадо казалось, что в результате этой магической работы по трансформации ошибок прошлого, сердце поэта перерождалось в горящее солнце, в котором поселился Бог:

Ночью вчера мне снилось
— о блаженство забыться сном, —
пасека появилась
в сердце моем.
И золотые пчелы
из горьких моих забот
из памяти невеселой
делали сладкий мед.

Ночью вчера мне снилось
— о блаженство забыться сном, —
горящее сердце светилось
в сердце моем.
Солнце в сердце горело,
И кровь горела во мне,
И светом наполнилось тело,
И я заплакал во сне.

Ночью вчера мне снилось
— о блаженство забыться сном,
сердце Божие билось
в сердце моем.⁸³

Написанные независимо от Юнга, эти строфы могли бы послужить квинтэссенцией аналитической психологии, стремящейся трансформировать психику при помощи глубинных процессов самопознания. Подобно Юнгу, Мачадо стремился к гармонии между личностью (мое сердце, Я) и коллективным бессознательным (высшее Я, Бог). В 1917 г, оглядываясь на «Одиночества», поэт переписал вступление к книге, стараясь яснее объяснить свои намерения: «Я думал, что человеку может повезти застать врасплох и подслушать некоторые фразы из своих внутренних диалогов с самим собой, отличая живой голос от мертвых отголосков эхо; что, глядя внутрь себя, можно заметить глубоко укоренившиеся образы предметов и чувств, которыми наделены все люди. Моя книга не стала систематической реализацией этих целей, но таковыми были мои художественные намерения в то время».⁸⁴

«Глубоко укоренившиеся образы, которыми наделены все люди», – имел ли Мачадо в виду «архетипы» Юнга (унаследованные тенденции психического функционирования, содержащиеся в коллективном бессознательном)? «Живые голоса и мертвые эхо» – не были ли они голосами коллективного бессознательного? Когда Мачадо писал эти строки, термины Юнга ему еще не могли быть известными. Они появились позднее.

Оригинальность и новаторство тем, волновавших Юнга и Мачадо, затрудняло им поиск своего места в жизни. После окончания гимназии в 1895 г., Юнг сомневался, что бы ему хотелось изучать в университете. Больше всего его манила философия, но в ней ему не хватало фактов из жизни людей. В конце концов, Карл записался студентом в Медицинскую школу Базеля, но, как и у Мачадо, у него немедленно возникли финансовые проблемы. Отец Юнга скончался, когда он еще не окончил даже первого курса, и все заботы о семье легли на его плечи. Тем не менее, Юнг не сдавался – он взял займы у родственников в надежде расплатиться после окончания занятий.

Студенческие годы Юнга радикально отличались как от его детства, так и от его зрелого периода. Освободившись от скуки в гимназии, он стал преуспевающим студентом, уважаемым своими профессорами. В то время как Мачадо кратко временно приобщался к богемному образу жизни, Юнг после смерти отца проходил через короткий период метаморфоз. Казалось, будто другое, экстравертное «Я» завладевало юношей. Он стал членом студенческого клуба; в нем проснулись веселье и желание вести себя не по правилам. Он мог временами напиваться, приставая к друзьям и отталкивая их своей навязчивостью. Он мог ночи напролет проводить в пивной, начисто забывая о матери и сестре, ожидавших его дома.⁸⁵

В старости Юнг принял вид доброго человека, с легкой улыбкой излучавшего умиротворенность Мудреца. Этот образ вдумчивого спокойствия сильно отличался от того гуляки-студента, который учился в Базеле. В мемуарах Юнг не упоминал об этих изменениях, произошедших с ним. Его биографы не знали, были ли эпизоды запоев связаны с переутомлением от занятий и с домашними заботами, или же они были связаны с естественным развитием зрелого мужчины. Ключ к разгадке этой проблемы может быть найден у «дополнительной» личности Мачадо, Абеля Мартина: «Мой учитель (...Абель Мартин) пользовался

славой местного пьяницы, потому что в торжественные минуты своей жизни – в период его помолвки, вручения докторской степени, конкурса на занимаемую должность – он подкреплял свою мораль, как он выражался, или умалял свои чувства ответственности частыми выпивками». ⁸⁶

Подобно Юнгу, Абель Мартин никогда не пытался развеять слухи о периодах запоя, и его соображения по этому поводу могут заинтересовать и исследователей Юнга. Первым доводом был принцип, по которому никому не следует развеивать свой миф («А без мифа никому не войти в историю!») Вторым доводом было искреннее желание Абеля Мартина оставить что-нибудь пикантное своим будущим биографам для их расследований. Третьим (и немаловажным) доводом была его благодарность алкоголю (Юнг тоже всегда ценил красное вино) и его вера в то, что «отсутствие прегрешений очень мало добавляет к сумме наших добродетелей». ⁸⁷

Подобно Абелю Мартину, у Юнга были свои периоды запоя. У него тоже бывали частые смены настроений, он бывал вспыльчивым и мог быть грубым с теми, кто надоедал ему. По вспышкам гнева он был похож как на молодого Мачадо, так и на его «двойника» Майрену. Позднее Юнг объяснял эту вспыльчивость своим «демоном»: «Во мне был демон... Он побеждал меня, и если временами я бывал грубым, то лишь в силу того, что я был во власти демона». ⁸⁸ Когда Юнг обижал людей, это происходило потому, что демон настаивал, что ему нельзя прощать их неспособность понимать его. По странному совпадению, не только Юнг, но и Мачадо признавался в существовании неконтролируемого, бесчувственного демона:

Демон снов моих хохочет,
красные смеются губы
острые смеются зубы

....

Почему смеется гаер
Над бедой моей не знаю,
Но он жив лишь этой пляской
Беспричинной, залихватской. ⁸⁹

В годы учебы в Базеле Юнг заинтересовался парапсихологическими явлениями. Его интерес был вызван участием в семейных сеансах, проводимых его кузиной, Хелен Прейсверк, наделенной незаурядными способностями к медиумизму. К 1898 г. Юнг уже пришел к выводу, что «безжизненный идол науки» отнимает у него возможность проводить серьезные научные исследования. В этом году его сны были насыщены яркими удивительными сновидениями с «цветущими лугами, с бесконечными синими морями и солнечными берегами, или со странными дорогами в ночной темноте». В этих снах он бродил «в одиночестве по заброшенным тропинкам в крошечной тьме». ⁹⁰ Постепенно Юнг приходил к выводу, что эти сны были не случайным набором образов, а особым языком психики, пытавшимся вывести его на путь истинный. Для нас необычайно интересно то, что в те же годы поэзия Мачадо занималась описанием его снов, напоминавших сны Юнга:

Мы создаем во сне
над скудной землей печальной
лабиринты, тропинки, сады,
в цветенье, во тьме, в молчанье.⁹¹

В своих снах оба сестимильных близнеца испытывали предчувствие, что впереди их поджидает единственный, еще не освещенный верный путь. В 1899 г. Мачадо, освободившись от влияния Дарио, стал записывать свои первые стихи о снах; в том же году Юнг, уже прилично зарабатывавший медицинской практикой, на последнем курсе мединститута принял решение перейти на психиатрию. В 1900 г. Юнг окончил занятия в Базеле и поступил работать ассистентом в психиатрическую клинику под руководством Эйгена Блейлера. Клиника относилась к цюрихскому университету и была расположена в живописном пригороде Цюриха, Бургхольцли, над Цюрихским озером. Юнг считал, что ему очень повезло работать в этом новаторском институте, где Блейлер был одним из первых психиатров, не относившимся к шизофреникам как к душевнобольным и внедрявшим методы Фрейда.

К тому времени Юнга опять углубился в себя, полностью окунувшись в работу. Большую часть дня занимала тягостная рутина клинической терапии, а все оставшееся время он отдавал чтению. Залпом он прочитал все 50 томов энциклопедии «Психиатрии», а также философские сочинения Шопенгауэра, Канта, Ницше и Гартмана. Результатом этих интенсивных занятий стала диссертация Юнга «Психология и патология так называемых оккультных явлений», представленная к защите в 1902 г. Несмотря на кажущиеся различия мирских путей, которыми шли Юнг и Мачадо, они опубликовали свои первые работы (диссертация Юнга и «Одиночества» Мачадо) одновременно. Это совпадение поражает еще и тем, что Юнг напечатал расширенные результаты своей работы в цикле статей 1907 г. – в том же году, что Мачадо напечатал дополненную версию «Одиночества»! Более того, зимой 1902–1903 гг. Юнг неожиданно почувствовал необходимость изучить несколько курсов Пьера Жана в Париже. В этот период Мачадо тоже учился в Париже, как будто оба сестимильных близнеца видели в Париже того времени наиболее подходящее место для своего дальнейшего роста. Как и Мачадо, в Париже Юнг жил очень бедно, иногда довольствуясь на обед лишь одним кулечком жареных каштанов, но это не мешало ему наслаждаться жизнью большого города, вызывавшего у него состояние легкого опьянения.

Вернувшись в клинику, Юнг по предложению Блейлера занялся исследованием «ассоциаций» – спонтанных и зачастую нелепых реакций пациентов на стимулирующие слова. Юнг обнаружил, что такие ассоциации вызывались особо чувствительными сгустками эмоций, скрывавшимися в подсознании и недоступными восприятию пациента из-за их несовместимости с его сознанием. Юнг назвал такое состояние термином «комплекс», впоследствии получившим широкое распространение в нашей повседневной речи. Во время этой работы Юнг обнаружил поразительные параллели между «Интерпретацией снов» Фрейда и своими наблюдениями. Это открытие привело к резким переменам в его жизни, подтвердив многие идеи Фрейда и принеся Юнгу признание многообещающего психиатра.

ра. Примечательно то, что не только идеи Юнга и Мачадо во многом были похожи, но и влияние их учителей на формирование этих идей имело определенное сходство. Мачадо был многим обязан Дарио, видевшему значение поэзии в порождении комплекса ощущений, ассоциирующихся со словом; Юнг вырос на идеях Блейлера, изучавшего физиологию комплексов ощущений, ассоциирующихся со словами.

В 1905 г. Юнг занял пост старшего врача в клинике и получил ставку приват-доцента (лектора) в университете Цюриха. В том же году Мачадо успешно окончил академические занятия и начал преподавать. В 1900 г. под влиянием своего нового друга, испанского писателя-мистика Мигеля де Унамуно, Мачадо начал отходить от мира богемы и погружаться в занятия. После долгих колебаний он решил стать преподавателем французского языка. В возрасте 32 лет он успешно сдал все экзамены, получив должность преподавателя гимназии в Сории – маленьком провинциальном городке на севере Испании. Пять последующих лет поэт провел в этом суровом горном районе Кастилии. Он не только полюбил этот край и его людей, но и встретил там свою большую любовь. В доме, где он снимал комнатку, жила юная дочь хозяйки дома, Леонора. Когда они поженились в 1909 г., ей исполнилось всего лишь 15 лет.

Свадьба преобразила жизнь и поэзию Мачадо. Он стал теплее и открытее. Темы его поэзии стали ближе к земле и к судьбам людей, населявшим ее. Счастье Мачадо стало еще большим, когда ему предложили стипендию для изучения философии у Анри Бергсона в Париже. Мачадо всегда чувствовал, что философия была его жизненным призванием, и он без колебаний направился в Париж. Но климат этого города оказался губительным для Леоноры, заболевшей туберкулезом. Мачадо вернулся в Сорию и преданно ухаживал за женой до самой ее смерти в 1912 г. Смерть Леоноры повергла поэта в такие глубины отчаяния, что он признавался Хименезу в своем желании покончить с собой, говоря, что только чувство моральной обязанности реализовать свой поэтический талант удержало его от самоубийства.⁹² Будучи не в состоянии продолжать жить там, где все ему напоминало о жене, он покинул Сорию, перейдя на работу в другом провинциальном городке, Баэзе, лежавшем на берегах реки Гвадалквивир между Кастилией и Андалузией. В Баэзе он провел последующие семь лет.

В 1912 г., в последнем году пребывания в Сории, вышла вторая книга стихов Мачадо, «Поля Кастилии». Этот сборник лирики, наполненный любовью поэта к скалистым пейзажам родного края и сочувствием к трагической истории жителей Кастилии, превратил Мачадо в одного из наиболее значительных испанских поэтов того времени (второго по известности после Лорки). Почему-то лишь в Сории поэт наблюдал за внешними проявлениями жизни во всем многообразии ее ритмов и проявлений, как будто бы любовь к Леоноре изменила его подход к миру, заставив почувствовать свою связь с окружающей средой. Была ли непосредственная связь между чувством к реальной женщине и изменением тематики стихов Мачадо? Очевидно, была.

В поэме «Возрождение» Мачадо восклицал: «Лабиринты души! Душа подобна юной женщине!»⁹³ Когда поэт писал эти строки, он еще не встретил свою лю-

бошь и ничего не знал об идеях Юнга, полагавшего, что в душе каждого мужчины присутствует и вечный образ женщины. По теориям Юнга в психике каждого человека содержится как мужское, так и женское начало. Анима (душа) является олицетворением женской части мужского бессознательного, а анимус (дух) олицетворяет мужскую часть женского бессознательного. Постольку, поскольку человек не познал аниму/анимуса, он может бессознательно искать их во внешнем мире, проектируя свой внутренний образ на возлюбленных. Эта проекция наших ожиданий может стать одной из главных причин внезапного страстного влечения или отталкивания. Для Мачадо эти сложные идеи Юнга не оставались абстрактными теориями: для него они стали субъективной правдой. В своих странствиях по лабиринтам души он уже разглядел свою аниму в образе юной женщины. Встреча во внешнем мире с ее проявлением в лице Леоноры произвело глубокое изменение в его личности. Образ анимы, скрывавшийся внутри, приобрел свою персонификацию «снаружи», усилив связь поэта с внешним миром. Примечательно и то, что впоследствии Мачадо излагал свои идеи о женской части мужской души, говоря устами Абея Мартина, полагавшего, как и Юнг, что «признание другого начинается с понимания женского образа, потому что без женщины нет ни рождения, ни знания».⁹⁴

В Сории Мачадо много размышлял над тем, как вывести испанское коллективное сознание на новый путь. Он пристально наблюдал за суровой жизнью местных крестьян, поражаясь естественности их связи с землей. Встречаясь с ними, Мачадо поражался, как много они знали того, что было неведомо ему, и насколько маловажными были его познания в их глазах. С интересом антрополога он старался понять их стиль жизни, их вековую мораль и этику. Постепенно он приходил к выводу, что для него поэзия больше не существует в вакууме, а является, прежде всего, отражением коллективных чувств людей. Он писал: «Мои чувства не являются исключительно моими, и мое сердце всегда поет в хоре, но для меня голос моего сердца слышится отчетливее, чем другие голоса».⁹⁵

Можно отметить еще одну параллель между Юнгом и Мачадо. Юнг в своих попытках познать все неосвоенные части своей личности добрался до Африки, которая, по его мнению, была подавлена европейским влиянием, ожидая своего часа стать осознанной. Путешествия Юнга с целью открыть «исторические пласты в самом себе» по сути своей напоминали временный интерес Мачадо к историческим и социологическим особенностям Испании. Пожалуй, единственной разницей было то, что Юнг искал «примитивные культуры» в далекой Африке, в то время как Мачадо сумел рассмотреть «примитивного» или «другого» представителя иной культуры неподалеку от себя. Юнг видел в поиске встречи с другими культурами возможность самопознания; Мачадо интересовался жителями Кастилии для того, чтобы помочь Испании переродиться посредством понимания людей, населявших ее.

Со смертью жены угас интерес Мачадо к внешнему миру. Поэт удалился в мир, называемый им метафизическим. Безутешным вдовцом он провел семь тяжелых лет в Баэзе, погружаясь в одиночество медитаций и предаваясь размышлениям о смерти в своей трагической лирике. Постепенно размышления о смер-

ти приводили его к поиску новой философии, и он искал ответы у Декарта, Канта, Гегеля, Лейбница и Бергсона. В 1915 г. Мачадо в свободное от работы время стал работать над докторской диссертацией по философии, защищенной им в Мадридском университете в 1918 г. Период большого горя стал и периодом больших достижений, и как отмечали биографы и критики (в частности, де Лара⁹⁶), период после смерти Леоноры (1912–19 гг.) стал периодом кризиса, из которого поэт вышел повзрослевшим и обогащенным новым пониманием жизни и времени. Его новая философия появилась в эпиграммах «Пословицы и песенки», и была затем расширена в апокрифических работах Абея Мартина и Хуана де Майрены. К 1919 г. Мачадо уже вышел из оцепенения. Он был готов покинуть Баэзу, чтобы принять новую должность в Сеговии.

Возвратимся к Юнгу для того, чтобы увидеть, что в тот же период (1912–17 гг.) он испытывал необычайно тяжелый кризис. Каков был жизненный путь Юнга, приведший его, как он считал, к спуску в ад, в подземное царство?

Случилось так, что анима Юнга тоже была юной женщиной. Как и Мачадо, он влюбился в свою будущую жену, когда она была еще подростком. По странному предчувствию, он сумел выбрать себе в жены Эмму Раушенбах, когда он случайно увидел ее на смотровой площадке знаменитой гостиницы в Цюрихе. Как вспышкой молнии, в его голове промелькнула мысль, что он повстречал свою судьбу. Позднее он вспоминал: «Ей было 15 или 16... и я сказал своему другу – мне был тогда 21 год – я сказал: «Эта девочка – моя жена»». ⁹⁷ Он был глубоко потрясен тем, что видел ее всего лишь миг, и, тем не менее, сразу же оказался в плену у чувства. Откуда-то взялась уверенность, что он всегда знал ее, любил ее и собирался на ней жениться. Через шесть лет после этой встречи, Юнг сделал предложение Эмме, и в 1903 г. они поженились. Молодая чета получила квартиру при клинике. Эмма была хорошей хозяйкой, ее любили за спокойствие и рассудительность. Она сумела наладить семейную жизнь, и проявила себя хорошей матерью. Юнги слыли преуспевающей парой, и с 1904 по 1914 г. Эмма родила пятерых детей (четырех дочерей и сына). Карьера Юнга тоже непрерывно шла вверх: он стал заместителем директора клиники, его лекции в университете пользовались успехом, а его работы по ассоциациям слов принесли ему репутацию серьезного психиатра.

В 1907–1912 гг. Юнг тесно сотрудничал с Фрейдом. Дружба с Фрейдом, завязавшаяся сразу после их первой встречи в Вене в 1907 г., оказала на Юнга огромное влияние. Фрейд очень высоко ценил молодого коллегу, видя в нем наиболее способного помощника. Юнгу была отведена важная роль в движении психоанализа, и ему пророчили роль преемника Фрейда. Казалось, что судьба Юнга достигла зенита: он был женат на любимой женщине, у него была большая семья, для которой он в 1908 г. выстроил дом в любимом месте (в Кузнахте). Фрейд сумел ему заменить отца и помочь залечить травмы детства, связанные с горечью разочарований отца-неудачника. Слава его стремительно росла, но во внутреннем мире все было далеко не так спокойно. Проблемы назревали и дома и на работе.

Дома место юной девушки, в которую Юнг влюбился с первого взгляда, заняла ответственная мать большого семейства. Хотя Эмма и обладала незаурядным интеллектом, у нее оставалось очень мало времени для изучения работ мужа, и

она со временем отходила на задний план в жизни Юнга. Стараясь разобраться в возникавших проблемах, Юнг говорил Фрейду, что они не имели отношения к сексуальности, а скорее отражали социологические проблемы.⁹⁸ Несмотря на то, что в 1909 г. Юнг провел с Эммой работу по психоанализу, и, несмотря на то, что с годами она стала коллегой мужа по психоанализу, волшебство прежней любви было безвозвратно утеряно. Взаимоуважение, дружба и сотрудничество в этой чете выдержало испытание временем до самой смерти Эммы в 1955 г., но романтическая влюбленность Юнга перешла уже к другой юной женщине. Возможно, для Юнга его анима всегда оставалась юной девушкой, любившей его и не угрожавшей разрушить идиллию возможными детьми.

Юнг всегда ревностно охранял секреты своей личной жизни. Но, тем не менее, несколько его любовных драм получили широкую огласку. Одной из причин тому послужило то, что с самого начала существования его частной практики образовался быстро растущий круг так называемых «дам Юнга». Эти женщины глубоко привязались к своему аналитику, вплоть до того, что некоторые из них влюблялись в него. Особо шумевшими стали отношения Юнга с пациенткой и ученицей Сабиной Шпильрейн. Считается, что в 1909 г. Юнг еще не подозревал о существовании так называемого «любовного переноса» («transference») – побочного явления аналитической работы, при котором возникает иллюзия влюбленности пациента и аналитика. Сегодня техники предотвращения таких «кажущихся» романов уже хорошо изучены, но Юнгу приходилось испытывать их на себе, и он сумел немедленно прервать все отношения в тот момент, когда Сабина сказала, что захотела родить от него ребенка.

Взаимоотношения другого рода, продлившиеся более сорока лет, связывали Юнга с Тони (Антонией) Вольф, дочерью богатого цюрихского предпринимателя. Она пришла к Юнгу в качестве пациентки в 1910 г, когда ей исполнился 21 год. Замкнутая вдумчивая девушка обладала незаурядным интеллектом, наклонностями к философии и глубоко развитым религиозным чувством. К тому же она писала стихи, которые так нравились Юнгу, что он их считал достойными Гете.⁹⁹ Благодаря Тони, Юнг открыл для себя существование двух типов женщин. Один тип относился к «Жене и Матери», видевшей цель жизни в своих детях, а второй тип относился к женщинам, увлекавшимся интеллектуальными занятиями, вдохновляя в мужчине его творческое начало. По всей видимости, Тони стала для Юнга его «Музой», с помощью своего медиумизма вдохновив его на создание теории анимы. Тони, умевшая сохранять вечную юность, стала как бы дополнительным членом семьи Юнга, постоянно обедавшим за их семейным воскресным столом. Для Юнга Тони навсегда осталась его «Гетерой» (спутницей мужчины) и его «Медиумом» (посредником между сознательным и бессознательным). Эмме досталась роль «Жены и Матери», сопряженная с рождением детей.

Появление Тони в жизни Юнга сопровождалось глубоким шоком: считалось, что встреча с ней разбила его веру в моногамию. Но, может быть, проблема не была ни в различных типах женщин, ни в моногамии? Ведь до рождения детей и Эмма справлялась с функциями «Музы». Может быть, проблемы Юнга были связаны как с его отношениями к детям, так и к христианской морали, предписыва-

вавшей супружеским парам иметь детей? Тот факт, что Юнг сумел освободиться от чувств к Сабине в результате ее желания родить детей, может пролить свет и на его проблемы с Эммой. Отношение Юнга к детям было не простым. Он больше всего нуждался в спокойствии и медитации. Дети мешали ему. Как правило, детям вход в его кабинет категорически воспрещался, и он часто раздраженно кричал на них. Вторая дочь Юнга, Грета, вспоминала, что иногда ей казалось, будто он вообще сожалел о ее появлении на свет.¹⁰⁰ Есть еще одно немаловажное свидетельство о том, что Юнг не очень был рад стать отцом. В 1910 г., после рождения четвертой дочери, Марианны, он признавался Фрейд: «стараешься, с малой уверенностью, прибегать к всевозможным уловкам, чтобы остановить прибой этого неустанного, с позволения сказать, благословения. Перебиваешься еле-еле, так сказать, от одной менструации к другой...».¹⁰¹

Но какими бы не были отношения Юнга с женщинами, было бы неверным характеризовать его как «донжуана» или как неверного мужа. Истинную подоплеку отношений между Юнгом и Тони никогда не удастся установить, так как Юнг никогда не разглашал свои чувства к ней, а после ее смерти он уничтожил всю их переписку. Брум описывал отношение Юнга к женщинам как очень идеалистическое и романтическое. Он считал, что портрет Юнга – это картина человека, сидящего в уединенном месте на берегу озера, своим глубоким голосом цитируя что-то своей спутнице и глядя на нее, как на молоденькую девочку, в которую он только что влюбился.¹⁰² Это описание поразительно перекликается с автобиографическими строфами Мачадо: «Великим соблазнителем я не был, не был и любовником Джульетты;/ – мои несуразные одежды покажут это без труда – / но уготованную для меня стрелу Купидона я получил,/ и я любил всегда, когда женщина находила свой дом во мне».¹⁰³

«Несуразные одежды»... Юнг выглядел как швейцарский крестьянин, в своих выцветших голубых одеждах из грубой ткани и простых сандалиях; Мачадо было легко заметить по его знаменитому потертому кастильскому плащу.

«Я любил всегда, когда женщина находила свой дом во мне», – возможно, сам Юнг не мог бы отыскать более точных слов для описания своих взаимоотношений с женщинами-пациентками, искавшими в его сердце убежище и защиту от проблем внешнего мира. По крайней мере, для Тони Вольф Юнг не стал любовником в привычном смысле этого слова. Семья Юнга стала ее домом, а в его понимающем сердце она нашла ключи к душевной стабильности и к творческим способностям.

Хотя во время кризиса Юнга никто из его «женских» личностей не умер, его переживания мало отличались от страданий Мачадо. Одной из причин тому было то, что разрушилась система моральных ценностей Юнга. С одной стороны, он обнаружил, что не в силах жить по христианским нормам морали, проповедуемых его отцом. С другой стороны, он понял, что не умеет быть отцом. Боль, причиненная «смертью» идеала женщины Юнга была почти такой же сильной как боль Мачадо от реальной смерти жены.

Примечательно, что Мачадо влекло к юной хрупкой девочке, неспособной родить детей. Его любовь к Леоноре была скорее восхищением и сочувствием, чем страстью. Его стихи, посвященные жене, были написаны лишь после ее смерти. При-

мечательно также, что общепринятый образ безутешного вдовца, хранившего верность первой любви, не соответствовал действительности. Сердце Мачадо было открыто, по крайней мере, еще одной большой любви. С 1927 г. он был увлечен молодой замужней женщиной. Ей было суждено войти в историю испанской литературы под таинственным именем Гиомар. Мачадо хранил эту любовь в большом секрете, тщательно скрывая любые подробности, способные выдать свою возлюбленную. Первые биографы Мачадо (например, Перез Ферреро) даже полагали, что Гиомар не существовала. Но впоследствии, исследователям удалось установить, что «Музой» Мачадо стала замужняя женщина, Пилар де Вальдеррама, бывшая в два раза младше поэта.¹⁰⁴ Гиомар была очень умна и образована; ее интересовала философия, и она писала стихи. Как и в случае Юнга, из соображений морали и этики, для внешнего мира Гиомар никогда не стала любовницей поэта, оставаясь лишь его «Музой», «Гетерой», принесшей финальный расцвет его зрелой поэзии. Как и в случае Юнга и Тони, любовь Пилар и Мачадо была «запретным» плодом, и подобно Тони, Пилар никогда не могла изменить суть их отношений, приведя в них детей.

Кризис Мачадо был вызван не только смертью Леоноры. Из-за ее длительной болезни он потерял как стипендию в Париже, так и возможность преподавать философию. Кризис Юнга не был вызван одними лишь проблемами, связанными с сутью его анимы, но и с неожиданными заторами в его работе. Частично из-за усталости, а частично из-за возрастающих разногласий с Блейлером, Юнг вынужден был покинуть клинику в 1909 г. Он открыл свою частную практику, продолжая преподавать в университете. С 1910 г. по 1913 г. Юнг много энергии отдавал работе с Фрейдом, став первым президентом Международной Ассоциации Психоаналитиков. Но различия во взглядах и в характерах прервали это сотрудничество в 1913 г. Для Юнга Фрейд стал почти родным отцом, и боль от разрыва с ним была невыносимой. После разрыва отношений Юнг ощутил потерянность: неожиданно высвободилось много времени, не нужно было редактировать статьи и заниматься обязанностями президента. Куда-то пропали пациенты, и к тому же, он уволился из университета. Юнг почти дошел до сумасшествия; как будто бы вся его жизнь зашла в тупик. Однажды, в декабре 1913 г., когда он не сумел понять свой сон, ему вспомнилось, что заряженный револьвер лежал в спальне в одном из ящиков ночной тумбочки. Неожиданно возникло острое ощущение: если у него не получится разобраться со сном, он должен будет застрелиться.¹⁰⁵

Биографам Мачадо было ясно, что он хотел уйти из жизни в результате смерти жены. Но почему в это же время все сны Юнга были связаны с трупами, или с мертвыми или умирающими? Некоторые отнесут это к «кризису переходного периода среднего возраста», но не все же люди так тяжело переносят этот кризис! Некоторые отнесут этот кризис Юнга к тяжелой утрате «образа отца», но только немногие думали бы о самоубийстве из-за разрыва отношений с учителем. Астрологи, наверно, отнесутся к длительному проходу Нептуна над Солнцем, указывая на тяжелый период одиночества и необходимости пересмотреть жизненные цели и ценности. Но далеко не каждый переносит так тяжело этот период, как это произошло у Юнга.

Для нас важно то, что в период симульганного кризиса переживания Юнга во многом перекликались со страданиями Мачадо. Подобно Мачадо, Юнг размыш-

лял о самоубийстве, и подобно Мачадо, он решил, что для трансформации психики ему требуется полное одиночество. Вскоре он нашел разгадку своим снам в том, что приписал их проявлению своей «тени» – бессознательной части личности спящего. Казалось, что Юнг всерьез принял советы своего селестиального близнеца: «Ищи двойника, человеке,/чтобы всюду ходил за тобой/и во всем бы тебе перечил». ¹⁰⁶ Юнг начал поиск своей тени. В период длительной конфронтации с бессознательным, он снисходил до самых глубин своих снов, находя там их демонов. Он убеждал себя, что ему нельзя предлагать никаких методов своим пациентам, пока он не опробовал их на себе. Болезненный самоанализ приводил к страху утери контроля над собой, и даже сумасшествия. Росло сопротивление дальнейшим попыткам работы над собой. Только понимание того, что его пациентам придется столкнуться с похожими страхами, заставляло его преодолевать сомнения. Этот тяжелый процесс трансформации Юнга можно было описать словами Мачадо: «И он познал, что жизнь соткана из боли и из жажды./И он познал сочувствие к охотнику и к дичи,/ к жертве и к вору,/к птице, напуганной ястребом,/и к хищному ястребу.... И демон его снов открыл ему волшебный сад прошлого...» ¹⁰⁷

Волшебный сад Юнга открылся, и там он нашел «образ мудрого старика» в самом себе, в лице духовного гида, Филемона, обучавшего его универсальным истинам. Первые признаки выздоровления Юнга появились в 1916г, но кризис миновал лишь в 1919 г. Он вышел из добровольного затворничества с полным набором новых духовных ценностей и с большим запасом новых идей для своих исследований, развившихся впоследствии в работы по сравнениям религий, по гностицизму, мифологии и алхимии.

Одним из наиболее значительных выводов Юнга после длительного кризиса стало его понимание того, что ему необходимы были периоды уединения. В результате, одним прекрасным днем 1920 г. он направился в Алжир, чувствуя себя свободным от семьи, жены, любовницы и пациентов. Пустыня Сахара манила и пугала его одиночеством и ощущением утери чувства времени. Казалось, что время там даже двигалось вспять. Уже не первый раз в жизни Юнг опасался потеряться во времени. Его первые воспоминания, связанные со страхом оказаться в плену у прошлого, относились к тому периоду, когда в сорок лет он вернулся к камню, на котором любил сидеть и размышлять в детстве. Неожиданно Юнг, уже взрослый человек и отец семейства, заново ощутил себя ребенком: «Это пугало, потому что мир моего детства, в который я вновь погрузился, был *вечным*, а я удалялся от него, попадая во время, катившееся все далее и далее от него. Притяжение того мира было настолько сильным, что мне пришлось с силой оторвать себя от этого места, для того, чтобы не потерять моей связи с будущим! Я никогда не позабыл этот момент, потому что в минуту озарения он осветил элементы вечности в моем детстве». ¹⁰⁸

В то время как Юнг был поражен встречей со своим образом ребенка во вневременном пространстве, Мачадо написал похожие стихи о встрече с собственным «Я-ребенком»: «С началом весны сегодня,/мне снилось, что маленькая фигурка следовала за мною/ как мягкая тень. Это было/ мое тело, в детстве, перепрыгивающее/ через три ступеньки.»... «Ты со мной, мой мальчик?/ – С тобою, старик». ¹⁰⁹

После возвращения из Сахары Юнг начал искать себе уединенное место, где бы он мог предаваться размышлениям. Такое место нашлось в Боллингене, где он и выстроил собственноручно свою башню. С начала двадцатых годов Юнг №1 проводил время с женой и с детьми в семейном доме в Кузнахте, а Юнг №2 удалялся на конец недели в Боллинген, приглашая туда иногда и Тони.

В это же время Мачадо делил свое время между Сеговией и Мадридом. В Сеговии он оставался замкнутым учителем; в Мадриде он принимал участие в литературной жизни города, засиживаясь с братом в кафе. В 1927 г. слава Мачадо стала настолько велика, что его избрали членом испанской Королевской Академии. Его поэзия того периода была наполнена философскими притчами и парадоксами. Создание второй испанской республики в 1931 г. способствовало дальнейшей карьере Мачадо: он стал профессором испанской литературы в университете Мадрида, хотя всю свою энергию он вкладывал в новую книгу, «Хуан де Майрена», вышедшую в 1936 г.

По мере усложнения политической ситуации в Испании, Мачадо как убежденный либерал, стал писать статьи в защиту свободы. Вдруг куда-то исчез медлительный философ, и Испания увидела борца за демократию, писавшего пламенные воззвания и выступавшего с трибун многолюдных митингов. Во времена разбушевавшихся страстей его слова сохраняли возвышенный благородный стиль, лишенный и следа демагогии и ненависти. Он был готов защищать демократию до конца, и ее поражение сделало его жизнь нестерпимой. С приходом Франко Мачадо бежал в Валенсию, а оттуда пешком продолжал бегство к границе с Францией. Он брел, не замечая холода, по замерзшим зимним дорогам пограничной полосы. Его легкие не выдержали, и через три недели после прибытия во Францию он скончался от пневмонии. Его смерть была драматичной и неожиданной.

Мачадо всегда много размышлял о смерти. Хименез как-то сказал о нем, что «даже ребенком он искал смерти, мертвых и разложения...».¹¹⁰ В поэме «Поэт и смерть» он сравнивал смерть с невестой, с которой ему бы хотелось остаться наедине. Мачадо, веривший, что все надо делать хорошо: работать хорошо, думать хорошо и умирать хорошо, описал правильную смерть в «Смерти Абеля Мартина», когда уходящий из жизни мудрец:

Потом – уже безмолвный –
поднес бокал к губам похолодевшим,
глубокой тьмой – такой глубокой! – полный.¹¹¹

Юнга влекло к смерти, по крайней мере, с возраста четырех лет. Обычно он говорил о смерти как о священном союзе, приводя пример святого раввина Шимона бар Йохая, чью свадьбу через день после его смерти праздновали в мире ином.¹¹² В тот последний день, когда уставший от жизни 85-летний Юнг собрался покинуть этот мир, лежа на постели в собственном доме, он обратился с последними словами к своему верному другу и помощнице Рут Бейли: «Давайте выпьем по-настоящему хорошего вина этой ночью».¹¹³ По его просьбе она отправилась в винный погреб, а, когда она вернулась, Юнг уже, подобно Абелью Мартину, испил свой бокал, «глубокой тьмою полный».

Хотя Юнг и дожил до старости, первой встречей со смертью стала его клиническая смерть во время второй мировой войны. По его словам, все последующие годы стали для него чудесным подарком.

Тридцатые годы принесли Юнгу новый расцвет. Он разработал новые методы анализа, а в 1932 г. он был награжден Цюрихской премией в области литературы. С 1933 г. он стал профессором психологии в университете Цюриха. Но этот взлет был быстро остановлен политическими событиями в мире. Юнг обычно сторонился политики, но начало войны, вызывавшее в нем апокалиптические предчувствия, заставило его изменить свои привычки. В свои 60 лет он уже был слишком стар для мобилизации в армию, но он чувствовал в себе силы окунуться с головой в политику и баллотироваться на выборах в Швейцарскую Национальную Ассамблею. Когда Юнгу показалось, что немцы могут напасть в любую минуту, он с ужасным чувством, что «ночь спустилась над Европой», бежал из Цюриха в горы возле Саанена.

Начиная с 1939 г., Юнгом вдруг овладело чувство старости и ненужности (результат опасного 63-летнего возраста Мачадо-Майрены?). Сердце стало пошаливать, и участились приступы депрессии. В феврале 1944 г. во время одной из длительных прогулок (Юнг и Мачадо очень любили подолгу ходить), он поскользнулся на снегу и сломал бедро. Юнга лечили в госпитале Цюриха, и его состояние не вызывало особых опасений. Но вдруг появились тромбы в легких и в сердце. На протяжении трех недель Юнг находился на грани смерти. Пока его жизнь висела на волоске, к нему стали приходить видения из другого мира. Он видел себя высоко, в открытом космосе, глядя вниз на Землю и радуясь ее прекрасному голубому цвету. Потом неожиданно он заметил, как его доктор «был направлен» к нему с Земли с просьбой о немедленном возвращении. Юнг возвратился с неохотой, но его доктор скоропостижно скончался, как будто его жизнь была отдана в обмен на жизнь Юнга.

Сцена болезни и клинической смерти Юнга напоминала финальную сцену смерти Мачадо. Холодный февраль, зимние дороги, подавленность, неожиданные проблемы с легкими, три недели болезни. Один селестиальный близнец покинул этот мир, второй – чудом вернулся. Юнг поправлялся очень медленно, и в 1945 г. он писал другу: «ангел смерти нанес мне свой удар, почти преуспев в своей миссии». Он «практически остался инвалидом с тех пор».¹¹⁴ Оставшиеся годы Юнг посвятил писанию книг, сохраняя до конца дней своих любовь к простым вещам: к пейзажам Швейцарии и к деревенской жизни на открытом воздухе.

Подходит к концу диалог между идеями этих выдающихся «странников в океанах снов». Биографы привыкли называть их жизни «несобытийными», с легкостью принимая терминологию Юнга и Мачадо. Но такой взгляд выглядит несколько поверхностным. Многие бы позавидовали приключениям Юнга в его поездках по Африке, Америке и Индии. Многим бы хотелось почувствовать вкус божественной жизни Мачадо в Париже. Другие бы позавидовали их дружбе с Фрейдом или с Оскаром Уайльдом, их большой любви и их успехам. Тот факт, что оба селестиальных близнеца придавали большее значение своей внутренней жизни, чем успехам во внешнем мире, еще не делает их жизни скучными. Наоборот,

кажется, что наличие многих уровней восприятия обогащает жизнь, делая ее даже более захватывающей, чем большинство так называемых «событийных» судеб.

С точки зрения Θ-факторного анализа эти жизни особенно интересны тем, что они требуют сравнения на многих уровнях. Приходится сравнивать их поступки, мысли, сны, видения, медитации, общение с высшими мирами духовных гидов и с низшими мирами демонов. Было найдено много параллелей, начиная с внешнего сходства (оба были очень рослыми и крепкими), и с общих вкусов (оба ходили в необычайно простых потрепанных одеждах). Параллели проходили через их задумчивое детство и через всемирную славу; через желание покончить с собой и через решение провести алхимическую трансформацию собственного сердца; через встречи с демонами их снов и через благословенное ощущение присутствия милости Божьей. А теперь дадим этим селестиальным близнецам самим высказаться о своей жизни:

«В глубине души мы никогда не знаем, как это все началось. История жизни начинается где-то, в той особенной точке, которую мы помним, да и тогда она уже была достаточно сложна. Мы не знаем, как жизнь повернется. Поэтому у истории нет начала, да и конец может лишь быть угадан в тумане». ¹¹⁵(Юнг)

«Я не хочу указывать путь другим людям, потому что я знаю, что мой путь был указан мне рукой, которую постичь было бы выше моих возможностей... Я только стараюсь стать подходящим проводником и не чувствую в себе никакого величия». ¹¹⁶(Юнг)

В наших душах все
Направляется таинственной рукой. ¹¹⁷
(Мачадо)

Помни, путник, твоя дорога
только след за твоей спиной.
Путник, нет впереди дороги
Ты торишь ее целиной.

....
Путник, в море дороги нету,
только пенный след за кормой. ¹¹⁸
(Мачадо)

Я не мечтал, чтобы мне досталась
большая слава и врезалась
в людскую память песнь моя;
люблю все то, что бестелесно,
и невесомо и прелестно,
как мыльных пузырей семья. ¹¹⁹
(Мачадо)

Эти селестиальные близнецы напоминают нам разноцветные мыльные пузыри, летящие над серым небосводом человечества. Как и пузыри, они могут менять цвета и форму, но они всегда остаются все теми же мыльными пузырями – мечтателями, поэтами, отражавшими общественное бессознательное.

Θ-факторные и астрологические комментарии

Людей не перестает волновать вопрос, почему мы становимся такими, как мы есть, и они неустанно ищут «объяснений» (или, вернее, «оправданий») того или иного поведения. Например, широко принято объяснять как преданность Мачадо идеям республики, так и его отрицательное отношение к католической церкви, привычными факторами наследственности и влияния окружающей среды. Ведь это же очевидно, говорят биографы, что отец Мачадо был атеистом, а сам Антонио воспитывался в либеральной школе. Все было бы хорошо, но... Мануэль Мачадо был всего лишь на год старше Антонио. У братьев были те же родители, оба воспитывались вместе, в том же самом либеральном окружении, и они одновременно поступили в Институт свободного просвещения. Оба брата стали популярными писателями и поэтами, и оба были вхожи в литературные круги Мадрида и Парижа. Братья очень любили друг друга, и даже написали совместно несколько пьес. Но, несмотря на эту близость, по характеру и мировоззрению своему они были различными. В то время как Мануэль любил роскошь и богатство, Антонио предпочитал аскетизм, скромность и простоту. Мануэль пошел против семейных традиций, поддерживая сначала церковь, а потом и Франко. В некоторой степени, история братьев Мачадо, оказавшихся в разных лагерях во время гражданской войны, символизировала как трагедию Испании, так и извечную проблему Каина и Авеля.

В то же самое время, вдали от Испании, жил другой человек, родившийся в семье швейцарского священника, но разделявший целиком мировоззрение Антонио Мачадо. Простой и скромный образ жизни, пренебрежение к роскоши, самозабвенный поиск истины, готовность отстаивать права демократии и воевать против фашизма – все эти ценности объединяли селестиальных близнецов и отличали их от Мануэля Мачадо. В этом случае можно сказать, что влияние общего Θ-фактора проявлялось сильнее, чем влияние генов или воспитания.

Более того, сходство идей и судеб Юнга и Мачадо ставит под вопрос правомерность бытующего представления о поэзии Мачадо как об «олицетворении испанской души» или работ Юнга как о «воплощении швейцарских традиций». Рожденные в Испании и в Швейцарии, в католичестве или в протестантстве, каждый из них независимо друг от друга сумел расслышать в себе голос «Высшего Я» и откликнуться на его призыв стать проводниками «милости Божьей» на Земле. Оба они непосредственно воспринимали Божественное проявление, и этот внутренний голос был лишен какой-либо национальности. Они писали на разных языках, но передавали миру то же самое универсальное послание.

Жизни Юнга и Мачадо могут послужить интересной иллюстрацией к общему описанию свойств Льва, приведенному Хикки. Принято считать, что Львы склонны к самопознанию, но будут ли они конструктивными людьми или саморазрушительными, зависит от того, кому они позволят править собой – «их эго или Высшему Я». ¹²⁰ По этой причине, согласно Хикки, им важно научиться «подчинять себе неподвластные им силы» своей души. Если они отдадут бразды правления эго, то могут стать эгоистичными, заносчивыми или помпезными. Если они предпочитают служить «Высшему Я», то у них развиваются способности служить высшим силам,

проявляя честность, порядочность и уважение к самому себе. Ключевым словом Львов является «Я хочу»; основной проблемой для них становится выбор, чьи желания они будут исполнять – желания эго или же желания Высшего Я (т.е. Бога).

Описания Хикки как нельзя лучше представляют комплексную структуру сложных душ Юнга и Мачадо. Их так называемые многочисленные личности могут рассматриваться как воплощения «неподвластных им сил», когда Юнг №2 и Хуан де Майрена – это голоса «Высших Я» Юнга и Мачадо. Далее, девиз Львов «Я хочу» стал центральной темой в жизни Юнга и Мачадо. Оба они независимо пришли к выводу, что были только «сосудами», только «проводниками» Божьей воли. По словам Мачадо, поэтом можно стать только по милости Божьей; по словам Юнга: «ничто не имеет значения, кроме исполнения Его (Божьей) воли, а все прочее – это безумие и безрассудство».¹²¹

Глядя на жизни Мачадо и Юнга, можно согласиться, что они старались исполнить основную жизненную цель Льва – дать миру чуткое сердце. Приведем здесь коротенькую историю, рассказанную Эренбургом, и соответствующую философским притчам Хуана де Майрены. Во время войны Эренбург спасался бегством из захваченной Европы. Все свои вещи писатель оставил либо в Испании, либо в горящем Париже. Он потерял почти все, но в кармане у самого сердца он пронес домой маленький томик Мачадо с посвящением автора.¹²² Было ли это потому, что Мачадо был истинным Львом? По крайней мере, согласно дочери Юнга, Грете Юнг-Бауман, Юнг был вынужден стать исследователем скрытых глубин человеческой души, в силу своего солнечного знака Льва и в силу положения звезд в момент его рождения.¹²³

Эта история демонстрирует также контрасты между различными парами поэтов – сестриальных близнецов. Милош и Волошин, родившиеся в Близнецах, думали, что они видели Бога непосредственно внутри себя, и они стремились стать со-творцами божественных слов. Крейн и Хемингуэй, рожденные в Раке, поклонялись эйфории чувств, стараясь пробудить подобные чувства и в других. Юнг и Мачадо, рожденные во Льве, вели диалог с Богом, с демонами, со временем и с коллективным бессознательным. Три пары поэтов, три разных Θ -фактора, три мировоззрения, три типа судьбы.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 26 июля 1875 г.
Имена в честь дедушек	Оба были названы в честь дедов по отцовской линии: профессора Карла Густава Юнга и профессора Антонио Мачадо Нунеса.
Образ отца	Оба отца вынуждены были оставить любимую карьеру и жить в очень стесненных обстоятельствах. Оба сына получили от отцов избыточную дозу религиозных и моральных доктрин.
Образ матери	Согласно Юнгу и Мачадо, оба были обязаны своими интуитивными способностями матерям.

Селестиальные близнецы

Раннее образование	В детстве оба считались мечтательными и медлительными «тугодумами».
Экстравертный период	После преждевременной смерти отцов (1893 г. и 1896 г.) оба должны были содержать свои семьи, и оба стали общительнее и импульсивнее, чем прежде.
1899 г.	Мачадо начал писать первые стихи о снах, Юнг решил изучать психиатрию.
1902 г.	Мачадо опубликовал «Одиночества»; Юнг опубликовал диссертацию. Оба посетили Париж.
Первая любовь	Оба влюбились в 15-летних девочек. В обоих случаях первая любовь переросла в женитьбу.
1905 г.	Юнг начал читать лекции в университете; Мачадо начал преподавать в гимназии.
1907 г.	Репутация Мачадо утвердилась после публикации книги «Одиночества, галереи и другие стихотворения»; Юнг приобрел известность после публикации ряда статей об ассоциациях.
Мысли о самоубийстве	В 1912 г. Мачадо после смерти жены хотел покончить с собой; в 1913 г. Юнг тяжело переживал как разрыв с Фрейдом, так и семейный кризис. Он замыслил самоубийство.
1912–19 гг.	Годы кризиса и «духовного перерождения».
Вторая любовь	Вторыми возлюбленными обоих селестиальных близнецов стали юные поэтессы, вдохновлявшие творческие способности Юнга и Мачадо. В обоих случаях эта любовь оставалась «запретным плодом», и, возможно, носила платонический характер.
Признание	С 1927 г. Мачадо стал членом Королевской Академии, и с 1931 г. – профессором испанской литературы. Юнг получил Цюрихскую премию по литературе в 1931 г. и стал профессором психологии в 1932 г.
Политическая активность	Оба испытывали апокалиптические предчувствия перед началом второй мировой войны и печатали пламенные статьи в прессе.
1939 г.	Неожиданное ощущение старости и слабости
Бегство	Мачадо бежал от Франко во Францию; Юнг бежал в горы, опасаясь немецкого вторжения.
Интерес к смерти	Оба связывали представление смерти со свадебным ритуалом в мире ином.
Простой образ жизни	Обоих привлекала простота жизни в деревне или в провинции. Оба носили простую одежду и старались держаться подальше от блестящей роскоши.
Исполнение Божьей воли	Оба видели себя лишь сосудами и проводниками для исполнения Божьей воли.

Любовь к несобытийному Оба жили интересами внутреннего мира. Внешний мир играл в их жизни очень малую роль.

Сноски:

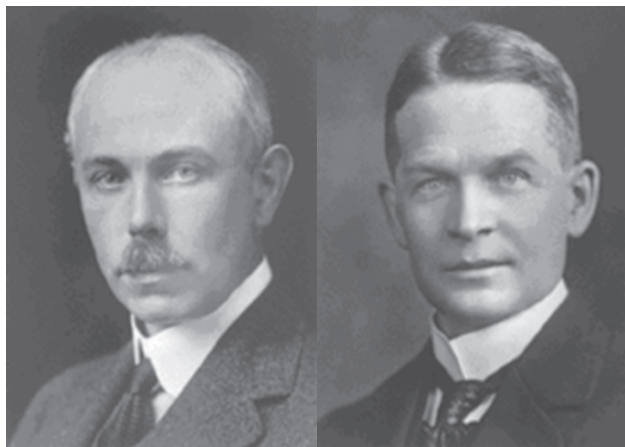
- ¹ Н.Г. Чернышевский родился в знаке Льва.
- ² Gerhard Wehr, Jung. A Biography, Boston, Shambala, 1988, p. 1 (Далее – Wehr).
- ³ C. G. Jung, Memories, Dreams Reflections, ed. Aniela Jaff, New York, Pantheon Books, 1963, p. 5. (Далее – MDR).
- ⁴ Antonio Machado, Selected Poems of Antonio Machado, tr. Betty Jean Craige, London, Louisiana State University Press, 1978, p. 61 (Далее – Selected Poems).
- ⁵ Segundo Serrano Poncela in Antonio Machado, Juan de Mairena, tr. Ben Belitt, Berkeley, University of California Press, 1963, p. VII (Далее – Juan de Mairena).
- ⁶ Juan de Mairena, p. 78.
- ⁷ Juan de Mairena, p. 2.
- ⁸ Juan de Mairena, p. 68.
- ⁹ Segundo Serrano Poncela in Juan de Mairena, p. IX.
- ¹⁰ MDR, p. XII.
- ¹¹ Columbia Dictionary of Modern European Literature, ed. Smith, Horatio, New York, Columbia University Press, 1963.
- ¹² Carl W. Cobb, Antonio Machado in Dictionary of Literary Biography, vol. 108, pp. 223–252, p. 229. (Далее – DLB-108).
- ¹³ Antonio Machado, Times Alone, tr. Robert Bly, Middletown, Conn., Wesleyan University Press, 1983, p. 6 (Далее – Times Alone).
- ¹⁴ Columbia Dictionary of Modern European Literature, ed. Smith, Horatio, New York, Columbia University Press, 1963.
- ¹⁵ Times alone, p. 2.
- ¹⁶ Juan de Mairena, p. 21.
- ¹⁷ Selected poems, p. 51.
- ¹⁸ Wehr, p. 450.
- ¹⁹ Juan de Mairena, p. 40.
- ²⁰ Times alone, p. 124.
- ²¹ Times alone, p. 53.
- ²² Times alone, p. 69.
- ²³ Juan de Mairena, pp. 68–69.
- ²⁴ Juan de Mairena, p. 68.
- ²⁵ MDR pp. 355–356.
- ²⁶ Wehr, p. 13.
- ²⁷ MDR, p. 3.
- ²⁸ MDR, p. 91.
- ²⁹ Wehr, pp. 16–17.
- ³⁰ Wehr, p. 20.
- ³¹ MDR, p. 40.
- ³² Lundsted, p. 68.
- ³³ Robert W. Brockway, Young Carl Jung, Wilmette, Ill., Chiron Publication, 1996, p. 57 (Далее – Brockway).
- ³⁴ MDR, p. 48.
- ³⁵ MDR, p. 51.

- ³⁶ MDR, p. 49.
- ³⁷ MDR, p. 50.
- ³⁸ Антонио Мачадо, Стихи, Кишинев, «AXULZ», 1998, стр. 11 (Далее – Стихи).
- ³⁹ Juan de Mairena, p. XV.
- ⁴⁰ Vincent Brome, Jung, New York, Atheneum, 1978, p. 42 (Далее – Brome).
- ⁴¹ MDR, p. 20.
- ⁴² Стихи, стр. 241.
- ⁴³ Стихи, стр. 246.
- ⁴⁴ Brome, p. 73.
- ⁴⁵ MDR, p. 66.
- ⁴⁶ Wehr, p. 22.
- ⁴⁷ MDR, p. 48.
- ⁴⁸ C.G. Jung, The Archetypes of the Collective Unconscious, tr. R.F. Hull, London, Routledge & Keagan, 1968, p. 21.
- ⁴⁹ Brockway, p. 35.
- ⁵⁰ MDR, pp. 103–104.
- ⁵¹ Brockway, p. 67.
- ⁵² Selected poems, p. 17.
- ⁵³ Эренбург, т. 9, стр. 217. Пер. Эренбурга.
- ⁵⁴ Times Alone, p. 107.
- ⁵⁵ Стихи, стр. 240.
- ⁵⁶ Selected Poems, p. 85.
- ⁵⁷ Brockway, p. 96.
- ⁵⁸ DLB-108, p. 238.
- ⁵⁹ Juan de Mairena, p.45.
- ⁶⁰ Segundo Serrano Poncela, in Juan de Mairena, p.XI.
- ⁶¹ Segundo Serrano Poncela, in Juan de Mairena, p.XI.
- ⁶² Times alone, p. 83.
- ⁶³ В. Столбов в Антонио Мачадо, Избранное, Москва, Художественная литература, 1975, (Предисловие В. Столбова), стр. 17 (Далее – Избранное)
- ⁶⁴ MDR, p. 45.
- ⁶⁵ Brome, p. 45.
- ⁶⁶ MDR, p. 45.
- ⁶⁷ Brockway, pp. 95–96.
- ⁶⁸ Juan de Mairena, p. 47
- ⁶⁹ Juan de Mairena, p. XX.
- ⁷⁰ Brome, p. 203.
- ⁷¹ Juan de Mairena, p. XX.
- ⁷² Brome, p. 195.
- ⁷³ Brome, p. 165
- ⁷⁴ MDR, p. 184.
- ⁷⁵ Times alone, p. 111.
- ⁷⁶ Antony Stevens, On Jung, London, Routledge, 1990, p. 27.
- ⁷⁷ Norma Luise Hutman, Machado: A Dialogue with Time, The University of New Mexico Press, 1969, p. 69.
- ⁷⁸ Эренбург, т. 9, стр. 217–218.
- ⁷⁹ Gordon Brotherstone, Manuel Machado, Cambridge, University Press, 1968, p. 16 (Далее – Brotherstone).

- ⁸⁰ Brotherstone, p. 16.
⁸¹ Selected Poems, p. 51.
⁸² Selected Poems p. 51.
⁸³ Стихи, стр. 60.
⁸⁴ Times alone, p. 14.
⁸⁵ Brome, p. 62.
⁸⁶ Juan de Mairena, p. 62.
⁸⁷ Juan de Mairena, p. 62.
⁸⁸ Brome, pp. 15–20.
⁸⁹ Стихи, стр. 215.
⁹⁰ Wehr, p. 63.
⁹¹ Стихи, стр. 30.
⁹² DLB-108, p. 232.
⁹³ Times alone, p. 69.
⁹⁴ DLB-108, p. 235.
⁹⁵ Избранное, стр.8.
⁹⁶ Martin Seymour-Smith, Macmillan Guide to Modern World Literature, London, The Macmillan Press Ltd., 1985, p. 908.
⁹⁷ Brome, p. 82.
⁹⁸ Brome, p. 91.
⁹⁹ Brome, p.137.
¹⁰⁰ Brome, p. 169.
¹⁰¹ Wehr, p. 133.
¹⁰² Brome, p. 170.
¹⁰³ Times alone, p. 83.
¹⁰⁴ DLB-108, p. 235.
¹⁰⁵ Wehr, p. 180.
¹⁰⁶ Стихи, стр. 241.
¹⁰⁷ Selected poems, p. 17.
¹⁰⁸ MDR, p. 20.
¹⁰⁹ Selected poems, p. 108.
¹¹⁰ Martin Seymour-Smith, Macmillan Guide to Modern World Literature, London, The Macmillan Press Ltd., 1985, p. 1220.
¹¹¹ Стихи, стр. 309.
¹¹² Wehr, p. 253.
¹¹³ Brome, p. 273.
¹¹⁴ Brome, p. 244.
¹¹⁵ MDR, p. 4.
¹¹⁶ Wehr, epigraph.
¹¹⁷ Times alone, p. 69.
¹¹⁸ Стихи, стр. 204.
¹¹⁹ Стихи, стр. 198.
¹²⁰ Hickey, pp. 18–19.
¹²¹ MDR, p. 40.
¹²² Эренбург, т. 9, стр. 221.
¹²³ Brockway, p. 59.

ДЕВА

Современные алхимики: история жизни двух лауреатов Нобелевской премии по химии – Фрэнсиса Уильяма Астона и Фредерика Содди

Фрэнсис Астон

Фредерик Содди

Ведь себя одно и то же
По-разному дарит,
Малое с великим схоже,
Хоть и разнится на вид;
В вечных сменах сохраняясь,
Было – в прошлом, будет – днесь,
Я и сам, как мир меняясь,
К изумленью призван здесь.

И.В. Гете¹

В отличие от прошлой главы, посвященной мастерам алхимической трансформации души, в этой главе речь пойдет об алхимиках, открывших возможность превращения химических элементов. Из мистической атмосферы глубинных миров психики мы переходим в атмосферу преклонения перед могуществом окружающей нас природы. Фрэнсису Астону и Фредерику Содди, родившимся в 1877 г. (всего лишь через два года после Мачадо и Юнга), суждено было стать пионерами атомного века. Оба они были английскими химиками, чьи работы приобрели огромное значение для развития современной физики, открыв путь для промышленного получения изотопов.

Юнг и Мачадо мечтали о превращении своих сердец в «пылающие солнца», в которых бы обитал Бог. В противовес им, Астон и Содди ужаснулись, осознав, что процесс трансмутации атомов может уничтожить всю Землю и породить новую звезду, на которой люди уже не смогут обитать. В 1914 г. Содди послужил прототипом Холстена, главного героя пророческой повести Герберта Уэллса «Освобожденный мир». Открыв новый источник энергии, «Холстен уже знал, что он открыл человечеству путь – пусть еще узкий, извилистый и темный – к безграничному, неисчерпаемому могуществу». Но это открытие не принесло ему радости. Молодой ученый, с белым, как мел лицом, потерянно бродил по городу. Он «представлялся себе не человеком, а каким-то злобным духом», чувствуя «себя идиотом, преподнесшим детским яслям ящик, полный заряженных револьверов». В этих сомнениях Холстена Уэллс отразил всю глубину моральных мучений своего друга Содди, предвидящего, как его открытие приведет к взрыву атомной бомбы, сверкающей ярче тысячи солнц. Говоря в 1922 г. о возможности расщепления атома, Содди-пессимист восклицал, что: «любое научное открытие в этой области станет еще одним гвоздем, забитым в гроб человечества».² Тем не менее, Содди-оптимист продолжал мечтать о пользе для человечества, принесенной мирным использованием атомной энергии, способной «всех желающих снабдить своим личным солнцем».³

Астон, в свою очередь, стал первым ученым, публично огласившим свои страхи перед еще более разрушительными возможностями термоядерной (водородной) бомбы. Используя свой первый масс-спектрограф, в 1920 г. Астон обнаружил, что масса атома водорода на один процент превышает целое число. Он тут же представил себе, что, если четыре атома водорода соединятся в один атом гелия, то при этом произойдет аннигиляция одного процента массы и высвободится колоссальная энергия. В своей Нобелевской речи Астон предостерегал ученых от катастрофических последствий этого открытия. Сэр Базиль Шонлад писал об этом выступлении: «Астон стал первым ученым, осознавшим, что ... атомная энергия, высвобождавшаяся в виде света и тепла в процессе получения грамма гелия путем «слияния» составляющих его протонов, будет просто ошеломляющей, сравнимой по силе с энергией излучения горячих звезд. Астон предостерегал от любых бездумных попыток пытаться высвободить эту энергию. Это могло бы, говорил он, положить конец Земле, породив новое солнце. Это, действительно, было первым публичным сообщением о водородной бомбе, к счастью, еще задолго до ее появления».⁴

Астон и Содди столкнулись с пугающими последствиями своих революционных открытий. Но это не остановило их от дальнейшей публикации своих работ, потому что оба верили в необходимость открытой научной информации. Подобно Холстену Уэллсу, они пришли к выводу, что: «Начало положено.... И не мне измерить последствия, которых я сейчас не могу предвидеть. Я лишь частица, а не целое; я лишь крохотный инструмент в арсенале Перемены. Если я и сожгу все эти выкладки, не пройдет и десяти лет, как кто-нибудь другой повторит мое открытие...».

Несмотря на то, что Астон и Содди слыли убежденными индивидуалистами, каждый из них чувствовал, что где-то вдали есть еще люди, занимающиеся подобными вопросами, и что их работа была лишь частью большего замысла или проекта. Оглядываясь назад, можно убедиться в верности их ощущений. Сегодня ясно, что оба ученых, работая параллельно в различных лабораториях, сумели одновременно прийти к одинаковым ответам на похожие вопросы. Так получилось, что обоих ученых главным образом помнят за их открытие и исследование изотопов – атомов одного и того же элемента, которые отличаются друг от друга массой и физическими свойствами. Нобелевская премия по химии за 1921 г. была вручена Содди «за вклад в химию радиоактивных веществ и за проведенное им исследование природы и происхождения изотопов».⁵ Нобелевская премия по химии за 1922 г. была вручена Астону за «сделанное им с помощью им же изобретенного масс-спектрографа открытие изотопов большого числа нерадиоактивных элементов и за формулировку правила целых чисел».⁶

Нобелевская премия, вручаемая начиная с 1901 г., традиционно считается вершиной признания заслуг ученых. Содди и Астон стали соответственно девятнадцатым и двадцатым лауреатами премии по химии. При этом произошел примечательный инцидент. Хотя премия Содди была присуждена ему в 1921 г., церемония вручения была отложена на год, и таким образом, он получил ее вместе с Альбертом Эйнштейном, Нильсом Бором (лауреатами по физике за 1921 г. и 1922 г.), и... со своим селестиальным близнецом, Фрэнсисом Астоном!⁷ В биографии Астона Георг де Хевеши описывал, как в декабре 1922 г. директор Нобелевского института, выдающийся химик Сванте Аррениус с глубоким удовлетворением поздравлял эту четверку, отмечая, что: «никогда еще Нобелевская премия не вручалась группе настолько выдающихся лауреатов, в которую, кроме Астона, входили Бор, Эйнштейн и Содди».⁸

Как же случилось, что селестиальным близнецам Астону и Содди было суждено принадлежать к столь малой группе исключительно одаренных людей, и почему они пришли к своему «звездному часу» одновременно? Оказывается, что в жизни этих селестиальных близнецов происходило немало совпадений, предшествующих церемонии вручения Нобелевской премии. Наиболее поразительное совпадение произошло в сентябре 1913 г., когда судьба впервые свела Содди и Астона в качестве докладчиков на очередном заседании Британской ассоциации содействия наукам. Содди докладывал о проблеме радиоактивных элементов, а Астон – о гомогенности неона. Казалось бы, что могло быть общего между изучением легкого (атомный номер 10) инертного газа и между работой по изу-

чению тяжелых радиоактивных элементов (урана, тория и актиноидов) с атомными номерами, большими, чем 84? На первый взгляд, работы по изучению элементов, расположенных на противоположных концах периодической таблицы, не должны были быть похожими. Но именно благодаря этим работам идея о существовании химически неразличимых разновидностей атомов начала приобретать реальные очертания. Провидению было угодно, чтобы обе эти работы опровергали постулат классической атомистики XIX века, гласивший, что все атомы любого элемента неизменны и имеют один и тот же вес. Содди в докладе «Радиоэлементы и периодический закон» постулировал возможность существования химически неотделимых элементов не только в «радиоактивной», но и в других областях периодической системы: «Каждый известный элемент может быть совокупностью химически неразделимых элементов, занимающих одно и то же место в периодической системе».⁹ Астон в своем сообщении «Новая элементарная составляющая атмосферы» говорил о двух разновидностях атома неона, идентичных во всех своих свойствах, исключая атомный вес. Ему посчастливилось представить экспериментальное доказательство идей Содди, показав, что часть атомов неона имеют атомный вес 20, а часть – 22. Фактически, это был первый сигнал о явлении изотопии в области стабильных элементов. Эти селестиальные близнецы никогда не работали вместе, но их работы, по словам Астона, «шли бок о бок».¹⁰

Д.Н. Трифонов в статье «Чисто английское открытие», посвященной 125-летию Содди и Астона, писал, что понятие об изотопии уже «висело в воздухе», но, чтобы «опустить его на землю», необходимо было преодолеть определенный барьер». Говоря о людях, сумевших преодолеть этот барьер, автор удивлялся, почему «провидению угодно было», чтобы они родились почти одновременно: Астон – 1 сентября, Содди – 2 сентября 1871 г., причем оба в Юго-Восточной Англии? Чтобы понять всю поразительность такого совпадения, необходимо представить себе исключительность и необычность идей этих селестиальных близнецов. Для этого нам придется отвлечься от повествования истории их жизни, чтобы сделать краткий экскурс в историю изучения атома. Сегодняшним читателям, родившимся уже в «атомном веке» и привычным к безграничным возможностям атомной энергии, трудно представить себе мир без ядерного оружия, с одной стороны, и без атомных электростанций, с другой стороны. Сегодня, когда искусственно синтезированные изотопы повсеместно применяются в медицине, в промышленности, в археологии и в геологии, трудно понять, какой же именно «барьер» пришлось преодолеть Астону и Содди.

Слово «атом» (от греческого «а–томос», неделимый) было известно по крайней мере пятьсот лет до нашей эры, когда греческий философ Левкипп вместе со своим учеником Демокритом учили, что вещество состоит из невообразимо маленьких неделимых частиц. Но на протяжении двух тысячелетий эти атомистические идеи не пользовались большой популярностью, так как большинство ученых соглашались с Аристотелем и со средневековыми алхимиками, считавшими, что все вещество состоит из четырех элементов – земли, огня, воздуха и воды.

Учение об атомах приобрело новую жизнь лишь в начале XIX века благодаря работам Джона Дальтона, ставшего отцом современной атомной теории. Даль-

тон, родившийся в 1766 г. в Англии, был школьным учителем, занимавшимся химией в качестве хобби. В своем труде «Новая система химической философии» (1808 г.) он опубликовал теорию, согласно которой все вещество состоит из атомов. Дальтон полагал, что все атомы одного элемента идентичны и обладают одинаковыми свойствами, в то время как атомы различных элементов отличаются друг от друга, как массой, так и другими свойствами. В теории Дальтона было пять постулатов, и четыре из них остались непоколебимыми и по сей день. Только пятый постулат оказался проблематичным: постулат, утверждавший, что все атомы одного элемента должны иметь одинаковую массу.

Для Дальтона атомы были неделимыми корпускулами, подобными твердым упругим бильярдным шарам. Его точку зрения поколебал другой английский ученый, медик Уильям Праут. В результате работ Дальтона, позволивших точное измерение атомного веса, в 1815 г. Праут сделал далеко идущее предположение, что все атомы состоят из атомов водорода и что все атомные веса – это целые кратные атомного веса водорода. Положив, что атомный вес водорода $H = 1$, он получил, что любое другое вещество должно иметь вес, выражаемый целым числом. Эта гипотеза, по которой атомы водорода становились кирпичиками мироздания, была очень заманчивой, но, к сожалению, не выдерживала проверки экспериментом. В споре между идеями Дальтона и Праута временно побеждал Дальтон. Впоследствии Астон комментировал эти разногласия: «Идея о том, что частицы способны вести себя практически одинаковым образом, несмотря на то, что у них разный вес, не является ни самоочевидной, ни априори приемлемой здравым смыслом; а как рабочая гипотеза для химиков она настолько же безнадежна и неопределенна, насколько ее более простая альтернатива определена и перспективна».¹¹

Почему-то эта очевидная «бесперспективность» не остановила ни самого Астона, ни его селестиального близнеца, Содди. В 1913 г. Содди ввел понятие изотопа одного и того же элемента («изотоп» по-гречески означает «одинаковое место»). Все изотопы одного элемента занимают в периодической таблице одно и то же место, но обладают разной атомной массой. Подтверждение этой идеи о существовании атомных разновидностей «материализовал» Астон. В 1913 г. остальным специалистам все еще трудно было принять идеи Содди и Астона. Даже такие маститые ученые, как Томсон и Линдеманн, проявлявшие горячий интерес к этим исследованиям, ставили под сомнение правильность результатов эксперимента.¹² Астону пришлось потратить еще шесть лет для окончательного доказательства существования изотопов. В работе, опубликованной в 1919 г., он экспериментально подтвердил как идеи Содди, так и гипотезу Праута. В своих воспоминаниях об истории этого открытия Астон просто отмечал, что «так уж случилось, что на очередном заседании Британской ассоциации содействия наукам в 1913 г. два доклада зачитывались одновременно в разных секциях».¹³ Это поразительное совпадение, удивившее Астона, так же как и ряд совпадений в жизни Содди и Астона, поражавших исследователей истории науки, нам видится как длинная цепь многих параллелей и совпадений в жизни этих селестиальных близнецов, которую можно объяснить лишь существованием общего Θ – фактора.

В то время как изотопы – это различные атомы, занимающие одинаковое место в периодической таблице, открыватели изотопов – это разные люди, занявшие одинаковое место в коллективном сознании человечества. Научные работы Астона и Содди настолько же сливаются по своему содержанию, насколько их времена рождения сливаются во времени. Ученым потребовалось затратить много усилий для того, чтобы выделить различные изотопы одного и того же элемента; для историков научных идей практически невозможно описать вклад в науку одного из этих сестриальных близнецов, не упоминая другого. Типичным примером такого переплетения имен может послужить фраза из книги Брока «From Protyle to Proton»: «К началу 1930-ых, главным образом благодаря работам Астона, гипотеза Праута о том, что все атомы состоят из малого числа строительных кирпичиков, стала, по словам Содди, «краеугольным камнем теорий о строении вещества»». ¹⁴ Открытия Астона и Содди настолько стали важны для современной науки, что, характеризуя их значение, Седербаум сказал на вручении Нобелевской премии Астону, что благодаря им «загадка, свыше ста лет занимавшая умы химиков, наконец разгадана и тысячелетиями волновавшее человечество предположение подтвердилось». ¹⁵

Примечательно, что Астон и Содди родились под знаком Девы, девиз которой: «Я анализирую». Случайно ли именно на их долю выпало заниматься структурным анализом вещества? (Заметим, что и Джон Дальтон, родившийся 6 сентября 1766 г., тоже был Девой).

В книге «From Protyle to Proton» глава об Астоне и Содди озаглавлена «Идентичные снаружи, различные внутри». Очевидно, автор имел в виду характеристику изотопов, но это заглавие может символически отражать как свойства людей, открывших их, так и свойства сестриальных близнецов в целом. Сегодня здравому смыслу тяжело свыкнуться с идеей, что люди могут обладать различными качествами, но, тем не менее, разделять общую судьбу. Астон и Содди были «различными внутри», но их личности, судьбы и вклад в науку были настолько похожи, что иногда кажется, будто они были «идентичными снаружи», как два изотопа того же элемента.

Астон и Содди считались индивидуалистами, и они никогда не делились своими эмоциями и чувствами. Их биографии сводятся либо к изложению их научных взглядов, либо к описанию их многочисленных хобби. Сравнительные биографии этих ученых не занимаются ни такими тонкими материями, как чувства (ср. с Хемингуэем и Крейном), ни мистическими темами снов и раздвоения личности (ср. с Юнгом и Мачадо). В отличие от Брэгга и Додсона, Астон и Содди никогда не организовывали ни научных школ, ни институтов, принадлежа к редкой категории ученых-одиночек, не оставивших после себя учеников и последователей. Подобно Милошу и Волошину (тоже родившимся в 1877г), Содди и Астон с даром пророков предсказывали будущие опасности, связанные с дальнейшим прогрессом атомной физики. Но в отличие от пары поэтов, видевших свою миссию в усилении Любви как противовеса быстрого темпа развития естественных наук, пара ученых всем сердцем оставалась преданной научной работе. В то время как Асторы посвящали себя изучению свойств материального мира

путем накопления средств и владений, Астон и Содди изучали материальный мир путем его дезинтеграции, синтеза и превращений.

В 1941 г. Астон подводил итоги своей работы в книге «Изотопы»: «Все элементы к настоящему времени уже *проанализированы*, и своей главной целью в написании этой книги я вижу необходимость рассказать, как это было сделано».¹⁶ Нам предстоит *проанализировать* как научные карьеры Астона и Содди, так и те странные «случайные» обстоятельства, которые привели обоих к одинаковым проблемам и к одинаковым результатам.

Фрэнсис Уильям Астон и Фредерик Содди родились, соответственно, 1 и 2 сентября 1877 г.

Ни в семье Астона, ни в семье Содди не отмечалось особого интереса к наукам. Оба отца семейства занимались торговлей: Бенджамин Содди был небогатым хлеботорговцем в Истборне, а Уильям Астон был фермером и торговцем скобяными изделиями в Харборне, близ Бирмингема. В обеих семьях было семеро детей (Содди был седьмым ребенком в семье, а Астон родился третьим по счету). Эти селестиальные близнецы пришли в наш мир в конце 1870-ых годов, когда в Британии науке все еще отводилась незавидная роль бедной Золушки, сводной сестры теологии и философии. Уровень научного образования оставался крайне низким; у выпускников университетов были ограниченные возможности в выборе научной карьеры, и никакому родителю не хотелось бы пожелать своему ребенку посвятить свою жизнь научным исследованиям. Это плачевное положение британских ученых было описано в отчете девонширской комиссии: «Общепризнанно, что наука не признается и не оплачивается государством так, как ей полагается, и, главным образом, вследствие этого, нет карьеры для ученых, так что и родители, и учителя оправданно избегают ее».¹⁷

В «Сплетенье судеб» мы уже столкнулись с типичными стандартами образования и со спортивной анти-интеллектуальной атмосферой Оксфорда того периода, сформировавшего мировоззрение Уолдорфа Астора (Астор был двумя годами младше Астона и Содди). Содди находился в той же атмосфере Оксфорда одновременно с Астором. Но, несмотря на разочарование, вызванное низким уровнем преподавания науки, ему удалось подняться над стандартами своего времени. По странной случайности, его селестиальному близнецу, обучавшемуся в Бирмингеме, тоже удалось вырваться из плена стандартов времени.

Почему *оба* селестиальных близнеца одновременно отказались следовать трезвым советам девонширской комиссии держаться подальше от научной карьеры? Как вышло, что *оба* селестиальных близнеца отважились стать «аутсайдерами», предпочитавшими заниматься естествознанием, в то время как большинство их современников были уверены, что для британского джентльмена важны лишь физкультура, лидерские качества и самообладание? Трудно найти простые ответы на эти интригующие вопросы, потому что ни наследственные факторы, ни социальные и культурные условия того времени, никак не могли навести на мысль,

что в тот сентябрьский день 1877 г. оба новорожденных младенца будут призваны стать у колыбели «атомного века».

Мало что написано о родителях или о ранних годах и Астона и Содди. Оба росли и воспитывались в провинции. О матери Астона упоминается лишь, что ее звали Фанни Шарлотта Холлис (Астон). Мать Содди, Ханна (Грин) Содди умерла, когда мальчику не было и двух лет, так что его вырастила сводная сестра, Лидия. Что известно о раннем развитии этих селестриальных близнецов? В отличие от Брэгга или Додсона, ни Астона, ни Содди не причисляют к «не по годам развитым» детям; но и нельзя сказать, что они были «тугодумами», как Мачадо и Юнг. Просто обоих симультанно интересовали совсем другие вещи в жизни: оба проводили все время в импровизированных домашних научных лабораториях. Родители Астона оборудовали ему маленькую лабораторию, где он с детства ставил свои «научные» эксперименты. Младшая сестра Астона, Хелен, вспоминала, как ребенком он был без ума от механических игрушек и пиротехники. Ее первыми воспоминаниями о брате была «его лаборатория в деревенском доме за конюшней, куда ей и ее младшей сестре Марии выпадало счастье допускаться наблюдать за его «экспериментами». Там Фрэнсис возился со стеклянными колбами и с медными проводами; там же он готовил и праздничные фейерверки для торжественных семейных событий». ¹⁸ В то время как Фрэнсис ребенком демонстрировал чудеса науки перед своими восторженными сестренками, маленький Фредерик выглядел магом и кудесником в глазах Маргарет Робертс, преданной кухарки, служившей в семье еще до его рождения: «Она, вместе с другими слугами, наблюдала за его научными экспериментами, аплодируя его экспериментаторским талантам и убирая за ним в детской, находившейся неподалеку от кухни». ¹⁹

Оба мальчика с детства были увлечены идеей создания собственной лаборатории, и оба посвящали много времени сложному искусству тонкого эксперимента. Если сравнить их с другой парой английских физиков, Брэггом и Додсоном, то бросится в глаза, что разница в детских увлечениях сопровождалась впоследствии и разницей в научных подходах. В течение всей научной карьеры Астон и Содди отдавали явное предпочтение технике эксперимента и построению нематематических моделей, в то время как Брэгг и Додсон любили математические выкладки и составление таблиц.

Почему с раннего детства Астон и Содди демонстрировали задатки талантливых экспериментаторов, проявляя необычайную ловкость рук и мастерство в проектировании и изготовлении приборов? Почему их дальнейшая жизнь пошла по уникальному пути, охарактеризованному личным девизом Астона: «Еще, еще, и еще раз проверь»? ²⁰ На этот вопрос нет однозначного ответа, но, по всей видимости, немаловажную роль в этом сыграл факт рождения в знаке Девы. Принято считать, что Девы обладают аналитическим умом и стремятся добиться совершенства, сохраняя при этом «практический и земной подход к жизни». ²¹ Эти качества Девы как нельзя лучше подходят к экспериментаторской работе, и мы сможем убедиться в дальнейшем, что немало ученых, родившихся в Деве, играли значительную роль в жизни Астона и Содди.

Несмотря на их любовь к опытам, было бы ошибочным характеризовать Астона и Содди однобокими людьми. Наоборот, оба с детства проявляли широкий диапазон способностей и интересов. Уже их школьные учителя отмечали черту, позднее названную у Содди (но не менее верную для Астона) «слишком многих талантов»,²² и названную у Астона (но в равной степени относящуюся к Содди) «слишком многих хобби».²³

До 12 лет Астон обучался частным образом у местной учительницы, Мисс Тонк. С семи лет он играл на фортепиано, затем на скрипке и на виолончели. Позднее он отличался виртуозной игрой на виолончели, регулярно принимая участие в концертах в Кембридже. Его тонкое понимание музыки в сочетании с блестящим умением писать статьи сделало его популярным музыкальным критиком в «Кембридж Ревью».²⁴ Содди тоже получил домашнее начальное образование. Учился он блестяще, проявляя незаурядный литературный талант, который позволил ему впоследствии стать одним из наиболее известных научно-популярных писателей. Еще со времен колледжа «он настолько хорошо владел искусством изложения, что ему с легкостью удавалось придавать своим полемическим эссе ту остроту, которую ему хотелось».²⁵ Впоследствии Содди стал постоянным автором «Таймса», «Контемпорари Ревью», и других периодических изданий. Впоследствии таланты занимательного изложения идей помогли Содди написать популярную «Историю атомной энергии», в которой он изложил события глазами одного из творцов, а Астону – классическую книгу «Масс-спектры и изотопы», подводящую итог его 15-летней работы. Обе эти книги переиздавались много раз, и обе были переведены на русский язык.

В ранней юности складывалось впечатление, что Астону и Содди уготовлены карьеры в литературе или в искусстве. Но в возрасте 14 лет они отдали предпочтение научным исследованиям. Их научные наставники (у Астона – преподобный отец Фабер в Малверн-колледже, а у Содди М-р. Гаукинс в Истборн-колледже) посоветовали им продолжить занятия в университете.

С 1891 г. по 1898 г. Астон был первым учеником в классе сначала в Малвернском колледже, а затем в Массонском колледже в Бирмингеме. Он с увлечением продолжал оттачивать свои технические навыки, проводя все свободное время либо в лабораториях колледжа, либо в импровизированной домашней лаборатории. В это же время Содди настолько полюбил лекции по электричеству в Истборн-колледже, что ему захотелось стать химиком или электрохимиком. Учился Содди блестяще, выполняя ряд научных исследований (в 16 лет опубликовал первую статью по химии в научном журнале Крукса). Так что в 16 лет Астон и Содди решили посвятить жизнь химии.

Обоим селестиальным близнецам посчастливилось учиться у ученых с мировым именем (достаточная редкость по тем временам). В колледже у Астона лекции по химии читали Тильден и Франкланд. Физику он учил у Пойнтинга, известного в электричестве своей теоремой Пойнтинга. Примечательно, что хотя на первом этапе Астон отдавал явное предпочтение химии, Пойнтинг, родившийся тоже в Деве, 9 сентября 1852 г., впоследствии сыграл значительную роль в его жизни. Учился Астон отлично, и за проявленные успехи в 1889 г. был награжден

стипендией Фостера, позволившей ему продолжить работу с Франкландом над изучением оптических свойств продуктов замещения виниловой кислоты. Результаты этих исследований были опубликованы в 1901 г.

В начале занятий в Истборне Содди был несколько разочарован тем, что основной целью обучения в этом колледже была подготовка «образованного и вежливого» джентльмена. Истборнская газета обычно была заполнена репортажами о футболе и крикете. (Примечательно, что в Истборн-колледже уделяли много внимания истории выпускников-спортсменов, так и не заметив, что из этих стен вышел лауреат Нобелевской премии).²⁶ Но вскоре научным наставником Содди стал выпускник Оксфорда, Хьюджес, видевший своей главной целью «подготовить подростков к конкурсу на научную стипендию в Оксфорде».²⁷ Сотрудничество с этим преподавателем укрепило интерес к химии, и уже в 1894 г. Содди и Хьюджес опубликовали результаты своих работ в журнале «Новости химии». Готовясь к поступлению в Оксфорд, Содди провел год в университетском колледже Уэллса в Эберстуите. В 1895 г. он получил научную стипендию в Мертон-колледже Оксфордского университета, где он изучал химию у знаменитого Уильяма Рамзая. Уже в 1895 г. (еще до открытия электрона и радиоактивности!) у Содди было странное предчувствие, что его будущее принадлежит новой области, пограничному району между химией и физикой. Он писал в своем пророческом эссе: «Несмотря на то, что за последние годы было сделано много открытий, вероятнее всего, что нам открылись лишь поверхностные границы этого предмета, и что огромная пограничная зона между химией и физикой остается неосвоенной целиной, скрывающей сказочный урожай для тех, кто, не желая проходить по проложенным путям науки, достаточно предприимчивы, чтобы атаковать проблему, и достаточно терпеливы, чтобы преодолевать те трудности, с которыми приходится сталкиваться пионерам научных исследований».²⁸

Биограф Содди, Линда Меррикс, была поражена тем фактом, что уже через десять лет после написания этих строк Содди «пожинал» плоды своего сотрудничества с Резерфордом, принадлежавшие «пограничной зоне между химией и физикой».²⁹ Но, пожалуй, не менее поразительным является и то, что Содди подсознательно прибегал к словам «урожай» и «целинная» (virgin) земля. Традиционно Дева (Virgin) символизируется девушкой (virgin), держащей в руках снопы пшеницы. В природе Дева – это время «сбора урожая». Время сбора урожая на обширной территории между физикой и химией было уже очень близко, и большинство работ в этой области было проделано тремя выдающимися учеными, родившимися в знаке Девы: Астоном, Содди и едва ли не самым важным человеком в их жизни, Эрнестом Резерфордом (родившимся 30 августа 1871 г.).

Сегодня имя Резерфорда, считающегося «отцом ядерной энергии», стоит в одном ряду с Ньютоном и Фарадеем. Но в то время, когда в начале века Содди впервые встретился с ним, Резерфорд был всего лишь начинающим профессором. Эта «судьбоносная» встреча двух ученых произошла по «странной случайности» вскоре после того, как Содди окончил Оксфорд, и ей предшествовала целая цепочка странных событий. В 1898 г. Содди с отличием окончил университет; на выпускном экзамене его знания привели в восторг Рамзая и Одлинга.

Казалось бы, его могла ждать научная карьера, но вместо этого на протяжении двух последующих лет в работе Содди наблюдался значительный спад. Не получив никакой должности, он проводил в крошечной лаборатории самостоятельные химические исследования, названные им впоследствии, с характерной для него самокритикой, «пустой тратой времени».³⁰ Цели этих исследований остались неясны, но подобно Астону в параллельный период, он занимался органической химией.³¹ Конец этому затворничеству был положен «серией событий, более характерных для мелодрамы, чем для жизни молодого ученого».³²

Летом 1899 г. Содди нанялся сопровождать в круизе в Неаполь одного студента, заболевшего нервным расстройством. Родители этого студента наделись, что длительный вояж в сопровождении Содди поможет их сыну окрепнуть и оздоровиться. Морское путешествие должно было помочь и Содди определиться в выборе будущей работы. Но по возвращении из путешествия Содди действовал необъяснимо и импульсивно. В 1900 г. ему случайно попалось на глаза объявление о вакантном месте профессора химии в университете Торонто. Не советуясь ни с кем, 23-летний юноша, без предыдущего опыта в преподавании, наивно подумал, что этот пост предназначен для него. Трудно в это поверить, но, не ожидая ответа и без всякой подготовки, Содди собрал чемоданы и отправился в Канаду. Конечно, никто его там не ожидал, и место было отдано другому, более опытному ученому.

Впоследствии биографы Содди соглашались, что он был странным человеком, «у которого тенденции действовать перед тем, как подумать, преобладали на протяжении всей жизни».³³ Но, как это ни поразительно, необдуманная поездка в Канаду стала секретным ключом к дальнейшей славе Содди. По чистой случайности он узнал о вакансии демонстратора на кафедре химии Мак-Гиллского университета в Монреале. Зарплата там была намного ниже, чем Хьюджес предлагал ему в Истборне, но Содди решил остаться в Монреале, где ему довелось работать с Резерфордом.

Резерфорд родился в Новой Зеландии и был всего лишь шестью годами старше Содди. В это время он исследовал радиоактивные свойства урана, тория и радия. Он заметил, что торий излучал небольшое количество радиоактивного газа, и нуждался в помощи химика, способного определить природу этой эманации. Тем временем Содди устал от однообразной работы демонстратора, стараясь получить удовлетворение от многочисленных хобби (таких как альпинизм, турпоходы и фотографирование). К тому же он приготовил цикл лекций по истории химии, начиная с древнего Египта и средневековой алхимии и кончая теориями Дальтона. Послушав эти лекции Содди, Резерфорд пришел к выводу, что этот человек вполне подходит на должность его помощника. Это сотрудничество продолжалось около двух лет. За это время учеными было опубликовано 7 фундаментальных совместных статей. Они открыли новый радиоактивный элемент торий-Х (радий-224), доказали химическую инертность двух радиоактивных газов — эманации тория (родон 220) и эманации радия (радон-222), и, главное, совместно разработали основы теории радиоактивного распада, которая сыграла решающую роль в развитии учения о радиоактивности. Согласно этой теории, несколько самых тяжелых элементов обретают устойчивость, выбрасывая

небольшие количества массы, заряда и энергии из своих ядер в виде альфа-, бета-, и гамма-излучений. Так как в процессе радиоактивного распада образуются другие элементы, то в 1902 г. Содди решил применить для этого превращения старинный термин алхимиков: «трансмутация». Впоследствии Содди вспоминал, что при обнаружении первого экспериментального подтверждения превращения элементов он чувствовал себя: «обуянным чувством, большим, чем радость – я не могу хорошо выразить его – нечто подобное экзальтации... Я вполне хорошо помню себя неподвижно стоящим, как будто прикованным к месту колоссальной важностью события – или, по крайней мере, мне так казалось тогда: «Резерфорд, это трансмутация: торий распадается и превращается в газ аргон». Ответ Резерфорда, который как всегда, больше считался с практической стороной вещей: «Ради бога, Содди, не называйте это *трансмутацией*. Нам не сносить головы, если нас назовут алхимиками».³⁴

Резерфорду и Содди понадобилось собрать все свое мужество, чтобы описать радиоактивный процесс как процесс распада, при котором атомы одного элемента спонтанно превращались в атомы другого элемента, который, в свою очередь, оставался радиоактивным. Такая интерпретация принималась в штыки большинством химиков, продолжавших верить в идеи неразрушимости вещества. Для них идеи Содди и Резерфорда подозрительно ассоциировались с алхимией.

Содди и Резерфорд открыли существование двух цепочек радиоактивного распада: одной, начинающейся ураном и заканчивающейся свинцом, и второй – начинающейся торием и тоже заканчивающейся свинцом. Они также предсказали, что в результате распада радия образуется гелий. В результате этих открытий Содди стал одним из первых ученых, оценившим огромное количество энергии, высвобождаемое при радиоактивных превращениях. Эти расчеты привели его к мысли о создании новых источников энергии. В 1903 г. он уже записал свое видение будущего, связанного с атомной энергией: «Это знание должно заставить нас относиться к планете, на которой мы живем, как к складу, начиненному взрывчатыми веществами, намного более мощными, чем мы могли бы себе представить, и, возможно, только поджидающими подходящего детонатора, чтобы превратить землю в хаос».³⁵ Несмотря на это предчувствие, Содди все еще надеялся, что его открытие будет использовано на пользу человечества.

Сотрудничество Содди с Резерфордом сыграло глубочайшую роль в развитии современной науки. На протяжении всего этого периода невозможно было разделить их работы. Многочисленные попытки историков науки выяснить у Содди, каков был вклад в открытие трансмутации каждого из ученых, наталкивались всегда на один и тот же ответ: основные концепции были разработаны обоими сотрудниками, и никакого различия между учеными не было в разработке их идей. Поэтому Содди имел все основания для разочарования в 1908 г., когда Нобелевская премия за экспериментальную работу в области химии распада радиоактивных элементов была вручена одному Резерфорду. Несмотря на то, что сотрудничество с Резерфордом принесло Содди центральную роль в едва ли не самом важном открытии XX века, его вклад в эту работу был, как считают многие, незаслуженно забыт. Резерфорд, в качестве ведущего научного сотруд-

ника, единолично получил почти все премии за совместно выполненную работу. С точки зрения Θ – факторного анализа мы можем предположить, что именно фактор синхронности был ответственен за эту кажущуюся несправедливость. С одной стороны, судьба проявила «немилость» к Содди, умалив его роль в сотрудничестве с Резерфордом, но, с другой стороны, она проявила «щедрость» к нему, предоставив ему возможность войти в историю, главным образом, за его открытие изотопов, связавшего его имя с именем своего селестиального близнеца, Астона.

В 1903 г. Содди принял предложение Рамзая вернуться в Англию, чтобы продолжить вместе с ним исследования в университетском колледже в Лондоне. Первый год работы в Лондоне не был таким продуктивным, как предыдущие годы с Резерфордом. Но провидение не покидало Содди, и с ним опять приключился счастливый случай, «сравнимый разве что с его решением ехать в Канаду».³⁶ В это время в его лаборатории, как и в большинстве других лабораторий, ощущалась острая нехватка радия, и возможность продолжения опытов была под угрозой срыва. Содди навсегда запомнил тот день, когда: «... по наиболее невероятному случаю, все будущие планы изменились. В то время мне казалось это прямым вмешательством Провидения. Однажды я шел по Лондону..., когда, случайно взглянув на витрину Изенталья (поставщик химического сырья), я увидел нечто, во что нельзя было поверить: «Здесь продаются чистые соединения радия»».³⁷ Благодаря этому стало возможным первое блестящее открытие Содди этой поры: он экспериментально доказал содержащееся в его теории научное предвидение, что в результате распада радия образуется гелий. Это был первый документально подтвержденный случай образования одного элемента из другого. Хотя этот эксперимент уже не сопровождался у Содди такими же чувствами экзальтации, как во время его работы с Резерфордом, работа с Рамзаем легла в основу его будущего открытия изотопов. По окончании этого проекта, в 1904 г., Содди принял предложение профессуры в университете Глазго.

Но перед переездом в Глазго Содди, страстно любивший путешествия, согласился прочитать цикл лекций в Австралии. Кругосветные плавания всегда были для него наилучшим отдыхом, и он старался посетить как можно больше мест, проезжая через Суэц, США и Цейлон. Цейлон в его глазах казался раем земным, доставив ему несколько минут незабываемого счастья.³⁸

В 1904–14 гг. Содди читал лекции по физической химии и по радиоактивности в Глазго. Преподавательскую работу он не любил, и посвящал ей лишь незначительную часть времени, главным образом отдаваясь исследованиям радиоактивности. В Глазго Содди открыл много химически идентичных и короткоживущих радиоактивных элементов. Некоторые из них, несмотря на то, что были химически неразличимы, тем не менее, распадались по-разному. Возникла проблема: какое место в периодической таблице Менделеева должно было быть отведено таким «экзотическим» элементам? К началу 1910 г. Содди стал первым ученым, объявившим, что такие элементы были «химически идентичными элементами».³⁹ Это революционное заявление и принесло ему Нобелевскую премию 1921 г. (предложенную Резерфордом при поддержке Дж. Дж. Томсона).⁴⁰

К тому времени Астон завершил свой период сотрудничества с выдающимся ученым, открывателем электрона и наставником Резерфорда, Дж. Дж. Томсоном, чтобы продолжить исследования в Кавендишской лаборатории, возглавляемой ... Резерфордом! Тот же Резерфорд, послуживший катализатором в научной судьбе Содди в Канаде, начиная с 1919 г. стал близким другом Астона в Тринити-колледже Кембриджского университета. О Содди говорили, что на протяжении больше, чем двадцати лет, у него не было ближе человека, чем Резерфорд.⁴¹ Астон говорил, что он никого в жизни так не боготворил, как Резерфорда.⁴² По какой же странной случайности, судьбе угодно было, чтобы в разных частях света оба селестияльных близнеца отыскивали того же самого человека, ставшего для них наиболее значительной фигурой в их жизни?

Было ли это просто счастливым случаем, что Астона притянуло к Резерфорду и к Томсону? Астон, подобно Содди, часто отмечал важную роль везения в своей жизни. Даже успех открытия изотопов при помощи сконструированного им масс-спектрографа он объяснял результатом простого везения. Хевеши замечал, что «Астон часто подчеркивал важную роль элемента везения в экспериментах такого рода. Он верил, что был счастливым человеком».⁴³ Подобно Содди: «Жизнь Астона была цепочкой непрерывных успехов, ему, как лишь очень немногим, было дано прожить жизнь так, как ему больше всего хотелось. Будь то конструирование и применение своего масс-спектрографа, интерпретация полученных результатов, фотографирование затмений, горнолыжный спорт в Альпах, везение в картах или в финансовых вопросах, судьба всегда благоволила к нему. Было ли это везением?»⁴⁴

Ведомый счастливыми случаями, Астон в начале 1900-ых годов, подобно Содди, все больше и больше увлекался новыми областями физики. Подобно Содди, ему пришлось в 1900-1903 гг. работать на двух работах. Для того, чтобы заработать на жизнь, он в эти годы изучил химию брожения и проработал химиком на пивоваренном заводе. Эта работа была рутинной и скучной, хотя и позволившей Астону прекрасно овладеть сложным искусством стеклодува и точными методами аналитической химии, пригодившимися ему впоследствии в изучении изотопов. Для того, чтобы удовлетворить свою тягу к знаниям, в это же время Астон построил лабораторию в доме своего отца и сконструировал необходимую аппаратуру для изучения электрических разрядов в вакуумных трубках. Эти самостоятельные исследования Астона оказались настолько интересными, что были отмечены стипендией только что созданного Бирмингемского университета и привлекли внимание его бывшего преподавателя физики, Пойнтинга. Возобновление сотрудничества с Пойнтингом оказалось едва ли не самым замечательным событием в жизни Астона, потому что, «совершенно случайно» Пойнтинг был близким другом Дж. Дж. Томсона. Именно под влиянием монографии Томсона «Проводимость электричества в газах» (1903) Астон окончательно решил оставить химию, чтобы заниматься изучением электричества в газах. С 1903 по 1908 г. он снова работал с Пойнтингом. Ко времени этого сотрудничества относится первое крупное открытие Астона. С помощью газоразрядных трубок Крукса он изучал разряд в газах и проводимость газов при низких давлениях. Одну из своих

классических работ той поры он посвятил изучению влияния электрического тока и давления газа на толщину «темного пространства Крукса». Заполнив трубку водородом, он обнаружил новое явление, названное в его честь, «темным пространством Астона». Открытие этого первичного катодного темного пространства, охватывающего катод тончайшим слоем, требовало тончайших методов работы. Астону удалось не только обнаружить этот слой, но еще и объяснить его с помощью модели проводимости Томсона и доказать, что это явление наблюдается и в атмосфере гелия. За это открытие Томсон, по рекомендации Пойнтинга, пригласил 33-летнего Астона работать с ним в Кавендише. Подобно Содди, Астона запомнят не за его продуктивную работу с Пойнтингом, а за его последующие работы в области изотопов. И что еще удивительнее, перед тем, как заняться изотопами, Астон, подобно Содди, решил совершить кругосветное плавание! Он посетил те же страны, что и Содди – Цейлон, Австралию, Новую Зеландию, США и Канаду.⁴⁵

По возвращении из кругосветного путешествия Астон в 1909 г. занял пост ассистента лектора по физике в Бирмингемском университете. Преподавательского таланта у него не было, и уже в следующем году он сначала в качестве личного ассистента Томсона, а с 1913 г. в качестве стипендиата премии Максвелла начал проводить собственные исследования в Кавендише. Время прибытия Астона в Кавендиш в 1910 г. было, как будто спланировано самой судьбой. Содди только-только сформулировал идею изотопов, а в руках у Томсона была новая мощная техника, позволявшая разделять атомы по их массе. В попытке раз и навсегда доказать правильность теоремы Дальтона, что все атомы одного элемента обладают одинаковой массой, Астон усовершенствовал аппараты Томсона и в 1913 г. получил свой революционный результат, демонстрирующий существование изотопов неона. Но научный мир не спешил принять его результаты. Даже Томсон, в лаборатории которого проводился исторический эксперимент, все еще не был убежден в существовании изотопов неона.

Легко было понять сомнения Томсона, потому что, по его мнению, результаты эксперимента были спорными из-за большой погрешности измерений. Позднее (даже в 1930г) Астона тоже мучили страхи допустить ошибку из-за погрешности измерений, и из-за этого он побоялся объявить свои результаты о составе свинца. Так почему же в 1913 г. он не побоялся напечатать не совсем убедительные выводы о существовании «мета – неона»? И почему из всех ученых именно Содди, в отличие от маститого Томсона, немедленно после ознакомления с выводами Астона написал, что его работа по неону: «... выглядит как подтверждение существования изотопных элементов вне радиоактивных серий... Это открытие служит наиболее драматическим распространением явления, обнаруженного для элементов одного края периодической системы, на элементы другого края, усиливая предположение о том, что вещество в целом сложнее, чем казалось в свете периодического закона».⁴⁶

К началу 1914 г. Астон и Содди могли вздохнуть с некоторым облегчением. Оба были на верном пути к приобретению мировой славы и известности. Содди стал профессором в Шотландском университете в Абердине, а Астон получил

должность стипендиата Максвелла. Но тут началась война, и последующие эксперименты по проверке их теории были отложены на несколько лет. 37-летним ученым не довелось воевать, но оба прервали осуществление намеченной программы исследований для того, чтобы внести свой вклад в дело помощи воюющей родине. Всю войну Астон проработал химиком в Королевском самолетостроительном центре в Фарнборо, где изучал влияние атмосферных условий на обшивку самолетов; в течение всей войны работа Содди в университете прерывалась участием в различных военных химических проектах. Несмотря на огромную занятость, Содди и Астон, хотя и медленно, но продолжали вести собственные исследования. К концу войны Содди удалось подтвердить два предвидения, вытекавших из закона радиоактивного смещения; Астон в это время закончил проектировать новый аппарат, который он назвал масс-спектрографом. После войны оба ученых в 1919 г. вернулись к исследовательской работе: Содди стал профессором химии в Оксфорде, а Астон вернулся в Тринити-колледж в Кембридже. На этих постах они проработали до конца жизни.

Новый масс-спектрограф принес Астону немедленный успех. С его помощью было однозначно подтверждена верность прежних выводов о структуре неона. Более того, теперь Астону стало ясно, что почти все элементы имеют несколько изотопов. За короткий срок он открыл 212 из 287 известных ныне стабильных изотопов химических элементов. При этом он продолжал утверждать, что почти во всех его открытиях ему просто везло. Очевидно, он действительно был удачливым человеком, которому посчастливилось любить свою ежедневную работу так, как будто она была его хобби. Детское увлечение научными опытами сохранилось и в его зрелые годы, доставляя ему большую радость от работы. Об Астоне писали как о человеке, обладавшем «мышлением экспериментатора, для которого экспериментальные методы и необыкновенная ловкость рук сами по себе приносили радость вне зависимости от результатов, которые они могли бы принести».⁴⁷

Содди, в свою очередь, запомнили как «исключительно талантливого ученого-экспериментатора, обладавшего необычайной ловкостью рук и умением конструировать исследовательскую аппаратуру».⁴⁸ Обоим ученым, которым «посчастливилось» превратить свои детские мечты и увлечения в любимую профессию, также посчастливилось искренне радоваться успехам и достижениям друг друга. Теплые отношения между Астоном и Содди были лишены тени соперничества. В то время, когда Томсон скептически относился к опытам Астона, Содди не скупился на комплименты, говоря, что: «работа Астона ...была одной из наиболее блестящих работ века, сочетавшей в себе математический анализ и экспериментальный талант».⁴⁹

Работы Содди и Астона сыграли огромную роль практически во всех областях как науки, так и повседневной жизни. Масс-спектрограф сейчас используется в ядерной физике, химии, биологии, геологии и других науках. Для физиков он послужил окном в мир атома, для химиков он помог точно определить массу атомов элементов, для геохимиков и космологов оказал неоценимую услугу в создании теорий вселенной. В 1920 г. Содди сумел найти еще более широкое применение теории изотопов, обратив внимание ученых на их важность для оп-

ределения геологического возраста минералов и окаменелостей. С тех пор эта идея послужила началом развития современных техник датирования с помощью радиоактивности.

Нобелевская премия, врученная Астону, свидетельствовала об исключительной важности его работ. Но, подобно Содди, Астон вскоре с ужасом понял, что его открытия могут разрушить всю Землю. Произошло это открытие благодаря ненасытной страсти Астона получать все более точные результаты. Желая однозначно доказать верность правила целых чисел, Астон сконструировал более совершенные модели масс-спектрографа (1927 г. и 1936 г.), которые смогли обнаружить необычайно малые отклонения от правила целых чисел. Воспользовавшись теорией относительности Эйнштейна, он объяснил эти отклонения потерей атомной массы в результате ее превращения в энергию связи между частицами внутри ядра. Уже по первым приблизительным оценкам Астон объявил: «Мы имеем дело с источником энергии, достаточным для объяснения жара Солнца... Если какому-либо будущему исследователю удастся раскрыть способ высвобождения этой энергии в форме, позволяющей ее применение, то человечество получит в свое распоряжение силы, далеко выходящие за рамки мечтаний научной фантастики, но всегда надо принимать в расчет малейшую возможность того, что высвобожденная энергия станет полностью неуправляемой, вызывая своей разрушительной мощностью взрыв всех окружающих веществ. В этом случае весь водород на земле может немедленно претерпеть превращение, и успех эксперимента будет оглашен по всей вселенной рождением нового солнца».⁵⁰

Как бы откликаясь на опасения Содди, что возможности человечества «применять новые силы... могут быть использованы как во зло, так и на пользу»,⁵¹ Астон стал высказывать опасения о темных сторонах новых научных открытий. Подобно Содди, он был уверен, что результаты новых открытий должны быть открыто опубликованы. Оба ученых разделяли бытующее тогда мнение, что «наука не несет ответственность за использование своих открытий ... целью науки является исследование механизмов вселенной во имя знания».⁵² В 1936 г. в своей лекции в Кембридже Астон подчеркивал уверенность, что ядерные химики сумеют синтезировать элементы так же просто, как и обычные химики синтезируют соединения. Он признавал, что некоторые ученые требуют принять закон о запрете подобных исследований. Но он не мог согласиться с ними, возражая, что никому не под силу остановить естественный ход эволюции знания: «Так, несомненно, старейшины наших обезьяноподобных доисторических предков сопротивлялись нововведению вареной пищи, указывая на смертельные опасности, связанные с использованием нового средства, огня. Лично я думаю, что нет никакого сомнения в повсеместном существовании доступной ядерной энергии вокруг нас, и что однажды человек сумеет высвободить и контролировать ее почти безграничную мощь. Мы не можем предотвратить этого, и можем только надеяться, что он не будет пользоваться этой энергией только для того, чтобы взорвать дверь соседа».⁵³

Столкнувшись со сложной моральной проблемой, вставшей перед учеными в период возрастающего общественного недоверия к науке, Содди и Астон облегчали свою совесть тем, что называли единственной целью науки предоставление

новых возможностей для человечества. Ответственность за конструктивное использование этих возможностей они возлагали на общество.

Никогда нельзя знать, к каким результатам может привести то или иное новое исследование. В случае Содди и Астона их «безобидные» опыты привели к открытию атомного ящика Пандоры, таившего в себе устрашающие тени будущих ядерных и термоядерных бомб. Физики обычно подчеркивают фундаментальную разницу между двумя этими типами бомб: в атомной бомбе идет процесс деления тяжелых ядер с выделением энергии; в водородной (термоядерной) бомбе идет процесс слияния легких ядер в более тяжелые. Хотя, казалось бы, что механизмы этих процессов прямо противоположны, тем не менее, их можно назвать одинаково: атомными превращениями (трансмутациями), высвобождающими огромную энергию.

Как же случилось, что учеными, открывшими возможности этих двух взаимодействующих процессов, и первыми людьми, осознавшими связанную с этим ответственность науки перед обществом, стали селестиальные близнецы? И почему обоих ученых, стремившихся превратить весь мир в «улыбающийся райский сад», ожидала горечь разочарования? В августе 1945 г. первые атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Первая водородная бомба прошла успешные испытания в США в 1952 г., затем последовали испытания в СССР (1953 г.), в Великобритании (1957 г.), в Китае (1967 г.) и во Франции (1968 г.). В конце восьмидесятых годов в арсеналах мира хранилось более 40000 водородных бомб. Для того, чтобы выпустить ядерного джина из бутылки понадобилась встреча двух селестиальных близнецов. Кто знает, сколько селестиальных близнецов должно встретиться, чтобы вернуть джина в его бутылку?

Астон умер вскоре после первой ядерной бомбардировки, 20 ноября 1945 г. Ему было 68 лет. Многим казалось, что он прожил долгую счастливую жизнь. Обладая невероятной широтой интересов, он всю свою жизнь посвятил многочисленным хобби. Среди многочисленных друзей он был известен как «идеальный воскресный компаньон» – с ним можно было поговорить о людях, о покупке и продаже вещей, о рациональном устройстве загородного дома. Он очень любил животных, увлекался живописью и собирал китайский фарфор, виртуозно играл на скрипке, фортепьяно и виолончели, принимал участие в альпинистских экспедициях, но особенно любил лыжи, коньки и плавание. В бытность в Кембридже он любил играть в гольф с Резерфордом, Фаулером, Тейлором; очень хорошо играл в лаун-теннис. Он был большим любителем морских путешествий и совершил несколько кругосветных плаваний, последними из которых стали поездка на индийский конгресс в 1937 г. и в Австралию и Новую Зеландию в 1938–1939 гг. К тому же Астон прекрасно фотографировал, и поэтому был направлен комитетом по затмениям фотографировать солнечную корону в Суматре (1925 г.), в Канаде (1932 г.) и в Японии (1936 г.). Верным спутником Астона в его многочисленных путешествиях была его сестра, Хелен. Она объясняла секрет обаяния брата: «В путешествиях он был не только безупречным компаньоном, обладавшим изумительными знаниями во всех областях, таких как, например, в географии, астрономии, навигации, ботанике, зоологии, но он еще и настолько безуп-

речно организовывал всю программу..., что каждая минута становилась наполненной беззаботным наслаждением, оставаясь умиротворенной и в то же время восхитительной. Его искренняя забота о других... и его интерес ко всем и ко всему в мире, начиная с вселенной и кончая малейшим пустяком, а также его остроумные интересные беседы и наблюдения добавляли радость всем, вытаскивая даже наиболее замкнутых людей из их ракушек...»⁵⁴

Но, несмотря на весь его шарм и обаяние, у Астона была еще и другая, оборотная сторона его сложного характера. Многие вспоминали его как скромного, зачастую даже робкого человека, убежденного холостяка, лишенного блеска Резерфорда или Томсона. В их тени он воспринимался как отшельник, предпочитавший работать самостоятельно, избегая участия в группах. Он ненавидел преподавание, и отказался читать лекции в Тринити-колледже. Астон был мастером эксперимента, но всегда чувствовал, что ему не хватает математических способностей для создания самостоятельных теорий. У него не было учеников, и он не оставил после себя исследовательской школы.

У Астона была прекрасно развита деловая жилка. Благодаря его безошибочной интуиции в финансовых вопросах и удачным вложениям денег, он умер богатым человеком. Не имея детей, он в целях поощрения науки завещал все свое состояние Тринити-колледжу. Содди умер через 11 лет после Астона, 22 сентября (или по другим источникам, 21 сентября) 1956 г. По необъяснимой и непонятной ни для кого причине, после смерти Астона Содди полностью прекратил научные исследования.⁵⁵ Будучи человеком невообразимо широких интересов, он до последнего дня активно участвовал в общественной жизни, продолжая увлечения многочисленными хобби. Но «большая наука» уже больше не была для него. Подобно Астону, у него никогда не было детей, и он завещал все свое огромное состояние фонду поощрения образования.

Как и Астон, Содди был человеком с очень сложным характером. С профессиональной точки зрения он считался одиночкой. (Может, в этом немалую роль сыграл тот факт, что оба селестиальных близнеца получили химическое образование, но работали в пограничной зоне между физикой и химией?) Содди тоже никогда не создал своей школы, и воспринимался как человек сдержанный, замкнутый и скрытный.⁵⁶ За 17-летний период пребывания в Оксфорде Содди не сумел справиться с возложенной на него миссией основания факультета радиохимии.⁵⁷ В последние годы жизни на него тяжело действовало то, что растущая слава школы Резерфорда затмила и вытеснила его собственные достижения. О Содди писали: «Характер Содди был невероятно сложным. Он был щедрым, и в отношениях с друзьями и коллегами никто не мог сравниться с его добротой и внимательностью. К физикам же, в общем, он относился с большим сарказмом и горечью, обвиняя их в неспособности оценить работу ума химиков».⁵⁸

Подобно Астону, Содди отдыхал в путешествиях, и снимал стресс в командных играх на открытом воздухе или в походах в горы.⁵⁹ Свое первое кругосветное путешествие он проделал в 1904 г. В 1937 г. он отправился на полгода в путешествие по Индии, Малайе и Цейлону.⁶⁰ Во время путешествий он всегда фотографировал, и его фотографии украшали стены его научных кабинетов. Он также

любил горные походы по Альпам, и всегда в походах и поездках его сопровождала его верный друг и компаньон, Виннифред Моллер. Брак Моллер с Содди был заключен в 1908 г., и продлился до самой ее смерти в 1936 г. Отношения между супругами Содди отличались дружбой и большой теплотой. Трагедия этого союза была в бездетности и в безвременной кончине Виннифред. Позднее Содди винил себя в бесплодии, мотивируя тем, что работа с радием сделала его бесплодным.⁶¹ Примечательно, что этот довод становится не таким уж и очевидным, так как, например, Резерфорд, тоже работавший с радием, имел ребенка, в отличие от Астона, не работавшего с радием, но, тем не менее, бездетного.

После вручения Нобелевской премии Содди постепенно переключался с радиохимии на другие темы, неожиданно проявив интерес к экономическим, социальным и политическим проблемам. В последние годы жизни основным вопросом, интересовавшим его, стала проблема взаимодействия между наукой и обществом. После его смерти Фриц Панет написал о нем: «Он был талантлив во многих областях, возможно, в слишком многих».⁶²

Всю жизнь Астон и Содди не переставали изумляться чудесам природы. Им удалось заглянуть внутрь атома, чтобы воочию убедиться в том, что он так же неисчерпаем, как и вся вселенная. Чудеса микроскопического мира элементарных частиц восхищали их не меньше, чем восхитительные виды пейзажей Земли. Оба относились к крайне редкому типу людей, способных проявлять интерес ко всем и ко всему в мире, начиная с вселенной и кончая песчинкой. Вид могущественных гор и солнечной короны поражал их настолько же сильно, как и микронное темное катодное пространство. Они сумели раскрыть сложность строения элементов, находящихся на противоположных концах периодической таблицы, и доказать, что «малые» и «великие», легкие и тяжелые элементы в равной степени способны к трансмутации, в результате которой высвобождается огромная энергия.

Вслед за поэтом Гете, рожденным в Деве, Астон и Содди могли сказать: «Я и сам, как мир меняясь,/К изумленью призван здесь». Они никогда не хотели спасти мир, подобно Берингу и Эрлиху. Они не пытались открыть научно-исследовательские институты, подобно Брэггу и Додсону. В отличие от ученых Лос Аламоса, они никогда не занимались созданием атомной бомбы. Их жизнь была посвящена единой цели: анализу веществ, из которых состоит наш мир. От горных пород и песчинки, до атома и электрона – все должно было быть проанализировано их любознательными умами. Их идентичной судьбой стало войти в историю в качестве открывателей изотопов. Их личные жизни, безусловно, не были идентичными, но была ли разница между ними многим больше, чем разница между изотопами неона?

Θ-факторные и астрологические комментарии

Хикки писала, что: «в универсальной схеме мира, Дева символизирует «утробу времени», в которой божественные планы вынашиваются в страдании, в

борьбе и в конфликте». ⁶³ Считается, что Дева – это последний личный знак, стоящий в преддверии рождения нового сознания, освобожденного от заземления.

Возможно, что Астон и Содди никогда сознательно не задумывались над необходимостью личной трансформации, но плоды их научной работы привели к изменению всего общества: с пониманием законов атомных превращений появились новые ценности, новое сознание и новый стиль жизни. «Страдания, борьба и конфликты», порожденные расширением научных горизонтов, принесли обществу понимание необходимости переоценки ценностей. Человечество стало осознавать, что для избежания разрушения Земли, люди должны двигаться в направлении создания нового единого коллективного сознания. Без международного сотрудничества в вопросах контроля над атомными программами жизнь на планете стоит под угрозой. Символично, что именно селестиальные близнецы, рожденные в Деве, первыми поняли необходимость преобразования общественного сознания.

XX век расширил границы наших горизонтов в обе стороны: как в микромир элементарных частиц, так и в макромир космоса. Человеку впервые удалось, как заглянуть в атом, так и достигнуть Луны. И тут опять символичная случайность: единственным человеком, осмелившимся предсказать оба этих невероятных события – расщепление атома и прилунение – был Герберт Уэллс, британский писатель и биолог, тоже родившийся в Деве! Отцу современной научной фантастики, путешествующему во времени при помощи своей «Машины времени», удалось расширить границы человеческой фантазии за пределы мыслимого. И – по счастливому случаю – у него тоже был известный селестиальный близнец, французский лауреат Нобелевской премии по медицине, Шарль Николь, который, подобно Уэллсу, получил образование биолога, но всю жизнь писал книги, мечтая стать знаменитым писателем. Но эта история, так же как и десятки или даже сотни подобных историй, уже выходит за рамки того, что можно осветить в одной книге.

Ранее отмечалось, что эта книга ограничивается только людьми, ушедшими из жизни. Но, в случае Девы, придется сделать одно исключение, хотя бы для того, чтобы принять вызов Уэллса покататься в машине времени. В то время как одна пара селестиальных близнецов вдохновила Уэллса написать об открытиях в микромире, другая пара селестиальных близнецов приняла участие в Лунном проекте, воплотив в жизнь «сумасшедшую» фантазию Уэллса о людях, шагающих по Луне и успешно возвращающихся домой.

Эти селестиальные близнецы, Томас Паттен Стаффорд и Эдгар Дин Митчелл, принадлежали к необычайно малой группе героев, отважившихся принять участие в американском проекте «Аполлон». Они родились 17 сентября 1930 г. (Кстати, российский пионер астронавтики, К.Э. Циолковский тоже родился 17 сентября, только 1857 г.).

Астронавт Томас Стаффорд родился в Уэтерфорде, штат Оклахома. После окончания Военно-Морской академии (1952 г.) он начал службу в военной авиации. Полет «Аполлона-10», состоявшийся 18–26 мая 1969 г., был генеральной репетицией высадки на Луну. Экипажу корабля – Стаффорду, Янгу и Сернану –

предстояло проверить все основные этапы высадки: выйти на орбиту вокруг Луны, выбрать удобные места посадки для последующих кораблей и произвести имитацию взлета с лунной поверхности. Янг оставался на корабле, а Стаффорд и Сернан, перейдя в лунный модуль, вплотную подошли к Луне, впервые в истории человечества рассматривая ее поверхность с расстояния всего лишь в 10.5 км. Затем Стаффорд и Сернан вернулись на корабль, отделив взлетную ступень модуля от посадочной и имитируя взлет с поверхности Луны.

Через два года после Стаффорда, его сестиниальный близнец, Эдгар Митчелл, прилунился в лунном модуле в районе кратера Фра Мауро. Вместе с Шепардом, он совершил две лунные прогулки. Митчелл родился в городе Херфорде, штат Техас. После окончания технологического института в 1952 г. он решил изучать аэронавтику. Сомнительно, мог ли бы кто-нибудь в их детстве предсказать Митчеллу и Стаффорду, что на их долю выпадет счастье войти в число 24 астронавтов, посетивших Луну. (На самом деле, когда будущие астронавты родились, еще и профессии астронавта не придумали!) Например, Эдгар рос сыном владельца ранчо в Техасе. Откуда пришла к нему страсть к межпланетным путешествиям? На этот вопрос журналистов Митчелл ответил, что желание полететь на Луну было «логическим следствием всего, что он делал в качестве военного летчика и летчика-испытателя». ⁶⁴ К тому же он упомянул свою научную любознательность, и по правде, больше всего, его привлекала возможность исследовать неизведанное.

Возможно, что Митчеллу и Стаффорду их жизненная миссия казалась «логическим следствием работы летчика». Но тысячам других летчиков так не казалось, потому что к астронавтам в проекте «Аполлон» предъявлялись исключительные требования. Для этой миссии были отобраны люди с редким сочетанием физической выносливости, инженерного образования и особого психологического профиля. И, конечно же, от них требовалось негибкая воля к победе и готовность покинуть пределы Земли для того, чтобы расширить горизонты человечества. Всего лишь 24 человека достигли поверхности Луны (некоторые из них ходили по Луне, другие огибали ее в лунных модулях). Учитывая, что все эти астронавты родились между 1923 г. и 1936 г., вероятность того, что двое из них родились в тот же день того же года меньше, чем 0.06, приближаясь к пределам «значительных» (невероятных) совпадений.

Во время полета с Луны на Землю у Митчелла, по его словам, произошла трансформация сознания: он как будто подсоединился к огромной базе данных. Он пришел к выводу, что информационное поле заполняет все пространство. В этом космическом банке данных содержится весь накопленный опыт всего вещества, включая все живущие организмы на протяжении всей мировой истории. Для Митчелла вселенная превратилась в «самообучающийся, растущий, изменяющийся организм, подобный людям, стремящимся познать его и только начавшим его исследование». ⁶⁵

Ушел XX век. Времена меняются, но Девы продолжают быть знаком «стоящим в преддверии рождения нового сознания, освобожденного от заземления». Восприятие Митчеллом вселенной как океана мировой информации может прояснить, почему к концу жизни Содди больше не мог мечтать о «своем личном

солнце»: несмотря на то, что ученый зачастую остается в полном одиночестве перед загадками природы, результаты его открытий распространяются как волна в объединенном информационном поле человечества. Если продолжить эту мысль далее, то можно предположить существование резонансного эффекта мышления: когда один человек делает открытие, его селестиальные близнецы (сознательно или неосознанно) помогают ему распространить и усилить эффект сделанного открытия. По крайней мере, такой механизм действовал как в случае Астона и Содди, так и в случае Стаффорда и Митчелла. Такой же механизм наблюдался ранее в работах Эрлиха и Беринга и в жизни Асторов. В каждом из этих случаев понадобилось «слияние» результатов работ отдельных селестиальных близнецов, чтобы их приобретенные знания стали более полными и могли распространиться по всему миру.

Особый статус кратковременного проекта «Аполлон» (проект закончен, и имена всех астронавтов, летавших не Луну, известны) позволил, по крайней мере, приблизительно оценить вероятность совпадения дат рождения двух астронавтов. Но, кажется, совсем невозможным математически оценить вероятность того, что два селестиальных близнеца одновременно решили стать химиками, затем поменяли свой выбор на физику, вследствие чего одновременно открыли новое явление, благодаря которому были разгаданы загадки, свыше ста лет занимавшие умы химиков и тысячелетиями волновавшие человечество. Мы только можем констатировать, что за всю историю человечества было лишь два человека, получивших Нобелевскую премию за открытие и изучение изотопов.

Новый век ставит новые задачи. Это исследование показывает, что дальнейшее расширение горизонтов человечества может стать результатом совместных усилий групп селестиальных близнецов. Но к такому сотрудничеству можно будет прийти только после ряда исследований в этой новой области. Сначала потребуется научиться уважать право каждого на свой образ жизни и мышления, потому что, прежде всего, мы все являемся частями целого, и каждый сегмент времени так же невозможно зачеркнуть, как и само время.

Эта книга начиналась как приглашение к неожиданностям. По мере работы над книгой прояснялась и новая цель – приглашение принять участие в исследовании расширяющихся границ человеческого сознания.

Каждая мысль зависит от места и времени. Дай Бог, чтобы эта идея родилась в подходящее для человечества время.

Таблица параллелей

Дата рождения	Фрэнсис Астон родился 1 сентября 1877г; Фредерик Содди – 2 сентября 1877 г.
Образ отца	Оба отца занимались торговлей.
Раннее детство	Оба мальчика увлекались проведением самостоятельных опытов и обладали необычайным мастерством в конструировании приборов.

Часть II. Сходства и контрасты...

Школьные годы	Начальное обучение дома с частными учителями. До 1893 г. оба учились в гимназиях, проявляя необычайный интерес к химии.
1893 г.	В 16 лет оба начали изучать химию в колледже. Оба увлекались органической химией.
1900–1903 гг.	Астон работал химиком в пивоварне. Содди работал помощником демонстратора в Мак-Гилле. Оба начали ставить эксперименты в пограничной зоне между химией и физикой.
1903 г.	Содди вернулся в Лондон работать со своим бывшим преподавателем, Рамзаем. Астон вернулся в Бирмингем работать со своим бывшим преподавателем, Пойнтингом. Содди обнаружил образование гелия в результате распада радия. Астон открыл «темное пространство Астона».
Предвоенные годы	Оба совершили кругосветные путешествия. Пробуют себя (неудачно) в преподавании: Астон в Бирмингеме, Содди в Глазго.
1913 г.	Две первые работы об изотопах одновременно докладываются на заседании Британской научной ассоциации: Содди – о природе радиоактивных элементов; Астон – о природе неона.
Военные годы	Оба принимали участие в военных химических исследованиях.
1919 г.	Содди перевелся в Оксфорд, Астон – в Кембридж.
1922 г.	Вручение Нобелевских премий за открытие и исследование изотопов.
Ядерное оружие	Оба ученых стали первыми людьми, понявшими все опасности ядерного (Содди) или термоядерного (Астон) оружия.
Хобби и финансы	У обоих были бесчисленные хобби. Оба любили путешествия и альпинизм; фотографирование и командные игры, спорт, литературу и музыку. У обоих был талант к финансам, и оба завещали свое имущество образовательным фондам.
Основные черты характера	Непростой характер, индивидуалисты и перфекционисты, замкнутые и скрытные, хотя в то же время добрые и мягкие люди.
Семейная жизнь	Астон был холостым; во всех путешествиях его сопровождала верный компаньон и друг – его сестра Хелен. Во всех путешествиях Содди сопровождала его жена и верный друг, Виннифред. После ее смерти Содди не женился. Оба были бездетными.
Роль Резерфорда	Оба ученых стали близкими друзьями Резерфорда. В некоторой степени, успех их обоих был связан с сотрудничеством с Резерфордом.

Сноски:

- ¹ Гете родился в Деве. Пер. Н. Вильмонта.
- ² Linda Merricks, *The World Made New: Frederick Soddy, science, politics and environment*, Oxford, Oxford University Press, 1996, p. 164 (Далее – Merricks).
- ³ *Dictionary of Scientific Biography*, ed. Gillespie, New York, Charles Scribner's Sons, 1970–1981, vol. 12, 1975, p. 505 (Далее – DSB).
- ⁴ B. Schonland, *The Atomists*, Oxford, Clarendon Press, 1968, pp. 157–158.
- ⁵ NP – Русский перевод: Лауреаты Нобелевской премии, энциклопедия, Москва, Прогресс, 1992., т. 2, стр. 426–429 (Далее – Лауреаты Нобелевской премии).
- ⁶ Лауреаты Нобелевской премии, т. 1, стр. 40–42.
- ⁷ Merricks p. 90.
- ⁸ *Obituary Notices of Fellows of the Royal Society*, v.5, 1945, p. 645 (Далее – *Obituary Notices*).
- ⁹ DSB, vol. 12, 1975, p. 506.
- ¹⁰ F. W. Aston, *Mass Spectra and Isotopes*, London, Edward Arnold & Co., 1948, p. 6 (Далее – Aston).
- ¹¹ Aston, p. 3.
- ¹² *Obituary Notices*, p. 640.
- ¹³ Aston, p. 5.
- ¹⁴ W.H. Brock, *From Protyle to Proton*, Bristol, Adam Higler LTD, 1985, p. 217 (Далее – Brock).
- ¹⁵ Лауреаты Нобелевской премии, т. 1, стр. 42.
- ¹⁶ Aston, preface.
- ¹⁷ Merricks, p. 15.
- ¹⁸ *Obituary Notices*, p. 635.
- ¹⁹ Merricks p. 13.
- ²⁰ Лауреаты Нобелевской премии, т. 1, стр. 42.
- ²¹ Hickey, pp. 19–20.
- ²² Merricks, p. 13.
- ²³ DNB
- ²⁴ *Obituary Notices*, p. 644.
- ²⁵ Merricks, p. 13.
- ²⁶ Merricks, p. 14.
- ²⁷ Merricks, p. 14.
- ²⁸ Merricks, p. 16.
- ²⁹ Merricks, p. 16.
- ³⁰ Merricks p. 20.
- ³¹ *Nobel Laureats in Chemistry, 1901-1992*, ed. L. K. James, Washington D. C., American Chemical Society, 1993, p. 135.
- ³² Merricks, p. 20.
- ³³ Merricks, p. 24.
- ³⁴ Merricks, p. 32.
- ³⁵ Merricks, p. 33.
- ³⁶ Merricks, p. 34.
- ³⁷ Merricks, p. 34.
- ³⁸ Merricks, p. 39.
- ³⁹ Merricks, p. 49.
- ⁴⁰ Merricks, p. 90.

- ⁴¹ Merricks, p.157.
⁴² Obituary Notices, p. 646.
⁴³ Obituary Notices, p. 641.
⁴⁴ Obituary Notices, p. 646.
⁴⁵ DNB.
⁴⁶ Brock, p. 207.
⁴⁷ Brock p. 212.
⁴⁸ Merricks, p. 103.
⁴⁹ Brock p. 212.
⁵⁰ Nobel Prize Winners in Chemistry 1901/¹⁰F. W. Aston, Mass Spectra and Isotopes, London, Edward Arnold & Co., 1948–1961, ed. E. Farber, London, Abelard-Schuman, 1963, p. 89.
⁵¹ Merricks, p. 67.
⁵² Merricks, p. 111.
⁵³ Obituary Notices, p. 642.
⁵⁴ Obituary Notices, p. 643.
⁵⁵ Merricks, p. 192.
⁵⁶ Merricks, p. 28.
⁵⁷ DSB, p. 505.
⁵⁸ DNB.
⁵⁹ Merricks, p.2.
⁶⁰ Merricks, pp. 39, 158.
⁶¹ Merricks, p.60
⁶² Nobel Laureats in Chemistry, 1901–1992, ed. L. K. James, Washington D.C.A, merican Chemical Society, 1993.
⁶³ Hickey, p. 20.
⁶⁴ Andrew Chaikin, A Man on the Moon, New York, Viking, Penguin, 1994, p. 355.
⁶⁵ Andrew Chaikin, A Man on the Moon, New York, Viking, Penguin, 1994, p. 357.

ВЕСЫ

Короли жизни: История жизни Оскара Уайльда и Карла Каутского

Оскар Уайльд

Карл Каутский

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

Марина Цветаева¹

Когда писатель и теоретик искусства, драматург и тонкий эстет Оскар Уайльд написал яркую метафору: «Каждый человек рождается королем, и большинство людей умирают в изгнании, как большинство королей»,² он еще не знал, насколько

ко точно он предсказал свою судьбу. Этому баловню судьбы, которого называли «Королем жизни», пришлось бежать от преследований викторианского пуританизма, чтобы умереть на чужбине, в нищете и в одиночестве. Когда Уайльд писал, что «все, происходящее с тобой, происходит и с другими»³, он вряд ли имел в виду своего сестимильного близнеца, верившего, что он тоже родился таким же счастливым, как Счастливый Принц Уайльда. Этим сестимильным близнецом Уайльда был ведущий теоретик и популяризатор марксизма, Карл Каутский, которого друзья окрестили метким именем «Baron Juchzer» (веселый, радостный барон). Подобно Уайльду, Каутский окончил жизнь в изгнании, спасаясь бегством от немецкого фашизма. Подобно Уайльду, Каутский умер одиноким и дискредитированным. Последние годы Каутского и Уайльда стали печальным эпилогом искрометной драмы их блистательной жизни.

Каутский и Уайльд были символами своего времени. После смерти Маркса и Энгельса Каутский стал наиболее представительной фигурой марксизма, вождем и ведущим теоретиком II Интернационала.⁴ Уайльд, сумевший в доступной форме подать идеи эстетизма, стал идейным лидером этого движения, пропагандировавшего лозунг искусства ради искусства и во имя искусства.⁵

Уайльд говорил о себе: «Я был и остаюсь символом искусства и культуры нашего времени».⁶ Он был выразителем идей эстетизма и ярким противником викторианской морали. Специалисты расценивают публицистические статьи Уайльда как «наибольшее достижение, и, быть может, единственный тип работ, порожденный эстетизмом, которые могут считаться бесспорным успехом».⁷ Перефразируя Уайльда, можно сказать о Каутском, бывшим наставником двух поколений социалистов, что он был символом общественной и политической жизни того времени. До 1930 г. его книга «Экономическое учение Карла Маркса» была переиздана 25 раз и переведена на 18 языков мира. Принято считать, что: «социалисты всего мира сначала знакомились с работами Каутского, от него они узнавали о Марксе, и только впоследствии иногда знакомились с самим Марксом».⁸ Тем не менее, в то время как «величайшим парадоксом было то, что характер и карьера самого Уайльда никак нельзя было считать типичными для эстетизма»,⁹ характер Каутского тоже считался «парадоксальным», и его комфортный стиль жизни «умеренно преуспевающего представителя интеллигенции» никак не совпадал с идеалами социалистов.¹⁰

Каутский не занимался рутинной партийной работой; он не был ни партийным функционером, ни деятелем профсоюзов. Прежде всего, Каутский был социалистическим писателем и редактором, интеллектуалом и необычайно плодотворным писателем-эклектиком.¹¹ Он начал литературную деятельность в середине 1870-ых, написав пьесу и опубликовав ряд статей в социалистической прессе Германии и Австрии. До конца жизни Каутский продолжал писать обо всем, что казалось ему увлекательным и важным. Он писал о средневековой Англии и Германии, о древней Греции и о современной промышленности, о философии и об образовании, об истории и о современном обществе. Многим читателям настолько нравился его легкий острый стиль, что они читали его книги как беллетристику. Дочь Маркса, Элеонора, была настолько влюблена в стиль Каутского,

что чтение его книг было для нее «редким удовольствием, как из-за широты его познаний, так и из-за поэтического стиля, вызывающего такой живой интерес, как при чтении приключенческих историй Стивенсона».¹² Энгельс же, напротив, видел в литературных талантах Каутского его «главную слабость». Он даже жаловался Бебелю, что из-за «его литературной жизни – из-за сочинительства за оплату, и из-за того, что он пишет очень много», Каутский «не имеет никакого представления, что такое научная работа».¹³

Каутского можно было бы определить, как «странный сплав писателя и мыслителя».¹⁴ Но на самом деле эти слова были написаны не о нем, а о его селестиальном близнеце, Уайльде! Несмотря на то, что в России редко думают об Уайльде как о политическом писателе, одной из его основных публицистических работ стала брошюра «Душа человека при социализме» (1891). По мнению многих западных критиков, эта работа «талантливая как по стилю, так и по аргументации, сегодня остается настолько же актуальной, как и во время ее написания».¹⁵ Хотя потом эту брошюру называли «эстетской версией марксистского Евангелия»,¹⁶ сравнивая ее по силе с «идеями раннего Маркса»,¹⁷ Уайльд написал ее самобытно и оригинально. Согласно Уайльду: «Социализм, Коммунизм, или как бы вы не называли его, при помощи превращения частной собственности в общественное достояние и посредством превращения конкуренции в сотрудничество, восстановит общество до его естественного состояния совершенно здорового организма, обеспечив материальное благосостояние каждого члена общества. ... Каждый член общества будет разделять со всем обществом всеобщее благоденствие и счастье. И так же, как деревья растут, пока селянин спит, так и пока человечество будет развлекать себя, или наслаждаться культурным досугом – который, в отличие от труда, и является истинной целью человека – или изготавливать прекрасные вещи, или читать прекрасные книги, или просто с восторгом и упоением созерцать окружающий мир, машины будут выполнять всю необходимую неприятную работу».¹⁸

Замечательным совпадением было то, что в том же 1891 г. Каутский составил новую программу, принятую немецкой социал-демократической партией (СДП) на съезде в Эрфурте. Теоретическая часть программы, написанная Каутским, была очень короткой – всего лишь два листа. После съезда Каутский расширил ее с целью сделать идеи партии доступными и понятными для широкой публики. В результате переработки в 1892 г. вышла «Классовая борьба» Каутского. Это была первая его работа, написанная независимо от Энгельса, и представлявшая его собственную версию марксизма. Как будто переключаясь с Уайльдом, Каутский верил в то, что: «только триумф Социализма сможет сделать все источники культуры доступными для пролетариата. Только триумф Социализма сможет уменьшить число рабочих часов настолько, что у рабочего появится досуг для приобретения знаний. ... Именно не свобода права на труд, а освобождение от труда, которое социалистическое общество обеспечит при помощи механизации, сумеет принести человечеству свободную жизнь, свободу для художественной и интеллектуальной деятельности».¹⁹

Поразительно, но для обоих селестиальных близнецов сам по себе социализм не был целью. Каутский объяснял: «Уточним, что социализм сам по себе не является

нашей целью: нашей целью является освобождение от любого рода эксплуатации и подавления, направленных против классов, против партий, полов или рас... Если в этой борьбе мы прибегаем к социалистическому способу производства как к цели, то это только потому, что технические и экономические условия, преобладающие сегодня, вынуждают нас принять социалистические методы как единственное средство для достижения нашей цели».²⁰ Уайльд как бы продолжал эту мысль: «Ценность Социализма лишь в том, что он приведет к Индивидуализму».²¹

Итак, если социализм не являлся целью этих селестиальных близнецов, то о чем же они мечтали? Сравним их идеалы будущего общества, представленные ими независимо друг от друга в ранних работах 1891–1892 гг. Каутский мечтал о том, что: «та благословенная гармоничная цивилизация, которая только однажды возникла в истории человечества, оставаясь тогда привилегией лишь для малой группы избранных аристократов, превратится в общее достояние всех цивилизованных наций. Тем, чем рабы были для древних афинян, машины станут для современного человека. ... И так как современные возможности науки и искусства значительно превышают возможности людей две тысячи лет тому назад, и сегодняшняя цивилизация затмевает цивилизацию маленькой древней Греции, то социалистическое сообщество затмит высотой своих моральных устоев и материального благосостояния это самое замечательное общество в мировой истории. Счастлив тот человек, которому дано внести свой вклад в реализацию этого идеала!»²² Как бы в ответ ему, Уайльд бросал вызов современному обществу: «Когда человек счастлив, то он находится в гармонии с собой и с окружающей средой. Новый Идеализм, во имя которого, хочет он того или нет, служит Социализм, будет идеальной гармонией». Далее Уайльд объяснял, что к этому обществу ранее стремились древние греки, но не смогли прийти к нему, потому что они имели рабов и кормили их. Ренессанс, по словам Уайльда, принес новые надежды, но реализация идеального общества оставалась невозможной, потому что привилегированные слои общества имели рабов и морили их голодом. Грядущий Новый Идеализм, полагал Уайльд: «будет совершенным, и с его помощью каждый человек достигнет своего совершенства. Новый Индивидуализм – это новый Эллинизм».²³

По странному совпадению Каутский и Уайльд видели идеальное будущее общество как усовершенствованную модель эллинизма, требуя «гармонию и счастье» для всех или эллинизм для всех. Важно отметить, что Уайльд писал свое эссе синхронно с Эрфуртской программой, когда интерпретация марксизма Каутским еще не была известной.

Уайльда, мастера эпиграммы, «не имевшего равных ему в умении выражать мысли с блестящей лаконичностью»,²⁴ часто упоминают за его претенциозное заявление: «Я свел суть всех систем мышления к одной фразе, а смысл всего сущего – к одной эпigramме».²⁵ Каутского помнят как человека, выразившего всю сущность социализма в одном предложении: «Мы можем популярно выразить основы Социализма следующими словами: свободу и хлеб для всех».²⁶

Для многих Уайльд оставался загадкой, как в личной жизни, так и в его произведениях. В то время как Каутский был далек от типичного политика, Уайльд

не был похож на типичного литератора. Часть его друзей сожалели, что с его блестящим талантом оратора он не стал политиком. Ирландский поэт Йетс полагал, что Уайльд: «мог бы сделать карьеру Биконсфильда²⁷, чей ранний стиль напоминает его стиль тем, что апеллирует к толпе, к возбуждению, к поспешным решениям, к немедленным триумфам».²⁸ С другой стороны, некоторые критики считали, что Уайльда вообще нельзя назвать писателем. Так, Макс Биербом писал в некрологе, опубликованном 8 декабря 1900 г.: «Несмотря на большое число книг и пьес, М-р. Уайльд, как мне думается, не был тем, что называется, прирожденным писателем. Его писания всегда казались скорее разливом интеллектуальной энергии, лишенной необходимой абсорбирующей функции. Сам факт того, что он никогда не сумел сконцентрироваться на одном литературном жанре, доказывает то, что искусство писания никогда, по-настоящему, им не завладело».²⁹ Для другого биографа, Дж. Вудкока, Уайльд не был ни писателем, ни политиком. Для него разгадка «парадокса Уайльда» была в том, что: «Истинное значение Уайльда оставалось в его постоянном поиске путей освобождения человеческой личности от любых пут, накладываемых на нее обществом и традициями».³⁰

Эти слова можно было сказать и о Каутском. В поисках обновленного эллинистического общества Каутский посвятил свою жизнь анализу социальных и научных характеристик такого общества. Мечтая о таком же будущем обществе, Уайльд посвятил свою жизнь, по его словам, «научному исследованию» художественных и гедонистических сторон этого общества. Оба занимались взаимодействующими сторонами той же проблемы. Но, по злой иронии, обоим поклонникам эллинизма судьба уготовила роль трагических героев греческой трагедии. В их жизни произошел тот резкий перелом судьбы, который неожиданно сменяет взлет на падение, и который традиционно считается основным требованием к сюжету захватывающей драмы. Начало 1890-ых было временем головокружительных успехов Уайльда и Каутского. Но, по словам Уайльда, если они «думали, что жизнь продолжится как блестящая комедия», то она обернулась «отвратительной, отталкивающей трагедией».³¹ Обоим на собственном опыте пришлось убедиться в том, что (по словам Уайльда) «между славой и бесчестьем есть только один шаг, да и то не всегда».³²

Каутский и Уайльд стали учителями новой философии, превзойденными и отринутыми впоследствии своими слишком рьяными учениками. Страшная реальность ленинской революции, приведшая к обвинению Каутского в предательстве, и беспутное поведение молодого друга и последователя Уайльда, поэта Альфреда Дугласа, приведшее к суду и к заключению Уайльда, беспощадно разбили все светлые мечты этих героев.

Трагедией жизни Каутского стало то, что он прославился больше всего не как оригинальный автор в области общественных наук, а как протагонист в полемике с Лениным, в которой он выступил против диктатуры пролетариата в России. Стеенсон писал о Каутском: «К несчастью, характер и теории Каутского в равной степени были не поняты и искажены как друзьями, так и врагами. Он не получил полагавшегося ему серьезного отношения ни со стороны историков, ни со стороны политологов, не говоря уже о предвзятых политических авторах. Под влияни-

ем Ленина, начиная с 1918 г., коммунисты поносили Каутского, называя его ренегатом и предателем масс. Противники коммунизма, особенно в западном мире, зачастую были не менее догматичными, критикуя его за радикальную риторику и негибкую позицию, помешавшие СДП перерасти в массовую демократическую партию». ³³

Начиная с 1914 г., Каутский лишился своего места в истории, а с 1919 г. он был и вовсе забыт. Паническое бегство из Вены 1938 года в Амстердам и трагическая судьба его семьи стали драматическим концом парадоксальной жизни Карла Каутского.

Как бы оказывая моральную поддержку своему далекому селестияльному близнецу, Уайльд писал: «Быть великим – это быть непонятым». ³⁴ Он так же добавлял: «Я живу в страхе того, что меня не будут не понимать». И он продолжал: «Только великим мастерам стиля всегда удавалось оставаться неясными». ³⁵ Характер Уайльда и его теории тоже были неправильно поняты и неправильно растолкованы, как и его друзьями, так и врагами. Самой тяжелой раной в жизни Уайльда был его раздор с Дугласом и конфронтация с его эгоистической версией эстетизма. В результате проблем, возникших в их взаимоотношениях, Уайльд приобрел трагическую известность из-за последующего суда. После обвинения в гомосексуализме и ареста в 1895 г. он подвергся остракизму в Англии. В 1897 г., после освобождения из тюрьмы, ему пришлось покинуть пределы страны. До смерти в конце 1900 г. он проживал во Франции под именем Себастьяна Мельмота. Его биографы признавали, что: «только считанные писатели после своей смерти вызывали такие жаркие споры, как Уайльд». ³⁶ Некоторые даже уверяли, что приписываемые Уайльду: «сексуальные отклонения и его заключение как будто уничтожили любую возможность объективной критики со стороны его учеников, в то время как его личные друзья, будучи спровоцированными вступить в истерические споры, настолько запутались в противоречиях и взаимных обвинениях, что их книги ненадежны и зачастую противны». ³⁷

Уайльд писал, что: «общество часто прощает преступника; оно никогда не прощает мечтателя». ³⁸ К несчастью, общество не было в состоянии простить этих некоронованных Королей Жизни только потому, что они были неисправимыми мечтателями. Оба слыли оптимистами, свято верившими, что со временем все будет хорошо, и что все человечество и все люди без исключения неизбежно станут счастливыми. Они мечтали, что сумеют передать всем свое врожденное, по-детски наивное умение быть счастливыми. Они не боялись, что их назовут утопистами, потому что оба верили, что быть утопистом – это единственно правильный способ быть человеком. Каутский спрашивал: «Чего стоит жизнь, если не быть оптимистом, если не уметь разглядеть в ближайшем будущем то, что, быть может, будет достигнуто нашими внуками?» ³⁹ Уайльд вторил ему: «Карта мира, на которой нет Утопии, даже не стоит того, чтобы на нее посмотрели, потому что она исключает ту единственную страну, на берега которой человечество постоянно высаживается. Прогресс – это осуществление Утопии». ⁴⁰

После падения авторитарных социалистических режимов, многих людей все больше привлекает идея демократического социализма с человеческим лицом. С

развитием новых технологий возникает новое отношение к эстетике. Сегодня люди могут носить яркие одежды, отращивать длинные волосы или заботиться о красоте рабочего места без опаски за свою репутацию. Чем люди становятся более образованными и терпимыми, тем их больше привлекают идеи Каутского и Уайльда. Кому-то жизнь этих селестиальных близнецов кажется трагичной из-за того, что им пришлось в конце концов столкнуться с крушением своих идеалов. Другие думают, что их жизнь была благословенной, потому что их идеи осуществились в отдаленном будущем. С одной стороны, биографы Каутского и Уайльда описывают их как людей исключительно «странных», «эксцентричных» и «ярких»; с другой стороны, они называют обоих символами своего времени и наиболее представительными фигурами века. Это парадоксальное отношение между «я» и «мы» может показаться менее удивительным, если вспомнить, что Каутский и Уайльд родились в Весах, которые, по словам Хикки являются «знаком союза или бракосочетания», когда «душа не может больше функционировать на «я» уровне сознания. Она должна превратиться в «мы» сознание».⁴¹ Девиз Весов – «Я балансирую», и с этой точки зрения вся жизнь Каутского и Уайльда может рассматриваться, как попытка балансировать между «я» и «мы» для того, чтобы прийти к священному союзу между личными и общественными формами сознания. Каутский описывал это деликатное взаимодействие между личностью и коллективом в своей книге «О материальной концепции истории»: «Человек существует лишь как существо общественное, только как такового мы его знаем.... С другой стороны, нельзя понять общество иначе, как путем наблюдения за жизнью и деятельностью отдельных индивидуумов, изучая их потребности и возможности».⁴² Уайльд представлял ту же идею своим характерным парадоксальным способом, говоря, что прийти к истинному Индивидуализму можно только путем достижения коллективного сознания, представленного Социализмом. Он верил, что только «Социализм сможет освободить нас от гнусной необходимости жизни для других».⁴³ «Никто не может понять себя, не изучая другого»,⁴⁴ – говорил Каутский; «Когда мы думаем, что экспериментируем на других, мы, на самом деле, экспериментируем над собой»,⁴⁵ – парировал Уайльд.

В предыдущей главе Астон и Содди уже подошли к «порогу рождения коллективного сознания». Для Уайльда и Каутского изучение проблемы взаимодействия между индивидуумом и обществом превратилось в основной жизненный урок. Оба они столкнулись с традиционной проблемой Весов: проблемой взаимоотношений, как между людьми, так и между личностью и коллективом. Интуитивно чувствуя это, Уайльд писал, что «он состоит в символических взаимоотношениях с человечеством», и что лишь «немногие достигали при жизни такого положения».⁴⁶ Странно, что именно селестиальный близнец Уайльда, Каутский тоже относился к этим «немногим».

Подробное изучение жизни Уайльда и Каутского выявляет не только длинную цепь совпадений и одинаковых идей, а еще и тождественную трагедию этих героев: драматичный перелом судьбы от стремительного взлета к резкому падению. Жизни Каутского и Уайльда характеризовались «разливом» интеллектуальной энергии. Для того чтобы сравнить этих людей, нужно сравнить их идеи,

парадоксы и афоризмы. А так как их жизни были тесно переплетены с жизнью общества, то их нужно рассматривать во взаимодействии с окружающим миром. Перед нами короткая история жизни этих острых интеллектуалов, представленная главным образом в свете их собственных высказываний или в свете суждений их друзей и оппонентов.

Они родились 16 октября 1854 г.

Уайльд и Каутский родились в городах, ставших сегодня столицами независимых стран, но по тем временам относившихся, соответственно, к Британской и Австро-венгерской империям. Двери в домах их родителей были открыты настежь для приемов интеллектуальной либеральной богемы.

Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд родился в Дублине, Ирландия. Его отец, сэр Уильям Уайльд (1815–1876гг) был врачом, считавшимся лучшим ирландским специалистом по глазным и ушным болезням. Кроме того, он увлекался изданием книг по археологии и фольклору, а также изучением биографии и творчества Джонатана Свифта. Мать Оскара, Джейн Франческа Элджи (1825–1896гг), была революционной поэтессой и хозяйкой литературного салона, известной под псевдонимом Сперанца. Она увлекалась кельтскими мифами и фольклором. Семья Уайльдов поселилась в Ирландии в XVII веке, но корни ее были англо-нидерландские. Семья Элджи происходила из смешанных ирландских и итальянских кровей. Леди Уайльд считала свою девичью фамилию искаженной формой от Алигьери, причисляя Данте к своим предкам. Своего второго сына она назвала королевским именем Оскар в честь шведского короля Оскара, который по семейному преданию стал крестным отцом младенца в благодарность за то, что сэр Уильям успешно прооперировал его глаза.⁴⁷

Оскар был очень привязан к своей маме. Он редко говорил об отце, и всегда слыл «маменькиным сынком». ⁴⁸ В «De Profundis» («Из бездны»), Уайльд признавался: «Никто не знал, как глубоко я любил и уважал ее (мать)». ⁴⁹ Считалось, что редко можно было встретить пару, более интересующуюся культурой, чем отец и мать Уайльда. Сэр Уильям был лет на десять старше своей супруги (есть некоторые сомнения в истинности года рождения Сперанцы). Он влюбился в нее заочно, так как был без ума от ее патриотических стихов, печатавшихся в прессе. В течение всей их совместной жизни они сохраняли живой интерес к людям и к книгам, и им никогда не было скучно вдвоем.⁵⁰

Леди Уайльд была известна как человек мечтательный, романтичный и экзальтированный. Она стала одной из первых женщин, сочетавших материнство с литературной деятельностью. После рождения второго сына она сетовала на трудности: «Жанна Д'Арк никогда не была создана для замужества, чтобы подобно мне быть привязанной к домашнему очагу. Взгляни на меня, Сперанца, как я качаю коляску, одновременно пытаюсь писать». ⁵¹ Но Сперанца не сдавалась: она издала книгу стихов и занялась переводом Дюма. К тому же, у нее была слабость к театральности. Свои драматические способности она проявляла в качестве хо-

зайки литературного салона. Один из ее частых гостей вспоминал: «Леди Уайльд напоминала мне трагическую королеву в провинциальном театре».⁵²

Уайльды любили устраивать приемы. Вопреки английским нравам, дети постоянно крутились под ногами у матери, и им разрешалось обедать вместе с взрослыми. Оскар с раннего детства общался со многими интересными людьми, собиравшимися в салоне матери. Впоследствии, после смерти отца, Оскар уговорил мать переехать к нему в Лондон, и там она тоже организовала литературный салон, позволив Уайльду повстречать многих людей, помогавших ему в его карьере. Интеллектуальная атмосфера в доме с детства подстегивала любознательность Оскара, превращая его в заядлого читателя. Детство казалось ему самым счастливым периодом его жизни. Позднее он пытался восстановить в памяти это наивное ощущение счастья: «Я должен научиться, как быть счастливым. Когда-то я умел это делать, или мне казалось, что я умел это делать инстинктивно. Тогда в моем сердце постоянно была весна».⁵³

В 1864 г. произошел крутой поворот в жизни счастливого семейства. Начинаясь год замечательно: отец Оскара получил титул дворянина, а Сперанца родила долгожданную дочь. Но тут на сэра Уильяма подала в суд одна из пациенток. Она утверждала, что он изнасиловал ее под наркозом. Суд обвинил доктора, присудив символическую сатисфакцию в одно пенни и оплату судебных издержек. Репутация сэра Уильяма была разрушена. Большую часть времени он проводил в деревне, превратившись в жалкого изгоя, от которого шарахался весь дублинский свет.⁵⁴ В создавшейся ситуации мать вынуждена была с неохотой отослать Оскара учиться в знаменитом порторском интернате в Эннискилле. Школа была строгая, истинно английская: протестантские священники, чтение псалмов, проповеди. Для Уайльда это было «изгнанием из рая»: «Оскар, ребенок, который привык одеваться в мамины наряды (и какие наряды!), не мог не страдать от душевной агонии, когда в возрасте десяти лет ему пришлось очутиться в компании грубых и насмешливых мальчишек...».⁵⁵

По странному совпадению Каутский тоже был отослан в 1864 г. в интернат вдали от родного дома, в школе монахов – бенедиктинцев в Мельке. В старости он с ужасом вспоминал, как «чистюлей» и «нежным маменькиным сыночком», который до того рос, по его словам, «в любви» и в «доброте», он неожиданно столкнулся с антисанитарными условиями, с грубой пищей и с подростками – забияками, на каждом шагу дразнившими его.⁵⁶ Даже в старости Каутский не мог избавиться от кошмарных воспоминаний, парализовавших его чуткую душу. Можно лишь прокомментировать словами Уайльда о его собственных школьных годах, что такие условия «вряд ли подходили для утонченных мальчиков».⁵⁷

Детство Каутского напоминало детство Счастливого Принца Уайльда, который «не знал, что такое слезы, потому что жил во дворце Утех, куда скорби вход воспрещен».⁵⁸ Карл Иоганн Каутский родился в Праге. Его родители, Минна Йайх (1837–1912) и Иоганн Каутский (1827–1896) работали в австрийском театре. Отец Карла был художником-декоратором. Он обучался этому искусству в Праге и в Дюссельдорфе. Когда 26-летний Иоганн обучался рисованию у Петера Антона Йайха, он влюбился в его 16-летнюю дочь Минну. В то время она уже

пользовалась успехом на сцене пражского драматического театра. В жилах Минны текла немецкая, хорватская и венгерская кровь; предки Иоганна были чехами и поляками. Карл говорил, что его семья была «полиглотом».

Карла назвали королевским именем в честь легендарного короля франков Карла Великого.⁵⁹ Семейство Каутских считалось очень дружным. Карл вспоминал, что в доме царила интеллектуальная атмосфера, пробуждавшая в нем жажду знаний⁶⁰. Его родителей объединяла общность интересов, и их дом всегда был центром культурных и художественных встреч, где Карл с раннего детства мог общаться с самыми интересными людьми своего времени.

Подобно Уайльду, Каутский мало рассказывал о своем отце, отводя основную роль в своем детстве матери. В Минне сочетались особые качества эксцентричности и упорства, позволявшие ей преодолевать огромные трудности, связанные с желанием сочетать материнство со сценой. Из-за того, что работа в немецком театре сопровождалась гастролями, требовавшими от нее длительных разлук с семьей, она решила изучить чешский язык, чтобы выступать на сцене чешского театра. Ее дети росли за кулисами, а Карл уже в шесть лет появился на сцене, играя в «Фаусте». Каутский вспоминал: «из всех членов семьи именно мать оказывала наиболее сильное влияние на меня».⁶¹ Его привязанность к матери сохранилась на всю жизнь. После смерти мужа Минна в 1904 г. переехала в Берлин и жила возле сына до самой смерти. К старости мать Каутского увлеклась художественной прозой, и ее романы на социалистические темы приобрели успех в среде социалистов еще задолго до того, как стали печататься работы Карла.⁶² Подобно леди Уайльд, Минна Каутская помогла своему сыну в будущей карьере, введя его в круг полезных для него знакомств. Интересно, что в то время как леди Уайльд была писательницей, склонной к театральности, Мина Каутская была драматической актрисой, наделенной литературными способностями. Это «зеркальное отображение» материнских черт впоследствии проявилось в сыновьях: Уайльд стал писателем-социалистом, а Каутский – социалистом-писателем. Оба унаследовали от матерей как их любовь к словам, так и их театральность.

До 1864 г. Карл рос и учился дома. В шесть лет он уже жадно читал обо всем на свете, особенно увлекаясь географией и рассказами о животных. Первые десять лет его жизни протекали, по его словам, в полном счастье. Перелом произошел после того, как его отец согласился принять престижное место художника-декоратора на сцене Венского Имперского Театра. С одной стороны, после переезда в Вену доходы семьи возросли. С другой стороны, в начале 1864 г. Минна после родов заболела туберкулезом. В результате этой тяжелой болезни ей пришлось навсегда покинуть сцену. Более того, она настолько ослабела, что не могла заботиться о детях. С большим сожалением Карла вынуждены были отослать в Мельк. Для него эта школа стала самым мрачным и суровым местом. Как и Уайльду, десятилетнему Каутскому в 1864 г. пришлось столкнуться с проблемами страданий, невзгод и бед. С тех пор для обоих мальчиков проблема человеческих страданий заняла одно из центральных мест в жизни. «Нет в мире большей мистерии, чем людские страдания», – решил Счастливый Принц Уайльда и отдал нуждаю-

щимся свои глаза и сердце.⁶³ Вслед за ним Каутский и Уайльд отдали свою жизнь человечеству, в надежде искоренить все страдания.

Почему два мальчика, рожденных в разных странах и исповедывавших разные религии, столкнулись с одинаковыми проблемами? Астрологический подход может, по крайней мере, пролить свет на эту мистерию. В картах Каутского и Уайльда есть квадратура Луной-Ураном. Обычно этот тяжелый аспект сопровождается ситуацией, при которой мать ребенка ведет необычный, эксцентричный образ жизни. С одной стороны, такое влияние «может привести к различным проблемам в человеческих отношениях». С другой стороны, этот аспект впоследствии помогает развить искреннее сочувствие к людям. «Пройдя через страдания и преодолев различия в характере с другими людьми, такие люди учатся лучше понимать и прислушиваться к тем, кто живет другими ритмами и интересами».⁶⁴ В 1864 г. Оскар и Карл столкнулись с тяжелыми для них непривычными ситуациями, и их сердце наполнилось милосердием.

Школьные успехи обоих мальчиков были средними: математика давалась им с трудом.⁶⁵ Но это не помешало ни Каутскому, ни Уайльду одновременно поступить в самые престижные университеты своих империй. После интерната Уайльд учился в Тринити-колледже, а в 1874 г. он поступил в Оксфорд. После Мелька Каутский окончил гимназию в Вене, а затем в 1874 г. он поступил в Венский университет. Эта синхронность еще более удивительна тем, что по австрийским законам Каутскому полагалось сначала отслужить в армии, но он был освобожден из-за близорукости. Таким образом, оба селестиальных близнеца прожили жизнь мирно, никогда не призываясь в армию. Оба поначалу мечтали стать юристами, но затем выбрали классическое гуманитарное образование с целью продолжить академическую карьеру.

Интересно, что некоторые биографы (например, Джулиан) полагали, что интерес Оскара к юриспруденции был вызван травмирующими событиями детства, связанными с судом над его отцом. Хотя такое предположение выглядит логичным, оно не может объяснить, почему Карл тоже хотел стать юристом. В воспоминаниях Каутского не было никаких намеков на проблемы в судах, и, тем не менее, он, по необъяснимым причинам, начал изучать юриспруденцию.⁶⁶ С точки зрения Θ -факторного анализа можно предположить, что оба селестиальных близнеца заинтересовались юриспруденцией потому, что обоим интереснее всего на свете было изучать все формы людских взаимоотношений во всем их многообразии. В этом случае, любое событие в их жизни, такое, как, например, процесс сэра Уильяма, не могло послужить первопричиной возникновения у Оскара интереса к закону, а могло лишь стать катализатором, усилившим определенные процессы в его душе.

В Оксфорде Уайльд учился блестяще, но его выпускная работа в 1878 г. не заняла первого места, и поэтому он вынужден был расстаться с идеей академической карьеры. Уайльд решил стать профессиональным писателем. Тем временем Каутский до 1878 г. прозанимался в Венском университете, но так его и не окончил, потому что целиком окунулся в социалистическую деятельность. Чтобы зарабатывать на жизнь, Каутский тоже стал публиковаться. Интересно, что

перед окончательным выбором литературной карьеры оба сестимильных близнеца в течение короткого периода времени тешили надеждой стать великими художниками. Каутский начал рисовать фрески и расписывать стены, но быстро понял, что для его глаз будет легче писать. Уайльд проявлял большой интерес к живописи и к теории искусств, но со временем пришел к выводу, что литература ему больше по душе.

Оба юноши первым делом попробовали себя (с умеренным успехом) в драматургии. В 1877 и 1878 гг. пьеса Каутского «Atlantic–Pacific Company» ставилась на сцене венского и берлинского театров. Тем временем Уайльд написал пьесу «Вера, или Нигилист», поставленную в Нью-Йорке в 1880 г.

В этот период Уайльд и Каутский проявляли живой интерес к ирландским и чешским, соответственно, националистическим движениям. Но, родившись в многонациональных семьях, они были слишком космополитическими людьми, чтобы связывать себя узкими рамками любого национализма. Тем не менее, как верные сыны Дублина и Праги, оба на протяжении всей жизни оказывали моральную поддержку различным национальным меньшинствам. Затем Уайльд и Каутский пытались примкнуть к анархизму, но не нашли в нем удовлетворительных ответов на свои вопросы. Существующий строй казался им неприемлемым, и оба они хотели его преобразовать, чтобы обеспечить более гармоничное и счастливое будущее для всего человечества.

Молодой интеллектурал Каутский относился к тем считанным австрийским социалистам, которые занимались вопросом разработки теории организации рабочего движения. Его ранние статьи, печатавшиеся в австрийском «Социалисте», подавали работы Маркса в доступной форме для австрийских социалистов. Сочинения Маркса, написанные в тиши библиотечных залов, были слишком академичными, тяжеловесными и недоступными для широкого читателя. Маркс надеялся, что рано или поздно его сложные экономические работы будут изложены на популярном языке для масс. Каутский с радостью взял на себя эту миссию. Он писал: «Работа моей жизни стала мне ясна в 1883 г. Ее целью были пропаганда, популяризация и, по мере моих возможностей, продолжение научных результатов Марксистских мысли и исследования».⁶⁷

В это время Уайльд распространял эстетические и социалистические идеи своих оксфордских лекторов, английских писателей Джона Раскина и Уолтера Патера. На него очень глубоко повлияли их учения о роли искусства в жизни. Как и многие интеллектуалы того времени, Уайльд увлекся идеями Патера об эстетической интенсивности, с которой следует прожить жизнь. Преклоняясь перед всем прекрасным, Патер защищал идею «искусства ради искусства и во имя искусства», призывая студентов постоянно гореть лучезарным огнем самоцветов. Впоследствии эти идеи стали основными принципами эстетского движения.

В Оксфорде Уайльд создал вокруг себя ореол эстета, позера и денди. Его длинные волосы, узкие штаны, причудливо декорированные комнаты и колкость остроумия давали повод для обсуждений всему колледжу. Но его деятельность в Оксфорде не сводилась к коллекционированию редкого фарфора и причудливых фазаньих перьев. Уайльд не только заработал репутацию серьезного исследовате-

ля классической литературы и талантливого поэта, но и участвовал в социалистическом проекте Раскина. От Раскина Уайльд заразился идеей «прокладывания новых дорог». Началось все с того, что Раскин нашел новый способ использования энергии студентов: он предложил им вымостить красивую дорогу между двумя соседними деревушками. Уайльд вспоминал, как он с энтузиазмом рано вставал каждый день, чтобы толкать нагруженные камнями тачки. Он говорил, что «если бы у молодых людей хватало энтузиазма выходить на такую работу по прокладке дорог во имя благородных жизненных идеалов, то я бы из них создал художественное движение, способное так же изменить жизнь, как когда-то было изменено лицо Англии».⁶⁸ Уайльд разделял социалистические идеи Раскина, и на протяжении всей своей жизни он искал себе верных единомышленников для «прокладки дорог»: «я разыскивал их – они меня называли лидером – но у нас не было лидера: мы были только искателями, и всех нас связывали благородная дружба и благородное искусство».⁶⁹

В 1879 г. Уайльд обосновался в Лондоне, объявив себя «профессором эстетики», лидером эстетского движения и литературным критиком. Его целью было обучить пуританскую Англию как сделать свои одежды и дома красивыми. Ему хотелось посредством статей и лекций обучить людей наслаждаться простыми радостями жизни, отгоняя при помощи прекрасного любые невзгоды и страдания. Этот некоронованный Король Жизни ни на минуту не прекращал распространять идеи о высоких эстетических стандартах в ежедневном быту. Его лекции пользовались большой популярностью, и в 1882 г. он направился в турне по Америке. Личные качества Уайльда – его юмор, острый ум и талант собеседника стали залогом успеха этого турне. Людей не столько интересовали чудаковатые темы эстетизма, сколько желание посмотреть на забавного эстета и посмеяться над ним. Но Уайльд своим остроумием завоевывал их сердца, доказывая на собственном примере, что и клоуны могут быть философами. Его находчивость и врожденная театральность ни разу не подвели его во время поездки. Ему казалось, что он преуспел в своей миссии возвеличивания искусства и красоты. Он верил, что сумел объяснить, как это важно поклоняться прекрасному. Ведь, по его убеждению, признание красоты быстрее спасет мир, чем, борьба с невзгодами. Поездка прошла успешно, и в 1883 г. Уайльд, вернувшись в Лондон, посвятил себя публицистике.

В то время как Уайльд объяснял, что он создал свое движение «для того, чтобы показать богатым, какими красивыми вещами они могут наслаждаться, а бедным, какие красивые вещи они могут создавать», Каутский писал, что: «задуманные нами мероприятия и предприятия оказывают просветительное влияние не только на рабочих, но и на работодателей».⁷⁰ Позднее Маттик характеризовал Каутского как человека, который «хорошо подходил для роли духовного вождя движения, ставившего своей целью обучать в равной степени и рабочих и капиталистов».⁷¹ В то время как красноречие Каутского и его эклектические знания делали его наиболее подходящим кандидатом на роль популяризатора идей Маркса, яркая личность Уайльда позволяла ему стать наилучшим популяризатором Патера: «Публицистические статьи Уайльда в большой степени являются неотразимо яркими по-

пулярными объяснениями и разработками мыслей Патера – со своими характерными особенностями стиля. То, что у Патера было тяжеловесным, серьезным и возвышенным, у Уайльда становилось легким, блестящим и смешным. ... И в то время как Патер скрывался затворником в тени старого Оксфорда, Уайльд блистал и сиял в модных светских лондонских салонах интеллектуалов». ⁷² В то время как Маркс просиживал отшельником в Британской библиотеке, Каутский становился восходящей звездой социалистической прессы, выражая собственные мысли рабочих «на языке более доступном для них, чем язык Маркса». ⁷³

Для достижения своих целей Уайльд и Каутский были готовы навязать себя своим учителям, пуская в ход все свое обаяние, чтобы завоевать их расположение. Такое поведение зачастую отталкивало. В 1881 г. после первой встречи с Каутским у Маркса сложилось крайне неприятное впечатление о нем. Он писал: «Когда этот «очаровашка» впервые появился у меня – я имею в виду маленького Кауза («чудака», прозвище, которым Маркс дразнил Каутского) – первым, что пришло мне в голову, было спросить: не похож ли он на свою мать? Совсем нет, уверил он меня, и я мысленно поздравил его маму. Он – посредственность, с ограниченным мировоззрением, наблюдательный (только 26), очень высокомерный, в некотором роде трудолюбивый, хотя и занимается массой статистических данных, но не выносит из них ничего разумного...». ⁷⁴

В тот же период к Уайльду многие относились как к «надоедливому пуделю». Патер, с академической серьезностью строивший аргументацию принципа «искусство ради искусства», не переносил «странную вульгарность, которую М-р. Уайльд ошибочно выдает за очарование». ⁷⁵ Леон Доде вспоминал, что Уайльд одновременно «привлекал и отталкивал»; после первой встречи с Уайльдом Эдмонд де Гонкур дал ему не очень лестную характеристику: «Обедал с ... английским поэтом Оскаром Уайльдом, человеком неопределенного пола, который говорит как третьеразрядный актеришка и рассказывает какие-то странные истории, позабавив нас описанием города в Техасе». ⁷⁶

Впоследствии Оскару удалось заслужить уважение со стороны серьезных людей. Способствовали тому его редкая эрудиция и умение поощрять людей говорить на их любимые темы. Скоро его имя стало легендой, и он стал самым заметным из всех эстетов. В результате, у него появилось много последователей и поклонников, подражавших его стилю одежды и разговора. Большинство из них не являлись людьми творческими, и их связь с эстетизмом ограничивалась лишь модой. Такие молодые, странно одетые «пижоны» стали предметом насмешек общества, а сам Уайльд послужил прототипом странных поэтов и позеров в комической опере Гильберта и Саливана, «Patience».

В начале 1880-ых Каутский стал одним из наиболее плодovitых писателей в международном социалистическом движении. Но было бы ошибкой представлять себе его в образе серьезного молодого человека, пишущего в кабинетной тиши. На самом деле, к нему лучше всего подходила эпиграмма Уайльда: «Он – первый хорошо одетый философ в истории мысли». С 1880 по 1882 г. Каутский находился в Цюрихе, работая секретарем у социалиста и миллионера Гохберга. Экономическая поддержка Гохберга позволяла ему вкушать все прелести этого

космополитического города, так что Каутский с головой окунулся в исследование различных забав и утех. Один из его закадычных друзей писал ему с удивлением: «Я слышу об испанских винах, о заморских деликатесах, которыми ты лакомишься, и о дамах из разных стран, с которыми ты спишь. Наш ли это воспитанный и трезвый Карл, которого мы знали?»⁷⁷ Несмотря на то, что ни Уайльд, ни Каутский не имели проблем с алкоголизмом, оба могли рассказать о себе забавные анекдоты, связанные с неумеренным потреблением спиртного. Уайльд любил похвастаться, что во время американского турне он пил больше, чем американские шахтеры. В социалистических кругах любили вспоминать, как в 1884 г. «Каутский на дне рождения у Энгельса настолько перепился шампанским, что назавтра не мог встать с похмелья».⁷⁸ В это время Каутского прозвали «Веселым Бароном». Прозвище барона приклеилось к Карлу из-за его элегантных костюмов, выделявшихся на фоне большинства неряшливо одетых друзей. Веселым он считался из-за своего неиссякаемого оптимизма. Его лучший друг, социалист Эдуард Бернштейн, вспоминал как часто во время еженедельных встреч в одном из клубов Цюриха «легкий, подвижный и необычайно изобретательный Каутский забавлял нас, когда наше настроение позволяло веселиться, своими необычайнейшими потрясающими пародиями на акробатов или фантастических танцоров».⁷⁹ Забавно и то, что, не будучи ирландцем, Каутский в этот период читал лекции по истории Ирландии!⁸⁰

Кем были Уайльд и Каутский? Многим они казались прирожденными клоунами, разгуливавшими в павлиньем оперенье на фоне серой пуританской будничности. Тем не менее, это не мешало им быть серьезными мыслителями, доказавшими, что клоуны тоже могут быть философами. Уайльд говорил: «Я хотел достичь успеха в молодости. Молодость – это подходящая пора для успеха».⁸¹ Уайльд и Каутский добились успеха, не достигнув 35 лет. С начала 1880 г. оба уже были преуспевающими публицистами. Конец 1880-ых годов, совпавший с продвижением в карьере, оба провели в Лондоне. Три года (1885–1888), проведенные Каутским возле Энгельса, помогли ему укрепиться в роли ведущего марксистского теоретика. При поддержке Энгельса Каутский, подолгу засиживаясь в стенах Британской библиотеки, изучал вопросы мировой истории и экономики. В это же время он помогал отцу, став его агентом по продаже оригинальных декораций английским театрам. К концу 1880-ых период ученичества Каутского подошел к концу, и он принял пост главного редактора газеты «Die Neue Zeit» – официального органа немецких социал-демократов. В 1889 г. Каутский уже мог подводить первые итоги своих успехов: «Я зарабатываю на жизнь публицистической и нахожусь в оппозиции... Я не агитатор, а независимый ученый, и я достиг такого приятного статуса, при котором могу сказать, что наиболее трудное время – начало – уже осталось позади».⁸²

В это время Уайльд, ставший главным редактором популярного журнала «Women's World», тоже мог подписаться под этими словами. Но должность главных редакторов была связана с большой ответственностью и была очень трудоемкой работой. Для Уайльда и Каутского ежедневная рутина редакторских обязанностей – особенно просмотр новых книг и статей – была изнурительной и обре-

менительной. На творчество времени почти не оставалось. Уайльду пришлось понять, что большинство англичан оставались равнодушными к вопросам применения принципов эстетики в быту. Каутскому пришлось убедиться, что в Германии (где он проживал с начала 1890 г.) большинство рабочих были равнодушны к вопросам социализма.

Стоит отметить, что многие биографы скептически относятся к некоторым воспоминаниям Каутского и Уайльда. Вудкок сомневался в том, что Уайльд постиг дороги, принимая участие в проекте Раскина. Он так же ставил под сомнение сам факт существования эстетского движения, заявляя, что оно существовало лишь в фантазиях самого Уайльда.⁸³ Стеенсон сомневался в правдивости историй Каутского об участии в марксистских кружках в Австрии 1870-ых. По его словам, эти описания были продуктом «ошибочных воспоминаний» Каутского, так как в то время социалистическими идеями интересовались лишь считанные интеллектуалы, а никак не широкие массы рабочих.⁸⁴ Возможно, что Каутский и Уайльд, так же, как и их биографы, несколько упрощали действительность, пытаясь понять ход движения мировой истории и определить в ней место конкретной личности. Уайльд не отрицал такой возможности, иронично говоря, что: «память — это дневник, который записывает хронику событий, которые никогда не происходили и не могли произойти в принципе».⁸⁵ С точки зрения Θ -факторного анализа нет необходимости проверять «правдивость» тех или иных воспоминаний героев, а достаточно лишь сравнить их воспоминания и их субъективное мировосприятие. С этой точки зрения, даже сомнения Вудкока и Стеенсона в истинности воспоминаний Уайльда и Каутского являются значительным совпадением. Стеенсон писал о Каутском: «В попытке защитить свои позиции в глазах общественности, Каутский был склонен преувеличивать свои чувства в целях достижения пропагандистского и драматического эффекта».⁸⁶ Вудкок как бы перекликался с ним, описывая Уайльда: «Уайльд никогда не отличался точностью в беседах или в письме: он обладал ирландской любовью к романтике, и ради доказательства своей точки зрения мог с легкостью что-нибудь выдумать».⁸⁷

В начале 1890-ых Уайльд и Каутский были уже знаменитыми писателями. Символичным можно считать то, что период их успеха открывался социалистическими программными работами. В то время как «*Душа человека при социалистическом строе*» Уайльда представляла «освободительную» сторону эстетизма, «*Классовая борьба*» Каутского говорила о «гуманном» социализме. Обе работы провозглашали идеалы будущего социалистического эллинского индивидуалистического общества. Каутский мечтал о таком обществе, которое бы защищало интересы и обеспечивало права всех меньшинств и каждого индивидуума в отдельности. Он беспрестанно повторял о необходимости помнить, что общество состоит из отдельных индивидуумов: «В действительности существуют только индивидуумы; их деление на группы, классы и виды существует лишь в наших головах для того, чтобы облегчить нам разобраться в сложной многогранности отдельных явлений».⁸⁸ Можно сказать, что Каутский был своего рода «индивидуалистическим социалистом». Уайльд стремился к индивидуализму, который бы привел к всеобщему благоденствию и счастью. В этом смысле он был социали-

стическим индивидуалистом. Каутский верил в социализм, но он боялся авторитарного социализма, при котором бы индивидуумы страдали от подавления своих прав. Поэтому он постоянно твердил, что только демократический социализм сможет привести к будущему идеальному обществу: «Социализм как средство освобождения пролетариата немыслим без демократии. Социализм и демократия – это не средство и цель, а лишь средства для достижения той же цели. Социалистический тип производства возможен и при недемократических системах. Как Энгельс отмечал в 1875 г., в примитивных общинах (таких как крестьянские общества в Индии и России), коммунистические методы стали основой для деспотизма».⁸⁹ Каутский считал, что одних только социализма и демократии еще недостаточно для защиты прав человека. В дополнение он требовал учредить институты защиты прав меньшинств: «Демократия означает не только правление большинства, но и защиту меньшинств. Хотя только некоторые новые идеи и доктрины способны привести к истинному прогрессу, тем не менее, прогресс возможен лишь благодаря новым идеям, которые поначалу высказываются меньшинством. Подавление новых идей меньшинств в партии нанесет вред пролетарской классовой борьбе, и станет препятствием к росту пролетариата. Мир постоянно ставит перед нами новые проблемы, которые не могут быть решены существующими методами. ... Защита меньшинств настолько же необходимое условие для демократического развития, как и важность правления большинства».⁹⁰

Уайльд тоже был озабочен возможными негативными последствиями социализма: «Ясно, что никакой авторитарный социализм не преуспеет. Потому что, если при нынешней системе большая часть людей может вести свою жизнь с достаточной степенью свободы, самовыражения и счастья, то при индустриально-барачной системе, или при системе экономической тирании, никто вообще не будет обладать такой степенью свободы».⁹¹ Уайльд признавал с тревогой, что большинство идей социалистов, с которыми он встречался, были загрязнены принципами авторитарности или даже принуждения. Но все же он с оптимизмом восклицал, что только при социализме: «индивидуализм будет намного свободнее и намного ярче, чем ныне».⁹²

Сходства между программными работами Уайльда и Каутского не ограничивались одними лишь похожими целями. Поразительно, что ни писатель Уайльд, ни теоретик марксизма Каутский даже не пытались описать, каким путем можно прийти к идеальному будущему обществу. Будучи искренними поклонниками дарвинизма, оба настаивали на том, что новое общество станет результатом неизбежной эволюции человечества. Каутский писал: «Социализм – это не механизм, который можно сконструировать по заранее намеченному плану, и который после запуска будет продолжать исправно работать. Это процесс общественного сотрудничества, который, подобно любой общественной деятельности, подчиняется определенным законам. В рамках этих законов он может принимать различные формы».⁹³ Из-за того, что общественное развитие настолько сложно, Каутский убеждал, что «построение планов для будущего социалистического государства настолько же нелогично, как и написание впрок истории будущего года».⁹⁴ Уайльд как бы перекликался с ним: «Индивидуализм не придет к челове-

ку ни с какими тошнотворными ханжескими речами о долге, которые выражают лишь то, что другие люди хотят, потому что им хочется этого; и ни с какими лицемерными речами о самопожертвовании, означающими лишь пережитки дикарских обычаев наносить увечья. На самом деле, он не предъявит людям никаких требований. Это та точка, к которой стремится все развитие. ... Человек дорастет до Индивидуализма сам по себе... Спрашивать, является ли Индивидуализм практичным – это все равно, что спрашивать, является ли Эволюция практичной. Эволюция – это закон жизни, и невозможно иного движения эволюции, за исключением движения к Индивидуализму».⁹⁵ Как неподражаемый мастер парадокса, Уайльд (именуемый также Принц Парадокс) не мог удержаться от парадоксального вывода: «Только лишь потому, что Человечество никогда не знало, куда оно движется, ему всегда удавалось выйти на свою дорогу».⁹⁶

Возникает вопрос: если не существует дороги к идеальному обществу, то какая роль отводится теоретикам этого общества? Каутский и Уайльд верили, что переворот в общественном сознании неизбежен вследствие эволюции человечества. Оба были уверены, что в их миссию не входит организовывать никаких переворотов или революций. Их долгом было подготовиться, чтобы принять нужные меры, когда придет время больших перемен. Как подготовиться? Путем описания своих целей. Уайльд выразил эту идею очередным афоризмом: «Когда человек действует, то он – марионетка. Когда описывает, он – поэт».⁹⁷ Этот афоризм соответствовал убеждению Уайльда, что «литература всегда предвосхищает жизнь. Она не копирует ее, а формирует ради своих целей».⁹⁸ Похоже, что марксист Каутский именно из этих соображений не занимался лихорадочными подготовками революции, а посвящал свою жизнь кропотливому анализу современного общества и разъяснению рабочим их ответственности перед историей. Каутский заявлял: «наша роль не организовывать революцию, а использовать ее в своих целях».⁹⁹ Уайльд добавлял: «Мы нуждаемся в непрактичных людях, смотрящих в будущее и мыслящих завтрашним днем. Те, кто стараются вести народ, могут преуспеть лишь, если они идут за толпой. Только из уст кричащих в пустыне нужно прокладывать пути Господни».¹⁰⁰ Когда Уайльд упоминал «кричащих в пустыне», он видел себя в роли одного из поэтов или пророков, чья роль была в том, чтобы открывать глаза этим «бедным людям, не развившим свои личности»: «Бедствование и нищета являются настолько разрушительными и оказывают такое парализующее воздействие на природу людей, что никакой класс никогда не осознает свои собственные страдания. Другие люди должны показать им их невзгоды, но им часто совершенно не верят.... Агитаторы – это посредники, обращающиеся к какому-либо совершенно удовлетворенному классу общества, чтобы посеять семена неудовлетворенности в нем. Именно поэтому нельзя обойтись без агитаторов. Без них, в нашем несовершенном государстве, не будет никакого прогресса».¹⁰¹ Каутский тоже считал себя одним из озаренных людей, частью «элиты», в задачу которой входило подготовить общество к грядущим переменам: «Необразованный и деморализованный пролетариат, который не может организовать себя и управлять собой, должен управляться правительством, составленным из его образованной элиты, подобно тому, как иезуиты в Парагвае организовали индейцев и правили ими».¹⁰²

Каутский и Уайльд считали, что основным требованием к новому обществу должна быть полная свобода его членов. Уайльд писал: «Все сообщества должны быть абсолютно добровольными. Только в добровольных организациях человеку может быть хорошо».¹⁰³ Он полагал, что любая попытка насадить Социализм насильственным путем приведет лишь к еще большим страданиям и нищете, чем до революции. И Каутский отзывался эхом: «Потребность в свободе и в самоопределении настолько же естественна, как и потребность в пище».¹⁰⁴ По Каутскому, Социализм «означает не только освобождение пролетариата, но и всей человеческой расы».¹⁰⁵ Прийти к нему можно только революционным путем, но, как это ни парадоксально, эта революция должна свершиться добровольно: «Но она (революция) не будет свершена ни диктаторским путем, ни под угрозой пушек и автоматов, ни в результате уничтожения политических или социальных оппонентов, а только демократично и гуманно».¹⁰⁶

Уайльд и Каутский отвергали возможность насилия над кем-то или даже интеллектуального воздействия на кого-то. Согласно Уайльду: «Нет в мире хороших влияний. Любое влияние аморально – аморально с научной точки зрения».¹⁰⁷ Оба были уверены в том, что важнее всего для людей принимать решения по собственной воле. Даже в своих работах они избегали любых видов поучений, заменяя их провокационными парадоксами.

Парадоксом называют положение, кажущееся на первый взгляд противоречивым, истинный смысл которого проясняется лишь после тщательного анализа. Целью парадокса является привлечь внимание для того, чтобы спровоцировать рождение свежей мысли. Похоже, что по части парадоксов Каутский не уступал Принцу Парадоксу. Его парадоксальные изречения о революции без революции, или о добровольной революции без жертв требовали от читателя почти акробатических способностей жонглирования словами для того, чтобы уследить за мыслью автора.

Однажды в беседе с Бебелем Энгельс описал Каутского, как «врожденного скрупулезного педанта, в руках которого не сложные вопросы проясняются, а простые вопросы запутываются».¹⁰⁸ Можно сравнить логические построения Каутского с коанами Дзен-буддизма. По-японски слово «коан» означает парадоксальный вопрос, вынуждающий ученика признать бесплодность любых попыток прибегнуть к существующим концепциям, и таким образом приводящий его к озарению. Размышления над такими парадоксальными предложениями должны ускорить выход за рамки привычных границ сознания и пробудить понимание трансцендентных истин. Усилия, прилагаемые для решения коана должны истощить как интеллект, так и волю ученика, подготовив его мозг к восприятию уровня интуиции. Каутский и Уайльд старались избегать привычных концепций, отрицая возможность существования абсолютной истины. Девизом Каутского было: «Любая истина всегда относительна».¹⁰⁹ Он добавлял: «постольку, поскольку мы рассматриваем истинность мнений, нам нужно согласиться с Понтием Пилатом, спрашивавшим: «Что есть истина?» Нет абсолютной истины. Есть только процесс Познания».¹¹⁰ «Истина в искусстве – это то, обратное чему тоже истинно», – отвечал парадоксом на парадокс Уайльд, добавляя, что: «к истине я прибавлял не

меньше лжи, чем правды, показывая, что ложь и истина — это две формы интеллектуального существования».¹¹¹

Парадокс — это очень сильное оружие; чтобы понять и разрешить его, нужно сначала привести обе его части к равновесию, чтобы затем выйти из этой плоскости в новое измерение. Любая попытка разрешить парадокс простым предпочтением одной его части другой только выводит систему из равновесия и разрушает все построение. Символично то, что Уайльд и Каутский — эти врожденные мастера парадокса — родились в Весах, известных своим умением рассматривать обе стороны проблемы, взвешивая их на чашах весов, ставших традиционным изображением этого знака Зодиака. Глядя на изображение Весов, можно себе представить, что на их чашах уравновешены кажущиеся противоречивыми аспекты парадокса, в то время как стрелка весов указывает на выход из положения.

Многие друзья и биографы Каутского и Уайльда отмечали их главной чертой желание примирять противоборствующие стороны. Согласно Троцкому, «Каутский видел свою главную миссию теоретика в *примирении* реформы и революции».¹¹² Согласно Стеенсону, теории Каутского могут «рассматриваться как попытка интерпретации и балансировки наиболее заумных двусмысленностей в писаниях Маркса».¹¹³ Ленин писал, что «Сиденье между двух стульев — вечная судьба Каутского».¹¹⁴ Вудкок полагал, что Уайльд «любил парадокс, потому что он подходил к его особому дуальному взгляду на мир». И он продолжал, что «Уайльд уравнивал свои слабости сказочной щедростью, желанием всегда услужить друзьям и отсутствием озлобленности, редкой для такого блестящего оратора».¹¹⁵

Каутский и Уайльд ставили перед человечеством свои блестящие парадоксы. К несчастью, их не всегда понимали. Мастер «практического» марксизма Ленин пришел в ярость, прочитав в брошюре Каутского «Диктатура пролетариата» (1918) парадоксальную критику большевистской революции, написанную его бывшим учителем. В этой работе Каутский вновь выдвигал однозначные требования предоставить свободу всем и каждому, не отрицая при этом диктатуры пролетариата. Он выступал за революцию и за мирный добровольный переход, за сильное государство и за демократию. Для Ленина все эти требования были несовместимыми, оскорбительными «глупостями» и «пустой болтовней». Будучи не в состоянии справиться с такими парадоксами, Ленин ответил яркой атакой на их автора. В своей резкой и ядовитой работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» он риторически вопрошал, откуда у «начетчика» Каутского взялась такая «чудовищная теоретическая путаница» и обвинял Каутского в подмене диалектики эклектицизмом и софистикой. За искренние попытки Каутского привести мир к гармонии и к балансу, соблюдая при этом уважение ко всему живущему, Ленин сравнивал его со «слепым щенком, который случайно тычет носом то в одну, то в другую сторону».

Для Каутского понятие «революционная диктатура пролетариата» не включало революционного насилия со стороны угнетенного класса над угнетателями, а являлось «состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат составляет большинство». Он последовательно стоял на

том, что большинству, раз оно большинство, не нужно «ломать сопротивления» меньшинства, не нужно «насиловать подавлять» его.

Для здравого смысла Ленина не было ни слова истины в этой «сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского». Для него: «Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами». И Ленин удивлялся, почему эту «простую истину, истину, ясную как божий день для всякого сознательного рабочего», эту «бесспорную для всякого марксиста истину приходится «войной отвоевывать» у учнейшего господина Каутского!» Каутский требовал свободу для всех. Для Ленина это требование являлось свидетельством явной глупости Каутского, потому что ему было ясно как божий день, что «Эксплуататор не может быть равен эксплуатируемому». Для Ленина «Эта истина, как она ни неприятна Каутскому, составляет существеннейшее содержание социализма».

Мечты Каутского о свободном государстве казались Ленину явным вздором. Для Ленина «Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим». В полемике со своим бывшим наставником и идейным вождем II Интернационала Ленин совсем вышел из себя, придя к выводу, что только предатель и «Иуда» способен был написать такую брошюру. Поэтому «нет возможности спорить, дискутировать с Каутским, а остается только показать читателю, почему нельзя Каутского назвать иначе, как ренегатом». Будучи не в состоянии разрешить Дзен-коан, поставленный перед ним мастером, рьяный ученик не нашел лучшего выхода, чем уничтожить учителя, если не физически, то, по крайней мере, политически.

Считается, что на 100 читателей брошюры Ленина о «ренегате» Каутском приходился лишь один читатель оригинальной брошюры Каутского. Чтение Каутского требовало интеллектуальных усилий. Ведь сам Каутский верил, что: «Демократия с ее всеобщим равенством избирательных прав – это метод, с помощью которого классовая борьба сможет перерасти из борьбы, ведущейся на физическом уровне в борьбу, ведущуюся на ментальном уровне. Класс имеет шансы победить в этой борьбе только тогда, когда он достигает того же интеллектуального и морального уровня, как и его противники».¹¹⁶ В своих работах Каутский приглашал читателей вступить на долгий длинный путь познания и самосовершенствования. На этом пути, согласно Каутскому, нет ни вождей, ни абсолютных истин, только процесс познания. На этом пути каждый человек становился ответственным за свою жизнь, и в этом смысле модель человека будущего в глазах Каутского совпадала с идеалом человека из утопического общества Уайльда, призванным вести творческую жизнь, являвшуюся по его словам, «просто саморазвитием». Уайльд и Каутский требовали, чтобы каждому человеку было предоставлено его священное право на развитие личности, которое, по их мнению, до сих пор реализовалось лишь отдельными учеными и художниками. И, что не менее важно, оба настаивали, чтобы каждый человек вступал на дорогу познания исключительно по своей доброй воле. Уайльд подводил итог: «быть абсолютно свободным, и в то же время полностью подчиняться законам – в этом извечный парадокс человеческой жизни, с которым мы постоянно сталкиваемся».¹¹⁷ А Каутский присоеди-

нял свою трактовку этого сложного вопроса: «Слово «необходимо» включает два различных значения, требующие четкого разграничения. Оно не только означает то, что «неизбежно» при определенных обстоятельствах, а еще и то, что незаменимо для удовлетворения наших потребностей».¹¹⁸ Когда Уайльд и Каутский размышляли о своем совершенном обществе, они подразумевали, что согласно законам эволюции каждый человек, будучи свободен в своем выборе, но, тем не менее, подчиняясь универсальным законам, неизбежно выйдет на дорогу Знания и Любви. Похоже, что даже такие выдающиеся исследователи человеческой души, как Фрейд и Юнг, не осмелились бы и думать о такой утопической мечте!

В противовес заумным концепциям «относительных истин» Каутского и Уайльда, работы Ленина оперировали «черно-белыми» правдами; обращаясь к наиболее низменным инстинктам, они призывали читателей к ненависти. Когда Каутский и Уайльд писали о равенстве, они мечтали поднять несчастных и обездоленных до уровня богатых и счастливых. Уайльд писал, что «человек должен сочувствовать веселью, красоте, краскам жизни». Когда Ленин писал о равенстве, он, наоборот, призывал ликвидировать «богатые классы» и буржуазию путем уничтожения богатства и красоты. Такой мир должен был стать миром нужды и страданий. Парадоксально, но ленинское приглашение к обездоленности воздействовало сильнее, чем чаяния Каутского о счастье. Уайльд, возможно, прокомментировал бы этот парадокс встречным парадоксом: «Каждый может посочувствовать страданиям друга, но необходимо иметь очень тонкую натуру – натуру истинного Индивидуалиста – чтобы посочувствовать успеху друга».¹¹⁹ Приглашение Ленина ответить на тиранию сильных тиранией слабых было ясно как божий день, но, по словам Уайльда, пример тирании более слабого над более сильным есть единственная форма тирании, от которой избавиться невозможно. Каутский впоследствии соглашался: «...у этих людей (экстремистов) более выгодная позиция, чем у нас. Это потому, что в то время, как мы требуем от рабочих учиться и думать, они льстят их невежественности и взывают к наиболее примитивным инстинктам. Это принесло успех Ленину, затем Сталину, Муссолини, а также Гитлеру».¹²⁰

Ленин говорил массам то, что им хотелось услышать. Каутский не боялся разочаровать их, мужественно отвечая Ленину афоризмом, сформулированным в духе Уайльда: «Страх разочаровать массы не должен послужить причиной не делать этого».¹²¹ В своих ранних работах Каутский отождествлял победу социализма с победой человечества. В 1880 г. он восторженно восклицал, что рабочий класс – это «пионер новой эры..., которая учредит «Божье царство» на земле и которая сделает всех людей человеческими!».¹²² В тот же период Уайльд описывал «Божье царство» на земле в ранней поэме «Humanitad»: «То, что поистине человеческо, то и есть божественно, то и есть Бог».

Каутский верил, что божественной сутью истинной человечности является Любовь. Он восклицал: «Социал-демократия – это партия человеческой Любви».

¹²³ Каждый раз, когда Каутскому приходилось сталкиваться с неподвластными ему силами – например, с революцией – он хранил верность гуманности. В брошюре «Террор» он писал: «Но, конечно, цели не оправдывают любые средства, а

только те из них, которые совместимы с ними. Неприемлемые средства не могут быть оправданы их целями». ¹²⁴ Уайльд тоже чувствовал необходимость совместимости целей и средств: «лишь то, что прекрасно, может вскормить Любовь. Но все что угодно, может вскормить ненависть». ¹²⁵

Уайльд верил, что любовь – это единственная истинная страсть, а ненависть – это лишь временное ослепление. Уайльд и Каутский часто говорили о божественной человечности, зачатой и возвращенной в любви. Но истинные люди не были «человечными» в этом смысле. Они брали прекрасные описания «Божьего царства» и наполняли их своей ненавистью.

Последняя сцена жизненной драмы Каутского могла бы быть символично представлена заключительными картинами из романа Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891). Этот роман рассказывал о необычайно красивом юноше Дориане, десятилетиями сохранявшем свою привлекательность за счет того, что все изменения, связанные как с его моральной деградацией, так и со старением его тела, запечатлевались на его портрете, написанном волшебной рукой художника Бэзиля Холлуорда. Дориан долго не позволял никому смотреть на этот портрет. Но однажды он, наконец, показал его Бэзилу. Художник с ужасом отшатнулся: это не был тот портрет, который он писал, а какая-то «мерзкая карикатура, подлое, бесовское издевательство! Никогда он, Холлуорд, этого не писал. И все-таки это был портрет его работы! Он его узнал – и в то же мгновение почувствовал, что кровь заледенела в его жилах. Его картина! Что же это значит? Почему она так изменилась? Холлуорд обернулся к Дориану, глядя на него безумным взглядом».

...

– Не могу поверить, что это моя картина.

– А разве вы не узнаете в ней свой идеал? – спросил Дориан с горечью.

– Мой идеал, как вы это называете...

– Нет, это вы меня так называли!

– Так что же? Тут не было ничего дурного, и я не стыжусь этого. Я видел в вас идеал, какого никогда больше не встречу в жизни. А это – лицо сатира.

– Это – лицо моей души.

– Боже, чему я поклонялся! У него глаза дьявола!..

– Каждый из нас носит в себе и ад и небо, Бэзил! – воскликнул Дориан в бурном порыве отчаяния.

Дориан почувствовал, как в нем вспыхнула неукротимая злоба против Бэзиля Холлуорда; в эту минуту он «ненавидел его так, как никогда и никого в жизни». ¹²⁶ У него не было другого выхода, как убить Бэзиля – художника, создавшего его идеальный миф и ставшего свидетелем его позорной деградации.

Как Бэзил преклонялся перед красотой и вечной молодостью, Каутский преклонялся перед мифом силы и добродетели пролетариата. Маттик говорил по этому поводу, что любовь Каутского к теории – «любовь, отказывавшаяся сравнивать теорию с действительностью» – была главной отличительной чертой Каутского. ¹²⁷ В своих книгах он запечатлевал портрет идеализированного человечества. Но времена менялись. Ненависть захлестывала Европу, и безжалостность вытесняла доброту. Сталин и Гитлер становились новыми символами своего вре-

мени. Но и в 1937 г. Каутский продолжал взирать на идеализированное человечество, как будто ничего и не происходило. Он оптимистично восклицал, что фашизм будет побежден без войны, и что новая ситуация была лишь временной болезнью. Маттик комментировал эти высказывания Каутского: «Есть сотни подобных высказываний в книге Каутского, и иногда кажется, что весь его мир состоял не более чем из четырех стен его библиотеки, которую он забывал пополнять новыми томами новейшей истории».¹²⁸

Как и Бэзил Уайльда, Каутский всматривался в свой идеал, в то время как истинная картина была вне его поля зрения. Но, может, он не был таким же наивным, как Бэзил. Он все-таки допускал, что тирания может временами проявляться в качестве кратковременной реакции, но ему казалось, что такая реакция будет более кратковременной и менее разрушительной, чем французская революция. По мере того, как тучи сгущались, Каутский продолжал любоваться прекрасным неизменным идеалом, никогда не теряя надежды, что перемены уже близки.

В Каутском нуждались только в мирные времена. Согласно Троцкому, «падение Каутского началось еще в ранние дни революции 1905 г.», когда этот «веселый» человек «с необычайно обаятельной личностью» начал терять влияние на историю.¹²⁹ К 1919 г. Каутский уже не имел партии, и его редакторская карьера пришла к концу. С 1924 г. он отправился в отставку в Вену. За короткое время из вождя второго Интернационала Каутский превратился, по словам Ленина, в «политического мертвеца», изгнанного с позором, изолированного и забытого. Аншлюс заставил его спасаться бегством в Амстердам, где вскоре и завершилась его жизнь. История сжалилась над ним, не заставив его взглянуть в глаза фактам. Ему не пришлось узнать о миллионах российских людей, замученных в Гулаге. Ему не пришлось увидеть своими глазами дым из печей крематориев, уносивших останки жертв массового уничтожения, и среди них его любимой еврейской жены. Он никогда не узнал о страданиях своего младшего сына Бенедикта — узника Освенцима. Мог ли Каутский поверить, что страна с наиболее сильной социал-демократической партией в мире когда-нибудь совершит такой зигзаг эволюции? Нет, как Бэзил, он не был способен на это.

Жизнь самого Уайльда тоже обычно сравнивают с жизнью Бэзила. В письме к Альфреду Дугласу Уайльд проводил четкие параллели между собой в роли Бэзила и Альфредом в роли Дориана: «У меня тоже были свои иллюзии. Я полагал, что жизнь моя будет искрометной комедией, а ты сыграешь в ней одну из самых блестящих ролей. Но она обернулась отвратительной и мрачной трагедией, и зловещей причиной этой катастрофы, ужасной в своей злонамеренности, был ты, с которого была сорвана маска радости и веселья, сбивавшая с толку не только меня, но и тебя».¹³⁰

Как и Каутский, в 1895 г. Уайльд был на вершине успеха. Перед нами женатый человек, отец двоих детей, признанный драматург и публицист, посвящавший себя изучению тех культурных «утех», к которым человечество, по его мнению, должно было стремиться. (Каутский тоже видел конечной целью эволюции достижение «свободы для благородных наслаждений».) Впоследствии в «De Profundis» Уайльд писал, что он ни на минуту «не раскаивался ни за единый

момент, прожитый ради удовольствия». Он замечал, что свой гений он вкладывал в жизнь, а в литературу – только талант.¹³¹

Да, но что такое «утехи» и «наслаждения» в понимании Уайльда и Каутского? Это сложный вопрос. Уайльд настаивал, что его интерес к украшениям, вышивкам, драгоценным камням, так же как и его увлечение романами и пьесами, были частью его научных исследований всевозможных аспектов «досуга», «счастья» и «морали» в человеческом обществе (кстати, Каутский тоже любил в любом контексте и по любому поводу добавлять эпитет «научный»). Его подход к этим вопросам был описан в «Портрете Дориана Грея»: «Он всегда преклонялся перед научными методами естествоиспытателей, но область их исследований находил скучной и незначительной. Свои собственные исследования он начал с вивисекции над самим собой, затем стал производить вивисекцию над другими. Человеческая жизнь – вот что казалось ему единственно достойным изучения».¹³² Для Уайльда «удовольствие» должно было быть как физической, так и духовной природы. Любовь в его понимании должна была быть сопряжена с творчеством и с духовным ростом – это была такая любовь, которую художник Бэзил испытывал к Дориану: «Любовь, которую питает к нему Бэзил (а это, несомненно, самая настоящая любовь), – чувство благородное и возвышенное. Это не обыкновенное физическое влечение к красоте, порожденное чувственными инстинктами и умирающее, когда они ослабевают в человеке. Нет, это любовь такая, какую знали Микеланджело, и Монтень, и Викельман, и сам Шекспир».¹³³

Реальная жизнь обернулась для Уайльда таким же разочарованием, как и для Каутского, потому что большинство его «земных» друзей неправильно поняли его. Парадоксальное изречение Уайльда, что «тот, кто хочет быть похож на Христа, должен стать «абсолютно собой»»¹³⁴, было настолько же непонятным, как и «революция без революции» Каутского. Человек в глазах Каутского был существом сложным, в котором «хорошее» и «плохое» было распределено поровну. Как истинный художник и демократ, он старался честно описать эту систему, давая право выразить себя и «хорошему» и «плохому». Как бы вторя Каутскому, верившему, что «слова одного человека ничего не означают. Необходимо выслушать обе стороны», Уайльд полагал, что для понимания себя он должен и подниматься «до вершин», и «преднамеренно спускаться в бездну в поисках новых ощущений».

Серьезные претензии Уайльда к викторианской морали были расценены как крайне безнравственные. Несмотря на то, что мораль «Портрета Дориана Грея» была ясной и однозначной – и Патер высоко оценивал эту книгу – критика ее не воспринимала, а большинство людей считало ее в высшей степени безнравственной. «Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги, написанные хорошо, или же написанные плохо», отвечал им Уайльд.¹³⁵ Он видел своей задачей обучить людей задавать вопросы, творить и получать озарения. Он осмеливался сказать обществу, что у него нет права заявлять, что его мораль – это единственная Божья мораль: «Никому не дано понять пути Господни. Его пути таинственны. Может быть, что вещи, кажущиеся нам злом, являются добром, а то, что мы называем добром, является злом. Мы не знаем ничего».¹³⁶

Каутский утверждал, что наука должна оставаться свободной от морали: «Наука стоит над этикой: ее результаты не являются ни нравственными, ни безнравственными, так же как и необходимость не может быть нравственной или безнравственной».¹³⁷ Уайльд продолжал эту мысль, требуя освободить истинных художников от этики и морали: «сфера искусства и сфера этики являются абсолютно различными и несвязанными. Когда их путают друг с другом, то возвращаются в хаос».¹³⁸ Уайльд замахнулся на основы морали викторианского общества, обвиняя его в эгоизме: «Эгоизм – это не значит жить так, как хочешь, это требование к другим жить так, как вы этого хотите. Бескорыстие – это позволение другим людям жить самим, не вмешиваясь в их жизнь. Это крайне эгоистично, требовать от ближнего думать, как вы и придерживаться ваших мнений. Зачем ему это? Если он способен думать, то он, вероятно, будет думать по-другому. Если он не способен думать, то было бы чудовищным требовать от него каких-либо мыслей».¹³⁹ Каутский вторил в ответ: «Было бы нелепым описывать как безнравственные какие-либо мерки других людей или классов только потому, что они расходятся с нашими собственными мерками. Безнравственность может быть только отклонением от своей собственной морали, и никогда ни от чьей другой».¹⁴⁰ Иными словами, эти идеи можно выразить афоризмом Уайльда: «Быть праведным – значит жить в согласии с самим собой. Дисгармония – это быть вынужденным жить в гармонии с другими».¹⁴¹

Уайльд ожидал, что все люди способны на человечность, а быть человеком для него означало любить, и он восторженно восклицал, что «единственный Божий закон – это Любовь». Но современникам Уайльда было трудно понять, как могло совмещаться «безнравственное искусство» с «благородными побуждениями». Для большинства из них безнравственность означала лишь ненасытную жажду удовлетворения низменных страстей и прихотей. Позднее Уайльд попытался подробнее разъяснить свои взгляды в письме к Дугласу: «Ах! У тебя нет никаких побуждений в жизни. У тебя есть только аппетиты. Побуждение – это интеллектуальная цель. Ты же поспешно и скоро отбросил романтику ради реализма. Твои вожделения и интересы, ограничивавшиеся сферой Жизни, а не Искусством, были настолько же пагубными для твоего собственного духовного роста, как и для моей работы как художника».¹⁴²

Личный Дориан Грей Уайльда явился к нему в образе молодого поэта Альфреда Дугласа, по прозвищу Бози, ставшего его близким другом и переводчиком пьесы Уайльда «Саломея», написанной в оригинале по-французски. Уайльд искал себе истинных друзей для прокладки новых дорог, и ему хотелось верить, что Бози может стать одним из них. Однако ненависть Бози к своему отцу, его расточительность и неумеренность аппетитов разрушила все мечты писателя. Дуглас, а вместе с ним и пуританское английское общество, интерпретировали гедонистические идеи Уайльда на физическом уровне. Когда утонченные идеи Уайльда о личной свободе были переведены на грубый язык реалий, результаты были катастрофичными.

Несмотря на то, что никто из современников Уайльда не имел оснований подозревать его в гомосексуализме, по городу стали ходить слухи о его сексуальной

извращенности. Отец Альфреда, маркиз Куинсберри, противясь дружбе сына с писателем, публично нанес Уайльду оскорбление. В ответ в 1895 г. Уайльд подал на него в суд за клевету. Этот процесс стал трагедией жизни Уайльда. Защитник маркиза Эдуард Карсон задал писателю вопрос, приходилось ли ему когда-либо «безумно обожать молодых людей». «Нет, не безумно», – ответил Уайльд. «Я предпочитаю любить», – добавил он, «это высшая форма». Этот наивный, но типичный для Уайльда ответ был расценен как признание в серьезном преступлении, послужив причиной последующих судов над ним, приведших его к тюрьме. Люди быстро забыли, что первый процесс начался по инициативе Уайльда, требовавшего осудить клеветника. Тогда никто не думал, что процесс можно было проиграть. Но Уайльду не повезло. Он никогда не был борцом. Подобно Каутскому, он лучше проявлял себя в мирной атмосфере, когда публика ему рукоплескала. Враждебно настроенная среда подавляла его, как будто парализуя его мышление. Столкнувшись с обвинениями, основанными на только что появившемся в то время в Англии законе, запрещавшем «непристойную близость» между мужчинами, Уайльд растерялся, не зная, как защищаться. Он был присужден к двум годам заключения с принудительными работами. Отлученный от общества, опозоренный и разоренный, Уайльд стал изгоем, а его преступление ханжески провозглашалось настолько ужасным, что о нем даже нельзя было говорить вслух.

Уайльд никогда не выступал в защиту гомосексуализма. Трудно было понять, почему вдруг в Англии ненависть к нему раздулась до таких чудовищных размеров. В те годы отношение к нравственности и моральные нормы были далеко не однозначными. За пределами Англии процесс Уайльда вызывал бурю протеста, а во Франции его даже называли английским процессом Дрейфуса. Некоторые биографы полагали, что властям просто представился удобный случай избавиться от социального реформатора. Польский писатель Ян Парандовский полагал, что приговор был в большой степени предопределен оппозиционными настроениями Уайльда по отношению к властям, его ирландскими корнями и социалистическими идеями.¹⁴³

Тем временем Каутский в 1890-ых годах тоже столкнулся с серьезным кризисом, вызванным проблематичными отношениями со своим близким другом. Считается, что ничего в жизни не вызывало у Каутского такой тяжелой реакции, как разлад с Бернштейном.¹⁴⁴ Хотя этот разрыв и не привел Каутского к тюрьме, он имел для него достаточно серьезные последствия, вызвав бессонницу, потерю в весе, боли во всем теле с последующим нервным срывом и госпитализацией в 1901 г. Когда сегодня звучат слова, что: «Альфред Дуглас и Оскар Уайльд знали, что им придется фигурировать в галерее знаменитых любовников, таких как Орест и Пилад»,¹⁴⁵ то многим кажется, что речь идет о гомосексуальных отношениях. Но ведь точно те же слова были написаны и об отношениях между Карлом Каутским и Эдуардом (Эде) Бернштейном! Их дружба и сотрудничество выходили за рамки содружества единомышленников. Бернштейн видел в их отношениях «очень тесные дружеские связи, нечто вроде боевого братства»; Каутский писал, что: «мы настолько стали едиными душой и сердцем, что нас называли красными Орестом и Пиладом».¹⁴⁶

Бернштейн был на пять лет старше Каутского, и когда Каутский приехал в Цюрих в 1880 г., он уже работал секретарем Гохберга. Молодые люди быстро подружились; они вместе работали и вместе снимали квартиру. Вместе они писали письма Энгельсу и вместе катались на яхте по цюрихскому озеру. Они сблизились еще больше после поспешной женитьбы Каутского в 1883 г. Бернштейн ежедневно обедал в доме молодой четы, а затем они направлялись вдвоем в лес, чтобы работать над переводом книги Маркса «Нищета философии», оригинально написанной по-французски.¹⁴⁷ Это было уже просто анекдотичным совпадением: как Уайльд с Бози, так и Каутский с Эде почему-то переводили книги с французского на родной язык авторов этих книг. (Маркс обычно писал по-немецки, а Уайльд – по-английски, и только «Саломея» была написана им по-французски). Позднее Каутский и Бернштейн вместе были в Лондоне, а после переезда в Германию Каутский настолько скучал по Эде, что признавался ему в письмах: «Никогда в жизни я не чувствовал себя в таком одиночестве, особенно из-за разлуки с тобой, как сейчас».¹⁴⁸

Разрыв произошел после того, как Бернштейн произвел ревизию учений Маркса и пришел к выводу, что вопреки предсказаниям последнего, классовая борьба не только не обострялась, а даже ослабевала. Несмотря на то, что Роза Люксембург и Плеханов начали критиковать ревизионизм Бернштейна еще в 1896 г., Каутский старался не вступать в полемику. Для него речь шла не только о политических разногласиях, а о серьезнейшем пересмотре своей 20-летней дружбы с Бернштейном. В 1898 г. Каутский предупреждал друга, что его работы могут служить на пользу врагам социал-демократии. В том же году Бебель с удовлетворением отмечал, что Каутский наконец-то убедился в неисправимости Бернштейна, и что разрыв между двумя неразлучными соратниками становился неизбежным. И, наконец, в 1899 г., когда Каутский решил нанести сокрушительный удар по ревизионизму, ему было ясно, что предотвратить болезненный раскол уже невозможно. Фридрих Адлер прокомментировал это решение: «закатилась двойная звезда Каутского-Бернштейна».¹⁴⁹

Отношения между Каутским и Бернштейном быстро ухудшались. Динамика изменения чувств, которую испытывал Каутский в этот период, очень напоминала переживания Уайльда, описанные им в «De Profundis». Сначала преобладала скорбь о потере друга. Затем возрастало ожесточение, и печаль перерастала в озлобление. Каутский не мог понять, почему Эде оставался в партии, и ему казалось, что этим он отравляет социал-демократию для того, чтобы разрушить ее изнутри. В 1901 г. у Каутского произошел нервный срыв. Отношения между Каутским и Бернштейном, так же как и отношения между Уайльдом и Бози, восстановились через несколько лет после разрыва, но обе пары друзей уже никогда не испытывали такой взаимной близости, как раньше. В старости Каутский с тоской вспоминал об ушедших годах, когда «Бернштейн и я, мы были практически неразлучны, Орест и Пиллад, если обратиться к примеру из древнего мира».¹⁵⁰ И он добавлял: «До смерти Энгельса у нас было одно сердце и одна душа... Я верил ему больше, чем себе».¹⁵¹

Было бы интересно узнать, как бы отнесся английский суд к этим словам Каутского об античных взаимоотношениях, если даже невинные слова о «любви»

Уайльда были расценены, как серьезное преступление?! Возможно ли, что оба селестиальных близнеца свято верили, что лишь «братство» сходных душ способно воплотить в жизнь идеалы нового эллинистического общества? Ведь Уайльд начал говорить о такой дружбе еще в 1882 г., когда никто и думать не мог о его сексуальной ориентации. С другой стороны, когда Каутский мечтал о «партии любви» и о таком товариществе, которое было проявлено в дни Парижской Коммуны, никто не обвинял его в открытых призывах к гомосексуализму.

После того, как судьи вынесли свой приговор, Уайльд спросил их: «а я? Могу ли я произнести последнее слово?». Но ему было отказано и в этой скромной привилегии. Ему было отказано в этом до 1962 г., когда его сын обнаружил подлинник письма Уайльда к Дугласу, частично опубликованный под заголовком «De Profundis». История Уайльда не может закончиться без того, чтобы выслушать его версию произошедшего: «Я думал, что было бы правильно – не только для меня, но и для тебя, – если бы ты попытался опровергнуть представленную твоим отцом суду версию нашей дружбы, столь же абсурдную по отношению к тебе, сколь и оскорбительную по отношению ко мне. Эта версия уже стала достоянием истории, и, по всей видимости, навсегда: на нее ссылаются, ей верят, она стала общепризнанным фактом и излюбленной темой проповедей священников и назиданий ханжей-моралистов, в то время как я, привыкший беседовать со всеми веками, был вынужден выслушивать свой приговор из уст века нынешнего, века лицемеров и шутов».¹⁵² Некоторые биографы уверяют, что эти строки Уайльда неискренни. Во многом сам Уайльд был ответственен за то, что его миф стал таким запутанным. Ведь сам он постарался записать парадокс: «Не то, чтобы я соглашался со всем тем, что я высказал в этом эссе. Наоборот, со многим из высказанного я в корне не согласен».¹⁵³ Среди других его афоризмов найдутся и фразы: «Я ведь состою из сплошных противоречий и парадоксов» или: «Истина в искусстве настолько же верна, как и ее противоположность».¹⁵⁴ К счастью, для нынешнего исследования не важно дойти до «истинной» истории Уайльда. Здесь важно лишь то, что в результате назревшего кризиса в дружеских отношениях боль и страдания Уайльда и Каутского были реальны и невыносимы. После ссоры с Бози Уайльд попал в тюрьму, страдая от бессонницы, от болезней и желания покончить с собой. После конфликта с Эде Каутский страдал от бессонницы, от головных болей, общей слабости и нервного срыва, приведшего его к госпитализации.

«Умение поддерживать взаимоотношения – это наиболее важная задача для Весов», так бы могла прокомментировать эту историю Хикки.¹⁵⁵ «Я в высшей степени стыжусь моих друзей. Ведь именно по друзьям можно судить о человеке. Это тест для каждого человека», – подтвердил бы это наблюдение Уайльд.¹⁵⁶ Независимо от них Морган писал в «Закате Карла Каутского», что слава Каутского померкла в результате его проблем в отношениях с друзьями: «Его личные качества, его отношения с людьми и его стиль политической деятельности были секретом его силы; после начала первой мировой войны эти же факторы стали причинами его слабости».¹⁵⁷

Искаженное восприятие логических парадоксов Уайльда и Каутского и извращенное толкование их афоризмов принесло им немало проблем в личных

отношениях. Страдания Уайльда напоминали мучения Рыбака из его истории «Рыбак и его Душа». Ради страсти к прекрасной морской деве Рыбак решил прогнать прочь свою Душу, но отказался отдать ей сердце. Душа начала искать улад и утех, не задумываясь, были ли они хороши или скверны. Когда Рыбак вновь повстречался со своей Душой, он ужаснулся, увидав, что она совершает жуткие преступления, приговаривая: «Будь спокоен. Будь спокоен». Рыбак не смог жить в мире с такой Душой, и он прокричал ей: «Нет, ты злая, ты заставила меня забыть мою любовь, ты соблазнила меня искушениями и направила мои стопы на путь греха». Страданиям Рыбака пришел конец лишь после его трагической смерти, и в единственном наставлении, оставленном им людям, он напоминал всем, что истинное имя Бога – это Любовь.¹⁵⁸

Уайльд невыносимо страдал оттого, что Дуглас искажил его идеи. Он не смог долго выдержать жить оклеветанным и опозоренным, без имени и без чести в изгнании. Он умер во Франции, вскоре после освобождения из тюрьмы. Но и после его смерти люди не переставали искаженно трактовать парадоксы и афоризмы Уайльда. Можно ли, например, представить себе, что Уайльд почувствовал бы, когда его девиз «у художника нет моральных обязательств» был применен приверженцами фашизма, и когда сын Муссолини использовал его на практике, сравнивая разрывающиеся бомбы с распускающимися цветами?¹⁵⁹ Как будто работы Уайльда, отосланные в мир его разумом, а не его сердцем, были подобны бессердечной Душе Рыбака.

Подобно Уайльду, Каутский старался не ограничивать свой разум моральными принципами. В своих рационалистических работах он не оставлял места ни эмоциям, ни чувствам. Адлер видел в этом его основную проблему, предупреждая его: «Вы полагаете, что все люди похожи на Вас, что они принимают решения, руководствуясь логикой. Обратное верно. Они действуют, как могут и как должны, и лишь затем ищут теоретические обоснования».¹⁶⁰ Вскоре стало ясно, что последователи Каутского не были наделены его совестью. Поэтому после большевистской революции Каутский был вынужден взывать к нравственности: «В дополнение к высоким образовательным стандартам, для социализма необходим высокий уровень морали в обществе: не той морали, которая проявляется лишь в сильных общественных инстинктах, а чувства солидарности и желания пожертвовать собой не только во имя узкого круга друзей, но и во имя всего человечества».¹⁶¹ Эта туманная фраза так и не определяла, какая же мораль требовалась для социализма. Когда Каутский описывал эллинизм как общество «морального величия», каждый мог толковать эти слова по-своему. Слова Каутского, что «этика должна оставаться предметом науки», не были поняты ни коммунистами, ни фашистами. Маттик настолько резко осуждал эту путаницу Каутского, что в своей статье «Карл Каутский: от Маркса к Гитлеру» он писал: «Жизнь Каутского может быть воистину (и без всякого злого умысла) подытожена в словах: от Маркса к Гитлеру».¹⁶² Каутский был добрым и миролюбивым человеком. Как бы мог он отреагировать на такие обвинения истории?

Хотелось бы вновь обратиться к тяжелому аспекту квадратуры Луны- Урана в картах этих селестальных близнецов. Как правило этот аспект приводит к «вне-

запным и непредсказуемым эмоциональным срывам, вносящим в жизнь хаос». Более того, астрология предупреждает: «Необходимо остерегаться быстрых поспешных браков. ... Упрямство и нежелание следовать моральным принципам могут принести много страданий».¹⁶³

Мы уже видели и страдания и хаос в жизни Уайльда и Каутского, связанные с их упрямым желанием противостоять морали. Но что же с предупреждением против поспешных браков? Уайльд и Каутский влюбились, когда им было около 30 лет. В конце 1883 г. Уайльд обручился с дочерью дублинского адвоката Констанцией Ллойд. Они поженились в мае 1884 г. Зимой 1883/1884 гг. Каутский посетил Вену и влюбился в социалистку Луизу. Молодые сразу же поженились. Обе девушки происходили из уважаемых семей в родных местах Каутского и Уайльда, и обе были очень привлекательны. Оба брака были заключены по любви, но оба оказались ошибкой.

В июне 1888 г. все знакомые Каутского (за исключением Бернштейна) были шокированы тем, что Карл и Луиза отправились в Вену оформлять развод. Все члены партии, включая Адлера, Бебеля и Либкнехта сурово порицали Каутского. Энгельс просто вышел из себя: он очень любил Луизу, и ему казалось, что Каутский плохо относился к ней. Он писал Бебелю: «История с Каутским поразила нас всех. Луиза вела себя с необычайным героизмом. Каутский был как в пьяном безумии... Я написал ему, что это был глупейший поступок в его жизни».¹⁶⁴ Порицание Каутского было единодушным. В 1888 г. даже социалисты не могли позволить другу такое нарушение викторианских устоев морали, как развод. Энгельс никогда не простил Каутскому его проступка, и отношения между ними оставались прохладными. Ни Карл, ни Луиза никогда не объясняли, почему они решили расстаться. Единственным намеком на причины развода было письмо Каутского к Бебелю, где он сожалел, «что не умел себя контролировать при первых встречах с Луизой, и что ему понадобилось некоторое время понять, что никогда не любил ее».¹⁶⁵ Каутский никогда не раскаивался о разводе.

Во второй раз Каутский женился в 1890 г. Луиза Ронспергер тоже родилась в Вене, и подобно Каутскому, была публицистом и переводчиком социалистической литературы. Они прожили вместе 50 лет и имели троих детей. Несмотря на то, что их дом был открыт для кружков социалистов, Каутский высоко ценил свою свободу, и большинство вечеров проводил вне дома, беседуя с друзьями. Отпуск супруги тоже проводили отдельно. В отличие от Карла, Луизе и ее младшему сыну Бенедикту не удалось бежать от фашистов. Луиза погибла в Освенциме, а Бенедикт пережил концлагерь и после освобождения занимался публикацией работ отца, пытаясь представить его идеи в наиболее доступной для современников форме. Один из внуков Каутского тоже стал социалистическим публицистом, и сделал немало для того, чтобы вызвать обновленный интерес западного читателя к идеям своего деда.

Первые годы женитьбы Уайльда протекали счастливо. Его дом стал фешенебельным артистическим салоном, и у него родилось двое сыновей, которых Оскар очень любил, и для которых он сочинял свои знаменитые истории и сказки. Но вскоре Уайльд стал тяготиться тем, что Констанца не понимала его искусства,

и ему становилось с ней скучно. С 1886 г. писатель все больше времени проводил с друзьями, увлекая их своим талантом рассказчика. В это же время он завязал дружбу с выпускником Кембриджа Робертом Россом. Робби оставался его верным другом до самой смерти, и впоследствии стал распорядителем его литературного наследия. Некоторые биографы подозревают, что Росс ввел Уайльда в мир интимных отношений между мужчинами.

Во время процесса Уайльда Констанца стойко поддерживала мужа, но после суда пара была вынуждена оформить развод. Констанца не перенесла этой трагедии и вскоре скончалась. Старший сын Уайльда, Сирил, погиб на фронте во время первой мировой войны. Младший сын, Вивиан Голланд пошел по стопам отца и стал писателем. Ему мы обязаны публикацией многих работ Уайльда и восстановлением его доброго имени.

Уайльд и Каутский были разными людьми. Каждый человек уникален. Но оба они стали предвестниками грядущего раскрепощения личности. Оба не только были теоретиками, но еще и сумели осуществить и некоторые практические проекты. И, по очередному совпадению, у обоих наиболее значительным политическим достижением стали законопроекты, связанные с отношением к детям. Так, Каутский на основе изучения данных о смертности в сиротских приютах пришел к выводу, что отношение к этим детям было бесчеловечным, потому что дети там были лишены любви. В противовес христианской нравственности, клеймившей позором матерей-одиночек и заставлявшей их отказываться от внебрачных детей, он взывал к милосердию, призывая оказать помощь таким женщинам растить самим детей. Каутский также предлагал не отдавать сирот в приюты, а находить для них приемные семьи. Уайльд тоже выступал в защиту матерей-одиночек, и даже посвятил этому вопросу пьесу «Женщина, не стоящая внимания» (1893). Но самую резкую атаку против жестокости общества Уайльд повел в своих статьях после заключения. Уайльд не верил в действенность тюремного наказания, и еще в 1891 г. он размышлял: «Когда вообще не будет наказаний, преступления либо исчезнут, либо будут подлежать лечению врачами как очень тяжелая форма шизофрении, которую можно излечить только заботой и добротой. Голод, а не грех, приходится отцом современной преступности».¹⁶⁶ Тюрьма была местом страшных страданий для взрослых; а уж для голодных и запуганных детей, которых в те времена содержали в тюремных камерах вместе с взрослыми, она была просто невыносима. Уайльд поклялся, что сделает все от него зависящее для изменения системы наказаний детей, и его письма в газеты вызвали широкий общественный резонанс, сыграв немаловажную роль в изменении условий заключения малолетних.

Уайльд и Каутский в десятилетнем возрасте столкнулись с дефицитом любви в интернатах. Им хотелось избавить других детей от этих страданий. Они стали одними из первых писателей, поднявших вопрос о значении любящей семьи для воспитания здоровой счастливой личности. Можно в какой-то мере считать их предвестниками современных психологических подходов, сформулированных Альфредом Адлером и Бенджаменом Споком.

«Поздравьте себя, если вам удалось совершить нечто странное и экстравагантное, чтобы нарушить монотонность пристойного века», – говорил Уайльд. Уайльд

и Каутский могли бы поздравить себя с тем, что их экстравагантные писания тревожат умы серьезных исследователей и читателей уже на протяжении ста лет. Они никогда не встречались, но их идеалы совпадали. Ирландский писатель, ставший блестящим английским драматургом, и австрийский социалист, ставший ведущим теоретиком и вождем II Интернационала, зачастую обвинялись критиками в том, что их работы были написаны поверхностно. Было немало других писателей, политиков и революционеров, которые превосходили Каутского и Уайльда в конкретных областях литературы или идеологии. Но, если рассматривать энергию и таланты Каутского и Уайльда, проявленные во всем их многообразии, то вряд ли существует много людей, способных сравниться с ними по яркости. Чарльз Риккетс писал об Уайльде: «По сочетанию интеллекта с человечностью он наиболее значительная личность из всех, кого я встречал. Другие великие люди моего времени были выдающимися в своей области, но не были столь велики в самой своей сути».¹⁶⁷ Фридрих Адлер писал в память о Каутском: «Как теоретик и политик, он всегда останется подверженным критике, но его характер открыт, и в течение всей своей жизни он оставался преданным его величеству, своей собственной совести».¹⁶⁸

Каутский никогда не считался новатором, но его работы по синтезу дарвинизма и марксизма, так же как и его «Материалистическая концепция истории», хотя и основывались на идеях других мыслителей, не могли быть написаны никем другим, кроме Каутского. Уайльд никогда не считался великим писателем, потому что в его работах просматривались влияния таких знаменитых писателей как Патерн, Свинбурн, Бальзак или Андерсен. Но все, что Уайльд заимствовал у других, неизбежно принимало его личную окраску.

Уайльд и Каутский были уверены в том, что искусство было дано им как средство для самоусовершенствования. Оба поглощали невероятное количество интеллектуальной информации, и по мере ее переработки она трансформировалась ими и проникалась всей их личностью. Их величие и состояло в самой сути их личности, в сплаве интеллекта и человечности. Король Жизни и Барон Жизни вкладывали всю свою душу в сам процесс Жизни. Их личность можно понять из описания идеального человека будущего, представленного Уайльдом: «Признак идеальной личности – это не протест, а умиротворенность. Она будет прекрасна – истинная личность человека – когда мы ее сможем увидеть. Она будет расти естественно и просто, как распускаются цветы или вырастают деревья. В ней не будет диссонансов. Она никогда не будет спорить или полемизировать. Она ничего не будет доказывать. Она будет знать все. У нее будет мудрость. ... Она никому не будет навязывать себя или требовать любви к себе. И, тем не менее, ненавязчиво она сможет помогать всем, как все прекрасное помогает нам, просто самим фактом своего существования. Личность человека будет просто замечательной. Она будет такой же замечательной, как личность ребенка».¹⁶⁹

В заключение можно лишь подытожить, что оба селестиальных близнеца не были ни писателями, ни политиками; они были учениками Жизни, никогда не утравшими детской любознательности и отзывчивости.

Θ-факторные и астрологические комментарии

Человеческая жизнь – это не механизм, сконструированный по предопределенному плану и работающий в соответствии с инструкциями. Это сложный процесс личного развития, подчиняющийся определенным законам. В рамках этих законов существует много различных возможностей, гарантирующих многообразие жизненных путей и уникальность каждой человеческой жизни. Каждый человек волен выбирать в рамках соответствующих законов. Так, например, если человек родился в Весах, то он может воплощать в жизнь или изучать различные свойства Весов. Глядя через призму Весов, Уайльд преуспел в своем описании идеальной души человека перечислить практически все основные черты Весов: потребность в гармонии и нелюбовь к грубости, потребность ценить других и быть признанными другими, художественное восприятие и желание примирить противоположности; способность поддерживать взаимоотношения и приспособление к потребностям других; потребность в общественной поддержке и в эмоциональном спокойствии. В то время как большинство людей, родившихся в Весах, проявляют лишь часть этих свойств, Уайльд и Каутский сумели в своей жизни объять все эти проблемы. Они выбрали прожить жизнь в полную силу.

У обоих сестеиальных близнецов в дополнение к Солнцу в Весах Луна была во Льве. Согласно Хьюджу, такие люди наделены «огромной жизненной силой, духом и оптимизмом». Астролог добавляет, что такие люди, как правило, рождаются от любовного союза между «идеалистической» матерью и дружески настроенным отцом. Отношения между такими родителями, по меньшей мере, характеризуются интеллектуальной совместимостью. В результате ребенок растет большим оптимистом, благодаря сочетанию идеализма и оптимизма. Люди с таким положением Солнца и Луны могут проявлять себя успешно во многих областях, включая все виды искусства и общественной деятельности.¹⁷⁰ Такое астрологическое описание как нельзя лучше подходит к неистощимым оптимистам Каутскому и Уайльду. Оно также объясняет, почему большинство других людей, родившихся в Весах, не живут такой интенсивной жизнью, как жили эти сестеиальные близнецы: у них просто нет той «огромной жизненной силы», которой наделены люди с этим конкретным положением Солнца и Луны.

Сегодня многие исследователи любят создавать стереотипы. По иронии судьбы именно Уайльд, который свято верил в Индивидуализм, часто упоминается в качестве типичного «ирландца» или «гомосексуалиста». Например, Джулиан писал об «ирландском оптимизме» Уайльда или о его «ирландском обаянии».¹⁷¹ Но Каутский ведь тоже поражал всех своим обаянием и оптимизмом, но он не был ирландцем! Вудкок тоже пытался объяснить особенности характера Уайльда его ирландским происхождением: «Уайльд никогда не был точен в беседах или в работах: у него была ирландская любовь к драматизации, и он с легкостью придумывал факты для того, чтобы добиться нужного эффекта».¹⁷² У Каутского некуда было взяться «ирландской любви к драматизации», но, тем не менее, Стенсон писал о нем: «В попытке защитить свои позиции в глазах общественности,

Каутский был склонен преувеличивать свои чувства в целях достижения пропагандистского и драматического эффекта». ¹⁷³ Пайн пытался понять парадокс Уайльда в свете его ирландского происхождения: «Для каждого действия, совершенно-го Уайльдом, для каждого мнения, высказанного им, для любого стиха или драматического диалога, придуманного им, найдется где-нибудь в его жизни или творчестве равное ему по силе, но противоположное по смыслу мнение, и к тому же, можно найти еще и среднюю линию, которая не является компромиссом этих двух высказываний, а становится новым элементом, порождая третье значение, выражающее «глубоко затаенную суть» его ирландского происхождения, его гомосексуализма и его чувства интеллектуальной миссии художника». ¹⁷⁴

С таким же успехом можно сказать, что у любого действия, предпринятого Каутским, и у любого высказывания в его работах можно было найти противоположные им по сути действия или мнения. И был средний путь, порождавший новый элемент. Но Каутский никак не мог выражать ирландские чувства и настроения, хотя он и любил изучать историю и культуру Ирландии.

Что же касается «гомосексуализма» Уайльда, то важно помнить, что образ «извращенца» возник лишь после процесса. До того времени ни его читатели, ни даже его «агрессивно-нормальные» друзья, такие как Шерард, не имели никаких подозрений о возможных «отклонениях» Уайльда.

Каутский и Уайльд родились в один день одного года. Оба стали рупорами идентичных мыслей и идеалов. Они принесли те же послания, но на разных языках. Они выделялись на фоне своего века своей личностью, а не своим происхождением. Каутскому не нужно было родиться ирландцем, чтобы сравниться уникальностью характера с Уайльдом. Этот факт демонстрирует, что Θ -фактор не менее важен в формировании личности, чем традиционные факторы наследственности и окружающей среды.

Каутский и Уайльд обожали парадоксы, и хотелось бы закончить эту главу в стиле парадокса. Высказывались мнения, что работы этих селестиальных близнецов были обращены к будущему. Интересно отметить один случай, произошедший после их смерти. По случайному совпадению другой человек, мечтавший о новом идеальном обществе, тоже родился 16 октября, только 1886 г. Этому человеку тоже суждено было стать символической фигурой своего времени. Речь идет о первом премьер-министре Израиля, Давиде Бен-Гурионе. В день своей отставки он высказал в обращении по радио свое жизненное кредо, цитируя древнееврейского пророка Хабакука (Аввакума, жившего приблизительно за 700 лет до нашей эры): «Праведник живет своей верой. Он не будет проповедовать другим и не будет представляться святым, призывая других жить праведно; он не будет искать недостатков в своих ближних, а будет руководствоваться верой в повседневной жизни; он будет жить верой».

Именно за эти идеи общество подвергало Каутского и Уайльда остракизму, называя их чересчур новаторскими. Но ирония заключалась в том, что Каутский и Уайльд были каким-то образом подсоединены к тому же древнему источнику мудрости, из которого впоследствии черпал свои идеи Бен-Гурион, и к которому обращался 2500 лет тому назад Хабакук. Похоже, что идеи не были ни новаторс-

кими, ни устаревшими. Места и времена менялись, но идеи оставались теми же, а представители Весов должны были их каждый раз изучать, как применять их по-новому.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 16 октября 1854 г.
Королевские имена	Уайльда назвали в честь шведского короля Оскара; Каутский получил свое имя в честь короля франков, Карла Великого.
Многонациональное происхождение	Отец Уайльда имел англо-нидерландские корни, его мать — ирландские и итальянские. Каутский по матери происходил от немцев и венгров, а по отцу — от чехов и поляков.
Сходство в отношениях между родителями	В обеих семьях матери были на десять лет младше отцов. У обеих пар были общая любовь к искусству и дружеские отношения в семье.
Образ матери	Леди Уайльд была писателем со склонностью к театральности; Минна Каутская была актриса со склонностью к литературе.
Душевная близость с матерью	С детства оба слыли «маменькими сыночками». После смерти отцов семейств обе матери жили со своими сыновьями.
Раннее детство	Оба мальчика до 1864 г. росли и обучались дома. Это были самые счастливые годы их жизни.
1864 г.	Год кризисных ситуаций в семье. Родители обоих мальчиков были вынуждены отослать их из дому учиться в интернатах.
1874–1878 гг.	Каутский поступил в венский университет. Уайльд начал занятия в Оксфорде. Оба сначала интересовались юриспруденцией, затем мечтали об академической карьере, и оба прекратили занятия в 1878 г. Оба думали стать художниками, и оба интересовались националистическими и анархистскими кружками.
Внешний вид	Элегантные костюмы Каутского не соответствовали его социалистическому окружению. Волосы Уайльда были слишком длинные. Его штаны слишком узки, и он всегда носил слишком элегантные одежды.
Первые публикации	Оба начали публиковаться в конце семидесятых в качестве драматургов.
Редакторы и публицисты	К концу 1880-ых оба были главными редакторами престижных газет и журналов.
1891 г.	Уайльд публикует «Душа человека при социалистическом строе», Уайльд пишет Эрфуртскую программу.

Творчество как процесс духовного роста	«Жизнь художника – это просто процесс самоусовершенствования», – писал Уайльд. «Я пишу эти воспоминания не для того, чтобы защитить себя от возможных нападок, а для усовершенствования моей личности», – вторил ему Каутский.
Символы своего времени	Уайльд и Каутский стали (соответственно) популяризаторами сложных идей Патера и Маркса. Они говорили со временем на его языке и стали символами своего века.
О нравственности	«Безнравственность может быть только отклонением от своей собственной морали, и никогда ни от чьей другой» (Каутский) ««Быть хорошим – значит жить в согласии с собой. Дисгармония – это быть вынужденным жить в гармонии с другими». (Уайльд)
Орест и Пилад	Оба фигурируют в галерее знаменитых друзей, таких как Орест и Пилад (Уайльд с Дугласом; Каутский с Бернштейном)
Отчаяние от вынужденного разрыва с другом	После разрыва с Бернштейном у Каутского был нервный срыв, и он был госпитализирован. Разрыв Уайльда с Дугласом сопровождался арестом и крушением мечтаний Уайльда.
1883–1884 гг.	Оба влюбились и женились. Эти браки закончились разводами.
Жизненная драма	Жизнь обоих писателей характеризовалась стремительным взлетом с последующим драматическим падением.
Последние годы	Оба умерли в изгнании.
Обновление интереса к их творчеству	В последнее время наблюдается новая волна интереса к идеям Каутского и Уайльда.

Сноски:

- ¹ Марина Цветаева родилась в Бесах.
- ² Oscar Wilde, The Complete Illustrated Works of Oscar Wilde, GB, Chancellor Press, 1996, p. 396 (Далее – Wilde).
- ³ Oscar Wilde, Epigrams and Aphorisms, Boston, J.W. Luce, 1905, p. 87 (Далее – Epigrams and Aphorisms).
- ⁴ Paul Mattick, Anti-Bolshevik Communism, London, Merlin Press, 1978, p. 1 (Далее – Mattick).
- ⁵ Gene H. Bell-Villada, Art for Art's Sake & Literary Life, Lincoln, University of Nebraska Press, 1996, p. 82 (Далее – Bell-Villada).
- ⁶ Oscar Wilde, De Profundis, London, Nathuen & Co., 1969, p. 44 (Далее – De Profundis).
- ⁷ Bell-Villada, p. 92.
- ⁸ Marxism, Communism and Western Society, A Comperative Encyclopedia, Vol. 5, ed. C.D. Kering, New York, Herder and Herder, 1973, p. 6.

- ⁹ Bell-Villada, p. 85.
- ¹⁰ Gary P. Steenson, Karl Kautsky, 1854-1938, Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1978, pp. 244–246 (Далее – Steenson)
- ¹¹ Steenson, pp. 10, 247.
- ¹² Steenson, p. 163.
- ¹³ Steenson, p. 16.
- ¹⁴ George Woodcock, The Paradox of Oscar Wilde, New York, The Macmillan Co., 1950, p. 54 (Далее – Woodcock).
- ¹⁵ Bell-Villada, p. 216.
- ¹⁶ The Oxford Companion to Irish Literature, ed. R. Welch, Oxford, Clarendon Press, 1996, p. 600.
- ¹⁷ Bell-Villada, p. 216.
- ¹⁸ Oscar Wilde, The Soul of Man Under Socialism, Boston, J. W. Luce, 1900, pp. 6, 32 (Далее – The Soul of Man Under Socialism).
- ¹⁹ Karl Kautsky, Selected Political Writings, ed. and tr. P. Goode, London, The Macmillan Press LTD., 1983. (Далее – Selected Political Writings).
- ²⁰ Karl Kautsky, The Dictatorship of the Proletariat, Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1964, pp. 4–5 (Далее – The Dictatorship of the Proletariat).
- ²¹ The Soul of Man Under Socialism, p. 6
- ²² Karl Kautsky, The Class Struggle (Erfurt Program), tr. W.E. Bohm, New York, The Norton Library, 1971, pp. 157–158 (Далее – The Class Struggle).
- ²³ The Soul of Man Under Socialism, p. 73.
- ²⁴ Woodcock, p. 6.
- ²⁵ De Profundis, p. 46.
- ²⁶ The Dictatorship of the Proletariat, p. 89.
- ²⁷ Имеется в виду премьер-министр Англии, Бенджамин Дизраэли.
- ²⁸ Woodcock, p. 164.
- ²⁹ Philippe Jullian, tr. Wyndham Violet, Oscar Wilde, London, Constable, 1969, p. 400 (Далее – Jullian).
- ³⁰ Woodcock, p. 250.
- ³¹ Oscar Wilde, Letters, ed. V. Holland, London, Rupert-Hart-Davis Ltd., 1962, p. 444 (Далее – Letters).
- ³² De Profundis, p. 64.
- ³³ Steenson, p. 4.
- ³⁴ Jullian, p. 124.
- ³⁵ Jullian, p. 408.
- ³⁶ Bell-Villada, p. 85.
- ³⁷ Woodcock, p. 2.
- ³⁸ Epigrams and Aphorisms, p. 104.
- ³⁹ Steenson, p. 131.
- ⁴⁰ The Soul of Man Under Socialism, p. 33.
- ⁴¹ Hickey, p. 21.
- ⁴² Steenson, p. 76.
- ⁴³ The Soul of Man Under Socialism, p. 1.
- ⁴⁴ The Class Struggle, p. 9
- ⁴⁵ Epigrams and aphorisms, p. 17.
- ⁴⁶ De Profundis, p. 44.
- ⁴⁷ Jullian, p. 13.

- ⁴⁸ Jullian, p. 21.
⁴⁹ De Profundis, p. 32.
⁵⁰ Jullian, pp. 12–13.
⁵¹ Jullian, p. 13.
⁵² Woodcock, p. 16.
⁵³ De Profundis, p. 65.
⁵⁴ Jullian, p. 19.
⁵⁵ Jullian, p. 20.
⁵⁶ Karl Kautsky, *Erinnerungen und Erörterungen*, S' Gravenhage, Mouton, 1960, s. 559 (Далее – *Erinnerungen und Erörterungen*).
⁵⁷ Jullian, p. 20.
⁵⁸ Wilde, p. 156.
⁵⁹ *Erinnerungen und Erörterungen*, s. 78.
⁶⁰ Steenson, p. 19.
⁶¹ Steenson, p. 13.
⁶² Steenson, p. 13.
⁶³ Wilde, p. 161.
⁶⁴ Lundsted, pp. 177–178.
⁶⁵ Woodcock, p. 26; Steenson, p. 14.
⁶⁶ Steenson, p. 14.
⁶⁷ Mattick, p. 2.
⁶⁸ Jullian, p. 93.
⁶⁹ Woodcock, p. 112.
⁷⁰ Karl Kautsky, *Selected Political Writings*, ed. and tr. P. Goode, London, The Macmillan Press LTD., 1983, p. 129 (Далее – *Selected Political Writings*).
⁷¹ Mattick, p. 2.
⁷² Bell-Villada, p. 88.
⁷³ Mattick, p. 2.
⁷⁴ *The Correspondence of Marx and Engels*; Marxist Library, vol. XXIX, New York, International publishers, 1935, p. 389.
⁷⁵ Bell-Villada, p. 88.
⁷⁶ Jullian, p. 109.
⁷⁷ Steenson, p. 44.
⁷⁸ Steenson, p. 48.
⁷⁹ Steenson, p. 44.
⁸⁰ Steenson, p. 45.
⁸¹ Wilde, p. 442.
⁸² Steenson, p. 62.
⁸³ Woodcock, p. 111.
⁸⁴ Steenson, p. 18.
⁸⁵ *Epigrams and Aphorisms*, p. 44.
⁸⁶ Steenson, p. 79.
⁸⁷ Woodcock, p. 112.
⁸⁸ Steenson, p. 7.
⁸⁹ *The Dictatorship of the proletariat*, p. 5.
⁹⁰ *The Dictatorship of the proletariat*, p. 34.
⁹¹ *The Soul of Man Under Socialism*, p. 12.
⁹² *The Soul of Man Under Socialism*, p. 15.

- ⁹³ Selected Political Writings, p. 150.
⁹⁴ Steenson, p. 99.
⁹⁵ The Soul of Man Under Socialism, p. 33.
⁹⁶ Epigrams and Aphorisms, p. 104.
⁹⁷ Epigrams and Aphorisms, p. 101.
⁹⁸ Epigrams and aphorisms, p. 82.
⁹⁹ Steenson, p. 155.
¹⁰⁰ Marxism, Communism and Western Society, A Comparative Encyclopedia, Vol. 5, ed. C.D. Kering, New York, Herder and Herder, 1973, p. 2.
¹⁰¹ Woodcock, p. 154.
¹⁰² The Dictatorship of the Proletariat, p. 17.
¹⁰³ The Soul of Man Under Socialism, p. 12.
¹⁰⁴ The Dictatorship of the Proletariat, pp. 89–90.
¹⁰⁵ The Class Struggle, p. 159.
¹⁰⁶ Selected Political Writings, p. 150.
¹⁰⁷ Epigrams and Aphorisms, p. 12.
¹⁰⁸ Steenson, p. 48.
¹⁰⁹ Erinnerungen und Erörterungen, s. 27.
¹¹⁰ Selected Political Writings, p. 143.
¹¹¹ De Profundis, p. 46.
¹¹² Leon Trotsky, My Life, Penguin books, 1984, p. 200 (Далее–Trotsky).
¹¹³ Steenson, p. 250.
¹¹⁴ V. Lenin, The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky, London, Lowrence & Wighart LTD, 1935 (В.И. Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский).
¹¹⁵ Woodcock, pp. 4–5.
¹¹⁶ Selected Political Writings, p. 143.
¹¹⁷ Epigrams and Aphorisms, p. 102.
¹¹⁸ Selected Political Writings, p. 91.
¹¹⁹ The Soul of Man Under Socialism, p. 67.
¹²⁰ Steenson, p. 240.
¹²¹ Selected Political Writings, p. 63.
¹²² Steenson, p. 80.
¹²³ Steenson, p. 80.
¹²⁴ Selected Political Writings, p. 147.
¹²⁵ Letters, p. 445.
¹²⁶ Wilde, p. 106–107.
¹²⁷ Mattick, p. 5.
¹²⁸ Mattick, p. 15.
¹²⁹ Trotsky, pp. 200–220.
¹³⁰ Letters, p. 444.
¹³¹ De Profundis, p. 82.
¹³² Wilde, p. 40.
¹³³ Wilde, p. 81.
¹³⁴ De Profundis, p. 85.
¹³⁵ Wilde, p. 3.
¹³⁶ Wilde, p. 552.
¹³⁷ Selected Political Writings, p. 43.
¹³⁸ Bell-Villada, p. 90.

- ¹³⁹ The Soul of Man Under Socialism, p. 66.
¹⁴⁰ Selected Political Writings, p. 38.
¹⁴¹ Wilde, p. 55.
¹⁴² Letters, pp. 411–412.
¹⁴³ Ян Парандовский, Король Жизни в Избранное, Москва, Художественная Литература, 1981.
¹⁴⁴ Steenson, p. 116.
¹⁴⁵ Jullian, p. 277.
¹⁴⁶ Steenson, pp. 45–46.
¹⁴⁷ Steenson, p. 66.
¹⁴⁸ Steenson, p. 94.
¹⁴⁹ Steenson, p. 123.
¹⁵⁰ Erinnerungen und Erörterungen, s. 433–434.
¹⁵¹ Erinnerungen und Erörterungen, s. 448.
¹⁵² Letters, p. 456.
¹⁵³ Donald Lawler, Oscar Wilde in DLB-57, pp. 354–373, p. 361.
¹⁵⁴ DLB-57, p. 361.
¹⁵⁵ Hickey, p. 21.
¹⁵⁶ De Profundis, p. 9.
¹⁵⁷ Karl Kautsky and The Social Science of Classical Marxism, ed. J.H. Kautsky, E.J.Brill, Leiden, 1989, p. 58.
¹⁵⁸ Wilde, p. 304.
¹⁵⁹ Bell-Villada, p. 5.
¹⁶⁰ Steenson, p. 185.
¹⁶¹ Selected Political Writings, p. 143.
¹⁶² Mattick, p. 16.
¹⁶³ Hickey, p. 215.
¹⁶⁴ Steenson, p. 60.
¹⁶⁵ Steenson, p. 60.
¹⁶⁶ The Soul of Man Under Socialism, p. 29.
¹⁶⁷ Woodcock, p. 237.
¹⁶⁸ Mattick, p. 1.
¹⁶⁹ The Soul of Man Under Socialism, p. 19.
¹⁷⁰ Hughes, p. 90.
¹⁷¹ Jullian, p. 35.
¹⁷² Woodcock, p. 111.
¹⁷³ Steenson, p. 18.
¹⁷⁴ Richard Pine, The Thief of Reason: Oscar Wilde and Modern Ireland, St. Martin's Press, 1995.

СКОРПИОН

**Короли времени, пространства
и гиперпространства. История жизни Германа
Вейля, Теодора Калуцы и Велимира Хлебникова**

Герман Вейль

Теодор Калуца

*Нельзя быть настоящим математиком,
не будучи немного поэтом.*
Карл Вейерштрасс¹

В последние годы Россия открывает для себя творчество одного из ее замечательнейших поэтов, Велимира Хлебникова. На протяжении 60 лет после его смерти в 1922 г. имя поэта ассоциировалось лишь с несколькими «заумными» стихами и замысловатыми «математическими» текстами. Несмотря на то, что Маяковский

Герман Вейль

Велимир Хлебников

называл его своим учителем, видя в основателе российского футуризма «Колумба новых поэтических материков»,² критики относились к Хлебникову, как к труднодоступному «поэту для поэтов», или даже просто как к «слабоумному». После второй мировой войны советская критика объявила Хлебникова «формалистом» и «декадентом», и его имя было надолго предано забвению.

Столетие со дня рождения поэта в 1985 г. совпало с движением New Age (Новый век) и с волной растущего интереса к эзотерическим темам на Западе. Работы Хлебникова стали привлекать к себе внимание, как в России, так и в англоязычной среде. Сегодня о поэте уже не спорят. Его считают гением, стоящим в одном ряду с такими великими мастерами модернизма, как Малларме, Джойсом, Паундом и Стейн, называя «непревзойденным мастером модернизма, владевшим блистательной техникой слова».³ Сегодня работы Хлебникова стали достоянием мировой культуры, и много людей на всей планете верят, что в «нынешнее время глобальной разъединенности мир за пределами России обязан познаться с работами и идеями человека, считавшего себя Королем времени и Президентом Земного Шара».⁴

Хотя по образованию Хлебников был математиком, круг его интересов был необычайно широк. Поэт, открывший новые пути слова, экспериментатор, неутомимый исследователь и популяризатор научных достижений, Хлебников стоял у самых истоков авангардистской культуры. Его в равной степени интересовали математика и поэзия, орнитология и философия, японский язык и мировая история. Кроме стихов и пьес, Хлебников печатал воззвания и манифесты, научные работы и математические расчеты периодичности исторических событий; статьи по вопросам архитектуры и социологии. Вдобавок он занимался вопросами лингвистики и печатал публицистические заметки. Обладая виртуозным даром слова, он создал новую область поэзии и словотворчества, основанную на неологизмах, игре слов,

палиндромах, омонимах, анаграммах и на экспериментах с «вздором». Совместно с другим российским поэтом, Алексеем Крученых, Хлебников разработал идею создания «заумного» языка будущего, названного неологизмом «заум». Хлебников объяснял, что целью этого языка была выработка умения обращаться непосредственно к чувствам читателя, минуя стадию логического анализа слов.

Несмотря на такое многообразие интересов, Хлебников уверял, что его жизнь и творчество были монолитны. Он полагал, что все его занятия сводились к одной теме создания «основного закона времени»,⁵ числового закона, который бы охватывал все проявления жизни. Некоторые биографы относились к деятельности Хлебникова, как к «математической философии истории», сводившейся к своеобразному цифровому анализу хронологических таблиц в попытках отыскать «волны времени», установить периодичность исторических событий и человеческих судеб. Поэт верил, что мир един, и что в основе всех языков, образов и событий лежат не только присущие им законы, но и единый общий закон, управляющий всем происходящим в мире. Слова, буквы и числа служили ему ключами к пониманию вселенной, а человек представлялся ему «местовременной точкой».⁶ Хлебников писал, что для того, чтобы построить вселенную, необходимо лишь взглянуть в три первых цифры, как будто в хрустальный шар.

В начале 1920-ых годов, после кропотливых вычислений, поэт объявил, что ему удалось найти алгоритмы, описывающие ряд разнообразных событий. Закон времени, открытый Хлебниковым, носил универсальный характер, позволяя объединить такие разные явления, как смена настроений в отдельной личной жизни и падение или взлет великих империй. Поэт полагал, что нашел уравнение, описывающее звезды и голоса, мысли, рождение и смерть. Он верил, что стал первым человеком, чья нога ступила на Материк Времени. Это открытие, опубликованное в книге «Доски судьбы» (1921), основывалось на наблюдении Хлебникова, что «во времени происходит отрицательный сдвиг через 3^ю дней и положительный через 2^ю дней». Видение будущего не только не пугало его, а порождало в нем чувство освобождения от уз судьбы: «Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством».⁷

Для большинства читателей математические выкладки Хлебникова оставались ребусами и головоломками, игрой слов и чисел. Но для тех немногих, кто следовал его призывам принять участие в его поиске, став вместе с ним сотворцом новой реальности, в лингвистических экспериментах Хлебникова (в отличие от других футуристов) открывался целый мир, исполненный смысла и значения. Работы Хлебникова, основанные на глубоком знании филологии, математики, естественных наук и мифологии, представляли собой необычную для того времени целостную картину мира (холизм). Поэт был убежден «в пульсации всех отдельностей мироздания и их сообществ»; для него «весь мир состоял из первичных пульсирующих сил, математические свойства которых были конкретным выражением природы вселенной и всего в ней сущего».⁸ Сравнивая идеи Хлебникова с развитием современной физики, биографы пришли к заключению, что он был настоящим

будетлянином – человеком, намного опережавшим свое время. По их мнению, он был не просто поэтом, а оригинальным мыслителем и ученым, достигнувшим немалых успехов на пути понимания единых законов мира.

Законы судеб и единая теория мировой истории Хлебникова никем не доказаны, по-прежнему оставаясь интригующими, но чужаковатыми теориями. Тем не менее, сам по себе необычный образ мышления поэта представляет интерес для историков развития научной мысли. В частности, Ш. Дуглас писала, что «разработанный Хлебниковым процесс научного открытия – путь «изобретателя-исследователя» – сам по себе представляет ценность. Так, например, идеи Хлебникова о пульсирующей природе вселенной могут быть сравнены с тантрической космологией или с квантовой механикой. Этот факт должен вызывать особый интерес у историков современных идей».⁹

В свете нынешнего исследования это предложение кажется как нельзя более уместным и своевременным. Многие ученые сожалеют о том, что публикуется мало работ по вопросам истории развития научной мысли. Причины тому нетрудно понять: ведь для того, чтобы стать исследователем в этой области, человеку надо приобрести знания в естественных науках, в искусстве и в общей истории, а при сегодняшней тенденции к специализации идеями поэтов, как правило, занимаются литературные критики, а идеи математиков остаются доступными лишь другим математикам. Работы Хлебникова, представлявшие необычный сплав математики, лингвистики и поэзии, были необычайно трудны для понимания критиков. Сам поэт называл себя «художником числа» и предлагал создать новый класс художников, работающих с числами. Он писал: «В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной, так, как я ее вижу, и оттуда, откуда ее вижу. Это искусство, развивающееся из клочков современных наук, как и обыкновенная живопись, доступно каждому и осуждено поглотить естественные науки».¹⁰

Нет сомнения в том, что математические теории единого закона времени и вселенной были в свое время и остаются сегодня лежащими за пределами основных путей научной мысли. Но были ли они исключительными в свое время, или же можно было столкнуться с их отголосками и в работах современников Хлебникова? Некоторые биографы сравнивали идеи поэта с попытками французских символистов XIX века представить холистский (т.е. целостный, глобальный) взгляд на мир. Так, Малларме связывал звуки с цветами, а Оскар Милош занимался построением квазинаучной картины вселенной, сотканной из Любви. Но широта мировоззрения Хлебникова и его желание ввести в поэзию научные методы резко отличались от всех его предшественников. Его работы характеризовались математическим образом мышления, зачастую больше напоминая аналитическую теорию чисел, чем метафизические философствования. По словам поэта Н. Асеева, Хлебников был меньше всего он похож на типичного литератора тех времен.

Но, может быть, подход Хлебникова казался странным только лишь литераторам? В некотором смысле его теории единого числового закона вселенной были более близки по духу физической единой теории поля, чем поэтическим экспериментам. Так, например, немецкий «ведущий математик и знаток физики, че-

ловек, наделенный острым чувством философии и поэзии»,¹¹ Герман Вейль характеризовал следующей поэтической фразой положение в науке в начале XX века: «И сейчас, в наше время, произошел катаклизм, сметающий волной время и материю, до сих пор рассматривавшиеся как наиболее прочные столпы естественных наук, но цель его лишь высвободить новое пространство для более широких концепций, требующих более глубокого рассмотрения».¹² Эта необходимость углубленного понимания мировых процессов побудила Вейля стать творцом первой единой теории поля. В биографии Эйнштейна сказано: «Пионерами создания первой единой теории поля стали два математика. Первая попытка большого объединения,¹³ основанная на обобщении римановской геометрии в четырехмерном пространственно-временном пространстве, была предпринята Германом Вейлем в 1918 г. Вдохновленный работой Вейля, математик и непревзойденный лингвист Теодор Калуца первым предложил идею о том, что большое объединение может быть получено путем расширения пространства-времени до пятимерного пространства. Его статья на эту тему была опубликована в 1921 г., но идея у него родилась еще в 1919 г., потому что в апреле этого года Эйнштейн писал ему: «Эта идея обоснования (единой теории поля) путем введения модели мира в виде пятимерного цилиндра никогда не приходила мне в голову... На первый взгляд, мне необычайно нравится Ваша идея»».¹⁴

Начиная с 1921 г., имена этих двух пионеров единой теории поля, немецких математиков и лингвистов, Германа Вейля и Теодора Калуцы, были как будто предопределены упоминаться вместе во всех энциклопедиях истории научной мысли. Хотя для многих ученых того времени идеи Вейля и Калуцы казались лишенными смысла абстрактными построениями, сегодня является уже общепризнанным фактом, что именно они вдохновили интерес Эйнштейна к единой теории поля. Поиск «большого объединения» стал основным занятием Эйнштейна на протяжении 30 последних лет его жизни.

Много исследований посвящено поразительным теориям Вейля и Калуцы. Но, кажется, что никто не обратил внимания на еще более поразительный факт: Вейль и Калуца были селестиальными близнецами! Более того, никто не заметил, что они были селестиальными близнецами неповторимого и странного российского математика и лингвиста Хлебникова, уверявшего, что в период 1919–21 гг. он стал первым человеком, сумевшим записать в одном уравнении универсальный единый закон, содержащий в себе все законы Моисея и весь Коран!¹⁵

Во времена Вейля-Калуцы-Хлебникова попытка создать единую теорию мира воспринималась, как красивое и элегантно, но никому не нужное и бессмысленное упражнение в математике. Только считанные мыслители того времени уделяли внимание таким спекуляциям. В соответствии с известным астрофизиком Джоном Бэрроу, автором книги «Теория всего»: «лишь крайне редко отдельные амбициозные ученые пытались создать физическую теорию, которая бы объединяла все общепринятые теории различных сил природы в единое уравнение, из которого в принципе могли бы быть выведены все явления».¹⁶

Судьба теорий единого поля Калуцы и Вейля во многом походит на судьбу поэзии Хлебникова: они были преданы забвению до празднования столетия со

дня рождения их авторов. Сегодня эти идеи стали достоянием теоретической физики, и под ними готовы подписаться наиболее яркие умы современности. Несмотря на то, что окончательный приговор наукой еще не вынесен, все больше физиков склонны поверить в существование так называемой «Теории всего» (Theory of Everything, TOE). Эта глобальная физическая теория еще не достроена, но если она окажется верна, то сумеет объединить все известные типы взаимодействий в физическом мире. Считается также, что она объединит все законы природы в единое утверждение, подтверждающее неизбежность всего произошедшего, происходящего и того, чему еще суждено произойти в материальном мире. Эта теория стала последним словом в науке, и ее живо обсуждают даже в популярной печати. Интересно, что по мере работы над этой темой физики пришли к теории «суперструн», существование которой было бы невозможно без концепции многомерных пространств Калуцы, который, в свою очередь, был вдохновлен на поиск Вейлем! Так как теория суперструн должна стать синтезом всей физики XX века, то в «Научном энциклопедическом словаре» можно прочесть: «если теория суперструн верна, то вся информация, содержащаяся в этой энциклопедии, может быть выведена из одного уравнения».¹⁷

«Но подумайте, сколько чернил мы можем сэкономить! Какой отдых для чернильниц!», – воскликнул Хлебников, когда понял, что сумел свести все законы Библии к единому математическому уравнению.¹⁸ Его не понимали, и над ним смеялись. Сегодня кажется, что его слова должны были бы послужить эпиграфом к теории суперструн. Более того, каким-то странным «футуристским» образом Хлебникову, верившему в то, что весь мир был построен из пульсирующих струн, удалось предугадать значимость слова «струна» в новейшей картине мира. Мечтая о своем едином «мировом заумном языке», построенном из «единиц азбуки», Хлебников провозглашал: «корни лишь призрака, за которыми стоят струны азбуки».¹⁹ И действительно, согласно теории суперструн, все вещество, состоящее из протонов и нейтронов, включая наши тела и самые отдаленные звезды, в конечном итоге состоит из «струн». Если раньше «строительными кирпичиками» мироздания были «точечные элементарные частицы», то теперь элементарные частицы, составляющие атом – кварки, бозоны, лептоны – представляются элементарными одномерными протяженными вибрирующими объектами, или струнами. По наитию Хлебников уже в 1919 г. относился к своим абсолютным буквам – строительным кирпичикам его мира – не как к классическим «частицам» языка, а как к осциллирующим струнам. Свою убежденность «в пульсации всех отдельностей мироздания и их сообществ» поэт пророчески объяснял весной 1920 г. своему другу Андриевскому: «Пульсируют солнца, пульсируют сообщества звезд, пульсируют атомы, их ядра и электронная оболочка, а также каждый входящий в нее электрон. Но такт пульсации нашей галактики так велик, что нет возможности ее измерить. Никто не может обнаружить начало этого такта и быть свидетелем его конца. А такт пульсации электрона так мал, что никакими ныне существующими приборами не может быть измерен. Когда в итоге острого эксперимента этот такт будет обнаружен, кто-нибудь по ошибке припишет электрону волновую природу. Так возникнет теория лучей вещества».²⁰

Получается, что трое в высшей степени странных селестиальных близнецов посвятили всю свою жизнь вопросу ТОЕ. В 1919–21 гг. каждый из них, независимо друг от друга, был уверен, что стал первым в мире человеком, записавшим верные уравнения этой теории. Более того, все трое получили математическое образование и считались непревзойденными лингвистами и мастерами языка. Согласно принципу красоты, являвшемуся для каждого из них важнейшим критерием истинности научной теории, следовало бы полагать, что такие совпадения (или симметрия) никак не могли быть случайными. Хлебников однажды написал:

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.²¹

Если звезды были неводом, то все три селестиальных близнеца были их дневным уловом. Глядя на их жизни, можно предположить, что все трое находились в одном и том же потоке космической идеи, отраженной тем же Θ -фактором.

Эта история не просто история трех селестиальных близнецов, а история трех математиков. С появлением новых концепций и областей математики XIX и XX веков, эта наука настолько усложнилась, что в наше время математикам зачастую не удается объяснить темы своих интересов не только другим ученым, но даже математикам, специализирующимся в других областях. Таким образом, у них зачастую растет чувство изолированности и обособленности, вызванное невозможностью поделиться с другими наиболее волнующими их вопросами. Эта вынужденная интеллектуальная обособленность привела к тому, что, как правило, математики выглядят людьми отчужденными и даже странными. Как отмечается в «Биографиях математиков», их обычно больше всего занимают вопросы происхождения, распространения и развития абстрактных идей.²² Из-за этого жизнеописания великих математиков обычно фокусируются на научных теориях, не придавая значения ничему событийному или личному. Вейль, Калуца и Хлебников не были исключением: их жизни были в высшей степени «безличными». Хлебников, например, писал: «Я не смотрел на жизнь отдельных людей; но я хотел издали, как гряду облаков, как дальний хребет, увидеть весь человеческий род и узнать, свойственны ли волнам его жизни мера, порядок и стройность».²³

Так как этим математиком было интересно заниматься универсальными вещами, то и их биографии содержат очень мало личных подробностей. К этому надо добавить, что эти селестиальные близнецы не только были математиками, а еще и родились в Скорпионе, самом таинственном и скрытном знаке Зодиака. В астрологии принято считать, что Скорпионы очень замкнутые люди, и их не легко познать. Их девиз: «Я творю»²⁴ (кстати, не зря Хлебников величал себя «творянином!»), и поэтому с ними можно познакомиться, лишь поняв их творчество. В последующем эссе мы увидим, что величайшим достижением этих людей была их редкая способность к творчеству: своим аналитическим умом они создавали новые геометрии, новые измерения, новые языки и даже новые вселенные.

Скудность биографического материала несколько не умаляет значения симметрии в жизни и творчестве Вейля, Калуцы и Хлебникова. Читая их истории, мы видим, что им был чужд турбулентный мир эмоций Крейна и Хемингуэя. Мистический мир посвященных (Милош-Волошин) вовсе не интересовал их. Их не волновали ни деньги (Асторы), ни власть (Розенберг-Геринг). Их мир был миром абстрактных построений, миром будущего. Этот мир, математически построенный ими, служил для них убежищем от буден. Это короткое эссе – попытка представить их прозрачный, но холодный мир математических теорий. В этом мире мало места человеческим взаимоотношениям (Каутский-Уайльд) или сновидениям (Мачадо-Юнг). За паутинкой их блестящих идей скрывался новый мир блистательного будущего.

Они родились 9 ноября 1885 г.

Все три селестиальных близнеца родились в провинции, вдали от столичной суеты. Герман Клаус Хуго Вейль родился в маленьком городе Эльмсхорне, расположенном в Шлезвик-Гольштейне недалеко от Гамбурга. Теодор Франц Эдуард Калуца родился в маленьком силезском городе Ратибор, принадлежавшем тогда Германии (нынешний польский Рацибож в 80 км. к юго-западу от Катовиц). Виктор Владимирович Хлебников (впоследствии Велимир) родился в селе Малые Дербеты (Ханская ставка) Астраханской губернии (в 80 км. южнее Волгограда). Поэт придавал большое значение месту своего рождения. Он писал: «Принадлежу к месту Встречи Волги и Каспия-моря (Сигай). Оно не раз на протяжении веков держало в руке весы дел русских и колебало чаши».²⁵ Одной из причин того, что Хлебников занимался объединением всего сущего в единое целое, была его детская попытка объединить культуры калмыцких кочевников – монгольских буддистов – с православием его родителей. В «Своих» он писал: «В «Детях Выдры» я взял струны Азии... Отдельные паруса создают сложную постройку, рассказывают о Волге как о реке индоруссов и используют Персию как угол русской и македонской прямых. Сказания орочей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазиатское сознание в песнях».²⁶

Вейль и Калуца тоже родились в пограничных районах. На земли Шлезвика и Гольштейна претендовали в разные периоды Дания, Швеция, Римская империя, Пруссия и Австрия. Район был населен датскими меньшинствами в немецкой среде и немецкими меньшинствами, жившими среди датчан. Это привело в XIX в. к длительному конфликту между Данией и Пруссией. Подобная конфликтная ситуация наблюдалась и в Ратиборе, месте рождения Калуцы. Согласно местным преданиям город был основан в IX в. принцем Рацибором и с X в. принадлежал Польше. В XIV в. он перешел во владения Габсбургов, и был возвращен Польше после окончания второй мировой войны.

Будущая профессиональная жизнь этих селестиальных близнецов как будто отражала их врожденную «провинциальность». Их интересы были далеки от основных вопросов своего времени, оставаясь в «математической провинции»; а

их творчество было отмечено уникальным стремлением объединять различные темы, как будто в попытке примирить все народности, сражающиеся за право владения землей, на которой они родились.

В отличие от Овна Брэгга, верившего, что все в жизни определяется началом, Вейль верил, что «все начала туманны».²⁷ В полном соответствии с этим убеждением, информация о первых годах жизни этих селестиальных близнецов практически отсутствует. Биографии Калуцы сразу окунаются в мир его математических идей. Несмотря на то, что виртуозный немецкий язык и философская глубина текстов Вейля не уступали произведениям Германа Гессе, автобиографию он посвятил исключительно вопросам науки и философии. Поэт Хлебников, предпочитавший писать в эпическом стиле, оставался безличным даже в автобиографических заметках.

Типично для атмосферы Скорпиона то, что большая часть их жизни оставалась скрытой от постороннего взора. Лундстед предполагала, что такая скрытность служит защитой от страха быть отторгнутым, свойственного детям Скорпионам из-за постоянной критики какого-либо члена семьи. Если над таким ребенком смеются, когда он пытается высказать свои оригинальные интуитивные соображения, то он обычно вырабатывает защитный механизм: «вместо того, чтобы еще раз испытать отторжение, он учится держать свои мысли при себе, вырастая в высокого, таинственного «пленительного чужака»».²⁸ Возможно, что такой механизм наблюдался и в жизни этих селестиальных близнецов. Их идеями не раз пренебрегали в зрелом возрасте. Все они были очень мягкими и ранимыми людьми, никогда не искавшими карьеры или славы. О Хлебникове доподлинно известно, что отец не признавал его идеи, и между отцом и сыном были тяжелые разногласия по поводу образа жизни Велимира. Кроме того, даже в коротенькой анкете поэт счел нужным специально отметить, что «многие Хлебниковы отличаются своенравием и самодурством».²⁹

Все три отца были образованными людьми, проявлявшими искренний интерес к наукам и философии. Отец Калуцы был известным лингвистом, чьи работы по фонетике немецкого языка и по анализу стихов Чоссера пользовались большой популярностью у современников. Несмотря на то, что Теодор не выбрал профессию отца, он сохранил на всю жизнь интерес к языкам, литературе и философии. Калуца стал редким знатоком лингвистики, изучив 15 языков, включая древнееврейский, арабский, венгерский, и литовский.³⁰

Отец Вейля, Людвиг Вейль, был директором банка. Именно в отцовской библиотеке юный Герман еще школьником был пленен книгами Канта. Как и Калуца, Вейль не избрал профессию отца. Числа для него имели большее значение, чем скудные данные в экономике. Числа казались ему чарующими загадочными живыми существами. С раннего детства Вейль и Калуца непреодолимо влеклись к миру математических абстракций, и оба считались блестящими учениками в своих гимназиях.

Отец Хлебникова, Владимир Алексеевич, шесть лет проработал в Калмыкии попечителем Малодербентского улуса. Орнитолог и лесовод, ставший одним из основателей первого в СССР Астраханского заповедника, он был автором мно-

гих работ о природе и культуре района дельты Волги. Отец часто брал сына в научные и служебные поездки по волжским лесам и степям, прививая мальчику любовь к языкам людей и птиц. В доме Хлебниковых были книги Толстого и Дарвина, и мальчик жил в атмосфере любви к науке. Тем не менее, подобно своим селестиальным близнецам, Хлебников не последовал по пятам отца. Несмотря на искреннюю любовь к орнитологии, он не вступил ни на путь естествоиспытателя, ни на путь государственного служащего. Может быть, такое поведение отражало страх этих селестиальных близнецов не оправдать больших надежд своих отцов, а может быть, и просто отроческий протест против родителей. Но все это будет позже. А пока Хлебников вспоминал о себе в детстве: «Он был настолько ребенок, что полагал, что после пяти стоит шесть, а после шести — семь. Он осмеливался даже думать, что вообще там, где мы имеем одно и еще одно, там имеем и три, и пять, и семь, и бесконечность — .»³¹ (Поразительно, но Вейль впоследствии определял математику как науку о бесконечном!)

В 18 лет все три провинциальных юноши блестяще окончили гимназию. В том же году Вейль, Калуца и Хлебников поступили, соответственно, на математические факультеты Геттингенского, Кенигсбергского и Казанского университетов. Все трое проучились там с 1903 по 1908 г.

Вейль полагал, что для воспитания математика крайне необходимо получить поддержку среды. Он вспоминал: «Такие университеты как Геттинген или Кенигсберг в золотой период перед 1914 г. были особенно благоприятны для развития живой научной школы».³² Обоим германским селестиальным близнецам посчастливилось именно в этот золотой период учиться в этих лучших университетах. В 1903 г. Вейль по рекомендации директора гимназии, который по случаю оказался кузеном Давида Гильберта — одного из величайших математиков XX в. — поступил в Геттингенский университет. Еще со времен Гаусса и Римана этот университет славился своими математическими традициями. Дальнейшим расцветом математической школы в начале XX в. Геттинген был обязан Гильберту и Минковскому. Студены и посетители съезжались со всего мира, чтобы принять участие в деятельности этого математического факультета. Впоследствии Вейль вспоминал: «Гильберт и Минковский были истинными героями этого периода величия и расцвета, который испытывала математика в первые незабываемые декады века в Геттингене. Клейн руководил как отдаленный бог, «божественный» заоблачный Феликс».³³ (Хоть Хлебников и не учился в Геттингене, но и его героем был Минковский. Он писал о себе:

Уравнение Минковского
На шлеме сером начертал
И песнезовом Маяковского
На небе черном проблистал.³⁴)

Вейль вспоминал, как по наивности он в первом семестре осмелился записаться на курс лекций Гильберта о понятии числа и квадратуре круга. Большая часть материала была выше его понимания, но он ощущал твердую решимость изучить все, что написал его учитель. После первого курса Герман отправился домой с книгой Гильберта по алгебраической теории чисел под мышкой, и за летние кани-

кулы он разобрал эту работу, не имея никаких предварительных знаний по этим вопросам. В старости он писал: «Это были счастливейшие месяцы моей жизни, свет которых сквозь годы, обремененные нашим обычным грузом сомнений и ошибок, согревает мне сердце».³⁵ В душе Вейля на смену обыденному миру пришли математические пространства Гильберта и Минковского. Одну из своих наиболее популярных книг Вейль впоследствии озаглавил «Пространство, время, материя» (1918), перефразируя и расширяя название книги Минковского «Пространство и время» (1907). Вейль стал одним из наиболее блестящих студентов Гильберта; в 1908 г. он успешно защитил докторскую диссертацию и получил место приват-доцента (скудно оплачиваемую должность лектора) в Геттингене.

В то время как Вейль начал учебу в Геттингене, Калуца поехал в Кенигсберг, город, в котором родился Кант. Кенигсбергский университет тоже гордился своей математической школой. Здесь учился и до 1896 г. преподавал Гильберт. Здесь Минковский получил докторскую степень и преподавал в 1894–96 гг. Будущий соавтор Вейля, математик–интуитивист Брауэр тоже окончил Кенигсбергский университет. В этом университете Калуца в 1909 г. защитил докторскую диссертацию по теме преобразований Чирнгауза и получил пост приват-доцента.

Хлебников тоже учился в стенах университета, из которого вышли прославленные математические теории. Именно в Казанском университете великий российский математик Николай Лобачевский (1792-1856) осмелился восстать против здравого смысла и дать миру революционную неевклидову геометрию. К несчастью для Лобачевского, несмотря на высокую оценку Гаусса, его работы не получили широкого признания при его жизни. На родине ослепший математик чувствовал себя непонятым и непризнанным. Слава пришла к нему лишь после его смерти. Лобачевский вложил много энергии в создание казанской математической школы и математических обществ. Вольнодумный дух математика продолжал направлять многие поколения любознательных студентов. Для Хлебникова жизнь и работа Лобачевского служили источником вдохновения и примером самопожертвования во имя математики будущего. Но Хлебникова воодушевлял не только Лобачевский-геометр, он восхищался широтой интересов этого мыслителя, интересовавшегося языками, историей, искусством и восточными культурами. Для Хлебникова Лобачевский стал «Королем пространства». Впоследствии поэт сравнивал бытовые языки с евклидовой геометрией, а свои неологизмы он сравнивал с математикой Лобачевского, приписывая им возможность трансформации мира.³⁶ Для последователей Хлебникова поэт занял место продолжателя дела Лобачевского, он стал для них «Королем времени».

К сожалению, Хлебникову в университете не удалось найти таких преподавателей математики, которые бы отвечали его ожиданиям. Со временем он перешел на факультет естественных наук. Этот переход не оказался удачным для его будущей карьеры, так как, прозанимавшись столько же времени, как и его сестециальные близнецы, он в 1908 г. окончил университет, не получив ученой степени. Вместо научных трактатов, Хлебников в том же году напечатал свои первые стихи в литературном альманахе «Весна». Его жизнь сменила курс, и вместо математики на первое место вышли поэзия и лингвистика. На протяжении нескольких последующих лет он, по-

добно Вейлю и Калуце, практически не зарабатывал денег. Но эти селестиальные близнецы были достаточно равнодушны к деньгам. Как писал о себе Хлебников:

Мне мало надо!
Краюшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака.³⁷

Начиная с 1908 г. Хлебников продолжил занятия, а точнее, сбор информации и расширение интеллектуальных горизонтов в петербургском университете. Его эклектические интересы включали в себя лекции по биологии, санскриту, славянским языкам и пушкинские семинары. Отец Хлебникова был очень огорчен тем, что сын не хотел ограничить себя каким-либо одним предметом. Но начинающий поэт уже тогда решил следовать своим уникальным путем «художника числа». На сомнения отца он отвечал, что еще настанет день, когда тот сможет гордиться сыном, развернувшим перед человечеством волшебную скатерть-самобранку знаний, приглашая всех к духовному пиру.³⁸

Хлебников полагал, что ему незачем получать ученую степень. Многим оставалось непонятным это странное отношение к формальным занятиям. Но был, по крайней мере, один человек, который мог бы понять мотивы Хлебникова. В «Воспоминаниях» Вейль делился размышлениями по поводу своего «странного» характера: «Мои собственные математические работы всегда были достаточно бессистемными, без метода или связи. Для меня важнее выражение и форма, чем само знание. Но я верю, что и вне связи с моим странным характером, есть что-то в самой математике, в отличие от экспериментальных наук, что приближает ее по характеру ближе всего к свободному творчеству художника. По этой причине нынешние научные тенденции создавать научные институты не очень подходят для математики, где отношения между учителем и учеником должны быть мягче и свободнее. В искусствах мы, как правило, стараемся не навязывать творческим художникам систематическое обучение в школах».³⁹

Девизом творчества Вейля стала его крылатая фраза: «В своих работах я всегда пытался объединить правду с красотой, но когда я был должен выбрать одно из двух, я обычно выбирал красоту».⁴⁰ Эти слова намекали на большую духовную близость Вейля к художникам, чем к исследователям. Вейль чувствовал, что ему не по душе ограничивать себя какой-либо одной из областей математики, и что ему нельзя слишком строго следовать по стопам своих учителей. Еще в Геттингене он стал расширять круг своей специализации, когда в 1911 г. ему поручили читать лекции по теории поверхностей Римана. Ознакомление с этим материалом вызвало у него острое чувство неудовлетворенности существующими решениями. Тут Вейлю пришла на помощь его странная черта характера: редкое умение объединять на первый взгляд разобщенные темы или понятия. Уже в своей первой самостоятельной публикации, озаглавленной «Концепция поверхности Римана» (1913) он создал новую область математики, объединив теорию функций с геометрией, и тем самым дав новую жизнь современному анализу, геометрии и топологии. Вопреки растущей тенденции к узости специализации матема-

тиков, Вейль постепенно становился одним из наиболее широких и универсальных математиков современности.

На этом объединении Вейль не остановился. У него все сильнее рос интерес к математической физике. Этот интерес усилился благодаря переезду в Цюрих, где ему в 1913 г. представилось место профессора математики в Технологическом Институте. Там Вейлю посчастливилось сотрудничать с Эйнштейном, увлекшим его теорией относительности. С характерным для него энтузиазмом Вейль посвятил последующие пять лет изучению математических основ этой новой теории. Вейль считал, что это были самые счастливые годы его жизни, когда единственной помехой его спокойствию и творчеству были постоянные приглашения перейти в другие университеты. Вейль вспоминал, что они отвлекали его, «потому что принятие таких решений беспокоило меня».⁴¹

В 1913 г. Вейля пригласили вернуться в Геттинген, чтобы сменить профессора Клейна. Это было такое престижное приглашение, что любой математик принял бы его, не задумываясь ни на секунду. Но для Вейля ни карьера, ни деньги никогда не стояли на первом месте. Он предпочел остаться в Цюрихе возле Эйнштейна. В «Воспоминаниях» он описывал, как, мучаясь — принять или не принять пост — он до полуночи кружил со своей женой Хеллой по кварталам Цюриха. Затем он решительно впрыгнул в последний трамвай, чтобы протелеграфировать о принятии предложения, но в последний момент сообщил о своем отказе.⁴² В тот раз Вейль, подобно Хлебникову, доказал, что интерес к работе был для него важнее карьеры. Более того, Вейль продемонстрировал, что в его жизни интуитивные реакции преобладали над чистым разумом. В этом он был похож на Эйнштейна, родившегося в Рыбах и полагавшего, что интуиция должна брать верх над разумом.

В 1918 г. Вейль напечатал книгу «Пространство, время и материя». Эта книга, получившая высокую оценку Эйнштейна, не только выявляла глубину познаний Вейля в относительности, а еще и свидетельствовала о его искреннем интересе к философии. Вейль твердо верил, что нельзя отделять философские проблемы от задач науки и математики. Он не писал как «чистый математик» или «физик», потому что, по его мнению, сложные проблемы не могут быть разрешены, пока отдельные науки будут продолжать догматично придерживаться старых методов, оставаясь в рамках произвольных границ.⁴³ В своей книге Вейль не только говорил о необходимости слияния физики с математикой, а еще и стремился изложить свой предмет с мастерством художника слова. О нем писали: «Герман отличался необычайно острым и сильным чувством языка. Для него было делом величайшей важности прекрасно выразить себя: четко, лаконично, элегантно, построив свои работы ясно и логично. Он требовал от себя абсолютного мастерства в языке».⁴⁴

Во времена Вейля к математикам относились, как к бездушным вычислительным машинам, неспособным к пониманию искусств и литературы. Вейль, слывший большим знатоком и любителем поэзии, на своем примере показал всю ошибочность этих заблуждений. Для того, чтобы выразить свое видение мира, он искал новый, особый «адекватный» язык. Вейль настолько преуспел в своей попытке превратить научные статьи в творческие литературные работы, что о нем писали: «Он воистину был не только великим математиком, а еще и великим математичес-

ким писателем. Его стиль, оставаясь популярным, отличался замечательным богатством идей. Его открытия не просто записаны в истории математики, а еще и записаны его собственным несравненным стилем, доступным для широкого читателя».⁴⁵

Этот новый язык Вейля впоследствии получил название литературной формы «математического эссе». На праздновании столетия со дня рождения Вейля, его сын говорил: «Фрейденталь назвал моего отца создателем новой литературной формы: математического эссе. И действительно, в своих философски направленных писаниях он ближе всего подходит к воистину математически-физическому эссеисту. «Наука», – говорил он в предисловии к «Философии математической и естественной науки», – «вымрет ... без постоянного взаимодействия между ее фактами и построениями с одной стороны, и образностью идей, с другой стороны». Образность идей! В качестве математика ему приходилось оперировать знаками и символами; но он дополнял это языком, и подчас могучим проникновенным языком, который свободно обходился с «образностью идей». Как математический физик, он однажды заявил, что нам невозможно обойтись без языка, особенно в квантовой физике».⁴⁶

Вейль много писал о пространстве, времени, материи, энергии, силах, геометрии и топологии, т.е. обо всех ключевых понятиях современной физики. О нем писали, что в отличие от «чистых математиков» он поражал глубиной познаний физического мира.⁴⁷ Представление его работ тоже отличалось от привычных работ математиков. Профессор Янг, например, полагал, что Вейль «прекрасно писал», и что его влияние «было значительным во многих областях, таких как в логике, философии и, наверное, даже в искусстве».⁴⁸ Сын Вейля особенно подчеркивал поэтические наклонности своего отца: «Но был еще и другой Герман Вейль, о котором следует рассказать: писатель, стилист, поэт, знаток литературы. Для меня, как для мальчика, растущего под его крылом, а позднее как для юного гуманитария, самые яркие воспоминания о моем отце связаны с его страстью к литературе и к искусству литературного выражения, в общем – это можно заметить и в его работах: это выражается частично в его любви цитировать поэзию, прозу и философию, частично в частых экскурсах о роли языка (и символов) в изложении математических и физических идей; а частично и в его собственном стиле письма, сочетающего бескомпромиссную ясность с яркой поэтической образностью, а иногда и с подлинным философским чувством».⁴⁹

Было бы трудно отнести Вейля к традиционным узким рамкам «математических», «физических» или «лингвистических» наук, потому что в его работах в равной степени отражались философия, математика, физика и поэзия. В то время как Хлебников искал свой «заумный язык» для того, чтобы с его помощью изложить мировые законы, Вейль посвятил себя поискам «адекватного языка», способного прояснить сущность мира. Хлебников отличался от других поэтов тем, что он использовал язык математики. Вейль отличался от других математиков тем, что он обращался к языку поэзии. В то время как литературоведы указывали на необходимость серьезных научных исследований поэзии Хлебникова, о Вейле писали, что использование поэзии в его математических статьях «заслуживает написания интересного эссе на эту тему».⁵⁰

Хлебников повсюду искал единства. Он полагал, что ученые, поэты и художники – все вместе заняты одним и тем же делом. Вейль мечтал о том же. Он писал, что: «Математизирование» может оставаться одним из проявлений творческой деятельности, подобно музицированию или литературному творчеству».⁵¹ (Подобно Хлебникову, Вейль любил заниматься словотворчеством, вводя такие неологизмы, как «математизирование»). В заключение своих воспоминаний об отце сын Вейля подытожил: «Герман был математиком с душой поэта».⁵²

Склонность к поиску единства во всем мире привела Вейля в 1918 г. к попытке создать такую теорию, в которой электромагнитное и гравитационное поля являлись бы геометрическими свойствами временного пространства. Так как в то время физикам были известны только две основные силы – гравитация и электромагнетизм – то он был уверен, что ему удалось создать единую теорию поля. Математически и эстетически эта теория была настолько заманчива своей элегантностью, что Эйнштейн сразу же увлекся ею. Но уже через месяц ему с горечью пришлось признать, что в этой теории был всего лишь один маленький недостаток: она не соответствовала действительности. В этот период письма Эйнштейна к Вейлю были написаны с иронией физика, разочаровавшегося в возможности решать мировые проблемы математическими методами: «Но можно ли обвинять Господа Бога в непоследовательности, если он не воспользовался открытой Вами возможностью привести физический мир к гармонии? Мне так не кажется».⁵³

Вейлю пришлось расстаться со своей теорией, но разработанный им математический аппарат впоследствии сыграл важную роль в создании квантовой механики и квантовой теории поля. Идеи Вейля также послужили источником вдохновения для французского математика, Эли Картана, построившего общую теорию «обобщенных пространств». Но, возможно, самым главным результатом этой работы Вейля стало то, что он заставил ученых понять, что заниматься одними силами, не относясь к другим, как к их геометрическим аспектам, было бы «нехудожественно».⁵⁴ С этого момента в науке начался поиск ТОЕ.

Сначала поиск Эйнштейна зашел в тупик. Но вскоре некий малоизвестный приват-доцент из Кенигсберга, Теодор Калуца, прислал ему свою работу. Математический ум Калуцы был пленен красотой идей Вейля, и он решил предложить свой оригинальный подход для достижения этой цели. Введя «свернувшееся» пятое измерение, Калуца доказал возможность объединить уравнения электромагнетизма и гравитации в обычном 4-мерном пространстве. Таким образом, Калуца пришел к выводу, что в 5-мерном пространстве гравитация и электромагнетизм были едины. Ему хотелось опубликовать свои результаты, но для этого ему требовалась рекомендация ученого с мировым именем. Калуца обратился за помощью к Эйнштейну, и тот посоветовал ему продолжить занятия этой темой, подчеркивая, что его подход был чрезвычайно оригинален.⁵⁵ Этот подход был настолько необычен, что казалось, у неспециалистов не могло быть никакого шанса понять, о чем идет речь, несмотря на то, что Эйнштейн поверхностно объяснил, что теория просто означала «введение вектора из пяти компонент в пространственно-временной континуум из четырех измерений».⁵⁶

Эйнштейн влюбился в теорию Калуцы, но эти идеи были настолько диковинны, что даже он задержал публикацию статьи на два года. У Калуцы не было никаких доказательств того, что мир был 5-мерным, но инстинкт подсказывал Эйнштейну, что математические выкладки были настолько красивы, что они могли быть и верными. В конце концов, он подал работу Калуцы в Прусскую академию наук в 1921 г., и сам опубликовал работу о 5-мерном методе.⁵⁷ К теории Калуцы отнеслись как к математическому упражнению, лишенному физического смысла, но для Эйнштейна эта идея продолжала оставаться более похожей на действительность, чем любые существующие теории. Вскоре и Эйнштейну пришлось разочароваться в этой теории, потому что электрону в ней не оказалось места. Казалось, что и на этот раз физический здравый смысл взял верх над математической красотой. Но на этом история теории Калуцы не заканчивалась. В 1926 г. она была расширена шведским физиком Оскаром Клейном и стала известна под названием теории Калуцы-Клейна. Эйнштейн вернулся к ней в 1930 г., но и на сей раз без больших успехов.

До 1919 г. Эйнштейна мало интересовала проблема единой теории поля, но работы Вейля показали ему художественную красоту этой идеи, а работы Калуцы настолько заворожали его возможностью «единства», что всю оставшуюся жизнь он занимался решением этой проблемы. В те времена, когда никто не верил в возможность создания ТОЕ, нужно было обладать дальновидностью Эйнштейна, чтобы по должному оценить замысел Вейля и Калуцы. Большинство физиков скептически отнеслись к Калуце: у них заняло немало времени смириться с 4-мерным пространством Эйнштейна, а тут от них требовалось перейти в 5-мерность! Но оказывается, что Вейль не остановился и на этом, предложив ввести идею многомерных пространств. Согласно сэру Пенроузу – одному из крупнейших математических физиков нашего времени – отцом обобщенной идеи n -мерных пространств стал именно Герман Вейль: «Насколько мне известно, ... глобальную обобщенную концепцию n -мерности ввел Вейль (1922) ... Идея многомерности получила широкое распространение в математике, и, безусловно, имеет решающее значение для любого глобального понимания пространственно-временной структуры».⁵⁸

Теории Вейля–Калуцы более 50 лет пролежали в забвении на пыльных полках истории математики. До 1980-ых годов они казались лишь странным математическим казусом. Но тут Майкл Грин и Джон Шварц показали, что теория суперструн способна объединить как гравитацию с электромагнетизмом, так и сильные и слабые взаимодействия. Эта теория оперирует 10-мерным пространством, притом, что 6 «лишних» измерений считаются «свернутыми». Таким образом, теория Калуцы-Клейна заново возродилась. Эта судьба теории, сначала отвергнутой и высмеянной, а затем пересмотренной и возродившейся, была описана в исправленном издании книги «The New Ambidextrous Universe», написанной замечательным популяризатором науки Мартином Гарднером: «Когда я ввел теорию Калуцы-Клейна в 24 главе первого издания этой книги (1970), я относился к ней исключительно, как к забавному курьезу. Она казалось умным, но абсолютно невероятным способом объединить гравитацию с электромагнетизмом ... Перед написанием этой книги я имел возможность узнать мнение по этому вопросу нескольких экспертов по

квантовой механике. Ни один из них не слышал об этой теории. Вы можете представить себе мое удивление, когда 20 лет спустя, когда физики заново открыли и обобщили эту теорию, введя несколько свернутых измерений. Эта обобщенная теория Калуцы-Клейна стала неотъемлемой частью ранних теорий единого поля и последующих ТОЕ вместе с теориями суперструн!»⁵⁹

Пенроуз рассказывал не менее поразительную историю о том, как известный физик, лауреат Нобелевской премии, Паули отверг и высмеял теории Вейля. В 1929 г. Вейль предположил, что законы красоты требуют, чтобы у частиц со спином S были «античастицы», их «зеркальные отображения», имеющие спин $-S$ (противоположную «спиральность», правый и левый винт). Первооткрыватель нейтрино Паули воспротивился этому предположению, доказывая, что оно противоречит экспериментальным данным. Но Вейля, в свою очередь, не убеждали результаты экспериментов. По его словам, «вещи реального мира были всего лишь приближением к идеям». ⁶⁰ Время доказало «приблизительный» характер экспериментальных работ. После смерти Вейля обнаружилось, что данные, на которые опирался Паули, были неточными, а теория Вейля оказалась верной интуитивной догадкой. По иронии судьбы, уравнение Вейля, пришедшее к нему из мира «яркой поэтической образности», сейчас общепринято в качестве уравнения того самого нейтрино, которое открыл высмеявший его Паули!⁶¹

В 1919 г. Эйнштейн в письме к Вейлю иронизировал: «Ваши аргументы замечательно гомогенны. За исключением того, что они не соответствуют реальности, они являются великолепным достижением чистой мысли». ⁶² Но математически мыслящий Вейль всегда помнил, что «внешность подчас обманчива». В 1946 г. он по своему ответил на стандартные обвинения физиков: «Мы, математики, чувствуем себя сродни Паули, потому что среди физиков он выделяется своим высокоразвитым органом математики. Но, несмотря на это, он все же физик, потому что в нем есть много присущего физiku: истинный интерес к экспериментальным данным во всей их интригующей сложности». ⁶³ В то время как физик Паули предполагал, что «Человек не должен объединять то, что Бог разделил», ⁶⁴ математик Вейль верил в божественную силу чисел, позволявшую им объединять различные физические явления. Хлебников вторил ему в стихотворении «Числа»:

Вы даруете единство между змееобразным движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица. ⁶⁵

В мирах Калуцы, Вейля и Хлебникова истина всегда шла об руку с красотой. Сегодня в свете новых экспериментов кажется, что красота чистой математики взяла верх (по крайней мере, временно) над здравомыслием физиков-экспериментаторов. Это явление периодически проявляется в абстрактном мире математики. Нематематически мыслящим людям зачастую кажется, что математики тратят время на несуразные проблемы, не имеющие никакого отношения к реальной жизни. Но потом проходит 50 или 100 лет — и вдруг кого-то осеняет, что эти теории могут успешно применяться на практике. Большинство идей Калуцы и

Вейля в области математической физики относились именно к этому типу «замороженных» идей. В этом смысле Вейля и Калуца, так же как и Хлебникова, можно назвать истинными бюджетянами, потому что их теории принадлежали будущему. В этом же смысле их работы могут быть названы идеями Скорпиона, потому что подобно орлу (второму символу Скорпиона) «они могут ближе всех подлетать к Солнцу (духу)»; и подобно птице Феникс (третьему, наивысшему символу Скорпиона) они способны «возрождаться из пепла».⁶⁶

1917–27 гг. были периодом расцвета творческих сил Вейля и Калуцы, однако их карьера оставляла желать лучшего. Вейль провел 15 лет в Цюрихе, упорно отклоняя предложения немецких университетов. Калуца на протяжении 20 лет оставался приват-доцентом в Кенигсберге. Создается впечатление, что какая-то сила тормозила его, не позволяя получить повышение. Но при этом Калуца не превращался в озлобленного или обиженного жизнью человека. Напротив, о нем вспоминают, как о добром человеке с прекрасным чувством юмора, которого любили студенты и коллеги. Подобно своим далеким селестиальным близнецам, Калуца отличался необычайно широким кругом интересов в литературе, языках и философии. О нем ходил забавный анекдот, что однажды в возрасте 30 лет он задумал доказать могущество абстрактной мысли. До этого времени Калуца не умел плавать и никогда не брал уроков плавания. Когда он решил научиться плавать, то просто взял учебник плавания, тщательно изучил его, и – поплыл с первого раза!⁶⁷ Этим он однозначно показал, что быть «книжным червем» вовсе не значит быть оторванным от действительности. Наоборот, обладая «адекватным языком», можно постигать тайны всего сущего.

Когда Калуце исполнилось 40 лет, Эйнштейн, полагавший что его должность не соответствует заслугам в науке, вмешался в судьбу приват-доцента, начав хлопотать о повышении. В 1929 г. Калуца получил пост профессора в Киле. В том же году Вейля пригласили в Геттинген заменить на посту его бывшего учителя Гильберта. После мучительных сомнений Вейль не смог отказаться от этого предложения.

Начиная с 1923 г., Вейль занимался общей теорией непрерывных групп. Его разработки внесли серьезный вклад в построении квантовой механики. Результаты этих работ вышли в свет в 1928 г. в книге «Теория групп и квантовая механика». Параллельно Вейль не терял и интереса к чистой математике, и его открытия в области униформного распределения чисел по модулю 1 послужило важным этапом в развитии аналитической теории чисел.

В 1920-ых годах Калуца, подобно Вейлю, писал работы по теории относительности и публиковал статьи, как по чистой математике, так и по вопросам математической физики. Кроме теории пятимерного пространства, он занимался построениями моделей атомного ядра и общими вопросами энергетики.

В 1933 г., когда нацисты стали увольнять и преследовать многих друзей Вейля, он решил покинуть Германию. Вместе с Эйнштейном он нашел себе пост профессора в США, в Принстоне. Начиная с 1939 г. он принял американское подданство, оставаясь работать в принстонском институте фундаментальных исследований. В 1954 г. он стал «профессором-эмеритус» (пожизненным профессором) и вышел в отставку, продолжая читать лекции и вести исследовательскую работу по-

переменно то в Цюрихе, то в Принстоне. Из-за своей «математической» рассеянности Вейль забыл проверить иммиграционные законы в США. В результате оказалось, что своими частыми поездками в Швейцарию он нарушил американские законы и вследствие этого потерял американское гражданство. Все его друзья были шокированы бездушием властей и пытались помочь ему восстановить свои права. Но это не помогло. 8 декабря 1955 г. Вейль упал на улице в Цюрихе, когда собирался опустить письмо в почтовый ящик. Он умер от разрыва сердца.⁶⁸ В то время как Хлебников считал себя Президентом Земного Шара, Вейль умер простым Гражданином Земного Шара, не имея никакого определенного подданства.

Когда Вейль переехал в Принстон, Калуца тоже переехал. На сей раз он получил ставку профессора в Геттингене! В том самом Геттингене, где прежде Вейль сменил Гильберта. До 1954 г. Калуца оставался профессором. Он скоропостижно скончался 19 января 1954 г., за два месяца до получения звания «профессор-эмеритус».

Оба немецких математических селестальных близнеца прожили мирно около 70 лет. Оба умерли неожиданно и скоропостижно. В их смерти, как и в их творчестве, оставался привкус чего-то неоконченного, безвременного, связанного с тем, что мир как бы не признавал их. У Вейля отняли гражданство; Калуца не дожид до церемонии вручения почетного звания. Подвести итоги 70-летней жизни плодотворных творческих людей – это очень сложная задача. Ведь надо бы посмотреть, какими мужьями, отцами и людьми были эти селестальные близнецы. К тому же Вейль и Калуца не слышали мольбы Хлебникова, который в «Своеси» умолял: «Заклинаю художников будущего вести точные дневники своего духа: смотреть на себя как на небо и вести точные записи восхода и захода звезд своего духа».⁶⁹ Вейль и Калуца не опубликовали свои дневники. И поэтому приходится соглашаться с Хлебниковым, что пока невозможно еще вывести точные законы для индивидуальных жизней, потому что нет достаточно данных, или словами Хлебникова: «Закон кратных отношений во времени струны человечества мыслим для войн, но его нельзя построить для мелкого ручья времени отдельной жизни — отсутствуют опорные точки, нет дневников».⁷⁰ Но сам Хлебников, подобно своим селестальным близнецам, не записывал в дневниках ничего личного. Его мало интересовали такие будничные вопросы, как чувства или взаимоотношения. Записи в дневниках, которые он так настоятельно просил делать, по его мнению, должны были отражать мир духовный и творческий. Интересно, что в 1919 г., когда он писал эти слова, Юнг в Швейцарии уже интенсивно работал над процессом самопознания, а Гурджиев в России разработал принцип «помнить себя». В отличие от этих исследователей, изучавших глубины человеческих душ, Хлебников занимался лишь арифметическими законами в надежде обнаружить божественные Пифагоровы «меру, порядок и гармонию», скрывающиеся за кажущимся хаосом событий в человеческой жизни. Хлебников чувствовал, что такой божественный порядок непременно должен был связывать людей в разных местах и странах. Стремление к всеобъемлющей математической целостности приводило поэта к необходимости относиться ко всему человечеству тоже как к единому целому. Он писал: «по мере того, как обнажаются лучи судьбы, исчезает понятие народов и государств и остается единое человечество, все точки которого закономерно связаны».⁷¹

В предложениях Президента Земного Шара поэт предлагал научному сообществу заняться проверкой, существует ли связь между людьми на противоположных полюсах Земли, и являются ли их желания и чувства взаимосвязанными. Его интересовал вопрос, не плачет ли кто-нибудь на берегах Миссисипи, когда другой радуется на Волге?⁷² Математический способ мышления Хлебникова требовал, чтобы истина была связанной с красотой, а красота должна была быть связанной с симметрией. Чтобы лучше понять Хлебникова, нужно его сравнить с Вейлем, рассмотревшим в своей, ставшей классической, монографии «Симметрия» (1952) множество идей из мира искусства, физики и биологии, объединяя их концепцией симметрии, описанной им следующим определением: «Симметрия, как бы широко или узко мы не понимали это слово, есть идея, с помощью которой человек пытался объяснить и создать порядок, красоту и совершенство».⁷³

Поиск симметрии привел Вейля к образу «зеркального отображения» в мире элементарных частиц; Хлебников искал «зеркальные отображения» в жизни человека. К сожалению, мы не можем выяснить, «плакал» ли Вейль в Принстоне, когда Калуца «смеялся» в Геттингене. Но поэт с душой математика, Хлебников, как будто бы был «зеркальным отображением» Вейля (математика с душой поэта) и Калуцы (математика с душой лингвиста и языковеда). Можно сравнить эту ситуацию с идентичными близнецами, один из которых левша. В жизни такое происходит нередко, и к тому же часто у близнецов бывает, что родинки или другие характерные особенности появляются зеркальным отображением. Вдобавок, психологи отмечают подобного рода симметрию и в характерах близнецов, когда черты характера одного из них как бы дополняют соответствующие черты другого.⁷⁴ Явления зеркального отображения во многом продолжают оставаться загадочными, но они соответствуют принципу Вейля, названному им «математической философией левого и правого», согласно которому «для научного ума не существует различия или полярности между левым и правым».⁷⁵

С этой математической точки зрения, кажется, что и не было никакой разницы между Вейлем, Калуцей и Хлебниковым. Все были наделены многочисленными талантами в разных областях, и всем приходилось выбирать, какую сторону своей личности сделать доминантной, а какую дополнительной. Например, известно, что Вейль никогда не мог предпочесть одну из граней своих талантов любым другим сторонам. Для него математика рука об руку шла со всем многообразием жизни. Несмотря на то, что центральным стержнем его жизни была математическая физика, он писал: «Математические проблемы – это не изолированные проблемы, находящиеся в вакууме», уверяя, что математику можно и следует применять «ко всем нашим людским усилиям на протяжении всей нашей истории».⁷⁶ Хлебников как будто следовал его совету, сконцентрировав основные усилия на применении математики к вопросам истории, написав книгу «Математическая концепция истории».⁷⁷

Хлебников всегда любил заниматься зеркальными отображениями. Интересно, что Вейль и Калуца избрали быть «похожими» на своих университетских профессоров, продолжая их работы («Пространство и время» Минковского расширено Вейлем в «Пространство, время и материю»), а Хлебников стал зеркаль-

ным отображением своего кумира, Лобачевского, «перевернув» пространство во время (Король времени вместо Короля пространства). Известно, что в искусстве сочинять палиндромы Хлебникову не было равных. Палиндром или перевертень – текст, каждая строка которого одинаково читается от начала к концу и от конца к началу – был для него и средством заклинания и возможностью предвидеть будущее. Для поэта, например, перевертень «чин зван мечем навзничь» означал мировую войну, поскольку будущее, с этой точки зрения, целиком содержится в прошлом и, в некотором смысле, уже есть. В пьесах Хлебникова «Ошибка смерти» и «Маркиза Дзэс» время потекло вспять. Один из героев популярной повести Хлебникова «Ка» говорил: «Я тоже веду войну, только не за пространство, а за время. Я сижу в окопе и отымаю у прошлого клочок времени. Мой долг одинаково тяжел, что и у войск за пространство».⁷⁸ Идея перемены мест пространства и времени была и одной из центральных тем книги «Доски Судьбы». Поэт восклицал: «Можно ли назвать время поставленным на затылок пространством?» И получал ответ, что уравнения времени в этом случае выглядели бы как зеркальное отображение или вывернутые наизнанку законы пространства.⁷⁹

Это тенденция Хлебникова во всем увидеть перевертень, все вывернуть наизнанку или пустить время вспять, характерна и для его личной жизни, рассмотренной по отношению к жизни Калуцы и Вейля. Начиная с 1909 г. все три сестер близнеца открыли для себя основное призвание их жизни: создание ТОЕ. Вейль и Калуца пытались разрешить эту задачу посредством изучения геометрии и пространства. Хлебников вывернул все наизнанку, подойдя к проблеме через изучение языков, провозглашая, что «алфавит – это эхо пространства».⁸⁰ Вся дальнейшая жизнь Хлебникова стала как бы эхом жизни его математических сестер близнецов.

К тому времени, как в 1911-м Хлебникова отчислили с историко-филологического факультета Петербургского университета, он уже сам собирался выйти из университета, деля время между Академией стиха и занятиями числами. После отчисления Хлебников некоторое время проживал у родителей в селе Алферово, всецело посвятив себя поиску законов времени. Начиная с 1912 г. Хлебников завязал дружбу с Маяковским, Бурлюком и Крученых: вместе они составили ядро футуристского литературного движения. В это время Бурлюк так высоко оценивал первые законы времени Хлебникова, что писал в письме к художнику Кандинскому в Мюнхене: «Здесь со мной находится Виктор Хлебников; я передам или вышлю Вам его статью о его открытиях в истории и географии. Его стоит напечатать, но в России по тем или иным причинам всегда печатают менее достойных, а у него вообще нет энергии».⁸¹ В том же году Бурлюк дал Хлебникову деньги, чтобы напечатать его первую брошюру с математико-лингвистическим опытом, озаглавленную «Учитель и ученик». Написанная в форме диалогов, эта пробная книга обсуждала уравнения, определяющие судьбы народов и математические принципы, скрывающиеся за месторасположением крупнейших городов мира. Уже в этой ранней работе видно характерное для поэта желание объединять самые разные области познания. В то время как Вейль создавал новую область математики, объединив в «Концепции Поверхности Римана» теорию фун-

кий с геометрией, Хлебников пытался внести порядок и ясность в такую, по его словам, «пустыню разума», как умение предсказать, «где в диких ненаселенных странах возникнут столицы».⁸² Своим оригинальным способом Хлебников пытался объединить геометрию с географией. Построив ячейки и паутинки пространства, поэт получил закономерность, что «города возникают по закону определенного расстояния друг от друга». И он суммировал: «Таким образом столицы и города возникнут кругом старого, по дуге круга с лучом $R/2A$, где R — земной полупоперечник. Людскому порядку не присуща эта точность, достойная глаз Лобачевского. Верховные силы вызвали к жизни эти города, расходясь многоугольником сил».⁸³ Хлебников также пришел к выводу, что отдельные слова и звуки тоже являются проявлением этих «верховных сил», и что определенные последовательности букв были проявлением древнего разума: «Может быть, в древнем разуме силы просто звенели языком согласных. Только рост науки позволит отгадать всю мудрость языка, который мудр потому, что сам был частью природы».⁸⁴ Подобно Калуце, искавшему дополнительное пятое свернутое измерение, Хлебников начал мечтать о дополнительном, еще неизвестном никому языковом измерении. «Заумный язык» означает язык, выходящий за рамки привычного разума. Этот язык непосредственно связан с заклинаниями и с заговорами, он проявляется в прямом и непосредственном воздействии на человеческое сознание, требуя законного права существования наряду с языками разума. В отличие от существующих языков, приведших к разделению народов, этот универсальный язык, находящийся все еще в зародышевом состоянии, должен будет, по Хлебникову, объединить все человечество. Он писал в «Нашей основе»: «Таким образом заумный язык есть грядущий мировой язык в зародыше. Только он может соединить людей. Умные языки уже разъединяют».⁸⁵ Выходит, что пятое измерение Калуцы (свернутое) должно было объединить все существующие силы природы, а «заумный язык» Хлебникова (пока еще зародышевый) должен был объединить все человечество.

Бурлюк винил Россию в отказе печатать работы Хлебникова, но можем ли мы винить Германию в отказе печатать работы Калуцы? Идеи этих селестиальных близнецов казались не только чужаковатыми, а зачастую и просто бредовыми; сами же они были людьми скромными, не отличавшимися умением проталкивать свои сочинения. Гильберт и Эйнштейн помогали продвигаться Вейлю. Продвижение Калуцы стало возможным только благодаря усилиям Эйнштейна. Но у Хлебникова в России не было Эйнштейна, и его идеи были восприняты поэтами и художниками. (Стоило бы тут отметить, что футуристы во главе с Маяковским серьезно обсуждали предложение послать письмо к Эйнштейну с описанием идей Хлебникова, чтобы получить его оценку и поддержку!⁸⁶). Но для футуристов главным в работах Хлебникова была не их математика, а художественная форма. Но будет ли правомерным обвинять Хлебникова в «предательстве» математики, если даже «величайший математик того века»⁸⁷ — как Пенроуз называл Вейля — открыто говорил, что для него красота формы выражения важнее, чем само содержание?

В «Математическом способе мышления» Вейль посвятил пространственный абзац значению языка для наук в целом и физики в частности. Во многом его идеи по

поводу воздействия слов на людей перекликались с идеями Хлебникова: «Слова – орудия опасные. Созданные для нашей повседневной жизни, они обладают привычным значением лишь при известных ограниченных обстоятельствах ... Мы все не раз были свидетелями того, к каким тяжким последствиям приводит магия слов в сфере политики, где все слова имеют гораздо более расплывчатое значение и человеческие страсти нередко заглушают голос разума. Ученый обязан пробиваться сквозь туман абстрактных слов и достигать незыблемого скального основания реальности... Так обстоит или должно обстоять дело во всех науках, но физикам и математикам пришлось применять этот принцип к самым фундаментальным понятиям, где догматическое сопротивление особенно сильно, и поэтому следование этому принципу стало их второй натурой. Например, первый шаг в объяснении смысла теории относительности всегда сопряжен с необходимостью пошатнуть догматическую веру в незыблемость временных разграничений – прошлого, настоящего и будущего. Невозможно применять математику, пока слова затемняют реальность».⁸⁸

В 1913 г., когда Вейль переехал в Цюрих, Хлебников переехал в Петербург. С математической скрупулезностью Хлебников «продолжал совмещать работу поэта с методичностью ученого».⁸⁹ Он рассматривал каждое отдельное слово, как живое пульсирующее существо, и, работая с его сутью и с его корнями, придавал ему новые формы и новый смысл. Он любил экспериментировать с языком, докапываясь до скрытой сути привычных слов, чтобы затем на их основе строить неологизмы. Его стихи, зачастую казавшиеся «тарабарщиной» или «смехунчиками», были созданы для того, чтобы глубже раскрыть подлинный смысл будничных слов. Обладая острым восприятием эмоциональной сущности слова и незаурядным аналитическим умом, Хлебников настойчиво исследовал морфологию слова, пока виртуозно не овладел своим заумным наречием, создавая вихревые, плюсовые или лирические эффекты, чарующие мистической эстетикой и кажущиеся народным творчеством. Можно попытаться охарактеризовать процесс словотворчества Хлебникова математической метафорой: попытка поэта создавать целые сонмы слов из единого корня напоминала попытку воссоздать картину п-мерного языкового пространства из единственной проекции слова на ось бытовой речи. Сам Хлебников считал, что «бытовой язык — тени великих законов чистого слова, упавшие на неровную поверхность».⁹⁰

В качестве будетлянина Хлебников лелеял проекты реформ практически во всех областях человеческой жизни. Но, в отличие от других футуристов, у него отсутствовал интерес к политике, и он не стремился появляться на трибунах. Отрешенный, молчаливый и тихий, он больше интересовался славянскими былинами и фольклором Азии, чем современностью. Да и внешний вид его резко отличался от других поэтов: он не носил ни желтых блуз, как Маяковский, ни цветков в петлице, как Уайльд. Маяковский даже вынужден был заметить, что Хлебников слишком уж похож на «буржуазного интеллектуала».⁹¹ Но, похоже, что скромный Хлебников больше всего напоминал на фотографиях типичного университетского профессора, а точнее говоря, своего сестелиального близнеца, немецкого приват-доцента Вейля.

Стиль работы Хлебникова тоже очень отличался от всех его друзей. В отличие от других поэтов, он почти всегда писал спонтанно, ничего не редактируя и не подправляя. Наделенный необычайно пылким воображением, он писал поэзию почти непрерывно. Никогда его строчки ничем не походили ни на стиль, ни на содержание других поэтов. Поток его слов напоминал фонтан непрекращающегося творчества. Поэт с удивлением говорил в «Свояси», что его «Девий бог», как не имеющий ни одной поправки, возникший случайно и внезапно, как волна, выстрел творчества, может служить для изучения безумной мысли». ⁹² Хлебникову никогда нельзя было давать читать гранки. Он писал настолько быстро, что при необходимости исправить что-либо, он тут же все перечеркивал, заменяя стих совершенно новым текстом. Интересно, что такое же редкое свойство спонтанного творчества наблюдалось и у Калуцы. Считалось, что он обладал феноменальной способностью читать курсы лекций без единой записи. Рассказывали, что за всю его долгую преподавательскую работу лишь один раз в жизни ему пришлось воспользоваться листком с записями: это случилось, когда от него потребовалось записать на доске число из 50 цифр, появлявшееся в теории чисел! ⁹³ Совпадением было и то, что спонтанное творчество превалировало и в работах Вейля, о котором говорили, что «слова просто лились из него». ⁹⁴

Еще одним важным совпадением было то, что работы Хлебникова, подобно работам Вейля и Калуцы, не рассчитывались на широкую публику, потому что неспециалисты не были способны понять и оценить их. Как говорил Маяковский: «Хлебников – не поэт для потребителей. Его нельзя читать. Хлебников – поэт для производителя». ⁹⁵ Точно так же и работы Вейля и Калуцы не предназначались для «потребителя», их предназначение было вдохновлять таких «производителей», как Эйнштейн или Картан.

Несмотря на то, что работы Хлебникова не были достоянием масс, они заслужили высокую оценку поэтов-современников, представлявших самые разные течения. Значительность и талант Хлебникова признавали такие литераторы, как Блок, Гумилев, Маяковский, Горький, Асеев, Чуковский, Маршак, Есенин, Эренбург и Цветаева. Гумилев восхищался парадоксальностью его идей; Блок видел в нем феноменальное явление; Эренбург считал его «полубезумным, полугениальным с бледным доисторическим лицом»; а Бурлюк и Каменский в 1914 г. провозглашали его современным Леонардо да Винчи. ⁹⁶

Но, прежде всего, подход Хлебникова к своим сочинениям носил печать математика. Его ранние числовые законы времени основывались на «универсальной постоянной», выражаемой числом 317. В «Нашей основе» Хлебников писал: «Если понимать все человечество как струну, то более настойчивое изучение дает время в 317 лет между двумя ударами струны». ⁹⁷ Согласно теории Хлебникова 317 лет – это интервал времени, разделяющий значительные события в истории человечества. Большинство читателей не относились серьезно к этой идее. Но, тем не менее, известный критик Виктор Шкловский вспоминал, как он обратился к поэту с вопросом: «Даты в книге, – сказал я – это годы падения великих империй. Думаете ли Вы, что наша империя падет в 1917 году?» («Пощечина» была опубликована в 1912). Хлебников ответил, почти не раскрывая рта: «Вы первый чело-

век, понявший, что я имел в виду»». ⁹⁸ Оказывается, что простой числовой анализ Хлебникова дал правильный ответ: Российская империя пала в 1917 г.

Для Хлебникова слова и числа, как и все в мире, были взаимосвязаны. Себя он называл «художником числа», и призывал в «Свояси» всех творческих людей перенимать его опыт: «В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной, так, как я ее вижу, и оттуда, откуда ее вижу. Это искусство, развивающееся из клочков современных наук, как и обыкновенная живопись, доступно каждому и осуждено поглотить естественные науки». ⁹⁹ Поэту хотелось во чтобы то не стало постичь, понять и объединить все на свете. Какая сила заставляла его вкладывать невероятные усилия в изучение таких разных предметов, как мифология, искусства, география, история, математика и естественные науки? Может быть, эта сила была подобна внутреннему голосу Калужского, заставлявшего его выучить 15 языков в дополнение к математике и физике?

Хлебников опубликовал ряд воззваний и манифестов, провозглашавших единство всех известных букв, языков, народов и всего человечества. Как неотъемлемая органическая составная часть человеческой природы, язык, по мнению Хлебникова, тоже должен был содержать в себе ключи к пониманию устройства нашего мира. Тот, кто сумеет понять язык, сумеет понять и все сущее. Для поэта все человечество обращалось в часы, а сам он становился часовщиком, показывавшим, как «стрелка столетия движется». Но прогнозирование для него не было слепым подчинением року. Наоборот, оно просветляло и освобождало от страхов. Он сравнивал пульсацию жизни с волновыми колебаниями и говорил, что: «Когда наука измерила волны света, изучила их при свете чисел, стало возможным управление ходом лучей... Теперь, изучив огромные лучи человеческой судьбы, волны которой населены людьми, а один удар длится столетия, человеческая мысль надеется применить и к ним зеркальные приемы управления, построить власть, состоящую из двояковыпуклых и двояковогнутых стекол. Можно думать, что столетние колебания нашего великанского луча будут так же послушны ученому, как и бесконечно малые волны светового луча». ¹⁰⁰

Такой подход Хлебникова к жизни, как к точке пересечения необходимости, диктуемой законами природы, и свободы человека, даруемой свободой выбора творческого художника, интересно перекликался с философией Вейля, писавшего: «Математика – это не та жесткая и строго очерченная схема, какая видится неспециалисту; а скорее мы находим себя в ней точно в точке пересечения ограничения и свободы, которая выражает самую суть человеческой природы». ¹⁰¹

Хлебников верил, что, когда люди наконец-то поймут, что мир и человечество едины, что они управляются одними и теми же законами, то сама по себе идея войны между различными частями единого целого станет абсолютной бессмыслицей: «Тогда люди сразу будут и народом, населяющим волну луча, и ученым, управляющим ходом этих лучей, изменяя их путь по произволу». ¹⁰² В «Досках судьбы» он говорил: «Художник числа приходит на смену художнику слова и там, где была борьба за существование, выживание наиболее приспособленных, враждующих кусков познания, что было содержанием и гордостью науки про-

шлого, появится единый кусок времени, единый закон граждан времени, обращающий недавних врагов в товарищей друг другу по единству закона времени». ¹⁰³

Хлебников считал, что научиться управлять лучами судьбы – это задача будущих поколений. Его же цель была: «только указать на закономерность человеческой судьбы, дать ей умственное очертание луча и измерить во времени и пространстве». В результате этой работы можно будет «рухнувшее дерево тысячелетнего римского права заменить уравнениями и числовыми законами учения о движениях луча». ¹⁰⁴ Само понимание целостности мира сделает войну анахронизмом:

Если я обращаю человечество в часы
И покажу, как стрелка столетия движется,
Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война, как ненужная ижица? ¹⁰⁵

Хлебников не призывал людей стать пацифистами из соображений гуманности. Он не взывал ни к любви, ни к сочувствию. По-математически холодно он анализировал мир и доказывал неизбежные теоремы:

Я затоплю моей силой, мысли потоком
Постройки существующих правительств. ¹⁰⁶

Те люди, которые все еще захотят воевать, чтобы проявлять свой героизм, должны будут поселиться на специальных островах. Для остальных, «конвенциональных» войн Хлебников предлагал разработать новые типы вооружения, прибегая к химическим и биологическим средствам для временного усыпления противников. Эти предложения поэт писал в 1915 г., когда война была уже в разгаре. В следующем году 31-летнего Хлебникова впервые призвали в армию, и он оказался в запасном полку в Царицыне, где, по его словам, прошел весь ад перевоплощения поэта в лишенное разума животное.

Интересно, что в 1916 г. Вейля тоже призвали на короткий срок в армию, так что оба селестиальных близнеца переживали тяжелый период. По всей видимости, ни одному из них не довелось принимать участие в боях. Революция в России освободила Хлебникова от сводящей с ума муштры, но она ввергла всю страну в безумие взаимной ненависти. Города России попеременно переходили от Белых к Красным, и от Красных к Белым. Единственное место, где Хлебников мог чувствовать себя нормально, была психиатрическая больница. Особенно интересно отметить заключение одного из психиатров, осматривавшего поэта в тот период: «И таким образом, наличие выдающихся способностей у талантливого Хлебникова ясно указывает на отсутствие необходимости защищать общество от него, а даже наоборот, особенные качества этой одаренной личности требуют к нему особого подхода со стороны общества, для того, чтобы извлечь от него наибольшую пользу. Поэтому мое заключение как специалиста таково, что я провозглашаю его непригодным к военной службе». ¹⁰⁷ Если верить психиатру, то не поэт был болен, а все общество страдало от эпидемии безумия, и поэтому возникала необходимость защиты нормальных людей от такого общества.

Хлебников не был ни дипломатом, ни бойцом. Ему было больше по душе оставаться голодным бездомным поэтом, мотающимся по России с торбой, наполнен-

ной математическими формулами, чем стать коммунистом. В стихотворении «Отказ» он сформулировал свое жизненное кредо:

Мне гораздо приятнее
Смотреть на звезды,
Чем подписывать
Смертный приговор.¹⁰⁸

Начиная с 1921 г. поэт был настолько поглощен работой над «Досками Судьбы», что он жаловался своей сестре: «Я забыл мир созвучий; их я как хворост принес в жертву костру чисел. Но еще немного, и мне вернется священная речь».¹⁰⁹ Но жертва была, по его мнению, не напрасной, и к концу года он уже мог написать Маяковскому, что: «В числах я зело искусил себя. И готов построить весну чисел, если бы работал печатный станок. Но вместо сердца у меня какая-то щепка или копченая селедка, не знаю. Песни молчат».¹¹⁰ Но не только песни молчали – в разрушенной России печатные станки тоже не действовали. Пока Калуща вынужден был дожидаться помощи Эйнштейна, чтобы напечатать его статью, Хлебников умолял всех друзей оказать ему помощь в издании «Досок Судьбы». В голоде и в холоде, посреди братоубийственной войны единственной заботой поэта было напечатать свои законы времени. Им двигала непоколебимая вера в то, что логика восторжествует, и люди прекратят эти бесполезные убийства. Хлебникову удалось преодолеть немыслимые трудности, и «Доски Судьбы» были напечатаны в 1921 г., симультанно с работой Калущи. Но в то время, как идеи Калущи расценивались как слишком «заумные», книга Хлебникова либо прошла незамеченной, либо вызывала лишь насмешки. Например, почтенный критик И. Аксенов диагностировал у Хлебникова манию величия и паранойю, отмахиваясь от его идей, как от вздора безумца.¹¹¹

Вопрос, был ли Хлебников в здравом уме, обсуждался неоднократно. Поэт был одним из первых людей, заговоривших о единой теории всего. «Все» звучит слишком страшно. В «Теории всего» Бэрроу риторически спрашивал: «Означает ли это действительно все: работы Шекспира, Тадж Махал, Монну Лизу? Нет, не значит».¹¹² Для большинства ученых ТОЕ означала именно то, что имели в виду Калуща и Вейль – что эта теория должна объединить все известные нам силы природы. Большинство физиков и не пытаются распространять свои законы на человеческое общество; они не ищут уравнений человеческой души. Для Хлебникова ответ на вопрос Бэрроу звучал иначе: «Если существуют чистые законы времени, то они должны управлять всем, что протекает во времени, будет ли это душа Гоголя, «Евгений Онегин» Пушкина, светила солнечного мира, сдвиги земной коры и страшная смена царства змей царством людей, смена Девонского времени временем, ознаменованным вмешательством человека в жизнь и строение земного шара».¹¹³ Для Хлебникова весь мир поддавался элементарному линейному числовому анализу. Был ли Хлебников в своем уме, когда пытался подставить свои числовые соотношения для того, чтобы избавить Россию от войн, голода и революций? Для многих он был явным безумцем. Но, по крайней мере, в глазах Эйнштейна каждый творческий человек пытается сбежать от несовершенного окружения в мир, построенный им самим, а затем: «...он старается по мере возможности заменить этим своим космосом окружающий мир, чтобы преодолеть его. Это

то, что делают художники, поэты, мыслители-философы и естествоведы, каждый своим особым путем. Каждый из них превращает свой космос и процесс его создания в стержень своей эмоциональной жизни для того, чтобы таким образом обрести умиротворенность и душевное спокойствие, которые они не могут найти в слишком жестких рамках водоворота быта...». ¹¹⁴ Эйнштейн предусмотрительно ограничил такую подмену реального мира миром абстракции словами «по мере возможности». Но как можно провести четкую границу между бегством от реальности, остающимся в рамках нормы, и бегством от мира, приводящим к безумию? Нужно ли относиться к пятому зародышевому «заумному» измерению как к возможному описанию действительного мира или же, как к плоду фантазии больного воображения? И вообще, существует ли какой-нибудь рациональный путь к истине? Эйнштейн, подобно Хлебникову, полагал, что знание получается лишь путем «заумным»: «Главнейшей задачей физика является добраться до тех универсальных элементарных законов, из которых космос мог бы быть построен путем чистой дедукции. К этим законам нет рационального пути; только интуиция, опирающаяся на сочувственное понимание, может привести к ним... Состояние, позволяющее человеку выполнить такого рода работу, подобно трансу религиозного поклонника или влюбленного; ежедневные усилия порождаются не целенаправленным усилием или программой, а непосредственно самим сердцем». ¹¹⁵

Хлебников, подобно Калуге, Вейлю или Эйнштейну целиком посвятил свою жизнь открытию таких основных законов вселенной. Но, в отличие от Эйнштейна, «заум» Хлебникова не требовал ни религиозного, ни любовного отношения. Нечеловеческая «холодность» поэзии Хлебникова отталкивала и пугала многих читателей. Возьмем, например, его широко известные строчки:

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной. ¹¹⁶

Многим критикам эти строчки казались отмеченными печатью безумия. Р. Фроун замечал: «нам нужно решить, был ли Хлебников безумным, слабоумным или просто непонятым гением. Этот вопрос ставит в неловкое положение многих читателей». ¹¹⁷ Но, может быть, Хлебников не был ни тем, и не другим, и не третьим. Ө-факторный анализ подсказывает, что он был просто математиком, а соглас-

но Уайтхеду, «занятие математикой – это божественное безумие человеческого духа, бегство от назойливой необходимости реагировать на происходящее».¹¹⁸ Заносчивое заявление Хлебникова, «Я для вас звезда», настолько пугавшее литературных критиков, может быть прочувствовано в новом свете, если его сравнить с метким замечанием Вейля о том, что: «математика наделена нечеловеческими свойствами звездного света, блестящего и яркого, но холодного». Вейль писал: «Киркегард однажды сказал, что религия занимается тем, что волнует всех и всегда. В противовес (но с равной степенью преувеличения) можно сказать, что математика обсуждает вопросы, которые никогда не волнуют никого. Математика наделена нечеловеческими свойствами звездного света, блестящего и яркого, но холодного. Но кажется иронией судьбы то, что человеческий разум тем лучше умеет решать проблемы, чем они далее удалены от стержня его существования. Таким образом, мы умнее всего там, где знание наименее важно: в математике, и особенно в теории чисел».¹¹⁹ В своей личной жизни Вейль и был таким математиком, который умел лучше всего справляться с вещами, удаленными от быта. Его сын вспоминал, что Герман «не умел просто беседовать или болтать; поэтому обедать за столом у Вейля означало либо сидеть в мертвой тишине, потому что Герман был занят инвариантами какой-то проблемы, либо вести серьезную дискуссию о (скажем) литературе, философии, науке, текущих событиях, людях, искусстве, концертах».¹²⁰ Он не умел выражать свои чувства, и очень мало времени уделял семье и детям. Дети математика Вейля говорили, что «вулкан чувств, кипящий внутри отца» они могли распознать лишь тогда, когда он читал им стихи. Его сын вспоминал: «Наблюдая за Германом, читающим стихи – а зачастую он их даже напевал – и слушая его, декламирующим стихи вслух, нельзя было не понять, насколько велика была его внутренняя потребность в них. Я осмелюсь сказать, что в глубине души своей, математика и поэзия были для него едины».¹²¹

Хлебников, подобно Вейлю, был мудрее всего в вопросах, не связанных с бытом. Он был глубоко убежден, что без бегства от себя, прогресс просто невозможен. В поисках мировых законов он всецело отдавался своим вычислениям, полностью пренебрегая ежедневными «мелочами жизни». Его бегство от себя было настолько непривычным для поэтов, что Ш. Дуглас замечала: «Особенно удивительно обнаружить, что в Хлебникове привычная цель поэзии – а именно попытка самовыражения при помощи поэзии – рано сменилась попыткой выразить вселенную посредством поэзии, определить и отметить ее координаты в звуках земных языков, а в их вибрациях заставить вновь зазвучать «струны», составляющие вселенную и поддерживающие ее единство».¹²²

В то время как для Вейля математика была способом отдаления от центра собственного бытия, Хлебников, переключаясь с ним, вопрошал: «Не есть ли природа песни в уходе от себя, от своей бытовой оси? Песня не есть ли бегство от я»? И поэт продолжал свою мысль, определяя творчество, как «наибольшее отклонение струны мысли от жизненной оси творящего и бегство от себя».¹²³ Если расценивать бегство от повседневной жизни как некую форму сумасшествия, то Хлебников и впрямь был душевно болен. Но такая форма безумия уже была ранее определена одним из ведущих математиков прошлого века, Станиславом Уламом, когда он

заметил, что «зачастую математика – это бегство от реальности. Некоторые пользуются ею так же, как наркотиками».¹²⁴ Россия отнеслась к Хлебникову, как к безумцу. В России духовный учитель Хлебникова, Лобачевский, тоже был провозглашен безумным. Но, Хлебников, в свою очередь, полагал, что именно Россия сошла с ума, потому что она требовала от него воевать. Россия требовала от поэта убить в себе свои творческие силы. В ответ, он хотел спасти ее от самоубийства, предлагая:

Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе:
Будь мною, будь Хлебниковым.¹²⁵

На смену революциям, по мнению поэта, должен был прийти новый тип власти – «правительство времени», созданное из творческих ученых, писателей, художников, мыслителей, представляющих разные страны. Он требовал, чтобы члены правительства выбрали путь «изобретателей», а не путь «приобретателей». Поэт предлагал России единственный способ оздоровления, который был известен ему: путь трансформации, заключающийся в умирании для того, чтобы возродиться вновь с таким же божественным и «белым» мозгом, как и его собственный. За это его и обвиняли в мании величия. Но поэт говорил о единственном пути трансформации, известном Скорпионам: вонзить свое ядовитое жало в себя самого, предпочитая убить себя, а не другого; стать орлом, безумно близко подлетающим к палящему Солнцу, чтобы из пепла восстать, как священная птица Феникс – высшая исправленная ступень Скорпиона.

По классификации Хлебникова Вейль и Калуца относились к отряду творческих художников, избравших путь «изобретателей». Кроме того, ни один из них не был вовлечен ни в какой вид политической или военной деятельности. Ни Вейля, ни Калуца никогда не обвиняли в сотрудничестве с преступными режимами, но они и не превратились в «мучеников» или в «героев сопротивления». Во времена войн, революций и фашистского разгула математика дала им всем возможность «бежать» от коллективного сумасшествия. Было ли их бегство душевной болезнью, или их математические построения и были единственным островком здравомыслия посреди массового психоза? «Нормальные» люди, верившие в «реальный» мир, погибали на фронтах мировых и братоубийственных войн, убивая ближних во имя торжества «реальных» идей. Для таких людей чудак, объяснявший, что могучая Российская империя «распадется в 1917 г. из-за какой-то мировой константы «317», был явным сумасшедшим. Но те же «нормальные» люди считали нормальным разрушить эту империю именно в 1917 г. Для «нормальных» людей в Вене 1937 г. было так же тяжело выслушать лекцию Вейля по вопросам симметрии, в которой он объяснял что «свастика стала символом террора более ужасным, чем голова Медузы – Горгоны», потому что «в основе ее магической силы лежит паразитическая незаконченная симметрия – вращения без отражения».¹²⁶ Как же далеко от себя должен был бежать человек, чтобы в преддверии мировой войны обсуждать ее последствия и причины в терминах вращения и отражений? Ответ был дан Хлебниковым: «Вообразите парня с острым беспокойным взглядом, в руках у него что-то вроде балалайки со струнами, Он играет. Звучание одной струны вызывает сдвиги человечества через 317 лет. Звучание другой – шаги и удары сердца, третья –

главная ось звукового мира. Перед вами бюджетлянин со своей «балалайкой». На ней прикованный к струнам трепещет призрак человечества. А бюджетлянин играет: и ему кажется, что вражду стран можно заменить ворожкой струн».¹²⁷

Войны и психозы правили Земным Шаром, а математические бюджетляне – селестиальные близнецы, продолжали играть на своих волшебных струнах, веря, что именно так они принесут гармонию в мир. Хлебников мечтал о создании мирового оркестра из всех музыкантов, играющих на струнных инструментах. Сегодняшняя физика верит, что весь мир состоит из мельчайших струн, и таким образом все человечество – это огромный струнный оркестр. Если это так, то партии Хлебникова, Вейля и Калуцы звучали в таком оркестре в унисон.

В 1922 г. все три селестиальных близнеца уже напечатали свои единые теории мира. Жизнь немецких селестиальных близнецов потекла своим чередом, но их российский собрат был истощен от недоедания. Хлебников полагал, что его земная миссия окончена, и что он свободен покинуть эту планету. Он умер 28 июня 1922 г. в Санталово, близ Новгорода. Поэт говорил: «Когда умирают люди – поют песни».¹²⁸ После смерти Хлебникова его песни оказали значительное влияние на все развитие российской поэзии. Такие великие поэты как Маяковский, Мандельштам, Пастернак и Асеев много чему научились у Хлебникова. Его песни, забытые в СССР, пережили коммунистический строй и теперь наконец-то приобретают заслуженный почет. Поэт умер молодым, но его песни живут и поныне, все еще ожидая серьезного анализа всей своей многогранности. Хлебников всегда уверял, что смерть – это не конечная станция души. Согласно его законам времени смерть – это всего лишь переходной период в едином потоке жизни, всего лишь одна из развилок доро г. Он писал: «Таким образом меняется и наше отношение к смерти: мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия».¹²⁹ Сам он не раз испытывал ощущения, напоминавшие ему о прошлых жизнях, подтверждая, что смерть для него не конец, а лишь «часть целой жизни».¹³⁰

Возможно, что еще не пришло время для проверки идей Хлебникова. Но по странному совпадению интерес к идеям всех трех селестиальных близнецов возобновился симультанно в середине восьмидесятых годов. Казалось бы, что нет никакой связи между падением коммунизма, позволившим новую жизнь книгам Хлебникова, и появлением теорий ТОЕ, породивших возврат работ Калуцы и Вейля. Так может быть, действительно, одни и те же законы времени управляют миром идей, диктуя их приливы и отливы? Если это так, тогда понятно, что идеи Калуцы и Хлебникова, зарождавшиеся одновременно, возродились тоже одновременно. Книги жизни Калуцы, Вейля и Хлебникова продолжают оставаться недописанными, потому что еще не сказано последнее слово в теории ТОЕ. Никто не знает, будут ли эти теории приняты или их опять отвергнут, но ясно, что каждый раз, когда речь пойдет о ТОЕ, неизбежно всплывут имена Вейля, Калуцы и Хлебникова, потому что все трое неразрывно связаны с самыми истоками этой научной идеи.

Жизни двух профессоров математики Калуцы и Вейля текли почти параллельно: оба избрали одинаковую, редкую для своего времени профессию математических физиков; оба были связаны с Геттингеном, и оба своим продвижени-

ем были обязаны Эйнштейну. Оба внесли значительный вклад в развитие современной физики, в частности в теорию относительности и квантовую механику. История жизни этой пары могла оставаться короткой и математически холодной. Третий селестиальный близнец, выбравший путь «зеркального отражения» своих математических братьев, внес свежесть и оригинальность в математику, делая ее более доступной для неспециалистов. Хлебников писал о себе: «Пусть на могильной плите прочтут: «Он нашел истинную классификацию наук, он связал время с пространством, он создал геометрию чисел»». ¹³¹ Та же эпитафия могла быть написана и на памятниках Вейлю и Калуце.

Вероятность того, что лишь в силу слепой случайности три человека, отличившихся в столь экстравагантных математических провинциях человеческой деятельности, родились одновременно, близка к нулю. Объяснение всем совпадениям должно быть заложено в природе Θ -фактора.

Θ -факторные и астрологические комментарии

Мировой порядок, гармония, красота и симметрия стали ключевыми понятиями в жизни Вейля, Калуцы и Хлебникова. Вейль изложил свой взгляд на эти концепции в книге «Симметрия», систематически описав все известные формы симметрии в искусстве античности, в биологии, математике, литературе, кристаллографии, и т.д. Он подчеркивал, что в искусствах, так же как и в жизни, симметрия присутствует повсюду, но она никогда не бывает строгой. Так, например, архитекторы древности сознательно секретно вносили некоторые малые нарушения симметрии в расположение колонн. Точно так же, симметрия в изображении людей с орлиными головами на старинных рисунках шумеров была не абсолютной, а приблизительной. Вейль подчеркивал, что: «западное искусство, как и сама жизнь, склонно смягчать, ослаблять, видоизменять и даже нарушать строгую симметрию. Но асимметрия в редких случаях состоит просто в отсутствии симметрии. Даже в асимметрических изображениях вы ощущаете симметрию как норму, от которой уклоняются под влиянием неформальных причин». ¹³²

Людям привычны симметричные образы не только в орнаментах и украшениях предметов искусства, но и в кристаллах, цветах, снежинках и т.д. Одним из наиболее захватывающих примеров симметрии являются пары идентичных близнецов — людей, произошедших из одной и той же яйцеклетки и подобных повторяющемуся мотиву древних орнаментов. Близнецы могут почти полностью повторять друг друга, но никогда не выглядят абсолютно одинаково. Их отпечатки пальцев и стоп никогда не идентичны, несмотря на то, что имеют подобную структуру. Так и жизни селестиальных близнецов, таких как Калуца и Вейль, оставили похожий след в истории науки, напоминающий отпечатки ладоней идентичных близнецов.

До сих пор необычайное сходство идентичных близнецов объяснялось идентичностью их генов. Проблематичность такого подхода заключается в том, что при этом не удастся объяснить различия между близнецами, так как, если все определяется генами, то почему же у близнецов, например, различные отпечатки

пальцев? Очевидно, что без учета влияния Θ -фактора это явление так и останется необъясненным.

Селестиальных близнецов можно представить себе, как повторяющийся мотив гигантской струны орнамента. В искусстве, так же как и в жизни, строгая симметрия ассоциировалась с оледенением, с кристаллизацией, с окостенением, с неуклонным законом, и в крайнем случае, со смертью. Ассиметрия связывалась с движением, с оттепелью, с хаосом, несущим жизнь и свободу. Селестиальные близнецы, подобно идентичным близнецам, несут в себе как зерна симметрии, так и послабление порядка. Симметрия заложена в них в силу того, что временем своего рождения они относятся к одной и той же струне времени. Говоря терминологией Хлебникова, если человек – это «местовременная точка», то селестиальных близнецов связывают общее место – «Земной Шар» и общее время (день) рождения. Различия между селестиальными близнецами при этом могут быть объяснены малыми вариациями начальных условий. Ведь даже у идентичных близнецов, как правило, есть разница хотя бы в десять минут во времени рождения, и местоположение их в матке во время беременности слегка различно. С астрологической точки зрения 10 минут разницы в моменте рождения уже вызывают существенные различия в картах новорожденных.

Вейль писал: «Симметрия, как бы широко или узко мы не понимали это слово, есть идея, с помощью которой человек пытался объяснить и создать порядок, красоту и совершенство» Хлебников дополнял в «Досках судьбы»: «Но если существует один кусок жизни числа, одна ветка, то существует и все дерево чисел. Природа чисел такова, что там, где существует да-единица, существует и нет-единица и мнимые. Но что мы знаем о них?» Вейль открыл антисимметрию (зеркальные отображения) в физике элементарных частиц. Хлебников искал ее повсюду. Сегодня явление «антисимметрии» в мире биологии уже общепризнанно, и выявлено много пар близнецов, в которых один из них «левша». Более того, явление «зеркального отображения» уже найдено и в психологии идентичных близнецов. Так, Фарбер писала в 1985 г.: «Психологическая асимметрия была предложена Бьютверком в 1936 г. При этом партнеры имели дополняющие друг друга характеристики, как- то один был более активным, а другой пассивным». И Фарбер продолжала: «Интересно, что ни двойникование, ни асимметрия в людях не получили никакого объяснения. Однако, вытекающий из них результат – зеркальное отображение – необычайно важен для любого анализа данных, потому что он указывает на те области, в которых «идентичные» близнецы могут существенно отличаться».¹³³

Жизни Калуги, Вейля и Хлебникова демонстрируют зеркальное отображение у селестиальных близнецов, указывая на возможность различиями между ними.

Хлебников не был астрологом, Но он писал: «Пусть человек, отдохнув от станка, идет читать клинопись созвездий. Понять волю звезд — это значит развернуть перед глазами всех свиток истинной свободы. Они висят над нами слишком черной ночью, эти доски грядущих законов».¹³⁴

Но можем ли мы в самом деле понять законы звезд и предсказывать будущее? Хлебников верил в аксиому единства мира. В этом случае понимание законов поведения какой-либо части целого позволяет предсказывать и поведение дру-

гих составных частей этого целого. Допустим, что эта аксиома верна и что существует внутренняя связь между движениями планет и человеческой судьбой. В этом случае, казалось бы, возможно предсказать будущее человека по движению планет. Но это не совсем так. Ведь для предсказания будущего мы должны быть уверены в точности измерения планетных орбит, а такая точность не всегда достижима. Например, Пуанкаре писал: «Если бы мы точно знали законы природы и состояние мира в начальный момент времени, то могли бы предсказать состояние этого мира в любой последующий момент времени. Но даже, если бы это было так, и законы природы не скрывали бы от нас больше ничего, мы все равно могли бы знать начальные данные только *приблизительно*. Если бы только это позволяло нам предсказать последующую ситуацию с *такой же* степенью точности, то мы могли бы сказать, что явление предсказуемо и управляется законами. Но это не всегда так; может случиться, что даже самые малые отклонения от начальных условий приводят к резким сдвигам в конечных результатах. Малая ошибка измерения начальных данных приведет к огромной ошибке в результатах. Предсказание становится невозможным, и мы имеем случайные эффекты».¹³⁵

Согласно Бэрроу (1997) сегодняшние возможности науки рассчитывать будущее состояние Вселенной выглядят ограниченными, и любые предсказания могут носить только статистический характер.¹³⁶ Не только человеческая жизнь, но даже движение планет содержит элемент случайности, и поэтому истинное положение звезд должно быть установлено при помощи измерений и наблюдений. Человеческая жизнь еще сложнее. Так же, как мы не понимаем детали процесса рождения галактик, мы не понимаем процессы зарождения и формирования нашей души. Особую проблему составляет вопрос определения «начальных условий» души. Мы не помним ни момента рождения, ни первых месяцев младенчества. Для того чтобы получить информацию об этом периоде, нам нужно обращаться за помощью к другим людям, у которых могут быть свои соображения и интересы видоизменять действительность, забывать историю или подавать ее в выгодном для них свете. В результате, большинство людей не знают даже приблизительно даты рождения, не говоря уже о точной минуте рождения.

В астрологии, как и в космологии, влияние точных начальных условий играет решающую роль. Может быть, нам никогда не дано будет знать, где и когда зародилась наша душа, так что в нашей жизни всегда будет оставаться место для непредсказуемых «случайностей», а все предсказания будут лишь «приблизительными». Более того, даже если нам удастся точно установить место и время рождения, то откуда у нас есть гарантия, что момент рождения – это пространственно-временная точка в 4-мерном пространстве? Может быть – это не точка, а струна? Тогда внутри пределов этой струны точные координаты будут расплывчаты, и их измерение не будет иметь физического смысла в силу присущей им неопределенности. Ведь и сегодня определение точных начальных условий – это самая сложная проблема астрологии, потому что мы не знаем, как и когда измерять их. Нужно ли относиться к моменту появления головы? Или же смотреть, когда новорожденный открывает глаза? Может быть, важен первый крик или перерезание пуповины, соединяющей новорожденного с матерью? Разница между всеми этими событиями может дос-

тигать более 30 минут. А где и когда душа вселяется в тело? Это мгновение является точкой или струной? Несет ли оно в себе печать классической определенности или же отмечено неопределенностью вероятностной волновой природы мира элементарных частиц? В последнем случае человек будет от природы наделен определенной степенью свободы выбора и непредсказуемости. Такая картина человеческой природы будет перекликаться с философией Уайтхеда, полагавшей, что Бог не сотворил конкретных существ. Согласно Уайтхеду, Бог наделяет людей начальной движущей силой в форме их субъективных целей самотворения. При этом даже Бог – это порождение творческой силы, процесса, при котором мировые события объединяются в новые сущности. Этот процесс творческий и непредсказуемый.

Можно предположить, что и судьба каждого человека ограничена рамками его начальных условий, и что у каждого из нас имеется возможность выбора, определенная теми же начальными условиями. Таким образом, даже при подобных начальных условиях окончательный результат в каждой конкретной жизни все-таки может быть различным. В этом смысле астрология, как и любая другая естественная наука, имеющая дело с реальным миром, является всего лишь приблизительной наукой. Но в качестве таковой, она сродни своим сестрам – астрономии и космологии.

Жизни Хлебникова, Калуцы и Вейля могут прекрасно иллюстрировать приблизительный характер астрологии. Изначальные способности и интересы в жизни всех троих исследователей были схожи. Незаурядные математические и лингвистические таланты отличали всех троих. Присущая им мягкость и скромность привлекала к ним многих друзей. Необычное желание создать ТОЕ составляло стержень жизни всех троих. Тем не менее, малые отклонения в начальных условиях в конечном итоге привели к значительной разнице в судьбе, когда после 1922 г. Калуца и Вейль изменили характер своих работ, расширив горизонты деятельности, а Хлебников тоже «открыл новые для себя горизонты», перейдя в мир иной.

Для Хлебникова творчество было бегством от себя, наибольшим отклонением «струны мысли от жизненной оси творящего». В «Ка» он довел эту идею до крайности, предлагая не только бежать от себя, но и стать «игроком», ставящим ставки против универсальной воли: «Но случилось ли вам играть не с предметным лицом, каким-нибудь Иваном Ивановичем, а с собирательным — хотя бы мировой волей? А я играл, и игра эта мне знакома. Я считаю ее более увлекательной той, знаки достоинства которой — свечи, мелок, зеленое сукно, полночь. Я должен сказать, что в выборе ходов вы ничем не ограничены. Если бы игра требовала и это было в ваших силах, вы бы могли, пожалуй, стереть мокрой губкой с черного неба все его созвездия, как с училищной доски задачу».¹³⁷

Может быть, Хлебникову действительно удалось найти способ как можно далее отдалиться от своей судьбы. Но и в этом случае, кажется сомнительной его возможность одолеть универсальную волю посредством стирания созвездий с небес. Его характер и его творческие способности не только соответствовали традиционному образу Скорпиона, но и в удивительной степени повторяли основные черты личности Вейля и Калуцы. Из этого следует, что наука о селестальных близнецах является приблизительной наукой в том смысле, что она не может предсказать вклад свободного выбора в индивидуальную судьбу, но она, в то же

время, отличается и большой степенью точности, в том смысле, что может описать характер и основные жизненные уроки человека.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 9 ноября 1885 г.
Образ отца	Все три отца были интеллигентными и образованными людьми.
Раннее детство	Все отличались необычайной любовью к числам.
1903	Все трое окончили гимназию и поступили на математические факультеты университетов.
1908–1909	Конец занятий, начало карьеры. Вейль и Калуца опубликовали диссертации и стали приват-доцентами; Хлебников опубликовал первые стихи.
1918–1922	Годы работы над единой теорией поля. Калуца и Вейль сотрудничают с Эйнштейном. Для Хлебникова конец этого периода стал концом его жизни.
1929–1930	Вейль стал профессором в Геттингене, Калуца – в Киле.
1933–1935	Вейль стал профессором в Принстоне; Калуца – в Геттингене.
1935–1954	Калуца и Вейль проработали на одном месте до отставки.
Основные черты характера	Необычайная способность к спонтанному творчеству, сочетавшаяся с мягким характером и даже застенчивостью.
Скоропостижная, непредвиденная смерть	Хлебников скончался молодым, в 1922 г. Он страдал от недоедания. Калуца и Вейль умерли внезапно в возрасте 70 лет.
Возрождение их работ после смерти авторов	Интерес к поэзии Хлебникова и к научным теориям Калуцы и Вейля достиг нового пика в середине 1980-ых годов.

Сноски:

- ¹ К. Вейерштрасс родился в Скорпионе.
- ² В.В. Маяковский, статья В. Хлебников.
- ³ Velimir Khlebnikov, *The King of Time*, tr. Paul Schmidt, London, Harvard University Press, 1985, p. 6 (Далее – *The King of Time*).
- ⁴ *The King of Time*, p. 1.
- ⁵ Velimir Khlebnikov, *Collected Works of Velimir Khlebnikov*, vol. I, *Letters and Theoretical Writings*, tr. Paul Schmidt, ed. Charlotte Douglas, London, Harvard University Press, 1987, p. 74 (Далее – *Collected Works*, vol. I).
- ⁶ *Collected Works*, vol. I, p. 400.
- ⁷ *The King of Time*, p. 6.
- ⁸ Василий Бабков, *Законы времени и «Доски Судьбы»*, Нефилологический взгляд на творчество Велимира Хлебникова. Опубликовано в Независимой газете от 19.04.2000 (Далее – *Законы времени и «Доски Судьбы»*).

- ⁹ The King of Time, p. 6.
- ¹⁰ Collected Works, vol. I, p. 148.
- ¹¹ Dictionary of the History of Ideas, Studies of Selected Pivotal Ideas, ed. Wiener, P.P., Vol. IV, Charles Scribner's Sons, New-York, 1973.
- ¹² Hermann Weyl, Space, Time, Matter, Dover Pubns, 1952, p. 2 (Далее – Space, Time, Matter).
- ¹³ Большое объединение: физическая модель теории поля, включающей в себя три из известных четырех фундаментальных сил в природе (электромагнитное, слабое и сильное (ядерное) взаимодействия).
- ¹⁴ Abraham Pais, Subtle is the Lord, The Science and the Life of Albert Einstein, Clarendon Press, Oxford, 1982, p. 329.
- ¹⁵ The King of Time, p. 174.
- ¹⁶ J. D. Barrow, Theories of Everything: the Quest for Ultimate Explanation, New York, Oxford University Press, 1991, p. 15 (Далее – Barrow).
- ¹⁷ Michio Kaku, Beyond Einstein, New York, Anchor Books, 1995, p. 4.
- ¹⁸ The King of Time, p. 174.
- ¹⁹ В. Хлебников, Творения, Москва, Советский писатель, 1986, стр. 37 (Далее – Творения).
- ²⁰ Законы времени и «Доски Судьбы».
- ²¹ Творения, стр. 94.
- ²² Donald J. Albers, Mathematical People, Profiles and Interviews, Birkhauser, 1985.
- ²³ Творения, стр. 587.
- ²⁴ Hickey, p. 22.
- ²⁵ Творения, стр. 641.
- ²⁶ Творения, стр. 36.
- ²⁷ Space, Time, Matter, p. 10.
- ²⁸ Lundsted, p. 98.
- ²⁹ Творения, стр. 642.
- ³⁰ Dictionary of Scientific Biographies (DSB), vol. VII, pp. 211–212.
- ³¹ Творения, стр. 577.
- ³² Hermann Weyl, Gesammelte Abhandlungen, Band IV, Berlin, Springer – Verlag, 1968.
- ³³ M. H. A. Newman, Hermann Weyl, in Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society of London, 3, 1957, pp. 305–328 (Далее – Biographical Memoirs).
- ³⁴ Творения, стр. 463.
- ³⁵ Biographical memoirs, p. 305.
- ³⁶ Collected Works, vol. I, p. 6.
- ³⁷ Творения, стр. 83.
- ³⁸ Collected Works, vol. I, p. 17.
- ³⁹ Biographical memoirs, p. 306.
- ⁴⁰ In an obituary by Freeman J. Dyson in Nature, March 10, 1956.
- ⁴¹ Biographical Memoirs, p. 307.
- ⁴² Biographical Memoirs, p. 307.
- ⁴³ Space, Time, Matter, p. 2.
- ⁴⁴ Hermann Weyl, 1885-1985: centenary lectures / delivered by C.N. Yang, R. Penrose, A. Borel; edited by K. Chandrasekharan, Berlin, Springer, 1986, pp. 97–98 (Далее – Hermann Weyl, 1885–1985).
- ⁴⁵ Biographical Memoirs, p. 308.
- ⁴⁶ Hermann Weyl, 1885-198, p. 98.
- ⁴⁷ Hermann Weyl, 1885-198, p. 23.

- ⁴⁸ Hermann Weyl, 1885-198, p. 23.
- ⁴⁹ Hermann Weyl, 1885-198, p. 95.
- ⁵⁰ Hermann Weyl, 1885-198, p. 96.
- ⁵¹ Hermann Weyl, 1885-198, p. 84.
- ⁵² Hermann Weyl, 1885-198, p. 97.
- ⁵³ Banesh Hoffmann, Albert Einstein, creator and rebel, New York, Viking Press, 1972, p. 224.
- ⁵⁴ Banesh Hoffmann, Albert Einstein, creator and rebel, New York, Viking Press, 1972, p. 224.
- ⁵⁵ DSB, vol.VII, p. 211.
- ⁵⁶ Peter Micheltore, Einstein, Profile of the Man, New York, Dodd, Mead, 1962, p. 161.
- ⁵⁷ Albrecht Fulsing, A. Einstein, A Biography, New York, Viking Penguin, 1997, p. 557.
- ⁵⁸ Hermann Weyl, 1885–198, p. 38.
- ⁵⁹ Martin Gardner The New Ambidextrous Universe, Symmetry and Asymmetry from Mirror Reflections to Superstrings, III ed, New York, Basic Books, 1990, p. 339.
- ⁶⁰ Space, Time, Matter, p. 5.
- ⁶¹ Hermann Weyl, 1885–198, p. 42.
- ⁶² Albrecht Fulsing, A. Einstein, A Biography, New York, Viking Penguin, 1997, p. 556.
- ⁶³ Hermann Weyl, 1885–198, p. 85.
- ⁶⁴ Barrow, p. 14.
- ⁶⁵ Творения, стр. 79.
- ⁶⁶ Hickey, p. 22.
- ⁶⁷ DSB, vol.VII, p. 212.
- ⁶⁸ Stanislaw Ulam, Adventures of a mathematician, New York, Scribners, 1976, p. 72.
- ⁶⁹ Творения, стр. 37.
- ⁷⁰ Творения, стр. 38.
- ⁷¹ Творения, стр. 632.
- ⁷² Collected Works, vol. I, p.340.
- ⁷³ Hermann Weyl, Symmetry, Princeton University Press, 1952, p. 3 (Далее – Symmetry).
- ⁷⁴ Farber, p.11.
- ⁷⁵ Hermann Weyl, 1885-198, p. 17.
- ⁷⁶ Hermann Weyl, 1885-198, p. 84.
- ⁷⁷ Collected Works, vol. I, p. 386.
- ⁷⁸ Творения, стр. 525.
- ⁷⁹ The King of Time, p.88.
- ⁸⁰ The King of Time, p.199.
- ⁸¹ Collected Works, vol. I, p. 16.
- ⁸² Творения, стр. 586.
- ⁸³ Творения, стр. 586.
- ⁸⁴ Творения, стр. 585.
- ⁸⁵ Творения, стр. 628.
- ⁸⁶ Wiktor Woroszyński, The Life of Mayakovsky, New York, The Orion Press, 1970.
- ⁸⁷ Hermann Weyl, 1885-198, p. 23.
- ⁸⁸ Герман Вейль Математический Способ Мышления (под ред. Б.В. Бирюкова и А.Н. Паршина; пер. с англ. Ю.А. Данилова), Москва, Наука, 1989.
- ⁸⁹ The King of Time, p. 9.
- ⁹⁰ Творения, стр. 625.
- ⁹¹ Collected Works, vol. I, p. 32.
- ⁹² Творения, стр. 37.
- ⁹³ DSB, vol.VII, p. 212.

- ⁹⁴ Hermann Weyl, 1885-198, p. 95.
- ⁹⁵ В.В. Маяковский, статья В. Хлебников.
- ⁹⁶ Velimir Khlebnikov, *Collected Works of Velimir Khlebnikov*, vol. III, *Selected Poems*, tr. Paul Schmidt, ed. Ronald Vroon, Cambridge, Harvard University Press, 1997, p. 3 (Далее- *Collected Works*, vol. III).
- ⁹⁷ Творения, стр. 629.
- ⁹⁸ Wiktor Woroszyński, *The Life of Mayakovsky*, New York, The Orien Press, 1970, p. 50.
- ⁹⁹ Творения, стр. 38.
- ¹⁰⁰ Творения, стр. 630.
- ¹⁰¹ Hermann Weyl, 1885-198, pp. 96–97.
- ¹⁰² Творения, стр. 630.
- ¹⁰³ Законы времени и «Доски Судьбы».
- ¹⁰⁴ Творения, стр. 630.
- ¹⁰⁵ Творения, стр. 170.
- ¹⁰⁶ Творения, стр. 170.
- ¹⁰⁷ *Collected Works*, vol. I, p. 26.
- ¹⁰⁸ Творения, стр. 172.
- ¹⁰⁹ *Collected Works*, vol. I, p. 126.
- ¹¹⁰ *Collected Works*, vol. I, p. 128.
- ¹¹¹ *Collected Works*, vol. III, p. 3.
- ¹¹² Barrow, p. 2.
- ¹¹³ Законы времени и «Доски Судьбы».
- ¹¹⁴ Albert Einstein, *Creator and Rebel*, p. 222.
- ¹¹⁵ Albert Einstein, *Creator and Rebel*, p. 222.
- ¹¹⁶ Творения, стр. 182.
- ¹¹⁷ *Collected Works*, vol. III, p. 21.
- ¹¹⁸ Barrow, p. 172.
- ¹¹⁹ Hermann Weyl, *Gesammelte Abhandlungen*, Band, IV, Berlin, Springer – Verlag, 1968, p. 464.
- ¹²⁰ Hermann Weyl, 1885–198, p. 99.
- ¹²¹ Hermann Weyl, 1885–198, p. 97.
- ¹²² *The King of Time*, p. 8.
- ¹²³ Творения, стр. 634.
- ¹²⁴ Stanislaw Ulam, *Adventures of a mathematician*, New York, Scribners, 1976, p. 120.
- ¹²⁵ Творения, стр. 161.
- ¹²⁶ *Symmetry*, pp. 66–67.
- ¹²⁷ Творения, стр. 630.
- ¹²⁸ Творения, стр. 75.
- ¹²⁹ Творения, стр. 631.
- ¹³⁰ *Collected Works*, vol. I, p. 187.
- ¹³¹ Творения, стр. 577.
- ¹³² *Symmetry*, p.13.
- ¹³³ Farber, pp. 11–12
- ¹³⁴ Творения, стр. 632.
- ¹³⁵ Barrow, p. 41.
- ¹³⁶ Barrow, p. 42.
- ¹³⁷ Творения, стр. 526.

СТРЕЛЕЦ

Король и поэт: современная версия «Принца и нищего». История жизни короля Георга VI и поэта Поля Элюара

Георг VI

Поль Элюар

Быть добрым – благородно. Но показывать другим,
как быть добрым, – еще благородней, и не так хлопотно.

Марк Твен¹

Увлекательная повесть Марка Твена «Принц и нищий» начинается словами: «Это было в конце второй четверти шестнадцатого столетия. В один осенний день в древнем городе Лондоне в бедной семье Кенти родился мальчик, который был ей совсем не нужен. В тот же день в богатой семье Тюдоров родился другой

английский ребенок, который был нужен не только ей, но и всей Англии». Далее Твен рассказывает о захватывающей судьбе этих двух, похожих как близнецы, мальчиков – английском принце Эдуарде и маленьком оборвыше Томе, которые по воле случая на время поменялись ролями. Эта история, написанная более чем 100 лет тому назад, не перестает волновать сердца юных читателей во всем мире. Есть что-то символическое и мистическое в непреходящем интересе к возможным последствиям такой подмены селестиальных близнецов. Марк Твен стремился показать в своей книге, что характер детей и их способности не зависят ни от богатства, ни от статуса их родителей. Нынешнее исследование селестиальных близнецов не только подтверждает эту догадку, но и указывает на возможный фактор, оказывающий решающее влияние на свойства нашей личности – на Θ-фактор.

Во всем мире часто возникали легенды и мифы о двойниках королей или принцев. В книге «Анатомия судьбы» астролог Зеев бен Шимон Галеви описывал судьбы короля Георга III и сына торговца скобяными изделиями Хеннингса, которые якобы родились одновременно в одном и том же городе. Согласно Галеви, между этими людьми сохранялась синхронная связь в течение всей их жизни: они поженились в тот же день, переняли работу своих отцов в том же году, у них было то же число детей, они страдали теми же болезнями и умерли в тот же час.² К сожалению, Галеви не указал на источники своей информации и не проанализировал жизни этой поразительной пары. Поэтому его пример остается всего лишь замечательным мифом о селестиальных близнецах.

Еще один пример «принца и нищего» относится к отдаленным дням средневековой Европы и датируется 8 сентября 1157 г. Для большинства современных людей история средневековья выглядит сплошным белым пятном, в котором события с XI по XVI век излагаются попеременно, притом, что жизни отдельных личностей практически стерты из памяти человечества. Европа той поры отличалась невежеством и безграмотностью: письменностью владели лишь считанные представители духовенства и знати. Сохранилось очень мало документов тех лет, и большинство дат и событий остаются приблизительными и расплывчатыми. Каждый человек, чье имя или дата рождения дошли от XII века до наших дней – это необычайная редкость. Насколько же удивительно найти *двух* людей, родившихся в ту же самую *ночь* 1157 г. и ставших едва ли не самыми яркими представителями своего времени!

Одним из этих селестиальных близнецов был король Англии Ричард I, известный как Ричард Львиное Сердце.³ Благодаря роману Вальтера Скотта «Айвенго» этот трубадур, рыцарь и крестоносец стал мифической фигурой, вошедшей вместе с королем Артуром и Робин Гудом в пантеон легендарных народных героев. Ричард был не только бравым воином. Он прекрасно владел латынью и искусством дипломатии; любил куртуазную поэзию и сочинял неплохие стихи. Его стихи, дошедшие до наших дней, поведают нам о его образе мысли и чувствах; построенные им дворцы и крепости свидетельствуют о его взглядах на архитектуру и искусство. Из всех английских королей он ближе всех соответствовал роли героя рыцарских баллад и легенд. Но, тем не менее, биографы единодушно

дают ему негативную оценку. Ведущие историки Англии соглашались, что он был «плохим сыном, плохим братом, плохим мужем, плохим королем».⁴

По иронии судьбы, селестиальный близнец Ричарда – аббат Александр Некам (Neskam)⁵ – вошел в историю под прозвищем «Nequam», что по-латыни означает «грешный», «плохой».⁶ Рассказывают, что Некама очень ранило это прозвище, но злая кличка настолько сильно пристала к нему, что по ошибке ее написали даже на могильной плите этого преподобного аббата.

Считается, что Александр Некам родился в ту же ночь в Сант Албансе, что и Ричард в Оксфорде. Он стал очень образованным человеком, оставившим после себя много записей о своей эпохе. Аббат блестяще владел латынью, писал научные работы, прозу и стихи. Его трактат *De utensilibus* («Об инструментах») широко известен как первое в Европе описание магнитного навигационного компаса. Его *De naturis rerum* («О природе вещей») служило источником полезной научной информации, считавшейся новинкой в Европе того времени. Благодаря своим политическим способностям, в качестве настоятеля монастыря в Чиренчестере ему удалось получить разрешение проводить ярмарки в этом городе.

Так вышло, что две яркие фигуры средневековой Англии, позволяющие нам хоть в некоторой степени восстановить образ жизни людей тех лет, были рождены селестиальными близнецами. Но, как говорил Марк Твен: «Правда необычайнее вымысла: вымысел должен придерживаться правдоподобия, а правда в этом не нуждается». Оказывается, что в этой истории правда поразительнее даже, чем повесть Твена «Принц и нищий». Летописи сообщают, что Ричард I был вскормлен молоком из правой груди его кормилицы, носившей необычное имя Гудьерна. Тот же источник добавляет, что молоко из левой груди Гудьерны сохранялось для ее собственного сына, Александра Некама. По невообразимой прихоти судьбы одна и та же женщина вскормила обоих селестиальных близнецов!

Гудьерна была хорошей кормилицей и замечательной женщиной. Впоследствии Ричард отблагодарил ее, назначив ей пожизненную пенсию. Кроме того, по всей видимости, она стала самой известной в истории кормилицей, так как в ее честь в Англии названо место: *Wiltshire Parish of Knoyle Hodierne*. Некоторые исследователи считали, что Гудьерна была чужестранкой, дочерью царя иерусалимского Болдуина II. Об отце Александра почти ничего не написано, кроме того, что он очень высоко ценил свою жену.

Мать Ричарда, Элеонора Аквитанская, тоже была чужестранкой, старшей дочерью герцога Аквитанского, правителя большой территории на юго-западе нынешней Франции. Элеонора слыла бесспорной первой красавицей, и ее судьба сложилась совершенно необычно. В молодости она вышла замуж за короля Франции Людовика VII. После 13 лет брака она развелась с мужем (хотя развод между монархами был крайней редкостью) и тут же вышла замуж за графа Анжуйского, бывшего 12 годами младше ее. А через два года он стал английским королем, Генрихом II Плантагенетом. Итак, в возрасте тридцати двух лет Элеонора Аквитанская из королевы Франции превратилась в королеву Англии! Ричард рос при дворе матери, впитывая в себя французскую культуру, слушая французскую музыку и разговаривая на французском наречии Пуатье.

Александр тоже получил французское образование, так как изучал искусство, теологию, медицину и гражданское право в Париже. По окончании университета он вернулся преподавать в Англию. В то время как Ричард умер в 1199 г., Некам «умер» для светской жизни в период между 1197 и 1201 годами, когда он ушел в монастырь. Другьям его пострижение в монахи казалось свидетельством временной слабости, и они старались отговорить его от этого шага. Но их усилия были напрасными: «он как будто оглох и не слышал мирских звуков, и даже как будто и ранее был глухим, а не болтливым грешником».⁷ Он вступил в монастырь августинцев в Чиренчестере, но и там не сумел избавиться от своих «грехов». В своей книге *De commendatione uini* он с таким пылом описывал различные стадии опьянения, что его стали называть “*glühender Vereher der Bacchusgabe*” (страстным поклонником Бахуса). Он говорил, что для занятий ему всегда необходимо держать вино под рукой. Его жизнь была странной смесью разгула и смиренности.

Ричард, в свою очередь, отличался странной смесью свирепости и набожности. Периоды его набожности, так же как и приступы его ярости, были кратковременными и отличались крайностями. Время от времени он вставал рано, чтобы «замаливать свои грехи». Он раздавал деньги церквям и монастырям и верил в то, что главным долгом христианского короля было совершить крестовый поход во имя освобождения Иерусалима. Перед тем, как Ричард отправился в третий крестовый поход, он основал два монастыря. Один из них принадлежал августинцам. Ричард был ревностным христианином, и в его глазах дары церкви служили залогом тому, что монахи будут за него молиться перед Богом. Таким способом он отдавал дань церкви и выражал уважение к образу жизни монахов.

Оба селестиальных близнеца провели большую часть жизни в мужских компаниях. Ричард был известен своей антипатией к женщинам. Он отличался от других представителей знати тем, что женился очень поздно и никогда не родил наследника. Брак его с Беренгарией Наваррской, заключенный в Египте в 1191 г., не удался. Король и королева жили порознь. Не удалась и личная жизнь Некама – ничего не написано о его отношении к женщинам до ухода в монастырь, а уж после принятия монашества он принял на себя обет целомудрия.

Кроме Ричарда I и Некама, во всей энциклопедии «Британика» содержится информация лишь об одном человеке, родившемся в 1157 г. Это – Ходжо Масака, жена первого военного правителя Японии (сегуна), и месяц ее рождения неизвестен. С 1150 по 1160 гг. истории запомнила имена менее чем 20 человек, чьи даты рождения можно установить с точностью до года. Как можно подсчитать вероятность того, что из всех людей, рожденных в эту декаду, история запомнит точную дату рождения лишь двух людей, бывших по случаю селестиальными близнецами, выкормленными молоком одной и той же кормилицы? Поразительно и то, что речь идет о селестиальных близнецах, рожденных в Деве, символизирующей по Хикки «утробу времени».⁸ В то время как рожденный в Деве Уэллс позволил людям на своей машине времени заглянуть в будущее, то Ричард Львиное Сердце и Александр Некам сохранили для нас возможность мысленно перенестись в далекое прошлое.

Очевидно, Марк Твен не знал об этой истории, но если замена «королевского» сына на «простого» мальчика и могла произойти, то, скорее всего, она могла случиться во время кормления младенцев – Ричарда и Александра. Тем не менее, нельзя слишком серьезно относиться и к этой истории селестиальных близнецов. Во многом она останется всего лишь легендой или мифом, потому что с расстояния стольких лет невозможно узнать, где кончается правда, а где начинается вымысел.

«Хороший» король Марка Твена, Эдуард VI, резко отличался от «плохого» Ричарда I. «Добрый» принц и смывленный, но бедный Том Кенти несли в себе многие характерные черты их автора – Твена. Более того, они чем-то напоминали по своей сути настоящих селестиальных близнецов, родившихся в Стрельце: короля Великобритании и Северной Ирландии, а также императора Индии – Георга VI, и одного из основателей сюрреализма и ведущего поэта французского Сопротивления, Поля Элюара. Несмотря на то, что, по всей видимости, им не довелось встретиться, их история не менее поразительна, чем повесть Твена или легенды о Ричарде I.

На первый взгляд, казалось бы, что может быть общего между английским королем и французским поэтом? Элюар намекнул на возможный ответ в своем сюрреалистическом определении проницательности (перцепции): «Поэт – это человек, наделенный особым умением видеть галлюцинации; тот, кто сознательно умеет установить связь между наиболее непохожими объектами».⁹ По Элюару, в процессе восприятия окружающего поэт мечтает, воображает и творит, пока внезапно у него не возникает: «потенциальный объект, порожденный объектом реальным, и в свою очередь превращающийся в реальность. Смотрите, они образуют изображение, от истинного к истинному, как один из миров со всеми остальными. Вы больше не стоите в растерянности перед объектом, потому что все подходит, все взаимосвязано, все обретает значение, находит свое собственное место. Два объекта разделяются только для того, чтобы в отдалении познать друг друга полнее, чтобы пробежать по гамме всего сущего и всего живущего».¹⁰

Эти строки Элюар писал о сюрреалистических картинах своего друга Пикассо, но их можно отнести и к реальной жизни. Так воображаемый «потенциальный объект» Твена, а именно его фантазия о селестиальных близнецах, в какой-то мере стала реальностью в жизни короля Георга VI и поэта Элюара. Как «Принц и нищий», эта пара селестиальных близнецов могла бы быть разделена только для того, чтобы полнее пережить гамму всего сущего. Рожденные симультанно, селестиальные близнецы, как правило, живут в разных местах и видят лишь частичную, а потому и искаженную, картину мира. Но когда им удастся отыскать друг друга, или когда независимому наблюдателю удастся объединить картины их мировосприятия, то пропадает чувство «растерянности» по отношению к окружающему миру, потому что разрозненные куски картины «складываются» в единое целое и приобретают значение. Так встреча с Томом помогла королю Эдуарду дополнить картину мира, глядя на него глазами своего селестиального близнеца. В результате, он сумел ощутить себя единым со своим народом, стать на редкость милосердным правителем, оставившим по себе добрую память. Не раз, когда какой-нибудь важный сановник предлагал ему ввести суровые законы, король устремлял на него

свои красноречивые, полные грустного сострадания глаза и говорил: «Что ты знаешь об угнетениях и муках? Об этом знаю я, знает мой народ, но не ты». Именно редкая возможность прожить в одной жизни сразу несколько дополнительных жизней подготовила Эдуарда VI к тому, чтобы стать таким добрым королем. Только понимание набожности Некама может помочь нам лучше понять крестовые походы Ричарда I; и только трубадур в Ричарде поможет оценить поэта и любителя выпивки в преподобном аббате Некаме. Сравнительные биографии селестиальных близнецов, подобно сюрреалистическим картинам мира Элюара, могут представить перед нами углубленное видение мира. Такое мировосприятие должно быть характерным для любого «хорошего» короля, умеющего рассмотреть в своем народе нечто большее, чем просто набор разрозненных людей. Став проницательным, такой король должен уметь вдохновлять разрозненных людей проникнуться духом национального характера, чтобы ощутить единство нации.

Поль Элюар и Георг VI оба были наделены этим редким талантом, и оба сумели способствовать поднятию духа своих народов в трудные времена второй мировой войны. Обоих любили за их умение смотреть на мир через свою уникальную призму, позволявшую им разглядеть за разрухой и смертью грядущие дни освобождения. Оба были истинными трубадурами свободы и обоих обожали за их «доброту» и «величие». Рожденный в богатстве английский король и рожденный в нищете французский поэт независимо друг от друга стали для своих народов живыми символами «добра».

Георга VI любовно называли народным королем; про Элюара говорили, что он «человек среди людей». ¹¹ Короля символически называли «пастухом» своего народа; о поэте Элюаре говорили, что он «нянчит звезды». ¹² Оба были красивы, стройны и очень похожи друг на друга. Обоих отличало мужество, человечность и редкое умение жить среди людей и для людей. Ни один из них никогда не довольствовался ролью простого наблюдателя. Они не хотели быть «просто» учителями, зеркалами, рупорами или целителями общества: оба бесспорно доказали свое умение вести за собой. Еще в качестве юного герцога Йоркского будущий король провозгласил на встрече индустриального общества: «Если мы не поведем, то никто не последует». ¹³ Для Элюара быть поэтом означало воодушевлять других, и его строки перекликались с призывами короля: «Руки у нас у обоих чтобы их отдавать/ Возьми же руку мою я хочу увести вас далеко». ¹⁴

Георг VI (Альберт Фредерик Артур Георг) был младшим сыном королевской четы и до коронации был известен как принц Альберт. С раннего детства он был очень болезненным и ранимым ребенком. Никто не думал, что ему когда-либо придется стать королем, и поэтому «ничто в его молодости не подготавливало его к королевскому трону, на который ему неожиданно пришлось взойти». ¹⁵ И, тем не менее, трудно переоценить роль короля Георга VI в поддержании духа своих подданных во время второй мировой войны. Л. Блейк даже избрал его в качестве примера для всех последующих конституционных монархов: «... свет, отражаемый на народ его лидерами, может быть либо очень тусклым, либо очень ярким. Многие, например, упоминали духовное свечение королей и королев во время

церемонии коронации. И нет никакого сомнения, что когда король Георг VI и его королева Елизавета ходили по разбомбленным районам Ист-энда, от них исходили свет, мужество и сила – они были дающими жизнь посреди смерти». ¹⁶

Казалось, ничего в детстве не готовило Эжена-Эмиля-Поля Гренделя к его будущему ведущего поэта-сюрреалиста Поля Элюара. Он родился в рабочем предместье Парижа Сен-Дени; «его семья происходила из простонародья; представители рабочего класса, сумевшие впоследствии подняться до бедного среднего класса». ¹⁷ В 16 лет его учеба неожиданно прервалась из-за чахотки. Кто бы мог поверить, что этот болезненный мальчик сумеет завоевать признание благодаря своей исключительной роли во французском Сопротивлении? Друг Элюара, известный литератор Луи Паро писал: «все, кто участвовал в Сопротивлении, не могли забыть ту большую роль, которую играл Поль Элюар в его организации. Этот поэт, которого, казалось бы, ничего в жизни не готовило к проведению сложных и опасных операций, полностью посвятил себя сопротивлению; и в то же время он писал стихи, публикация которых сыграла неизмеримую роль в духовном возрождении Франции». ¹⁸

В то время как Блейк описывал короля, как лидера, «отражавшего» свет, Андре Бретон определял сюрреализм как «солнечный зайчик в отражающем зеркале Поля Элюара». ¹⁹

Трудно оставаться равнодушными к поразительным историям Георга VI и Поля Элюара. Их детство было наполнено болезнями и страданиями. Не достигнув 20 лет, оба уже были брошены в самое пекло первой мировой войны. Они познали страх, голод, холод, смерть друзей. Они научились преодолевать личные кризисы, и ко времени второй мировой войны в них созрела сила и умение вести за собой свой народ. Но когда война окончилась, оба скоропостижно скончались в возрасте 56 лет. Оба селестиальных близнеца избрали жизнь, ставшую символом «добра». Во всей мировой истории редко можно встретить короля или поэта, которых бы называли «хорошими людьми», но Георг VI и Поль Элюар сумели завоевать эту великую честь. О Георге VI говорили, что он не блистал умом, а отличался добротой. В то время как для его старшего брата, будущего короля Эдуарда VIII, корона символизировала единство империи, Георг VI неуклонно трудился для того, чтобы превратить корону в символ «живительной силы добра». ²⁰ Так его описывали в газетах и журналах, и так его образ воспринимался в народе. Американский президент Трумэн писал после встречи с ним: «Король произвел на меня впечатление хорошего человека». ²¹ Премьер-министр Австралии Роберт Мензис вспоминал, как в полуразрушенном Лондоне 1941 года люди кричали Георгу VI: «Слава Богу за доброго короля», на что король отвечал: «Слава Богу за добрый народ». ²²

В это же время Элюар восклицал: «Доброта танцует на моих губах», ²³ а Клод Рой подтверждал это своими словами: «Я только забыл о самом главном. Самом серьезном. В наше время почти не бывает действительно хороших людей. Доброта обесценена, немножко глупа, немножко старомодна, не в почете в литературе, и, безусловно, ни Мальро не хорош, ни Жид, ни Мориак, ни Анри Мишо, ни Клодель, ни Арагон; и конечно, они смеются над этим. Но Элюар – хороший

человек, и он заставляет окружающих расслабляться, становиться мягче и благо-склоннее». ²⁴

«Доброта» не рассматривалась ни в одной из предыдущих глав этой книги. Были люди мудрые или властные; просветленные или эмоциональные; мечтательные или любознательные. Когда принято думать, что «в наше время почти нельзя отыскать по-настоящему хороших людей», кажется удивительным, что оба селестиальных близнеца были возведены в ранг хороших, добрых и порядочных людей.

Это всего лишь штрихи к портретам короля и поэта. Для того чтобы получить представление об их жизни, нужно войти в их особый мир ярких образов. Эти биографии не требуют *вдумчивого* подхода (как Милош-Волошин); они не апеллируют ни к *чувствам* (Крейн-Хемингуэй), ни к *мечтам* (Мачадо-Юнг). Их не нужно исторически *анализировать* (Ричард I – Некам). Эти биографии нужно *видеть, смотреть, постигать*. «Образы думают за меня» – эта часто цитируемая строка Элюара как нельзя лучше отражает его емкое образное мышление. Для Элюара «смотреть» означало «постигать» и «быть»: «Для художника, как и для полностью необразованного человека, не существует ни конкретных форм, ни абстрактных форм. Существует лишь связь между тем, что смотрит и тем, на что смотрят, попытка перцепции и создания отношений – в момент определения, в момент творчества. Смотреть – это постигать, судить, превращать, забывать или забываться, быть или исчезать». ²⁵

Жизни обоих селестиальных близнецов были образными, театральными. Элюар любил говорить, что образы стояли на его ресницах или на веках его глаз; жизнь короля была фантастическим парадным шествием. Перед нами краткая история, пытающаяся нарисовать несколько картин из жизни этих добрых людей.

Они родились 14 декабря 1895 г.

Эжен Грендель был сыном бедных родителей, счетовода Клемана Гренделя и его супруги, портнихи Жанны-Марии. Впоследствии семье удалось подняться по социальной лестнице, когда Клеман занялся перепродажей недвижимости. Рой так описывал места, где родился будущий поэт: «Он родился на окраине, в Сен-Дени, там, где была базилика королей и фабричные дымовые трубы». ²⁶ Бедный как пролетарий, но свободный как король, Элюар писал: «Я не сын короля/но я свободен». ²⁷

Эжен жил в рабочих районах, где дома были темными, а удобства – примитивными. Квартиры без ванн, с узкими коридорами и холодными комнатами напоминали мальчику норы кротов. Он был уверен, что им бы не помешало немного свежего воздуха или сквозняка, чтобы выветрить запахи кухни и нищеты. ²⁸ Впоследствии большую часть жизни Элюар провел в небогатом квартале Парижа, в простенькой трехкомнатной квартирке, заставленной книгами. На стенах квартиры всегда висели картины его друзей – Пикассо, Шагала, ди Чирико и Дали. Кроме того, квартиру Элюара украшала фигурка короля на троне, вылепленная каким-то полусумасшедшим, но дорогая сердцу поэта. ²⁹

Принц Альберт родился в Йорк-Коттедже (Норфолк). Он был вторым сыном герцога и герцогини Йоркских, впоследствии известных как король Георг V и

королева Мария. Гарольд Никольсон описывал этот коттедж, как «мрачную маленькую виллу» со всеми неудобствами, характерными для предместья. Коттедж прятался в глубине темного заповедника и был построен из темного непривлекательного камня. Внутреннее убранство виллы тоже было скромным, и там не хватало места ни для королевской семьи, ни для челяди. Большинство слуг были вынуждены жить вне виллы, и к этим проблемам нужно было добавить плохую канализацию, недостаточный нагрев и отсутствие ванных комнат.³⁰ Детские комнаты тоже были мрачными и неудобными, и детей растили в спартанских условиях. Родители считали, что малышей нужно приучать к простоте, и сэр Артур Брайант вспоминал, как принц Альберт играл со своими братьями и сестрами в Сандринхеме «настолько же естественно, весело и просто, как мальчики и девочки любого бедного рабочего».³¹

Несмотря на спартанское воспитание, ни один из этих селестиальных близнецов никогда не сталкивался ни с нищетой, ни с голодом. Лундстед полагала, что, как правило, Стрельцы воспитываются в домах, где есть крыша над головой, и нет недостатка в еде. Не хватает только любви и ласки.³² Похоже, что принц Альберт и Эжен Грендель не были исключениями из этого правила. Жилье и питание у них было, но над их семьями нависли какие-то «роковые знамения». Оба младенца вошли в мир, как бы извиняясь за свое существование. Брак родителей принца Альберта был заключен при печальных обстоятельствах. Мать принца – урожденная принцесса Мария фон Тек – предназначалась в жены старшему брату Георга, принца Эдди. Их помолвка состоялась в 1891 г, но принц внезапно скончался в 1892 г. Эта трагедия, ставшая тяжелым ударом и для Георга и для Марии, сблизила их и подтолкнула друг к другу. В создавшейся ситуации королева Виктория решила, что Георг обязан полюбить Марию и за себя и за своего покойного брата, так что брак был заключен в 1893 г. Несмотря на то, что впоследствии не раз говорилось, будто Мария на самом деле предпочитала Георга, вся ее последующая жизнь была отмечена печатью траура, из-за чего она слыла человеком холодным, неэмоциональным и необщительным.³³

Рождение принца Альберта тоже состоялось при печальных обстоятельствах: он родился именно в тот печальный день, который его бабушка королева Виктория называла днем ужасной годовщины. 14 декабря 1861 г. скончался безумно любимый ею супруг Альберт, а в тот же день 1878 г. умерла и ее дочь Алиса. Радовало лишь то, что приход нового ребенка рассматривался королевой, как «луч солнечного света, посланный после долгих лет печали». Королева Виктория стала крестной ребенка и назвала его в честь своего покойного мужа Альбертом.³⁴ В семье мальчика звали просто Берти.

В «Непрерывной поэзии» Элюар писал: «Мое происхождение – это слезы/ Усталость и печаль».³⁵ Считалось, что семья будущего поэта была «отмечена при знаком злосчастия».³⁶ Бабушка мальчика по материнской линии была брошена мужем и умерла от истощения в 37 лет. Его мать, Жанна-Мария, с раннего возраста должна была работать, чтобы содержать свою бабушку, мадам Элюар, а также младших сестру и брата. Печать горестного детства навсегда оставалась на грустном лице матери Эжена: скорбь затаилась в ее глазах и во всем ее облике; обида за

несбывшиеся мечты не была прощена до самой смерти.³⁷ Даже рождение единственного сына, маленького «Жежена», не внесло радости в дом Элюара. Хотя видимые причины материнской тоски и горечи были разными, но для детей результат был одинаковым: образ матери был неразрывно связан с холодом и печалью. И в то время как принцу Альберту было суждено своим именем скрасить траурную жизнь королевской бабушки Виктории, Эжен позднее принял имя своей прабабушки Элюар.

В обеих семьях отношения между родителями строились на взаимном доверии и уважении. Королева Мария помогала мужу создавать идеальный образ королевской четы. Мадам Грендель оставила шитье, чтобы помогать мужу в их маленьком семейном бизнесе по торговле недвижимостью. Но при этом отношения между супругами оставались отдаленными и холодными, и отцы семейств отличались крайне суровым нравом и любовью к дисциплине.

Похоже, что те же самые причины, которые не позволяли обеим женщинам испытывать радость любви, не позволяли им и наслаждаться материнством. Несмотря на то, что королева Мария родила шестерых детей, «она никогда не утратила отвращения к процессу родов, полагая, что роды в высшей степени неприличны и непристойны».³⁸ Впоследствии она признавалась, что ни разу в жизни не смогла просто так посидеть и поговорить со своими детьми.³⁹ Эти картины королевской семьи поразительно напоминают образные строки Элюара: «А моя мать женщина/ нянчила на руках/идеальный образ/своего земного страдания».⁴⁰

Отношения Альберта и Эжена с их отцами описывались как холодные отношения между эмоционально отчужденными людьми, но вместе с тем дети не были лишены отцовского внимания или любви. Основными чертами характера обоих отцов были уважение к традициям, совмещенное с необычайно развитым чувством долга; отсутствие интеллектуальности, соединенное с упрямством и чувством собственной правоты. Непреложный закон мсье Гренделя – «долг превыше всего» – беспрекословно царил и в семье короля Георга V. Было что-то от простолюдина в Георге V, и что-то от короля в Клемане. Оба отца требовали от всех окружающих беспрекословного подчинения. От этой муштры особенно сильно страдали их дети.

Георг V слыл образцом порядка и дисциплины для своих подданных.⁴¹ Этот морской офицер с властным характером и педантичными требованиями не блистал ни умом, ни хорошими манерами; он не был начитан и не имел хорошего образования. У него не проявлялась любознательность к окружающему миру, и о нем писали, что он был «подобен большинству своих подданных».⁴² Король был известен своими странными вспышками гнева и грубыми насмешками, и для него не было никакой разницы между казармой и детскими спальнями. Свое педагогическое кредо Георг V сформулировал в одном предложении: «Мой отец боялся своей матери. Я боялся своего отца. И, черт меня подери, если я не позабочусь, чтоб мои дети боялись меня».⁴³

Мсье Грендель не был подданным короля Георга V, но и он свято верил в силу традиции и морали.⁴⁴ Этот голубоглазый блондин, выглядевший, как типичный потомок викингов, был родом из нормандских крестьян. Он был высоким, сильным и крепким человеком с прекрасным здоровьем и вспыльчивым темперамен-

том, пугавшим его домашних. Сына он любил по-своему, требовательно и сдержанно, и мальчик относился к нему с уважением, а иногда и с опаской. Своим долгом перед семьей Грендель считал обеспечение материального достатка – и с этой задачей он постепенно научился справляться. В то время как Георг V требовал от своего сына строго следовать принципам викторианской морали, Клеман Грендель требовал от Эжена строго соблюдать принципы атеизма и социализма, сохраняя верность семье и родине.

Маленькие Жежен и Берти совсем не походили на своих властных отцов. Они росли застенчивыми детьми с ярко выраженными склонностями к искусству. Оба доставляли немало тревог своим родителям, не понимавшим, как нужно обращаться с этими хрупкими и болезненными малышами. Берти, как и большинство детей английской знати, воспитывался боннами и гувернантками. Родителей он, как правило, видел лишь по вечерам, в несколько формальной и пугающей обстановке. Малыш был очень нервным и легко ранимым; на этом фоне у него рано проявились хронические болезни желудка и серьезное заикание. Жежен тоже постоянно болел. В два года он чуть не умер от менингита; с тех пор простуды и ангины следовали одна за другой.⁴⁵

В школе Эжен и Берти учились посредственно. После окончания начальной школы Эжен с семьей в 1908 г. переехал в Париж, где он, по его словам, был очень слабым учеником в колледже. Родители Эжена были уверены, что ему предстоит унаследовать отцовский бизнес, и поэтому о возможной учебе в университете не могло быть и речи. Его занятия прервались в 1912 г. из-за вспышки туберкулеза, когда ему было всего лишь 16 лет.

Поразительно, но учеба принца Альберта тоже окончилась в 1912 г. Следуя семейным традициям, он получил образование в Осборне и в Королевском военно-морском училище в Дортмуте. В эти годы (1909–1912) Берти числился одним из последних учеников класса. Он никогда не хотел стать морским офицером, но воля его отца была законом; королевский сын морского офицера не имел права выбрать себе другую профессию. Несмотря на то, что позднее (в 1919г) принц Альберт в течение года посещал лекции по экономике в Кембридже, он, подобно Элюару, никогда не получил звание бакалавра. В семьях этих селестиальных близнецов никто не мог помочь им развивать свои творческие, художественные или лингвистические способности. Но у обоих с самого детства были заметные таланты к иностранным языкам. Как это ни странно, но Берти отличался в устном французском,⁴⁶ а единственная отличная оценка Эжена была по английскому языку.⁴⁷

В детстве оба мальчика отставали в развитии от своих сверстников. Считается, что причиной их замедленного развития была не просто «медлительность», а их необычный способ мышления. Проиллюстрируем это на примерах из их раннего детства. Берти был очень боязливым ребенком. От других детей он отличался тем, что был левшой, заикой и его коленки были вывернуты внутрь. При встречах со своим строгим и раздражительным отцом он стоял, будто проглотив язык от страха, не умея ни выразить себя, ни оправдаться. Заикание, возникшее сначала как легкое отклонение от нормы, и вызванное, очевидно, принуждением левши писать

правой рукой, со временем бурно прогрессировало, усиливаясь страхами, обвинениями и отчаянием. Мальчик становился замкнутым, нервным, подавленным. Он либо подолгу мечтал о чем-то своем, либо сердился на себя и плакал.⁴⁸ Его семья относилась к нему чуть ли не как к инвалиду, и только некоторым близким удавалось рассмотреть в Берти незаурядные способности к искусствам. Так, леди Эйрли, близкая подруга его матери, вспоминала, как однажды в пасхальное утро шестилетний принц смущенно поджидал ее у двери комнаты матери, чтобы без единого слова вручить ей поздравительную открытку и тут же убежать. Позднее она узнала, что он сам нарисовал это поздравление. Когда ей удалось растормошить мальчика, она с удивлением отметила, что «он говорил вполне нормально, без заикания, и я убедилась, что мальчик совсем не отстает в своем развитии, а обладает значительно более развитым интеллектом и силой воли, чем кто-нибудь предполагал в то время».⁴⁹ Виньетка Элюара «У окна» как будто перекликалась с этими сценами из жизни принца: «Было время, когда мои друзья смеялись надо мной. Я не владел своими словами. Некоторое безразличие. Я не всегда толком знал, что я хотел сказать, но чаще всего это было потому, что мне нечего было сказать. Необходимость говорить и желание быть неслышанным. Моя жизнь висит только на волоске. Было время, когда казалось, что я не понимал ничего».⁵⁰

«Я произношу в воздух/Половинки слов/Понятные мне»,⁵¹ – Элюар всегда писал без знаков препинания. Его стихи, обрывки слов, возникающие в его образном мышлении, лились непрерывным потоком его мировосприятия. Элюар чувствовал, что становился «рабом непосредственного процесса смотрения, рабом моих непознанных и девственных глаз, невинных по отношению к миру и к себе».⁵² Он писал без точек, без запятых, как будто пытался справиться со скрытой проблемой заикания, вызванной трудностью перевода с языка образов на язык привычных слов. И хотя Элюар не заикался, он страдал от странной формы дрожания рук и голоса. Эренбург отмечал, что стихи Элюара были зыбкими, как «тень листвы или утренняя роса».⁵³

Необычный способ мышления Элюара заслужил признание только в его зрелые годы. В детстве же над ним смеялись, как и над принцем. Впоследствии много писалось об этой странной форме интеллекта, которой были одарены Георг VI и Поль Элюар. Их знание не было простым типом рациональной информации, присущим Меркурию. Оно порождалось внутренними переживаниями, приобретенной жизненной мудростью и пониманием своего истинного места в мире. Позднее интеллект Элюара называли: «прозрачностью сна, ясностью истинного видения, поэзией, воплотившейся в человеке».⁵⁴ Элюар часто говорил, что образы, стоявшие на его ресницах, думали вместо него. Параллельно этому, способ мышления короля хвалили за «точность его наблюдательности»: «Он не претендовал на блестящий ум, но в нем жило истинное желание поиска, характерного для двадцатого века; точность его наблюдательности и целеустремленность в желании добраться до самой сути проблемы открывали новые пути мышления для других людей».⁵⁵

Вилер-Беннет говорил, что сила короля была в его редкой способности видеть истинную скрытую суть происходящего. Особое ударение он делал на «королевском зрении, способном рассмотреть детали, не затуманивая их никакими сани-

ментами», и на «орлиных глазах короля, вызывавших благоговение, а иногда даже и страх у его окружения».⁵⁶ Современники с удивлением следили за умением Георга VI постоянно расти и развиваться. От пугливого и заикающегося малыша Берти он прошел долгий путь до мудрого короля Георга VI. От неподготовленного начинающего политика он вырос до зрелого дипломата, достигшего «мудрости и понимания, заслуживших безоговорочное уважение всех правителей и политиков в английской республике и империи».⁵⁷

Биографам будет непросто объяснить, как случилось, что два селестиальных близнеца, считавшихся в детстве едва ли не умственно отсталыми детьми, к тридцати годам неожиданно заслужили похвалы и признание за тот же самый странный образ мышления, каким они обладали и в детстве. Астрологический подход проливает новый свет на эти процессы в жизни обоих селестиальных близнецов. Оба родились в Стрельце, и у обоих было, по крайней мере, по три планеты в этом знаке. Ключевое слово этого знака – «перцепция», а девизом Стрельца являются слова: «Я вижу; я постигаю». Согласно Хикки, когда человек думает, как Стрелец (т.е., когда Меркурий, отражающий тип мышления, находится в Стрельце), то его мысли, как правило, бессвязны. Более того, этого положение символизирует такую остроту восприятия, при которой, по поэтической метафоре Хикки, мысли в уме мелькают, как падающие метеориты.⁵⁸

Но одних только Солнца или Меркурия еще недостаточно, чтобы объяснить такой редкий тип визуального мышления, которым были наделены король и поэт. В дополнение, можно найти в их картах другие значительные факторы, способные пролить свет на их экстраординарную проницательность. Возьмем, например, оппозицию (180°) между Меркурием и Нептуном с Плутоном. Согласно Лундстед, дети с такими аспектами обычно растут в атмосфере страха, не позволяющей им ни с кем делиться своими интуитивными или экстрасенсорными видениями. Однако «когда такой человек достигает тридцатилетнего возраста, его творческая энергия может высвободиться, потому что этот аспект приносит прозрение, интуитивные догадки и ментальные способности». Более того, эти аспекты отражают проблемы в коммуникации: «мысли не полностью доносятся до других, в предложениях пропускаются слова, разговоры начинаются посередине и никогда не заканчиваются».⁵⁹ И действительно, Элюар не мог делиться с родителями своими чувствами или мыслями; его стихи были написаны обрывками слов, притом, что предложения начинались с середины и никогда не заканчивались. О семье Георга VI писалось: «наиболее серьезным последствием эмоциональной отчужденности, как между матерью и отцом детей, так и между родителями и детьми, было то, что личные проблемы никогда не обсуждались, а если о них и говорили, то только в смысле указаний «тебе следует подтянуться»».⁶⁰ В результате, принц сильно заикался и не был способен высказать все предложение от начала до конца.

Интересно сравнить это образное мышление с мышлением Юнга и Мачадо. Последняя пара тоже характеризовалась замедленным развитием, и их девизом было «Я хочу видеть». Сегодня всех этих людей отнесли бы к типу людей с «образным мышлением». Долгие годы считалось, что словосочетание «образное мышление» логически несовместимо и внутренне противоречиво, потому что «смот-

рение» исключало «мышление», а «мышление» должно было быть отдалено от конкретного процесса восприятия. Но в последнее время оказалось, что творческое мышление зачастую происходит на уровне образов, и что образное восприятие включает в себя процессы, ранее относившиеся к чистому мышлению. Для того чтобы лучше представить себе этот способ мировосприятия, приведем следующее описание Элюара: «Совсем не далеко – на расстоянии птичьего полета – от облака до человека; совсем не далеко – на уровне образов – от человека до того, на что он *смотрит*, от природы действительных вещей до природы вещей воображаемых. Они одинаково ценны. Материя, движение, потребность, желания неразделимы. Честь жить стоит некоторых усилий, чтобы дать жизнь. Подумайте о себе как о цветке, о фрукте, и о стволе дерева, потому что они носят ваши цвета, потому что они необходимые признаки вашего существования. Лишь тогда, когда вы прекратите приписывать им идеи, вам будет дозволено поверить, что все взаимопревращаемо во все».⁶¹

Элюар верил в то, что он стал поэтом только потому, что ему было дозволено поверить в единство мира, т.е. в то, что все можно превратить во все. Та же способность постигнуть единство считалась издревле необходимым атрибутом мифологических священных королей. Одними из эпитетов, которыми награждались правители древнего Египта, были «наделенный жизнью» или «дающий жизнь». В святую обязанность короля входило сформировать из людей единое целое – нацию. Люди хотели добиться чувства единства, а священный король должен был показать им желанный образ такого единства. Он должен был стать в глазах своих подданных символом мудреца, способного видеть истинное положение вещей. Именно о таком умении разглядеть будущее, скрывающееся за пологом настоящего, говорил Георг VI в своем знаменитом обращении к гражданам Англии в начале войны, 3 сентября 1939 г.: «Задача будет очень тяжелой. Возможно, нас ждут впереди мрачные дни, и война уже не может ограничиваться лишь полем боя. Но мы можем лишь постольку действовать верно, поскольку мы видим вещи в истинном свете и благоговейно отдаем себя в руки Божии».⁶²

Для обоих селестиальных близнецов «видеть» означало не только воспринимать, а еще и «вдохновлять». Оба верили в необходимость вдохновлять людей, и Элюар писал: «Одно одинокое сердце это не сердце/ одно целое сердце все сердца».⁶³ Чтобы вдохновить кого-либо, – «наделить его жизнью» – недостаточно обладать рациональным мышлением Каутского или Уайльда; для этого не хватает исключительной эрудиции Милоша и Волошина; для этого мало чувствовать восприимчивыми сердцами Хемингуэя и Крейна. Для того чтобы уметь вдохновлять, нужно нести в себе «искорку пламени»; для этого нужно заглянуть внутрь своего сердца и рассмотреть в нем сердца всех. Этому искусству не обучают в университетах. Поэт и король должны были постепенно постигать эту премудрость на своем личном опыте, своими слезами, ошибками, потерями, потом, кровью и отчаянием. Такой способ учебы часто сбивает с пути и заводит в тупик. Элюар полагал, что интуитивное образное видение, такое, как его собственное, часто приводит: «... животных, детей, дикарей, безумцев и поэтов к ошибкам или к заблуждениям. Они принимают стекло за ловушку; огонь за игрушку, луну за

женщину, бутылку за дубинку, картину за окно... Некоторые выбирают из этого тупика, чтобы попасть в другой тупик: животных приручают; детей обучают; ди-карей приводят к цивилизации; безумцев вылечивают; поэтов забывают. Только некоторым отдельным поэтам удается избежать этой печальной судьбы и, передавая другим свою индивидуальность, трансформировать сердца людей, показывая им оголенный поэтический резон».⁶⁴

Путь, выбранный принцем и поэтом, был исключительным путем тех самых поэтов, которые предпочли трансформировать сердца людей. Для Элюара поэзия стала орудием «вдохновения», «поэзией, которую можно было бы назвать извинением за провозглашенное политическое кредо».⁶⁵ В этом смысле он стал похож на короля, которому слова служили для вдохновения нации. Для достижения этой цели оба селестиальных близнеца выбрали долгий путь личного опыта: «уметь стареть и уметь проводить время / уметь править и уметь смириться с мыслью жить заново».⁶⁶

Этих селестиальных близнецов ожидало в жизни много испытаний и новых начал. Для Берти период юношества совпал с церемонией конфирмации, состоявшейся 18 апреля 1912 г. Он запомнил этот день, как «большой шаг в жизнь».⁶⁷ Малыш Берти превратился в принца Альберта. После Дортмута он на учебном корабле вышел в полугодовое плавание. В это время у него проявились признаки морской болезни, от которой ему никогда не удалось избавиться. В 1913 г. под именем «мистер Джонсон»⁶⁸ он стал мичманом на корабле военно-морского флота «Коллингвуд». Принц делил каюту с другими моряками, не имея никаких привилегий. Корабельная еда – хлеб с сыром и луком, да бутылка пива – никак не подходила к его нервному желудку, страдавшего от хронического гастрита.⁶⁹ Синклер вспоминал принца в этот период: «Если у него и были некоторые умственные способности или задатки, то они были сломлены, и его незрелому характеру приходилось формироваться главным образом по воле случая. Его основными достоинствами были настойчивость, мужество и чувство долга, соединенное с нетребовательной скромностью, щедростью духа и искренним чувством человечности. Что касается его изъянов, то это были его неуверенность в себе и нервозность, ограниченный интеллект и незрелая нестабильность характера».⁷⁰

В этот период принц постоянно страдал от сильных болей в животе. Операция аппендицита в сентябре 1914 г. не принесла желанного облегчения, и врачи посоветовали ему никогда больше не выходить в море. На некоторое время ему пришлось оставаться в Лондоне; он много читал и проводил время с сестрой, но его мучили угрызения совести оттого, что во время тяжелых боев он оставался в тылу. В конце концов, голос долга преодолел рекомендации врачей, и в 1915 г. принц вернулся на «Коллингвуд». На борту этого корабля он в мае 1916 г. стал участником Ютландского морского сражения. За проявленное мужество и отвагу он получил звание младшего лейтенанта. Принц участвовал в бою лишь раз в жизни, но из этого сражения он узнал о себе очень важную вещь: несмотря на воображаемые картины ужасов, в действительном бою «он не боялся никаких снарядов и не ощущал никаких страхов».⁷¹ После этого боя боли успокоились на три месяца. Затем они вернулись с новой силой, и принцу опять пришлось сойти

на берег. В ноябре 1917 г. ему сделали операцию язвы желудка, и по решению врачей перевели в морскую авиацию. Но существенное улучшение здоровья принца произошло только лишь в 1920г, после его демобилизации. В том же году он получил новое имя, став герцогом Йоркским.

«Ты должен видеть себя умирающим/чтобы знать что ты еще живешь/ Море очень глубоко а твое сердце достаточно мелко».⁷² Так писал Элюар о своих юношеских годах. Борьба с туберкулезом и пребывание в окопах в качестве солдата французской пехоты позволили ему написать эти строки. В 16 лет Эжен должен был после окончания колледжа вступить в отцовский бизнес. Как и принцу Альберту, отцовские планы были ему совсем не по душе. Родители позволяли ему читать книги, но он не смел просить разрешения стать тем, кем он и был – поэтом. В то время как он не мог осмелиться поговорить об этом с отцом, его тело сломалось. В конце августа 1912 г. юноша стал чувствовать резкую слабость; он начал кашлять кровью, и врачи обнаружили у него туберкулез легких. В это время более семи процентов парижан ежегодно умирало от этой страшной болезни. Единственной надеждой спасти Эжена от чахотки было вывезти его из города. Родителям удалось подыскать ему место в дорогом швейцарском санатории в Давосе, где он провел два долгих года. Атмосфера в туберкулезном санатории была тяжелой. Болезнь считалась крайне инфекционной, и условия в санатории скорее походили на казарму, чем на гостиницу. Пациентам строго воспрещалось выходить за пределы санатория, а все лечение состояло в поддержании необычайно строгого режима. Многие пациенты не выдерживали таких требований, но Эжен не падал духом. В санатории он познакомился с русской пациенткой, Галей Дьяконовой (Гала), и под ее влиянием он изучал мировую поэзию и сочинял свою собственную. В 1913 г. он уже почти одолел болезнь. Юноша отметил свое возвращение к жизни, опубликовав первые стихи под новым именем Поль-Эжен Грендель, притом, что имя Поль заняло первое место, оттеснив Эжена.⁷³ Процесс излечения и дальше сопровождался процессом духовного перерождения: в том же году он опубликовал новые сонеты под именем Поль Элюар Грендель. 1912г в санаторий попал робкий мальчик Жежен, а в августе 1914 г. покинул стены лечебницы начинающий поэт Поль Элюар Грендель.

Из «каземата» санатория Элюар попал прямо во фронтовые траншеи. Но его служба, так же как и служба принца, постоянно прерывалась болезнями. Вдобавок к слабым легким у Эжена начались серьезные проблемы с желудком, и в 1915 г. его практически одновременно с принцем Альбертом госпитализировали с острым приступом хронического аппендицита!⁷⁴ Как и принц, период самых тяжелых боев Эжен провел либо в военных госпиталях, либо дома в Париже. В свободное время он много читал и писал письма своей любимой Гала. В 1915–16 гг. сердце поэта разрывалось между пацифистскими настроениями и чувством долга. Он ненавидел войну, он боялся ее, и в то же время он хотел сражаться на фронте, как все мужчины.⁷⁵ Как только ему становилось легче, он возвращался в армию, служа то охранником, то телефонистом; он разносил военную почту и был военным санитаром. На фронте он переболел дизентерией, затем получил газовое отравление с последующей гангреной бронхов.⁷⁶

Весной 1916 г. Поль исполнил обряд первого причастия. В то время как для принца Альберта церемония конфирмации стала важной вехой в его личном развитии, для Поля Эжена Гренделя религиозная церемония символизировала освобождение от абсолютной власти отца. Хотя мать Эжена была католичкой, он вырос в атмосфере воинствующего атеизма отца. Отец также не мог смириться с тем, что его сын выбрал себе в жены таинственную религиозную чужестранку – русскую, со странным именем Гала. Гала, со своей стороны, готова была из любви к Полю перейти из православия в католичество – ей было все равно, в каком вероисповедании числиться, лишь бы остаться верующей и освятить свой брак с Полем церковным обрядом. Во имя большой любви к Гала Эжен не дал себя запугать отцу и впервые в жизни открыто пошел наперекор ему.⁷⁷

Улучшение состояния Эжена в 1916 г. было настолько же коротким, как и у принца Альберта. Слабое здоровье юноши не выдержало спартанских условий солдатской жизни. В 1917 г. после нескольких приступов различных заболеваний Поль был вынужден прекратить жертвовать собой на фронте, и после очередной госпитализации он был окончательно отправлен в тыл. К концу войны он опубликовал книгу стихов «Долг и тревога», подписанную новым именем Поль Элюар. «Долг и тревога рвут/Жизнь мою пополам»,⁷⁸ – с болью и горечью писал бывший фронтовик, вышедший из окопов войны. Под этими строками мог подписаться и принц Альберт.

В конце 1919 г. солдат Грендель был демобилизован. Теперь уже окончательно на смену Эжену пришел Поль Элюар. Впоследствии Элюар с гордостью объявил миру о своем освобождении от цепей прошлого и о принятии своей собственной ответственности за свое будущее: «Я моя мать и мой ребенок» и «Я отвечаю за жизнь за сегодняшний день и за завтра».⁷⁹

В то время как принц Альберт слушал лекции в Кембридже, Поль Элюар встретился с молодым преподавателем Жаном Поланом, имевшим большое влияние в литературном мире. С этой встречи началось знакомство Элюара с сюрреализмом. Основателем сюрреализма стал Гийом Аполлинер. Именно он в 1917 г. изобрел это слово – сверх-реальность, «сюр-реализм». Это направление в искусстве сложилось в Париже в период между двумя мировыми войнами (1919–39 г.). Сюрреалисты, как художники, так и поэты, считали, что творческая энергия исходит из сферы подсознания, которая проявляет себя во время сна, гипноза, болезненного бреда, внезапных озарений, автоматических действий (случайное блуждание карандаша по бумаге). У этого движения были свои лидеры и последователи, публикации и выставки. В период расцвета сюрреализм достиг такой популярности, что на его выставке 1938 г. было представлено 14 стран.

На вопрос, что такое сюрреализм, разные художники, поэты и критики давали разные ответы, но все соглашались, что общими особенностями искусства сюрреализма были фантастика абсурда, парадоксальные сочетания форм, зрительная неустойчивость и изменчивость образов. Сюрреализм зародился сразу после войны, и его лидеры, такие как Бретон, Элюар, Супо, Арагон и Пере, были бывшими фронтовиками. Может быть, именно поэтому слово «свобода» красной нитью проходило через все стихи, манифесты и жизнь сюрреалистов. Их

основной программой и целью было помочь людям освободиться от «контроля разума». Сюрреалисты надеялись, что с помощью фокусировки взгляда на ярких сиюминутных образах они сумеют пробудить бессознательные дремлющие жизненные силы, позволяющие подняться над ограничениями материального мира. В отличие от эстетизма (Оскар Уайльд) сюрреалисты видели в искусстве не самоцель, а способ продвижения по пути знания. Более того, они относились к сюрреализму не как к новой школе искусства, а как к образу жизни. В монографии «Век сюрреализма» Фоули писал: «Каждый раз, когда в истории человечества какой-либо исключительный человек пытался освободиться от своих ограничений, он совершал сюрреалистический поступок».⁸⁰ В этом смысле вся жизнь Элюара представляется как акт сюрреализма. Блезенный, чахоточный Эжен Грендель со слабой школьной подготовкой преодолел свои ограничения. Страдания вдохновили его на поиск человеческого счастья. Открыв в себе самом неиссякаемый источник любви, он ощутил себя настолько богатым, что захотел поделиться любовью со всеми живущими: «И потому что мы влюблены/ Мы хотим освободить других/От их ледяного одиночества».⁸¹

Сюрреалисты верили, что сюрреализм – это метод постижения тайн бытия и изменения окружающего мира, помогающий подняться над поражениями, утратами и болью. Фоули писал: «когда-нибудь еще будет написана очень важная и необходимая работа о Гамлете, как о сюрреалистическом герое».⁸² Такая работа еще не была написана. Но попробуем проследить за другим героем – принцем Альбертом – чтобы увидеть в его жизни яркий пример ежедневного преодоления тяжелых ограничений. Многие фантастические сцены из его жизни позволяют назвать его сюрреалистическим королем.

В 1930 г., в день рождения, король Георг V даровал сыну звание герцога Йоркского, но слабое здоровье новоявленного герцога и его нелюбовь к появлению на публике вызвали серьезные опасения по поводу его способности справляться с возложенными на него обязанностями. И хотя герцог Йоркский не называл себя сюрреалистом, он считал себя идеалистом. В его понимании идеалист должен был постоянно стремиться к тому, что казалось для остальных недостижимым, но во что он в глубине души верил, что может достичь. Из этого определения вытекало, что на самом деле он вел сюрреалистический образ жизни. В качестве герцога Йоркского он возлагал на себя много общественных миссий, каждая из которых была для него мучительным испытанием из-за необходимости публично выступать, преодолевая тяжелое заикание. Молодой герцог никогда не шел проторенными дорогами и всюду старался принести пользу людям своим, особым способом. Для него быть членом королевской семьи означало необходимость лелеять образ короны, как символ заботы о благосостоянии и благополучии народа.

Свой путь к сердцу народа герцог начал прокладывать в качестве президента индустриального общества социального обеспечения. По своей личной инициативе он еженедельно посещал заводы и шахты. В народе его стали любовно называть «индустриальным принцем». Его мечтой было привести индустрию к пониманию человечности, к установлению лучших отношений между рабочими и дирекцией. Для этого он основал летние детские лагеря, в которых собирались

вместе дети из рабочих пригородов и из городских школ.⁸³ Вскоре он мог с удовлетворением отметить, что в этих лагерях «налаживаются очень искренние и человеческие взаимоотношения». Эти лагеря собирались ежегодно с 1921 по 1939г, и каждое лето герцог навещал детей, беседуя с ними по душам в неформальной обстановке. Это начинание принесло желанные плоды. Один из детей вспоминал: «Мы заезжали в лагерь так, как животные входили на Ноев ковчег – парами, но мы покидали его группами». Священник, посещавший лагерь, нашел там: «источник истинной и духовной силы, взаимопомощи, содружества – одним словом, Любви».⁸⁴ Когда пришло время герцогу Йоркскому занять свое место на троне, он был уже уверен, что станет «народным королем», сюрреалистически симпатизировавшим идеям социалистов.

«Каждый тень всех»,⁸⁵ – писал Элюар. Как бы вслушиваясь в его поэзию, принц Альберт видел себя тенью всего, стараясь передать своим подданным чувства содружества и любви.

Существует одна только смерть на земле одиночество
От нежности к ярости от ярости к ясности
Я себя самого создаю и во всем живом преломляюсь
Во всех временах на земле и во всех облаках
Сменяется осенью лето но я остаюсь молодым.⁸⁶

Элюар писал из глубины своего одиночества, стараясь достичь сердца всех людей. Герцог Йоркский продолжал постоянно созидать себя, регулярно встречаясь с простыми людьми, постоянно меняясь и оставаясь молодым. Он не отказывался от публичных выступлений, хотя подчас они изнуряли и его самого и его слушателей. Записи его речей 1925 г. свидетельствуют о том, что «слушать его было просто мукой»,⁸⁷ и казалось, что ничто и никогда не избавит его от этой напасти. Но в 1926 г. герцог, поощряемый своей женой Елизаветой, обратился за помощью к австралийскому логопеду, Лоджу. Этот специалист помог ему преодолеть психологический барьер. При помощи новой техники дыхания герцог постепенно стал справляться с заиканием, и его речь потекла так плавно, что слушатели могли лишь иногда заметить некоторые промедления или нерешительность в его словах. Герцог выработал особый стиль обращения к людям – предельно краткий, простой и искренний. Его общественная жизнь как бы находила свое отражение в фантастических образах Элюара: «Видеть все глаза отраженные/ во всех глазах», «Говорить/ Быть настолько же щедрым/ Как и всеохватывающим».⁸⁸ Впоследствии Блейк написал советы конституционным монархам: «Слова, речь – это единственные практические средства в нашем распоряжении. Король и королева должны говорить с людьми – не по политическим вопросам, а обо всех важных аспектах жизни: о морали, духовности, образовании, языке, индустрии и искусствах. Это и есть те области, в которых может быть восстановлено уважение к себе и к короне, символизирующей нацию».⁸⁹

Герцог Йоркский упорно искал такие слова. И со временем простые и нужные слова начали приходить сами по себе. Он наставлял детей в школах «стараться превращать нашу родную землю и империю в место верности, добродетели и доброй воли». Он выражал свою уверенность в том, что: «мы достигнем нашей

высшей цели: наибольшего человеческого счастья для империи».⁹⁰ Его речи были сжатыми, лаконичными, но трогательными. По своей простой доходчивости они напоминали строки Элюара:

Есть слова дающие силу жить
Это бесхитростные слова
Слово «доверие» слово «тепло»
«Справедливость» «свобода» «любовь»
Слово «ребенок» и слово «дружба».⁹¹

В то время как герцог работал над своим умением свободно и точно выражать себя, его сестелиальный близнец искал способ применения слов для трансформации людских сердец. Элюар, подобно герцогу, «всегда нервничал перед публикой»,⁹² и его ранняя поэзия считалась необычайно трудной для понимания. В 20-ых годах о нем говорили как о «поэте для немногих».⁹³ Эренбург писал, что сложность стихов Элюара заключалась в их сжатости, их трудность была в их простоте; знаки препинания отсутствовали, поэт не прибегал ни к рифме, ни к ритму, он не использовал необычных слов и ярких образов. Эренбург спрашивал: «в чем же секрет успеха этого простого и необычного, мягкого и храброго человека, о котором говорили, что его тяжело понять и который, тем не менее, стал дорог миллионам читателей»? И Эренбург отвечал, что: «поэтический гений – это не только на исключительная сила слова; это исключительная глубина, острота чувствований, они позволяют самовыражению стать выражением современников, а порой и правнуков».⁹⁴

В 20 лет герцог и поэт приняли решение «вдохновлять» людей, но они еще не знали, как это делать. Период между двумя мировыми войнами стал для обоих периодом создания семьи, периодом путешествий и исполнения сыновнего долга. Герцог верно представлял интересы своего отца-короля, а Элюар добросовестно работал клерком в отцовской фирме. Оба рано женились и оба стали рано отцами. Они горячо любили своих дочерей, но у обоих было мало времени проводить с ними. Герцог Йоркский и его жена Елизавета успешно представляли интересы короны в своих многочисленных поездках за границу, в то время как их девочки оставались с няньками дома. Элюар и его жена Гала, которую он называл «Reine» (королева) тоже разъезжали по миру, оставляя дочь с мадам Грендель.

За частными поездками герцога и герцогини Йоркских на Балканы (1923 г.) и в Северную Ирландию (1924 г.) последовали поездки в 1924–25 гг. в Кению, Уганду и Судан, а в 1927 г. официальный визит в Австралию и Новую Зеландию. По случайному совпадению в 1924 г. Элюар неожиданно исчез из Парижа. Стараясь разобраться в себе, он решился совершить кругосветное плавание. За семь месяцев путешествия он побывал в Панаме, Новой Зеландии, Австралии, Яве, Суматре, Индии и Цейлоне. Интересно и то, что позднее Рой описывал поездки Элюара словами, которые были подстать описанию королевских визитов: «Он много путешествовал. Но было бы точнее сказать не то, что он видел много стран, а то, что много стран удостоились чести увидеть Поля Элюара».⁹⁵ Через пару месяцев Гала присоединилась к Элюару, и они закончили поездку вместе. По возвращении из плавания поэт вновь вернулся к группе сюрреалистов. В 1926г, в

то время как у герцога произошел поворот в его умении плавно говорить, Элюар достиг поворотной точки в своем творчестве, опубликовав книгу стихов «Град скорби», прочно утвердившую его репутацию ведущего поэта сюрреализма.

Для герцога Йоркского с 1929 по 1936 г. наступил относительно спокойный период. Единственной заботой, омрачавшей эти года, было слабое здоровье короля Георга V: в конце 1928 г. он серьезно переболел и до конца своего правления так по-настоящему и не поправился. 20 января 1936 г. после смерти короля на престол вступил его старший сын Эдуард VIII. Но его царствование оказалось необычайно коротким, и уже в декабре 1936 г. он стал единственным в истории Англии королем, добровольно отказавшимся от трона. 11 декабря 1936 года он объявил народу об отречении, объяснив: «Я не вижу возможности нести возложенные на меня обязанности без женщины, которую люблю». Он отрекся для того, чтобы жениться на дважды разведенной американке Уоллис Симпсон, чье социальное положение не позволяло ей стать королевой Англии. Когда разразился скандал, герцог Йоркский находился в отъезде, в Шотландии. Но даже по возвращении в Лондон его не покидало чувство нереальности происходящего. После того, как его адвокаты и мать прояснили ему ситуацию, он, по его собственным словам, «сломался и разрыдался, как ребенок».⁹⁶ Короля Георга VI призвали к трону почти в одночасье; все надежды монархии возлагались на его старшего брата, и король никогда не готовил младшего сына к возможности править страной.

В трудное время кризиса, когда монархия должна была преодолеть удары смерти и отречения королей, к власти пришел неподготовленный человек, никогда не выдававший государственных документов. Времена были тяжелыми, и тень Третьего Рейха уже нависала над всей Европой. Для нервного и застенчивого человека напряжение, вызванное таким поворотом судьбы, было почти невыносимым. Говорят, что история не помнит, когда бы монарх с такой неохотой всходил на трон. Было немало опасений, как по поводу состояния его здоровья, так и по поводу его способностей справиться с функциями короля. Но, несмотря ни на что, Георг VI не только стал «хорошим» королем, но еще и был провозглашен «по всем понятиям идеальным королем»!⁹⁷

Коронация состоялась 12 мая 1937 г. Король приступил к обязанностям, демонстрируя умение сохранять присутствие духа и выдержку. Если во время войны принц Альберт проявлял незрелость характера, то во время «кризиса отречения», к которому он относился как к личной трагедии, он проявил редкое умение собрать все душевные силы. О нем писали: «Здравый смысл и человеческое отношение, личная порядочность в сочетании с подлинной скромностью, искреннее желание служить обществу, незаурядная душевная и физическая отвага и глубокое признание нашей зависимости от Всемогущего Господа, были теми выдающимися чертами, которые король Георг VI принес с собой в королевские палаты».⁹⁸

Малыш Берти, затем принц Альберт, затем м-р. Джонсон, затем герцог Йоркский сейчас создал из себя короля Георга VI. Под этим новым именем, которое он, подобно поэту Элюару, избрал себе сам, он и вошел в историю. С этого момента миллионы людей, никогда раньше не видевших его, ожидали от него стать воплощением их высоких идеалов. А до великого испытания уже оставалось недо-

лго – очень скоро ему предстояло вдохновить народ на борьбу с фашизмом. Перед началом войны король еще успел улучшить англо-французские отношения и установить дружеские отношения с президентом США Рузвельтом. В первую ночь войны Георг VI обращался к народу так, как это ему еще никогда не удавалось в мирное время. Кто бы мог подумать, что именно этот заика сумеет в самую тяжелую годину мобилизовать все внутренние ресурсы и найти наиболее меткие слова? Он просто обратился непосредственно к каждому гражданину и к каждой семье Британской республики: «В этот суровый час... я посылаю в каждый дом моего народа, на родине, и за морями, это обращение, выраженное с одинаковой глубиной чувств для каждого из вас, как если бы я мог переступить ваш порог и говорить лично с вами». ⁹⁹ (Королю хотелось переступить порог своих слушателей; Рой отмечал, что «поэзия Элюара всегда говорит на ухо, очень близко к уху»! ¹⁰⁰). Король объяснял, что Британия должна воевать, чтобы защитить свободу, мир и справедливость от «наиболее примитивной доктрины, полагающей, что сильный всегда прав». С самого начала войны Георг VI умел влиять и воодушевлять, добираясь при помощи радиовещания почти ко всем гражданам своей страны. И хотя мы не знаем, думал ли когда-нибудь король слагать стихи, но в своей знаменитой рождественской речи 1939 г. он прочел стихи Марии Хаскинс «Врата года»: «Спросил я стража, который стоял у дверей нового года: Дай мне свет, чтобы я с уверенностью мог вступить безопасно в неизвестное... И он мне сказал: Вступи во тьму, и вложи руку твою в руку Божию – это будет для тебя лучше, нежели свет, и вернее известного пути». ¹⁰¹

Георг VI говорил как святой король, служивший посредником между миром божественным и миром людей. Его речи по радио призывали молиться за освобождение Европы. Повзрослевший, сдержанный, предельно простой стиль его речи стал знаком и близок миллионам. Георг VI не был поэтом, но он *видел*, что поэзия действовала сильнее, чем любая другая пропаганда. Так уж случилось, что во время второй мировой войны единственный вид оружия, которым пользовались эти селестиальные близнецы, были слова. И были они эффективнее мечей. Когда летчики британских ВВС разбрасывали над городами Франции листовки со стихами Элюара, они знали, что их действие сильнее любой пропаганды. Пока радио доносило по всему миру слова короля, стихи Элюара читались и перечитывались во всем мире. Луи Паро рассказывал: «Мы помним, как все свободные люди приветствовали «Поэзию и правду» (1942 г.) В «Une Seule Pensée» (Я родился познать тебя – назвать тебя) он прославлял нашу отнятую свободу, и от Женевы до Алжира, от Нью-Йорка до Москвы, все журналы мира воспроизводили эти пламенные строки». ¹⁰²

Паро имел в виду самые известные стихи Элюара «Свобода». В этом стихотворении поэт собрал много четверостиший, каждое из которых заключалось словами: «Имя твоё напишу». Элюар писал:

На школьных своих тетрадках
На парте и на деревьях
На песке и на снегу
Имя твоё напишу.

Он перечислял длинный перечень предметов, на которых он напишет это имя. И заключал свои стихи:

И властью единого слова
Я заново жить начинаю
Я рожден чтобы встретить тебя
Чтобы имя твое назвать
Свобода.¹⁰³

Этот стих был не только девизом французского Сопротивления, но в английском переводе он пользовался огромной популярностью среди британских солдат. Паро верил, что у этих строчек была магическая сила заклинания — вдохновлять и укреплять.¹⁰⁴

Элюар рассказывал Эренбургу, что сначала он намеревался посвятить эти стихи своей второй жене, Нуш, но после того, как он написал слова «имя твое назвать», он неожиданно написал «Свобода».¹⁰⁵ В этих стихах Элюар встал в полный рост, как древний сказитель, чьи слова несли в себе мудрость и волшебство. Каждый читатель воспринимал эти стихи Элюара как свои собственные слова; все воспринимали любовь Элюара как свою собственную любовь, и во время войны все родственные души осознавали, что их самой большой любовью в тот момент была лишь Свобода. Элюар писал эти стихи в состоянии транса, как классический поэт Платона, который становится «светлым и крылатым и святым, и нет в нем ничего надуманного, пока к нему не приходит озарение и он теряет чувства и его разум больше не в нем».¹⁰⁶ Элюар стал проводником божественного слова. Он ощущал себя некоронованным королем, и еще в 1936 г. он писал, что «настало время, когда поэты не только имеют право, но даже обязаны утверждать, что они серьезно влияют на жизни других людей, на общественную жизнь».¹⁰⁷ Элюар стал посредником между Богом и людьми, и в этом древнем священном смысле он принял на себя обязанности короля. Поэт напоминал королю: «На королевских коронах/Имя твое напишу». Казалось, будто Элюар ответил на драматический призыв короля защищать свободу, а король прочитал у себя на короне слово Свобода. Оба оставались беспрекословно верны своему идеалу свободы, и по словам Георга VI, готовы были ради нее пойти на любые жертвы.

Вернемся к биографии Элюара. В 1927 г. его отец неожиданно скончался. Патриархальная структура семьи Гренделей разрушилась. Клерк Эжен Грендель, служащий конторы своего отца, исчез навсегда. Элюар унаследовал отцовские деньги и больше никогда не вернулся к его бизнесу. Отныне он навсегда стал поэтом Полем Элюаром. Наследство испарилось быстро, и ему пришлось скромно существовать на литературные гонорары. Прорехи в бюджете пополнялись продажей редких книг или картин. Несколько лет прошло относительно спокойно, пока не назрел тяжелый кризис в отношениях с Гала.

В конце двадцатых годов Гала познакомилась с художником Дали. Между ними вспыхнула любовь, ставшая для нее важнее всего на свете. Элюар был не в силах смириться с такой потерей. Поэт ощутил себя глубоко несчастным, и его здоровье тут же начало подводить. Ему вновь пришлось провести некоторое время в санаториях Швейцарии, где он пытался лелеять надежду, что его жена оста-

нется с ним навсегда. Интересно, что герцог Йоркский тоже не хотел свыкнуться с мыслью, что его брат оставит монархию во имя другой любви. Но, так или иначе, обоим сестистальным близнецам пришлось пережить тяжелый душевный кризис из-за того, что близкие им люди нашли свою большую любовь. Оба восприняли это поначалу как трагедию, но затем справились с горем и обратили кризис в новое средство к духовному росту. Георг VI сохранял холодные, но достаточно учтивые отношения со своим эмигрировавшим в Штаты братом; Элюар сохранял достаточно отдаленные, но заботливые отношения с Гала, проживающей большую часть времени в Испании и в Штатах. Развод Элюаров был оформлен в 1931 г., а их дочь осталась с отцом.

Из этого кризиса герцог Йоркский вышел королем, который после коронации «обвенчался» со своим народом. Поэзия Элюара претерпела серьезные изменения: развод с Гала привел его в 1934 г. к венчанию с Нуш. Его поэзия стала: «поэзией, состоящей из мужчины и женщины, потому что Элюар был не только Полем, а еще и Нуш Элюар, хрупкой, маленькой и грациозной, стоявшей возле него, раскрепощенного и прозрачного как, как...? Как поэзия Поля Элюара».¹⁰⁸ Под влиянием Нуш поэзия Элюара превратилась из иррациональной и фантастической в поэзию жизни, поэзию открытия реального мира двух людей. Сборники «Сама жизнь» (1932) и «Плодоносные глаза» (1936) Элюар посвятил простому человеческому счастью.

Гражданская война в Испании направила поэзию Элюара в новое русло. Весной 1936 г. поэт принял приглашение группы испанских художников поехать в Барселону, и там по радио он произнес речь, приуроченную к открытию выставки Пикассо. Поэт пользовался большой популярностью в этой стране за свою горячую поддержку Испанской Республики. Связь с Испанией делала Элюара более восприимчивым к политическим изменениям в мире. В 1937 г., когда главной темой Международной Выставки в Париже было прославление быстрых темпов развития технологии, Элюар привлек внимание общественности своими стихами «Победа Герники». Эти стихи были начертаны на стене выставочного зала возле фотографий разрушенного города. В то время, когда мир хотел видеть будущий прогресс, поэт уже предвидел будущее разрушение: «Лица хороши для всего/ Здесь пустота усталилась на тебя/Твоя смерть послужит примером».¹⁰⁹

В 1939 г. Элюар был призван в армию. Разгром Франции в 1940 г. забросил его далеко на юг страны, но к концу лета он вернулся в Париж. Во время немецкой оккупации он посвятил себя всего без остатка делу освобождения страны. Те, кто знал этого хрупкого болезненного человека, поражались теперь его хладнокровию дерзкого подпольщика, спокойно шествующего по улицам Парижа с портфелем, набитым секретными документами, рукописями и листовками. Поэт брался за самую опасную работу, подыскивая явочные квартиры и налаживая связь с заключенными. В 1942 г. он вступил в подпольную коммунистическую партию. Этот шаг он предпринял в самый рискованный момент, когда нацисты начали карать смертной казнью всех подозреваемых в принадлежности к Коммунистической партии Франции. В это тяжелое время Элюар был готов принять на себя

даже партийную дисциплину, потому что готов был пойти на все ради идей гуманизма и ради освобождения своей страны.

Стихи военных лет стали хроникой тех дней. Написанные под псевдонимами Жана Хольга и Мориса Хервента, они размножались в типографиях и распространялись среди французских «макизаров» – сопротивленцев, поднимая дух повстанцев. Поэт не был всего лишь наблюдателем или репортером. Несмотря на то, что стиль его военных стихов оставался таким же тяжелым для понимания, как и раньше, эти строки доходили до самой глубины души людей, призывая их на подвиг. Паро писал о военной поэзии Элюара: «Вдохновленные самими событиями, эти обожаемые событийные стихи становились мощным орудием пропаганды в руках наших партизан. Их печатали по всей Франции, размножали и распространяли от одного макизара к другому. Поэтическая деятельность Элюара с этого часа была неразрывно связана с его патриотической деятельностью».¹¹⁰

Люди верили в то, что стихи Элюара правдивее отражали действительность, чем газетная хроника. Его мужественное поведение служило примером окружающим. Другие люди, такие как Рой, со страхом задавались вопросом: «что было бы, если бы Элюар попался в руки Гестапо?»¹¹¹ Но когда один из членов Сопротивления сказал Элюару, что он не должен сам разносить листовки, поэт недоуменно посмотрел на него: «А почему кто-то другой? Мы все рискуем. А товарищи устали, потому что они весь день были на ногах».¹¹² Этот слабый человек в момент опасности превзошел самого себя: «он каждый день разносил запретные материалы, рискуя, что его узнают и арестуют».¹¹³ Его храбрость, оптимизм, сила духа и чувство долга сделали Элюара одним из символов духа свободы Франции.

Во время войны королевская чета не покинула Лондон. Король и королева ночевали в Букингемском дворце, несмотря на то, что бомбы попадали в него не менее девяти раз. Только в сентябре 1940 г. на дворец упало шесть бомб как раз тогда, когда там находилась королевская чета. Придя в себя, королева произнесла исторические слова: «Я рада, что нас бомбили. Теперь я чувствую, что могу смотреть в глаза Ист-энду». Для Георга VI и его супруги путь из Вестминстера в Ист-энд – район бедных кварталов Лондона – никогда не был обременительным. Всю войну они ездили по местам разрушений, госпиталям, военным заводам и воинским частям, чтобы всюду сказать слова ободрения и сочувствия своим подданным. Сэр Чарльз Петри в книге «Монархия в XX веке» предположил, что секрет успеха миссии короля заключался главным образом в его умении создать правильное впечатление короля, выполняющем свой долг спокойно и скромно. Одной из наиболее запомнившихся сцен того времени стал визит короля в Ист-энд сразу же после бомбардировки. Репортер из «Дейли Геральд» засвидетельствовал гигантские масштабы разрушения и смерти, которые ожидали короля, а также ту поразительную манеру поведения монарха, которая приободрила окружающих людей: «Это было 9 сентября 1940г, и король стоял перед воронкой размерами в четыре лондонских автобуса. Когда-то на этом месте стояли 20 домов, а теперь король смотрел через дорогу и видел ряд домов, оставшихся без задних стен. В разрушенных квартирах лежали обломки мебели, а на уцелевших стенах странно под углом висели картины. За королем стоял еще один ряд домов с раз-

битыми окнами и сорванными занавесями. И как бы подчеркивая масштабы человеческой трагедии, король стоял на свадебной фотографии, на которой невеста на счастье держала в руках подкову». ¹¹⁴ Этот репортаж нужно *увидеть*. Нужно представить себе короля, взирающего на разрушение своей страны. Читая этот репортаж, нужно видеть перед глазами великие фантастические полотна сюрреалистических художников, таких как Дали, Шагала или Пикассо. Нужно читать эти строки теми же глазами, что и «Победу Герники» Элюара: «Страх и мужество жить и умирать/Смерть так трудна и так легка». ¹¹⁵

Король Георг VI стал центральной фигурой этой сцены, превращая ее в незабываемый символ жестокости и безумия войны. Постольку, поскольку есть в мире художники или поэты, способные воспринимать войну как нечто болезненное, иррациональное и нечеловеческое, существует и надежда, что они своим творчеством сумеют пробудить в людях такие же чувства. Постольку, поскольку есть короли, способные посреди развалин воспринимать все безумие происходящего, есть надежда, что они сумеют вернуть мир к трезвости.

Этот образ короля посреди руин напоминает поэта Элюара, стоящего посреди развалин Варшавского гетто («В Варшаве фантастическом городе»). Эти стихи Элюара читались как газетный репортаж. «Арагон писал о стихах Элюара: «Читайте их как газеты. Поэзия, наша поэзия читается как газета. Новости грядущего мира». ¹¹⁶ Свидетельство Элюара о разрушении Варшавского гетто было репортажем с места событий; оно воспроизводило ужасающее прошлое и призывало к созданию нового будущего:

Для тех кто когда-либо видел руины гетто
Человеческие поступки не должны повториться
Все должно измениться или иначе смерть победит
И смерть должна быть побеждена или мы все станем
Пустыней. ¹¹⁷

Стоя среди руин Варшавского Гетто, Элюар надеялся, что страдания не были напрасны, потому что «Человек в земле прокладывает дорогу человеку на земле». ¹¹⁸ Король и поэт стояли посреди чудовищных руин, но в их глазах не было отчаяния, потому что им удалось смотреть сквозь прошлое и настоящее непосредственно в будущее. Эти сцены выглядят абсурдными сюрреалистическими картинками. Но для Стрельцов такое восприятие является наиболее естественным. Девизом этого знака стали слова «я воспринимаю, я постигаю», а его символом является сюрреалистическая фигура кентавра (получеловека, полуживотного), держащего лук со стрелой, направленной в небеса. По словам Хикки, этот символ «отражает попытку Стрельца освободиться от своих низменных аспектов, чтобы стать тем, кем он в действительности является на высшей плоскости». ¹¹⁹ Мифологический кентавр символизирует человека, разрывающегося между добром и злом, а реальные сестральные близнецы – Стрельцы стали символами освобождения от болезней и войн и сумели донести до людей идею торжества «добра» над «злом». Оба не столько обращались к разуму людей, сколько к подсознанию; не столько посредством слов, сколько посредством образов. Элюар надеялся, что в будущем: «настанет день, когда все общение между людь-

ми будет посредством образов; и что образное видение вещей будет выражать общую точку их пересечения: с ними, с вещами, с ними как вещами, с вещами как с ними. В этот день истинное ясновидение объединит вселенную с человеком — иными словами, человека с вселенной».¹²⁰

Не случайно портреты короля и Элюара появлялись на картинах многих выдающихся художников того времени. И неслучайно оба они интересовались изобразительным искусством. Для них внешность и убранство были настолько же важны, как для других мысли или чувства. Это происходило потому, что оба интуитивно осознавали, как величественная внешность Элюара и королевский вид Георга VI производили именно тот необходимый эффект, в котором люди нуждались в те тяжелые времена. Художников привлекали и гипнотизировали их образ гармонии и величия. Франсуа Гило вспоминала: «Поль был очень гармоничным... В каждую группу, которую он посещал, он вносил чувство всеобщей гармонии, не столько тем, что он говорил, а самим фактом своего присутствия».¹²¹ Дали рисовал портрет Элюара, как какого-то фантастического короля с огромным количеством фетишей на груди. Для Дали — «простого провинциала, которым я был» — Элюары «были самой солью Парижа». Дали описывал поэта: «Он был высоким, худым, блондином и красивым человеком... Элюар произвел на меня большое впечатление своей аурой отличия от других. Его голос и руки немного дрожали, придавая ему патетический оттенок». Рой тоже подчеркивал необычность и красоту Элюара: «Элюар всегда очень элегантен, подтянутый и он носит шляпы. Он много курит (слишком много). Несмотря на то, что его руки немного трясутся и у него слабое здоровье, но даже когда он сердится или когда с ним случаются неприятности или над ним подтрунивают (иногда), он отличается особым типом спокойной величественности. Это не строгая, отдаленная искусственная поза выскочки, поднимающего воротник (и тон) для того, чтобы произвести впечатление. Величественность Элюара сродни естественной величавости, присущей: вождям индейцев, скаковым лошадям, играющим детям, некоторым рыбам и серо-розовым гладиолусам».¹²²

Художники обожали Элюара, а у него был замечательный художественный вкус, редкий в среде писателей. Он коллекционировал картины, и в его доме всегда было больше картин, чем можно было разместить на стенах. Он любил работать вместе с художниками, иллюстрировавшими его книги, такими как Пикассо, Эрнст, Дали, Шагал и Чирико. В их картинах Элюар видел эскизы стихов, видимый мир его мечтаний. Кроме того, поэт искал возможность придать своим работам еще более визуальный характер. Свои стихи «Большой воздух» Элюар выгравировал сам, чтобы потом Пикассо дополнил гравюру своими иллюстрациями. Четкие буквы на гравюре никак не выдавали проблему дрожания рук Элюара. А ведь именно в тот период «его руки сильно трясло, как от глубокого волнения, вплоть до того момента, пока его ручка не касалась бумаги».¹²³ Сюрреалистическая сцена поэта, дрожащими руками записывающего стихи на картине Пикассо, может быть сравнена лишь со сценой заикающегося короля, обращающегося с речью к народу по радио.

Портреты короля неоднократно писались лучшими художниками Британии. Официальный портрет, изображающий церемонию коронации, был написан сэ-

ром Джеральдом Келли в 1938 г. Несмотря на то, что вкусы короля оставались достаточно традиционными, он проявлял большой интерес к живописи и после войны много времени уделял восстановлению заброшенной коллекции королевских картин. Он часами просиживал возле реставраторов, наблюдая за тем, как они обновляют его любимые картины. Кроме того, он любил сам развешивать картины, тщательно выбирая место и освещение для каждой из них.¹²⁴

Как и Элюар, король был очень элегантным. Оба селестиальных близнеца не были модниками или стилистами, но они верили в то, что внешний вид играет важную роль в жизни человека: «вопросы одежды всегда волновали короля. Он сам, будь то в военной форме, будь то в гражданской одежде, достигал наивысшего стандарта безупречной опрятности. Он также был наделен природной элегантностью, и каждое его движение, будь то танец, или езда на лошади, или жест, которым он извлекал сигарету из коробки и зажигал ее, все было прекрасно скоординировано».¹²⁵

Георг VI мечтал привить окружающим художественный вкус. Не раз он пробовал выразить свои художественные наклонности в искусстве декорации и дизайна. Он был страстным садоводом-дизайнером и в молодости учился создавать художественные клумбы у главного садовода Виндзорского парка.¹²⁶ Во время войны король собственноручно создал модели придворной одежды, взяв за основу военную форму. После войны он создал новую военную форму британской армии. Он говорил: «Я хочу, чтобы армия пользовалась популярностью, а для этого надо, чтобы у солдат была форма, которой они могли бы гордиться».¹²⁷ В 1940 г. у короля возникла идея ввести новую награду: Георгиевский Крест и медаль за гражданскую доблесть и мужество. На одной стороне серебряного крестика изображался святой Георгий, убивающий дракона, а под ним была подпись: «За отвагу». На другой стороне записывались дата и имя героя. Этот медальончик, созданный по инициативе короля, этот кусочек серебра приобрел собственное значение и смысл, превратившись в символ, воодушевлявший людей на подвиг.

В то время, как король придавал большое духовное значение дизайну садов, одежд или наград, Элюар высоко ценил дизайн абстрактных картин своих друзей, приписывая простым геометрическим формам большое влияние на жизнь людей. Поэт писал: «Пикассо создал фетиши, но у этих фетишей есть своя собственная жизнь. Они не просто знаки-посредники, а знаки в движении. Это движение приводит их к конкретному. Для всех людей эти геометрические фигуры, эти кабалистические знаки – мужчина, женщина, статуэтка, стол, гитара – становятся мужчинами, женщинами, статуэтками, столами, гитарами, более знакомыми, чем прежде, потому что более понятными, оцененными как разумом, так и чувствами. То, что мы называем волшебством дизайна, цвета, начинает еще раз питать все вокруг нас и нас самих».¹²⁸

Во время войны казалось, что король и поэт питались дополнительной энергией из божественного источника. Казалось, что они полностью освободились от человеческих слабостей и сумели стать властелинами своей жизни. Элюар зашел так далеко, что написал: «В моих силах существовать без судьбы».¹²⁹ Лишь непрерывное нервное курение обоих селестиальных близнецов выдавало тот факт, что их

жизненные силы были уже на исходе. У короля никогда не было крепкого здоровья, а годы военного напряжения не улучшили его. Наоборот, он курил так много, что привел к раку легких.¹³⁰ Элюар в это время тоже, несмотря на туберкулез, продолжал много курить.¹³¹ Ни одному из них не была отведена долгая жизнь. Да и оптимизм улетучился сразу же после войны. Постоянное чувство неудовлетворенности не позволяло им пополнить свои жизненные силы. В дневниках Георга VI можно прочесть, что «он никогда не испытывал чувства удовлетворенности, потому что ему всегда казалось, что он не сделал всего, что бы мог».¹³² Элюар как бы отзывался эхом: «Как жаль, что та вещь, которую ты видишь в воображении, всегда лучше того, что ты делаешь. И это относится как к жизни, так и к поэзии».¹³³

Война окончилась. В Британии впервые в истории к власти пришли социалисты. Британская империя распадалась, и на долю Георга VI выпало стать последним императором. Премьер-министр Эттли вспоминал, что король не выказал ни малейшего протеста против того, чтобы имперская корона была снята с его головы. По словам Эттли, он был королем, «который никогда не стоял на месте, а всегда двигался вместе со временем».¹³⁴ Георг VI как бы откликнулся на строчку Элюара: «Время течет в моих венах».¹³⁵ О самом Элюаре говорили, что он «никогда не останавливался на месте, удовлетворенный достигнутым знанием».¹³⁶

Внешнее спокойствие соблюдалось королем и поэтом и после войны, но внутренний оптимизм был надломлен. Парадоксальным было то, что депрессия пришла уже после победы над фашизмом. Возможной причиной тому был растущий разрыв между внутренним чувством одиночества и внешней маской полновластных правителей. Паро понимал трудность сосуществования различных аспектов личности Элюара: «Элюара всегда окружает атмосфера доступности и царственности, и к нему постоянно обращаются толпы людей... он живет жизнью миллионов людей, он – дверь, открытая для всех, кто против несправедливости... его дни заполнены приятными людьми, с которыми он ведет себя невероятно приятно, и нетерпеливыми людьми, с которыми он необычайно терпелив. Никто не понимает, как сочетать это с другим Полем Элюаром. Тем Полем Элюаром, который является прозрачностью сна, врожденной способностью к ясновидению. Тем Полем Элюаром, что является поэзией, воплотившейся в человеке».¹³⁷ Фоули писал в статье «Элюар»: «я чувствую, что существует вязь между безграничным одиночеством поэта и магическими свойствами его образов, которые, в ином смысле, тоже безграничны».¹³⁸ Попробуем сопоставить это описание двух аспектов личности Элюара с описанием Георга VI, написанным Вилером – Беннетом: «Прежде всего, он был «народным королем». У него была двоякая концепция монархии; мистическое одиночество монарха, сочетаемое с близким принятием к сердцу правителя интересов, проблем и благосостояния его народа».¹³⁹

В период 1946–48 гг. оба селестиальных близнеца сохраняли статус духовных вождей, но внутри их назревало желание уйти и умереть. Британия была бедной, усталой и голодной. У короля росли сомнения и тревога. В 1947 г. он записал в дневнике: «Я три раза спрашивал м-р. Эттли, озабочен ли он.... Я знаю, что я озабочен». Через девять месяцев подавленность и тревога только усилились. «Я бы хотел увидеть просвет или светлое пятно где-нибудь в мировой политике. Ни-

когда в истории человечества положение не казалось таким мрачным... и чувствуешь себя таким бессильным оказать хоть какую-нибудь помощь».¹⁴⁰ В 1948 г. король принимал у себя писательницу Виту Сэквилл-Уэст. Когда он узнал, что ее семейное поместье Кнол было передано Национальному Попечительному Совету, он опустил в отчаянии руки: «Все уходит сейчас. Пока не поздно, и я тоже должен буду уйти».¹⁴¹ В том же 1948 г. Элюар отзывался эхом: «Мы не отчаялись мы все еще живем/Все тяжелей и мрачней чем когда-либо».¹⁴²

В 1948 г. король праздновал свою серебряную свадьбу. Он выглядел стройным и элегантным, как и прежде, но его здоровье начало быстро сдавать. В последующие три года он страдал от раннего артериосклероза, инфлюэнцы и рака легких, приведшего к удалению левого легкого. В 1949 г. его оперировали по поводу артериосклероза. Король поседел, и казалось, что у него не было сил и желания выздороветь. Несмотря на усталость, он продолжал выполнять свои королевские обязанности, но ему вновь было тяжело обращаться к своим подданным. Теперь помехой было не заикание, а потеря голоса. Георг VI мирно скончался во сне в Сандринхеме ранним утром 6 февраля 1952 г. Причиной смерти послужила закупорка сосудов сердца.¹⁴³ Это было очень печальное утро для британцев. Похороны короля превратились в массовую демонстрацию большой любви народа к безвременно ушедшему королю.

Спустя девять месяцев в холодное туманное утро того же года Франция прощалась со своим великим поэтом. Элюар скончался в своей квартире в 9 часов утра 18 ноября 1952 г. Его сердце неожиданно прекратило биться. Его похороны превратились в огромную политическую демонстрацию.

После войны Элюар приобрел международную славу и влияние. В качестве посла авангардистской поэзии, он объездил много стран, включая Англию, Бельгию, Швейцарию, Италию, Югославию, Грецию, Польшу, СССР, Мексику. Он посещал много съездов и конференций, созданных коммунистами, но его политические взгляды оставались близкими к идеям гуманизма и абстрактной утопии всемирного содружества людей. Интересной особенностью Элюара было то, что даже в те времена, когда на Западе неприязнь к коммунистам достигла апогея, никто не упрекал его в политических убеждениях. Своими стихами и своей человечностью он обезоруживал любых политических оппонентов. Считалось, что Элюар был настолько хорошим человеком, что у него не было ни одного личного врага.¹⁴⁴

Элюар впал в депрессию в 1946 г. В то время как император утерял оптимизм вместе с потерей империи (с которой он был символически обвенчан), жизнь поэта потеряла смысл после преждевременной кончины его жены Нуш. Элюар изменился: это был слишком тяжелый удар. Эренбург вспоминал, как во Вроцлаве в 1948 г. Элюар признавался ему: «Я чувствовал, что был одной ногой в могиле».¹⁴⁵ После смерти Нуш поэт больше не мог отождествлять жизнь с любовью. Но Элюар никогда не мог жить без любви. Хотя его последние годы были безумно тяжелыми, их скрашивало присутствие Доминик Лемор, с которой он познакомился в 1949 г. и повенчался в 1951 г. В поэзии Элюара появился проблеск новой надежды. Поэт пытался показать, что все идет по-прежнему, но Эренбург вспоминал, как в последний раз в Москве он увидел поседевшего Элюара, руки

которого дрожали сильнее, чем обычно. Перед выходом к публике он сильно нервничал, и начал свое выступление с признания: «для меня самым тяжелым является выйти на сцену, когда все на тебя смотрят».¹⁴⁶

Элюар оставался убежденным коммунистом до самой смерти, и он очень сердился на Доминик за ее потерю веры в будущее коммунизма после их визита в сталинскую Россию. Для него утратить веру в идеал сотрудничества между людьми и народами значило утратить любовь, а утратить любовь было равносильно смерти. Он писал: «Но я люблю во имя того чтобы любить и я умру от любви».¹⁴⁷

Он мирно скончался у себя дома, и это ему шло, так же, как «королю Георгу подходило мирно умереть там, где он так хорошо любил».¹⁴⁸

Поэт Леон-Поль Фарж говорил об Элюаре: «Казалось, что он никогда не думал о том, что он большой поэт. Может быть, поэтому другие не смогли об этом забыть».¹⁴⁹ Именно резкий контраст между скромными ожиданиями от Георга VI и его успешной карьерой делал короля настолько дорогим сердцам миллионов людей. О нем писали: «Возвысить статус монархии и ее популярность – в этом было основное достижение этого застенчивого, хорошего человека, короля Георга VI, который никогда не хотел исполнять эту должность, но, тем не менее, отдал ей свою жизнь».¹⁵⁰

Было в мире много других знаменитых поэтов и королей, которых люди не вспоминают с таким уважением, благодарностью и любовью, как Георга VI и Поля Элюара. Их вспоминают с любовью, потому что они хотели давать любовь и вдохновлять любовь. Они старались быть *хорошими*, и делали это так, как им *виделось* быть хорошими. Они уважали свободу и были верными подданными Государства Свободы. Их помнят главным образом не за то, что они говорили и делали; не за стихи, речи или королевские указы, а за то, что они собой представляли, за то, как они жили и любили. И чтобы дополнить их историю, нужно хоть немного рассказать об их личной жизни и любви.

В личной жизни оба селестиальных были истинными рыцарями. Вилер-Беннет сравнивал Георга VI с рыцарем Чоссо: «он любил рыцарство/ правду и честь, свободу и куртуазность».¹⁵¹ Те же слова можно было адресовать Полю Элюару, о котором Фоули писал: «Личная концепция любви Элюара была сродни рыцарской любви, чему-то, напоминавшему ранние романы трубадуров».¹⁵²

Принц Альберт повстречался с Елизаветой Боуз-Лайон в 1920 г. Он влюбился в нее с первого взгляда, но она опасалась связать свою жизнь с членом королевской семьи. Принц был уверен, что не может жить без нее и что никогда не сможет жениться ни на ком другом. Его любовь в конце концов победила, и бракосочетание состоялось в 1923 г. Леди Елизавета завоевала любовь и признание народа. С первого дня их совместной жизни дом короля стал ему надежным убежищем от внешнего мира. В любви, дружбе и совместной жизни со своей королевой будущий король обретал мир и спокойствие. Жена поддерживала его во всем; с ее помощью он преодолел заикание и нервность.

Эжен Грендель переродился заново в Поля Элюара при поддержке своей первой большой любви, Гала Дьяконовой, с которой он впервые повстречался в 1912 г. в санатории. Она была его королевой, вверившей в его выздоровление и в его

будущее великого поэта. В начале первой мировой войны Гала вынуждена была вернуться в Россию. Брак между французским солдатом и русской девушкой казался совершенно немыслимым. Но Гала, обладавшая незаурядной силой воли, сумела перебраться в Париж и поселиться у матери Эжена. Несмотря на сопротивление родителей, пара обвенчалась в 1917 г. Для Элюара Гала была его музой, его вдохновением, но ей нужна была еще большая популярность и слава, чем Поль мог когда-либо принести ей. Когда она встретила Дали, ей стало ясно, что ее жизнь связана с этим великим художником. Дали сумел донести ее образ в каждый дом, сделать ее королевой мечтаний многих миллионов людей всего мира. Элюар понял потребности Гала и отпустил ее. Для него это было невыносимой трагедией, но он любил ее до конца своих дней, и все письма к бывшей жене подписывал «A tpt» («Всегда твой»).¹⁵³ Вторая жена Элюара, Нуш, поддерживала его до самой своей смерти, и именно благодаря ей он стал зрелым поэтом.

Дочери этих сестриальных близнецов горячо любили своих отцов. Старшая дочь Георга VI стала наследницей престола, правящей королевой Елизаветой. Сесиль Элюар, оставшаяся после развода с Полем, собрала, отредактировала и приготовила к изданию работы своего отца.

Король и поэт давно умерли, но память об их простой человеческой доброте живет. Об Элюаре писали: «Самое удивительное свойство поэзии Элюара – это человеческая доброта. ... Это вообще очень редкое свойство в людях, а у поэтов оно действительно крайне редко».¹⁵⁴ Что касается Георга VI, то его главная черта – это: «огромная человечность, которая помогала ему налаживать отношения с людьми любых классов. Как его челядь, так и те, кто обслуживали его во время болезни или встречались с ним лишь мимоходом, были едины во мнении, что этот человек был глубоко человечен».¹⁵⁵

Жизнь Георга VI и Поля Элюара показывает, что доброта и человечность не являются прерогативой какого-либо сословия или класса. Марк Твен в «Принце и нищем» показывал, что мир может стать лучше, если хороший человек придет к власти и проведет социальные реформы. Большинство критиков называли этот подход наивным и детским. Элюар и Георг VI вряд ли бы согласились с такой критикой, потому что оба они подсознательно следовали архетипу «хорошего короля», стараясь улучшить мир силой своей доброты.

Θ-факторные и астрологические комментарии

Символ Стрельца – это кентавр, выпускающий из своего лука стрелу в неизвестность. В попытке освободиться от своей низменной натуры, Стрельцы обращаются к небесам, стараясь на них увидеть знак или символ, помогающий им понять свою небесную природу. Ключевое слово Стрельца «перцепция» (восприятие или постижение) – это синоним интуиции. Хикки видела в перцепции умение ясно видеть в темноте, умение разглядеть истинный смысл, зашифрованный в знаках или символах. Она видела в поведении библейского Якова характерный пример поведения Стрельца: «Когда мы поймем значение символов, многое из

того, что сейчас покрыто мраком, прояснится для нас. Библейский Яков хромал (страдал недостатком понимания). Ему потребовалось всю ночь сражаться с ангелом, и он не мог отпустить ангела, пока тот не благословил его. Мрак и ночь символизируют темень нашего неведения; ангел представляет наши проблемы. У всех у нас есть проблемы. Мы никогда не можем решить проблему, пока не понимаем ее причины. После того, как мы поймем причину проблемы, она исчезнет, и никогда больше мы с ней не сталкиваемся».¹⁵⁶

Решение библейского Якова сражаться с ангелом было тем типом действия, когда «исключительный человек пытался освободиться от своих ограничений», и, следовательно, по Фоули, это был сюрреалистический поступок. Яков сделал невозможное: он победил ангела и вышел из этой схватки новым человеком, с новым именем – Израиль.

В этом свете жизнь принца Альберта и Эжена Гренделя видится, как бесконечный процесс перцепции Стрельцов – попытка расшифровать значение символов, образов, знаков, и с их помощью совершить сюрреалистический акт перерождения и освобождения от земных ограничений. Но цель пущенных стрел остается скрытой мраком, а восприятие в темноте остается размытым и туманным, пока стрелец не добивается полного единства своих низменных и возвышенных аспектов личности. Рой описывал этот процесс в жизни Элюара при помощи яркой метафоры: «Он, самый свободный из всех людей... вкладывает столько же усилий в заковывание себя в оковы, сколько и в высвобождение из них. ... «У меня есть силы существовать вне судьбы», – говорит он. И он кует себе судьбу, терпеливо, человеческую судьбу, полностью связанную с судьбой других людей».¹⁵⁷

На миг казалось, что в результате личных побед над болезнями (заиканием, проблемами желудка и легких) оба селестиальных близнеца стали властителями своей судьбы. Поэт верил в то, что он был способен прожить без судьбы, но из-за своего чувства долга он решил разделить судьбу других людей. Король верил в мистическую силу монархии, и поэтому взял на себя ответственность разделить судьбу своих подданных. Оба сумели преодолеть часть своих проблем, что позволило им повести народы за собой. Но, по-видимому, частичного знания было недостаточно. В книге «Анатомия судьбы» Галеви предполагал, что: «в то время, как человек может преодолеть физические преграды, он при этом все же может остаться под влиянием внутренних психологических или планетарных факторов, вынуждающих его действовать по предопределенным паттернам. Таким образом, в то время как такие одаренные, замечательные и интеллигентные личности производят впечатление людей, освободившихся от законов, действующих на большинство человечества, на самом деле они прочно застряли на психологическом уровне и подчиняются текущим планетарным влияниям, и таким образом, они не хозяева своей жизни. Чтобы подняться над тонкими сферами судьбы, следующим шагом нужно заглянуть в глубины своей психики, познать ее силу и слабости, и лишь потом начать управлять своей судьбой».¹⁵⁸

Оба селестиальных близнеца справились с болезнями при помощи своего умения видеть, свойственного Стрельцам, но ни один из них не предпринял сознательной попытки заглянуть в глубины своей психики. Ни один из них научил-

ся осознанно управлять своей судьбой. Иначе трудно было бы объяснить, как они симультанно заболели в начале войны и одновременно выздоровели в начале 1920-ых годов; почему они были полны энергии во время второй мировой войны, и почему одновременно впали в депрессию после ее окончания; почему они параллельно меняли свои имена, и почему их сердца внезапно прекратили биться в 1952 г. Но если все же эти доводы неверны, и оба сестистальных близнеца на самом деле были властелинами своей судьбы, то какой странный случай послужил причиной столь многих параллелей в их жизни?

Когда люди пытаются объяснить что-либо, они обычно пользуются словом «потому что». В случае этих героев это невозможно, потому что вся их жизнь была под девизом «вопреки тому что» или «несмотря на то, что». Принц Альберт стал королем вопреки тому, что он родился младшим сыном; Эжен Грендель стал поэтом вопреки тому, что родился в бедной необразованной семье. Оба прославились вопреки тому, что не получили даже степени бакалавра. Они женились, несмотря на трудности, и выступали перед публикой несмотря на застенчивость и страх. Они воевали в первой мировой войне, несмотря на слабое здоровье. Во время второй мировой войны они повели людей за собой, несмотря на то, что не были подготовлены к такой роли. И они впали в депрессию, несмотря на победу над фашизмом. Их помнят как талантливых людей, несмотря на отсутствие острого ума. Король тесно сотрудничал с социалистами и заботился о судьбе рабочих, несмотря на свое королевское происхождение; и он никогда не был империалистом, несмотря на то, что носил звание императора. Поэт был коммунистом и верил в Сталина, несмотря на свой глубокий гуманизм и преданность идеалам свободы. Они умерли молодыми, несмотря на то, что получали лучший в мире медицинский уход. И, несмотря на все, их помнят как хороших людей.

В свете сравнительного Θ -факторного анализа можно сказать, что все эти «вопреки» и «несмотря на то» отражали одно и то же влияние Θ -фактора, отражавшего природу сюрреализма.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 14 октября 1895 г.
Знамения несчастий	Король родился в день печальной годовщины смерти дедушки и тети. На семье поэта лежала «печать несчастий».
Образ отца	Оба отца считались властными, суровыми людьми с развитым чувством долга. Им больше импонировала военная дисциплина, чем мир знания и творчества.
Образ матери	Обе матери были печальными, одинокими и отчужденными.
Место рождения	Королевский коттедж в Сандринхеме слыл маленькой мрачной виллой, лишенной удобств. Квартира в Сен-Дени была тесной, узкой, темной, лишенной удобств.
Раннее детство	Оба мальчика постоянно болели.

Селестиальные близнецы

Образование	Оба не получили звание бакалавра. В школе оба учились посредственно, их единственными отличными оценками были оценки по иностранным языкам: у принца – по французскому, у поэта – по английскому.
1913 г.	Первая смена имен.
1914–1915 г.	Не достигнув 20 лет, оба пошли на войну. Большую часть времени они провели в госпиталях; у обоих были проблемы с желудком, приписанные аппендициту.
1916 г.	Короткая ремиссия. Принц участвует в Ютландской битве, поэт находится в окопах.
1917–1918 гг.	Новые тяжелые приступы болезни.
1919–28 гг.	После демобилизации происходит серьезное улучшение здоровья. Оба работали на своих отцов. Период семейной жизни и путешествий.
1926 г.	Поворотная точка. Герцог избавляется от заикания. Элюар признается ведущим поэтом сюрреализма.
1928–1937 гг.	Селестиальные близнецы воспринимают отречение Эдуарда VIII и развод с Гала как личные трагедии. Но сразу же после этого принц становится королем Англии, а Элюар становится поэтом, «созданным из Поля и Нуш Элюар».
Предвоенный период	Оба выступают на политические темы, проявляя озабоченность ростом нацизма.
1939–1946 гг.	Оба страстно защищают свободу.
Гражданское мужество	Люди боялись даже представить, что будет, если король погибнет при бомбежке или Элюар попадет в руки Гестапо. Но король и поэт продолжали собственным примером вести за собой борцов за освобождение.
Люди среди людей	Георга VI звали «народным королем», а Элюара «человеком, жившим среди людей и для людей».
Основные черты характера	Скромность, гармоничность, доброта и величественность.
Желание вести за собой	Оба верили, что были рождены вести, а не быть ведомыми, вдохновлять, а не следовать.
Депрессия 1946–1948 гг.	«Никогда в истории человечества положение не казалось таким мрачным», – писал король в 1948 г. В том же году Элюар говорил: «Все тяжелей и мрачней чем когда-либо».
Курение	Оба беспрерывно курили, несмотря на проблемы с легкими.
Любовь к изобразительному искусству	Оба любили живопись и дизайн. Обоих рисовали лучшие художники того времени.
Преждевременная смерть	Оба умерли у себя дома на рассвете от внезапной остановки сердца. Их похороны превратились во всенародную демонстрацию любви к ним.

Сноски:

- ¹ Марк Твен родился в Стрельце.
- ² Z'ev Halevi, *The Anatomy of Fate*, Bath, Gateway Books, 1986, p. 187 (Далее – Halevi.).
- ³ В главе используются следующие биографии Ричарда: *Dictionary of National Biography*, (DNB) vol. XVI, pp. 1022–1031; J.A. Brundage, *Richard Lion Heart*, New York, Charles Scribner's Sons, 1974.
- ⁴ DNB, p. 1029.
- ⁵ В главе используются следующие биографии Некама: DNB, vol. XIV, pp. 154–155; Urban Tigner Holmes, Jr., F.S.A., *Daily Living in the Twelfth Century, Based on the Observations of Alexander Neckam in London and Paris*, Madison, The University of Wisconsin Press, 1964, (Далее – *Daily Living in the Twelfth Century*); Richard William Hunt, *The Schools and the Cloister: the Life and Writings of Alexander Nequam*, Oxford, Clarendon Press, 1984 (Далее – Hunt).
- ⁶ *Daily Living in the Twelfth Century*, p. 16.
- ⁷ Hunt, p. 9.
- ⁸ Hickey, p. 20.
- ⁹ Michael Benedict, *The Poetry of Surrealism, An Anthology*, Boston, Little, Brown and Company, 1974, p. 169 (Далее – Benedict).
- ¹⁰ Paul Eluard, Pablo Picasso, tr. J. T. Shipley, New York, Philosophical Library, 1947, p. 51 (Далее – Pablo Picasso).
- ¹¹ Louis Persce, Paul Eluard, *Classiques du XX Siecle*, Paris, Editions Universitaires, 1963, p. 5 (Далее – Persce).
- ¹² *The Concise Encyclopedia of Modern World Literature*, ed. Geoffrey Grigson, London, Hutchinson, 1963, p. 133.
- ¹³ P. Townsend, *The Last Emperor*, London, Weidenfeld & Nicolson, 1975, p. 58 (Далее – Townsend).
- ¹⁴ Paul Eluard, *Selected Writings*, Norfolk, Conn., A New Directions Book, 1967, p. 53 (Далее – *Selected Writings*).
- ¹⁵ Keith Middlemas, *The life and Times of George VI*, London, Weidenfeld & Nicolson, 1974, p. 7 (Далее – Middlemas).
- ¹⁶ L.L. Blake, *The Prince and the Professor*, GB, Shephard-Walwyn LTD, 1995, p. 85 (Далее – Blake).
- ¹⁷ Robert Nugent, Paul Eluard, New York, Twayne Publishers, Inc., 1974, p. 15 (Далее – Nugent).
- ¹⁸ *Selected Writings*, p. XXII.
- ¹⁹ *The Concise Encyclopedia of Modern World Literature*, ed. Geoffrey Grigson, London, Hutchinson, 1963, p. 133.
- ²⁰ Townsend p. 58.
- ²¹ Robert Lacey, *Majesty*, New York, Haircourt Brace, 1977, p. 92 (Далее – Lacey).
- ²² Middlemas, p. 151.
- ²³ *Selected Writings*, p. 45.
- ²⁴ *Selected Writings*, p. XX.
- ²⁵ Pablo Picasso, p. 36.
- ²⁶ *Selected writings*, p. IX.
- ²⁷ *Selected writings*, p. XXXVI.
- ²⁸ Доминик Бона, Гала, Смоленск, Русич, 1996, стр. 72 (Далее – Бона).
- ²⁹ *Selected writings*, p. X.
- ³⁰ David Sinclair, *Two Georges*, London, Hodder & Stoughton, 1988, p. 81 (Далее – Sinclair).

- ³¹ Sinclair, p. 88.
- ³² Lundsted, p. 72.
- ³³ Sinclair, p. 178.
- ³⁴ Townsend, p. 15.
- ³⁵ Selected writings, p. 175.
- ³⁶ Persce, p. 5.
- ³⁷ Persce, pp. 1–6.
- ³⁸ A. Morrow, *The Queen Mother*, New York, Stein and Day, 1985, p. 41 (Далее – Morrow).
- ³⁹ John Wheeler-Bennet, *King George VI, His Life and Reign*, London, Macmillan, 1965, p. 18 (Далее – Wheeler-Bennet).
- ⁴⁰ Selected Writings, p. 115.
- ⁴¹ Sinclair, p. 6.
- ⁴² Lacey, p. 6.
- ⁴³ Morrow, p. 16.
- ⁴⁴ Persce, pp. 6–7.
- ⁴⁵ Бона, стр. 25.
- ⁴⁶ Wheeler-Bennett, p. 33.
- ⁴⁷ Бона, стр. 28.
- ⁴⁸ Middlemas, pp. 20–23.
- ⁴⁹ Morrow, p. 42.
- ⁵⁰ Selected Writings, p. 11.
- ⁵¹ Selected Writings, p. 163.
- ⁵² Benedict, p. 169.
- ⁵³ Эренбург, т. 9, стр. 721.
- ⁵⁴ Selected Writings, p. X.
- ⁵⁵ DNB, 1951–1960, p. 404.
- ⁵⁶ Wheeler-Bennet, p. 736.
- ⁵⁷ Wheeler-Bennet, p. 732.
- ⁵⁸ Hickey, pp. 154–155.
- ⁵⁹ Lundsted, p. 208.
- ⁶⁰ Sinclair, p. 179.
- ⁶¹ Patrick Waldberg, *Surrealism*, London, Thames and Hudson, 1966, p. 89.
- ⁶² Blake, p. 117.
- ⁶³ Selected Writings, p. 171.
- ⁶⁴ Pablo Picasso, p. 31.
- ⁶⁵ Nugent, p. 112.
- ⁶⁶ Selected Writings, p. 167.
- ⁶⁷ DNB, 1951–1960, p. 400.
- ⁶⁸ Morrow, p. 47.
- ⁶⁹ Middlemas, p. 30.
- ⁷⁰ Sinclair, p. 176.
- ⁷¹ Middlemas, p. 34.
- ⁷² Pablo Picasso, p. 56.
- ⁷³ Бона, стр. 45.
- ⁷⁴ Бона, стр. 48.
- ⁷⁵ Бона, стр. 52.
- ⁷⁶ Persche, pp. 8–10.
- ⁷⁷ Бона, стр. 95.

- ⁷⁸ Поль Элюар, Стихи, пер. Ваксмахера, Москва, «Сварог и К», 1998, стр. 24 (Далее – Стихи).
- ⁷⁹ Selected writings, p. 165.
- ⁸⁰ Wallace Fowlie, Age of Surrealism, Bloomington, Indiana University Press, 1950, p. 202 (Далее – Fowlie).
- ⁸¹ Selected writings, p. 79.
- ⁸² Fowlie, p. 13.
- ⁸³ Sinclair, p. 8.
- ⁸⁴ Townsend, pp. 58–59.
- ⁸⁵ Selected Writings, p. 95.
- ⁸⁶ Selected Writings, p. 55.
- ⁸⁷ Sinclair, p. 199.
- ⁸⁸ Pablo Picasso, p. 98.
- ⁸⁹ Blake, p. 81.
- ⁹⁰ Townsend, p. 59.
- ⁹¹ Selected Writings, p. 45.
- ⁹² Эренбург, т. 9, стр. 716.
- ⁹³ Эренбург, т. 9, стр. 720.
- ⁹⁴ Эренбург, т. 9, стр. 720.
- ⁹⁵ Selected Writings, p. IX.
- ⁹⁶ Middlemas, p. 87.
- ⁹⁷ Wheeler-Bennet, p. 732.
- ⁹⁸ Wheeler-Bennet, p. 296.
- ⁹⁹ Blake, p. 116.
- ¹⁰⁰ Selected Writings, p. XII.
- ¹⁰¹ Middlemas, p. 128.
- ¹⁰² Selected Writings, p. XXIV.
- ¹⁰³ Стихи, стр. 204–308.
- ¹⁰⁴ Бона, стр. 458.
- ¹⁰⁵ Эренбург, т. 9, стр. 720–722 .
- ¹⁰⁶ Fowlie, p. 15.
- ¹⁰⁷ Twentieth Century Authors, First Supplement, A Biographical Dictionary of Modern Literature, ed. Stanley Kunitz, New York, The H. W. Company, 1955, p. 305 (Далее – Twentieth Century Authors).
- ¹⁰⁸ Selected Writings, p. XXIV.
- ¹⁰⁹ Selected Writings, p. 155.
- ¹¹⁰ Selected Writings, p. XXII.
- ¹¹¹ Selected Writings, p. IX.
- ¹¹² Эренбург, т. 9, стр. 720–722 .
- ¹¹³ Selected Writings, p. XXIII.
- ¹¹⁴ Anthony Devere-Summers, War and the Royal Houses of Europe in the Twentieth Century, Arms & Armour, 1996, pp. 114–115 (Далее – Devere-Summers).
- ¹¹⁵ Selected Writings, p. 157.
- ¹¹⁶ Selected Writings, p. XXXVI.
- ¹¹⁷ Selected Writings, p. 213.
- ¹¹⁸ Selected Writings, p. 213.
- ¹¹⁹ Hickey, p. 23.
- ¹²⁰ Pablo Picasso, p. 40.

- ¹²¹ Francoise Gilot, Carlton Lake, *Life with Picasso*, Thomas Nelson and Sons LTD, 1965, p. 131.
- ¹²² *Selected Writings*, p. VIII.
- ¹²³ Roland Penrose, *Picasso. His Life and Work*, New-York, Icon Edition, Harpers & Row, 1973, p. 293.
- ¹²⁴ DNB, p. 405.
- ¹²⁵ Wheeler-Bennet, p. 736.
- ¹²⁶ Middlemas, p. 67.
- ¹²⁷ Middlemas, p. 159.
- ¹²⁸ Pablo Picasso, p. 51.
- ¹²⁹ *Selected Writings*, p. XV.
- ¹³⁰ Devere-Summers, p. 119.
- ¹³¹ *Selected Writings*, p. VIII.
- ¹³² Middlemas, p. 151.
- ¹³³ Эренбург, т. 9, стр. 722–723.
- ¹³⁴ Townsend, p. 266.
- ¹³⁵ *Selected Writings*, p. 45.
- ¹³⁶ Nugent, p.86.
- ¹³⁷ *Selected Writings*, p. X.
- ¹³⁸ Fowlie, p. 141
- ¹³⁹ Wheeler-Bennet, pp. 732–733.
- ¹⁴⁰ Townsend, p. 266
- ¹⁴¹ Middlemas, p. 161.
- ¹⁴² *Selected Writings*, p. 213.
- ¹⁴³ Sinclair, p. 261.
- ¹⁴⁴ Эренбург, т. 9, стр. 721.
- ¹⁴⁵ Эренбург, т. 9, стр. 719.
- ¹⁴⁶ Эренбург, т. 9, стр. 716.
- ¹⁴⁷ *Selected Writings*, p.167.
- ¹⁴⁸ Wheeler-Bennet, p. 740.
- ¹⁴⁹ Эренбург, т. 9, стр. 716.
- ¹⁵⁰ Blake, p. 116.
- ¹⁵¹ Wheeler-Bennet, p. 734.
- ¹⁵² Fowlie, p. 146.
- ¹⁵³ Бона, стр. 482.
- ¹⁵⁴ Эренбург, т.9, стр. 722.
- ¹⁵⁵ Wheeler-Bennet, p.738.
- ¹⁵⁶ Hickey, p. 24.
- ¹⁵⁷ *Selected Writings*, p. XV.
- ¹⁵⁸ Halevi, pp.151–152.

КОЗЕРОГ

**Мастера звука. История жизни двух
выдающихся исполнителей – Пабло Казальса
и Лайонела Тертиса**

Лайонел Тертис

Пабло Казальс

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя наперекор вселенной,
И маловерам отпусти их грех;

...

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;

Будь прям и горд с врагами и с друзьями,
Пусть все в свой час считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, –
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Дж. Р. Киплинг¹

В то время как героям предыдущей истории было суждено уйти из жизни по достижении всего лишь 57 лет, герои настоящей главы принадлежали к считанным счастливым, способным оставаться на сцене до 90-летнего возраста. После празднования своего совместного 90-летнего юбилея оба выдающихся музыканта – Пабло Казальс и Лайонел Тертис – независимо друг от друга опубликовали автобиографии, описывающие необычайно длинный творческий путь.²

Казальс считался самым выдающимся виолончелистом XX века и одним из величайших инструменталистов всех времен. Тертис был признан «наверное, самым великим альтистом всех времен».³ На долю обоих музыкантов выпало редчайшее счастье повлиять на общественный вкус, изменив бытовавшее пренебрежительное отношение к их любимым музыкальным инструментам. В начале их творческой жизни виолончель не принималась всерьез как сольный инструмент, а альт играл лишь роль «Золушки» на задворках оркестра. Казальс продемонстрировал миру, какими возможностями обладает виолончель, а благодаря Тертису альт стал сольным инструментом и занял уважаемое положение в оркестре.

Хотя почти столетний жизненный путь этих замечательных людей проходил на фоне кровопролитных революций и войн, единственным оружием обоим музыкантам служили их смычки. Музыка позволяла им сохранять здравый смысл во времена всеобщего отчаяния и служила им и их слушателям наилучшей поддержкой духа в периоды смут.

Для обоих музыкантов музыка не только была олицетворением прекрасного, но – что не менее важно – она позволяла отдельным людям почувствовать себя неотъемлемой частью целого. Для того чтобы выступать в оркестрах или в камерных ансамблях, от музыканта в равной степени требуется как высокий технический уровень, так и, говоря словами Казальса, «чувство принадлежности к группе, работающей совместно в целях достижения максимально прекрасного».⁴ Тертис как бы продолжил эту идею, добавив, что в отсутствие такого чувства общности тщетны были бы все попытки исполнять камерную музыку, ибо стоит хотя бы одному музыканту возомнить себя талантливее других, как тут же дух ансамбля развеивается, и музыка пропадает.⁵ Казальс поднял эту идею на новый уровень, приписав музыке особую символическую роль. Он писал: «Видеть людей, собравшихся в концертном зале, приобрело для меня символическое значение. Когда я смотрел на их лица, и мы делились прекрасным в музыке, я знал, что все мы братья и сестры, все мы члены одной семьи.... Я мечтаю о том дне, когда все народы мира будут сидеть вместе, связанные счастьем и любовью к прекрасному, как будто в одном огромном концертном зале!»⁶

Сыны разных народов, верований и традиций (каталонец, воспитанный в Испании, и еврей, выросший в Англии), Казальс и Тертис говорили на одном и том же языке – на языке музыки. Иногда им доводилось вместе играть в различных камерных ансамблях, и тогда (по свидетельству их друга, выдающегося пианиста Артура Рубинштейна) их музыка становилась божественной. Настолько велики были возможности сотрудничества этих сестимальных близнецов, что Рубинштейн хотел бы слушать именно их исполнение в свой последний день на Земле. Рубинштейн вспоминал: «В тот вечер ...я впервые услышал струнный квинтет Шуберта для двух виолончелей в проникновенном исполнении Тибо, Пауля, Тертиса, Казальса и Рубио. Мои чувства были неопределимы. Все что я могу сказать, это что с тех самых пор я хотел бы, чтобы в мой смертный час меня сопровождали эти (воображаемые или действительные) звуки».⁷

Тертису и Казальсу нравилось чувствовать себя частью группы, и они любили играть вместе. В результате их объединенных усилий как бы высвобождалась огромная «энергия синтеза»; их божественная музыка наводила на мысль, что целое может быть больше, чем сумма составлявших его частей.

В жизни этих музыкантов было настолько много удивительного сходства и параллелей, что в их случае можно без преувеличения сказать, что подобные начала привели к подобным концам. Тем не менее, важно помнить, что все люди – даже идентичные близнецы – различаются друг от друга. Так, сам Тертис в поисках отличия от Казальса, писал: «Нас неоднократно именовали «Божественными близнецами», но я не могу претендовать на такой высокий статус, так как великий Маэстро был намного божественнее меня».⁸

Тертис, безусловно, был очень скромным человеком! Но в этой связи хотелось бы заметить, что сравнение между сестимальными близнецами в целом и между Казальсом и Тертисом в частности, может быть освещено по-новому в свете сравнения между виолончелью и альтом. Оба инструмента принадлежат к одному и тому же скрипичному семейству, и оба построены по одному и тому же образцу. Исторически виолончели досталась роль «баса» семейства, а на долю альты выпало стать «тенором». Самым маленьким, но самым популярным представителем этого семейства стала скрипка, исполняющая роль «сопрано». Из всех троих альт постоянно оставался в тени, не достигая популярности своих собратьев. Тем не менее, без его глубокого бархатного оттенка оркестровая музыка рисковала бы стать монотонной, утратив свою живость и интерес. Глядя на удивительные жизни Казальса и Тертиса, можно сказать, что, подобно своим инструментам, они так же принадлежат к одному и тому же семейству, и различия между ними напоминают различия между оттенками альты и виолончели, помогая избегать однообразия в мире.

Почему Казальс и Тертис были похожи, обладая одинаковой конституцией, вдобавок к одинаковым способностям, талантам и выбранным профессиям? Почему им довелось встретиться в этом огромном мире и почему им нравилось играть вместе? К сожалению, так же как и в остальных подобных случаях, современные теории наследственности и окружающей среды не в состоянии объяснить наличие физического и духовного сходства между сестимальными близнецами, рожденными и выросшими в разных странах.

Низенькие и неприметные, оба музыканта были скромными и немного застенчивыми людьми. Каждый из них предпочел в автобиографии остановиться главным образом на творческих аспектах своей жизни, стараясь избегать любых интимных подробностей. В их историях, в отличие от Розенберга и Геринга, отсутствуют элементы соперничества или злоупотребления властью (примечательно, что обе эти пары, рожденные под знаком Козерога, мечтали дирижировать своими оркестрами; только для Геринга и Розенберга «сотрудничество» означало, что все человечество должно было исполнять их волю). В их историях не найти оскорбленных чувств (в отличие от Хемингуэя и Крейна). Неимоверные теории Хлебникова, Калуцы, Вейля, Милоша или Волошина, принадлежавшие другим мирам, не волновали умы Казальса и Тертиса. Оба музыканта были далеки от фанатичного занятия лишь одним предметом (в отличие от Беринга и Эрлиха), но с другой стороны, ни один из них не имел так много хобби, как Астон или Содди. Таким образом, мы вступаем в мир иного Θ -фактора, иных интересов, иных людей и судеб.

Жизни Казальса и Тертиса не были посвящены картинам, словам или образам: они были посвящены музыке. К сожалению, книги не позволяют воспроизводить и сравнивать музыку. Последующее эссе – это всего короткое либретто блестящей оперы их жизни.

Они родились 29 декабря 1876 года

Пабло Казальс (Пау Карлос Сальвадор Дефилло де Казальс) родился в маленьком каталонском городе Вендреле, расположенном к юго-западу от Барселоны. В Вендреле у Казальсов лишь одна (вторая) попытка из девяти увенчалась успехом родить живого ребенка. Позднее, после переезда в Барселону, в семье благополучно прибавилось еще двое детей.

Мать Казальса, Пиллар, родилась в Пуэрто-Рико. Ее родители, принадлежавшие к знатым семьям, были выходцами из Каталонии. Когда семья стала подвергаться политическим преследованиям за либеральность взглядов, 18-летняя Пиллар была отправлена к родственникам в Вендрел. Там она начала брать уроки музыки у 20-летнего церковного органиста, Карлоса Казальса. Вскоре эти занятия переросли в любовь, и молодая пара обвенчалась.

Вся жизнь Карлоса была связана с музыкой. Своими уроками и личным примером он с раннего детства прививал сыну любовь к музыке. Обучение пению началось еще с колыбели, а на фортепиано мальчик играл уже с четырех лет. Отец сам обучал его как искусству игры, так и искусству композиции.

Семья Казальсов жила в постоянной нужде, и Пабло был страшно горд, что с пятилетнего возраста он стал приносить в дом зарплату профессионального музыканта, поющего в церковном хоре. Для Казальса было настолько важно его умение с раннего детства самому зарабатывать себе на жизнь, что даже в 96 лет он считал нужным отметить в автобиографии те десять центов, которые ему доставались за каждый концерт.

Вскоре мальчик стал играть настолько хорошо, что мог по необходимости заменять отца. Параллельно Пабло начал брать уроки скрипки, так что уже в девять лет в Вендреле состоялся его первый скрипичный концерт. Впоследствии Казальс вспоминал, что играть для него было столь же естественно, как для других людей дышать.⁹ Его родители совсем не гордились поразительным музыкальным способностям сына; более того, опасаясь, что мальчику придется жить на жалкие доходы музыканта, отец серьезно намеревался отослать Пабло в обучение к столяру, чтобы приобрести более практичное ремесло.

Мать Казальса, со своей стороны, считала, что если уж у ребенка есть талант, то необходимо сделать все для его развития. Пиллар была человеком с твердыми принципами и властным характером. Ее влияние на сына было настолько сильным, что он писал: «Я никогда не встречал никого, подобного моей матери. Ее образ доминантен в воспоминаниях детства и юности, ее присутствие сопровождало меня все годы».¹⁰

Очевидно, такое отношение родителей к сыну сыграло немаловажную роль в формировании характера мальчика, склонного едва ли не с пеленок изучать все аспекты традиционного девиза Козерогов «Я использую». Хотя, по всей видимости, Казальс никогда в жизни не интересовался астрологией, его высказывания о врожденном таланте могли бы быть использованы в учебниках астрологии как квинтэссенция ценностей знака Козерога: «Я не вижу никакой особой заслуги в том, что я был музыкантом в одиннадцать лет. Просто я был рожден со способностями и с музыкой, звучащей во мне. Мне за это не полагается никакой особой похвалы. Мы можем претендовать на награду лишь за то, как мы используем данные нам таланты».¹¹

В то время как юный Пабло размышлял, как наилучшим способом использовать данные ему таланты, над тем же самым вопросом в далекой от Каталонии Англии бился и другой подросток, Лайонел. Он родился в Вест Хартльпулле в семье еврейских эмигрантов. Лайонел, как и Пабло, был первым из троих детей; и так же, как у Казальсов, двое младших родились после переезда в большой город – Лондон.

Отец семейства, Александр Тертис, был рожден неподалеку от Минска, в Худанове. В тринадцать лет он прибыл в Англию и принял британское подданство. Мать Лайонела, Фебе, родилась в Польше, но тоже с детства воспитывалась в Англии, как британская подданная. Несмотря на то, что оба музыканта родились в семьях эмигрантов, впоследствии оба гордились быть исконным «британцем» или «каталонцем».

Родительское влияние в семье Тертисов очень напоминало отношения в семье Казальсов. Маленький Лайонел был обязан своей любовью к музыке отцу, синагогальному кантору. Александр Тертис был наделен природной музыкальностью и приятным тенором, привлекавшим в синагогу многих поклонников его искусства, специально приезжавших издалека, чтобы послушать его. С самой колыбели Лайонела сопровождало профессиональное пение; мальчик рос в атмосфере прекрасной музыки, наблюдая за самозабвенной работой отца. Он проникнулся музыкальной культурой, пытаясь подражать старшему Тертису. Уже с

трех лет Лайонел учился игре на фортепиано, демонстрируя талант и незаурядные технические данные. Свой первый концерт он дал в шесть лет.

Несмотря на успехи, Лайонел никогда не хотел стать пианистом. Все его мечты были обращены к скрипке. Однако путь к ней был не прост, так как из-за постоянной нужды семье было не под силу оплачивать дополнительные занятия сына. Так же, как и Пабло, Лайонелу рано пришлось осознать финансовые затруднения родителей. Даже в 97 лет он считал важным отметить в автобиографии, что родителям приходилось еженедельно платить по три цента за его обязательное образование.

Мать Тертиса сыграла большую роль в творческой судьбе сына. Своими профессиональными успехами он во многом обязан ее доминирующему влиянию. Зачастую дело доходило до того, что она запирала мальчика в комнате, чтобы он просиживал у рояля по шесть-восемь часов. И хотя, по словам Тертиса, его родители были добрейшими людьми, именно мать, не видя особых заслуг сына в его одаренности, делала ударение на необходимости строгой дисциплины для развития способностей. Впоследствии Тертис, обычно крайне скупой на описания чувств, написал о матери кратко: «она была настоящим ангелом».¹²

Ведомый смутным предчувствием, что талант дан ему с какой-то конкретной целью, Тертис, как и Казальс, стал решать для себя архетипальную проблему Козерога, как правильно понимать девиз «Я использую». Он вспоминал: «Пока я играл на фортепиано, все мои мысли были, как стать скрипачом. В двенадцать лет я понял, что для реализации моей мечты, мне необходимо использовать мои профессиональные успехи на рояле, чтобы заработать на плату за уроки на скрипке».¹³ В тринадцать лет Тертис был уже настолько самостоятельным и уверенным в себе, что получил родительское благословение покинуть отчий кров в поисках заработков на дальнейшую учебу.

Оставим пока Тертиса в поисках своего предназначения, чтобы вернуться к юному Казальсу, успевшему к тому времени отыскать свое призвание. Встреча Казальса с виолончелью, ставшей любовью всей его жизни, произошла случайно. Однажды в Вендреле десятилетнему мальчику посчастливилось послушать концерт бродячих музыкантов. Один из них подражал игре на виолончели, используя для этого изогнутую метлу. Пабло заинтересовался этим инструментом, и отец соорудил для него некое подобие виолончели из большой тыквы. Через год после этого забавного инцидента Пабло наконец-то в первый раз сумел на концерте Хозе Гарсия послушать виолончель. Это была любовь с первого звука: «Как только я увидел виолончель, она меня очаровала. Я почувствовал, что у меня перехватило дыхание. Я никогда раньше не слышал такого чудесного звучания. Я наполнился светом».¹⁴

Пабло уговорил отца купить ему виолончель, что и послужило началом блестящей карьеры: «С того самого момента я был помолвлен с инструментом. Он стал моим верным компаньоном на всю жизнь».¹⁵

Для того чтобы учиться игре на виолончели, Пабло пришлось переехать в Барселону, что составляло нелегкую проблему для его небогатой семьи. Отец Казальса предпочитал оставить сына в Вендреле, но мать настаивала на том, что

мальчик нуждается в хорошем музыкальном образовании. Отцу пришлось уступить и написать прошение о приеме сына в муниципальную консерваторию Барселоны. В двенадцать лет Пабло покинул отчий дом, спеша на встречу со своей судьбой. Позднее он прокомментировал свое смелое решение: «Но я действительно верю, что у каждого есть своя судьба».¹⁶ Казальс не знал, что одновременно с ним его сестинский близнец в далекой Англии тоже покинул дом в поисках такой же музыкальной судьбы.

С 1888 по 1891 гг. Казальс изучал в Барселонской консерватории гармонию, контрапункт и виолончель. В это время он зарабатывал себе на жизнь, подыгрывая в различных струнных ансамблях. Зимой он играл в составе трио (скрипка, фортепиано и виолончель) в одном из пригородных кафе. Это кафе приобрело большую популярность благодаря инициативе Пабло улучшить репертуар ансамбля. Летом, когда консерватория закрывалась на каникулы, Казальс присоединялся к бродячим труппам, чтобы обходить деревни, играя на ярмарках, танцах и фестивалях.

Очень скоро Казальс понял, что существующая техника игры на виолончели не устраивала его. Уже с двенадцати лет он стал искать методы ее усовершенствования. После многочисленных экспериментов Пабло разработал свою собственную смычковую технику и новые приемы аппликатуры. Его стиль поражал как студентов, так и преподавателей. Этот маленький мальчик произвел революцию в технике игры на виолончели, проложив таким образом путь для дальнейшего превращения виолончели в сольный инструмент первостепенной важности.

Однако для завершения этой революции одной только техники было мало: нужен был еще и подходящий репертуар. На помощь пришел случай, ставший поворотной точкой в судьбе, как музыканта, так и его инструмента. В то время Казальс часто подолгу пропадал в нотных магазинах в поисках подходящей музыки для кафе. Так он наткнулся на «Шесть сольных сюит для виолончели» И.С. Баха. Эти сюиты до того времени еще ни разу не исполнялись целиком и оставались малоизвестными для широкой музыкальной публики. Музыка Баха заворожила юного Пабло; он принес тексты домой, читая и перечитывая их без конца. С этого момента двенадцать лет ежедневной практики потребовалось Казальсу, чтобы решиться показать эти произведения на сцене! Сам музыкант считал, что для него лично эти сюиты открыли новое измерение в понимании жизни и музыки. Он писал: «Я открыл новый мир пространства и красоты – и сейчас я могу сказать, что испытываемые мною тогда чувства были наиболее сильными и чистыми за всю мою артистическую жизнь».¹⁷

Другим важным случаем того периода послужила встреча Казальса со знаменитым испанским композитором Исааком Альбенизом, пришедшим в кафе послушать его исполнение. Альбенизу игра Казальса очень понравилась, и он посоветовал Пабло перебраться в Мадрид, чтобы там с его рекомендательным письмом обратиться к влиятельному покровителю искусств, графу Морфи.

В 1894 г. семнадцатилетний Казальс все острее чувствовал, что его жизнь в Барселоне заходит в тупик; на душе накапливалось все больше вопросов о смысле жизни и музыки. Он чувствовал, что музыка непременно «должна быть частью

чего-то большего», что она должна быть «неотъемлемой частью человечества». Постепенно музыка как бы отходила на второй план, уступая место пониманию, что «музыкант является также и человеком, и его отношение к жизни важнее, чем его отношение к музыке. Более того, оба эти аспекта неразделимы».¹⁸ Интересно сравнить это умозаключение Казальса со словами Тертиса, обращенными к начинающим исполнителям: «Не забывайте, что игра будет выдавать ваше самое сокровенное «я». Поэтому, для того, чтобы ваша способность выражения привлекала к вам слушателей, вы должны направлять все силы ума и действия лишь на то, что совершенно искренне в жизни».¹⁹

Это наставление Тертис написал намного позднее, пройдя длинный путь к музыкальному признанию; путь, начатый им в тринадцать лет в составе так называемого «Венгерского ансамбля». На самом деле все члены этой бродячей труппы были англичанами, зарабатывавшими себе на жизнь, выступая в летнее время на различных приморских курортах. Впоследствии Тертис продолжал выступать как пианист и аккомпаниатор в различных составах, пользуясь любой возможностью заработать себе на учебу. Экономя на каждом шагу, он сумел собрать необходимую сумму, чтобы в 1892 г. начать занятия в Лондонском музыкальном Тринити-колледже. К тому времени он уже самостоятельно научился играть на скрипке, посетив несколько концертов знаменитых скрипачей.

В колледже Тертис брал уроки гармонии, фортепиано, скрипки и органа. Эти занятия прервались после двух семестров, когда юноша должен был вновь подзаработать на учебу. Вскоре Лайонел смог вернуться в колледж, избрав основным инструментом скрипку. Чтобы стать великим скрипачом, Тертис стремился попасть в Лейпцигскую консерваторию, славившуюся самой серьезной школой скрипачей в тогдашней Европе. Денег для этого не было, но тут на помощь пришла мать музыканта: она отдала все свои скудные сбережения, чтобы помочь ему осуществить заветную мечту. В 1893 г. Тертис начал занятия в Лейпцигской консерватории, но тут же был разочарован низким уровнем своих учителей. Как и Казальсу, ему не было чему у них учиться.

Лейпцигский период все же стал необычайно важным для дальнейшей жизни юноши. Именно тут Тертис впервые повстречался со своей большой любовью – с альтом. Сценарий этой случайной встречи поразительно напоминает те же две стадии встречи с инструментом, которые мы видели у Казальса. Первая стадия выражалась в необычном возбуждении при виде незнакомого инструмента, а вторая стадия приносила элемент звука; в обоих случаях между двумя стадиями проходило около года, и в обоих наблюдалась «любовь с первой ноты». Тертис любил вспоминать необычные обстоятельства этой встречи, происшедшей во время одной из его долгих прогулок со своим немецким приятелем. Друзья рассматривали витрины магазинов всякой всячины, как вдруг их внимание было привлечено к струнному инструменту, выставленному напоказ. Тертис описал эту сцену в автобиографии: «Я увидел очень привлекательный альт с необычайно бледным лаком и надписью «Албани». Никогда ранее я не думал играть на альте, но этот инструмент в моих глазах был таким замечательным образцом мастерства, что я страшно захотел им обладать, несмотря на то, что запрошенная за него цена в размере 25 фунтов

была выше моих скромных возможностей». ²⁰ Хотя в инструменте не было ни мостика, ни струн, друг Тертиса, пораженный такой пылкой страстью, настоял купить ему альт в подарок. Звук альта Тертис услышит лишь через год.

1894 г. Тертис встречал уже в Лондоне, где он бы хотел заниматься в Королевской Академии Музыки. На этот раз судьба свела его с двумя людьми, готовыми оказать ему поддержку: с композитором и преподавателем сэром Александром Маккензи, высоко оценившим талант юного скрипача, и с бароном Лайонелем де Ротшильдом, оплатившим его учебу. В академии Тертис окончательно распрощался со скрипкой, перейдя на альт. Это открытие своей «жизненной миссии» пришло к нему случайно, когда один из студентов, затрудняясь найти альтиста для струнного квартета, обратился к нему с предложением научиться игре на этом инструменте. Неожиданно для самого себя Тертис почувствовал воодушевление и с энтузиазмом принялся за работу. Результаты были просто невероятны: с первого звука он влюбился в инструмент, а через три недели сумел выступить в квартете. Маккензи остался им доволен, полагая, что Тертис никогда не пожалеет, что перешел на альт.

Лайонел хотел продолжать учебу по классу альта, но ему не удалось найти преподавателя, так что пришлось стать самоучкой. После тяжелой и упорной практики он пришел к рискованному решению посвятить свою жизнь утверждению альта в роли сольного инструмента. Сама эта мысль была невероятной, так как в те времена альт не только был немислим в роли соло, но даже его присутствие в оркестре считалось одним из неизбежных зол. По окончании учебы в 1897 г. Тертис стал профессором академии по классу альта. С этого времени он понял: чтобы стать первым виртуозным альтистом, ему необходимо продвигаться в одиночестве, неустанно взбираясь на вершину успеха и славы, несмотря на то, что другим его цели кажутся нереальными.

Успех не пришел быстро ни к Тертису, ни к Казальсу. К тому времени, как Тертис стал профессором по классу альта, Казальс стал профессором по классу виолончели в Барселоне, начиная свое тяжелое восхождение к вершинам славы в качестве виртуозного виолончелиста. Но перед этим Пабло успел провести больше года в Мадриде, Брюсселе и Париже.

После долгого периода сомнений и поисков Казальс согласился с матерью, что настало время воспользоваться рекомендацией Альбениза и направиться в Мадрид. Там ему посчастливилось встретить двух людей, принявших участие в его судьбе: графа Морфи, по достоинству оценившего его талант, и королеву-регента Донну Марию Кристину, выделившую для него стипендию для обучения композиции и основ исполнения камерной музыки. Через год граф направил Казальса в Брюссельскую консерваторию, снабдив его рекомендательным письмом и ежемесячным пособием. Однако точно так же, как Лейпцигу нечего было предложить Тертису, Брюссель оказался чужд Казальсу. Так как в то время виолончель не считалась сольным концертным инструментом, то смех и неуважительные замечания посыпались в адрес новичка. Обиженный за свой инструмент, Казальс наотрез отказался оставаться в Брюсселе, хотя этот отказ привел его к потере покровительства графа.

Решение Казальса отклонить предложение учиться в Брюсселе на первый взгляд может показаться поспешной реакцией вспыльчивого юноши, но на самом деле этот шаг полностью соответствовал перфекционизму музыканта. Его музыка была присуща редкая способность произносить каждую ноту; его отношения с людьми строились на необходимости абсолютной искренности. Казальс любил говорить, что «даже малейший обман опасен, так как он приводит к деградации совести».²¹ Никакие деньги не могли заставить его пойти на измену себе и остаться с людьми, не уважавшими его виолончель. И так всю жизнь: Казальс оставался «прямым и гордым с врагами и с друзьями». Характерным примером тому могут послужить воспоминания Рубинштейна о неприятном инциденте, когда в один из лондонских визитов Казальс отказался посетить дом своих друзей лишь потому, что там гостил Рубинштейн. Казальсу показалось, что Рубинштейн забыл возратить ему десять фунтов, взятых в долг, и уже одного этого было для него достаточно, чтобы порвать дружбу. В разъяснительной записке Казальса была лишь одна строчка: «друзья, берущие в долг деньги и не возвращающие их, перестают быть друзьями».²² По своей природе Казальс был добрым человеком, способным прощать любые «плохие поступки», но лишь после того, как «зло» было исправлено. Так и дружеские отношения между двумя великими музыкантами были вскоре восстановлены, хотя Рубинштейн никогда не смог понять или принять такие крайности. Здесь интересно сравнить содержание записки Казальса с типичными высказываниями Тертиса, характеризовавшими его преподавательскую деятельность: «Если Вы в следующий раз не сможете чисто сыграть каждую ноту на этой первой странице, то я больше никогда в жизни не пожелаю Вас видеть».²³ Очень добрый по своей натуре человек, Тертис признавался, что зачастую он мог становиться жестким и бескомпромиссным, когда пренебрегали его альтом или фальшивили в музыке. В этих случаях, подобно Казальсу, он мог порвать дружеские отношения.

Бросив Брюссель, Казальс перебрался в Париж. Там он прозябал в голоде и холоде без малейших надежд на будущее. Вскоре он заболел и вынужден был вернуться в Барселону, где уже поджидала его новая карьера. Сперва Казальсу предложили сменить на посту своего бывшего учителя Хозе Гарсия, став профессором по классу виолончели в городской консерватории. Вскоре к этой работе прибавилась должность первой виолончели Барселонского оркестра и гастрولي по Испании в составе струнного квартета.

Казальс дебютировал в качестве солиста 12 ноября 1899 года в Париже; он исполнял концерт Лалло для виолончели с оркестром. Это выступление было оценено как сенсационное. Затем последовало триумфальное выступление в Лондоне и приглашение играть перед королевой Викторией. Мечты Казальса начинали сбываться, и следующие двадцать лет его жизни прошли в гастролях и концертах по всему миру; в некоторых концертах ему доводилось выступать совместно с Тертисом.

Начало карьеры Тертиса очень напоминало историю Казальса. В дополнение к своей работе в консерватории, он в 1897 г. принял должность первого альтя в королевском оркестре под управлением Генри Вуда и стал выступать в составе

струнного квартета. В то же время Тертис без устали практиковался в виртуозной игре на альте. Несмотря на то, что закоренелое пренебрежение публики к его инструменту не поддавалось изменению после нескольких сольных концертов, Тертис не сдавался и продолжал поиск нового стиля, пытаясь приспособить для альты скрипичную технику игры Фрица Крайслера.

В 1904 г. Тертис отважился уйти из оркестра для того, чтобы сконцентрироваться на сольной деятельности. Его репутация как альтиста неуклонно росла, но ему все еще не хватало подходящего репертуара. Тертис не только обращался ко многим композиторам с просьбой писать для него, но и сам начал делать переложения для альты. Одним из первых самых значительных произведений в его репертуаре стала «Чакона» Баха из «Партиты №2». Он столкнулся с ней случайно еще юношей, когда его товарищ по консерватории разучивал «Чакону» на скрипке. Эта музыка настолько завладела воображением Тертиса, что десять лет жизни он посвятил неустанным поискам манеры ее исполнения, прежде чем набрался мужества впервые исполнить ее на сцене в 1911 г. Он был уверен, что это выступление произведет мгновенный переворот в судьбе альты. Но нет. Английская публика еще не была готова признать, что Золушка превратилась в принцессу. Тем не менее, история признала правоту Тертиса, когда его сольное исполнение «Чаконны» имело триумфальный успех в Америке в 1922 г. Исполнение Тертиса было названо монументальной интерпретацией, непревзойденной ни одним другим альтистом.

Конечно, можно сказать, что лишь по воле случая обоим музыкантам пришлось потратить больше десяти лет, чтобы набраться мужества сыграть сольные произведения Баха на сцене. И возможно, что лишь по воле случая оба стали пропагандистами переложения музыки Баха для своих струнных инструментов. И еще одной маленькой случайностью стал тот факт, что оба музыканта были впервые поняты в Америке, так как только в теплой атмосфере этой страны Казальс впервые решился вынести свою трактовку сюит Баха на суд публики. Но глядя на всю эту цепочку совпадений вместе, будет логичнее предположить, что она не просто содержит набор случайностей, а скорее отражает природу общего Θ -фактора, наделившего этих селестиальных близнецов схожими жизненными путями, похожими вкусами, талантами и возможностями.

К началу войны 1914 г. оба музыканта уже достигли широкого признания как солисты, и обоих приглашали играть в различных камерных ансамблях. Казальс и Тертис неоднократно подчеркивали, что каждый музыкант с одной стороны должен учиться играть как солист, а с другой стороны, должен уметь быть членом ансамбля. По странной прихоти судьбы Тертису и Казальсу довелось встретиться друг с другом только тогда, когда каждый из них уже был выдающимся солистом, готовым совершенствовать свое «чувство ансамбля».

Они встретились в 1913 г. в музыкальном салоне семейства Дрейперов на Эдит Гроув, где в то время часто собирались поиграть для души такие музыканты, как Жак Тибо, Артур Рубинштейн, Альфред Корто или Гарольд Бауер. Музыка, звучащая по вечерам на Эдит Гроув, была поистине проникновенной. Рубинштейн впоследствии вспоминал: «общение с великими музыкантами, погруженными в поиски чистейшего выражения своего искусства, обогащало, облагораживало и

вдохновляло жизни всех присутствующих, как исполнителей, так и слушателей».²⁴ В этой атмосфере Рубинштейн стал свидетелем встречи Тертиса и Казальса; его впечатления были настолько ярки, что он опубликовал их в автобиографии: «Я помню тот вечер, когда Рубио впервые привел Казальса на Эдит Гроув. Мы ужинали под звуки квартета Моцарта, доносившиеся из студии. Пабло застыл в дверях и неожиданно спросил: «Кто играет на альте?» Уже издали он выделил звучание Тертиса. Это была радостная встреча двух великих музыкантов. Забавная случайность: они оба родились в один день одного года, и сейчас, когда я пишу эти строки, они оба живы и здоровы по достижении зрелого 96-летнего возраста».²⁵

Именно в этот день Тертис и Казальс вместе исполняли ту музыку, которую Рубинштейн назвал божественной и которую бы мечтал слышать на своих похоронах. Впоследствии Тертис и Казальс не раз выступали вместе. Тертис считал, что при этом звучала «самая изысканная камерная музыка».²⁶ Казальс, в свою очередь, написал Тертису в поздравлении по случаю 93-летия: «Я часто думаю о Вас и о тех случаях, когда мы создавали музыку вместе. Для меня было всегда большим счастьем и большой привилегией играть вместе с Вами. Мне бы так хотелось еще раз с Вами встретиться!»²⁷

Для селестиальных близнецов наступал тяжелый период войны 1914–18 гг. Лишь музыка позволял им сохранять здравый смысл посреди безумия кровопролитий. Оба музыканта самоотверженно выступали перед солдатами. Так, например, они вместе с королевой Бельгии, которую оба селестиальных близнеца очень уважали, посетили фронт и играли на передовой. В другой раз они исполняли квартет Брамса вместе с Рубинштейном и Изаи в Лондоне во время воздушной тревоги. Всей своей жизнью и работой Казальс и Тертис опровергали бытующее мнение, что, «когда пушки стреляют, то музы молчат». Их совместные музы были слышны даже на бельгийском фронте под артобстрелом самой большой немецкой пушки, «Большой Берты».²⁸ Они приносили свою музыку в лазареты и в окопы в надежде облегчить боль и страдания.

Двадцатые и тридцатые годы стали для Тертиса и Казальса периодом гастролей. Оба музыканта любили выступать в Америке: публика там была, по их мнению, более открытой к новым идеям, чем в Европе. Дух свободы и равноправия способствовал усилиям Тертиса и Казальса повысить статус виолончели и альты, принятых в Америке с распростертыми объятиями. В Америке им, независимо друг от друга, посчастливилось осуществить мечту любого музыканта – выступить совместно с величайшим скрипачом того времени, Фрицем Крайзлером и таким образом заслужить наивысшее признание своего таланта.

В этот период активных разъездов пути селестиальных близнецов неоднократно пересекались, и их совместная музыка звучала в самых отдаленных точках планеты. Эти селестиальные близнецы не только любили играть вместе, но еще и умели оказывать друг другу моральную поддержку перед важными выступлениями. Так, Тертис детально описал один из таких случаев: «В последующих насыщенных годах мне особенно памятно одно выступление (24 ноября 1931 г.) в Квин Холле, когда «Дон Кихотом» Штрауса дирижировал Генри Вуд, Пау Казальс играл партию виолончели, а я исполнял с ними сольную партию альты. Во второй

части программы Казальс должен был исполнять концерт Гайдна. Заметно нервничая и ломая руки, он жалобным тоном попросил меня: «Молитесь за меня!» Само собой разумеется, что его выступление прошло блестяще». ²⁹

Казальс всегда страшно нервничал перед выступлением. Каждый раз перед выходом на сцену он испытывал боли в груди, и даже сама мысль о грядущем выходе на сцену воспринималась им на протяжении всей его длинной артистической деятельности как мучительный кошмар. ³⁰ Когда Казальс просил Тертиса помолиться за него, то в лице своего сестиньяльного близнеца он нашел товарища по несчастью, способного понять и посочувствовать, как никто другой. Тертис вспоминал: «на протяжении всей моей длинной артистической карьеры, я всегда нервничал перед выходом на сцену; при исполнении как длинных, так и коротких произведений я на самом деле чувствовал себя как перед операцией на операционном столе!» ³¹

Этот незначительный, казалось бы, инцидент лишь только сильнее подчеркивает, какие же на самом деле великие души обитали в совсем неприметных телах этих великих музыкантов. Они были примерно одного роста, и настолько малы, что казалось непонятным, как вообще Казальс был способен удержать непомерно большую для него виолончель. Их души были настолько велики, что каждый из них славился своей готовностью поделиться успехом и аплодисментами с другими музыкантами, пусть даже с начинающими и еще малоизвестными талантами. В их душах всегда было достаточно места поддержке и сочувствию; там никогда не было места соперничеству или зависти.

Жизни Тертиса и Казальса ярко демонстрируют, что когда человек находит свою личную стезю, то ему становятся чуждыми борьба и соперничество, так как в космическом оркестре каждый оркестрант становится незаменимой частью целого. У каждой личности есть свой особенный оттенок звучания и у каждого своя особая миссия. Даже самая малая партия горниста в оркестре становится важной для всего ансамбля, так как каждая отдельная нота может либо разрушить гармонию, либо прозвучать, как божественная часть целого. Казальс выразил идеал целостности космического оркестра в своих крылатых словах: «У нас одна семья – каждый из нас несет ответственность перед своими братьями. Мы все листья одного дерева, имя которому – человечество». ³² Тертис продолжил, что для поддержания такого духа сотрудничества музыкантам «надо отказаться от любых признаков так называемой гордыни, они должны стать единым целым, как в музыке, так и в мировоззрении». ³³

В те времена в мире науки господствовала дарвинистская теория происхождения видов, которая зачастую упрощенно трактовалась как неизбежность борьбы за существование, приводящая к тому, что лишь сильнейший имеет право на выживание. Казальс и Тертис пропагандировали идеи, ставшие антитезой этой примитивной версии социального дарвинизма. Они провозглашали права на существование всего существующего и противопоставляли соперничеству необходимость сотрудничества в целях достижения прекрасного. На профессиональном уровне им удалось доказать способность «второстепенных» инструментов (виолончели и альты) занять места уважаемых солистов музыкального мира. На национальном уровне своим происхождением они демонстрировали важность

существования «национальных меньшинств» (каталонского и еврейского) в мировом сообществе. На личном уровне они отрицали право одного человека чувствовать себя «выше» другого; оба настаивали на необходимости сотрудничества вместо соперничества. Для того чтобы наш мир стал достоин своих детей, Казальс обращался ко всем детям мира: «Ты чудо. Ты неповторим. Во всем мире нет другого ребенка, как ты.... И когда ты вырастешь, можешь ли ты нанести вред другому, кто подобно тебе, тоже является чудом? Вы должны лелеять друг друга. Вы должны работать – мы все должны работать – над тем, чтобы сделать наш мир достойным своих детей».³⁴

После первой мировой войны Казальс целенаправленно трудился над тем, чтобы своей музыкальной деятельностью донести миру это обращение. В 1920 г. он создал первый симфонический оркестр Барселоны, оркестр Пау Казальса. Около 1926 г. он основал первую концертную ассоциацию рабочих, поощрявшую рабочих людей создавать свои маленькие музыкальные ансамбли и позволявшую им посещать симфонические концерты по символической цене. В 1931 г. Казальс с радостью приветствовал новый демократический режим в Испании. Все свои доходы от гастролей он отдавал на благо республики, предоставив даже личные сбережения в распоряжение правительства.

В конце тридцатых годов мир уже стремительно приближался к новому витку междоусобиц, войн и саморазрушения. Первые признаки грядущей катастрофы проявились в Испании, когда там вспыхнула гражданская война. Казальс отказался покинуть страну, полагая, что в смутные времена его долгом музыканта было поддерживать людей с помощью звуков великой музыки. Однако гражданская война очень скоро положила конец деятельности его оркестра. 18 июля 1936 г. исполнением Девятой Симфонии Бетховена оркестр Казальса попрощался со своими слушателями, а великий маэстро со своими музыкантами.

Казальс продолжал благотворительную деятельность, давая концерты в Англии и Франции, все сборы от которых поступали на закупку еды и одежды для его соотечественников. В январе 1939 г., когда вооруженные силы Франко вошли в Барселону, Казальс вынужден был эмигрировать. Подавленный и страдающий тяжелой депрессией, он сначала провел короткий период в Париже. Вскоре он перебрался в маленький городок Праде, расположенный на юге Франции, неподалеку от испанской границы. Там он провел всю войну, поклявшись не возвращаться домой, пока там будет править Франко. Эту клятву он не нарушил до конца своих дней.

В 1939 г. казалось, что настал печальный конец удивительной карьере великого виолончелиста. Казальсу уже исполнилось 63 года (Мачадо, Беринг и Эрлих в этом возрасте уже скончались, а на Юнга стремительно спускалась старость). В истории музыки к тому времени были известны лишь считанные случаи скрипачей, способных выступать после 70 лет. Виолончель сама по себе очень тяжелый инструмент, требующий от исполнителя значительных физических усилий. Никто не мог предполагать, что после шести лет тяжелейших испытаний, после голода, холода и политических гонений какой бы то ни было виолончелист смог бы вернуться на сцену в возрасте 70 лет. Но Казальс, как истинный Козерог, лучше

других был психологически подготовлен к жизненным неурядицам. Ничто на свете не могло нарушить его работу с виолончелью и помешать его любви к музыке. В его доме царил леденящий холод, у него не было еды, колючий ревматизм сковывал пальцы, но он продолжал играть. Когда руки совсем не слушались, он сочинял музыку, никогда не теряя надежду на лучшие времена.

Когда, наконец, эти времена настали, и война окончилась, Казальс возобновил концертную деятельность в Европе. Но и тут он остался верен своему кредо неразрывности связи между человеческими и художественными ценностями. Если во время войны он отказывался играть перед Гитлером или его немецкими офицерами, то в послевоенные годы он отказывался от публичных выступлений в знак протеста против правительств, признавших режим Франко. Три года после войны Казальс отказывался от публичных концертов! Его триумфальное возвращение на сцену стало возможным лишь в 1950 г., когда ему уже было 74 года. В том году музыкальный мир отмечал 200-летие со дня рождения Баха, и Казальс согласился участвовать как дирижер и виолончелист на первом фестивале Баха в Праде. Он также принял на себя обязанности художественного руководителя фестиваля. Многие знаменитые музыканты приняли участие в этом празднике; любители музыки со всех уголков света собрались насладиться божественной музыкой. Казальс исполнял «Шесть сюит Баха для виолончели», а также дирижировал Бранденбургскими концертами. Фестиваль имел колоссальный успех, став ежегодным праздником, душой которого был Казальс.

В январе 1956 г. Казальс возобновил концертную деятельность за пределами Праде. Сначала он выступал в Мексике, потом отметил свое 80-летие юбилейным концертом в Париже. В 82 года он играл в Америке на открытии генеральной Ассамблеи ООН. Он продолжал бесподобно играть на виолончели; его жизнь была заполнена гастролью по всему миру, и маэстро часто приглашали вести открытые уроки! Казальс был полон жизни и лелеял далеко идущие планы на будущее. Однажды, встретившись в летней школе с 84-летним Тертисом, Казальс сказал ему: «Мы с Вами обязаны сыграть дуэт на нашем 90-летию».³⁵ Но этому пожеланию не суждено было сбыться, так как Тертис покинул сцену «относительно молодым», едва перевалив за 87.

Казальс продолжал выступать до самой смерти. В 95 лет он выступал в Мексике; в 96 лет он в тридцатиградусной жаре выступал в Израиле. В октябре 1973 г. у Казальса был обширный инфаркт, и на этот раз он уже был не в силах справиться с болезнью. 23 октября он был похоронен на маленьком кладбище в Пуэрто-Рико, там, где родилась его мать и где он обрел свой дом в конце жизни.

Тертис пережил Казальса всего лишь на один год. Он умер в Лондоне, 22 февраля 1975 г. в 98 лет. Поразительно, что Тертис, подобно Казальсу, тоже пережил кризис и перерыв в карьере в 60-летнем возрасте. Видимые причины этого кризиса были у них различными, но результат был одинаковым – молчание. В 1936–37 гг. Тертис был вынужден постепенно ограничивать свой репертуар из-за ревматизма. Заболевание быстро прогрессировало, все больше угрожая концертной деятельности. В феврале 1937 г. Тертис объявил, что ревматизм руки серьезно влияет на его способность водить смычком, и поэтому ему приходится прекра-

тить все выступления. В том же самом месяце он дал прощальный концерт с оркестром БиБиСи. На прощание Тертис исполнял «Гарольда в Италии» Берлиоза. Критики писали, что он играл бесподобно, и что никогда еще не было так ясно заявлены права альта на роль солиста.

После этого концерта у Тертиса произошел нервный срыв; он выбежал из зала, не произнося ни слова. Тертис был уверен, что его работа по утверждению прав альта окончательно оборвалась, и что возврата на сцену больше нет. В Бельмонте, где он прожил последние тридцать лет, все его раздражало, так как все казалось наполненным звуками альта, и все напоминало о его горькой утрате. Тертис был настолько уверен в конце своей карьеры, что продал свой инструмент и без оглядки бежал из Бельмонта. Шок публичного отказа от выступлений был настолько велик, что Тертис даже не представлял себе, как он снова сможет взять себя в руки, чтобы «влачить существование хоть с какой-либо пользой». ³⁶ Впоследствии он вспоминал, что ему потребовались десять месяцев «в изгнании», ³⁷ чтобы справиться с этим шоком.

Можно только поражаться, как селестиальные близнецы зачастую испытывают одинаковые чувства и даже выбирают одинаковые слова для их выражения, несмотря на то, что «реальные» события во внешнем мире выглядят для постороннего глаза различно. Так, Казальс распустил свой оркестр, дал прощальный концерт, бежал от режима Франко в изгнание, и в результате этого прекратил концертную деятельность приблизительно в 60 лет. В эмиграции он некоторое время страдал от тяжелой депрессии в Париже; затем он сумел взять себя в руки и перебраться в Праде, где «из-за сильных холодов» заболел серьезным ревматизмом. Параллельно его селестиальный близнец без того, чтобы страдать от холодов, заболел тяжелой формой ревматизма, и в результате этой болезни дал свой прощальный концерт, распростившись со сценой «навек». Более того, Тертис перенес нервный шок, бежал из своего дома, и даже не покинув пределы Англии, объявил, что он находится «в изгнании». В тот период оба селестиальных близнеца имели все основания верить, что это была их «лебединая песнь», но оба сумели впоследствии преодолеть все невзгоды.

В своем письме к Тертису в 1937 г. Казальс пожелал другу, чтобы его решение покинуть сцену не помешало ему все-таки иногда выступать. Его пожелание исполнилось, и Тертис не сумел совсем забыть альт. Сначала он написал монографию «О красоте звука струнных инструментов», посвященную технике игры на альте. Затем пришла интенсивная преподавательская работа, а с нею и желание исполнить давнишнюю мечту: работать над усовершенствованием альта. Результатом его экспериментов в Бате стал большой, но легкий в обращении альт – модель Тертиса – ставший образцом для последующих стандартных инструментов.

В 1937–1938 гг. Тертис нашел возможность, подобно Казальсу, внести свой вклад в оркестровую музыку. Более двух лет он сотрудничал с известным дирижером сэром Томасом Бичемом, помогая ему найти правильный баланс тона и редактируя для него струнные партии. С самого начала второй мировой войны Тертис начал искать, «чем он может быть максимально полезен». ³⁸ К тому времени он уже заметил, что два года отдыха способствовали выздоровлению его руки, так что он

опять мог играть, как прежде. Тертис приобрел новый инструмент, чтобы давать благотворительные концерты и записывать выступления для радиовещания. Подобно Казальсу, он не мог оставаться в стороне, когда его соотечественники страдали. Сборы от его выступлений шли на обездоленных, чьи дома пострадали во время бомбежек. По крайней мере, один раз ему самому пришлось прервать выступление во время налета, чтобы продолжить его немедленно после сигнала отбоя.

В послевоенный период едва ли не самым важным выступлением Тертиса был его концерт в 1949 г. в Лондонском королевском колледже, посвященный основанию фонда в помощь композиторам, пишущих для альта. В последующие годы маэстро давал много концертов, демонстрирующих возможности модели Тертиса. В 1952 и 1958 гг. он участвовал в престижных королевских фестивалях и имел честь играть для королевы-матери и принцессы Маргариты. С 1953 г. он вел курсы по мастерству исполнения камерной музыки и вошел в преподавательский состав Дартингтонской летней школы, где ежегодно посвящал один месяц усовершенствованию игры талантливых музыкантов.

В 1956 г. 80-летний Тертис провел месяц в Американском турне, пропагандируя роль альты в качестве сольного инструмента. Это был сумасшедший месяц, заполненный выступлениями, демонстрациями, лекциями, экскурсиями и коктейлями. Даже очень деятельные американцы с большим удивлением следили за темпом жизни неугомонного маэстро.

После 80-летия Тертис давал два концерта с оркестром сэра Джона Барбиоли; в 1958 г. он гастролировал в Южной Африке; в 1960–1961 гг. Тертиса можно было найти на лекциях-демонстрациях в Копенгагене, Стокгольме или Осло. Так же как и Казальсу, Тертису было невдомек, что людям после 80 полагается состариться. В 1960 г. Тертис посетил Казальса в летней школе в Церматте (Бельгия), и там он играл для своего сестиниального близнеца и для королевы Бельгии.

Последнее выступление Тертиса на большой сцене состоялось в Лондоне, когда маэстро исполнилось 87 лет. После этой второй, и на сей раз окончательной, отставки Тертис занимался организацией лекций и концертов, написал книгу и оставался активным пропагандистом альты.

Тертис скончался в Лондоне в 1975 г., став свидетелем того, как постепенно завоевывая мировое признание, его модель была закуплена многими ведущими музыкантами и стала производиться в 16 странах. Его необычная и трудная миссия была закончена. И хотя Тертис, по всей видимости, никогда не интересовался астрологией, его «Размышления» можно приводить в учебниках астрологии, как обращение Козерога к человечеству: «В моменты человеческой слабости, когда ты испытываешь гордость за свои достижения, нужно лишь поразмышлять и сравнить их с неиссякаемыми чудесами природы, чтобы с размаху опуститься на землю, и в результате этого осознать всю мелочность нашей деятельности. Это размышление на протяжении всей моей жизни помогало мне стремиться к совершенствованию в моей работе. Однажды коллега обвинил меня, что я не должен так много спорить по мелочам в поисках Утопии. Но почему бы и нет? Я не вижу ничего против попытки достичь невозможного, каких бы невероятных усилий это не требовало от нас».³⁹

Своей жизнью Тертис и Казальс показали, что ничто не могло отклонить их от достижения поставленной цели. Они самостоятельно поняли, что правильная интерпретация девиза Козерога «Я использую» сводится к вопросу «Чем я могу быть полезен другим?». Их музыка и вся их деятельность были направлены на благо современников. Они сумели преодолеть искушения гордыни и страхи перед старостью; они оставили нам свою прекрасную музыку и мудрое понимание жизни. Они также подарили нам свои замечательную историю сотрудничества и пересечения параллельных жизней. В духе «Заповеди» Кипплинга (тоже родившегося в Козероге) они верили в себя, оставаясь честными с публикой и простыми с царями; таким образом, они покорили мир, заслужив звание «Человека».

Эта глава не была бы полной без описания личной жизни этих селестиальных близнецов. Было бы ошибочным полагать, что жизни Казальса и Тертиса были посвящены исключительно музыке или протекали только в концертных залах. Напротив, оба были жизнелюбивыми людьми со своими увлечениями, влюбленностями и слабостями. Оба обожали быть на природе и активно заниматься спортом. Тертис любил ездить на мотоцикле и играть в футбол; Казальс любил взбираться на горы, ездить на лошадях и играть в теннис. Оба были искателями приключений, любившими часто путешествовать. Оба вспоминали в автобиографиях о забавных случаях, связанных с их активным характером. Так, например, Тертису доводилось заявляться на концерт в грязном промасленном мотоциклетном комбинезоне,⁴⁰ а Казальсу – влетать в зал замазанным углем прямо из шахты, скорее напоминая шахтера, чем музыканта.⁴¹

О Тертисе говорили, что он со своим странным инструментом исколесил весь мир, не пропустив ни одного маленького городка между Лондоном и Одессой. Казальс был страшно горд невероятными историями, произошедшими с ним в его многочисленных путешествиях по Америке. Они оба чувствовали, что их любовь к своим музыкальным инструментам требовала очень многих жертв, и оба называли свои инструменты беспощадными «тиранами».⁴²

Чтобы преодолеть нервное напряжение от концертов, они много курили. Казальс был вечно с трубкой, а Тертис мог выкуривать по сорок сигарет в день. В конце концов, эта вредная привычка вызвала у Тертиса приступы тяжелого кашля, и он вынужден был отказаться от нее в возрасте 40 лет.

Оба музыканта не любили рассказывать о своей интимной жизни. Тем не менее, необычайная история их большой любви и женитьбы в возрасте 80 лет показывает, насколько неожиданными могут быть повороты человеческой судьбы. Обоим пришлось пройти очень долгий путь к своему счастью, и сценарий их встречи с подругами жизни был удивительно похож.

К сожалению, Тертис не рассказал в своих воспоминаниях, как впервые повстречались его родители, но в своих отношениях с женщинами он как бы следовал сценарию встречи родителей Казальса. Со своей первой женой, Адой Гоутроп, он познакомился в 1922 г., когда она играла на альте в женском любительском оркестре. Ада хотела серьезно учиться музыке, и ей посоветовали обратиться в королевскую академию к Тертису. Занятия со способной ученицей быстро переросли в любовь и женитьбу. Они прожили вместе почти тридцать лет. В 1951 г.

после шести лет тяжелой болезни Ада скончалась, не оставив после себя детей. В автобиографии Тертис тепло писал о ней с большим уважением как о друге и помощнице в деле распространения музыки для альты.

Смерть первой жены стала тяжелой утратой для Тертиса, и несколько последующих лет он прожил с племянниками. В 1956 г. 80-летний Тертис вел свой летний класс камерной музыки в Дартингтоне. Среди многих других музыкантов он особо выделил молодую американскую виолончелистку, мисс Лилиан Вормингтон. Их первая встреча еще не привела к серьезным отношениям, и только в 1958 г. Тертис пригласил Лилиан поехать вместе с ним на фестиваль. Когда она согласилась, Тертис почувствовал себя наисчастливейшим человеком в мире. Он настолько сильно переживал свои чувства к Лилиан, что, по его словам, впервые в жизни начисто позабыл даже про свой бесценный альт!⁴³ Для Тертиса это было самым большим проявлением любви. Они поженились в апреле 1959 г., и изюминкой свадебной церемонии стал дуэт жениха и невесты. С тех пор «молодая пара» гастролировала по миру, выступая вместе.

Жены Казальса тоже были исключительно из мира музыки. Его первой супругой стала в 1906 г. португальская виолончелистка, Гвильхермина Суджиа. Они развелись в 1912 г. В 1914 г. Казальс женился на американской певице Сузанне Метклафф, которая часто аккомпанировала ему на фортепиано. В 1920 г. этот брак тоже закончился разводом. Но впереди Казальса все еще ждала его самая большая, мистическая любовь. Когда они впервые встретились на фестивале 1951 г., Мартита было всего лишь 14 лет. Она была удивительно похожа на мать Казальса, и так же как она, приехала из Пуэрто-Рико. После первой короткой встречи, так же как и у Тертиса, еще ничего серьезного не произошло, и девушка вернулась на родину. Только через три года отношения приняли иной характер после того, как Мартита во второй раз встретила Казальса, приехав к нему учиться игре на виолончели. Как когда-то у его родителей, и как у Тертиса, отношения учитель–ученица послужили началом большой любви. «Молодая пара» венчалась в Пуэрто-Рико в 1956 г. и оставалась неразлучной до самой смерти Казальса. По словам Казальса, это были самые счастливые годы его жизни.

В обеих парах молодые жены боготворили своих мужей, играли им на виолончели и ухаживали за ними во времена болезней. В своих подругах селестимальные близнецы нашли как бы совмещенные свойства их родителей – материнскую заботу и отцовскую музыкальность.

В заключение можно лишь подвести итог, что любые различия между этой парой селестимальных близнецов сводились лишь к интенсивности проявления тех или иных качеств, но никак не отражались на общей структуре их характера.

Θ-факторные и астрологические комментарии

Как уже ранее отмечалось, астрологи приписывают людям, рожденным под знаками второй половины зодиакального круга, необходимость понимания функционирования души не только на уровне эгоистического «Я»-сознания, но

и на уровне общественного «мы»-сознания. В частности, людям, рожденным под созвездием Козерога, приписываются свойства врожденных лидеров, способных указать человечеству путь к «общечеловеческому» сознанию. Мы уже видели в «Преемниках Гитлера», каким именно способом Геринг и Розенберг (тоже рожденные в Козероге) пытались насильно привести нас к этой цели: по их мнению «Мы не существуем сами для себя, а являемся частью целого, и работаем для этого целого, которое мы называем людьми и для которого готовы поставить на ставку все».⁴⁴ Мы видим, что Тертис и Казальс, как истые Козероги, тоже видели целью своей жизни создание «чувства единства» и цельности, только проложенный ими путь не имел ничего общего со скоропалительными рецептами, на скорую руку составленными Герингом и Розенбергом. Наоборот, их путь был долгим и сложным. Оба подчеркивали невозможность поспешного объединения, потому что, по их мнению, необходимым условием создания гармоничного оркестра является требование, чтобы каждый оркестрант был, прежде всего, замечательным солистом. Тогда и только тогда, когда человек сам научится быть человеком, он может начать учиться объединять свои усилия с другими. Более того, настоящее единство по Тертису и Казальсу возможно лишь тогда, когда все члены коллектива освобождаются от следов малейшего чувства собственного превосходства над другими и когда они вырабатывают в себе чувство уважения к каждому человеку, разглядев в нем неповторимое, единственное в своем роде чудо. Если пренебречь хоть одним из этих условий, то гармония единства разрушается, и музыка исчезает.

Это сравнение показывает, как единая архетипальная тема Козерога по-разному проявляется у разных пар селестиальных близнецов. Основной жизненный урок в обоих случаях был похож, но разные пары селестиальных близнецов решали его по-разному. Хотя Тертис и Казальс не были политиками, а «всего лишь» музыкантами, игравшими в камерных оркестрах, может быть, именно они своим примером сумели показать человечеству единственный путь достижения сотрудничества и единства в любой области человеческой деятельности.

В истории Розенберга и Геринга мы уже наблюдали возможные тяжелые последствия отсутствия материнской заботы в критические годы формирования личности. В настоящей главе оба героя подчеркивали, что своими успехами они были всецело обязаны преданности и мудрости матерей. Забавно при этом отметить, что мать Тертиса, запиравшая ребенка часами в комнате с роялем, очень легко ассоциируется с традиционным стереотипом «еврейской мамы», растящей музыканта. Конечно, это клише звучит здесь уместным, так как мать Тертиса действительно была еврейской мамой. Но будет ли это клише настолько же уместным по отношению к «каталонской маме» Казальса? Тем не менее, мать Казальса настолько хорошо преуспела в музыкальном воспитании сына, что еврейские друзья зачастую хвалили его: «Вы знаете, дон Пабло, Вы и в самом деле еврей».⁴⁵ Казальс с мягкой улыбкой отказывался от подобных почестей, но сам он, когда хотел добиться от музыкантов максимальной выразительности, требовал, чтобы они играли «по-еврейски». Можно было бы отнести к этим историям просто как к анекдотам, но такие мелочи наглядно демон-

стрируют, что люди, совершенно не подозревавшие о существовании знаменитого еврейского селестиального близнеца Казальса, тем не менее, проектировали на него некоторые черты Тертиса. Таким образом, насыщенная параллелями и совпадениями история жизни Тертиса и Казальса, еще раз ставит под сомнение право на существование так называемых национальных стереотипов. С другой стороны, картина резко изменится, если вместо «еврейской» или «каталонской» мамы проанализировать понятие архетипального образа мамы ребенка, рожденного в Козероге. Такая мама традиционно считается доминантной фигурой в семье. Ее присутствие и поведение во многом определяет судьбу ребенка. По Лундстед – это волевая и властная мать, прививающая ребенку (на счастье или на горе) стремление управлять и дирижировать другими.⁴⁶ В истории данных селестиальных близнецов вырисовываются похожие образы доминантных преданных матерей, и в результате этого, выросли дети с похожими мировоззрениями.

Эти селестиальные близнецы были детьми разных народов, они выросли в разных странах, говорили на разных языках, но одно лишь наличие общего Θ -фактора сделало их настолько похожими, что все остальные различия становились малосущественными. Подобно тому, как музыка может быть интернациональной по своей природе, так и наши архетипальные роли, отражаемые общим Θ -фактором, могут иметь интернациональный характер. Мы еще только учимся понимать сложный язык Θ -фактора, но может быть, настанет день, когда люди расшифруют его шифр, сделав его достоянием всего мира

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 29 декабря 1876 г.
Отцовский образ	Оба отца были музыкально одаренными людьми. Отец Пабло играл на органе в церкви, отец Лайонела – пел в синагоге.
Материнский образ	Оба селестиальных близнеца очень сильно любили своих матерей, веривших в необходимость лелеяния талантов своих детей.
Раннее финансовое положение в семье	Обе семьи жили в бедности, затрудняясь найти средства на образование детей.
Первые уроки музыки	Оба музыканта рано начали учиться игре на фортепиано, но, несмотря на значительные успехи ни один из них не хотел стать пианистом.
Уроки скрипки	К десяти годам оба мальчика начали переключаться на скрипку.
Ранний уход из отчего дома	Казальс отправился в Барселону в 12 лет; Тертис стал жить самостоятельно с 13 лет, присоединяясь к разным музыкальным труппам.
Любовь с первого звука	Оба селестиальных близнеца влюбились в виолончель или в альт с первого вида и звука этих инструментов.

Селестиальные близнецы

Отсутствие подходящих педагогов	Из-за малой популярности избранных инструментов обоим практически не было у кого учиться, так что во многом им пришлось всю технику игры разрабатывать самостоятельно.
Преобразование альты и виолончели в сольные инструменты	Новая техника игры Казальса изменила возможности виолончели; новый подход Тертиса позволил альту сольным инструментом.
Совместные выступления во время войны 1914 г.	Тертису и Казальсу довелось несколько раз выступать вместе перед солдатами на фронте.
Впечатления от Америки	Только в теплой для них атмосфере открытости Америки оба музыканта смогли впервые триумфально исполнять Баха.
Кризис 60-летнего возраста	Оба прекратили выступления и отправились «в изгнание». Период страданий от наиболее характерной болезни Козерога – ревматизма.
Необычайно длинная сценическая жизнь	Тертис выступал на «большой сцене» до 87 лет, Казальс – до 96.
Автобиографии	Казальс опубликовал <i>Радости и печали</i> в 1970 году (в 94 года); Тертис написал <i>Мой альт и я</i> в 1974 году (в 98 лет).
Необычайная работоспособность	Оба верили в необходимость напряженной работы для достижения успеха. Оба были готовы репетировать по десять лет перед первым показом произведения.
Любовь к спортивным занятиям	Тертис любил мотоцикл, футбол и путешествия; Казальс – конную езду, теннис и альпинизм.
Семейная жизнь	Тертис был женат дважды, Казальс – трижды. Все жены были музыкантами и их соратниками. Оба обрели свое счастье, женившись на молодых девушках, будучи уже за 80.

Сноски:

- ¹ Киплинг родился в Козероге.
- ² Pablo Casals, *Joys and Sorrows, Reflections by Pablo Casals as told by A.E. Kahn*, London, Mac Donald, 1970. (Далее – Casals); Lionel. Tertis, *My Viola and I*, London, Kahn & Averill, 1974 (Далее – Tertis).
- ³ Tertis, p. 187.
- ⁴ Casals, p. 157.
- ⁵ Tertis, p. 157.
- ⁶ Casals, p. 111.
- ⁷ Rubinstein, *My young Years*, London, Jonathan Cape LTD, 1973, p. 409 (Далее – Rubinstein).
- ⁸ Tertis, p. 129.
- ⁹ *Musicians since 1900*, ed. David Ewen, New York, The H. W. Company, 1978, p. 140.
- ¹⁰ Casals, p. 20.

- ¹¹ Casals, p. 34.
- ¹² Tertis, p. 3.
- ¹³ Tertis, p. 6.
- ¹⁴ Casals, p. 35.
- ¹⁵ Casals, p. 35.
- ¹⁶ Casals, p. 37.
- ¹⁷ Casals, p. 44.
- ¹⁸ Casals, p. 51.
- ¹⁹ Tertis, p. 155.
- ²⁰ Tertis, p. 13.
- ²¹ B. Taper, *Cellist in Exile*, a portrait of Pablo Casals, New York, McGraw Hill Book Company, 1962, p. 20 (Далее – Taper).
- ²² Rubinstein, p. 425.
- ²³ Tertis, p. 61.
- ²⁴ Rubinstein, p. 406.
- ²⁵ Rubinstein, p. 409.
- ²⁶ Tertis, p. 45.
- ²⁷ Tertis, p. 133.
- ²⁸ Tertis, p. 42.
- ²⁹ Tertis, p. 62.
- ³⁰ Casals, p. 44.
- ³¹ Tertis, p. 78.
- ³² Casals, p. 295.
- ³³ Tertis, p. 156.
- ³⁴ Casals, p. 295.
- ³⁵ Tertis, p. 117.
- ³⁶ Tertis, p. 82.
- ³⁷ Tertis, p. 88.
- ³⁸ Tertis, p. 95.
- ³⁹ Tertis, p. 141.
- ⁴⁰ Tertis, p. 28.
- ⁴¹ Casals, p. 102.
- ⁴² Casals, p. 173; Tertis Foreword.
- ⁴³ Tertis, p. 113.
- ⁴⁴ Goering, p. 180.
- ⁴⁵ Casals, p. 101.
- ⁴⁶ Lundsted, p. 81.

ВОДОЛЕЙ

**Мастера выживания. История жизни
Ильи Григорьевича Эренбурга
и Павла Григорьевича Тычины**

Павло Тычина

Илья Эренбург

Посмотрите, – вот он без страховки идет.
Чуть правее наклон – упадет, пропадет!
Чуть левее наклон – все равно не спасти...
Но, должно быть, ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути.

В. Высоцкий¹

Одного из наиболее плодovitых советских прозаиков и поэтов Илью Эренбурга часто называли двуликим Янусом русской литературы. Трудно отыскать в истории русской культуры прошлого века фигуру более противоречивую, чем

Эренбург. Как писатель, публицист и общественный деятель он был одновременно связан с самыми различными, противоположными по своей сущности культурными, интеллектуальными и политическими кругами. В качестве европейского интеллектуала он дружил с представителями богемы. В качестве советского прозаика он писал романы и статьи, придерживаясь политической линии партии. Его друзьями были Пабло Пикассо, Диего Ривера, Амадео Модильяни и Осип Мандельштам; и в то же время он считался протеже Сталина и близким другом Н.И. Бухарина. С одной стороны, Эренбург служил интересам сталинской политики русификации; с другой стороны он оставался гордым евреем, близко принимавшим к сердцу судьбу своего народа; и при всем при том он был до конца верен космополитическим идеям братства народов. Эренбург говорил: «Всю свою жизнь я старался, как умел, сочетать справедливость с красотой и новый политический строй с искусством. Два Эренбурга редко уживались в гармонии друг с другом. Очень часто один брал верх над другим. Это не было двойной игрой, а только трудной судьбой человека, совершавшего ошибки, но всегда ненавидящего предательство».²

Прежде всего, Эренбург был мастером выживания. За свою долгую жизнь он прошел через две мировые войны и две гражданские войны; он был свидетелем революций и пережил диктатуру и тиранию. Он уцелел там, где другие пропали. Он оставался деятельным до последних дней жизни и мирно умер в своей постели в возрасте 76 лет. Жизнь Эренбурга и его способность уцелеть оставались загадкой для многих биографов и исследователей. Некоторые из них пытались объяснить это явление его «еврейской способностью выживать»; другие – его преданностью Сталину; сам Эренбург верил, что уцелел лишь по чистой случайности.³ Так или иначе, все соглашались, что жизнь Эренбурга была явлением уникальным.

Однако на самом деле был еще один советский поэт и писатель, чья жизнь и способность уцелеть были очень похожими на жизнь Эренбурга. Селеstialного близнеца Ильи Эренбурга, Павло Тычину, называли «величайшим украинским поэтом-символистом современности».⁴ Подобно Эренбургу, жизнь Тычины была соткана из противоречий и могла бы быть представлена портретом двуликого Януса. Один Тычина был знатоком и почитателем искусств, в молодости примыкавшим к символистам и верившим в девиз «искусство ради искусства». Это не мешало другому Тычине верой и правдой воплощать в жизнь ленинский принцип «партийной литературы», видевший в литературе орудие борьбы за дело пролетариата. С одной стороны, Тычина переводил стихи Верлена и Верхарна; с другой стороны, он писал хвалебные панегирики Сталину, присоединяясь к сонму сталинских приспешников. С одной стороны, он был близким другом армянского художника-модерниста Партироса Сарьяна; с другой стороны он был близким другом выдающегося деятеля партии Н.И. Подвойского. Как и Эренбург, Тычина был частью советского истеблишмента, и как Эренбург он не любил советскую власть. Совместно с Эренбургом он был депутатом Верховного Совета, и подобно ему он старался спасти для будущего работы других литераторов, которым счастье не улыбнулось пережить сталинский режим. В качестве министра

образования Украины Тычина способствовал проведению в жизнь сталинской национальной политики русификации, но как верный сын своего народа он помогал воспитать новое поколение молодых украинских поэтов. Советские власти неоднократно выдвигали против него обвинения в украинском национализме, но он оставался убежденным интернационалистом, знавшим многие языки и глубоко ценившим современную культуру Запада. Как и Эренбург, Тычина искал, как успешно выразить особенности национального характера в нашем многонациональном мире. По словам Тычины, всем народам мира нужно было бы научиться представлять себя оркестрантами в едином оркестре космической гармонии.⁵ Эта мечта Тычины напоминала мечту Тертиса и Казальса об общечеловеческом оркестре. Но Тычина, родившийся в следующем знаке зодиака, – в Водолее – представлял себе оркестрантов не как отдельных людей, а как целые народы.

В жизни Эренбурга и Тычины было много параллелей и совпадений. Одно из таких случайных совпадений произошло в Киеве в страшные дни гражданской войны. Судьба распорядилась так, что дороги этих начинающих поэтов пересеклись в 1919 г. Они с первого взгляда прониклись взаимной симпатией друг к другу, почувствовав, что встретили родственную душу. Эренбург вспоминал: «Встречал я П.Г. Тычину, молчаливого, мечтательного, казалось, что он все время к чему-то прислушивается; была в нем мягкость, доходящая до смущения. Поглядев на него, я как-то сразу понял, что он настоящий поэт».⁶ Эта первая встреча привела к взаимному уважению и к дружбе, продлившейся всю жизнь. Эренбург, известный своими пророческими способностями, полагал, что их встреча была неслучайной, и что к ней привели какие-то скрытые причины. Каждый год Тычина и Эренбург посылали друг другу теплые поздравления ко дню рождения. В одном из таких поздравительных писем в 1951 г. Эренбург писал: «Дорогой Павел Григорьевич. Я не назову прихотью судьбы то обстоятельство, что мы родились с Вами в один и тот же день далекого 91 года. Перед нашими глазами прошли те же картины, мы пережили общие страсти и вместе теперь, оглянувшись назад, видим длинный сложный путь. Давно и с любовью я слежу за Вашей благородной работой, за Вашей чистой и вдохновенной поэзией. Я Вам желаю счастья, мира. Крепко Вас обнимаю. Илья Эренбург».⁷

Через десять лет Эренбург продолжал эту тему: «Дорогой Павло Григорьевич. Мы с Вами сверстники, земляки и дожили вместе до той же пренеприятной круглой даты. Жили мы в разных городах, писали на разных языках, но всегда я чувствовал, что вы не только большой поэт, но и хороший человек».⁸ Тычина, в свою очередь, писал Эренбургу: «Мы с Вами земляки по нашей многонациональной Отчизне, мы с Вами сверстники по месяцу, году рождения. Мы собратья по перу».⁹

Сыны разных народов, Эренбург и Тычина были очень похожи друг на друга. Они вместе пришли в этот мир и покинули его почти одновременно (две недели разделяли их похороны). Оба были необычайно плодовитыми писателями, и оба оставили после себя многочисленные тома писем, мемуаров и дневников. Но, прежде всего, они были чрезвычайно осторожными людьми, у которых внутренний цензор скрупулезно проверял каждое слово. Они писали правду, но далеко не всю правду. Позднее Эренбург объяснял многочисленные пробелы в своих воспо-

минаниях тем, что селективная забывчивость диктовалась чувством самосохранения.¹⁰ Пробелы в дневниках Тычины позднее объяснялись тем, что он «боялся и перестраховывался».¹¹ В биографиях этих писателей навсегда останутся много белых пятен и вопросительных знаков. В том, о чем эти сестистальные близнецы говорили миру, и в том, о чем они сознательно умалчивали, было слишком много параллелей, чтобы их можно было приписать простым совпадениям. Перед нами короткая история их жизни и выживания.

Они родились 27 января 1891 г.

Было затишье перед бурей, когда в мирные дни 1891 г. на Украине родились два мальчика, Павло и Илья. Все еще было спокойно, но в воздухе уже ощущалось напряжение грядущих революций и катаклизмов. Детство мальчиков совпало с теми временами, когда при царе Николае II ожесточилась политика русификации. В годы его правления (1894–1917) революционная атмосфера, назревавшая в Российской империи, вызывалась не только социально-экономическими условиями, а еще и конфликтами, возникавшими на национальной основе. Жизни обоих сестистальных близнецов, родившихся представителями национальных меньшинств Российской империи – украинского и еврейского – тесно переплелись с жизнью их народов, которым угрожала потеря национального языка и культуры.

Исторически, современная Украина расположена на территории древнего государства Киевская Русь, процветавшего в IX веке и разрушенного монголами в XIII веке. После пребывания под властью Литвы, Польши и Османской Империи, Украина в 1654 г. объединилась с Россией, и господство России над Украиной было полностью достигнуто в XVIII веке. Российская империя издавна была заинтересована в присоединении Украины. Ее географическое и экономическое положение делали Украину важным фактором стабильности России. Географически, большая часть Украины расположена на Российской или Восточноевропейской равнине, а название Украины отражает ее пограничное положение с Польшей («Украина» – это земля у края России, отделяющая ее от Запада). Экономически, Украина, благодаря своим плодородным почвам называвшаяся «житницей страны», была важным источником сырья и основным экспортером зерна в империи. До 1917 г. царские власти относились к Украине, как к провинции, и даже ее название было изменено на Малороссию. На протяжении двух веков царизм пытался русифицировать украинский народ. Власти строжайше запрещали любые проявления национальной культуры, традиций или языка. Украинские школы, университеты и театры закрывались, и дважды (в 1863 г. и в 1876 г.) официальные указы запрещали издавать литературу или газеты на украинском языке.

Именно в такой атмосфере в маленькой деревушке Пески Черниговской области в большой украинской семье родился новый ребенок. Его окрестили в честь апостола Павла украинским именем Павло. Отец мальчика, Григорий Тычинин (фамилия его была русифицирована, и только впоследствии поэт вернул укра-

инское имя Тычина¹²), был дьяконом в местной церкви. У него был прекрасный голос, и он очень любил петь вместе со своими детьми. Павло не довелось хорошо узнать своего отца, потому что дьякон умер в 1906 г., когда мальчику было всего лишь 15 лет.

Детские воспоминания Тычины были связаны с красотой его сада, с ароматным запахом спелых яблок и с мелодичностью украинских песен. Считается, что украинская народная музыка сумела сохранить свой особый характер на протяжении тысячелетия: со времен, предшествовавших христианству, и до наших дней. В сокровищнице украинских песен представлены наиболее разнообразные жанры: лирические обрядовые песни и политические баллады (думы), колыбельные и шуточные песни, исполняемые а капелла или в сопровождении народных инструментов. Мать Павло собирала фольклорные произведения, и у нее накопилась огромная коллекция народных песен.¹³ Павло с детства жил этой музыкой, проникаясь духом своего народа и постигая богатство его языка. Впоследствии в память о матери Тычина опубликовал ее коллекцию фольклора. Критики полагали, что наиболее значительным поэтическим достижением Тычины был его талант «превращения народных песен в стихи».¹⁴

Родители Тычины считали, что мальчик должен стать попом или дьяконом, как его отец. В семилетнем возрасте он стал ходить в сельскую школу, а в десять лет его отправили в Черниговскую бурсу. После смерти отца он как «неимеющий сирота» был принят в духовную семинарию на казенный счет. В этот период все его письма домой написаны на чистом русском языке.

Павло ненавидел «серую занудность» богословия, но ему нравились уроки молодого учителя, Николая Подвойского, принесшего в семинарию дух революции и интерес к современным наукам.¹⁵ Впоследствии Подвойский стал большевиком, приближенным к Ленину и сыгравшим значительную роль в Октябрьской революции. После революции он был назначен наркомом по военным делам. Тычина оставался в близких дружеских отношениях с Подвойским до самой его смерти в 1948 г.

В своих ранних рассказах «Богословие» и «На реках Вавилонских» Тычина описывал семинарию как «цепи рабства», одетые на него в детстве.¹⁶ Еще подростком он остро переживал конфликт между своей природной потребностью к знаниям и навязанной ему необходимостью бездумно зазубривать Закон Божий. Тычина изобразил себя в образе семинариста Петруська, который под впечатлением песни «На реках Вавилонских» мысленно перенесся в те далекие дни, когда по земле еще ходили ветхозаветные пророки. Петрусек неожиданно прозрел, когда ему стало ясно, что он и его товарищи находятся в плену у идолов: «Петрусек как будто проснулся. Кто-то открыл потайные двери будничной жизни, и он все увидел. А почему он раньше этого не замечал? Встал и пошел. Куда пошел – не знал, только думал. Бедные, бедные товарищи. Вместо презрения, ненависти, истинная жалость, человеческая жалость наполнила его душу». И понял Петрусек, что горькая доля семинаристов сродни судьбе древних иудеев, попавших в вавилонский плен: «Потому что доля тех иудеев – это доля самих семинаристов. Взяли их в плен и заставляют поклоняться идолам».¹⁷ Как и его Петрусек, Павло

еще подростком решил скинуть с себя цепи рабства, разбить идолов, познать правду и напомнить людям о давно забытых истинах. Позднее, в 1930 г. он уже взрослому сформулировал свое жизненное кредо: «Жить для того, чтоб знать и узнавать – большая радость».¹⁸

Желание Тычины поведать людям правду привело его к решению организовать еще в бурсе в 1905 г. самостоятельную школьную газету «Лопари», в которой он остро критиковал монастырскую жизнь.¹⁹ Впоследствии он не мог молчать и в семинарии. За дерзкое поведение и непослушание он в 1907 г. был исключен из семинарии и объявлен политически неблагонадежным. Двери университета закрылись перед ним, и будущее обездоленного сироты казалось бесперспективным.

Хотя жизнь украинцев была тяжела во времена царя, но горькая участь евреев, которую оплакивал в своем рассказе Тычина, была еще тяжелее. Еврейское население Российской империи подвергалось открытой дискриминации, преследованиям, унижениям. Причинами их были национально-религиозная нетерпимость и связанные с нею предубеждения, а также страх перед экономической и иной конкуренцией. Евреям позволялось жить только на специально отведенной территории в западных частях России, называвшихся чертой оседлости. Границы черты оседлости, просуществовавшей с 1791 по 1917 г., временами то расширялись, то сужались, но и в пределах черты евреям, как правило, запрещалось жительство в селах, а также в Киеве, Севастополе и Ялте, притом, что даже временный выезд из черты оседлости был осложнен. Стиснутая в городах и местечках, лишенная свободы выбора занятий, большая часть евреев прозябала в бедности.

Значительная часть евреев Российской империи на протяжении нескольких веков проживала на территории Украины, где царский режим искусно проводил классическую политику «разделяй и властвуй». Россия пользовалась антисемитизмом как эффективным оружием и против евреев и против украинцев. В частности, вынуждая евреев изучать русский язык и вербуя из них русскоговорящих государственных служащих, царское правительство еще больше разжигало национальные распри, создавая образ еврея как поборника русификации. Евреи, составлявшие самое многочисленное национальное меньшинство Украины, чувствовали себя меж двух огней.

В конце XIX – начале XX века, пытаясь побороть возрастающие демократические и национальные движения, царское правительство прибегло к одному из наиболее ужасных приемов: к еврейским погромам. В 1905–1907 гг. царская «Черная сотня» свирепствовала в десятках городов. Погромы разрушили и унесли жизни многих евреев; в одной Одессе убито было свыше 300 человек. Тысячи раненых; тысячи изнасилованных женщин; еврейские дома разрушались, а все имущество было разграблено. Обычно погромы происходили после того, как царская пресса публиковала антисемитские статьи; потом черносотенцы провоцировали погромы, а царские полиция и войска безучастно наблюдали за вакханалией убийств, насилия, грабежей и вандализма. Но после погромов правительство успешно перекладывало всю вину за погром на местное население, тем самым еще больше усугубляя вражду между украинцами и евреями. Этой политикой царь недвусмысленно да-

вал понять евреям: либо они поддержат борьбу властей против демократов, либо будут продолжать страдать от погромов. В ответ российское еврейство либо эмигрировало из империи, либо вступало в ряды революционеров.

В этой отравленной атмосфере страха и неопределенности в Киеве, в еврейской семье Эренбургов родился четвертый ребенок. Отца мальчика звали Григорий – так же, как и отца Павло. Новорожденному дали имя Илья в честь древнееврейского пророка Элиягу. Позднее друзья Эренбурга (в частности М. Волошин) действительно видели в нем черты пророка. Но по иронии судьбы известный русский критик Виктор Шкловский писал, что Эренбурга стоило бы назвать Павлом, потому что его поведение соответствовало историческому апостолу Павлу. Шкловский имел в виду, что каждый раз, когда Эренбург обращался в новую веру, он никогда не мог полностью отречься от своего прошлого. Это замечание Шкловского преследовало Эренбурга на протяжении всей жизни. А. Гольдберг вспоминал: «Относясь к переменчивому характеру Эренбурга и к его частым сменам мнения, критик Виктор Шкловский однажды назвал его «Павлом Савловичем», или Павлом, сыном Саула; это замечание ни один из них никогда не забыл. Через сорок лет после этого случая, Эренбург процитировал его в своих мемуарах, а Шкловский возвратился к нему еще позднее. В 1973 г., через шесть лет после смерти Эренбурга, он приехал с визитом в Англию, и когда его спросили, что он думает об Эренбурге, он просто сказал: «Я назвал его Павлом Савловичем».²⁰ Хотя Шкловский не знал о том, что у Эренбурга был селестиальный близнец, которого действительно звали Павлом, его меткое замечание по поводу Эренбурга было бы таким же точным и по отношению к Тычине.

Отец Ильи работал инженером на пивоваренном заводе. Он относился к первому поколению российских евреев, пытавшихся вырваться из гетто. Он сменил еврейское имя Гирш на русское Григорий; он никогда не говорил на языке идиш и получил светское образование на русском языке, видя в русификации единственный путь к спасению. С одной стороны, Григорий Эренбург никогда не собирался креститься, но с другой стороны, он и не очень придерживался ортодоксальной веры. Хотя своей любовью к русскому языку и культуре Илья был обязан отцу, он, как и Павло, мало говорил о нем. Его родители жили порознь, начиная с 1904 г., и хотя Илья и не осиротел, но с отцом практически не общался до самой смерти матери в 1918 г.

В семье Эренбургов так же, как и у Тычины, именно мать сохраняла любовь к национальным традициям. Хана Эренбург выросла в религиозной семье, она постилась в Судный день и зажигала субботние свечи. Благодаря матери Илья знал, что ему никогда не следует стыдиться своего происхождения. От нее он слышал много рассказов о еврейских обычаях и традициях, и часть из ее народных историй впоследствии были воспроизведены в его книгах. Во время второй мировой войны Эренбург сказал: «Я русский писатель. Но нацисты заставили вспомнить что-то другое. Мою мать звали по имени – Хана. Я еврей».²¹ Этими словами он отдал дань матери, превратив ее имя в символ еврейской катастрофы.

Когда Илье было пять лет, его родители переехали в Москву. В те времена евреям практически невозможно было добиться разрешения жить в этом городе,

и переезд стал возможен только из-за особой профессиональной подготовки Григория, потому что семья Бродских нуждалась в нем в качестве управляющего пивоваренным заводом. В Москве Илья сначала занимался с частными учителями, а затем поступил в первую московскую классическую гимназию. Как и Павло, в школе ему было неинтересно, и, как Павло, он стал издавать собственную газету «Новый луч».²² Илья настаивал, что газету нужно держать в строжайшей тайне от учителей, потому что в ней он помещал стихи о свободе и сатирические заметки о школьной жизни.

Но не только школьная программа мешала занятиям Ильи. Все его воспоминания о школе были отравлены антисемитизмом. В классе он был единственным евреем, и ему пришлось испытать на себе враждебность многих школьников. В 1903 г. двенадцатилетний Илья услышал о кишиневском погроме. Эта трагедия глубоко ранила сердце мальчика, не позволяя ему оставаться безразличным. Он начал думать, как противостоять кровавому царскому режиму. В гимназии Эренбург повстречал одного из будущих вождей Октябрьской революции – Николая Бухарина. Бухарин оказал сильное влияние на дальнейшую жизнь Эренбурга, познакомив его с революционерами-подпольщиками. Эренбург оставался другом Бухарина до его расстрела в 1938 г. Поразительным совпадением можно считать тот факт, что старший друг Эренбурга, Николай Бухарин, и старший друг Тычины, Николай Подвойский оба оказали на них большое влияние, оба сотрудничали с Лениным в партийной газете «Правда», и оба стали ее редакторами. (Позднее Бухарин стал редактором газеты «Известия»).

Во время революции 1905 г. Эренбург помогал революционерам возводить баррикады. В 1906 г. Илья, так же как и Павло, стал неблагонадежным гражданином, и за революционную деятельность его исключили из шестого класса гимназии. Вскоре он был арестован за распространение листовок. С помощью отца ему удалось освободиться под залог из тюрьмы и, не дожидаясь суда, бежать в Европу. В возрасте семнадцати лет Эренбург оказался совершенно одиноким юношей в Париже. Никто не мог знать, что ему уготовило будущее.

Тем временем, с 1907 по 1913 г. Тычине как сироте было дано специальное разрешение продолжить занятия в духовной семинарии. Но юноша был далек от мысли стать священником. Его безудержно манили песни и стихи. С 1908 г. он начал собирать фольклорное творчество и подружился с одним из ведущих украинских писателей того времени, Михайло Коцюбинским. Павло стал посещать субботние вечера в доме писателя, выступая на них со своими рассказами и стихами. Он также принимал участие в работе школьного театра. В этот период Павло интенсивно изучал литературу, музыку и живопись.

В 1913 г. Тычина окончил семинарию. Попом он стать не захотел, в университет ему было запрещено поступать, но зато ему позволили посещать киевский Коммерческий институт. Формально Тычина числился в нем до 1917 г., но фактически он продолжал заниматься литературой и работать, чтобы прокормить мать и младших братьев и сестер. Во время занятий в институте Павло посетил меньше четверти курсов и не сдал практически никаких экзаменов.²³ Жил Тычина попеременно то в Чернигове, то в Киеве. Он работал в статистическом бюро, ставшим убежи-

щем для творческих, но «неблагополучных» лиц. Для Тычины это были годы духовного роста. Он много читал, писал стихи и очерки, печатался в газетах, подрабатывал в киевском театре, пел в хоре и изучал живопись. Его ранние работы очень понравились Максиму Горькому, и между двумя писателями завязалась дружеская переписка, которая поддерживалась до самой смерти Горького.

Во время первой мировой войны Тычина продолжал печататься в газетах. В 1915 г. умерла его мать, и на его плечи легла забота о младших сестрах и братьях. В 1917 г. свершилась революция. На Украине она приняла характер борьбы за национальное и социальное освобождение. Для того, чтобы примирить украинцев с новым коммунистическим режимом, Ленин издал ряд декретов об украинском языке, возвращая ему главенствующую роль в этой республике. Революция привела к быстрому подъему творческих сил украинского народа, и меньше, чем за десятилетие, в культуре Украины уже можно было говорить о периоде ренессанса. Тычине была уготовлена особая роль в этом процессе расцвета – роль крупнейшего таланта украинской пролетарской литературы и поэта украинской революции. Его первый сборник символистских стихов «Солнечные кларнеты» (1918) был позднее назван истинной вехой в современной украинской поэзии. Но как это ни странно, первую похвалу и первый критический отзыв об этой книге Тычина получил... от своего селестиального близнеца, Эренбурга! Настало подходящее время, чтобы они встретились и подружились. Но, как и почему Эренбург вдруг оказался в Киеве тогда, когда в городе шла гражданская война? Путь Эренбурга в Киев был долгим и запутанным.

Эренбург прибыл в Париж в декабре 1908 г. Отец ежемесячно высылал ему скромное денежное пособие, и с тем, что он немного подрабатывал сам, на жизнь ему хватало. Большую часть времени он проводил в парижских кафе, где он много читал, писал и наблюдал за происходящим. Разочаровавшись в Ленине, в Троцком и в большевиках, он решил посвятить себя поэзии. Этот поворот от революционно-настроенного подростка к начинающему поэту был резким и неожиданным. Казалось бы, ничего раньше не предвещало поэтических наклонностей у Ильи. В школе он пробовал себя в публицистике и в политических эссе, но что его привело обратиться к поэзии 1910–12 гг., именно в тот период, когда Тычина начал свою поэтическую карьеру? Еще более поразительным фактом была ранняя тематика поэзии Эренбурга: в ней не было ни социальных, ни политических вопросов; напротив, его интересовали средневековые и католицизм. Какая странная метаморфоза российского еврейского революционера! Более того, под влиянием французского поэта католика Франсиса Жамме Эренбург проникся духом таинственного мистицизма, серьезно намереваясь принять католицизм и уйти в монастырь.²⁴

В 1910–13 сын дьякона, Павло все еще колебался между возможностью стать священнослужителем и желанием вести богемную жизнь поэта. В то же время его еврейский селестиальный близнец колебался между желанием стать монахом-бенедиктинцем и стремлением стать частью парижской богемы. В то время как Тычина, разочаровавшись в школьных уроках Закона Божьего, искал новые идеалы в светской жизни, Эренбург, разочаровавшись в идеях большевиков, ис-

кал новую веру в монастырских стенах. Но, несмотря на это, главным результатом поиска и отчаяния для обоих стала публикация их первых значительных стихов!

Между 1910 и 1916 гг. Эренбург опубликовал несколько тоненьких сборников стихов. Его первая книга, изданная в Париже в 1910 г., называлась «Стихи». Туда вошли его стихи об Иисусе, о Деве Марии и о средневековье. Ранняя поэзия Эренбурга заслужила высокое признание таких признанных поэтов того времени, как Брюсов и Волошин. Брюсов писал, что среди молодых поэтов Эренбург уступает лишь Гумилеву в умении добиваться нужного эффекта рифмы и звуковых сочетаний. Брюсов также восхищался умением Эренбурга прекрасно пересказывать древние религиозные истории.²⁵ Эти замечания Брюсова об Эренбурге поразительно совпадали с привычными похвалами критиков Тычине за его музыкальность рифм и за умение пересказать старинные песни в форме современного стиха.

У Эренбурга период увлечения католицизмом был краткосрочным. Уже в 1911 г. он полностью отказался от мысли стать монахом, предпочитая быть завсегдатаем Латинского квартала, превратившегося в центр европейской богемы. Впоследствии писатель никогда не разъяснял ни причины возникновения своего желания уйти в монастырь, ни причины отказа от этой затеи. Разные биографы по-разному трактовали этот инцидент в жизни Эренбурга. Одним из предложенных вариантов объяснения его поведения считался внутренний конфликт писателя между потребностью верить и не менее сильным стремлением отыскать истину. Когда однажды мыслитель-индус предложил Эренбургу не задаваться вечными вопросами, а помолиться, поэт ответил: «Я никогда не молился и, наверно, никогда не перестану задавать вопросы». И далее Эренбург объяснял, что он, как библейский Иов, не прекратит вопрошать Господа, за что? Ибо Господь обязан показать ему, почему он решил его наказать.²⁶

Этот внутренний голос, толкавший Эренбурга к поиску истины, приводил его к разным религиям и к разным движениям, но та же внутренняя потребность добиться абсолютного знания никогда не давала ему довольствоваться полученным ответом, заставляя его продолжать свой поиск. Как истинный Водолей, Эренбург следовал девизу своего знака «Я знаю»,²⁷ и в поисках знания он готов был странствовать по миру как Агасфер, чья душа никогда не могла обрести желанного покоя.

Этот конфликт в душе Эренбурга очень напоминал внутренний конфликт Тычины. С одной стороны, его душа требовала истинной веры. Как и его Петрусек, он хотел вернуться в истинный храм веры. «Разве можно петь на чужбине, вдали от знаний, от истинной веры?», – спрашивает герой «На реках Вавилонских». И Тычина дает ответ: «На чужбине лишь плачут. Плачут иудеи, клянут себя. О, пусть теперь бог их забудет навсегда, если они позабудут Иерусалим. Любимый, родной...».²⁸ И Павло, как и Петруську, не хочется возвращаться в семинарию, где его «кормят» ложными знаниями. Ему нужно открыть людям глаза, «сказать все то, что так необходимо людям знать». Но и Тычина, как Эренбург, никогда не может отыскать свой Иерусалим. Позднее, в письме к жене он

писал: «Много в жизни есть такого, что я не хочу. Много на свете такого, что я хочу. И я всегда в метаниях, я всегда ветер сбоку». ²⁹

Исторический апостол Павел в среде иудеев всегда называл себя своим еврейским именем Саул (Савл), а, обращаясь к грекам, он пользовался своим римским именем, Павел. В молодости Эренбург выражал свое увлечение христианством в стихах на католические темы; свою преданность еврейскому народу он выразил в одном из наиболее ярких сионистских стихов «Еврейскому народу» (1913). Поэт призывал свой преследуемый и измученный народ покинуть чужбину и собраться на родной земле Иерусалима. ³⁰ И как бы в унисон ему пел его украинский селестиальный близнец Тычина: «Пропойте нам песни сионские!». ³¹

Похоже, что для этих селестиальных близнецов не было чисто «еврейских» или чисто «украинских» тем. Оба одновременно и независимо друг от друга обсуждали универсальные темы, никогда не ограничиваясь узкими национальными интересами. Для них обоих дань национальным традициям была лишь прелюдией к пониманию универсальной гармонии человечества. В этом гигантском оркестре народов украинский поэт Тычина как бы отозвался эхом своего селестиального близнеца Эренбурга, когда в 1943 г. он опубликовал одно из своих наиболее смелых поздних стихотворений, «К еврейскому народу». Во время катастрофы еврейства, когда евреям пришлось «погибать от фашистского обуха», поэт отважился подать свой голос в поддержку этого народа, воспевая его «бессмертную, вечную силу духа». Само собой разумеется, что эти стихи Тычины были запрещены сразу же после войны, и, так же как и одноименные стихи Эренбурга, никогда не упоминались в СССР.

В Париже Эренбург обрел свое место в «Ротонде», где хозяева кафе предлагали писателям и поэтам бесплатную бумагу и продавали им кофе и сэндвичи в кредит. Эренбург стал одним из завсегдатаев этого кафе, где ему довелось познакомиться с такими поэтами и художниками, как Пикассо и Сутин, Модильяни и Ривера, Аполлинер и Кокто. Став свидетелем и участником смелых экспериментов в модернистском искусстве, Эренбург быстро рос как литератор, покончивший с ученичеством и перешедший в ранг зрелых поэтов. К 1917 г. Эренбург уже знал, что основной целью его жизни было занятие литературой. Он никогда больше не пытался возобновить формальные занятия, и никогда не стремился приобщиться к французской культуре. Эренбург продолжал писать исключительно на русском языке, хотя и стал прекрасным переводчиком французской поэзии, главным образом Жамме, Вийона и Верлена.

Эренбург уже становился одним из ведущих российских поэтов-символистов, когда его жизненные планы были разрушены началом первой мировой войны. Ежемесячное пособие от отца больше не приходило, и поэт вынужден был сам искать себе средства к существованию. Сначала он попытался пойти добровольцем во французскую армию, но его не приняли по состоянию здоровья. Тогда он стал корреспондентом московской газеты «Утро России», а затем «Биржевых новостей», где опубликовал десятки военных очерков, статей и корреспонденций. К началу первой мировой войны Эренбург и Тычина жили самостоятельно, писали стихи и зарабатывали себе на жизнь журналистикой.

Частые поездки на Западный фронт привели Эренбурга к тому, что у него возникло стойкое отвращение к военному кровопролитию. Вдобавок к тому, что молодой человек был потрясен ужасами войны вообще, он был поражен пропастью, пролежавшей между Францией и Россией. Ему стало понятно, что Запад смотрел свысока на русских, как на народ второго класса, и что российская кровь в глазах Франции была значительно дешевле французской. Это открытие глубоко ранило Эренбурга. С этого момента он возложил на себя особую миссию – стать посредником между Россией и Западом.

Сразу же после отречения царя в 1917 г., Эренбург решил вернуться на родину к матери. Он ехал в Россию в приподнятом настроении, но его розовые мечты были несбыточны: его мать была уже при смерти, а его родина переживала одну из наиболее тяжелых братоубийственных войн современности. Эренбургу повезло лишь раз повидаться с матерью в Ялте, и вскоре после этого она бежала в Полтаву, где и умерла в 1918 г. После кончины матери Илья приехал в Москву. Там он познакомился с Маяковским и Пастернаком. Вместе со своими новыми друзьями он стал завсегдатаем московских кафе, где в то время литературная жизнь протекала не менее бурно, чем в Париже. В этот период Эренбург написал несколько значительных стихотворений, собранных в книге «Молитва о России» (1918). В этих стихах он выражал свое неприятие Октябрьского переворота и протест против гражданской войны. Поэт был потрясен тем, что убийства стали обыденной повседневностью, и что простые люди больше не ужасались насилию. В то время он твердил лишь одно: «Но я твердо знаю: злом нельзя побороть зла, война не может положить конец войне».³² Большевикам такие речи были не по душе; стихи и статьи Эренбурга были признаны антибольшевистскими. (Позднее эти стихи Эренбурга не упоминались в СССР).

После закрытия подавляющего большинства газет, Эренбург, опасаясь ареста, в июле 1918 г. бежал из Москвы в город его детства – в Киев. Но Киев времен гражданской войны был отнюдь не тихим убежищем. За время пребывания Эренбурга в Киеве, там четыре раза менялась власть. Гетмана Скоропадского сменили петлюровцы, затем большевики, в 1919 г. установилась власть Добровольческой армии Деникина, которую вновь заменили большевики, а в 1920 г. город ненадолго оккупировали поляки. Каждая смена власти сопровождалась грабежами, убийствами, избиениями. В Киеве Эренбург стал свидетелем кровавых еврейских погромов, когда белые офицеры вошли в город под девизом: «Бей жидов, спасай Россию!». После этого он окончательно потерял надежду на то, что Белая армия способна спасти страну. В газете «Киевская жизнь» он писал: «Если бы еврейская кровь лечила, Россия была бы теперь цветущей страной. Но кровь не лечит, она только заражает воздух злобой и раздором».

В Киеве Эренбург работал в местной печати и подрабатывал преподаванием. Он также стал завсегдатаем художественного кафе «Хлам», в котором встречался со многими яркими фигурами русского и украинского модернизма. Там он подружился с Осипом Мандельштамом, и там же познакомился с Павлом Тычиной. Оба сестистальных близнеца были мечтателями и идеалистами, и оба с первого взгляда разглядели друг в друге подлинную поэтическую натуру. Между

ними возникли чувства взаимной симпатии, и Эренбург, который к тому времени уже считался известным поэтом, поддержал своего селестиального близнеца, написав хвалебную рецензию о сборнике стихов Тычины «Солнечные кларнеты».³³ Эта подборка символистских стихов была немедленно признана лучшим произведением современной украинской поэзии.

Ранние стихи Тычины были написаны в лирическом стиле, пронизанном музыкой высших сфер и космической гармонии. Эти стихи выражали философию пантеизма; в центр вселенной и природы помещалась музыка, а человек полностью подчинялся ей. В Киеве 1919 г., посреди разрухи и насилия, Тычина и Эренбург все еще позволяли себе оставаться независимыми творцами и мыслителями, открыто выражающими свои истинные чувства и убеждения. Они все еще надеялись на лучшее будущее. Позднее они будут лишены этой привилегии. Лучшие стихи Тычины, написанные в 1918–24 гг, оставались неизвестными в годы сталинизма.

В 1919–24 гг. Тычина подрабатывал в киевском театре. К тому же он избородил всю Украину с капеллой Стеценко. В 1919 г. он опубликовал сборник стихов «Плуг», а в 1924 г. – «Ветер с Украины». Испробовав символизм и написав серию стихов о революции, Тычина перерос в поэта-гуманиста. Его стихи 1919–1924 гг, лишённые политической окраски, стали с точки зрения многих современных западных критиков, наивысшим достижением творчества Тычины. От первоначального представления революции как космической силы, беспощадно разрушавшей старое и открывающей дорогу новому, поэт постепенно переходил к философским темам о конфликте между счастьем и знанием. В этот же период он начал – но никогда не окончил – работу над философской поэмой о великом украинском философе, Григории Сковороде (1722–1794). Отрывки из этой поэмы были напечатаны в 1923 г.

В 1923 г. Тычина переехал в Харьков, ставший тогда столицей Украины. Там он проработал более десяти лет в редакции журнала «Червоний шлях». Тычина невзлюбил этот «серый» город, мечтая вернуться в родной ему Киев. Жить вдали от своей любимой невесты Лидии, которая не согласилась переехать с ним в Харьков, было для Тычины как жить в «ссылке». Но Харьков открывал для Тычины много новых возможностей, в частности позволяя ему побывать на Западе. Трудно даже поверить, но сын украинского дьякона был послан коммунистами на Запад с целью изучения «разного рода искусств». В 1924–25 гг. Тычине исключительно повезло, что новое украинское правительство послало его в Париж, Берлин, Прагу и много других европейских городов. Он не был членом партии и не принадлежал к советскому аппарату. Но он относился к тем украинцам, которые верили в особую миссию Украины, как моста между Западом и Востоком. («Потому что мы между Западом и Востоком»,³⁴ – писал поэт своему другу в 1924 г.). Подобно Эренбургу, Тычина видел свою особую миссию в качестве моста между различными культурами. Тычина посвятил этой миссии всю свою жизнь, изучая различные языки (французский, турецкий, армянский) и переводя с многих языков на украинский.

Подобно Тычине, Эренбургу стал одним из немногих счастливицев, получивших официальное разрешение выехать на Запад в 20-х годах. В 1919 г. после

киевских погромов он бежал к своему другу Максимилиану Волошину в Коктебель (Крым). Эренбург надеялся найти там тихий островок посреди океана бушевавшей ненависти. Но, несмотря на приятное общество и поддержку друзей, жизнь в Коктебеле была кошмарной. Гражданская война и национальная рознь добралась и до этого отдаленного уголка, и непрекращающиеся погромы постоянно напоминали Эренбургу, почему он когда-то в детстве присоединился к революционерам. В Коктебеле Эренбург окончательно поменял свою позицию по отношению к революции: меж двух зол – революцией и царским национализмом – первое зло казалось ему наименьшим. Подобно Тычине 1918 года, он провозгласил революцию космической силой перемен. В стихах «Россия» (1919) он писал о том, что в муках и крови в России рождается новый век:

Суровы роды, час высок и страшен.
Не в пене моря, не в небесной синеве,
На темном гноище, омытый кровью нашей:
Рождается иной, великий век.³⁵

Коктебель вскоре стал настолько же опасен для Эренбурга, как и Киев. После всего пережитого поэт решил, что лучше все-таки ему быть в Москве. Там он мог продолжать писать стихи, и там он мог прокормить себя, работая в театре с Мейерхольдом. Так неожиданно оказалось, что Эренбург и Тычина могли симультанно зарабатывать себе на жизнь журналистикой в первую мировую войну, и подрабатывая в театре – в конце гражданской войны. Более того, пока Тычина совмещал театральную работу с поездками с капеллой, Эренбург совмещал административную работу в театре с поездками по стране с труппой укротителя зверей Дурова.

Но, как и Тычине, Эренбургу этих заработков с трудом хватало на то, чтобы прокормиться. Он устал принимать или отрицать революцию. Все, что ему хотелось – это спокойно творить, рассказывая людям философскую правду о смысле их существования. В его воображении уже зародился сюжет первого российского философского романа, написанного острым языком Вольтера. Эренбург понимал, что с этой задачей ему было не под силу справиться в Москве. Преодолевая голод, холод, болезни и преследования он впустую провел четыре года в России, не сумев там найти себя. Он с ужасом читал высказывания Ленина о литературе: «Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса». Эренбург уже встречался за границей с Лениным и его товарищами, и он хорошо понимал, что это очень серьезные люди. Он решительно сказал «Нет» партийной литературе, и в 1921 г. уехал из России в «творческую командировку» за рубеж с сохранением советского паспорта. Это было почти невероятно, но Эренбургу позволили жить в Берлине, в Париже и в Брюсселе, сохраняя советское гражданство до 1933 г. В начале этого периода он напечатал «Необычайные похождения Хулио Хуренито» – роман, немедленно принеший ему международное признание. Этот остроумный, оригинальный и человечный роман Эренбурга стал его зенитом литературной карьеры.

Несколько лет Эренбург провел в Берлине, редактируя с другом журнал конструктивистского искусства. Он относился к Берлину, как к серому недружелюбному городу, и мечтал поскорее покинуть его. Вскоре ему удалось переехать в любимый город своей молодости – Париж. Но Париж уже изменился и не был больше дружелюбно настроен к российским эмигрантам. Для Эренбурга настали тяжелые дни, и ему предстояло сделать нелегкий выбор: принять французское гражданство или оставаться советским писателем, проживающим за границей. Он понимал, что рано или поздно ему придется принимать это решение, но он пытался насладиться каждой минутой свободы, предоставленной ему статусом «попутчика».

В это же время Тычина ощущал себя «эмигрантом» в Харькове. Он тоже колебался, стоило ли ему оставаться «попутчиком» или стать активным строителем светлого будущего. После возвращения из-за границы Тычина присоединился к последней на Украине группе свободных богемных писателей, называвшейся ВАПЛИТ («Вольная академия пролетарской литературы», 1925–28 гг.). Ранний период этой талантливой группы характеризовался творческим энтузиазмом и неподдельным очарованием начинающих литераторов. Во главе группы стоял один из наиболее ярких украинских писателей того времени, Николай Хвиевой (Микола Хвильовий). Хвиевой публиковал короткие рассказы, стихи и эссе; он относился к тем коммунистам, которые пылко верили в возможность возрождения Украины при советской власти. Его нельзя было назвать националистом в узком смысле этого слова, наоборот, уважая культуру и традиции других народов, он стремился познать и выразить национальный характер своего собственного народа. Одной из целей ВАПЛИТа было изучить западноевропейскую культуру, чтобы оторваться от постоянного российского давления. Хвиевой выступил с отчаянно смелым по тем временам лозунгом: «Геть від Москви! Даєш Європу!» («Прочь от Москвы! Даешь Европу!»)

Несмотря на то, что Тычина оставался членом этой группы до самого ее печального конца, он никогда не разделял наивный оптимизм своих товарищей. В письмах поэта к своей невесте постоянно нарастало предчувствие надвигающейся трагедии. Тычина рано начал протестовать против цензуры, и в 1925 г. он выразил свои чувства отчаяния в коротеньком, лишь недавно опубликованном стихе:

До кого говорить?
Блок у могилі, Горький мовчить.

Рабіндранате-голубе!
З далекоп Бенгаліп
Прилинь до мене на Вкрапну.
Я задихаюся, я гину.³⁶

(С кем говорить? / Блок в могиле, Горький молчит./ Рабиндранат-голубь мой!/ Из далекой Бенгалии/ прилети ко мне на Украину./ Я задыхаюсь здесь, я сгину».)

Очень скоро российские коммунисты поняли, что Украина начинает отходить от России, и политика украинизации была свернута. Начались репрессии

против деятелей украинской культуры. В 1926 г. ВАПЛИТ стал целью партийных нападок. В 1927 г. Тычину обвинили в распространении националистического опиума для народа. Поэт жаловался своей невесте, что в царившей атмосфере творить было совсем невозможно: «Среди плеток, среди доносов, среди подкопов попробуйте творить!»³⁷ Несмотря на то, что поэт продолжал принимать участие в работе ВАПЛИТа, он старался вести себя как можно незаметнее. (Молчание Горького послужило примером и для Тычины). Но в письмах к друзьям он не мог уже больше сдержаться, и в 1927 г. он открыто каялся в своем неумении смело высказать вслух правду: «Вы знаете, лежу я ночами и думаю: великий я неук – это раз; большой мерзавец – это два и вообще я дельфин по милости божьей».³⁸ До 1933 г. Тычина продолжал надеяться на возможность выжить в качестве «попутчика», неприсоединившегося к Сталину. Он принимал активное участие в академической жизни Украины и много разъезжал. В это время он посетил Турцию и выучил турецкий язык. Он вел жизнь ученого, но полностью прекратил сочинять стихи.

Новый мрачный период в культурной жизни Украины настал в 1928 г. с принятием партией первой пятилетки. С конца двадцатых годов усилились преследования так называемых националистов, и в их числе украинских интеллектуалов. Началась декада культурного упадка в республике. Постепенно закрывались литературные и просветительские организации; многие украинские деятели культуры и искусства были арестованы по ложным обвинениям; были сфабрикованы фантастические тайные организации. Цвет украинской культуры, сотни писателей были расстреляны или получили различные сроки заключения в концлагерях Сибири, где многие из них также погибли. Этот террор и чистки на Украине к тому же совпали с жестоким голодом – «голодомором» – поразившим республику в начале тридцатых годов. В результате сталинской политики «житница страны» была превращена в пустыню голода и смерти. Миллионы крестьян умирали, потому что у них отобрали зерно. Беспрецедентный в истории голод превратил жизнь на Украине в настоящий кошмар.

Даже чрезвычайно осторожный в высказываниях Тычина не мог сдержать своей боли по поводу голодной смерти его младшей сестры Саши: «Если бы я раньше знал, что Саша так ослабла! Я же совсем не думал и не знал всего, что она там натерпелась в селе».³⁹ Раньше, в 1921 г., во время гражданской войны Тычина-поэт не боялся писать о жутких последствиях революции, приведших к голоду и к каннибализму в украинских селах. В тридцатых годах, во время великой национальной катастрофы, Тычина лишь тихонько шептал правду в кругу семьи да плакал ночью под подушкой.

Чистки и репрессии продолжались по всей территории СССР, но на Украине к прочим обвинениям добавлялись еще и обвинения в буржуазном национализме, и потому число жертв было особенно высоко. В 1933 г., не вынеся травли и преследования, покончил с собой Хвиевой. Для Тычины этот удар был невыносимо тяжел. Поэт понимал: настало время выбора между жизнью и смертью. Для того, чтобы спастись от репрессий, Тычине полагалось открыто признать свою вину в так называемых «ошибках» и доказать свою верность Сталину, написав

несколько произведений, восхвалявших коммунистическую партию и ее мудрого вождя. После нескольких лет молчания Тычина решился пойти «ва-банк». Он написал стихотворение «Партия ведет», свои первые конформистские стихи, не представляющие собой никакой литературной ценности. Сначала украинская пресса отказалась печатать их.⁴⁰ Но, несмотря на большой риск, Тычина отослал стихотворение прямо в центральную партийную газету «Правда». Этот шаг оказался верным. Стихи соответствовали вкусу и целям московского тирана; они были немедленно опубликованы и переведены на многие языки СССР. Начиная с 1933 г., блестящий и оригинальный поэт Тычина превратился в послушного составителя хвалебных од и панегириков.

Как и Тычине, Эренбургу нужно было решать свою судьбу в 1933 г. Его выбор был идентичен с выбором Тычины: предоставить себя в распоряжение СССР и Сталина. Первые нотки возможного компромисса с советскими властями промелькнули у Эренбурга в 1928 г., когда он опубликовал роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца». Это был пессимистический роман, обвинявший западное общество в том, что оно помогло бедному Лазику – «еврейскому Швейку», как его окрестили западные критики – сбежать от антисемитизма в России только для того, чтобы быть арестованным в Европе и умереть от голода в Палестине. Казалось, Эренбург признавался себе в том, что от собственной судьбы не сбежать. Он старался убедить своих читателей и себя самого в том, что у него нет иного выхода, как вернуться в СССР.

В начале тридцатых годов положение Эренбурга ухудшалось с каждым днем. Советские издатели прекратили выплачивать ему деньги за переводы, и ему не на что было прокормить семью. Сталин полным ходом разворачивал бесчеловечные программы индустриализации и коллективизации; партия активно преследовала всех свободомыслящих людей, и тень ужаса ползла по всей стране. Для достижения своих целей Сталин хотел мобилизовать все человеческие ресурсы, он не мог больше разрешить кому-либо оставаться «попутчиком» ни внутри страны, ни за границей. От Эренбурга потребовали занять верную позицию. Друзья, приезжавшие на Запад, рассказывали ему о сложностях коллективизации и о голодоморе на Украине. Эренбург знал о терроре, свирепствовавшем в стране. Но он продолжал хранить молчание. Подобно Тычине, он не отважился рассказать миру правду о катастрофе украинского народа. Но почему? Из-за того, что ему не на что было прожить? Или потому, что он верил в идеалы Сталина? Или потому, что он уже предчувствовал, что впереди человечество поджидает еще более страшная катастрофа, надвигающаяся с Запада, со стороны темного тирана Германии? Похоже, что последний ответ наиболее близок к реальности, потому что Эренбург всегда боялся, что мировое господство Германии приведет человечество к неопишуемой катастрофе. В «Хулио Хуренито» он создал образ нациста уже в 1922 г., задолго до того, как мир узнал о существовании Гитлера.

В молодости Эренбург верил, что злом нельзя победить зло, и что война не может положить конец войне. В зрелые годы Эренбург пришел к выводу, что одно зло (Сталин) было лучше другого зла (Гитлера), и что либеральный Запад находился в плену заблуждений, не решаясь противостоять атакам ни одного из этих

зол. В этой ситуации писатель решил стать на сторону меньшего из этих зол, чтобы побороть большее. Эренбург знал, что для этой цели ему необходимо убить что-то в самом себе, для того, чтобы переродиться лояльным гражданином, достойным доверия властей.

В 1932 г. Эренбург еще в Париже стал корреспондентом газеты «Известия», приняв предложение, которое он отклонял на протяжении многих лет. В 1933 г. он написал «День второй» – его первый пропагандистский роман о пятилетке. Название романа, взятое из библейской книги Бытия, должно было символизировать прославление нового российского стиля жизни. Но, тем не менее, главный герой романа, Володя Сафонов, не был символом оптимизма. Наоборот, не в состоянии приспособиться к новому обществу, он повесился. Позднее Эренбург объяснял в своих мемуарах, что в действительности это он сам – автор – покончил с собой в этой книге. Более того, он сделал это преднамеренно. Эренбург писал, что это он сам пытался покончить с собой, сохраняя добровольное умалчивание о происходящем, как в годы фашизма, так и в годы испанской войны. «Куль личности» лишь добавил вынужденное замалчивание к добровольному молчанию.⁴¹

В действительности Эренбург, как и его герой, решили выжить, стиснуть зубы и овладеть наиболее тяжелым из всех искусств – «искусством молчания». В те годы Эренбург еще не подозревал о существовании еще более тяжелого искусства: искусства оставаться в живых, когда все твои друзья пропадают под колесами истории.

Сначала советские власти не захотели печатать «День второй», считая роман не подходящим для партийных целей. Но Эренбург сыграл «ва-банк», решив издать книгу за свой счет в Париже. И он вытасил выигрышный лотерейный билет: сам Сталин просмотрел этот роман, и пришел к выводу, что неортодоксальная пропаганда все-таки может быть хорошей пропагандой. Для Эренбурга дорога домой была открыта. Так получилось, что именно в том же 1933 году, что и Тычина, Эренбург переродился в качестве протеже Сталина и писателя-пропагандиста. Оба селестияльных близнеца заканчивали период трансформации из божьих революционеров в уважаемых представителей истеблишмента.

Начиная с 1933 г. Тычина вынужден был расплачиваться за свой конформизм. Нет простого ответа, как он из «до невозможности мягкого» человека превратился в проповедника ненависти. Но у него это очень хорошо получалось. Его пламенные стихи, призывающие беспощадно убивать всех буржуев, заучивались наизусть всеми школьниками УССР: «Так пускай себе как знают/Сходят с ума и пропадают./ Нам свое вершить/ Всех панов – в единую яму/ Будем, будем бить/ Будем, будем бить». («Партия ведет»). В русской версии переводчик сделал небольшое изменение: вместо «Всіх панів – до дноп ями» было написано «Всех панов увидим в яме». Тычина негодовал против такой «вегетарианской» версии. В письме протеста, адресованном Украинскому совету писателей он объяснял, что речь идет об «отсебятине» переводчика. Он сам не мог быть таким пассивным по отношению к буржуям: «А мы ведь не просто их «увидим» пассивно, мы их загоним туда, сбросим!»⁴²

До начала второй мировой войны Тычина опубликовал только два новых сборника стихов: «Чувство единой семьи» (1938) и «Сталь и нежность» (1941). В них печатались вирши на разрешенные темы, идущие в ногу с решениями партии и правительства. Поэт восхвалял «кремлевское Солнце» (Сталина) и «счастливую жизнь» советского народа; «трудовые достижения» и «дружбу народов» в СССР. Кроме того, Тычина-пропагандист принимал активное участие в строительстве нового государства, взяв на себя роль культурного посланника, представляющего идеи партии за рубежом.⁴³

Постепенно Тычина начал оценивать и положительные стороны своего нового положения. Он больше не жил в голоде и холоде, а получил комфортабельную квартиру в Киеве. В 1935 г. он посетил Париж, Берлин и Лондон, принимая активное участие в конгрессе в защиту культуры. Но Тычина ни разу не воспользовался своими международными связями для того, чтобы рассказать правду о трагедии украинского народа. Его лояльность вознаграждалась наградами, орденами и званиями, включая наиболее престижную Сталинскую премию (1941). В глубине души он смирился с идеей, что ему уже никогда не вернуться к счастливым творческим дням своей юности. Но, подобно историческому апостолу Павлу, он никогда до конца не отрекался от своей прежней веры, и никогда окончательно не превратился из человека в коммуниста. Лично он никогда никого не предавал, служа в меру сил своим украинским национальным и культурным интересам. До конца второй мировой войны он избегал вступить в партию. Время от времени его обвиняли в «идеологических отклонениях», но его обостренные инстинкты или его редкое везение спасали его от беды.

В начале второй мировой войны многие украинцы сомневались, что было бы лучше для них. Многие помнили немецкую оккупацию во времена первой мировой войны, и считали, что немецкое господство будет лучше служить национальным интересам. Тычина так не считал. Еще с начала испанской войны он выражал свой резкий протест против фашизма. Для него, так же, как и для Эренбурга, было ясно, что Сталин лучше Гитлера. Для победы над нацизмом Тычина готов был подчинить свои творческие способности пропагандистским целям. Находясь в эвакуации, поэт писал от всего сердца и от всей души. Он ненавидел нацистских оккупантов, убивавших его родственников и разрушавших его край. Он взывал к отмщению, он обучал украинцев ненавидеть фашистов. Его девизом стало: «отомстить палачам».

Самые глубокие чувства потери и отчаяния были выражены в стихах «Похороны друга» (1942). Казалось, что на миг вернулся прежний поэт Тычина.⁴⁴ Но это только казалось. Его послевоенные сборники стихов отличались интересным стилем и формой, но по-прежнему носили пропагандистский характер. После войны Тычина вернулся в Киев. В период между 1943 и 1948 гг. он был министром образования УССР. Начиная с 1949 г. он стал заместителем председателя украинского комитета мира. В это время началась новая волна репрессий и подавления украинской культуры. Тычина демонстрировал типичное поведение двуликого Януса, принятое на вооружение украинскими лидерами того времени. С одной стороны, для того чтобы спасти свой положение, а возможно, и даже

жизнь, он создавал видимость подчинения российским властям. С другой стороны, медленно и исподволь он помогал молодым украинским писателям, которые впоследствии смогли поднять голову после смерти Сталина.

Пятидесятые годы принесли новую волну страха и террора. «Украинских националистов» так же, как и «еврейских космополитов» объявляли «врагами народа», и их активно ликвидировали. Среди расстрелянных Сталиным деятелей культуры был и близкий друг Тычины, еврейский детский писатель на языке идиш, Лев Квитко. По всей видимости, Тычина помог сохранить и позднее опубликовать его работы, но он не пытался спасти его жизнь. Он, как обычно, хранил молчание.

После смерти Сталина перед молодежью открылись новые горизонты, но представители старшего поколения оставались пессимистически осторожными. Тычина продолжал свою академическую деятельность литератора, оставаясь бодрым и молодым в душе. 16 сентября 1967 г. он мирно скончался в Киеве. Ему было 76 лет. Его сестиниальный близнец умер за две недели до него.

«Перерождение» Эренбурга «убило» в нем (по крайней мере, временно) творческого писателя. После возвращения в Москву он опубликовал свою следующую книгу о пятилетке. Она была скучной и безжизненной. Его публицистика того периода тоже не была интересной. Он писал поверхностные статьи в «Известиях», описывая загнивание Запада и восхваляя новую жизнь, возрождающуюся в России. Но жизни Эренбурга вновь суждено было измениться, потому что Сталин был заинтересован послать его назад во Францию для подготовки всемирного конгресса писателей антифашистов. Трудно сказать, что этот форум сыграл какую-то роль в борьбе с фашизмом, но он заложил основу для создания будущего международного движения борьбы за мир, которое служило Сталину прикрытием его жестокой внутренней политики. Сталин нуждался в поддержке западноевропейских интеллектуалов, а Эренбург казался ему наиболее подходящей кандидатурой на пост неофициального советского посла на Западе.

С началом гражданской войны в Испании Эренбург немедленно отправился туда в качестве военного корреспондента. Это был очень тяжелый период в его жизни. С одной стороны, ему пришлось стать свидетелем победы фашизма в Испании. С другой стороны, до него доходили сведения о чистках в России, во время которых большинство его друзей были арестованы или расстреляны. Следующий удар обрушился на писателя, когда был подписан пакт о ненападении между Германией и Россией. После подписания мирного соглашения с Гитлером Сталин больше не нуждался в пламенных статьях своего ведущего антифашистского пропагандиста. Эренбурга отозвали в Москву и вынудили молчать. И все-таки, судьба хранила своего любимца, и Сталин сохранил ему жизнь, позволив продолжать работу над новым романом «Падение Парижа».

И вновь вся жизнь изменилась после нападения Гитлера на Россию, когда Эренбург стал ведущим советским пропагандистом. Ему удавалось находить простые слова, хватавшие за душу бойцов. Он стал любимым журналистом солдат, и Евтушенко писал впоследствии, что солдаты на фронте никогда не делали самокруток из тех газет, где были его статьи. Яростные заметки Эренбурга принесли ему огромную популярность, как в СССР, так и за пределами страны. Он вставал

гордо, в полный рост, как русский, как европеец и как еврей. Но именно он, чьи ранние работы были пронизаны убеждениями космополитизма, стал автором самого ходкого лозунга: «Убей немца!». Своей задачей Эренбург видел научить советского солдата ненавидеть. Для него война без ненависти стала настолько же «аморальной, как секс без любви».⁴⁵ Война была беспощадной, и в листовках Эренбург писал: «Мы знаем все. Мы помним все. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждёшь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! – это просит старуха-мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»⁴⁶

Поразительно, что в своей личной жизни ни один из этих селестиальных близнецов никого не убивал. Но в своих лозунгах Эренбург и Тычина призывали уничтожать некоего обобщенного обезличенного врага. Враг или зло в их лозунгах носили собирательный характер и не имели человеческого лица. «Убей пана, убей буржуя», – кричал мягкий Тычина. «Убей немца!», – эхом вторил ему Эренбург, как будто оба отчаянно призывали: «Убейте зло, как бы оно ни называлось. Убейте зло!» Трудно объяснить такую неожиданную метаморфозу и настолько безжалостный подход к каким бы то ни было людям. Но там, где здравый смысл не может отыскать ответа, на помощь может прийти астрология. Хикки писала, что, когда Водолеи «проявляют свои деструктивные свойства, они могут быть ментально жестокими, полностью лишёнными любви и жалости».⁴⁷

В течение всей жизни Эренбург пытался найти корни зла, стараясь безжалостно истребить их на ментальном уровне. Но в реальной жизни невозможно было уничтожить абстрактное «зло» без того, чтобы при этом не убить реальных людей, носителей этого «зла». Эренбург и Тычина призывали убить абстрактного буржуя или абстрактного немца, но при этом гибли живые люди.

В молодости Эренбург под влиянием Волошина заявлял, что зло не может быть побеждено злом. Но, в отличие от Волошина, он никогда не был способен принять на себя грехи других и очистить их путем прощения. В блестящем сатирическом романе «Хулио Хуренито» Эренбург смело заглядывал в себя, проверяя возможность бороться со злом. Он доводил до логичного конца идею уничтожения зла: потому что в каждом человеке есть крупица зла, то, на самом деле, все человечество есть зло, и потому должно быть уничтожено. В качестве зрелого писателя Эренбург уже был готов убить «зло» во всех, но он все еще не был готов признаться в существовании «зла» в себе самом. В какой-то момент своей жизни он сделал выбор – уцелеть, даже за счет безжалостного отношения к другим.

Служение Эренбурга сталинскому режиму щедро вознаграждалось многочисленными орденами и наградами. Он стал лауреатом Сталинской премии в 1942 г., почти одновременно с Тычиной. В 1948 г. он второй раз получил Сталинскую премию. Он стал одним из очень немногих евреев депутатом Советом национальностей. Звания и деньги делали жизнь более устроенной и комфортабельной.

Послевоенные годы стали черной полосой в истории советского еврейства. В 1946–53 гг. Кремль организовал широкомасштабную кампанию антисемитизма. Закрывались еврейские просветительские учреждения; были распущены секции еврейских писателей, работавшие при Союзах писателей в Москве, Киеве и Минске; был прекращен выпуск изданий на еврейском языке; шли аресты видных деятелей науки и культуры, лучших представителей еврейской интеллигенции; в недалеком будущем, по всей видимости, намечалась сталинская версия «окончательного решения еврейского вопроса». Одним из заключительных актов этой трагедии стало так называемое «Дело Еврейского Антифашистского Комитета», завершившееся 12 августа 1952 г. расстрелом 13 его членов. В этот день в числе других осужденных за «космополитизм» и за «Сионистский заговор» были уничтожены люди, составлявшие цвет еврейской литературы: писатель Давид Бергельсон, поэты Перец Маркиш, Давид Гофштейн, Ицик Фефер и Лев Квитко. Все они писали на идиш. Эренбург тоже входил в состав этого комитета и был близким другом украинских еврейских писателей Квитко и Фефера. Но когда Эренбурга спросили во время его визита в Лондон о судьбе Квитко и Фефера, он однозначно опровергал слухи об их аресте, добавляя, что они живы и здоровы. Молчание Эренбурга об уничтожении советских еврейских интеллектуалов было впоследствии названо на Западе надиром морального падения его карьеры. Волновала ли Эренбурга судьба его друзей? Неожиданно, намек на истинную глубину переживаний писателя можно найти в письмах Тычины. Как это уже упоминалось ранее, Тычина тоже был близким другом Квитко. В письме к вдове друга Тычина впоследствии пытался объяснить, как сильно он любил покойного: «Сколько раз я говорил о Льве Мойсеевиче И. Эренбургу (конкретно, когда мы с ним были в Варшаве после окончания войны и проходили разрушенные кварталы гетто)». ⁴⁸ Похоже, что оба селестальных близнеца умели заботиться о друзьях, но только, когда они шептались об этом друг другу на ухо!

Однако было бы неверным обвинить Эренбурга в предательстве своего народа. В его поведении в эти жуткие годы наблюдалась вся та же типичная для этих селестальных близнецов двойственность. С одной стороны, Эренбург демонстрировал лояльность к режиму. С другой стороны, он призывал молодежь открыто симпатизировать молодому еврейскому государству Израиль. Во время процесса над «врачами-убийцами», когда в январе 1953 г. советские газеты оповестили страну, что органы госбезопасности раскрыли террористическую группу врачей, «ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза», Эренбург проявил гражданское мужество, отказываясь играть какую-либо роль в партийных планах выселения евреев в Сибирь. Более того, считается, что он направил отчаянно смелое письмо Сталину, добиваясь отмены этих планов. ⁴⁹ Невозможно проверить, повлияло ли это письмо на Сталина,

потому что тиран уже был смертельно болен. Но сам факт отправки этого письма свидетельствовал о заботе писателя о будущем своего народа.

После смерти Сталина Эренбург попытался открыть окна России, чтобы впустить свежий воздух. Его роман «Оттепель» дал название целому периоду культурного возрождения в СССР. Оттепель стала символом новых возможностей и начала новой эры. Эренбург мечтал о возвращении к счастливым богемным дням «Ротонды»; ему хотелось поделиться с советскими людьми своими воспоминаниями и дать им ощутить запах свободы. Частично он в этом преуспел. Эренбург организовал выставку Пикассо в Москве; он вернул к жизни работы Цветаевой и опубликовал свои мемуары «Люди, годы, жизнь». Он не осмелился написать в воспоминаниях «всю правду», но, по крайней мере, он показал советской молодежи другой мир, мир с человеческим лицом, в котором у каждого человека есть свое имя. Из безликого мира леденящих «измов» (марксизм, коммунизм, социализм, фашизм) Эренбург распахнул двери, чтобы вдохнуть теплый весенний воздух пробуждения.

Власть опять быстро сменилась: оттепель, как всегда, была короткой. Новые попытки подавить свободу слова начались в 1965 г., когда в Москве были арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. 75-летний Эренбург не хотел больше молчать. В конце жизни он подписывал петиции в защиту Синявского и Даниэля и против реабилитации Сталина. Умер Эренбург от инфаркта 31 августа 1967 г. Его похороны превратились в массовую демонстрацию в защиту прав человека.

Приходит к концу история о двух мастерах выживания. Но осталось еще добавить пару слов об их личной жизни. Оба писателя не распространялись о своей семейной жизни. Оба повстречались со своими будущими женами в 1919 г. в Киеве при одинаковых обстоятельствах: влюбившись в дочерей своих хозяек квартиры. Оба поженились в Киеве. Оба были почти на девять лет старше своих жен. Лидия Папарук–Тычина и Любовь Козинцева-Эренбург были образованными и привлекательными женщинами. Сразу же после свадьбы Эренбурга в 1919 г. молодым пришлось еще некоторое время жить порознь. Тычина долгое время жила в Харькове вдали от своей невесты, оставшейся в Киеве с матерью. В официальный брак Тычина вступил в 1938 г. На протяжении 50 лет Эренбург и Тычина искренне заботились о своих женах, относясь к ним зачастую, как к маленьким детям. Оба писателя также заботливо относились к своим тещам. Эти пары оставались бездетными, и ходило немало слухов о том, что оба селестиальных близнеца время от времени заводили романы.

Об Эренбурге известно, что он в Париже имел короткую связь с дочерью петербургского фабриканта Катериной Шмидт. Он страстно любил Катю, но ее отец был немецкого происхождения, и он никогда не дал бы согласия на брак дочери с евреем. В 1911 г. у этой пары в Ницце родилась дочка, Ирина. Вскоре после того Катерина оставила Илью, забрав дочь с собою. Между ними сохранялись дружеские отношения, и Эренбург всегда материально поддерживал дочку, которую он позднее официально удочерил. Когда Ирине исполнилось 13 лет, она вместе с тремя своими сестрами переехала в Париж. Ирина Эренбург впоследствии стала талантливой писательницей.

У Тычины не было никаких упоминаний о детях. Он писал, что ему всегда было тяжело находиться с маленькими детьми. Сам он происходил из очень большой семьи, в которой было 13 детей. В течение всей своей жизни писатель материально поддерживал братьев и сестер и заботился о них. Некоторые из его племянников часто гостили в его доме, и он даже собирался усыновить одного из них. Подобно Эренбургу, Тычина иногда жаловался, что постоянная необходимость материально поддерживать родственников ложится слишком тяжелым бременем на его плечи и бюджет.

В семейной, так же как и в общественной жизни, Тычина и Эренбург чувствовали, как будто все проблемы их родственников, их народа и всего мира были возложены на их плечи. В какой-то степени они видели себя Атлантами, держащими на себе весь мир. Возможно, что вопрос выживания в их глазах символизировал полную победу жизни над смертью. Эренбург писал: «Мы должны защитить жизнь – в этом призвание нашего злосчастного поколения».⁵⁰ Постольку, поскольку они были живы, они могли поддерживать свои семьи, свой народ и саму жизнь. Они делали это так, как могли и как понимали свою жизненную миссию. Возможно, они совершили немало ошибок, но много людей остались благодарными этим «мастерам выживания». Например, Евтушенко писал: «Илья Эренбург? Он учил нас всех, как выжить».⁵¹

В заключение заметим, что история не вынесла еще окончательного приговора о жизни и творчестве этих сестелиальных близнецов. «Энциклопедия мировой литературы XX века» опубликовала в 1972 г. свой прогноз о возможном будущем месте Эренбурга в мировой литературе. Этот прогноз мог бы относиться и к Тычине: «Его политическое приспособленчество, саркастический цинизм и осторожная идеологическая агрессивность – чередовавшиеся с отречениями – отражались на обесценивании его таланта, зачастую толкая его в направлении оппортунизма и компромисса и поднимая серьезный вопрос о том, как долго он удержит свое положение в литературе».⁵²

В последнее время произведения Эренбурга и Тычины не пользуются большой популярностью ни в России, ни на Украине. Но недавние публикации архивов Тычины и опубликованные на Западе новые биографии Эренбурга все еще могут привлечь к ним новую волну читателей.

Θ-факторные и астрологические комментарии

Водолей считается знаком гуманистов. От Водолеев ожидают умения распространять идеи и высказываться не только за себя, но и за тех, кто не умеет объяснить себя сам. Девизом их жизни стали слова «Я знаю», и им необходимо научиться делиться своими знаниями с людьми.

Водолеем руководят два принципа, связанные с Ураном и Сатурном. Уран символизирует будущее и революционные силы изменения; он разбивает старые отжившие устои и концепции. Если силы Урана не ограничить, то они действуют разрушительно, уничтожая все старые формы. В противоположность ему Сатурн

символизирует прошлое, силы сохранения, закона и порядка. Роль Сатурна состоит в кристаллизации форм, структур и норм. Эти два универсальных принципа должны находиться в идеальном равновесии. Без перемен Урана жизнь превратится в застывшую выкристаллизовавшуюся форму; жизнь без стабильности и традиций Сатурна превратится в полный хаос. Основной задачей Водолеев становится понять и научиться поддерживать состояние равновесия между двумя этими принципами. С точки зрения Хикки, Водолеи несут в себе внутреннюю двойственность – в них должны как-то ужиться революционный божественный аспект (управляемый Ураном) и консервативный традиционный аспект (управляемый Сатурном).⁵³

Не являясь поклонником астрологии, Эренбург, тем не менее, будучи истинным Водолеем, испытал на себе это противостояние принципов Сатурна и Урана и описал его в «Люди, годы, жизнь» следующей яркой метафорой: «У Януса было два лица не потому, что он был двуличным, как часто говорят, нет, он был мудрым: одно его лицо было обращено к прошлому, другое – к будущему».⁵⁴

Его называли Янусом, и он писал о «двух Эренбургах», которые редко уживались в гармонии друг с другом. Он также понимал, насколько трудно было поддерживать состояние равновесия между ними.

Было немало попыток объяснить все многочисленные парадоксы в жизни Эренбурга, и все же исследователи продолжают называть его жизнь загадкой. Осталось немало безответных вопросов о парадоксах и дихотомии в жизни Тычины. С точки зрения астрологии, все эти кажущиеся парадоксы становятся интегральной частью архетипального двойственного поведения Водолея.

Вдобавок к Солнцу в Водолее в картах Эренбурга и Тычины можно увидеть, что планеты были распределены равномерно по всему зодиакальному кругу, демонстрируя разнообразие возможных способов поведения и умение понять практически любые формы человеческого мышления. Так, их Меркурий был в Козероге, отражая умение думать, как Козерог, известный своей осторожностью. Венера в их картах была в Стрельце, подчеркивая их врожденный идеализм. Марс в Овне показывал амбиции и умение совершать рискованные поступки. Юпитер в Водолее усиливал качества Водолея и указывал на дипломатические способности. Сатурн в Деве свидетельствовал о критическом, аналитическом и рациональном складе ума. Этот разброс планет в сочетании с исключительно гармоничными аспектами Солнца указывал, как на способность понимать людские души, так и на возможность проявить мудрость и выжить в тяжелой ситуации. Эренбург и Тычина воспользовались своими врожденными талантами для того, чтобы уцелеть самим и написать о других людях.

«Не-астрологи» часто пользуются ходовыми клише для того, чтобы объяснить, почему Эренбург или Тычина уцелели. Например, про Эренбурга писалось, что его «еврейский талант выживания» помог ему пережить репрессии и чистки. Какое милое клише! Но что же спасло Тычину – его «еврейский талант» или его «украинский талант»? И почему этот талант не спас шесть миллионов евреев, погибших во время второй мировой войны? И что тогда сказать о Квитко, которому не помогли ни его еврейское происхождение, ни его украинское окруже-

ние? «Объяснялось» также, что Эренбург пережил 1937 г., потому что он был в это время в Испании. Но Тычина не был в Испании, и он выжил, в то время как, например, Кольцов вместе со многими другими писателями, бывшими в Испании, был ликвидирован.

Эренбург и Тычина утверждали, что единственным способом выжить было убить в себе творческие способности и сотрудничать со Сталиным, превратившись в послушных функционеров. Как и многие другие конформисты, они верили, что оды и панегирики, написанные в честь Сталина, были лучшей защитой от концлагерей. Может быть, что для них лично это и было единственным способом уцелеть. Но были и другие советские писатели, которые никогда не запятнали свое имя сотрудничеством с властями, и все-таки выжили. Один из таких писателей, рожденный в Водолее Евгений Замятин, написал: «Настоящая литература может быть создана только сумасшедшими, отшельниками, еретиками и скептиками, а не послушными и верными функционерами». Замятин продолжал творить. В 1931 г. он получил специальное разрешение Сталина эмигрировать в Париж. Другой писатель Водолей, сумевший тоже пережить Сталина, был лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак, избравший жизнь отшельника и еретика. С другой стороны, было немало приспешников Сталина, ликвидированных им, несмотря на их преданность и веру в вожда.

Еще одним частым клише стала фраза, что Тычина стал лирическим поэтом под влиянием украинских народных песен. Безусловно, эти песни оказали свое влияние, но, несмотря на то, что миллионы украинцев выросли на этих песнях, они не стали выдающимися поэтами. На Эренбурга не повлияли украинские народные песни, но, несмотря на это, он стал талантливым поэтом, чьи стихи отличались богатством музыкальных рифм.

Некоторые исследователи пытались понять «нелогичный» интерес, проявленный Эренбургом к христианству; они также объясняли его интерес к еврейским темам его происхождением. Но у Тычины не было еврейских корней, но и его привлекали как темы иудейские, так и христианские.

Похоже, что в данном случае распространенные клише не соответствуют действительности. Θ -факторный анализ выявляет, что за внешне различными личными обстоятельствами жизни этих сестриальных близнецов скрывался еще один общий фактор – фактор времени, который параллельно направлял обе жизни. Без существования Θ -фактора очень трудно объяснить параллельность в настолько уникальных двойственных и сдвоенных жизнях.

Таблица параллелей

Дата рождения

Обычно датой рождения Тычины и Эренбурга считается 27 января 1891 г. Несмотря на то, что в своих мемуарах Эренбург упоминал 26 января в качестве дня рождения, Тычина и Эренбург обычно говорили, что они родились в один день. Этот пример показывает, насколько часто люди не уверены в точном дне своего рождения.

Селестиальные близнецы

Совпадение имен	Отчество обоих писателей было Григорьевич. Тычину называли Павлом; Шкловский считал, что Эренбургу соответствует имя Павел.
Образ матери	Обе матери сохраняли народные традиции.
Образование	Тычина не окончил киевский коммерческий институт; Эренбурга исключили из московской гимназии.
Дружба с революционерами	Оба проявляли интерес к подпольной деятельности и были объявлены «неблагонадежными». Тычина подружился с Н.И. Подвойским; Эренбург – с Н.И. Бухариным.
1910 г.	Начали публиковать свои стихи.
Богемный период	Перед войной Эренбург и Тычина увлекались искусствами и переводили французских символистов.
Первая мировая война	Оба зарабатывали на жизнь журналистикой.
Революция и гражданская война	В 1919 г. оба находятся в Киеве. Эренбург печатает рецензию на «Солнечные кларнеты» Тычины.
Вершина творческих успехов	Эренбург прославился романом «Хулио Хуренито» (1920–1922); Тычина – сборниками «Солнечные кларнеты» (1918), Плуг (1920), «Ветер с Украины» (1924).
«Попутчики»	С 1919 по 1933 г. оба были «попутчиками», отказываясь вступать в партию и применять принцип партийной литературы.
1933 г.	Опубликованы «День второй» Эренбурга и «Партия ведет» Тычины. Оба писателя «стиснули зубы» и превратились в сталинских приспешников.
Вторая мировая война	Оба писали яростные статьи против фашизма.
Сталинская премия	Оба были лауреатами сталинской премии: Тычина в 1941 г, а Эренбург – в 1942 г.
Члены комитетов	Оба были организаторами и участниками сталинских комитетов по борьбе за мир, верно представляя интересы Сталина за границей.
Депутаты Верховного Совета	Оба были избраны депутатами, и оба очень серьезно относились к своим обязанностям.
Дихотомия	Жизнь обоих была парадоксальной, если не «двуличной». С одной стороны, они служили Сталину, а с другой стороны заботились о своем народе и его культуре.
Поиск веры	Оба искали истинную веру и даже взвешивали возможность монастырской жизни.
Национальное и интернациональное	Оба были талантливыми переводчиками, знали много языков и стремились стать посредниками между различными народами.
Семейная жизнь	Оба женились в Киеве. Оба были на девять лет старше своих жен. Прожили в дружбе и согласии с женами около 50 лет.

Последние годы и смерть	Оба прожили 76 лет, оставаясь активными членами общества до последних дней. Они умерли с интервалом в две недели.

Сноски:

- ¹ В. Высоцкий родился в Водолее.
- ² Rytman Dora, *Russian-Jewish Literature as a Mirror of the Fate of Russian Jewry: The special Case of Ilya Ehrenburg*, Ph.D. Brown University, Ann Arbor, U.M.I., 1993, p. 278 (Далее – Rytman).
- ³ Эренбург, т.8, стр. 7.
- ⁴ *Columbia Dictionary of modern European Literature*, 11nd ed, J. A. Bede, W.B. Edgerton, New-York, Columbia University Press, 1980, p. 825.
- ⁵ George S. N. Luckyj, *Literary Politics in the Soviet Ukraine 1917–1934*, London, Duke University Press, 1990, p. 121 (Далее – Luckyj).
- ⁶ Эренбург, т.8, стр. 295.
- ⁷ П.Г. Тичина, *Зархіву Тичини*, Киев, Наукова думка, 1990, стр. 294 (Далее – *Зархіву Тичини*).
- ⁸ *Зархіву Тичини*, стр. 295.
- ⁹ П.Г. Тичина, *Зібрання творів у дванадцяти томах*, том 12, Киев, Наукова думка, 1990, стр. 396. (Далее – *Зібрання творів*)
- ¹⁰ Эренбург, т. 8, стр. 7.
- ¹¹ *Зархіву Тичини*, стр. 6.
- ¹² *Зархіву Тичини*, стр. 78.
- ¹³ *Зархіву Тичини*, стр. 77.
- ¹⁴ Luckyj, стр. 121.
- ¹⁵ *Зібрання творів*, т. 7, стр. 337.
- ¹⁶ *Зібрання творів*, т. 7, стр. 337.
- ¹⁷ *Зібрання творів*, т. 7, стр. 24.
- ¹⁸ *Зібрання творів*, т. 12, стр. 98.
- ¹⁹ *Зархіву Тичини*, стр. 74.
- ²⁰ A. Goldberg, *Ilya Ehrenburg*, New York, Viking, 1984, p. 135 (Далее – Goldberg).
- ²¹ Goldberg, p. 190.
- ²² J. Laychuk, *Ilya Ehrenburg*, Bern, Peter Lang, 1991, p. 5 (Далее – Laychuk).
- ²³ *Зархіву Тичини*, стр. 80.
- ²⁴ Goldberg, pp. 27–28.
- ²⁵ J. Rubinstein, *Tangled Loyalties, the life and times of Ilya Ehrenburg*, New York, Basic Books, 1996, p. 31 (Далее – Rubinstein).
- ²⁶ Goldberg, p. 37.
- ²⁷ Hickey, p. 26.
- ²⁸ *Зібрання творів*, т. 7, стр. 24.
- ²⁹ *Зібрання творів*, т. 12, стр. 75.
- ³⁰ Rubinstein, p. 31.
- ³¹ *Зібрання творів*, т. 7, стр. 24.
- ³² Goldberg, p. 42.
- ³³ *Зібрання творів*, т. 12, ч. 2, стр. 368.
- ³⁴ *Зібрання творів*, т. 12, стр. 35.
- ³⁵ Goldberg, p. 67.

- ³⁶ Зібрання творів, т. 12, ч.2, стр. 114.
- ³⁷ Зібрання творів, т. 12, стр. 72.
- ³⁸ Зібрання творів, т. 12, стр. 67.
- ³⁹ Зібрання творів, т. 12, стр. 106–108.
- ⁴⁰ Зібрання творів, т. 12, ч. 2, стр. 112.
- ⁴¹ I. Ehrenburg, *Men, Years, Life*, vol. VI, *Post-War Years 1945–1954*, London, 1966, p. 333.
- ⁴² Зібрання творів, т. 12, стр. 138.
- ⁴³ *Ukraine. A Concise Encyclopaedia*, Ed.Kubijovych, vol.I, Toronto , University of Toronto press, 1963, p. 1058.
- ⁴⁴ *Columbia Dictionary of modern European Literature*, IInd ed, J. A. Bede, W.B. Edgerton, New-York, Columbia University Press, 1980, p. 825.
- ⁴⁵ Goldberg, p. 193.
- ⁴⁶ Rubinstein, p. 192.
- ⁴⁷ Hickey, p. 26.
- ⁴⁸ Зібрання творів, т. 12, стр. 351.
- ⁴⁹ Rubinstein, p. 274.
- ⁵⁰ Эренбург, т. 9, стр. 156.
- ⁵¹ Goldberg, p. 280.
- ⁵² *Encyclopedia of World Literature in the 20th century*, ed. W.B. Fleischmann, New York, Ungar, 1972.
- ⁵³ Hickey, p. 27.
- ⁵⁴ Эренбург, т. 8, стр. 7.

РЫБЫ

**Писатели, фермеры и гедонисты. История жизни
Виктории Сэквилл-Уэст, Дэвида Гарнетта
и Йозефа Вайнхебера.**

Вита Сэквилл-Уэст

Йозеф Вайнхебер

Деревья были моими учителями
Мелодичные деревья
И я учился любить
Посреди цветов.
Фридрих Гельдерлин

Дэвид Гарнетт

Вита Сэкилл-Уэст

Любовь – как бы универсальная энергия жизни,
обладающая способностью превращать злые
страсти в страсти творческие.

Н. А. Бердяев¹

Рыбы – это последний знак зодиака, и это последняя сравнительная биография в этой книге. По-своему, это самая невероятная история, потому что она сопоставляет жизни разнополых селестиальных близнецов (двух мужчин и женщины), родившихся в разных странах (в Англии и в Австрии). Их родители были разного вероисповедания (англиканцы, атеисты и католики), и они принадлежали к разным слоям общества (к британской аристократии, к британской интеллигенции, и к австрийским простолюдинам). Но, тем не менее, все трое, Виктория Сэкилл-Уэст (известная под именем Вита), Дэвид Гарнетт и Йозеф Вайнхебер, оставались чуждыми социально-экономическим кругам своих родителей. Все трое стали талантливыми литераторами, пользовавшимися большой популярностью в своих странах. К тому же, все трое страстно любили природу и сочетали литературу с садоводством или с земледелием.

Θ-факторный анализ трех творческих личностей – это сложная задача. Для того, чтобы ее облегчить, рассмотрим сначала жизни двух британских селестиальных близнецов, и лишь потом добавим краткое рассмотрение жизни их австрийского селестиального близнеца.

Вита Сэкилл-Уэст² – писательница, поэтесса и садовод – была единственным ребенком Лайонела Сэкилл-Уэста (впоследствии третьего лорда Сэкилла) и его жены, Виктории Жозефины Долорес Каталины Сэкилл-Уэст (впоследствии леди Сэкилл). Она родилась 9 марта 1892 г. в одном из самых аристократических домов Англии, в замке Кнол – сказочно-красивом родовом поместье ее родителей в графстве Кент. Вита росла вдали от детского общества, и ее друзьями были деревья и цветы волшебного парка. Романтическая любовь Виты к замкам и паркам Кнола

послужила как источником вдохновения ее поэзии, так и причиной непрекращающейся боли: вследствие того, что Вита родилась женщиной, по законам Англии ей не полагалось унаследовать поместье. Ее самая знаменитая поэма «Сад» – это песня тоски по пейзажам полузабытого детства. В воспоминаниях Виты природа Кнола была безупречной, «не имеющей никаких недостатков». Поэтесса называла «Сад» своим жизненным кредо, объясняя, что в этой поэме «заклучалось нечто большее, чем просто садоводство – все мои верования и неверия».³ Впоследствии, где бы Вита ни жила, она старалась воссоздать природу Кнола. Любовь Виты к садоводству в сочетании с ее блестящей карьерой и с ее отвращением к светской жизни лондонского общества делали ее крайне странным человеком в глазах современников. Но была ли она единственной в своем роде?

В стихотворении «Одиночество» Вита обращалась к Богу со странным вопросом: «Мы бы только хотели узнать, будешь ли ты нас обучать/ классами, огромными классами или каждого поодиночке?»⁴ «Попарно», – как бы отвечал на этот вопрос ее сестелиальный близнец, Дэвид Гарнетт, назвав один из своих романов заголовком «Two by Two» («Пара за парой»). В этой фантастической книге Гарнетт излагал свою версию Всемирного потопа. По его мнению, все человечество произошло от двух сестер-близнецов, Нисс и Фан, уцелевших вместе с семьей праведника Ноя. Автор предполагал, что история человечества – это история близнецов, потому что Нисс и Фан выжили только из-за того, что были парой, и им вместе со всеми парами зверей и птиц дозволено было взойти на ковчег. Одна из сестер делилась с другой своими соображениями о больших возможностях, открывающихся перед близнецами: «Мне часто хотелось, чтобы мы были одним человеком, а не двумя. Но на самом деле, оказывается, что нам чертовски повезло быть близнецами... Если бы мы не были парой, то нам бы не удалось оказаться на ковчеге. Нам нужно было быть парой, чтобы нас пропустили. Если бы мы были одним человеком, то мы бы давно уже утонули».⁵

Дэвид Гарнетт⁶ был единственным ребенком влиятельного английского критика, редактора и писателя Эдварда Гарнетта и его жены, блестящей переводчицы русской классики, Констанс Клары Гарнетт. Родился Дэвид в Брайтоне, но с раннего детства он рос в Суссексе, неподалеку от графства Кент. Там его родители выстроили уединенный домик в лесу, где их сын мог расти на природе, любясь «прекрасным пастбищем, окруженным буковыми деревьями». Это место было «удалено от людей, и не принадлежало ни к какому поселению».⁷ Констанс нуждалась в одиночестве; она обожала работать на земле и старалась держаться подальше от светской жизни или литературных салонов. Этот склад характера матери передался по наследству и сыну. С ранних лет мальчику, по его словам, хотелось «ощущать себя монархом всего, что я мог обозреть».⁸ Подобно Вите, он рос молчаливым ребенком, игравшимся с собаками и кроликами. Позднее в «Кто есть кто» он называл себя писателем, издателем и фермером. Жизнь Гарнетта протекала между Лондоном и загородными усадьбами. Так, во время первой мировой войны Гарнетт занимался сельским хозяйством на ферме Чарльстон, затем – после награждения денежной премией за роман «Женщина-лисица» (1922) – он приобрел поместье для своей семьи в Хантингтоне, близ Кембриджа.

В последние годы жизни Гарнетт занимался виноделием в скромном коттедже во Франции.

Как и Гарнетт, Вита проводила свою жизнь между Лондоном и сельскими поместьями. Большие города не были ей по душе, и своим «духовным домом»⁹ она называла имение Лонг Барн, приобретенное ею в 1915 г. и расположенное неподалеку от Кнола. В 1930 г. она приобрела заброшенное поместье Сиссингхерст в Кентской пустоши. Своим самозабвенным трудом Вита превратила этот пустырь в цветущий сад. Сады Сиссингхерста, высаженные в ее уникальном стиле, стали аттракцией для многих туристов и примером для подражания садоводов всего мира.

Оба селестиальных близнеца с раннего детства полюбили леса и парки, окружавшие их дома. Они росли на природе, рассматривая полевые цветы и приглядываясь к жизни четвероногих обитателей лесов. Их фантазия работала неустанно, создавая образы волшебного мира, наполненного воображаемыми друзьями. Через всю жизнь Вита и Дэвид пронесли эту наивную детскую любовь к лесам, полям, садам и ко всему живому, населявшему их. Все свои творческие способности они направили на то, чтобы показать миру прелести земли и ее ландшафтов, и чтобы пробудить в людях любовь к красоте и таинствам земли и сада. Говоря словами Гарнетта, оба селестиальных близнеца достигали наивысшего художественного мастерства тогда, когда они «выражали глубокую гармонию, существующую между людьми труда и образом их жизни – тяжелой жизни, но заполненной такой любовью к природе, которая приводит в их жизнь поэзию».¹⁰ Вита, как и Гарнетт, полагала, что ее целью было «объяснить чередующиеся конфликты и содружество между человеком и природой, создавшей его, и ее удивление тем, что нечто настолько милое, как сад или колосющееся поле, должно возникать в результате пота, труда, потерь и взаимной недоброжелательности».¹¹

Гарнетт изучал ботанику и зоологию; его первой работой стало руководство по созданию огородов. Впоследствии критиков восхищало его умение описывать природу. Например, Свиннертон писал: «А какой легкостью пера обладает Гарнетт в описаниях дикой природы или сельской местности, когда одним штрихом или парой слов он передает читателю всю полноту картины».¹² Вита, в свою очередь, как никто другой могла прочувствовать общность судьбы с земледельцами и садоводами. Свои первые неудачные эксперименты в садоводстве в 1915 г. она выплакала в стихе: «потом мы ждали, что взойдут/ цветы у стеночки в ряду/ И лаванда и огуречник голубой/ но что возшло – была лишь любовь».¹³ Впоследствии Вита изучала ландшафтный дизайн; ее еженедельные заметки по садоводству, печатавшиеся в «Обсервере», пользовались огромной популярностью, принеся ей не меньший успех, чем романы. Некоторые критики соглашались с поэтессой Эдит Ситвелл, полагавшей, что стихи Виты – это «поэзия в резиновых сапогах», которую полагалось бы «использовать в проспектах для фермеров, потому что она состоит из длинного перечня сельскохозяйственных применений».¹⁴ Как и Гарнетт, Вита очень любила животных, и в 1961 г. она опубликовала альбом «Профили собак» с характеристикой 44 различных пород.¹⁵ (В 1962 г. Гарнетт в книге «Пара за парой» в мельчайших подробностях изобразил жизнь животных на Ноевом ковчеге).

Подобно Вите, Гарнетт не унаследовал дом своего детства. Причины были разными, но результат таким же: обида и боль утраты. Писатель выразил свои чувства словами Бенедикта, одного из героев романа «Нет любви», который тоже лишился волшебного дома своего детства: «Нам нельзя привязываться к местам сильнее, чем мы привязываемся к любимым людям. «Я никогда не покину тебя, мы никогда не расстанемся!» Сколько раз различным предметам я приносил эту клятву с первых дней моих жизни! Но каждый раз красота и иллюзия пропадали, оставляя лишь воспоминания, и владения, кажущиеся нам вечными, на самом деле столь же преходящи, как и человеческие существа. Все связи разрываются, раньше или позже...».¹⁶ Вита как бы печально вторила ему: «Смерть – это ясный и неизбежный конец/ Цветка, любовника и друга».¹⁷ Сэквилл-Уэст, верившая в то, что «основой человеческой жизни является страх»,¹⁸ и Гарнетт, «всегда страшившийся смерти»,¹⁹ привыкли жить в страхе утрат, смерти и разлук. Может быть, именно этот постоянный страх привел обоих к философии гедонизма: не думать о завтрашнем дне, а наслаждаться сиюминутными утехами. Вита, называвшая себя «честным сенсуалистом», писала своему сыну Бену: «Ты знаешь, что я так же ненавижу современный мир, как и ты... Как и тебе, мне бы хотелось увидеть все спокойным, постоянным, гуманным, умиротворенным, неторопливым, образованным и привлекательным».²⁰ Эти же строчки мог бы написать и Гарнетт, изобразивший себя в образе поэта Джорджа в романе «Аспекты любви», пронизанном, по словам критиков, «грациозностью стиля и философским гедонизмом».²¹ По словам Гарнетта, Джордж «не был похож на современных поэтов. Пожалуй, ближе всего он был к римским поэтам: к Катуллу и Петрониусу, да еще, пожалуй, к Вергилию». Вслед за Вергилием и Джорджем Гарнетт призывал пить вино, позабыв все мысли о завтрашнем дне.²²

Поразительно, но не только Джордж Гарнетта любил Вергилия и не был похож на поэтов современности. Сэквилл-Уэст тоже не была современным поэтом. Ее стихи оставались старомодными, написанными в классической форме и традициях. Несмотря на то, что Вита никогда не изучала латынь и, по ее словам, познакомилась с «Георгиками» Вергилия лишь по окончании работы над стихами «Земля», ее поэзия удивительно напоминала Вергилия. Обоих селестиальных близнецов можно было охарактеризовать словами Виты об одном из ее героев, Вальтере: «И потому что в его характере были черты гедониста, он по своей природе не пренебрегал наиболее изысканными наслаждениями жизни; он любил красивый дом, он любил вкусную еду и хорошие вина, он любил картины, книги, музыку; он любил, чтобы все вокруг него было настоящим, а не показным; он не выносил ничего второразрядного или поддельного. И поэтому, в выборе жены он тоже стремился удовлетворить свою потребность найти что-то спокойно декоративное».²³

Вита и Гарнетт любили хорошие вина и стремились к спокойным взаимоотношениям с возлюбленными. Но, почему-то другие люди не были готовы оставаться «декоративными» и не соответствовали их ожиданиям. В результате этого, в личной жизни Виты и Гарнетта царил хаос, приносивший невыносимые страдания. Несмотря на то, что оба старались сохранить в тайне конкретные имена и обстоятельства, ни один из них не скрывал того, что у них было много любов-

ных приключений. На самом деле, в жизни каждого из них было вовлечено так много других людей, что некоторые любовные истории так никогда и не были разглашены. Вита, считавшая себя «страстно скрытной», писала в «Автобиографии», опубликованной после ее смерти: «Конечно, у меня нет никакого права писать правду о моей жизни, касавшейся, как это естественно и должно быть, жизни столько многих других людей, но я пишу, подстегиваемая необходимостью рассказать правду...»²⁴

Парадоксально, но, несмотря на всю скрытность этих селестиальных близнецов, биографы копались в их «грязном белье» настолько усердно, что выявили такие интимные подробности, о каких нельзя было и подумать ни в одной из предыдущих сравнительных биографий. С этого момента история этих двух разнополых селестиальных близнецов становится просто невероятной. Мало того, что оба они завоевали себе репутацию Казановы и опасных соблазнительей женских сердец; мало того, что оба состояли в браке, и, тем не менее, были бисексуальными; они оба еще и печально прославились своей фатальной связью с двумя сестрами! Вита и Дэвид были страстно – Вита любила говорить, что с «болезненной страстностью» – влюблены в сестер Стефенс: в писательницу Вирджинию Вульф и художницу Ванессу Белл. Оба романа привели к трагичным результатам. Вита сходила с ума от Вирджинии, и считается, что ей удалось соблазнить ее вступить в лесбийскую связь. После самоубийства Вирджинии Вита винила себя в ее смерти. Гарнетт сходил с ума по Ванессе, но она не отвечала ему взаимностью. Тогда он вступил в гомосексуальную связь с любовником Ванессы, художником Дунканом Грантом, и на протяжении трех лет все трое проживали в *menage a trois* (в любовном треугольнике) в Чарльстоне. Когда у Ванессы и Дункана родилась дочка, Ангелика Белл, Дэвид поклялся жениться на младенце. Много лет спустя, Ангелика Белл-Гарнетт, будучи уже второй женой Дэвида, с горечью писала, что Гарнетт вступил с ней в брак «отчасти для того, чтобы причинить боль Ванессе».²⁵ Вита колко высказалась по поводу женитьбы Гарнетта на 20-летней дочери Ванессы: «Так как Дункан приходится отцом ребенку, то это означает прибавить кровосмешение к содомии. Моя шутка, не их, хотя, несомненно, они это сделали».²⁶ Когда Ангелика через много лет узнала о том, что ее отношения с мужем носили кровосмесительный характер, ее боль была неопишима. Брак был расторгнут.²⁷

Все секреты Виты и Гарнетта стали достоянием публики, потому что младшее члены их семей независимо друг от друга выставили напоказ всю подноготную жизнь этих селестиальных близнецов. «Портрет семейной жизни» (1974), написанный сыном Виты, Найджелом Никольсоном, и «Обманутые добротой» (1984) Ангелики Гарнетт-Белл позволили войти в интимный мир Виты и Дэвида. Перефразируя Гарнетт-Белл, можно сказать, что Вита и Дэвид были «обмануты сексом»; по крайней мере, так думала сама Вита:

«Я полагаю, что другие испытывают такую же неудовлетворенность –
Я полагаю, что все считают, что никто их не понимает;
Я полагаю, что всем кажется, что слов не хватает, и что все равно
Человек никогда не может сказать, что он хочет.

Поэтому вступает в свою роль секс – архибманщик.
Секс обманывает, убеждая, что человек сумел достичь истинной
Связи с другим человеком;
И так как ужасное душевное одиночество вынуждает
Жаждавать связи,

Человек благодарно обращается к сексу, как к короткому пути к связи».²⁸

В период между 1915–20 гг. Вита и Гарнетт переживали страшный кризис. Оба одновременно столкнулись с вопросом, что для них означала любовь и сексуальность. В этот период Вита сначала в стиле Сафо принесла обет верности своей подруге, но после нескольких лет запутанной треугольной связи с Вайолет Кеппель-Трефусис и ее мужем Денисом Трефусисом она поняла, что такая жизнь сведет ее с ума. Обет был расторгнут, и больше Вита никогда не оставалась верной никому. Подробности этого бурного романа были изложены Витой в «Автобиографии»; затем они неоднократно обсуждались в печати и даже послужили сценарием к художественному фильму.

К началу 20-ых годов Гарнетт пришел к выводу, что гомосексуализм не для него, и что ему бы хотелось научиться контролировать свои эмоции. Но так же, как и Вита, он решил, что никогда никому не будет хранить верности. Оба сестринских близнеца часто меняли любовников, каждый раз стараясь убедить себя, что наконец-то им удалось найти настоящую любовь. Но каждый из них, глядя в зеркало, мог повторять вслед за одной из героинь романа Гарнетта, что «любовь прошла, умерла, утонула, была изглодана рыбами, а я сама превратилась в голодную, эгоистичную, поверхностную затягивающую трясину».²⁹

Вита пробовала построить свою семейную жизнь по рецепту счастливого брака, сформулированному одной из ее героинь, и основанному на: «взаимном уважении, независимости в передвижении и в выборе друзей, отдельных спальнях – «без спальной убогости» – раздельных финансах и «на одинаковом чувстве ценностей»».³⁰ Но вслед за своей героиней она вынуждена была спросить, что же не так в такой жизни: «Видите ли, у меня все как я хочу. Замечательный муж, милый дом, куча денег, красивая одежда, масса друзей... – чего же еще хотелось бы любовью женщине?» И вместе со своей героиней она услышала странный ответ: «Любовь», – неожиданно ответил Гильберт».³¹

«Что же не так с нашей жизнью?», – задумывался Гарнетт в романе «Нет Любви». Поразительно, но у него мелькал такой же ответ: «Это потому, что Нет Любви. Нет Любви в его сердце. Он никогда не научился этому от других людей. Это объяснение. Нет Любви».³² Большую часть жизни Гарнетт провел в поисках любви; в своих мемуарах он писал: «Страстная плотская любовь, которую я испытывал ко многим женщинам, была наиболее важной частью моей жизни на протяжении сорока лет».³³

Вита тщетно пыталась обрести спокойствие в семейной жизни, потому что она с разочарованием открыла для себя, что «в спокойствии нет приключений».³⁴ Муж Виты, Гарольд Никольсон, писал о ней в своем дневнике: «Ей бы хотелось, чтобы жизнь протекала как череда *grandes passions* [фр. грандиозных страстей]».³⁵ Ее приключения продолжались; до последних дней жизни она оставалась воин-

ствующей покорительницей женских сердец, неспособной ни минуты прожить без пылкой плотской страсти к очередной возлюбленной.³⁶

Но что такое была для них любовь? Ведь любовь имеет много разных проявлений: пылкую страсть и дружескую заботу, половое влечение и романтическую влюбленность, страстные порывы и трогательную нежность. Если влюбленные достигают полного взаимопонимания, то они выбирают, когда и как им проявлять разные аспекты любви. Но ни Гарнетт, ни Вита не имели в виду такую многогранную систему взаимоотношений. Свое кредо Гарнетт выразил в «Нет Любви»: «Я верю, что страстная романтическая любовь – это единственная вещь в мире, из-за которой стоит жить».³⁷ Такая всепоглощающая любовь требует от влюбленного всегда пребывать на пике возбуждения; в результате неизбежны срывы и разочарования. Гарнетту очень рано пришлось обнаружить, что моменты страсти не обязательно приносят наслаждение или удовольствие из-за их мимолетности, не оставляющей времени «насладиться новым ощущением». Говоря словами одного из его автобиографических героев: «любовь была слишком спонтанной и слишком неподдающейся его контролю, чтобы он мог оценить ее или счесть ее удовольствием».³⁸ Более того, иногда такие бурные эмоции или пароксизмы смешанных чувств превращали любовь в отчаяние или даже в ненависть. Так, однажды Гарнетт вдруг обнаружил, что связь с одной из его возлюбленных приняла нежеланный оборот. На следующий день он уже ощущал, что: «Ни одна любовь не была никогда такой страстной, как их ненависть».³⁹

В свою очередь, Вита была напугана глубиной своих страстей, отмечая, что: «каждый раз, когда люди чувствуют страстно, может произойти взрыв насилия и агрессивности».⁴⁰ Вите и Гарнетту пришлось испытать взрывы агрессивности. Несмотря на то, что все близкие в один голос говорили об их доброте и мягкости, их страстные чувства по отношению к другим людям пробуждали в них спящего «зверя». Вита очень остро ощущала двойственность своего характера, отличавшегося «налетом садизма».⁴¹ В короткой автобиографии она приводила высказывание о себе, сделанное ее другом: «Верхняя половина твоего лица так чиста и серьезна – почти по-детски. А нижняя половина настолько доминантная, чувственная, почти жестокая – это наиболее абсурдный контраст, необычайный символ твоей личности, состоящей из доктора Джекила и мистера Хайда».⁴²

Будучи «во многом необычайно великодушным»,⁴³ Гарнетт очень боялся открыть в себе свою жестокую сторону. В мемуарах он писал: «Я открыл в себе страсти, о которых никогда и не подозревал. Я был способен совершить убийство или насилие, я был садистом и некрофилом».⁴⁴ Эта двойственность характера Виты и Гарнетта соответствовала символу Рыб – двум рыбам, плывущим в противоположных направлениях, но взаимосвязанным между собой. Хикки писала: «В Рыбах одна рыба плывёт вниз по течению, олицетворяя собой эго, а вторая рыба плывёт вверх против течения, олицетворяя собой душу. Либо душа берет верх над эго, и эго превращается в слугу, либо душа находится в плену у эго. Это приносит глубокие страдания в жизнь Рыб. Поэтому девиз Рыб: «служи или страдай». Выбор дан, и надо выбрать одно из двух». И астролог продолжала: «Когда Рыбы верны своей истинной природе, ... они становятся истинными спасателями

и служителями человечества». Но если Рыбы начинают потворствовать своим слабостям и упиваться своими чувствами, то «они превращают храм души своей в таверну, и порождают немало страданий».⁴⁵

Эта двойственность, выраженная в постоянном колебании между долгом служить другим и соблазном потворствовать своим слабостям, принесла в жизни Виты и Гарнетта чувства разочарования, вины и собственной неполноценности. Временами острое желание удалиться от жестокого и беспощадного окружающего мира приводило их к попыткам забыться при помощи алкоголя или наркотических средств. Из-за злоупотребления наркотиками Гарнетт однажды чуть не умер,⁴⁶ а Вита часто «убивала» себя «своими подвыпившими настроениями» (так семья условно называла периоды запоев Виты).⁴⁷

Вита и Гарнетт мечтали стать истинными служителями человечества. Обоим хотелось показать людям красоту Земли, ее трав, деревьев, цветов, лугов. Стараясь вырваться из плена вынужденного одиночества, оба стремились достичь единства между людьми и природой. Их жизни были посвящены изучению всех возможных аспектов любви во всей ее многогранности, будь то нежность или страсть, сочувствие или похоть, приязнь или ненависть, любовь к природе или к животным. Иногда их пути творческих художников совпадали с путями Божиими, и тогда их описания пейзажей поражали своей поэтичностью. Иногда их божемный путь приводил обоих в таверну, где они давали волю своим эмоциям, предаваясь сиюминутным наслаждениям; тогда приходило страдание, и перед ними возникали их скрытые демоны. Хикки могла бы прокомментировать их истории следующими словами: «Когда Рыбы связаны с внутренним источником своей Сущности, они способны добиться огромных достижений. Когда эта связь нарушена, их способом бегства зачастую становятся алкоголь или наркотики. Тогда в результате повышенной чувствительности у них возникают навязчивые идеи или страхи».⁴⁸

Эта двойственность личности вызывала двойственность реакции читателей. С одной стороны, широкая публика с энтузиазмом принимала книги этих авторов. С другой стороны, литературные критики относились к ним сдержанно. Оба сестра-близнеца начали печататься вскоре после того, как им исполнилось 20 лет. Оба были сразу же тепло приняты, и оба были награждены престижной литературной премией (the Howthornden Prize): Гарнетт в 1922 г.; Сэквилл - Уэст – в 1927 г. Но, несмотря на успех, оба автора болезненно относились к замечаниям серьезных критиков, утверждавших, что в их произведениях отсутствует «изюминка». Свиннертон писал о книгах Гарнетта, что: «они не совсем доросли до художественной значимости»;⁴⁹ Вирджиния Вульф говорила, что поэзия Виты несколько «приглушенна».⁵⁰

Несмотря на широкую популярность и денежный успех, оба сестра-близнеца ощущали себя духовными париями, страдая от постоянного чувства провала в качестве творческих авторов. Возможно, эти ощущения были своего рода предвосхищением будущего: в отличие от Милоша, Волошина или Хлебникова, чьи работы завоевали популярность спустя много лет после смерти их авторов, слава Гарнетта и Сэквилл-Уэст постепенно меркнет.

Атмосфера прошлой главы, описывающий жизни Водолеев – Эренбурга и Тычины – отличалась такой безличностью и отсутствием эмоциональности, что могла сводить с ума некоторых эмоциональных людей. В противовес ей, истории жизни Гарнетта и Сэквилл-Уэст почти целиком посвящены как многогранности и нелогичности человеческих страстей, так и красоте и безжалостности их проявлений. Обоим очень хотелось, чтобы вся их жизнь была бы соткана только из любви, но раз за разом обоим приходилось открывать в себе самые «порочные» аспекты своей личности и подавлять их силой своей воли.

Последующее короткое эссе ни в коей мере не пытается изложить «полные» биографии этих селестиальных близнецов. Детальное рассмотрение всех их верований, чувств, отношений и бесчисленных запутанных страстей не укладывается в рамки данного исследования. Но хватает даже короткого путешествия по затемненным лабиринтам этих противоречивых и сложных душ для того, чтобы выявить поразительное сходство этих героев, для которых эмоции были не менее важны, чем слова или дела. Перед нами короткая история жизни этих искателей чувственных приключений.

Они родились 9 марта 1892 г.

Вначале была иллюзия, что мир заполнен спокойной и всеобъемлющей любовью. Гарнетт писал об этом мировосприятии, как «об иллюзии, настолько же прекрасной и глупой, как и той, на которой зиждется христианство: на вере, что люди должны естественно любить друг друга».⁵¹ Вита с горечью упоминала эту иллюзию в поэме «Земля»: «Иисус сказал бы, что птица птице брат,/Но Иисус и природа редко говорили в лад».⁵²

Похоже, что их первой личной иллюзией была вера в то, что матери всегда должны любить своих детей. Но иллюзии и природа «редко говорят в лад». В конце зимы у двух будущих матерей, Виктории Сэквилл и Констанс Гарнетт, в первый и в последний раз в их жизни начались родовые схватки. Обоим женщинам было по тридцать лет – редкий возраст для первых родов в ту пору. Обе беременности были запланированными, и обе пары родителей с радостью ожидали появления на свет своих первенцев. Оба будущих отца, Лайонел Сэквилл и Эдвард Гарнетт, были на пять лет младше своих жен; у обоих это был первый и единственный ребенок. Обе пары женились по любви, и между будущими родителями царили мир и согласие. По традициям волшебных сказок сейчас бы полагалось сообщить о счастливом появлении на свет будущих наследников. Но появление на свет ребенка не всегда бывает безоблачным; иногда роды могут и травмировать.

Первым вестником возможных осложнений был зодиакальный знак предстоящего события. Это были Рыбы, и Лундстед по этому поводу писала, что для матерей, рожаящих в Рыбах, роды могут быть очень тяжелыми.⁵³ Действительно, в обеих семьях роды протекали чрезвычайно тяжело. В своих мемуарах Гарнетт писал, что «роды были очень затяжными и опасными», и что его «поранили щипцами, повредившими мускулы одного из моих глаз».⁵⁴ Мать Виты, в свою

очередь, так сильно страдала, что умоляла мужа и акушерку убить ее. Впоследствии она поведала дневнику: «Это было в сто раз хуже, чем я ожидала».⁵⁵ В результате родов у нее были многочисленные глубокие разрывы, так что ее страдания не прекращались и в последующие дни. В результате, леди Сэквилл, считавшаяся достаточно смелой женщиной, решила, что «она скорее будет готова утопиться, чем иметь еще одного ребенка».⁵⁶ Рискую получить развод от любимого мужа, она полностью прекратила половую жизнь, чтобы не подвергаться риску беременности.⁵⁷ У Гарнеттов тоже больше не было детей. Несмотря на то, что Констанс слыла очень храброй женщиной, она не решилась на второго ребенка. Гарнетт писал: «насколько я себя помню, мои родители никогда не делили общую спальню» (а помнил себя Дэвид с двухлетнего возраста).⁵⁸

Мало того, что роды были болезненными, они еще и привели к разочарованию. Как будто ангелы сыграли злую шутку, или аисты перепутали при доставке корзинки с младенцами, принеся мальчика Гарнеттам, а девочку Сэквиллам. Из-за этой роковой ошибки с первой минуты своей жизни Вита стала причиной разочарования и источником непрекращающейся боли для своей матери. Леди Сэквилл, во что бы то ни стало, нуждалась в мальчике, в наследнике Кнола. Но, несмотря на то, что она ужасалась от мысли потерять свое поместье, мысль о втором ребенке страшила ее еще сильнее. В противовес ей, в семье Гарнеттов не раз звучали пожелания Констанс иметь девочку. Даже в день своей помолвки Дэвиду пришлось выслушать горький упрек в том, что он не родился девочкой. Его мать не пришла на свадьбу, заметив, что: «Дочка остается дочкой на всю твою жизнь. Сын остается сыном до тех пор, пока не найдет себе жену».⁵⁹

Для большинства людей кажется естественным, что женщины должны получать удовольствие от материнства и дарить своим детям любовь. Но на самом деле, каждая женщина способна дарить своим детям лишь то, что она может, и так, как она чувствует. Для обеих матерей в этой истории любовь к ребенку была смешана с болью, с обидой, с досадой и с разочарованием. Обеим матерям хотелось преуспеть в карьере и добиться признания; им хотелось приключений и путешествий; им меньше всего хотелось возиться с пеленками и качать орущих младенцев. Дети разочаровали своих матерей; а матери, в свою очередь, не соответствовали ожиданиям детей. Малыши требовали к себе любви, но в ответ они получали – Нет Любви.

Малышка Вита с надеждой заглядывала в материнские глаза, ожидая увидеть в них восхищение. Но ее ожидало разочарование: «У меня мало воспоминаний о детстве, кроме того, что у меня были чрезмерно длинные ноги и очень прямые волосы, из-за которых моя мама не переставала ранить мои чувства, говоря, что она терпеть не может смотреть на меня, потому что я настолько уродлива».⁶⁰ Любовь этого «уродливого и нескладного» существа оставалась безответной, и в 1909 г. Вита написала: «Я люблю тебя, мама, но ты причиняешь мне столько боли!/ Ты не понимаешь меня; и это печально./Когда те, кого мы больше всего любим, понимают нас меньше всех».⁶¹ Констанс, в свою очередь, постоянно мучила Дэвида, попрекая его «ненормальной тупостью». Гарнетт старался скрывать свои чувства по отношению к матери, никогда не поздравившей его с успехами. Можно

получить представление о его чувствах из опубликованных писем. Так, например, в 1919 г. он писал матери: «Я уверен, что ты думаешь, будто я ужасный сын, забывший о тебе в Рождество... Хорошо, даже, если ты чувствуешь, что охладела по отношению ко мне, то, пожалуйста, поверь, что я люблю тебя точно так же, как это делают маленькие прижимающиеся созданыица сразу же после рождения, а возможно и намного больше».⁶²

Для того, чтобы понять всю горечь и иронию этих строк, нужно помнить, что Констанс не имела понятия о поведении и чувствах этих маленьких «созданыиц», потому что вскоре после рождения сына она покинула его во имя более важных приключений, чем выкармливание младенца. Слова, написанные о леди Сэквилл, оказались настолько же верными по отношению к Констанс: «Мама, как непредсказуемое женское божество, постоянно подводила Виту».⁶³ Как непредсказуемые божества, обе матери оставляли своих младенцев уже с первых месяцев их жизни, потому что у них были более важные дела. Нет, они не были «плохими» матерями. Но они были «экстравагантными» и непредсказуемыми мамами, которые то нянчились со своими малышами, то покидали их на нянек. Поведение обеих матерей казалось странным даже по меркам тех времен, несмотря на то, что дети английских аристократов большую часть времени проводили с нянями. Возможно, что поведение этих матерей было следствием их собственного необычного детства.

Для того чтобы понять сложность характера Виты и Гарнетта, нужно сначала понять нетипичность их выдающихся матерей. Но перед тем как описать их жизнь, хотелось бы отметить некоторые особенности карты этих селестиальных близнецов. Важной деталью этих карт было то, что Луна, символизирующая мать, находилась в квадратуре (90°) с Ураном и Венерой. Первый из этих аспектов уже рассматривался в главе об Оскаре Уайльде и Карле Каутском, когда обе матери были способными авторами и актрисами, и их эксцентричный образ жизни сильно повлиял на детей. Мы уже видели, что согласно Лундстед, этот аспект может привести ко многим недоразумениям в отношениях с людьми, потому что человек с таким аспектом обучен матерью вести себя непредсказуемо. Этот аспект обычно вынуждает человека заниматься воспитанием чувств, а иначе: «Альтернативой является бегство от любой неприятной ситуации и многократные начала с новыми друзьями и новыми любовниками. Это не позволяет ему приобрести соответствующие навыки для преодоления жизненных циклов, так как он никогда и ни с кем не оставался достаточно долго, чтобы справиться с кризисом».⁶⁴

В нынешней истории, по всей видимости, ситуация матерей ко времени рождения их детей была еще сложнее, чем ожидалось бы «просто» от аспекта с Ураном, потому что к нему прибавился еще тяжелый аспект между Луной и Венерой. Хикки пишет, что в таких случаях: «Связь ребенка с матерью обычно не является счастливой».⁶⁵ Лундстед разъясняла более подробно, что мать страдает от «избыточных чувств протеста по отношению к биологической роли, навязанной природой женщинам». Более того, этот аспект «указывает на то, что мать испытывала чувства протеста по отношению к обязанностям материнства, наложенным на нее в момент рождения младенца».⁶⁶ Иными словами, такие матери не хотели бы отказаться от желанной карьеры только для того, чтобы менять пеленки. Приме-

чительно и то, что Крейн с Хемингуэем тоже имели этот аспект Луны с Венерой, и многое из того, что было сказано по поводу их матерей в главе «Затерявшиеся в море», справедливо и для нынешней главы. В качестве возможных последствий, Лундстед полагала, что девочки, рожденные с этим аспектом, могут, повзрослев, не принять свою биологическую роль и «функционировать на уровне гомосексуализма». Такие женщины редко сумеют получить удовольствие от материнства, и часто будут испытывать чувства вины по отношению к своим детям. Мальчик с таким аспектом вырастет в юношу, неспособного разобраться в любовных ситуациях; он может «выражать себя гомосексуально» или стать мужчиной, «который проявляет слишком бурные чувства в отношениях с женщинами». ⁶⁷ Впоследствии мы увидим, как эти «заочные» предсказания астрологов проявились в жизни Виты и Гарнетта.

Возвращаясь к семьям наших героев, мы видим, что Виктория Сэквилл и Констанс Гарнетт были известны своей экстраординарностью. Впоследствии о каждой из них был написан исторический роман. «*Que'll roman est ma vie!*», ⁶⁸ — эти слова стали излюбленным девизом леди Сэквилл; «Констанс Гарнетт — героическая жизнь» — так была озаглавлена книга о матери Дэвида. ⁶⁹

Виктория Сэквилл была одной из семи незаконнорожденных детей британского дипломата Лайонела Сэквилл-Уэста и его возлюбленной Пеппиты — известной испанской танцовщицы, урожденной Жозефы Дюран, дочери парикмахера и уборщицы. Когда девочке исполнилось восемь лет, Пеппита скончалась после родов очередного ребенка. Викторину отдали на воспитание в один из парижских монастырей, где она провела семь одиноких и безрадостных лет. Следующий резкий поворот в ее жизни произошел в 1881 г., когда ее отец, который никогда больше не женился, был отправлен послом в Вашингтон. По традиции, от него требовалось иметь хозяйку дома, способную принимать дипломатов. Конечно, было очень рискованно полагать, что его 18-летняя незаконнорожденная и неуверенная в себе дочка сумеет справиться с такой задачей. И, тем не менее, это малообразованная, но прекрасная и пылкая молодая особа очень быстро приобрела репутацию блестящей хозяйки дома. Дни, проведенные в Вашингтоне, были самыми счастливыми и прекрасными днями в жизни Виктории. Наконец-то ее любили и уважали; она пользовалась успехом у мужчин, и ее окружали многочисленные поклонники. Американские миллионеры и британские дипломаты просили ее руки и сердца. Ходили даже слухи, что сам Президент США сделал ей предложение. Но тут произошел следующий непредвиденный поворот судьбы. Отца Виктории отозвали в Британию, и в 1889 г. он стал хозяином Кнола. Виктория, последовавшая в Англию за отцом, безумно влюбилась в этот волшебный парк с замком. В Кноле она познакомилась со своим двоюродным братом, Лайонелом Сэквилл-Уэстом, который немедленно увлекся своей очаровательной кузиной.

Лайонел был очень привлекательным молодым человеком, которому предназначалась роль наследника Кнола, и от которого требовалось жениться на аристократической невесте из подходящей семьи. Виктория никак не отвечала этим требованиям. Кроме того, существовал запрет на браки между двоюродными. К тому же такой брак был сопряжен с тяжелыми религиозными проблемами, потому что

Виктория была католичкой. Но страсть Лайонела была настолько сильна, что, несмотря на все препятствия, молодые поженились в 1890 г. Для Виктории этот брак позволил наконец-то с гордостью носить отцовское имя и по праву считаться хозяйкой родового имения. Наконец-то ей посчастливилось стать почти гражданином первого класса, но только почти... Потому что, подобно другим женщинам того времени, свобода и права Виктории оставались ограниченными, и обладать помещением она могла лишь в качестве чьей-то жены, а не по праву своих талантов и своего происхождения. Тем не менее, ей нравилась играть роль «знаменитости» и принимать восторженные взгляды поклонников ее природной красоты и ума.

Именно в этот момент, на вершине счастья, Виктория оказалась в плену у материнства. Перед ней был живой ребенок. Рожать девочку было больно, но еще больнее было растить ее. Это было настолько больно, что Виктория не присутствовала при церемонии крещения Виты, потому что не чувствовала себя в силах выйти из спальни. Это было настолько больно, что она не присутствовала на свадьбе Виты, потому что она была матерью, «не любившей быть йmotionйе»⁷⁰ и предпочитавшей оставаться в постели. Виктория считала, что она слишком многим пожертвовала самым фактом рождения ребенка. Теперь она хотела жить в свое удовольствие. Вскоре после родов ей подвернулась возможность оставить дочку, которой еще не минул и год, чтобы отправиться в путешествие по Италии и Египту. Вита с няньками была отослана в Канны, а Виктория и Лайонел искали приключений в пустынях Африки.⁷¹ После трехмесячной поездки семья встретилась в апреле в Кноле, но уже в августе родители вновь оставили дочь, на сей раз ради охоты в Шотландии.

Вскоре стало ясно, что накапливавшиеся эмоциональные проблемы молодой пары не могли быть разрешены одними лишь частыми поездками. Лайонел был чувственным молодым мужчиной, на которого заглядывались многие женщины. Ему было трудно хранить верность жене, воздерживавшейся от супружеских отношений. Их дороги постепенно начинали расходиться: он нуждался в приемах, охоте и любви; ей нужны были умные и талантливые поклонники. В 1896 г. леди Сэквилл посетила Россию, где ей польстило, что сам царь был пленен ее обаянием.⁷² Имя Виктории связывалось с самыми блестящими салонами Британии и Европы, а репутация сторонницы «открытого брака» еще больше расширяла круг ее бесчисленных друзей и ухажеров. Одним из них был ее верный друг, сказочно богатый сэр Джон Скотт Мюррей, оказавший большое влияние на жизнь Виты и оставивший леди Сэквилл большое состояние после своей смерти в 1931 г. У леди Сэквилл всегда была масса свободного времени, чтобы встречаться с Ренуаром, Роденом и Морганом или чтобы подружиться с Кипплингом, Уильямом Астором или с Гарвиным. (Киплинг писал о ней: «По зрелом размышлении, она самый удивительный человек, с которым мне довелось когда-либо повстречаться»⁷³). Но у нее никогда не было времени или добрых слов для единственной дочери. Обладая буйным темпераментом, она отличалась непредсказуемой сменой настроений. Мало кто мог выдержать ее тяжелый характер, и поэтому няньки и гувернантки в доме леди Сэквилл менялись очень часто. Оглядываясь назад, Вита подводила итоги своих отношений с матерью: «Она не заботилась обо мне, когда я была ребенком. Я всегда была виновата и несчастна. Я не имею в виду, что

мать пренебрегала мною, но просто хочу сказать, что в моей жизни ее главная роль сводилась к помехе».⁷⁴

В то время как леди Сэквилл отсутствовала из-за своей светской жизни, Констанс бежала от материнства в свою работу. Дэвид впоследствии вспоминал, что в раннем детстве он ощущал себя помехой в ее творческой жизни: «Ее (Констанс) день был настолько заполненным, что мне с трудом удавалось вписаться в него. Ее лицо было настолько выразительным, что я догадывался о том эмоциональном напряжении, с которым она относилась к прочитанному. Для нее было большим счастьем, когда Хит начал давать мне уроки, и я пошел в младшие классы».⁷⁵

Констанс была трудолюбивой, бережливой и равнодушной к роскоши. Ее называли женщиной с «характером старой девы, безразличной к вкусной еде или к любым чувственным сторонам жизни».⁷⁶ Она родилась в Брайтоне в 1861 г., и была на полгода старше Виктории. Ее отец, Дэвид Блейк был коронером (судьей-следователем), а ее мать, Клара Паттен была дочерью художника-портретиста Джорджа Паттена. Клара свободно владела итальянским языком, и в молодости ей посчастливилось встречаться с Паганини и участвовать во встречах интеллектуальных кружков. Брак положил конец ее занятиям, и подобно Пеппите, Клара была всецело занята воспитанием детей и ведением большого домашнего хозяйства.

В жизни Констанс, как и в жизни Виктории, было много внезапных перемен. В детстве она тяжело заболела из-за того, что выпила молоко коровы, больной туберкулезом. Из-за этого до шести лет она считалась инвалидом. Девочка училась с большой охотой; она много читала и мечтала получить высшее образование. Подобно Виктории, ей пришлось рано осиротеть – ее мать скоропостижно скончалась, когда девочке еще не было 14 лет. После этой трагедии Клара и другие дети должны были сами заботиться как о себе, так и об их безутешном молчаливом отце, который никогда больше не женился. Следующий поворот судьбы пришел, когда Констанс в 17 лет получила стипендию на три года учебы в Ньюгем-колледже, в Кембридже. Несмотря на природную застенчивость, Констанс притягивала к себе многих друзей, обожавших ее за оригинальность мышления. Эти годы стали благословенными годами расцвета для способной девушки. Среди ее самых близких друзей были Уильям Бейтсон, который впоследствии основал кембриджскую школу генетики, и поэт Эрнест Рэдфорд. Сам Бернард Шоу хотел на ней жениться; в 1938 г. он объяснял Гарнетту: «Я бы женился на Вашей матери, если бы у меня было на что содержать семью; но в те дни я был очень беден».⁷⁷

В те времена женщинам все еще не полагалось иметь высшее образование; Констанс не разрешили получить диплом по окончании учебы, и ее возможности найти работу были ограничены. Будущее казалось неопределенным, когда Констанс познакомилась с Эдвардом Гарнеттом, «наследным принцем» нескольких поколений известных литераторов. Этот высокий и веселый юноша отчаянно влюбился в Констанс. Сначала она не принимала его всерьез, но его постоянство и настойчивость убедили ее согласиться выйти за него замуж.

Вскоре после замужества Констанс подружилась со знакомыми ее мужа – русскими эмигрантами Петром Кропоткиным и Феликсом Волковским. Ко времени рождения Дэвида она уже страстно увлеклась изучением русского языка,

литературы и политики. Сын появился как раз тогда, когда Констанс начала приобретать профессиональные навыки. Возможно, что ей не хотелось повторять ошибки своей матери, забросившей занятия ради семьи и детей. Возможно, она руководствовалась другими соображениями. Но, так или иначе, Констанс покинула своего полугодовалого ребенка. Согласно Дэвиду, в это время она была «по уши влюблена» в русского революционера Степняка, и по его просьбе согласилась доставить в Россию деньги для помощи голодающим. Это было страшно опасное и долгое путешествие. На перекладных Констанс добралась до голодающих районов вокруг Нижнего Новгорода. Она также доставила секретные послания от своих друзей-социалистов и встретила с такими выдающимися писателями, как Лев Толстой и Владимир Короленко.

Поразительно, что настолько противоположные личности, как аристократическая леди Сэвилл и социалистка Констанс Гарнетт, тем не менее, проявляли большой интерес к России. Обе посетили эту страну, и у обеих была потребность привлечь к себе там внимание, будь то со стороны царя или со стороны местных социалистов и интеллигенции. (Впоследствии Констанс повстречалась с Лениным). В результате, Вита и Дэвид выучили русский язык и ознакомились с русской литературой. Под влиянием матерей они оба посетили Россию. В 1909 г. Вита писала: «Как я полюбила Россию! Эти просторные поля и феодальный образ жизни, безбрежный горизонт – о, как я когда-нибудь сумею жить на этом ограниченном острове?». ⁷⁸ Гарнетт тоже благодарно вспоминал поездку в Россию, открывшую для него мир русской прозы. В 12 лет «он выучил язык, проводя долгие дни в беседах с пастухами в степи». ⁷⁹

В 1893 г., по завершении своей опасной миссии, Констанс вернулась домой и серьезно занялась переводами, ставшими делом ее жизни. Она перевела более 70 томов наиболее представительных писателей России – всего Тургенева, Достоевского, Гоголя и Чехова. Считается, что она была наиболее выдающимся литератором из всех Гарнеттов. Ее высокий профессионализм стал результатом кропотливой работы, требовавшей огромной концентрации и отнимавшей все ее время и силы. В создавшейся ситуации сын был помехой карьере. Возможно, что Констанс любила мальчика, но, как и у Виктории, у нее всегда находились причины критиковать его за недостатки и не быть с ним тогда, когда он больше всего нуждался в ней.

Обе матери подавляли детей своими сильными личностями, вынуждая их жить с сознанием того, что они разочаровали своих родителей. От детей ожидалось, по крайней мере, достичь таких же успехов, каких бы их матерям хотелось достичь самим. От Виты требовалось стать изысканной леди, отличавшейся как от грубых простолюдинов, так и от мягкотелых интеллигентов. Констанс, в свою очередь, требовала от Дэвида стать особым человеком, и ему внушали, что законы, которым подчиняются другие люди, на него не распространяются. ⁸⁰ В то время, как Виктория страдала от того, что ее дочь слишком костлява и уродлива, чтобы претендовать на роль леди, Констанс болезненно реагировала на глупость и бездарность сына.

Мать Виты «открыто попрекала ее за непривлекательность и за отсутствие хороших манер в обществе, и Вита никогда не упоминала, чтобы ее мать похвали-

ла за что-нибудь или сделала ей комплимент».⁸¹ Дэвид не мог вспомнить ни единого разу, чтобы мать похвалила его. Когда Вите исполнился 21 год, она выросла и похорошела, и ей довелось выступать в суде, защищая интересы матери против семьи сэра Джона Скотта Мюррея, пытавшейся опротестовать его завещание. Уверенное выступление Виты произвело огромное впечатление и способствовало выигрышу процесса; Витой восторгались все, кроме ... ее матери! Даже когда Гарнетт завоевал мировую известность своим романом «Женщина-лисица», он получал теплые поздравления от отца, от тети – писательницы Клементины Блейк – от всех, кроме... его матери! Ее реакция отсутствует в мемуарах Гарнетта. Ему на всю жизнь пришлось считать себя неудачником, и даже в мемуарах он с болью писал: «Гнойные гланды делали меня еще глупее, чем я был на самом деле. Если бы мне хоть удалось получить стипендию в Кембридже, то моя жизнь пошла бы по-другому. Так получилось, что мое интеллектуальное развитие затормозилось в возрасте десяти или двенадцати лет».⁸²

Казалось, что обе матери смотрели *сквозь* своих детей, страдая от собственных комплексов неполноценности и проецируя свои страхи на детей. Дети унаследовали от них как мировую славу, так и комплекс неполноценности; как оригинальность мышления, так и непредсказуемое поведение. Что касается отцов этих семейств, то оба считались людьми добрыми и великодушными. Но оба молодых человека были значительно младше, слабохарактернее и мягче своих жен; ни один из них не сумел настоять на своем в семейной жизни. Несмотря на то, что отцы любили своих детей, матери почти единолично принимали все важные решения по поводу будущего детей.

Оба ребенка с матерями путешествовали во Францию и в Россию (отцы не присоединялись к этим поездкам). Оба ребенка росли двуязычными, с детства изучая по настоянию матерей французский. Оба рано выучились чтению и письму, но оба с ужасом вспоминали свои школьные годы, когда они были «гадкими утятами».

Вита, как девочка, получала очень ограниченное образование. Сначала ее обучала гувернантка, а подростком ее отослали в лондонскую школу Мисс Вульф. Там Виту запомнили, как: «необщительную девочку, высокую, костлявую, почти всегда некрасиво одетую в одежду, выглядевшую материнскими обносками».⁸³ С единственной школьной подругой Вайолет Вита делилась воспоминаниями о своих собаках и кроликах в волшебном Кноле. Других девочек Вита сторонилась, и свое одиночество она пыталась скрасить написанием первых исторических романов. К сожалению, в школе ее таланты не были оценены, и сочинительство там не поощрялось. В воспоминаниях Вита приводит тяжелую картину страданий одинокой девочки тех лет: «Я была плоская, педантичная, усердная (ой, слишком!), полностью лишенная вдохновения, неуправляемая, худая и высокая; на самом деле, единственным моим достоинством можно было назвать то, что я ничего общего не имела с людьми».⁸⁴ Она была хорошей ученицей, особенно отличаясь в истории и английском, но ее мало волновали знания: ей хотелось «переплюнуть» всех, доказав, что: «если я не могла быть популярной, то, по крайней мере, могла быть умной». Но ум не делал Виту счастливой, и она приходила к заключению, что: «это были моя самые яростные годы!»⁸⁵

Самые яростные годы... Это едва ли не самая подходящая метафора для школьных лет Гарнетта. До десяти лет Дэвид очень редко посещал школу, и в основном занимался с мамой. Впоследствии, он полагал, что было большой ошибкой забирать его из начальной школы. Когда же подростком он был направлен в лондонскую школу, его жизнь превратилась в ад. По словам Гарнетта, школа «парализовала» его способности, и ему казалось, что он ничего не способен воспринимать.⁸⁶ Но больше всего он «ненавидел общественную жизнь за стенами классной комнаты». Этот неописуемый страх общения со своими одноклассниками Гарнетт выказал впоследствии устами Бенедикта из романа «Нет Любви»: «Бенедикта ничего не объединяло с его одноклассниками, и он старался избегать их, опасаясь повторения печального опыта школы, и понимая, что при первой издевке, при первом оскорблении он выдаст себя тем, что покраснеет, затрясется, потеряет равновесие и предстанет перед ними в качестве идеальной жертвы для нападок».⁸⁷

Непонятно, действительно ли занятия давались Гарнетту с таким трудом, потому что все-таки он отличался прекрасными успехами по-французски и по-латыни. Но из-за проблем с английским и с математикой, Констанс пришла к выводу, что ребенок «невероятно туп»,⁸⁸ и решила перевести его в либеральный подготовительный колледж. Атмосфера в этом учебном заведении была более дружелюбной, да и детей не заставляли проводить время вместе после занятий. Когда Дэвид успокоился и расслабился, его оценки сразу же улучшились. Но он был убежден, что настоящий перелом произошел в возрасте 17 лет, когда после удаления гланд у него сразу же улучшилось здоровье и интеллектуальные способности.⁸⁹

В то время как Вита начала экспериментировать с прозой, Дэвид сочинял сонеты. В мемуарах он рассказывал о своей пылкой увлеченности поэзией, но он не решился опубликовать ни одного из этих ранних произведений. Возможное объяснение этому можно найти в «Нет Любви», когда в роли Дэвида выступал Бенедикт, а прообразом Роджера был Эдвард Гарнетт: «На протяжении полугода Бенедикт писал по четыре сонета в неделю... Когда Роджеру попадались на глаза эти излияния, он всегда прочитывал их с большим вниманием, иногда даже по несколько раз, затем он качал головой и говорил себе: «Нет, мой бедный мальчик, я боюсь, что тебе никогда не стать настоящим поэтом»... Роджер тоже никогда не стал настоящим поэтом».⁹⁰ Из этих строк понятно, что не только у Констанс были свои причины быть неудовлетворенной сыном, но и Эдварду сын приносил немало разочарований. Хотя и в более мягкой форме, чем жена, он тоже страдал от неспособности сына стать большим поэтом. Сам Эдвард был влиятельным критиком с изысканным литературным вкусом. На его долю выпало открыть и обучать нескольких наиболее одаренных английских авторов. Но он всегда страдал от того, что никогда не смог по-настоящему творчески выразить себя, и что его собственная проза не получила высоких оценок. Может быть, это и было той причиной, по которой он не поддерживал эксперименты сына, заставляя его почувствовать себя неудачником? По его мнению, Дэвид не был достоин перенять эстафету славных литературных традиций Гарнеттов. Может быть, он не говорил это прямо, но Дэвид *чувствовал* это отношение отца, тягостные вздохи которого

ранили не меньше, чем открытая критика матери. Интересно, что и Вита чувствовала, что ее отец разочарован ею, хотя он, как и Эдвард Гарнетт, никогда открыто вслух не высказывался по этому поводу. Вита писала об отце: «Такому человеку, конечно же, требовалось иметь хорошо налаженное домашнее хозяйство; кучу детей; сыновей, которых бы он мог обучать стрельбе, рыбалке и верховой езде, подготавливая их к принятию на себя ответственности за Кнол, когда он достанется им».⁹¹ Но Лайонел не обучал своих несуществующих сынов охоте и рыбной ловле, а Эдвард не обучал своего «бездарного» сына поэзии.

Тем временем Дэвид увлекся биологией. Накал страстей и напряжение, царившее в доме Гарнеттов, можно прочувствовать из описаний в «Нет Любви». Отец хотел бы, чтобы Дэвид изучал сельское хозяйство в Кембридже; мать возражала, что на это у них не хватает денег, и что он вполне может учиться в Лондоне. Споры повторялись ежедневно, «они спорили до изнеможения, до истощения, до слез».⁹² Как обычно, последнее слово оставалось за Констанс, и Дэвида определили в Лондонский королевский колледж. Он с легкостью вошел в роль студента естественных наук, и его профессора были им очень довольны.

Период «гадкого утенка» подходил к концу. У Гарнетта трансформация произошла в 1912 г., когда он познакомился с членами так называемого кружка «Блумсбери». Эта группа объединяла молодых интеллектуалов, выпускников или студентов Кембриджа, чьи интересы были связаны с искусством. Душой и центром этой элитарной группы были четверо детей семьи Стефенс (Тобиас, Адриан, Ванесса и Вирджиния), унаследовавших в 1906 г. дом отца в одном из центральных районов Лондона – Блумсбери (откуда и пошло название кружка). В это сообщество единомышленников по искусству и литературе входили писатели Литтон Стрэчи и Э.М. Форстер, искусствовед Роджер Фрай, художник Клайв Белл, ставший вскоре мужем Ванессы, журналист Леонард Вульф – будущий муж Вирджинии, художник Дункан Грант, экономист Джон М. Кейнс и многие другие. О кружке Блумсбери написано много, пожалуй, даже слишком много, потому что эти люди привнесли в английскую действительность то, чего долгое время в Англии не существовало: их усилиями был создан новый центр, занятый интеллектуальными и художественными экспериментами, повлиявшими на все дальнейшее развитие английской культуры XX века. Кроме того, всех их отличал яркий стиль жизни. Блумсберийцы были не только интеллектуальным сообществом, но и социальной кастой со своим отношением к жизни и своими ценностями: то была сложная паутина дружеских связей, родственных отношений, браков и романов. На долю Гарнетта выпала особенно интересная роль: он стал одним из первых летописцев и биографов этой необычной группы. Впоследствии он утверждал, что именно встреча с этим кружком привела его к превращению из «гадкого утенка в лебедя».⁹³ Он писал: «Я не знаю точно, как произошла перемена моих отношений с внешним миром, которая продолжает озадачивать моих друзей... Но неожиданно отношение ко мне большинства людей переменилось. Мужчины начали нравиться, и мы становились уже близкими друзьями после второй встречи; женщины влюблялись в меня или были очарованы мною уже с первого взгляда... За те шесть месяцев, когда я стал привлекательным, у меня не по-

явилось ни единого врага. Никому не хотелось быть оригинальным и объявить, что я плохо воспитанный щенок, лишенный чувств, манер или морали». ⁹⁴

Роковая связь Дэвида с семейством Стефенс началась еще задолго до его появления на свет. Лесли Стефенс – писатель и критик, философ и историк литературы – был другом дедушки Дэвида – поэта и переводчика Ричарда Гарнетта. Впоследствии Дэвид напишет, что в своем романе «На маяк» Вирджиния Вульф (дочь Лесли) воссоздала картины семьи, в точности соответствующие картинам его собственной семьи. Дэвид унаследовал от дедушки дружбу со Стефенсами. В 1912 г. он стал близким другом Адриана. Уже во время первого посещения дома Стефенсов Гарнетт испытал целую гамму различных чувств – от возбуждения до полнейшего умиротворения. Предчувствуя свою принадлежность к этому дому, он воспринял своих новых знакомых как самых очаровательных людей в мире. Впоследствии он говорил, что ощущал себя «как брошенный котенок, который твердо решил, что его примут в дом». ⁹⁵

Вскоре Дэвид особенно близко сошелся с Литтоном, и от него он узнал, что на самом деле он был вольнодумцем и распутником. Как и другие блумсберийцы, Литтон с Дэвидом бросали вызов эдвардианской морали и лицемерию. В человеке ценились искренность, непосредственность и умение понимать и ценить прекрасное. Религия считалась чем-то настолько несурзным, что образованный человек вообще не должен был принимать ее всерьез. Дэвид начал открыто проповедовать идеи гедонизма: как и все члены кружка, он полюбил вина, деликатесы французской кухни и плотские утехы. Вскоре Гарнетт завоевал репутацию человека, наедине с которым ни одна женщина не могла чувствовать себя в безопасности. Друзья стали его звать «Банни» (по названию кролика в английских сказках). Из замкнутого подростка он превратился в экстравагантного экстраверта, постоянно ищущего чувственных приключений. Но получал ли он удовлетворение от взаимоотношений с окружающими? Сомнительно. Стал ли Гарнетт полноправным членом Блумсбери? Некоторые критики дают отрицательный ответ. Казалось, что Гарнетт был принят в группу только как личный друг *нескольких* членов кружка. Дэвид с горечью писал: «Но я знал, что я был вне этого рая, и если бы Адриан перестал меня приглашать, то мне никогда бы не удалось вновь войти в этот рай. Позднее я узнал, что из всей группы Адриан был единственным человеком, которому я нравился, и что для других я вообще не представлял никакого интереса...». ⁹⁶

Несмотря на то, что большинство группы ставило под сомнение вопрос интеллектуальных способностей Банни, его знакомство со Стефенсами сыграло решающую роль в открытии его литературного таланта и в формировании его вкусов, ценностей и взглядов на жизнь. К началу первой мировой войны 22-летний Гарнетт уже потерял всякий интерес к университетским занятиям. Вместе со своим другом Франсисом Биррелом он примкнул к квакерам, и они вдвоем отправились во Францию, чтобы оказать помощь пострадавшим от войны. Но уже через пару месяцев Дэвид вернулся в Лондон, объявил себя пацифистом и под этим предлогом избежал призыва в армию. Военная службы для Гарнетта была заменена сельскохозяйственными работами, так что он сумел всю войну провести вместе с Ванессой Белл и Дунканом Грантом на ферме в Чарльстоне. Впоследствии

Гарнетт вспоминал: «В то время как другие рисковали жизнью, находясь в аду, я, по редчайшей счастливой случайности, проживал в тесном контакте с группой замечательных художников и писателей, некоторые из которых стали моими ближайшими друзьями, и которые все без исключения сформировали мое мировоззрение и проявили горячий интерес к моему развитию. Я не страдал; я не находился в опасности, и для меня годы всеобщего ужаса и горечи превратились в годы духовного и эстетического роста. Таким образом, моя история в высшей степени исключительна».⁹⁷

Но оказывается, что не только Гарнетт со своими друзьями «сумел создать жизнь, казавшуюся идиллией, оторванной от окружавших их ужасов».⁹⁸ Мирная жизнь Виты в этот период тоже не нарушилась войной, потому что ее муж, Гарольд Никольсон, был освобожден от армии, так как он состоял на дипломатической службе в министерстве иностранных дел. Вита к тому времени уже нянчила на руках своего старшего сына, пытаясь войти в роль «любящей жены блестящего молодого дипломата».⁹⁹ Вдобавок, она писала стихи, и, начиная с 1915 г., серьезно занялась садоводством. Вита ввела много новшеств в декорацию сельского дома и в планировку клумб, и вследствие этого ее дом, Лонг Барн, прославился своей сказочной красотой и цветами. Когда в 1920 г. Вита оглядывалась назад, она подводила итоги того периода: «Это был единственный период в моей жизни, когда я пользовалась популярностью: я не была больше плоской, я старалась быть покладистой, Гарольда любили все, кто с ним встречался, и, в общем, мы были приятной молодой парой, которую любили приглашать на ужин».¹⁰⁰

Если жизнь Гарнетта переменялась в 1912 г. после встречи со Стефенсами, то жизнь Виты изменилась в том же 1912 г. после помолвки с Никольсоном. Гарольд был обаятельным молодым человеком, на шесть лет старше Виты. Он был многообещающим начинающим дипломатом; впоследствии он стал автором более чем 125 книг, включавших как политические эссе, так и популярные романы. Вита характеризовала свои отношения с Гарольдом как освежающие, интеллектуальные и лишенные физического аспекта. Она считала его своим идеальным товарищем и говорила о нем с большой теплотой: «Все вокруг него светилося энергией, жизнелюбием и весельем. Я любила его непокорные коричневые кудри, его смеющиеся глаза, его очаровательную улыбку и его мальчишество».¹⁰¹

Вита и Гарольд поженились в 1913 г. У них было два сына: Бен (1914) и Найджел (1917). Но, тем не менее, ни один из супругов никогда по-настоящему не был честен (возможно, даже перед самим собой) по поводу своих чувств. Иногда Вите казалось, что ее любовь к мужу была подобна доброму вину в сосуде ее жизни. С другой стороны, ее часто страшило, что она никогда не испытывала к нему физического влечения, потому что «некоторые мужчины по-видимому рождаются быть любовниками, другие – мужьями, он (Гарольд) относится к последней категории».¹⁰² Вита никогда не было искренней по поводу своих гомосексуальных отношений с Розамундой Гроссвенор – школьной подругой, часто подолгу гостившей в Кноле. Гарольд не был искренним по поводу своих гомосексуальных отношений с Пьером де Лакретеллем. Молодой паре вскоре после замужества пришлось открыть для себя, что их эдвардианские представления о совместной супружеской жизни были

очень далеки от реальности. Вита не умела поддерживать домашний очаг, и оба супруга не были способны хранить верность друг другу. Первая тень в семейном счастье Никольсонов промелькнула в 1915 г., когда у Виты появился на свет мертворожденный ребенок. Поворотный момент в отношениях Виты и Гарольда наступил 6 ноября 1917 г., когда Гарольд признался жене, что имел мужчину любовника, который заразил его венерической болезнью. Это сообщение глубоко потрясло Виту и нанесло тяжелый удар по ее эмоциональному состоянию. Она больше не была готова играть роль примерной жены, и их брак перешел в «открытый брак». Вита решительно окунулась в литературную деятельность, Гарольд быстро продвигался по службе. Оба постоянно нуждались в людях, способных приносить им вдохновение: для Виты это были многочисленные женщины, к которым она испытывала пылкую страсть; для Гарольда – мужчины, с которыми он время от времени имел физическую связь. Гарольду по роду службы приходилось подолгу находиться вдали от родины; Вита с детьми оставалась дома. Когда Гарольд находился в Англии, они спали в отдельных спальнях и проживали в разных крыльях дома. Их брак стал настолько странным, что невольно возникал вопрос: а можно ли было вообще называть их отношения супружескими?¹⁰³ Тем не менее, оба супруга стремились представить свои взаимоотношения перед детьми и перед обществом, как образец привязанности и прочности. В популярной радиовещательной программе БиБиСи «Что я думаю по поводу семейной жизни» они представляли свой брак, как модель для подражания.

Вита никогда не рассказывала правду о том, что она думала о своей семейной жизни. Можно лишь догадываться об этом из слов ее героини Розы («The Easter Party»), муж которой избегал физической близости с ней: «Она была настолько сверхосторожна, что даже Вальтер не мог бы ничего заподозрить. Ни словом, ни жестом она никогда не выдавала свое сокровенное желание оказаться в его объятиях; разве что лаской она показывала, что он был для нее чем-то большим, чем дорогим другом».¹⁰⁴

Вита не могла долго прожить без страстей; ей было мало дружбы на основе взаимной заботы. Вскоре после драматического признания Гарольда она кинулась в отчаянно рискованное любовное приключение со своей школьной подругой Вайолет Кеппель. Страсти были накалены до предела; Вита забросила детей, и ее брак был под угрозой расторжения. В 1920 г. эта связь двух молодых женщин переросла в настоящий скандал. В те годы британское аристократическое общество было склонно смотреть на семейные измены сквозь пальцы, но лишь при условии сохранения видимости приличий. Вита никак не удовлетворяла этим требованиям, потому что она и не думала соблюдать правила хорошего тона. Она открыто покинула двух маленьких сыновей, и вместе со своей возлюбленной отправилась во Францию. Подруги сменили имена на Джулиана и Люшку: Вита была Джулианом, она носила мужскую одежду, приглашала Люшку в ресторан и на танцы и делала ей предложение пожениться. Молодые женщины планировали остаться во Франции и купить там дом. Все детали этой романтической связи, длившейся около трех лет, были подробно описаны Сэквилл-Уэст в автобиографии, опубликованной после ее смерти в книге «Портрет семейной жизни» Най-

джела Николсона. Трудно даже уследить за всеми запутанными тонкостями этой драмы. С одной стороны, Вита находилась под постоянным давлением со стороны мужа прервать эту скандальную связь. С другой стороны, она глубоко страдала от непрерывных ссор с Вайолет, притом, что каждая из женщин придавала различное значение их клятве верности в стиле Сафо, принесенной друг другу. Ситуация еще более осложнилась, когда Вайолет ввела в их совместную жизнь нового человека: ее жениха, Дениса Трефусиса. Брак Вайолет с Денисом превратил весь клубок страстей в сплошной хаос. Вита с ужасом обнаружила в себе неподвластные ее контролю чувства ненависти и отчаяния. Она была на грани самоубийства, и в 1920 г. она писала: «Временами я настолько боюсь этой моей стороны... она настолько жестока, свирепа и яростна».¹⁰⁵

После того, как Вите стало известно о физической близости между Вайолет и Денисом, ее романтический идеал женской верности был разрушен, и страсти потихоньку охладились. Ей захотелось, чтобы кто-нибудь спас ее от этого безумия. Чтобы вновь обрести внутреннюю тишину и спокойствие, она позволила Гарольду увести себя от Вайолет. Утерянное равновесие вернулось к ней вновь лишь в любимых садах Лонг Барна. Когда перед Витой встал окончательный выбор – стать ли открытой лесбиянкой или же продолжать семейную жизнь с Гарольдом и детьми – она предпочла быть женой и матерью.

После пережитых перипетий Вита и Гарольд поклялись никогда больше не ставить под угрозу их брак; оба развили в себе способность относиться друг к другу «заботливо, но без вмешательства», спокойно реагируя на многочисленные гомосексуальные связи друг друга. В то время как Гарнетт заявлял, что гедонизм Блумсбери сформировал его характер, Вита писала Гарольду, что если бы им посчастливилось войти в круг Блумсбери еще в 1916 г., то они бы выиграли от этого больше, чем оттого, что были вынуждены нести в себе груз эдвардианских ценностей. Она с горечью добавляла, что, к сожалению, тогда они еще не знали о Блумсбери.¹⁰⁶

Пока Вита поддавалась своей страсти к Вайолет, Банни позволил себе быть соблазненным художником Дунканом Грантом. Вместе с Ванессой Белл они проживали в Чарльстоне.¹⁰⁷ Ванесса – жена Клайва Белла и мать его двух сыновей – была на шесть лет старше Гранта, совместно с которым она организовала модернистскую студию «Омега». Она безумно влюбилась в молодого художника и была готова удержать его подле себя любой ценой. Но Дункан был гомосексуалом с бисексуальными наклонностями, который в свою очередь воспылал страстью к юному Гарнетту, бывшему на пять лет младше его. Эта и без того запутанная ситуация осложнилась тем, что Банни влюбился в Ванессу. Согласно Гарнетт-Белл, он пытался соблазнить Ванессу, но был отвергнут ею.¹⁰⁸ Ванесса считала, что Банни был достаточно красив, чтобы стать ее моделью, но он был недостаточно интеллектуален, чтобы стать ее любовником. Она бы предпочитала от него избавиться, но ей было ясно, что без него было невозможно удержать Дункана. За три долгих года совместной жизни судьбы Дункана, Дэвида и Ванессы настолько тесно переплелись, что их взаимоотношения нельзя было удержать в секрете. Бушующие страсти этих лет оказали долгосрочное влияние на всю последующую жизнь каждого из них. Первый скандал разыгрался, когда Ванесса убедила Дункана стать отцом ее

ребенка. Плодом этой любви стала Ангелика, родившаяся в Чарльстоне 25 декабря 1918 г. Для сохранения видимости приличий отцом девочки был записан Клайв Белл. Несмотря на все свои теории о свободе поведения, ни один из членов кружка Блумсбери не отважился рассказать девочке правду о ее настоящем отце. Когда пришел час истинного экзамена, они все, подобно Вите и Гарольду, пытались сохранить нормы морали того времени. В лучших традициях народных сказок, Ангелика получила свой самый значительный подарок в жизни, когда еще лежала в своей колыбели: Банни (выступивший в роли злой феи) поклялся жениться на новорожденной.¹⁰⁹ В тот день никто еще не догадывался, насколько сильно было в Банни желание быть любимым, и насколько серьезны были его намерения любой ценой удержать близость своих друзей. Но, подобно Вите, он постоянно держал любимых в эмоциональной зависимости от него. Продолжение этой истории произошло через много лет, а в то время Банни хотелось освободиться от этого треугольника и вернуться к некоторому подобию «нормальной жизни». Он вернулся в Лондон и сразу же попал в новое любовное приключение.

Подобно Вите, Банни был склонен поддерживать несколько любовных связей одновременно. Тем не менее, его всегда мучила ревность. Вита, в свою очередь, изменяла всем, но никому не прощала измен. В своих стихах, таких, как «Тесс», она описывала мстительную, садистскую сторону характера: «Как суровый священник, я распну тебя на алтаре,/ И в отместку забуду всю нежность».¹¹⁰ Гарнетт столкнулся со своей мстительностью и с глубиной своих чувств в 1918 г., когда он, все еще проживая в Чарльстоне, имел бурный роман с аристократической женщиной из Лондона: «Меня сводили с ума мысли о женском теле в синей китайской шелковой сорочке, и о светлых голубых глазах под темными ресницами. Я не мог думать ни о чем другом, и эти мысли отдаляли меня от Дункана, сильнее, чем любые мои предыдущие романы».¹¹¹ В мемуарах Гарнетт признавался, что когда он узнал о предстоящей разлуке с этой женщиной, то мысль о жизни без нее показалась ему невыносимой: «Демон раненного тщеславия овладел мною. Я пошел на встречу с ней. Она сказала мне, что все мои чувства к ней и все ее чувства ко мне были притворными, и прежде, чем я осознал, что делаю, я схватил ее за шею и швырнул на пол. Моей мгновенной страстью было не вожделение, а убийство, и пораженный ужасом как того, что я хотел совершить, так и того, что я уже сделал, я помчался на улицу в состоянии коллапса и истерии».¹¹²

До конца дней своих Дэвид старался контролировать свои чувства, пообещав себе больше никогда не доходить до «срыва». Он старался любить людей, и у него никогда не было намерений сделать им больно. Но ничего не помогало: люди страдали. Так, одна из его любовниц, молоденькая девочка, почти ребенок, которую он называл Т.Т., умерла очень юной, страдая от того, что он пренебрег ею. Гарнетт вспоминал: «Любовь Т.Т. была очень сильна. В ту ночь ... она приняла мою любовь и дала мне свою. Но это была любовь ребенка – ребенка, опьяненного лунным светом, видом осеннего леса, покалывающими сосновыми иголками, и бурной радостью после печали. И из-за этого проклятье пробралось в наши объятия: я рассвирепел, что ребенок не был женщиной».¹¹³ Вскоре после этого Т.Т. «убежала и спряталась в таком месте, откуда уже нет возврата». Для Гарнетта она

превратилась «в привидение, чей голос я слышу чаще всего».¹¹⁴ Другим привидением Гарнетта стала молодая писательница Дороти Эдвардс, с которой у него был роман, и которая покончила с собой. Гарнетта не покидало чувство вины, и он, по крайней мере, частично считал себя ответственным за эту трагедию.

У Сэквилл-Уэст тоже были свои призраки. Многие бывшие любовники Виты чувствовали, что она относилась к ним с необычайной душевной жестокостью. Некоторые из них (Джеффри Скотт и Хильда Маттисон) умерли вскоре после того, как Вита дала им отставку. Гарольд выражал свою тревогу по поводу этой жестокой стороны характера Виты в своем письме к ней: «Меня всегда беспокоила двойственность твоего характера. Одна сторона была нежная, мудрая, обладающая чувством ответственности. А вторая сторона – достаточно жестокая и экстравагантная. К первой стороне я всегда тянулся и считал твоей сутью, но вторая всегда страшила меня, и я пытался выбросить ее из моей головы – или, вернее, я всегда принимал ее, как неизбежный довесок твоей удивительной личности».¹¹⁵

Вита всегда была в состоянии увлечения кем-то, или, вернее, она постоянно переходила из объятий одной женщины к другой. В молодости эти бурные романы длились от нескольких недель до пары месяцев; к старости они могли продлиться и по семь лет. Основной проблемой Виты было, как освободиться от прежних любовников, чтобы занять новых. При этом Вита никогда не отпускала своих бывших возлюбленных, оставляя их в эмоциональной зависимости. Когда ей хотелось, она их соблазняла. Когда ей хотелось кого-то другого – она давала им отставку, но никогда не выпускала из поля влияния своих чар. Список связей Виты постоянно пополнялся, включая многих женщин и нескольких мужчин. Иногда она вновь попадала в сложные треугольные отношения, разрушая жизнь супружеских пар (как это было в случае М. Войт, М. Кэмпбелл и Д. Веллезли) или разбивая постоянные пары лесбиянок (как в случае Э. Айронс и О. Риндер).

Но только одна из ее любовниц заставила Виту прочувствовать свою неспособность поддерживать отношения без того, чтобы все испортить. Этим человеком стала знаменитая писательница Вирджиния Вульф. Кружок Блумсбери начал занимать важное место в жизни Виты еще в 1919 г., когда ее первый роман «Наследие» был опубликован при помощи Джорджа Мура, одного из членов этой группы.¹¹⁶ Мур также представил чету Никольсонов и другим членам кружка. «Роковая» встреча Виты и Вирджинии произошла в 1922 г., после того как новый друг Виты, Клайв Белл, впервые привел ее на обед к сестре своей жены Ванессы.¹¹⁷ Несмотря на то, что Вирджиния была на десять лет старше Виты, в то время книги Виты пользовались большей популярностью и приносили большие доходы, чем книги Вирджинии. Вита и Вирджиния сильно отличались характерами. Вита обожала в Вирджинии ее интеллектуальное превосходство и хрупкий ранимый облик художника. Вирджинию влекла к Вите ее аристократичность; ей чудилось в ней нечто древнее и романтическое, «как старое желтое вино».¹¹⁸ Несмотря на то, что Вита понимала, насколько сильно может повлиять физическая связь на легкоранимую психику Вирджинии, ей во что бы то ни стало хотелось заполучить ее в свой список любовниц. Вирджиния прекрасно знала о репутации Виты, как Казановы в юбке, но она была зачарована «женщиной в Вите»,

добавляя, что поистине главной частью личности Виты были ее ноги: «О, они изысканные – возвышающиеся как тонкие колонны до самого ее туловища».¹¹⁹

Несмотря на то, что Вирджиния подружилась с Витой, она продолжала разделять скептицизм членов кружка в отношении интеллектуальных способностей Виты. В то время как Гарнетта в Блумсбери считали очаровательным, но мало интеллектуальным, чета Никольсонов никак не вписывалась в этот элитарный кружок. В 1923 г. Вирджиния описывала ужин с Никольсонами: «Мы считали их обоих (Никольсонов) неисправимо глупыми. Он – очевидный блеф; она, как думал Дункан по ее репликам к нему, тоже не может сказать ничего настоящего». Писательницы то сближались, то отдалялись. В результате этой дружбы Вита посвятила Вирджинии один из своих лучших романов «Соблазнитель в Эквадоре» (1924). Это произведение было самой оригинальной работой Виты, написанной для Вирджинии, в стиле Вирджинии, и изданной Вирджинией. Реакцией Вирджинии на дружбу с Витой стал изящный и остроумный роман «Орландо» (1928), не похожий на какое-либо другое произведение писательницы. Этот роман, посвященный Вите, стал своеобразным гимном их любви. Фигура Орландо была «списана» с Виты. В середине книги Вирджиния превратила Орландо из мужчины в женщину, для того, чтобы показать, что человеческая природа андрогинна, и что женщина может быть так же свободна в высказываниях, как и мужчина, а мужчина способен быть таким же загадочным и утонченным, как женщина. Впоследствии «Орландо» назвали самым длинным и очаровательным любовным письмом в истории литературы, «наделяющим Виту андрогинностью и бессмертием».

Но Вита не умела сохранять верности никому, даже Вирджинии. В личной жизни она очень напоминала одного из героев своих романов, Себастиана, «который относился к тем очаровательным, но опасным людям, которые ранят только ненароком». Подобно Себастиану, она «игралась с мягким мячом ... в игру, где никто не должен был пострадать».¹²⁰ Но постоянно кто-нибудь страдал. В 1926 г. Вита писала Вирджинии из путешествия: «Мое сердце рвется к тебе сквозь шляпу, отрываясь от матраца и от невозможности уединения; я постоянно нахожусь в таком состоянии, но берегись: это становится манией. Это отравило мою жизнь. Из-за этого я рассорилась, по крайней мере, с тремя людьми».¹²¹ Когда «отравленные» страсти Виты проникли в сердце ранимой Вирджинии, они вызвали у нее приступы ревности и нервный срыв. Согласно исследованию психолога А. Х. Бонд, Вирджиния оставалась в зависимости от Виты до конца жизни. 28 марта 1941 г. она утопилась в реке. Могла ли Вита предотвратить эту трагедию? По крайней мере, она сама полагала, что, если бы не она, то ничего бы этого не произошло. Однажды она написала Гарольду, что больше всего ей недостает двух людей – Вирджинии Вульф и Джеффри Скотта – тех самых двух людей, которым она своими изменами нанесла самые тяжелые душевные раны и которые ушли из жизни раньше срока. Бонд спрашивала: «Кто убил В. Вульф?»¹²² Была ли тому виной душевная жестокость Виты? Ведь в жизни Вита не убивала своих любовников. Но что они все значили в ее глазах, «эти дешевые и доступные любовники»? «Мы берем сердца других, оставляя наше на месте», – писала Вита в 1938 г. Забрала ли она и сердце Вирджинии? «Я никогда не останусь с разбитым сердцем, потому что мое сердце

никогда не вовлечено», – продолжала убеждать себя Вита в 1953 г.¹²³ И все-таки Вирджиния заставила Виту почувствовать, что ее жизнь не удалась. Были ли последующие депрессивные состояния Виты и ее алкоголизм проявлением раскаяния и вины по отношению к бывшим любовникам?

В то время, как в 1941 г. Вита была потрясена смертью Вирджинии Вульф, в 1940 г. Гарнетт был потрясен смертью своей первой жены, Рэй, с которой он прожил около 20 лет и имел (как и Вита) двоих сыновей. В то время как Вита чувствовала свою долю вины в гибели Вирджинии, Гарнетт верил, что «Рэй стала жертвой его собственного эгоизма».¹²⁴ Если брак Виты был странным, то обе женитбы Гарнетта не уступали ему в странности. В марте 1921 г. никто не поддерживал Дэвида в его намерении жениться на Рэй Элис Маршалл. Она была начинающей художницей – талантливой студенткой школы искусств. Гарнетта привлекал в ней «сильный и добрый» характер; на него произвели сильное впечатление ее рассказы о поездках в Россию и Персию, но его смущали ее застенчивость и молчаливость: «Рэй была самой молчаливой женщиной, которую мне довелось встретить. Иногда ее молчание было болезненным, когда оно выражало ее неспособность прорваться сквозь застенчивость».¹²⁵

Как и в случае Виты с Гарольдом, Рэя с Дэвидом объединяла не страсть, а взаимная привязанность. После бурных приключений с Вайолет, Вита нуждалась в Гарольде, чтобы защитить себя от импульсивных порывов. Она ценила в Гарольде стабильность и поддержку. Муж Виты не был человеком страстным, и он писал о себе: «если бы я был страстным, то меня бы терзали муки ревности, я бы устраивал Вите бесконечные сцены, и мы бы давно уже развелись».¹²⁶ Несмотря на то, что он увлекался многими другими людьми, Гарольд продолжал уверять, что Вита была единственным человеком, которого он «когда-либо глубоко до боли любил»,¹²⁷ защищая ее от ураганов ее собственных эмоций. Как и Вита, Гарнетт после пароксизма страстей пытался уgomониться. Рэй казалась ему подходящим человеком, способным служить ему якорем, защищая его от водоворотов страстей. Но окружающие так не полагали. Этот брак был встречен с подозрением как друзьями, так и родственниками молодоженов, и иногда даже самому Гарнетту казалось, что «с моим характером я был обречен сделать ее несчастной. Кроме того, я не понимал, как она будет уживаться с моими друзьями».¹²⁸ Но Гарнетту было страшно важно показать миру свое «нормальное» лицо, а Рэй помогала ему создать образ молодой заботливой пары, живущей в согласии. Но как у Виты, брак Гарнетта не напоминал тихие воды спокойного озера. Первые намеки на подводные течения были видны уже в романе Гарнетта «Женщина-лисица», написанном сразу же после свадьбы и иллюстрированном Рэй. Главной темой этого фантастического романа было внезапное превращение юной любящей жены в лживую лисицу. Автор описывал ее дальнейшую жизнь с мужем до тех пор, пока ее животная натура восторжествовала и она убежала в лес. После того, как она покинула мужа ради своего любовника-волка, пришла финальная трагедия, когда супруги погибли от рук охотников. Что эта аллегория означала для Гарнетта? Была ли это аллегория на тему жизни его матери, которая вскоре после замужества и родов предприняла опасное путешествие по лесам России? Или Банни

думал о своей собственной «лисей» чувственной натуре, требовавшей абсолютной свободы? Так или иначе, скромная и тихая Рэй не могла удовлетворить потребности Банни к новым приключениям, и следующий роман Гарнетта «Человек в зоопарке» (1924) продолжал развивать тему проявления тайных человеческих страстей в рамках современного общества.

Дэвид и Рэй зачастую не находили общего языка. Рэй никак не подходила к Блумсбери; она жила в сельском домике, где растила детей и тихо страдала от измен мужа. У нее обнаружили рак, и в 1938-39 гг. она перенесла операцию. Жизнь медленно уходила от Рэй. С одной стороны, Гарнетт винил себя в том, что она стала жертвой его эгоизма, а с другой стороны, он уже был готов к новой душевной драме. Еще в 1936 г. он заметил, что Ангелика уже достаточно подросла, чтобы стать его любовницей. Ей не было ничего известно ни о своем настоящем отце, ни о том любовном треугольнике, в котором проживали ее мать, Дункан Грант и Дэвид Гарнетт. Для нее Банни был одним из закадычных друзей из Блумсбери, и она, не колеблясь, приняла его любовь. И так же, как тетя Ангелики, Вирджиния Вульф, не сумела противостоять напору Виты, которую она называла «гренадером», Ангелика не могла устоять против натиска Банни, которого она называла «бульдозером».¹²⁹ Понимая, что речь идет о мести, Дункан и Ванесса пытались удержать дочь от этого безумного брака, но у них не хватало мужества раскрыть ей всю правду.¹³⁰ Смерть Рэй в 1940 г. позволила Гарнетту жениться на Ангелике. (Поразительно, что в тот же самый период, когда Гарнетт сватался к Ангелике, Вита смертельно боялась, что Вайолет Трефусис соблазнит ее старшего сына, Бена¹³¹).

Вторая жена Гарнетта считала, что Дэвид женился на ней для того, чтобы справиться со страхом смерти. Она писала: «Он боялся смерти, и, возможно, обратной стороной того же страха были его опасения провала как художника. Он надеялся, что брак со мной принесет ему новый договор с жизнью».¹³² Кроме двоих мальчиков от Рэй, они растили своих четырех дочерей. Гарнетт продолжал сохранять внешнее спокойствие, пытаясь нарастить «эмоциональную оболочку», которая могла бы защитить его от внезапных порывов страстей. Возможно, он верил, что его защита от страстей была совершенной, но Ангелике так не казалось, и она не раз наблюдала в нем пароксизмы эмоций.

Вита и Дэвид не ходили к психологам. Они не пытались преобразить или понять свои чувства; единственной их заботой было, как скрыть от мира свои страсти. Героиня Виты из романа «Под маской» заявляла, что все скрывают свои подлинные чувства под маской; Гарнетт писал, что «добродетельные люди по своей природе поверхностны. Наиболее добродетельными являются те, у которых труднее всего пробить внешнюю оболочку».¹³³ Другой герой Виты, Вальтер, был уверен в том, что «никто не знает, что люди делают тогда, когда они думают, что находятся вне поля зрения других людей».¹³⁴ Несмотря на все защиты и на внешние оболочки, дети Виты понимали, что периоды, когда их мама «была навеселе», на самом деле были проявлениями алкоголизма на базе стресса. Точно так же жена Гарнетта понимала, что за его постоянной маской спокойствия скрывались потаенные чувства радости, смешанной с отчаянием, страхом, яростью и виной. Она писала: «Когда мы стали мужем и женой, меня все больше отталкивала его

эмоциональность, которая всегда казалась преувеличенной. Я боялась, что она захлестнет и мои собственные чувства, и это заставляло меня все больше и больше держать мои чувства при себе...».¹³⁵

Ангелика не понимала, насколько кровосмесительными были ее отношения с Банни. «Обманутые добротой», все члены Блумсбери хранили в тайне все, что могло бы задеть ее чувства. Но Ангелика часто подспудно ощущала, будто что-то шло не так. Уже в первые месяцы их романа Гарнетт даже страдал от импотенции, не будучи в состоянии полностью подавить чувства вины.¹³⁶ Когда же, наконец, Ангелика узнала правду, то не только ее чувства были задеты, а вся жизнь семьи превратилась в неопиcуемый хаос. После развода Ангелика вспоминала, что Гарнетт был способен проявлять чувства любви, но самыми добрыми словами в адрес своего бывшего мужа было то, что: «Он не был совершенным мерзавцем. Он любил меня и просто как человека, и во многом был исключительно великодушным. Когда я, наконец, оставила его, то, несмотря на то, что он был глубоко задет и так никогда и не оправился, он все равно не мог пожелать мне ничего плохого».¹³⁷

Могла ли любовь основываться на стольких обманах? Желание Гарнетта нарастить защитную оболочку не сделало его счастливым. Ложь в семье привела к тому, что, по словам Ангелики, «истинное общение друг с другом было невозможным».¹³⁸ В поисках близости и за неимением возможности общения, Гарнетт, как и Вита, обращался за помощью к «архиобманщику» сексу: «Я был любовником очень многих женщин... Я был чувственным, и никогда не был холодным. То, что я искал в женщинах, которых любил, было, по словам Блейка: «чертами удовлетворенного желания». И только, если я не находил в них этого, я чувствовал себя виноватым».¹³⁹ Подобно своему герою Бенедикту, Гарнетт не имел мужества проследить последствия своих отношений с людьми и проанализировать свои эмоции. В качестве человека, «чья сексуальная жизнь свободна от ограничений, наложенных религией или общепринятой моралью»,¹⁴⁰ Гарнетт не принял в расчет, что последствия таких отношений были невыносимы для окружающих.

Оглядываясь назад, Вита писала в 1945 г. Гарольду: «насколько я предпочитаю посторонним моим друзьям». Считалось, что с годами «она находила отношения с людьми настолько тяжелыми ..., что ей было легче находиться в обществе своей собаки или быть одной на природе, чем в компании людей».¹⁴¹ Как она однажды выразила в стихе:

Есть времена, когда я не выношу вида людей.

Я знаю, что они очаровательны и интеллигентны,

потому что все мне так говорят,

Но я бы хотела, чтобы они ушли,

Я не могу общаться ни с кем...¹⁴²

Что Вита имела в виду под словом «общаться»? Многие женщины продолжали влюбляться в нее, но такие отношения она не считала настоящим «общением». Почему она с такой легкостью притягивала незнакомцев, в то время как в своем близком окружении она продолжала возводить прочные стены разобщения? Возможно, что ответ заключается в нереальных ожиданиях, которые Вита имела по отношению к любви. Эти ожидания были описаны Гарнеттом в романе «Нет люб-

ви», когда автор рассуждал об идеальном браке: «Они наслаждались друг другом, и каждый из них чувствовал, что до конца жизни распрощался со своей отдельной личностью во имя дуальной, усиленной личности близнецов, и что оба они и каждый из них приобрели двойную силу и были в два раза устойчивее против влияний внешнего мира». ¹⁴³ Вита, в свою очередь, поднимала вопрос идеальной любви в жизнеописаниях христианских святых «Орел и Голубка». В ее голосе слышалось глубокое разочарование тем фактом, что даже святые временами теряли связь с Богом, и их молитвы оставались не услышанными. Вита протестовала против таких взаимоотношений (будь то с людьми или с Богом), при которых возможны короткие периоды разлуки. Она восклицала: «...мыслимо ли, чтобы счастливая любовь, любовь взаимная и состоявшаяся, любовь, нашедшая абсолютное дополнение, могла бы проходить через такие моменты полнейшей пустоты, когда мысль о присутствии возлюбленного не будет приносить ни волнения, ни возбуждения, ни реакции, ни сияния? Нет, невысказано». ¹⁴⁴ Этот идеал любви Виты поразительно напоминает мечты Гарнетта о «сдвоенной личности», о «духовном близнеце», когда у возлюбленных эмоции сливаются в единое целое, постоянно усиливая друг друга. Но эти высокие идеалы никак не соответствовали реальности. В действительности никто не мог постоянно находиться в состоянии экзальтации. Наоборот, супругов Виты и Дэвида – Гарольда и Ангелику – избыточная эмоциональность лишь отталкивала, и они старались вести себя холоднее и критичнее, чем они привыкли. В результате, в обоих случаях браки больше напоминали жизнь в разлуке, чем семейный союз. Такое поведение еще больше выводило из себя Виту и Гарнетта, и оба находили в себе проявления таких человеческих слабостей, как ревность или злость. Пугаясь этих «незнакомцев» в себе, Вита задавалась вопросом: «И если сам я себе незнакомец, то кто же друг?» ¹⁴⁵

Времена менялись, и приход к власти нацистов в Германии требовал от Гарнетта и от Виты ответа на новый вопрос: если друг оказался вдруг незнакомцем, то, что говорить о враге? Если в начале двадцатых годов эти селестиальные близнецы постепенно переходили от идей всеобщего гуманизма к проблеме борьбы с «чудовищем внутри себя», то к концу тридцатых годов в обоих произошла резкая замена пацифистских убеждений на ненависть к врагу «внешнему». Как будто бы дремлющий патриотизм одновременно пробудился в них обоих, и их ненависть проявлялась с такой же страстностью, как и любовь. Еще до начала войны Гарнетт записался добровольцем в звании лейтенанта в военно-воздушные силы. Впоследствии он служил офицером в военной разведке и записал историю секретной службы. Если в молодости Гарнетта, по его словам, просто «тошнило» от немцев, то теперь он испытывал «удовольствие» от ненависти к ним. Ангелика вспоминала: «Однажды вечером Банни упомянул услышанный им случай, когда застрелили немецкого пилота на земле, после того, как его самолет был сбит. Степень наслаждения Банни этим проявлением так называемого героизма поразила меня до невозможности». ¹⁴⁶

В свою очередь, Вита в молодости поддерживала пацифистов, считая, что любую войну можно избежать при условии, что достаточно людей поверят в мир. Но уже с 1928 г. она не переносила Германию: «Что за проклятое место», –

писала она о Берлине.¹⁴⁷ В начале второй мировой войны она добровольно вступила в женскую военную организацию в качестве ее историка и пропагандиста. Найджел Никольсон вспоминал, как в 1944 г. его мать воинственно восклицала: «Эти мерзкие немцы! Давайте сравняем все города в Германии с землей, мне наплевать». Вита настолько безжалостно всей душой ненавидела немцев, что поражала этим как членов семьи, так и своих либеральных друзей.

Начиная с 1941 г., Вита помышляла о самоубийстве. Ее радовало, что Гарольд сумел раздобыть для них обоих пилюли с ядом, и они решили воспользоваться ими в случае оккупации немцами Сиссингхерста.¹⁴⁸ По мере того, как опасность войны возрастала, Вита все чаще искала утешения в алкоголе. Алкоголизм постепенно превращался в серьезную проблему отчасти и оттого, что семья Виты отказывалась называть вещи своими именами, и запои Виты шутливо назывались ее «подвыпившим настроением».¹⁴⁹ После того, как опасность оккупации миновала, Вита не прекратила вынашивать планы самоубийства, выражая свои мрачные фантазии в неопубликованных поэмах 1942 г. Период депрессии продолжился и в первые послевоенные годы, сейчас уже под предлогом творческой несостоятельности. Когда в феврале 1946 г. Вита получила первые гранки поэмы «Сад», она записала в дневнике: «подавлена этим. Это еще хуже, чем я опасалась».¹⁵⁰ Тот факт, что за эту поэму Вите была присуждена одна из наиболее престижных литературных премий Англии, никак не повлиял на ее депрессивное состояние. После вручения награды в ноябре 1946 г. она вновь размышляла о самоубийстве, потому что из-за боли в спине ей не под силу было заниматься садоводством. «Серьезно думаю о самоубийстве», – опять записала она.¹⁵¹ Чтобы выйти из депрессии, она принимала еще больше таблеток и пила еще больше вина. Убеждая мужа воспользоваться ее стимулирующими средствами, Вита писала ему о бензедрине: «это замечательное возбуждающее средство, похоже на шампанское, только не такое дорогое».¹⁵² Приступы депрессии Виты продолжались до пятидесятих годов. Каждый раз они вызывались другими причинами, но их периоды совпадали с приступами страхов Гарнетта, описанными Ангеликой.

Гарнетт, в свою очередь, сообщал в мемуарах о том, как едва не умер из-за наркотиков. Во время второй мировой войны он имел роман с одной алкоголичкой, употреблявшей также наркотики. Однажды он согласился на ее предложение понюхать кокаин. Он вспоминал: «Я взял щепотку, вдохнул порошок, и почувствовал, как мои ноздри леденели по мере того, как испарялись маленькие кристаллики. Мое сердце забилося все чаще и чаще с ужасающим ускорением ... Через пару секунд мой пульс был уже практически неразличим. Я был испуган... «Что за идиотский способ покончить с собой по ошибке», – думал я, закрывая глаза в ожидании беспамятства и смерти, и чувствуя себя безмерно одиноким».¹⁵³ После этого ужасного эксперимента Гарнетт поклялся никогда больше не употреблять кокаин. Но он никогда не обещал прекратить пить вино. С юношеских лет Гарнетт прибегал к вину для снятия стрессов. Еще в родительском доме он видел, как отец, страдавший от бессонницы и эмоциональных проблем, прибегал в качестве лекарства к вину. Когда Дэвид отправлялся во Францию служить в мирной миссии квакеров, его отец «с тенью смущения» дал ему самый полезный подарок

– карманный штопор.¹⁵⁴ Во Франции Гарнетт пришел к выводу, что алкоголь необходим для поддержки его душевного равновесия, и там он питался «практически одним вином, овощами и хлебом».¹⁵⁵ После первой мировой войны Гарнетт стал завсегдатаем в Блумсбери, где он, по его словам, «пил слишком много». В мемуарах он подробно описывал как, что и сколько он пил на этих вечерах. При этом иногда он испытывал экзотически возвышенные ощущения, а иногда ощущал себя «почерневшим сгнившим бананом, пропитанным ромом».

Тем не менее, ни Вита, ни Гарнетт не спились. О них можно сказать, что оба относились к тому редкому разряду алкоголиков, о которых писала Лундстед: «Для них (Рыб) совсем нередко увлекаться алкоголем или наркотиками. Они редко становятся законченными алкоголиками, потому что они слишком любят легкую жизнь. Они такие алкоголики, которые напиваются по ночам, но при этом как по волшебству каждое утро выходят на работу».¹⁵⁶

Для Виты алкоголь лишь частично облегчал ее душевные муки. Ничего не помогало ей сгладить боль затянувшегося творческого кризиса. После смерти Вирджинии ее творческий потенциал пошел на спад. После «Сада» она практически прекратила писать поэзию. Свои «пропагандистские» книги во время войны и свои статьи по садоводству Вита вообще не считала творчеством. Проблемы одиночества и трудности в общении с людьми стали основными темами ее последних романов, написанных после продолжительного молчания: «The Easter Party» (1953) и «No Signposts in the Sea» (1960). Вместе со своей героиней Роуз Вита замечала, что: «С годами она добилась определенного спокойствия, как будто ей удалось заглушить струну в самом центре своего естества, так что она больше не задавала тон, но чего ей стоил этот процесс, было известно только ей самой».¹⁵⁷ Подобно Роуз, Вита пришла к видимости спокойствия, но поэзия, которая и раньше звучала «приглушенно», вообще замолкла. Роуз страдала от недостатка тепла и близости со стороны своего мужа Вальтера, и «цена» этого компромисса была известна только ей самой. Цена, которую пришлось уплатить Сэквилл-Уэст за «заглушение струны в самом центре своего естества», была велика: рак с последующей гистерэктомией (удалением матки).

У истоков жизни Виты, в поразительном соответствии с квадратурой Луны и Венеры в ее карте, стояла мать, разочаровавшаяся в биологической роли женщины. С возрастом у Виты проявились ее личные трудности выступать в роли жены и матери. Несмотря на то, что Вита рожала трижды, «она не переставала удивляться, почему Бог придумал такой странный способ зачатия детей, и ее удивление вскоре переросло в отвращение».¹⁵⁸ Вопреки тому, что она говорила о любви к своим мальчикам, ее дети знали, что в материнских глазах они были «грязнулями, шпионами, вредителями и нарушителями покоя».¹⁵⁹ Ей никогда не удалось наладить душевной близости с ними; по мере взросления, сыновья отдалялись от матери, и в качестве матери она считала себя неудачницей. Возможно, что часть своих размышлений по поводу деторождения Вита приписала своему герою Вальтеру, непоколебимому противнику деторождения, верившему в то, «что с человеком не может произойти большего несчастья, после начального несчастья быть рожденным, чем передать дар жизни другому».¹⁶⁰ Как бы символически отказы-

ваясь от возможности передать жизнь другому человеку, Вита к концу жизни прошла через гистерэктомию. Интересно, что и в этом акте можно увидеть соответствие между ее поведением и квадратурой Луны и Венеры. Лундстед полагала, что женщины с таким аспектом «могут быть даже склонны к гистерэктомии, потому что они *подсознательно* хотят избавиться от материальных символов женственности».¹⁶¹ Вита не интересовалась астрологией, но, тем не менее, этот аспект Луны и Венеры последовательно проявлялся у нее на всех этапах жизни, от самого рождения до болезненного конца.

До самой смерти Вита продолжала утверждать, что ее любовь к Гарольду была настоящей любовью (только без физической близости). В 1958 г. она писала ему: «Мы выработали странный образ жизни для тебя и для нас – я здесь, в Лондоне, а потом мы оба в нашем настоящем доме на конец недели, настолько счастливые, спокойные и занятые. Немного людей смогут понять нас; на самом деле, людям часто кажется, что мы на грани развода. Как они ошибаются».¹⁶² Но, может, люди не ошибались. С годами этот союз лишился как физической, так и душевной близости. В последние годы Вита не проявляла никакого интереса к карьере мужа и старалась не беспокоить его своими личными проблемами, находя утешение и поддержку в объятиях новой любовницы, Идит Ламонт. Даже когда Вита смертельно заболела и истекала кровью, она скрыла это от Гарольда. В чем же тогда была цель этого «странного образа жизни» Виты и Гарольда? Почему они продолжали убеждать себя в счастливом супружестве? Ответ может дать Роуз, чьи отношения с Вальтером никогда не были скрашены физической близостью: «Единственное, что она (Роуз) могла для него (Вальтера) сделать – это служить ему, и это она выполняла почти с религиозной страстью, не из чувства долга, а трансцендентно, не из благодарности и не по сделке, заключенной взамен на полученную ею материальную выгоду, а по порыву самой страсти, заменившей ей другую страсть, которую она навек запечатала. Это была ее собственная форма таинства».¹⁶³

Согласно Хикки, ключевое слово Рыб – это «Я верую», а их девиз – «служи или страдай».¹⁶⁴ Возможно, Вита в глубине души верила, что ее миссией было «служить». Даже когда она узнала об измене мужа, заразившегося венерической болезнью от другого мужчины, Вита продолжала служить «идеалу» супружеского союза. Она служила ему настолько страстно, что, несмотря на все детали этих невозможных отношений, люди продолжали восхищаться этой парой, способной принимать и прощать. Люди восхищаются и тем, что у обоих супругов жажда творчества и их страсти перелились в сказочное видение Сиссингхерста; этот великий сад стал для них самих чем-то вроде монастыря, а для будущих поколений он превратился в семейный портрет этой удивительной пары.

Когда уже все страсти перегорели, Вита на смертном одре в 1961 г. заканчивала свой последний роман, в котором она вместе со своим главным героем готовилась покинуть этот мир. Но ее мечты об идеальной любви все еще были живы, и в размышления одной из героинь (Лауры) Вита замечала: «Нет ничего прекраснее в жизни, чем союз двух людей, чья любовь друг к другу на протяжении многих лет переросла из малого зернышка страсти в красивое дерево с крепкими корнями. Пережив все превратности судьбы, и обогатившись кроной ветвей, на

произошла, когда Гарнетт вдруг заметил, что поток его творческой энергии иссяк, и ему удавалось лишь редактировать книги других или писать на научно-популярные темы. Хотя для Гарнетта эта ситуация была «непредвиденной», она в точности повторяла путь Виты. Можно провести удивительные параллели в периодах их творческой активности: оба прославились в начале двадцатых годов с выходом в свет их самых известных произведений – «Соблазнитель в Эквадоре» (Сэквилл-Уэст, 1924) и «Женщина-лисица» (Гарнетт, 1922). В конце двадцатых годов оба напечатали автобиографические романы – «Эдвардианцы» (Сэквилл-Уэст, 1930) и «Нет любви» (Гарнетт, 1929). В тридцатых годах оба опубликовали увлекательные романы о героических женщинах из заморских стран – «Пеппита» (Сэквилл-Уэст, 1937) и «Покахонтас» (Гарнетт, 1933). После личных трагедий, произошедших в начале сороковых, последовало долгое молчание. Первые романы, опубликованные этими сестистальными близнецами после войны, – это «The Easter Party» (Сэквилл-Уэст, 1953) и «Золотое эхо» (Гарнетт, 1953). К старости обоим привлекала символика безбрежности моря – «В море нет указателей» (Сэквилл-Уэст, 1961) и «Пара за парой» (Гарнетт, 1963).

Как и Вита, Гарнетт и в старости не переставала искать любовь. В 70-летнем возрасте он вкладывал свои размышления о «похоти и плоти» в уста Ноя: «Похоть плоти. Она не страшна, пока ты молод. Ты уверен, что все получишь, когда придет тому время. Ты можешь себе позволить выбирать. Но когда ты разменял седьмой десяток, то уже страшишься потерять свой последний шанс».¹⁶⁹ Плотские желания. Вначале была мать, Констанс, которой не нравилась биологическая роль женщины. Затем родился мальчик с квадратурой Луны и Венеры. Как мы уже видели в «Затерявшихся в море», Лундстед полагала, что мужчина с таким аспектом зачастую не доволен своими чувствами; он не любит свою мать, ему неуютно в женской компании, и его антипатия к женщинам может выражаться как в гомосексуализме, так и в оскорбительном или жестоком отношении к женщинам.¹⁷⁰ Поразительно, что в случаях Сэквилл-Уэст и Гарнетта астрология сумела верно охарактеризовать как отношение матерей к материнству, так и последующее влияние такого отношения на жизни детей. Так же, как и Вита, Гарнетт терялся в любовных отношениях; он испробовал гомосексуализм; он терял контроль над собой и мог быть жесток с женщинами. Вдобавок, он отрицательно относился к своей эмоциональности, называя ее «обезьяньей натурой» или «чудовищем». Лундстед не была уверена, следует ли проводить различия в роли этого аспекта в жизни людей разных полов. Данное исследование, подходящее с позиций Θ -факторного анализа, однозначно показывает, что симультанность и идентичность могут проявляться даже в половой жизни разнополых сестистальных близнецов!

Нам неизвестно, какие страсти бушевали в сердце Гарнетта в последние дни его жизни. Развод с Ангеликой был оформлен в конце 60-ых годов. По ее словам, разлука очень тяжело повлияла на него, и он так и не смог оправиться от этой травмы. Последние десять лет жизни он провел во Франции, где своими руками производил и разливал домашнее вино для себя и своих гостей. Очевидно, ему было приятно ощущать себя похожим на Ноя, ставшим, по его словам, «первым человеком, изготовившим вино».¹⁷¹ Гарнетт умер в 1981 г.

В этих историях было много параллелей, но, конечно, Гарнетт и Вита не были идентичны. Будучи отцом двух девочек-близнецов, Гарнетт часто размышлял над великим таинством, позволяющим идентичным близнецам проявлять себя отдельными личностями. Он пришел к выводу, что сходство и различия между близнецами не сохраняются в течение всей жизни, а являются функцией их духовного развития. Он писал: «Но, несмотря на то, что в начале этой истории Фан и Нисс были настолько похожи, что их постоянно путали между собой, то когда они покидали ковчег, они уже изменились и заметно отличались».¹⁷²

Сумел ли Гарнетт к концу жизни измениться и стать непохожим на Виту? Его последний роман «Up she rises» (1977), повествующий о жизни его прабабушки Клементины, считался «исключением из ряда его поздних поверхностных работ».¹⁷³ Критики писали: «Гарнетт достиг того поэтического реализма, к которому, по его словам, он всегда стремился. К тому же, его интуитивное восприятие образов в этой книге превосходит большинство его романов. Клементина – женщина мужественная, добрая и понимающая, и преклонение Гарнетта перед этими ценностями больше выражает его зрелую мудрость, чем мудреный гедонизм большинства его других книг».¹⁷⁴

Быть может, будущие биографы Гарнетта дадут ответ, изменился ли он в последние годы или нет. А пока мы вернемся к начальному вопросу Виты к Богу: как он обучает нас, по классам, по парам или поодиночке? Рано еще делать обобщения, но ясно, что было, по крайней мере, *три* известных литератора (Виктория Сэквилл-Уэст, Дэвид Гарнетт и Йозеф Вайнхебер), родившихся одновременно и проводивших детство в уединенных домах, окруженных сказочными лесами.

На первый взгляд, немецкий поэт, новеллист и фермер, Йозеф Вайнхебер¹⁷⁵ был частью мира, как нельзя более отдаленного от британских селестиальных близнецов: он родился в Австрии, и был сыном мясника и швеи. Но, как и Э-фактор, наша способность благоговеть перед рощами, лугами и цветами не зависит ни от национальности, ни от классовой принадлежности, ни от пола, ни от религии и ни от границ. Йозеф родился в Вене, но детство свое он провел в отдаленной деревеньке Пукерсдорф, вдали от городского шума и людей. Его маленький домик стоял на опушке необъятного дремучего леса (Deutchenwaldes). Мальчик проживал там с матерью, а отец навещался к ним лишь изредка по воскресеньям. В своих мемуарах («Heimat und Herkunft») Вайнхебер представлял этот лес единственным островком на свете, где его душа могла найти убежище от проблем окружающего мира. Повзрослев, он захотел вернуться в мир детства, но его ожидало разочарование – все вокруг было застроено, и на месте его маленького дома возвышался новый санаторий.¹⁷⁶ К сожалению, *ни одному из трех селестиальных близнецов* не было дано осуществить мечту жить в доме, где они провели детство. И все они, как говорил Вайнхебер, безумно скучали «по тому островку Детства, где душа всегда может утешиться, когда горечь жизни становится невыносимой».¹⁷⁷ Призванием Вайнхебера стала литература, но, подобно своим селестиальным близнецам, ему необходимо было временами удаляться на природу. Сразу после того, как он удостоился своей первой престижной литературной награды (немецкая премия Моцарта, 1934), он приобрел небольшое хозяйство. С

того времени его жизнь протекала между Веной и Киштеттенем, где он трудился на земле до самой смерти.

Учитывая семейные традиции Гарнеттов, один из литературных критиков написал: «наверно, было просто неизбежным, чтобы Дэвид Гарнетт провел свою длинную жизнь в качестве новеллиста, критика и редактора».¹⁷⁸ Но с этой точки зрения не было никакой необходимости, чтобы Сэквилл-Уэст или Вайнхебер стали литераторами. Более того, то, что Вита родилась женщиной, а Вайнхебер простолюдином, представляло немало проблем на их пути к успеху в литературном мире. И, тем не менее, они стали поэтами и прозаиками *вопреки* своему происхождению. Необходимо признаться, что без астрологии или Θ-факторного анализа нет никакой возможности понять причины этого удивительного выбора тремя селестиальными близнецами такого странного сочетания профессий и занятий.

Сходство раннего окружения проявилось и в сходстве литературных тем и стилей. Вайнхебер с отточенным мастерством пел гимны труду простых земледельцев и восхищался несравненной красотой цветов его родины. Как и Сэквилл-Уэст, он посвящал многочисленные строфы тюльпанам, маку, тмину и колокольчикам. Подобно Вите, его поэзия была старомодной. Если стихи Виты напоминали «Георгики» случайно, то Вайнхебер сознательно выливал свои универсальные темы земли и природы в формы древних поэтов-классиков. Он изучил древнегреческий язык и латынь, чтобы читать Вергилия и других классиков в подлиннике. Вайнхебер блестяще владел как словом, так и формой, придавая своим стихам либо стиль од Горация, либо пылкость Сафо. Критики отмечали, что лирика Вайнхебера окрашена стоицизмом, смягченным «лирическим гедонизмом человека, ценящего все, что этот мир может предложить».¹⁷⁹ Так уж получилось, что в то время, когда повсюду росла популярность модернизма, все три селестиальных близнеца хранили верность классическим формам и исповедовали гедонизм.

Возможно, что гедонизм Вайнхебера так же, как и у его селестиальных близнецов, являлся реакцией на его страхи. Известно, что поэт был склонен к депрессии и постоянно боялся потерять талант. В «Энциклопедии мировой литературы» личная жизнь Вайнхебера описана, как «постоянная борьба с вином и с тревогами».¹⁸⁰ Для того чтобы отогнать мысль о завтрашнем дне, Вайнхебер выступал в популярных винных погребах, распевая свои песенки: «Мы любим наслажденья/ Вино нас веселит/ Ведь каждый без сомненья/ Хотел бы Ротшильд-дом быть».¹⁸¹

Оказывается, что не только фиктивный поэт Джордж из романа Гарнетта жил сиюминутными уладами, и «был непохож ни на каких современных поэтов», но и Сэквилл-Уэст, и Вайнхебер...

Вернемся к детству Йозефа. Есть что-то странное в записях о том, что мальчик был незаконнорожденным сыном Терезии Выкидал и Йогана Кристиана Вайнхебера.¹⁸² Можно легко догадаться, что незаконный ребенок был причиной того, что, по словам Вайнхебера, атмосфера в доме отличалась «суровостью и печалью», а его «красивая, как королева Елизавета» мама выглядела серьезной и тихой.¹⁸³ Позднее его родители поженились, и в доме появились другие дети. Йозеф запомнил отца, как весельчака и бабника, любившего петь песни и пить вино.

Мальчик всегда любил встречаться с ним, но, подобно своим селестиальным близнецам, значительную часть времени он проводил с матерью.

Отец Йозефа скончался в 1901 г, а мать умерла в 1904 г. В возрасте между 10 и 12 годами, когда Вита чувствовала себя ужасно уродливой и одинокой, а Дэвид страдал от одиночества, веря в то, что он окончательный тупица, Йозеф страдал от «безмерного одиночества» в приюте для сирот. Может быть, лишь воспоминания сказочной красоты леса помогли мальчику выжить. Он ненавидел школу, и, как Дэвид, плохо справлялся с математикой. Поразительно, но, так же, как и Дэвид он страстно полюбил латынь и древнегреческий. Позднее он учил их и на курсах для взрослых. Подобно Вите и Дэвиду, всю дальнейшую жизнь поэт мучился комплексом неполноценности, вызванным отсутствием высшего образования. «За шесть лет в приюте у меня все занемело, как у человека, которого долго держали в заключении», – такими словами Вайнхебер описывал свои школьные годы.¹⁸⁴ Свой первый сборник стихов поэт назвал просто: «Одинокий человек» (1919).

Каждый из этих селестиальных близнецов находил свои «объективные» причины, приведшие к тому, что в школе они были изгоями и «гадкими утятами». Но хотя видимые причины были разными – результат был одинаковым. И превращение в прекрасного лебедя не заставило себя долго ждать. Но даже после награждения премией Моцарта за стихи «Adel und Untergang» (1934) чувства неполноценности у поэта не пропадали. Какой-то «изюминки» постоянно не хватало его работам, и Вайнхебера никогда не принимали равноправным членом венских элитных кружков. Несмотря на его талантливость, всегда оставалось подозрение, что его награды были возможны лишь в условиях литературного вакуума, образовавшегося в Австрии после того, как большинство «неблагонадежных» поэтов или лиц «неарийского» происхождения были вынуждены покинуть страну.¹⁸⁵

Первая мировая война не затронула Вайнхебера. Это были годы самостоятельной учебы и развития эстетического вкуса. В своей новелле «Gold Ausser Kurs» Вайнхебер представлялся пацифистом, получившим освобождение от армии благодаря службе на почте. (Он служил на почте до 1932 г.) Оказывается, что «исключительная судьба» Гарнетта повторялась еще раз, и первая мировая война обошла стороной всех троих селестиальных близнецов!

В последующей жизни Вайнхебера произошло такое же странное пробуждение латентного патриотизма, как у Виты и у Гарнетта. Его судьба обычно считается уникальной в том смысле, что он был едва ли не единственным талантливым поэтом среди австрийских литераторов, соблазнившихся сотрудничать с нацистами. Обычно Вайнхебера считали очень добрым человеком; сообщалось, что он даже сумел в 1938 г. спасти из концентрационного лагеря одного из противников режима. Но, тем не менее, поэт связал свою судьбу с фашистами, и с 1936 по 1943 гг. он редактировал журнал «Der Augarten», пропагандировавший нацистскую идеологию. Как мог этот поэт – виртуоз рифмы и мастер формы – производить на заказ дидактические нацистские стишки? Биографы никак не могли понять, почему во время войны Вайнхебер для поднятия духа немцев добровольно писал поэмы послушания и преданности Гитлеру, восхваляя благородство фюрера. Из

творческой личности он превратился в профессионального пропагандиста. Трудно поверить, что хвалебные панегирики Гитлеру Вайнхебер составлял, находясь в гармонии с «внутренним источником своей Сущности». Парадоксально, но именно этот поэт, не задетый первой мировой войной, во время второй мировой войны стал самой трагической фигурой на австрийской литературной сцене. Начиная с 1943 г., Вайнхебер начал отдаляться от нацистов, и в последующие годы он испытывал глубокое раскаяние, страдая от депрессии и бессонницы. В 1945 г., в день, когда союзные армии вошли в Киштеттен, поэт умер во сне, приняв большую дозу снотворного (морфина). Никто не знает, была ли его смерть самоубийством или несчастным случаем.

Биографы естественно пытались объяснить смерть Вайнхебера и его депрессию поражением нацистских идеалов. Но важно отметить, что в то время как Вайнхебер умер, Вита страдала депрессией и серьезно замышляла покончить собой при помощи снотворного! Вайнхебер не мог читать пророческих предсказаний Хикки о том, что Рыбы, теряющие связь с центром своего естества, как правило, пытаются компенсировать это алкоголем или наркотиками, но он, подобно своим селестиальным близнецам, чаще всего искал утешения в вине и в наркотических средствах. Возможно, что его смерть действительно была трагической случайностью, напоминавшей инцидент Гарнетта с кокаином.

После войны австрийское правительство запретило печатать произведения Вайнхебера. Этот запрет был снят лишь в 1953 г., когда начали издавать полное собрание его сочинений в пяти томах. В этот пятитомник вошло много автобиографической прозы, увидевшей свет в первый раз. Ранее упоминавшаяся параллельность в сроках публикации самых значительных работ Виты и Гарнетта проявлялась и у Вайнхебера: его лучший роман «Приют» вышел в 1924г вместе с первыми романами Виты и Гарнетта. Послевоенная проза вышла в свет у всех троих в 1953 г.

В личной жизни Вайнхебера тоже было немало бурь, частично описанных в его автобиографической прозе. Он был женат дважды и имел внебрачного сына, Йогана Кристиана Яноту.¹⁸⁶ Первый брак Вайнхебера, заключенный в 1919 г. и продлившийся меньше года, стал самым травматическим событием для поэта. Это была его личная катастрофа, после которой он впал в длительную депрессию.¹⁸⁷ Его женские образы в этот период были либо святыми, либо проститутками. Интересно, что этот кризис совпадает по времени с кризисом у его селестиальных близнецов.¹⁸⁸

Все эти параллели показывают, что было что-то общее в самом ядре души трех этих людей. Принимая во внимание, что они родились в Рыбах, и помня, что ключевыми словами этого знака являются: «Я верую», было бы интересно сравнить верования этих селестиальных близнецов. Оказывается, что все трое, вне зависимости от происхождения, не приняли вероисповедания своих отцов, и ни один из них формально не считался религиозным. Но и атеистами они не были, как не были и мистиками, хотя и не отрицали возможности непосредственной «эмоциональной» связи с Всевышним, проявлявшейся в экстатических состояниях. У Гарнетта, сына убежденных атеистов, можно найти следующее призна-

ние: «Меня воспитывали рационалистом, прививая антипатию ко всему религиозному и к священнослужителям всех родов и сортов. Я никогда не симпатизировал людям, нуждавшимся в сочувствии сверхъестественного. Тем не менее, я понимаю религиозные чувства, и сам их испытал».¹⁸⁹

Дочь отца-англиканца и матери, воспитанной в римской католической церкви, Сэкилл-Уэст как бы перекликалась с Гарнеттом: «Сама я не являюсь так называемым «религиозным» человеком в общепринятом смысле слова, и не принадлежу ни к какой церкви. Тем не менее, мне пришлось сталкиваться с глубочайшими таинствами, и я верю, глубоко верую в некую единую таинственную созидательную силу, которую естественная слабость человеческой природы находит необходимым символизировать именем, амальгамой страха и утешения».¹⁹⁰

Вита верила, что у поэта и у мистика есть много общего. Оба стремятся достигнуть такого состояния экстаза, при котором: «сознание поднимается над собой, возбуждается, наполняется силой и становится вместо ослепляющего просветляющим».¹⁹¹ Но Вита также подчеркивала значительную разницу между мистиками и людьми творческими, потому что у художника и у мистика различные цели: в то время как целью художника является красота, целью мистика является Бог. Как и Гарнетт, Вита сознательно предпочла путь художника, никогда не принимая на себя обязательства, что ее «путь к красоте» будет совпадать с «путем к Богу». Несмотря на то, что после публикации «Орел и Голубка» курсировали слухи о принятии Витой римского католицизма, она однозначно опровергала их.¹⁹²

Вайнхебер был сыном католиков. Он тоже много размышлял о религии и писал метафизические работы о союзе между Духом (мужским началом) и Языком (женским началом). Целью поэта, по его словам, было примирить эти элементы;¹⁹³ поэт как бы находится в центре эмоциональной драмы, испытывая состояние экстаза в момент поэтического вдохновения. Ортодоксальной церкви не было места в такой модели мира. Еще до 1918 г. Вайнхебер официально покинул церковь. После этого он относился к Искусству как к Религии. В стихах он восклицал: «И нет Бога./ несмотря на сотни церквей, нет Бога./ Только тот, что во мне...».¹⁹⁴ Эти строчки стоит сравнить с «Одиночеством» Сэкилл-Уэст: «Я не нуждаюсь в церкви, я ищу Бога непосредственно».¹⁹⁵

При отсутствии религиозных ценностей и за неимением мистической веры в Бога, жизнь этих селестиальных близнецов основывалась на некоей искусственной «общей системе ценностей»¹⁹⁶ (этот термин был придуман Витой и начал длинный список моральных норм римлян, древних греков, христиан и вольнодумцев). Более того, всю жизнь эти селестиальные близнецы пытались совместить этот сплав рациональных норм со своим миром чувств, мечтая достигнуть при этом того единства, которое они называли Любовью. Так как ни один из них не относился с уважением к своей чувственной натуре, то их жизнь была постоянной борьбой с тем, что они называли «злом». Говоря словами Вайнхебера, эти жизни можно было бы назвать «Жизнь между богами и демонами».

Θ-факторные и астрологические комментарии

Хотя каждый из этих селестиальных близнецов проходил свои жизненные уроки самостоятельно, программа их занятий выглядит почти одинаковой, и она очень напоминает основные уроки Рыб – школу воспитания чувств, требующую от учеников периодического уединения от мира. Рыбы – это последний знак зодиака, в котором человеческая душа подготавливает себя к уходу от мира.

В «Совпадениях» мы уже встречали пять других людей, рожденных в Рыбах. Вне зависимости, чем бы они ни занимались в жизни, истории всех этих людей были отмечены необычайной пылкостью их страстной натуры. Эрлих и Беринг страстно (если не фанатически) желали спасти детей от дифтерии. Штауффенберг и Галем страстно любили свою страну и страстно ненавидели Гитлера. Герои последней истории тоже старались жить страстно: они страстно любили и возделывали землю, и они страстно влюблялись в людей. Эта страстность характера компенсировалась у всех героев периодами депрессии и необходимостью проводить некоторое время в одиночестве. Мы уже видели, что Беринг и Эрлих нуждались в уединении или к лечению в клинике, Штауффенберг и Галем были обречены на одиночество подпольной деятельностью и арестом. В этом смысле все изученные Рыбы принадлежали к одной и той же школе воспитания чувств, но в этой школе было много классов и много специальных предметов. Каждую отдельную программу занятий диктовал конкретный Θ-фактор, и поэтому видно, насколько похожи жизни селестиальных близнецов, и насколько отличны жизни разных пар селестиальных близнецов того же знака.

Можно предположить, что селестиальные близнецы учатся в том же классе жизненной школы, и поэтому ближе по характеру друг к другу, чем к другим людям. Используя метафору Гарнетта, можно далее предположить, что если уподобить жизнь Ноеву ковчегу, то мы входим в нее «пара за парой» для того, чтобы покинуть ее повзрослевшими и уникальными людьми. Может быть, магическая сила селестиальных близнецов состоит именно в том, чтобы показать нам, что есть общность, и что есть место для просветов в общности; что мы должны петь и танцевать вместе, но должны позволять друг другу находиться в одиночестве; что мы должны стоять рядом как пара колонн, но никогда не приближаться слишком близко один к другому.

В этом исследовании рассматривались только жизни людей, достигших мировой славы и признания – или иными словами, первых учеников в своих классах. Эта глава начиналась историями двух британских селестиальных близнецов с «уникальной судьбой». Но вскоре мы обнаружили, что и в другой стране был еще один ученик жизни с похожей программой занятий. Может, его слава была чуточку больше или чуточку меньше, чем слава британцев, но компоненты его судьбы оставались такими же. Многие работы Вайнхебера были обнаружены и опубликованы лишь после его смерти. Много стихов и автобиография Виты были впервые открыты после ее смерти. Ни один из сонетов Гарнетта не был напечатан, и возможно, что эти пожелтевшие листки еще ждут своего часа быть напечатанными. Кто знает, сколько стихов, новелл и цветов было в жизни других селестиальных близнецов этой тройни? Сколько «вторых» и «третьих» учеников класса переживали те же драмы и те же бури эмоций? Может быть, уже самим фактом

того, что некоторые ученики класса делятся с другими своими проблемами, они облегчают путь другим одноклассникам и современникам?

Много вопросов остаются пока безответными. Но ясно то, что никак нельзя объяснить простой «случайностью» ту серию совпадений, при которой девочка и мальчик, рожденные одновременно в Кенте, стали одновременно прославленными писателями и уважаемыми фермерами, чувственными гедонистами и любящими супругами, заботливыми родителями и бисексуальными Казановами, которые к тому же «отравили» жизнь двум знаменитым сестрам Стефенс! Слишком много совпадений для одного короткого эссе.

Таблица параллелей

Дата рождения	Они родились 9 марта 1892 г.
Раннее детство	Жизнь в уединенных домах на природе, вблизи сказочных лесов. Постоянная тоска по дому, где прошло детство.
Влияние со стороны родителей	Основное влияние на детей оказывали матери. Мамы были экстраординарными. Констанс Гарнетт и леди Сэквилл были ровесницами, обе были на пять лет старше своих мужей.
Образование	Начальное образование было в домашних условиях. Все трое не любили школы и чувствовали себя там одинокими и несчастными. Всю жизнь все трое страдали комплексом неполноценности, связанным с отсутствием университетского образования.
Первая мировая война	Все трое не принимали участия в военных действиях. В это время каждый из них считал себя пацифистом и гуманистом.
1917–1920	Хаос в личной жизни. Гарнетт и Сэквилл-Уэст были вовлечены в гомосексуальные и лесбиянские отношения и поддерживали «треугольные» отношения. Вайнхебер страдал от поспешной женитьбы и болезненного развода.
Начало двадцатых годов	Все трое опубликовали свои лучшие романы: Гарнетт – «Женщина-лисица» (1922); Сэквилл-Уэст – «Соблазнитель в Эквадоре» (1924); Вайнхебер – «Приют» (1924).
Вторая мировая война	Превращение в патриотов и сочинительство пропагандистской литературы.
Главные черты характера	Резкие смены настроений. Страстность и депрессии. Попытки контролировать эмоции и эмоциональные срывы. Вино и наркотические средства в качестве антидепрессантов.
Жизненная философия	Гедонизм и вольнодумство. Виту и Гарнетта считали Казановами.

Часть II. Сходства и контрасты...

Любовь к земле	Все трое делили время между литературой и фермой. Многие их произведения были посвящены природе.
Слава	Все трое считались популярными литераторами в свое время.
Период «молчания»	Вита и Гарнетт не публиковали новелл с начала второй мировой войны и до 1953 г. Книги Вайнхебера были запрещены после войны до 1953 г.
Семейная жизнь	Для всех троих семья имела большое значение. Все трое имели детей.
Посмертная слава	Наблюдается постепенное снижение интереса к их творчеству.

Сноски:

- ¹ Гельдерлин и Бердяев родились в Рыбах.
- ² DNB 1961–1970, pp. 913–915; DLB-34, pp. 255–264.
- ³ Vita Sackville-West, *The Land and The Garden*, London, Webb & Bower, 1989, p. 11 (Далее – *The Land and The Garden*).
- ⁴ Michael Stevens, V.Sackville-West, London, Michael Joseph LTD, 1973, p. 67 (Далее – Stevens).
- ⁵ David Garnett, *Two by Two*, London, Longmans, 1963, p. 63 (Далее – *Two by Two*).
- ⁶ DNB 1981–1985, pp. 158–159; DLB-34, pp. 174–181.
- ⁷ David Garnett, *The Golden Echo*, New York, Harcourt, Brace & Co., 1953, p. 17 (Далее – *The Golden Echo*).
- ⁸ *The Golden Echo*, p. 21.
- ⁹ Victoria Glendinning, Vita, *The Life of Victoria Sackwill-West*, New-York, Quill, 1983, p. 359 (Далее – Glendinning).
- ¹⁰ David Garnett, *The Familiar Faces*, London, Ghatto & Windus, 1962, p. 39 (Далее – *The Familiar Faces*).
- ¹¹ *The Land and The Garden*, p. 8.
- ¹² F. Swinnerton, *The Georgian Literary Scene*, London, J. M. Dent & Sons LTD, 1938, p. 345 (Далее – Swinnerton).
- ¹³ Glendinning, p. 75.
- ¹⁴ *The Land and The Garden*, p. 10.
- ¹⁵ Glendinning, p. 401.
- ¹⁶ David Garnett, *No Love*, Leipzig, Tauschnitz, 1929, p. 264 (Далее – *No Love*).
- ¹⁷ *The Land and The Garden*, p. 145.
- ¹⁸ Vita Sackville-West, *The Easter Party*, USA, Greenwood Press, 1972, p. 153 (Далее – *The Easter Party*).
- ¹⁹ Angelica Garnett, *Deceived with Kindness, A Bloomsbury Childhood*, Oxford University Press, 1984, p. 155 (Далее – *Deceived with Kindness*).
- ²⁰ Glendinning, p. 228.
- ²¹ DLB-34, p. 180.

- ²² David Garnett, *Aspects of Love*, New York, Harcourt, Brace & Co., 1955, p. 168 (Далее – *Aspects of Love*).
- ²³ *Easter Party*, p. 66.
- ²⁴ Nigel Nicolson, *Portrait of a Marriage*, New York, Atheneum, 1973, p.3 (Далее – Nicolson).
- ²⁵ A. Garnett, p. 162.
- ²⁶ Glendinning, p. 312.
- ²⁷ A. Garnett, p. 156.
- ²⁸ Stevens, p. 117.
- ²⁹ *No Love*, p. 229.
- ³⁰ Glendinning, p. 398.
- ³¹ *Easter Party*, p. 147.
- ³² *No Love*, p. 265.
- ³³ David Garnett, *The Flowers of the Forest*, New York, Harcourt, Brace & Co., 1955, p. 20 (Далее – *The Flowers of the Forest*).
- ³⁴ *The Land and the Garden*, p. 151.
- ³⁵ Stevens, p. 32.
- ³⁶ Glendinning, p. 398.
- ³⁷ *No Love*, p. 114.
- ³⁸ *No Love*, p. 114.
- ³⁹ *No Love*, p. 155.
- ⁴⁰ Vita Sackville-West, *The Eagle and the Dove*, London, Joseph, 1943, p. 59 (Далее – *The Eagle and the Dove*).
- ⁴¹ Glendinning, p. 274.
- ⁴² Stevens p. 34.
- ⁴³ A Garnett, p. 155.
- ⁴⁴ *The Flowers of the Forest*, p. 171.
- ⁴⁵ Hickey, p. 28.
- ⁴⁶ *The Flowers of the Forest*, p. 43–44.
- ⁴⁷ Glendinning, p. 314.
- ⁴⁸ Hickey, p. 28.
- ⁴⁹ Swinnerton, p. 346.
- ⁵⁰ Glendinning, p. 169.
- ⁵¹ *The Familiar Faces*, p. XI.
- ⁵² *The Land and The Garden*, p. 120.
- ⁵³ Lundsted, p. 98.
- ⁵⁴ *The Golden Echo*, p. 15.
- ⁵⁵ Glendinning, p. 1.
- ⁵⁶ Stevens, p. 19.
- ⁵⁷ Glendinning, p. 17.
- ⁵⁸ *The Golden Echo*, p. 21.
- ⁵⁹ *The Flowers of the Forest*, p. 233.
- ⁶⁰ Nicolson, p. 4.
- ⁶¹ Stevens, p. 28.
- ⁶² *The Flowers in the Forest*, pp.194–195.
- ⁶³ Glendinning, p. 78.
- ⁶⁴ Lundsted, p. 178.
- ⁶⁵ Hickey, p. 212.
- ⁶⁶ Lundsted, p. 157.

- ⁶⁷ Lundsted, pp. 159–160.
- ⁶⁸ Каким романом является моя жизнь!
- ⁶⁹ Роман о леди Сэквилл: Susan Mary Ashop, Lady Sackville, Weindenfeld & Nicolson, 1978; (Далее – Ashop). Роман о Констанс Гарнетт: Richard Garnett.. Constance Garnett. A Heroic Life, London: Sinclair Stevenson, 1991.
- ⁷⁰ Stevens, p. 29.
- ⁷¹ Ashop, pp. 120–123.
- ⁷² Ashop, p. 123.
- ⁷³ Ashop, p. 146.
- ⁷⁴ Nicolson, p. 13.
- ⁷⁵ Golden Echo, p. 54.
- ⁷⁶ A. Garnett, pp. 145–146.
- ⁷⁷ The Golden Echo, pp. 5–10.
- ⁷⁸ Stevens, p. 28.
- ⁷⁹ A. Garnett, p. 143.
- ⁸⁰ The Golden Echo, p. 96.
- ⁸¹ Stevens, p. 20.
- ⁸² Golden Echo, p. 23.
- ⁸³ Souhami Diana, Mrs. Keppel and her Daughter, Flamingo, 1997.
- ⁸⁴ Stevens, p. 21.
- ⁸⁵ Stevens, p. 21.
- ⁸⁶ The Golden Echo, p. 136.
- ⁸⁷ No Love, p. 130.
- ⁸⁸ The Golden Echo, p. 136–137.
- ⁸⁹ The Golden Echo, pp. 170–171.
- ⁹⁰ No Love, p. 108.
- ⁹¹ Stevens, p. 20.
- ⁹² No Love, pp. 127–128.
- ⁹³ The Flowers of the Forest, p. 42.
- ⁹⁴ The Flowers of the Forest, p. 42.
- ⁹⁵ The Golden Echo, p. 252.
- ⁹⁶ The Golden Echo, p. 253.
- ⁹⁷ The Flowers of the Forest, p. 1.
- ⁹⁸ A. Garnett, p. 35.
- ⁹⁹ DLB-34, p. 257.
- ¹⁰⁰ Stevens, p. 31.
- ¹⁰¹ Stevens, p. 29.
- ¹⁰² Glendinning, p. 48.
- ¹⁰³ Vita Sackville-West, Vita and Harold, London, Weidenfeld & Nicolson, 1992, p. 6 (Далее – Vita and Harold).
- ¹⁰⁴ Easter Party, p. 77.
- ¹⁰⁵ Glendinning, p. 104.
- ¹⁰⁶ Glendinning, p. 80.
- ¹⁰⁷ A. Garnett, p. 36.
- ¹⁰⁸ A. Garnett, p. 155.
- ¹⁰⁹ A. Garnett, p. 155.
- ¹¹⁰ Glendinning, p. 274.
- ¹¹¹ The Flowers of the Forest, p. 170.

- ¹¹² The Flowers of the Forest, p. 171.
- ¹¹³ The Flowers of the Forest, p. 220.
- ¹¹⁴ The Flowers of the Forest, p. 222.
- ¹¹⁵ Stevens, pp. 34–35.
- ¹¹⁶ DLB-34, p. 258.
- ¹¹⁷ Glendinning, p. 127.
- ¹¹⁸ Glendinning, p. 129.
- ¹¹⁹ Glendinning, p. 143.
- ¹²⁰ Glendinning, p. 238.
- ¹²¹ The Letters of Vita Sackville-West to Virginia Woolf, London, Virago Press, 1992, p. 120.
- ¹²² A. H Bond. Who Killed Virginia Woolf?, A Psychobiography, New York, Insights Books, Human Sciences Press, 1989, (Vita and Virginia, pp. 118–150).
- ¹²³ The Easter Party, p. 69.
- ¹²⁴ A. Garnett, p. 146.
- ¹²⁵ The Flowers of the Forest. p. 230.
- ¹²⁶ Stevens, p. 32.
- ¹²⁷ Stevens, p. 32.
- ¹²⁸ The Flowers of the Forest, p. 235.
- ¹²⁹ A. Garnett, p. 144.
- ¹³⁰ A. Garnett, p. 154.
- ¹³¹ Glendinning, p. 310.
- ¹³² A. Garnett, p. 154.
- ¹³³ The Flowers of the Forest, p. 172.
- ¹³⁴ The Easter Party, p. 111.
- ¹³⁵ A. Garnett, pp. 162–163.
- ¹³⁶ A. Garnett, p. 155.
- ¹³⁷ A. Garnett, p. 155.
- ¹³⁸ A. Garnett, p. 148.
- ¹³⁹ The Flowers of the Forest, p. 19.
- ¹⁴⁰ No Love, p. 225.
- ¹⁴¹ Stevens, p. 25.
- ¹⁴² Stevens, p. 25.
- ¹⁴³ No Love, p. 102.
- ¹⁴⁴ The Eagle and The Dove, p. 157.
- ¹⁴⁵ The Land and The Garden, p. 164.
- ¹⁴⁶ A. Garnett, p. 150.
- ¹⁴⁷ Glendinning, p. 190.
- ¹⁴⁸ Glendinning, pp. 304–305.
- ¹⁴⁹ Glendinning, p. 314.
- ¹⁵⁰ Glendinning, p. 314.
- ¹⁵¹ Glendinning, p. 314.
- ¹⁵² Glendinning, p. 315.
- ¹⁵³ The Flowers of the Forest, p. 43–44.
- ¹⁵⁴ The Flowers of the Forest, p. 58.
- ¹⁵⁵ The Flowers of the Forest, p. 78.
- ¹⁵⁶ Lundsted, p. 99.
- ¹⁵⁷ The Easter Party, p. 77.
- ¹⁵⁸ Vita and Harold, p. 9.

- ¹⁵⁹ Vita and Harold, pp. 13–14.
¹⁶⁰ The Easter Party, p. 64.
¹⁶¹ Lundsted, p. 158.
¹⁶² Glendinning, p. 396.
¹⁶³ The Easter Party, p. 77.
¹⁶⁴ Hickey, p. 28.
¹⁶⁵ Stevens, pp. 79–80.
¹⁶⁶ Stevens, p. 79–80.
¹⁶⁷ Two by Two, pp. 59–60.
¹⁶⁸ The Flowers of the Forest, p. 202.
¹⁶⁹ Two by Two, p. 104.
¹⁷⁰ Lundstedt, p. 163.
¹⁷¹ Two by Two, p. 53.
¹⁷² Two by Two, p. 136.
¹⁷³ DLB-34, p. 180.
¹⁷⁴ DLB-34, p. 180.
¹⁷⁵ Encyclopedia of World Literature in the 20th Century, ed. B. Fleischmann, New York, Frederick Ungar Publishing Co., 1967. (EWL).
¹⁷⁶ Josef Weinheber, Heimat und Herkunft, im Samtliche Werke, Salzburg, Otto Muller Verlag, 1970, Band V, s. 554 (Далее – Samtliche Werke).
¹⁷⁷ Samtliche Werke, Band V, s. 554.
¹⁷⁸ DLB-34, p. 175.
¹⁷⁹ EWL.
¹⁸⁰ EWL.
¹⁸¹ Paul von Zsolnak, Wiener Cocktail, Hamburg, P.Zsolnak, 1960.
¹⁸² Literature Lexikon, Autoren und Werke Deutscher Sprache, ed. W. Killy, Мюнхен, Bertelsman Lexikon, Band 12, 1992, s. 207 (Далее – Literature Lexikon).
¹⁸³ Samtliche Werke, Band V, s. 555.
¹⁸⁴ Samtliche Werke, Band V, s. 557.
¹⁸⁵ D. Davian, Major Figures of Modern Austrian Literature, Calif. Riverside, 1988, p. 20.
¹⁸⁶ Samtliche Werke, Band V, s. 700.
¹⁸⁷ Literature Lexikon, s. 208.
¹⁸⁸ Literature Lexikon, s. 208.
¹⁸⁹ The Golden Echo, p. 44.
¹⁹⁰ Glendinning, p. 285.
¹⁹¹ The Eagle and The Dove, p. 138.
¹⁹² Stevens, p. 69.
¹⁹³ Literature Lexikon, s. 207–208.
¹⁹⁴ Samtliche Werke, Band II.
¹⁹⁵ Glendinning, p. 296.
¹⁹⁶ Vita and Harold, p. 13.

ЭПИЛОГ

**Селестиальные близнецы
и генетические близнецы**

М. Эшер «Circle Limit III»

Не все двойники – или так называемые двойники – являются близнецами. Двойняшки, тем не менее демонстрируют, что в мире не существует абсолютных копий. В кажущейся идентичности различия настолько же значительны – а в чем-то и более выразительны – чем подобие.
*П. Фармер*¹

В истории жизни Николауса фон Галема, Бертольда фон Штауффенберга и его брата-близнеца, Александра мы уже видели, что селестиальные близнецы, воспитанные порознь, могут иметь более близкие судьбы, чем биологические близнецы, выросшие в одной семье. В то время как обычно трудно найти идентичных близнецов, которые бы сохраняли удивительное сходство до самой старости, судьбы Казальса и Тертиса продолжали развиваться по параллельным линиям даже после их 90-летия.

Для того чтобы разделить возможные влияния наследственности, окружающей среды и селестиальности, необходимо сравнить степень сходства между селестиальными близнецами, воспитанными порознь, со степенью сходства между биологическими близнецами, воспитывавшимися вместе. Если окажется, что селестиальные близнецы, выращенные порознь, более схожи между собой, чем биологические близнецы, выращенные вместе, то можно будет сделать вывод, что влияние Θ -фактора на формирование характера или судьбы значительнее, чем влияние генов и окружающей среды.

Так как в этом исследовании изучались жизни только тех знаменитых людей, чьи биографии были изучены с достаточной степенью достоверности, то для проведения сравнения между селестиальными и биологическими близнецами требовалось найти пару знаменитых близнецов, отвечавшим стандартам данного исследования. На данном этапе нашлась лишь одна такая пара: это известные американские художники, братья-близнецы Мозес и Рафаэль Сойеры.² Несмотря на то, что относительная скудность биографических данных не позволяла написать отдельную главу об этих близнецах, важно кратко описать основные этапы их жизни для того, чтобы представить себе возможный «эталон сравнения» между селестиальными и биологическими близнецами.

Мозес и Рафаэль родились 25 декабря 1899г. (Козерог) в России, в Борисоглебске. Они были старшими детьми Абрама и Ребекки Шор, имевших потом еще четырех детей. Отец семейства был учителем древнееврейского языка и сочинителем сказок. Он с самого детства развивал в своих детях воображение и обучал их рисованию. В 1912г. вся семья эмигрировала в США и поменяла фамилию на Сойер. Мальчики очутились в бедном районе Нью-Йорка, в Ист Бронксе. Жизнь в нищете и занятия на чужом, непонятном языке стали неотъемлемой частью детства близнецов. Обоим было очень тяжело учиться в американской школе, к которой они не смогли привыкнуть даже после освоения английского языка. Мозес вспоминал: «Мы были счастливы только лишь в тусклой и затхлой комнатке, которую мама нам выделила в нашей квартирке. Здесь мы готовили уроки, позировали друг другу и рисовали». В 15-летнем возрасте обоим мальчикам при-

шлось найти работу, чтобы поддерживать семью и платить за свое образование. Но оба мечтали, во что бы то ни стало, стать художниками. Для этого они посещали вечерние классы рисунка, и в 19 лет они вместе поступили в нью-йоркскую академию прикладного искусства.

До этого времени близнецы Сойеры были неразлучны. Но на этом этапе Мозес и Рафаэль, по их словам, «остро ощутили нашу особую проблему быть близнецами, иметь одинаковые интересы и наклонности, вследствие чего наши работы выглядели одинаковыми». По инициативе Мозеса в 1918 г. близнецы решили работать в разных студиях и учиться в разных школах. Рафаэль продолжил занятия в академии, а Мозес перешел школу художеств «Альянс». Как бы подтверждая идеи Фарбер о том, что идентичные близнецы, выращенные вместе, сознательно стремятся усилить различия между собой, Мозес и Рафаэль сознательно приняли решение разделиться, чтобы выработать личные особенности и личный стиль.

До 19 лет жизнь и характеры Мозеса и Рафаэля были необычайно схожи. Но близкие друзья этих близнецов отмечали, что Мозес был экстраверт, а Рафаэль – интроверт (что напоминает ситуацию с братьями Штауффенберг). Вдобавок квадратная фигура Мозеса выглядела еще плотнее на фоне Рафаэля, считавшегося более хрупким и утонченным.

После разделения оба брата, независимо друг от друга, добились мирового признания, войдя в галерею величайших художников США. Как типичные Козероги, Сойеры не верили в «искусство ради искусства»; их работы были о людях и для людей. Оба брата стали представителями так называемого социально-ориентированного американского искусства, и в их работах можно было увидеть тяжелые времена депрессии и изможденные лица бедняков. Несмотря на то, что критики писали о «семейном стиле» Сойеров, отмечая общность тем и настроений их работ, каждый из близнецов шел своим путем. Казалось, что оба брата, подобно Казальсу и Тертису, принадлежали к группе одинаково мыслящих людей, но, подобно им, каждый из братьев сохранял свой характерный оттенок: работы Мозеса были контрастнее, а его мазки были грубее, чем у Рафаэля. Но, даже работая в таком «индивидуальном» виде искусства, как живопись, братья Сойеры сумели сохранять традиционное для Козерога «чувство команды». Временами (например, в 1925 г. и в 1939 г.) они сотрудничали в нескольких проектах росписи. Их жизни протекали на фоне двух мировых войн, но, как Тертис и Казальс, они не принимали активного участия в военных действиях; их единственным оружием были кисти и палитра.

Оба брата преподавали живопись: Мозес – с 1927 по 1934 гг., Рафаэль – с 1933 по 1942 гг. Оба брата были женаты: Мозес женился в 1926 г., Рафаэль – в 1931 г. У Мозеса родился сын Давид; у Рафаэля была дочка, Мария. Несмотря на славу и успех, оба брата оставались скромными, непритязательными и тихими людьми. С детства они имели много общего, но с годами все ярче проявлялась индивидуальность каждого из них. К старости у них уже было меньше сходства, чем в юности. Мозес умер в 1974 г. в возрасте 75 лет; Рафаэль умер через 13 лет после брата, в 88-летнем возрасте.

Из этого описания заметно, что жизни Тертиса и Казальса были более схожи между собой, чем жизни братьев Сойер. Например, Тертис и Казальс прожили необычайно долгую творческую жизнь, покинув этот мир между 95 и 96-ым годами жизни, в то время как между Сойерами было 13 лет разрыва. Эта ситуация напоминает и братьев Штауффенберг, сознательно разделивших свои жизни и приобретших большую свободу выбора. Так, смерть постигла Галема и Бертольда Штауффенберга почти одновременно, и их судьбы были более схожи, чем судьбы братьев Штауффенберг. В обоих случаях то, что селестиальные близнецы, лишенные общих генетических факторов и факторов влияния среды, в конечном итоге имели более похожие судьбы, чем «настоящие» близнецы, свидетельствует о возможном доминирующем влиянии Θ -фактора. Конечно, рано делать окончательные выводы по результатам одной «контрольной» пары, но эти данные указывают на необходимость дальнейшего исследования в этом направлении.

Еще одним важным уроком, вытекающим из жизни Сойеров, является то, что именно сотрудничество и взаимная поддержка – а не зависть и соперничество – становятся залогом успеха и процветания. Взаимная любовь помогла братьям вырваться из нищеты и бедствий, ставших уделом многим эмигрантов. Их общий успех был в большой степени результатом того, что им удалось встретиться в этой жизни, объединить свои усилия и помочь друг другу преодолеть все препятствия. Своей жизнью братья Сойер учат нас тому же, что и Тертис и Казальс: в оркестре человечества каждый человек – это чудо, и у каждого есть свой личный путь во вселенной, даже у близнецов. В мире достаточно работы и славы на всех.

Природа законов селестиальности

Существует ритм процесса, посредством которого
сотворение (креативность) производит естественную пульсацию,
где каждая пульсация формирует естественную единицу
исторического факта.

А.Н. Уайтхед

В астрологии символом индивидуального эго является Солнце – $\odot$. Этот символ представляет собой кружок, в центре которого заключена точка, отображающая личное сознание человека внутри целой вселенной. В противовес символу Солнца, в этой работе используется новый символ времени рождения – Θ . В этом холистском символе точка в центре окружности заменена на сегмент, отображающий «сегментное» сознание целой группы людей, рожденных в конкретный интервал времени. В то время как традиционный символ Солнца подразумевает эгоцентричный «точечный» тип мировосприятия, при котором наблюдатель находится в центре мира, тета-символ, обычно используемый в геометрии и в физике для обозначения углов, намекает на возможность существования целого сегмента человечества, воспринимающего мир под своим характерным углом зре-

ния. Люди, родившиеся в одном интервале времени, будут *больше* похожи друг на друга, чем на людей, представляющих другие Θ -сегменты. Тем не менее, у них все еще есть свобода выбора двигаться в рамках сегмента, представленного струной в центре Θ -символа, так что они даже могут быть зеркальными отображениями других людей, представленных тем же Θ -сегментом.

С точки зрения философии, эта разница между символами Солнца и Θ -фактора может быть отражена разницей между индивидуальным миром Декарта (рожденного в Овне) и холистской картиной мира Уайтхеда (рожденного в Водолее). Согласно Декарту, «я мыслю, следовательно, я существую»; для него, как для типичного Овна, очевидно, что на истину натолкнется скорее отдельный человек, чем целый народ. В противовес ему, Уайтхед придерживается взглядов на мир, как на цельный организм, в котором никакой индивидуум не может восприниматься в отдельности от вселенной. Уайтхед говорит о «цельном» и об «унисоне становления», подсознательно отражая астрологическую суть Водолея, обладающего наиболее развитой формой «мы-сознания».

В научном мире пользуется большой популярностью голографическая модель мозга Карла Прибрама, в которой человеческая память сравнивается с голографической картиной. К этой идее Прибрам пришел после того, как обнаружил, что информация, сохраняющаяся в нашем мозгу, не является «локализованной» в каком-либо его участке, а как бы размазана по всему мозгу. Это свойство мозга сходно с основным свойством голограммы, состоящем в то, что каждая ее часть содержит информацию обо всем освещенном объекте. Здесь нет локального поточечного соответствия между трехмерным объектом и его изображением. Можно сказать, что весь освещенный объект оказывается отображенным в каждой части своей голографической записи. Если голографическая пластинка разбивается, то каждый ее осколок продолжает воспроизводить трехмерную картину записанного образа, только с меньшей четкостью, чем целая пластина.

Проведя аналогию, можно сказать, что голографическая модель позволяет лучше понять разницу между традиционным «я-сознанием» и зарождающимся «мы-сознанием». Если «я» — это только частичка «мы», несущего голографически записанную информацию, то освещение любой части пластинки голограммы (я), воспроизведет полный образ цельного объекта (мы). При помощи «я-сознания» мы можем получить полную картину окружающего нас мира, но при этом глубина восприятия и многие детали картины утеряны. Чем меньше часть освещенной пластинки, тем размытее изображение и больше деталей теряется. Для приобретения ясности картины и глубины восприятия нам нужно осветить большую часть пластины, а для полной информации нам нужно осветить всю пластину под тем же углом, под которым она была записана в момент создания. Можно предположить, что для достижения наибольшей ясности восприятия в «пятом» (духовном) измерении, необходимо воссоединить все разрозненные осколки голограммы вместе, «объединяя организм» при помощи добровольных усилий каждой группы селестиальных близнецов

Для людей, ищущих физические модели мира, можно провести параллель с многоканальной голографической моделью, в которой на каждую пластину запись

информации проводится многократно, притом, что для каждой новой записи пластинка поворачивается на малый угол. При этом фотографии не накладываются друг на друга, и каждая из них может быть рассмотрена отдельно от других при условии, что на картину смотрят под соответствующим углом зрения. Изменение угла зрения может привести к тому, что образ либо будет расплывчатым, либо окажется другой фотографией, записанной на ту же пластинку, но под другим углом. В такой модели люди, рожденные с идентичными Θ -факторами, могут видеть мир через свою собственную призму, в то время как люди, рожденные с другим Θ -фактором, увидят мир под другим углом зрения. (Сравним, например, мир чувств Хемингуэя-Крейна с миром «безличного» мышления Эренбурга-Тычины).

При помощи Θ -факторного анализа, рассматривающего целые группы людей, представляющих ту же «пульсацию» творения, мы видели, что ранняя окружающая среда селестияльных близнецов зачастую отличалась необычным сходством. Так, Розенберг и Геринг рано остались без матери; у Асторов были отцы-тираны и тихие матери; Милош и Волошин были лишены общения со своими отцами; Крейн и Хемингуэй вели долгую вендетту против своих матерей; матери Уайльда и Каутского были творческими личностями; Юнг и Мачадо обожали своих интуитивных матерей, и т.д. Эти сходства семейных отношений были свойственны всем изученным селестияльным близнецам вне зависимости от культурных и религиозных различий их социальной среды.

Фарбер полагала, что если у идентичных близнецов, выращенных порознь, возникают одинаковые проблемы, то «реакции близнецов становятся наиболее похожими тогда, когда они были наиболее существенно разделены между собой, потому что тогда у них были наибольшие возможности «вынудить» окружающую среду вести себя таким образом, который наиболее подходил их стилю».³ Иными словами, по Фарбер, уже с момента рождения каждый ребенок наделен своей особой личностью и умеет манипулировать близким окружением в своих целях так, чтобы оно наилучшим способом соответствовало нуждам развития ребенка. Несмотря на то, что этот психологический подход вплотную сближается с современными астрологическими теориями, он не способен объяснить совпадения, которые происходили в семьях селестияльных близнецов еще до момента их появления на свет. Так, Милош и Волошин не могли «вынудить» своих отцов жениться на молоденьких девушках, 20 годами их младше, да еще исповедывавших другую религию. Крейн и Хемингуэй не могли «вынудить» своих матерей по имени Грейс видеть в профессиональном пении мечту своей жизни. Каутский и Уайльд не могли повлиять на выбор своих отцов жениться на девушках, бывших на 10 лет младше их и обладавших артистическими и литературными талантами. Гарнетт и Сэквилл-Уэст не могли повлиять на своих отцов, чтобы они женились на эксцентричных женщинах, пятью годами старше их. Фон Галем и фон Штауффенберг не могли повлиять на своих предков, чтобы они стали представителями знатных родов. И все герои этой книги не могли повлиять на традиционный астрологический анализ аспектов, появлявшихся в их картах, который достаточно точно отражал наиболее яркие характеристики семейной ситуации в момент рождения ребенка.

Тот факт, что исследованные селестиальные близнецы, выращенные порознь, тем не менее имели похожую семейную историю до момента рождения, а так же похожую раннюю среду, похожую внешность и телосложение в сочетании со схожестью интересов и творческих успехов, указывает на то, что Θ -фактор характеризует нечто большее, чем просто свойства отдельной личности. Можно предположить, что он соответствует некоей временной «единице исторического факта», введенной Уайтхедом. Согласно Уайтхеду: «Данные о любой пульсации действительности состоят из полной информации о предшествующей вселенной, постольку, поскольку они имеют отношение к этой пульсации. Они являются этой вселенной, зачатой в многообразии ее деталей. Эти многообразия являются предыдущими пульсациями, а также множеством форм, заложенных в природе вещей, либо в форме уже реализованных возможностей, либо в форме потенциала для возможной реализации. Таким образом, информация содержит в себе то, что было, то, что могло бы быть, и то, что может быть».⁴

В «Целях образования» Уайтхед писал: «Настоящее содержит в себе все, что есть. Оно стоит на твердой почве, потому что оно является и прошлым и будущим».⁵ Философ осмелился высказать предположение о том, что из данных о настоящем можно получить информацию, как о существовавших возможностях в прошлом, так и о будущих потенциалах. В этом смысле он ближе всего подошел к астрологии, пытающейся из данных о конкретном моменте времени составить себе как картину о прошлом, приведшем человека к сегодняшнему дню, так и о его будущих возможностях. Но в обоих случаях крайне важно подчеркнуть слова «потенциал» и «возможности». Знание звездных законов не должно ни ограничивать, ни вынуждать нас совершать определенный выбор. Наоборот, оно может освободить нас от предрассудков и страхов. Например, понимание законов гравитации Ньютона не только не приковало нас к Земле, а позволило оторваться от ее силы притяжения, чтобы долететь до Луны и до Марса. Понимание законов селестиальности сможет освободить нас от слепой воли рока и помочь выковать себе новую судьбу.

В науке пионером теорий о связи мышления с реальным миром стал физик-теоретик Дэвид Бом, утверждавший, что мысль сама по себе тоже является частью реальности как целого. Для Бом материальная действительность нашей жизни являлась видом иллюзии, подобной голографическому изображению. Бом также был убежден в том, что любая пространственно-временная точка нашего мира содержит в себе более глубокий порядок существования, включающий в себя прошлое, настоящее и будущее как мышления, так и вещества. В такой картине мира сознание всего человечества предстает единым целым.⁶ Результаты данного исследования прежде всего представляют первое экспериментальное подтверждение теории взаимосвязи всего сущего. Более того, они прокладывают дорогу как будущим экспериментам в этой области, так и тем, кто захочет пойти по пути создания нового «мы-сознания».

Это исследование представило значительное количество данных, свидетельствующих в пользу существования скрытого Θ -фактора. Тем не менее, оно не утверждает, что все люди, родившиеся в один день того же года, предречены иметь одинаковую судьбу. Сходство и различие, зеркальные отображения и антиподы,

люди, максимально использующие свои таланты, и люди, сознательно избегающие успеха... Все эти вопросы нуждаются в дальнейшем рассмотрении и, возможно, в новых подходах. В начале книги читателю предлагалось разделить с автором радость удивления – радость открытия поразительных и невероятных совпадений, скрывающихся за привычными, давно известными историческими фактами и биографиями замечательных людей. Хочется надеяться, что конец книги ознаменует рождение новой области науки – селестиального двойникового – интердисциплинарной науки, стоящей на границе между естественными науками и искусством, астрологией и философией, позволяя всем этим областям человеческого творчества гармонично сосуществовать.

Законы селестиального двойникового

В любой попытке навести мосты между областями существования, относящимися к духовным и к материальным аспектам нашей природы, время занимает ключевую позицию.
Артур Эддингтон

Это экспериментальное исследование проводилось без каких-либо предварительных теорий или ожиданий. Настало время уточнить определения и предложить возможные законы селестиального двойникового.

- Результаты данного исследования (сходство людей, родившихся в течение коротких интервалов времени, и их отличие от людей, родившихся в другие периоды времени) косвенно указывает на возможность того, что время не непрерывно, как это считается сегодня, а делимо. Этот результат совпадает с философией Уайтхеда, полагавшего, что атомизация – это необходимое условие реальности пространства и времени. Время, темпорализация, по Уайтхеду, является не непрерывным, а делимым, атомарным процессом. Для людей, удаленных от математики и философии, та же идея представлена в поэме В. Луговского «Середина века» на уровне яркой поэтической метафоры: «Время шло рывками». В данном исследовании был впервые введен интервал времени Θ , как длительность естественной единицы пульсации сотворения, креативности (по Уайтхеду креативность – это, созидаящая сила, принцип новизны).

- Θ – не является «точкой» во времени, а интервалом времени, содержащим семейство подобных моментов времени. Люди, рожденные в эти подобные моменты времени, относятся к тому же семейству селестиальных близнецов. Данное исследование ограничивалось рассмотрением интервалов времени, не превышающих 48 часов. Требуются дальнейшие исследования для более точных определений длительности интервалов симультанности.

- Фактор времени рождения, Θ -фактор, является третьим фактором – вдобавок к факторам наследственности и окружающей среды – влияющим на характер и судьбу человека.

- Селестиальные близнецы олицетворяют симультанные события и имеют параллельные жизни. Несмотря на то, что каждый человек неповторим, каждая группа селестиальных близнецов может рассматриваться как группа симметрии, подобная симметрии, изображенной на картине голландского художника Эшера «Circle Limit III». На первый взгляд все рыбки на этом рисунке различны; там есть крупные и мелкие рыбы, искаженные и повернутые рыбы, но, тем не менее, основной мотив остается тем же, и вся картина изображает нечто большее, чем сумму всех ее составных частей.

- Θ -фактор может быть описан как «скрытый» фактор, стоящий за генетическим фактором и фактором среды. В тот момент, когда становится известным влияние скрытого фактора, все явления, связанные с ним и казавшиеся ранее независимыми между собой, оказываются взаимосвязанными. Скорее всего, Θ -фактор проявляется на уровне, связанном с гиперпространством, лежащим за пределами нашего понятия четырехмерного пространства и времени. Дэвид Бом называл этот уровень действительности подразумевающим (заложенным) порядком, скрытым от нашего непосредственного видения (в отличие от нашего собственного уровня существования, представляющего явный (проявленный) порядок). Так как Θ -фактор представляет собой более глубокий порядок существования, то именно он отвечает за корреляцию между другими факторами (наследственности и среды) на уровне явного порядка. При взгляде на мир, как на цельный организм, состоящий из иерархии уровней, Θ -фактор является проявлением свойств высших иерархических уровней, характеризующий целый организм, и поэтому его свойства не могут быть предсказаны на основе свойств его проявлений на низших уровнях, характеризующих его составные части. Так же, как нельзя понять целый организм на основе анализа его составных частей, нельзя понять природу Θ -фактора, изучив лишь ее проявление на материальном уровне наследственности и раннего окружения. Сходство жизни столь разных селестиальных близнецов и многочисленные примеры проявления симультанности как на уровне событийного, так и на уровне идей, снов и мечтаний, соответствует гипотезе Бома о том, что в нашем мире все взаимосвязано и находится в голодвращении – универсальном движении свертывания и разворачивания, где, исходя из общности существования, материя и сознание являются неделимым целым.

- Единство, которое достигается в результате добровольного сотрудничества между селестиальными близнецами, при определенных условиях тождественного мировосприятия и совместных действий, может привести к высшему, «резонансному» состоянию творчества, символизирующему не столько механистическое объединение усилий, сколько подлинное слияние или синтез. Такое высшее состояние «слияния», с одной стороны, открывает новые горизонты для всего человечества, а с другой стороны, напоминает концепцию Уайтхеда об «объединении» организма («congruence»)⁷. Предварительные результаты о возможностях сотрудничества между селестиальными близнецами, приводящих к более четкому мировосприятию, указывают на то, что добровольные совместные усилия селестиальных близнецов могут стать важным шагом к достижению полного объединения и становления человечества.

В заключении хочется еще раз высказать надежду на то, что это исследование сестиниальных близнецов будет рассмотрено как новое свидетельство в пользу теорий Бома, рассматривающих «мышление и материю как два аспекта единого целого». По Бому, несмотря на то, что сегодня сознание и материя рассматриваются как «два параллельных потока, каким-то образом влияющих друг на друга», сознание и материя относятся к тому же уровню, и «на более глубоком уровне они на самом деле неразделимы и переплетены».⁸ Сегодня ученые в основном изучают материю, оставляя «сознание» или «душу» искусствам или астрологии, но хочется верить, что уже в ближайшем будущем появится новый тип ученых, таких как «художники чисел» Хлебникова, для которых сознание и материя будут единым организмом.

В завершение этой книги приведем древнюю мудрость Экклезиаста: «Всему свой час, и время всякому делу под небесами». Автор книги верит, что настало время «собирать камни», и из индивидуальных человеческих жизней складывать струны сестиниальных близнецов.

Сноски:

- ¹ P. Farmer, *Two, or the Book of Twins and Doubles, An Autobiographical Anthology* A Virago Book, GB, 1996, pp. 369–370.
- ² Литература о Сойерах: *The Dictionary of Art*, ed. Grove, Macmillan Publishers, LTD, 1996, vol. 29; Marks C., *World Artists 1950–1980*, New York, the H.W. Wilson Co., 1984; *Encyclopaedia Americana*.
- ³ Farber, p. 271.
- ⁴ A. Whitehead, Alfred North Whitehead, *An Anthology*, Cambridge University Press, 1953, p. 863. (Далее – Whitehead).
- ⁵ Whitehead, p. 88.
- ⁶ Например: D. Bohm, F.D. Peat, *Science, Order and Creativity*, London, Routledge, 1987.
- ⁷ Whitehead, p. 885.
- ⁸ D. Bohm, F.D. Peat, *Science, Order and Creativity*, London, Routledge, 1987, p. 186.

Научно-популярное издание

ЭЛИЗАБЕТА ЛЕВИН

СЕЛЕСТИАЛЬНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Под редакцией

Редакционно-издательская группа:

Над выпуском работали:
Художественное оформление обложки
Технический редактор и ответственный за выпуск
Компьютерная верстка и набор
Компьютерная графика
Корректор

Учитывая специфику книги, некоторые формулировки, постулаты,
выводы и т.д. напечатаны в авторской редакции

Издательство «Амрита-Русь»
107140, Москва, ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1
Тел./факс (495) 264-05-89, тел. 264-05-81
www.amrita-rus.ru. E-mail: info@amrita-rus.ru

Лицензия ИД № 02839 от 18.09.2000.
Подписано в печать Формат 70×100 $\frac{1}{6}$
Гарнитура Петербург. Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. 38,19.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л.
Тираж Заказ №
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов